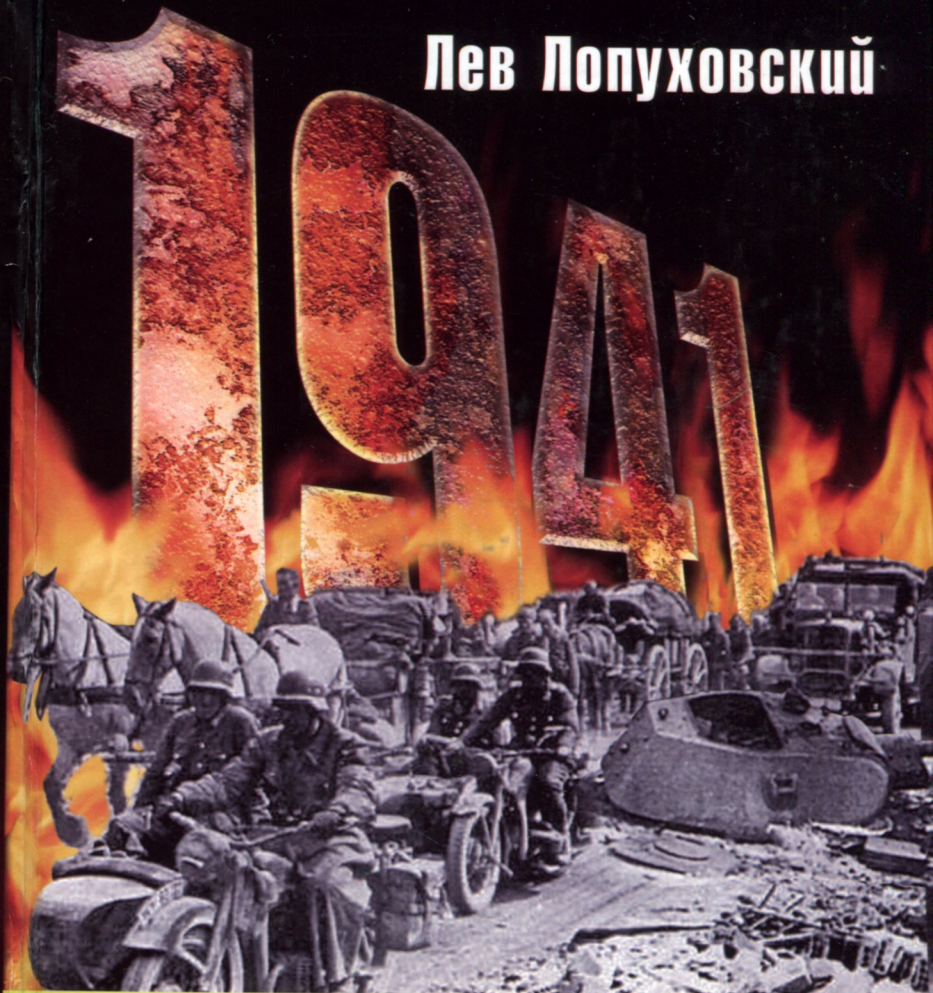

Лев Лопуховский

Вяземская
катастрофа

1941

Лев Лопуховский

Вяземская
катастрофа

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ

1941

Лев Лопуховский
1941
Вяземская
катастрофа

**ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ**

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКСМО»
2008

ББК 63.3(2)62
Л 77

Оформление серии художника *П. Волкова*

Ранее книга выходила под названием
«Вяземская катастрофа 41-го года»

Лопуховский Л.

Л 77 1941. Вяземская катастрофа. 2-е изд., перераб.
и испр. — М.: Яуза, Эксмо, 2008. — 640 с.

ISBN 978-5-699-30305-2

Вяземская катастрофа 1941 года стала одной из самых страшных трагедий Великой Отечественной, по своим масштабам сравнимой лишь с разгромом Западного фронта в первые дни войны и Киевским котлом.

В октябре 41-го, нанеся мощный удар на вяземском направлении, немцам удалось прорвать наш фронт — в окружение под Вязьмой попали 4 армейских управления, 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийский полк РГК; только безвозвратные потери Красной Армии превысили 380 тысяч человек. После Вяземской катастрофы судьба Москвы буквально висела на волоске. Лишь ценой колоссального напряжения сил и огромных жертв удалось восстановить фронт и не допустить падения столицы.

В советские времена об этой трагедии не принято было вспоминать — замалчивались и масштабы разгрома, и цифры потерь, и грубые просчеты командования.

В книге Л.Н. Лопуховского история Вяземской катастрофы впервые рассказана без умолчаний и прикрас, на высочайшем профессиональном уровне, с привлечением недавно рассекреченных документов противоборствующих сторон. Эта работа — лучшее на сегодняшний день исследование обстоятельств и причин одного из самых сокрушительных поражений Красной Армии, дань памяти всем погибшим под Вязьмой той страшной осенью 1941 года...

ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-699-30305-2

© Лопуховский Л., 2008
© ООО «Издательство «Яуза», 2008
© ООО «Издательство «Эксмо», 2008

*Моему отцу — командиру 120-го гап РГК
и его боевым товарищам,
павшим в боях под Вязьмой
в октябре 1941 года,
ПОСВЯЩАЮ*

От автора

Эту книгу я писал 40 лет — с тех пор, как всерьез занялся выяснением обстоятельств гибели отца, командира 120-го гаубичного артполка полковника Н.И. Лопуховского, числившегося пропавшим без вести в 1941 году, — и еще один год.

Последнее письмо семье отец написал 1 октября, когда вернулся в свой полк из госпиталя в Вязьме. Он, в частности, писал: «На все угрозы фашистов мы отвечаем ураганным огнем. Артиллеристов в плен им не захватить! Тому, что было в начале войны, пришел конец». Затем последовали долгие месяцы молчания. Его сослуживец и давний знакомый семьи из штаба артиллерии Западного фронта на письмо матери ответил, что на фронте произошли большие изменения и о Николае Ильиче он ничего не знает, никого из его боевых товарищей в последнее время не встречал.

Потом пришло извещение — «пропал без вести». Это хотя бы оставляло надежду, что не погиб, может быть, ранен, остался у партизан. Закончилась война. На все запросы в различные инстанции, в том числе и в архивы, ответ был одинаков — пропал без вести. В апреле 1959 г. из Главного управления кадров МО СССР я получил более подробное извещение: «Ваш отец, полковник ЛОПУХОВСКИЙ Николай Ильич, по данным ГУК, значится пропавшим без вести 30 ноября 1941 г. в бою с немецко-фашистскими захватчиками на Западном фронте. Никаких других, более подробных данных о его судьбе нет. Он, безусловно, погиб, но в связи с особой обстановкой, сложившейся на фронте, зафиксировать факт его гибели и сообщить об этом в центр или родственникам в то время было невозможно».

Естественно, мне захотелось узнать, что за особая обстановка сложилась на Западном фронте в ноябре 1941 г. Но никаких следов 120-го гап большой мощности Резерва Главного

Командования в ноябре найти не удалось. Зато выяснил, что в октябре этот полк входил в состав 19-й армии, которая тогда же попала в окружение под Вязьмой. На запрос в Центральный архив МО получил ответ, что 120-й гап был исключен из списков артиллерийских частей с 24 декабря 1941 г. и никаких документов военного времени на хранение в архив не поступало. Я стал искать сослуживцев отца. Прежде всего обратился с письмом к бывшему командующему 19-й армией М.Ф. Лукину. Михаил Федорович 3 декабря 1966 г. ответил также письмом, подтвердив, что 120-й гап действительно входил в состав армии. Но командира этого полка не помнит, так как армией стал командовать только с середины сентября и не успел лично познакомиться со всеми командирами. Я знал, что Лукин пишет воспоминания, и не терял надежды узнать хоть что-то об отце. Зимой 1969 г., за полгода до смерти М.Ф. Лукина (последовала 25.05.1970 г.), мне удалось проврататься к нему на беседу. Родственники его не хотели меня пускать, так как Михаил Федорович только что вернулся из госпиталя и неважно себя чувствовал. Однако тот услышал, что к нему кто-то пришел, и настоял, чтобы меня пропустили. Выглядел он очень плохо. Ничего нового об отце он сообщить не смог, высказав мнение, что он мог погибнуть в окружении или позднее в плену.

Рассказывая о ходе боев под Вязьмой, о той тяжелой обстановке, которая сложилась в окружении, о попытках проврататься из него (ниже я вернусь к его рассказу), генерал разволновался. Родные в приоткрытую дверь подавали мне знаки, чтобы я немедленно уходил. Несколько раз я вставал, чтобы выйти из комнаты, но Михаил Федорович приказывал мне садиться и продолжал свой рассказ. В частности, он спросил, читал ли я статью Конева в «Военно-историческом журнале», опубликованную в конце 1966 года? На мой отрицательный ответ генерал сказал:

— Вы, молодые, никогда не узнаете всей правды о вяземской трагедии, пока будут живы Конев, Буденный и другие причастные к этим событиям люди. А мои воспоминания вряд ли когда-нибудь опубликуют...

Командарм ошибся — его воспоминания были опубликованы в том же журнале через одиннадцать лет — в 1981 году. Содержание статьи разительно отличалось от того, что Лукин говорил мне при встрече. Редакторы здорово поработали над

текстом. Это и понятно — говорить правду о вяземских событиях тогда еще не пришло время. Но слова генерала Лукина подтолкнули меня узнать как можно больше о событиях под Вязьмой — может быть, найдутся следы отца? Решил как можно больше узнать о вяземской оборонительной операции и о том, что с нею связано. В открытых источниках о поражении советских войск говорилось весьма скупо. С трудом получил допуск в Центральный архив МО СССР. Работая с архивными документами, убедился, что многие события минувшей войны освещаются в печати весьма тенденциозно — в зависимости от желаний очередного «вождя». Умолчание и ложь только усиливали мое желание узнать правду. Попутно попытался узнать о сослуживцах отца, которые вернулись из плена и прошли спецпроверку. Их дела находились в ведении КГБ и МВД. В приемной два полковника, представлявших свои уважаемые ведомства, выслушав меня, ответили:

— Капитан, бросай это дело, а то можешь найти совсем не то, что ищешь, и будешь потом всю жизнь жалеть...

Но я решил продолжать свой поиск, о котором вкратце расскажу в конце книги. Сейчас скажу только, что обстоятельства гибели отца узнал через 38 лет после того, как это произошло при выходе из окружения под Вязьмой.

В годы хрущевской «оттепели» архивы несколько «приоткрыли». Это способствовало появлению книг и сообщений, содержание которых не всегда соответствовало официальной точке зрения. Многие тайное стало явным, и власти перепугались. 3 марта 1968 г. Л. Брежнев заявил своим соратникам по Политбюро:

«У нас появились за последнее время много мемуарной литературы... Освещают Отечественную войну вкривь и вкось, где-то берут документы в архивах, искажают, перевирают эти документы... Где эти люди берут документы? Почему у нас стало так свободно с этим вопросом?» [1]. Тогдашний министр обороны Гречко заверил генсека, что они наведут порядок в этом деле. И навели. Допуск к документам, хранящимся в архивах, был снова ограничен — допускались только официальные историки, умеющие держать нос по ветру. Конечно, надо же было готовить почву для воспевания подвигов очередного вождя и вошедших в фавор военачальников, чему могли помешать настырные исследователи.

Через 60 лет после окончания войны, 14.04.2005 г., вышел приказ рассекретить материалы до фронта включительно (раньше исследователи допускались к документам до армии включительно, и то под строгим контролем). Но тут же заработала комиссия, которая начала засекречивать отдельные дела, касающиеся наиболее острых моментов нашей военной истории. Направляла ее работу «умная» рука. Хотя иногда очень трудно, почти невозможно уловить логику в необходимости засекречивания того или иного документа. Очевидно, действуют по давно известному бюрократическому правилу — лучше переусердствовать в выполнении требований начальства, чем пропустить какую-либо «крамолу».

Попытки исследователей переосмыслить некоторые события в свете появления неизвестных ранее фактов до сих пор встречаются в штuki со стороны тех ученых и историков, которые в силу своего официального положения обязаны защищать любые, даже самые сомнительные, решения и действия военного и политического руководства страны в военные годы. По-прежнему замалчивается или искажается правда о наиболее тяжелых периодах в истории минувшей войны, когда наша армия порой терпела сокрушительные поражения. Некоторые начальники с большими звездами (правда, уже бывшие) публично, по телевидению или в письмах-доносах в высшие инстанции, призывают «заткнуть рот» тем, кто «осмелится бросить тень на славную историю советских Вооруженных сил». Особенно болезненно воспринимаются попытки выявить истинные потери наших войск в людях. Ведь при сопоставлении потерь войск сторон могут лопнуть, как мыльные пузыри, многие мифы и легенды, внедренные в свое время советским агитпропом в сознание своих граждан. Мне уже приходилось писать о манипуляциях с цифрами потерь Воронежского и Степного фронтов в Курской битве.

История требует к себе уважения, ее нельзя изменить — то, что произошло, можно скрыть только на время. А ложь только побуждает искать правду. В ходе поиска и анализа архивных документов я убедился, что мемуары некоторых видных военачальников в силу субъективных причин в значительной степени тенденциозны. В попытках оправдать свои решения и действия они часто интерпретируют события в свою пользу. Впрочем, авторы публикаций в недавнем прошлом даже при желании не могли многое сказать в условиях жест-

кой цензуры. А может быть, и сказали, но до читателей это не дошло благодаря усердию редакторов. И нужна большая кропотливая работа по сопоставлению сведений из различных источников информации, в том числе и альтернативных — документов бывшего врага, чтобы установить или хотя бы приблизиться к истине.

О наиболее сложном — начальном этапе московской оборонительной операции — отходе и боях в окружении под Вязьмой и Брянском сохранилось не так уж много сведений. Документы объединений и соединений, попавших в окружение, в основном были уничтожены. Сохранились те из них, что были переданы (и приняты) в высшие штабы. Но большая часть из них, особенно переговоры по средствам связи в звене фронт — Ставка ВГК, до сих пор засекречены. Интересно, что сразу по окончании боевых действий был издан приказ о сдаче в архив всех документов, дневников (их, несмотря на запрещение, многие все-таки вели), записей, карт, находящихся на руках. Знаменательный приказ. Властные инстанции уже тогда были озабочены, чтобы обеспечить единый «правильный» взгляд на историю войны. Например, в Центральном архиве Российской Федерации почему-то нет отдельного фонда 2-й стрелковой дивизии второго формирования (бывшей 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы). А она играла не последнюю роль в сражении под Вязьмой. Хорошо, что командир этой дивизии генерал-майор В.Р. Вашкевич в свое время не выполнил приказ о сдаче документов, которые он вынес при прорыве из окружения. Он писал о своей дивизии, выступал в журналах в период хрущевской «оттепели» и после. Теперь имеется возможность ознакомиться с ними без всяких изъятий.

В последнее время появился целый ряд серьезных работ, в которых более или менее объективно рассматриваются события битвы под Москвой (по ходу повествования я буду на них ссылаться). Однако многие важные моменты оборонительной операции, масштабы и причины катастрофы (многие как огня боятся этого слова, хотя его употреблял и маршал Г.К. Жуков) широкой общественности до сих пор неизвестны. Может, действительно прав был генерал Лукин, когда говорил, что всей правды о вяземской трагедии мы не узнаем, пока живы Конев, Буденный и другие причастные к ней люди? И вот уже в новой военной энциклопедии читаем, что, оказыва-

ется, «командующие фронтами (Конев и Буденный) в ходе операции не осуществляли маневр войсками на угрожаемые направления, не руководили их отходом и действиями окруженных войск». Но только ли командование фронтов виновно в вяземской катастрофе? Почему буквально за 2—3 дня боев рухнула оборона сразу трех фронтов на западном стратегическом направлении? Почему, несмотря на наличие в тылу подготовленных оборонительных рубежей, на шестой день немецкого наступления основные силы Западного и Резервного фронтов оказались в окружении? Наконец, почему окруженные войска не смогли вырваться из него и продержались, сковав врага, всего семь дней? Считаю, что 65 лет — достаточный срок, чтобы попытаться проследить, как развивались события, приведшие к катастрофе. Я намеренно сосредоточил внимание на первом этапе этой битвы, чтобы попытаться подробно, в деталях рассмотреть основные моменты сражения, оценив существующие мнения и выводы с позиций фактов, в том числе неизвестных или малоизвестных широкой общественности. Попутно выскажу свою позицию по поводу реальных потерь Красной Армии в людях в этих боях.

Книга написана на основе анализа документов, собранных мной за 40 лет поиска, а также трофейных немецких документов, хранящихся в соответствующем фонде ЦАМО РФ. В тексте будут приводиться выдержки из первичных документов разгромленного вермахта, которые в числе других архивов в качестве трофеев оказались в Национальном архиве (NARA) США. Прежде чем вернуть архивы Германии, американцы микрофильмовали их и сейчас за плату предоставляют всем желающим. Перевод этих документов выполнен полковником в отставке Ю.Д. Чупровым. Вообще, в эпоху Интернета возможность использования иностранных источников значительно упростилась. Сопоставление архивных документов противоборствующих сторон, а также других иностранных источников позволило выявить целый ряд случаев намеренного искажения истины в описании боевых действий и их результатов в наших официальных изданиях и мемуарной литературе. Их цитирование, конечно, несколько утяжеляет повествование. Но без этого обойтись не считаю возможным, так как в ряде случаев приходится доказывать несостоятельность некоторых стереотипов, укоренившихся в общественном сознании.

И еще один момент, за который заранее прошу извинения у читателей. Использование документов военного времени вызывает необходимость пользоваться картой. Но на современных и общедоступных картах порой невозможно найти населенные пункты, упоминаемые в них. Многие деревни и поселки стерты с лица земли в результате боевых действий или пали, как неперспективные, в борьбе с ярыми поборниками стирания различий между городом и деревней (теперь там, где был возделан каждый клочок земли, поля заболачиваются и зарастают кустарником). Они есть на топографических картах масштаба 1:100 000 довоенного издания, но они до сих пор считаются секретными. Некоторые населенные пункты пришлось искать на русской карте издания 1911 г. масштаба 1:300 000, копиями которой в ходе операции «Тайфун» пользовались немцы. На них сохранены русские названия (лишь некоторые важные пункты дублированы латинским шрифтом), нанесены вновь построенные участки железных дорог, а также оборонительные рубежи советских войск. Поэтому при описании боев с упоминанием исчезнувших населенных пунктов пришлось рядом в скобках указывать их положение относительно известных (или обозначенных на схемах) ориентиров. Это несколько затрудняет восприятие текста, впрочем, как и нудное для неподготовленного читателя перечисление номеров частей и соединений. Но я сознательно иду на это в надежде, что детали и подробности окажутся полезными тем читателям, родные и близкие которых погибли или пропали без вести в тех краях, и особенно исследователям, желающим глубже понять логику решений командования и действий войск сторон. Не исключено, что приведенные в книге сведения смогут использовать и поисковики при определении новых районов своей работы по розыску до сих пор не захороненных останков погибших советских воинов в целях увековечения их памяти.

К работе над этой книгой приступил с тяжелым сердцем — о победах писать легче. Но это мой долг перед отцом и его боевыми товарищами, солдатами и офицерами 120-го гап, павшими в боях за свободу и независимость нашей Родины. Над темой работал с намерением написать честную книгу. Насколько это получилось — судить читателям.

22 июля 2006 г.

Глава 1

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Общая обстановка на советско-германском фронте к сентябрю 1941 г. Действия советских войск на Западном стратегическом направлении. Группа армий «Центр» переходит к обороне, а войска Вейхса и Гудериана поворачивают на юг. Смоленское сражение. Контрнаступление советских войск. Духовщинская и Ельнинская фронтовые наступательные операции. Итоги Смоленского сражения.

Официально считается, что Московская оборонительная операция началась с 30 сентября 1941 г. — с момента начала операции «Тайфун». Однако следует учитывать, что с самого начала войны столица Советского Союза являлась главной целью для Германской армии. Еще до начала войны, 20 июня 1941 г., в документах генерального штаба сухопутных войск (ОКХ) было отмечено: «Москва — не только главная цель наступления в Центральной России, но и одна из важнейших целей на всей русской территории <...> Захват или разрушение Москвы парализует военный, политический и экономический руководящий аппарат и уничтожит важную базу советской власти» [2]. На разгром основных сил Красной Армии путем проведения блицкрига — молниеносной войны по плану «Барбаросса» — отводилось четыре месяца. О первоочередной задаче разгрома советских войск на московском направлении и захвате столицы России говорилось в журнале боевых действий Верховного командования вермахта (ОКВ): «Наступление на Москву сломает спинной хребет русского оборонительного фронта. В этом наступлении будут уничтожены все крупнейшие русские силы, потому что русские будут биться за Москву до последнего и беспрестанно вводить в сражение новые силы».

Сражения лета и начала осени 1941 г. самым непосредственным образом повлияли на ход и исход Московской оборонительной операции. Поэтому без рассмотрения боевых действий, предшествующих битве под Москвой, хотя бы самого краткого, не обойтись. Гитлеровское командование с самого начала нападения на Советский Союз основные усилия вермахта сосредоточило на Западном стратегическом направлении, создав на нем наиболее мощную группировку войск в составе группы армий «Центр». Между тем наше командование сосредоточило основные силы Красной Армии южнее р. Припять — на Юго-Западном стратегическом направлении. Этот просчет (наряду с целым рядом других причин) самым отрицательным образом сказался на результатах первых сражений начавшейся войны. К 10 июля танковые соединения ГА «Центр» продвинулись на 600 км, пройдя свыше трети пути от границы до Москвы. По мере успешного продвижения в глубину советской территории протяженность советско-германского фронта значительно увеличилась. Ударным группировкам врага пришлось действовать по расходящимся направлениям. Соответственно, резко снизилась оперативная плотность войск и ударная сила противника, к тому же понесшего большие потери в живой силе, вооружении и технике. Сил для одновременного наступления на всех стратегических направлениях уже не хватало. Тем более что Ставка Верховного Главнокомандования (ВГК) принимала все меры по наращиванию усилий на западном направлении, и сопротивление советских войск усиливалось с каждым днем.

30.06.1941 г. в командование Западным фронтом вступил генерал-лейтенант А.И. Еременко, но уже со 2 июля его на этом посту сменил маршал С.К. Тимошенко, который одновременно являлся Главнокомандующим войсками Западного направления¹. В состав Западного фронта были включены 19,

¹ Тимошенко Семен Константинович (18.02.1895 — 31.03.1970), Маршал Сов. Союза (1940). Участник Первой мировой войны, с августа 1918 г. — командир полка, участник обороны Царицына. Последовательно командовал кавбригадой, кавдивизией в составе 1-й Конной армии, кавкорпусом, рядом военных округов. С января 1940 г. — командующий Северо-Западным фронтом, войска которого осуществили прорыв линии Маннергейма, с мая 1940 г. — нарком обороны СССР. Член Ставки ВГК, зам. наркома обороны. Герой Советского Союза (21.03.1940).

20, 21 и 22-я резервные армии второго стратегического эшелона. Однако только 24 дивизии из их состава заняли назначенные рубежи. С учетом возможности дальнейшего продвижения противника в тылу фронта разворачивались еще четыре вновь сформированных объединения (29, 30, 31 и 32-я армии), которые вместе с 24-й и 28-й армиями с 14 июля составили Фронт резервных армий.

К 10.07.1941 г. наши вооруженные силы потеряли 11 783 танка, в действующей армии осталось всего 1731, из них — 1214 легких [3]. Когда Гитлеру доложили о числе уничтоженных и захваченных русских танков, он заявил в узком кругу своих приближенных, что если бы он знал о их количестве и качестве, то никогда бы не начал поход на Восток. Потерпевшие поражение в приграничных сражениях войска отводились в тыл для переформирования и доукомплектования. А войска резервных армий, прибывшие из глубины страны, еще не успели полностью сосредоточиться. Об устойчивой обороне в этих условиях говорить не приходилось. В таких исключительно трудных условиях для наших войск развернулось Смоленское сражение, которое началось 10 июля и затянулось на два месяца — срок, на который совершенно не рассчитывало немецкое командование.

Несмотря на принимаемые Ставкой ВГК меры, остановить противника не удавалось. И на первом этапе, с 10 по 20 июля, гитлеровцам удалось добиться серьезного успеха. К 16 июля противник прорвал оборону Западного фронта и захватил Оршу, Смоленск, Ярцево и Духовщину¹. 7-я танковая дивизия противника ударом со стороны Духовщины захватила Ярцево и перерезала автостраду Смоленск — Москва. 19, 20 и 16-я армии Западного фронта оказались в оперативном окружении в районе Смоленска. С этого времени в этом районе не прекращались ожесточенные бои. 16 июля Главнокомандующий Западным направлением донес в Ставку: «Подготовленных в достаточном количестве сил, прикрывающих направление Ярцево, Вязьма, Москва, у нас нет. Главное — нет танков».

¹ Д у х о в щ и н а — районный центр в 50 км северо-восточнее Смоленска, важный узел дорог, идущих на Ярцево, Смоленск, Пречистое и Демидов.

Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин

Главнокомандующий Западным направлением, командующий войсками Западного фронта
Маршал Советского Союза
С.К. Тимошенко

Однако 20 июля И. В. Сталин в ходе переговоров по прямому проводу с Главкомом Западного направления маршалом С.К. Тимошенко сказал:

«Вы до сих пор обычно подкидывали на помощь фронту по две, по три дивизии, и из этого ничего существенного не получалось. Не пора ли отказаться от подобной тактики и начать создавать кулаки в семь-восемь дивизий с кавалерией на флангах... и нацелить всю эту группу на район Смоленска, чтобы разбить и вышибить противника из этого района, отогнав его за Оршу.

Я думаю, что пришло время отказаться от крохоборства и перейти нам к действиям большими группами».

При этом И.В. Сталин потребовал начать наступление в ближайшие дни. Тимошенко не посмел возразить вождю и в этот же день издал директиву о проведении операции по окружению и разгрому противника в районе Смоленска и деблокированию окруженных там войск 16-й и 20-й армий (боевые действия в ходе Смоленского сражения показаны на схеме 1). За счет Фронта резервных армий (29, 30, 24 и 28-я армии), ко-

которые заканчивали сосредоточение и развертывание на рубеже Осташков, Ржев, Ельня, Брянск, было создано несколько оперативных групп войск (всего 20 дивизий). В целях повышения боевых возможностей в каждую стрелковую дивизию, предназначенную для наступления на направлениях ударов, включили по одному танковому батальону, а в группу генерала Качалова — 104-ю танковую дивизию. Опергруппы должны были нанести одновременный удар по сходящимся направлениям на Смоленск и во взаимодействии с 16-й и 20-й армиями, сражавшимися в тылу противника, разгромить группировку противника севернее и южнее города. Для дезорганизации управления войсками моголевско-смоленской группировки противника и работы его тыла и содействия войскам, наступавшим с фронта, была создана кавалерийская группа в составе трех кавалерийских дивизий.

Поставленная задача явно не соответствовала боевым возможностям войск фронта. Главком Западного направления С.К. Тимошенко отдал приказ войскам 16-й и 20-й армии Западного фронта перейти в наступление с задачей в течение 30—31 июля овладеть Смоленском. Войска этих армий были измотаны и обессилены непрерывными боями в течение месяца и были не способны выполнить эту задачу. Вновь назначенный (с 19 июля 1941 г.) командующий войсками Западного фронта генерал-лейтенант А.И. Еременко доложил свои соображения о нереальности поставленной задачи маршалу С.К. Тимошенко, который якобы согласился с его доводами и предоставил ему право самому решать этот вопрос. По словам Еременко, он принял на себя тяжелую ответственность, отказавшись от попыток организовывать это наступление. Сей пассаж в его воспоминаниях не совсем понятен — он что же, решил саботировать решение Ставки ВГК?

Скорее всего, отказ от немедленного перехода в наступление был вызван значительно ухудшившейся обстановкой в районе юго-восточнее Смоленска. Части 10-й танковой дивизии противника внезапным ударом 19 июля сломили слабое сопротивление 19-й сд и захватили Ельню. Предпринятая 20.07 в 9.30 контратака частей 19-й сд с 20 танками Т-26 успеха не имела. Противнику удалось создать здесь плацдарм, довольно далеко выдвинутый на восток. Здесь, в излучине р. Десна, находился важный узел дорог, удобный для развертывания войск, предназначенных для будущего наступления на нахо-

дсящуюся всего в 300 км Москву. Выход гитлеровцев на линию Великие Луки, Ярцево, Ельня сделал еще более тяжелым положение Западного фронта, у которого почти не осталось резервов.

Ввод в сражение на западном направлении войск Фронта резервных армий позволил лишь несколько изменить количественное соотношение в силах (главным образом в людях) в нашу пользу на некоторых участках фронта. С 21 июля по 7 августа советское командование попыталось организовать и провести контрнаступление с целью срыва наступления врага на главном стратегическом направлении. Маршал Тимошенко докладывал в Генштаб: «Я все, что в моих силах, сделал, собрал и направил на усиление Хоменко и Калинина. Но Вы знаете, что пушек у меня нет, самолетов нет и людей очень мало».

В ходе боевых действий, кроме района Смоленска и Ельни, образовался новый очаг борьбы — на р. Сож и в междуречье Днепра и Березины. Для удобства управления войсками из 13-й и 21-й армий левого крыла Западного фронта и выдвинутой из резерва 3-й армии 24 июля был создан самостоятельный Центральный фронт под командованием генерал-полковника Ф.И. Кузнецова. Членом Военного совета фронта был назначен П.К. Пономаренко, начальником штаба — полковник Л.М. Сандалов. В конце июля на Смоленщине с новой силой развернулись наступательные и оборонительные бои.

Первой 23 июля нанесла удар в районе Рославля группа генерал-лейтенанта В.Я. Качалова (сд — 2, тд — 1). На следующий день из района юго-западнее Белый перешла в наступление группа генерал-майора В.А. Хоменко. В эту группу, кроме трех дивизий 30-й армии (242, 251 и 250-я сд), входили также одна дивизия из состава 19-й армии и 107-я мотострелковая дивизия, имевшая около 200 танков (из них более половины были устаревшие Т-26). Группа генерала С.А. Калинина в составе 53-го стрелкового корпуса (91-я и 166-я сд) получила задачу наступать из района 30 км северо-восточнее Ярцево в юго-западном направлении и во взаимодействии с группой генерал-майора В.А. Хоменко уничтожить смоленско-ярцевскую группировку противника. К сожалению, вместо того чтобы создать мощный танковый кулак на одном из направлений (главном), решили усилить дивизии опергрупп генералов Калинина и Хоменко одним танковым батальоном в составе

21 танка каждую (10 Т-34, 11 БТ или пушечных Т-26). Для этого из 110-й и 102-й танковых дивизий изъяли 60 танков Т-34 и 60 БТ (пушечных Т-26). Группа генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского (сд — 2, тд — 1) в течение нескольких дней отражала атаки противника, пытавшегося прорваться к Ельне и Вязьме, и только 28 июля смогла нанести удар. Последней выступила группа генерала И.И. Масленникова (252, 256 и 243-я сд, два бронепоезда).

Бои сразу приняли встречный характер и были крайне ожесточенными. Взаимодействие между группами и с войсками 16-й и 20-й армий в районе Смоленска организовать не удалось, и контрнаступление не достигло поставленной цели. При этом наши войска понесли большие потери. Немецкое командование стремилось замкнуть с востока кольцо окружения вокруг 16-й и 20-й армий, оборонявшихся в районе Смоленска и северо-западнее его. С этой целью противник 26—27 июля нанес также удар силами 7-й танковой и 20-й моторизованной дивизий из района северо-западнее Ярцево на юг, в направлении Соловьево, где находилась чрезвычайно важная для окруженных армий переправа через Днепр. Одновременно с юга из района западнее Ельни в том же направлении нанесла удар частью сил 17-я танковая дивизия.

Примером решительности и мужества советских войск служат их действия в районе Ярцево. В эти дни немногочисленная группа войск под командованием генерала-лейтенанта К.К. Рокоссовского внезапно для врага перешла в наступление, с ходу освободила этот город, форсировала реку Вопь и захватила на ее западном берегу выгодные позиции, где и закрепилась. Все попытки врага отбросить советских воинов за реку и вернуть Ярцево были успешно отбиты. К.К. Рокоссовский вспоминал: «В бою за овладение Ярцево самым чувствительным были для нас удары с воздуха. И то, что мы, несмотря на это, добились успеха, говорило о мужестве и героизме войск».

Разгромить смоленскую группировку противника не удалось, но активные действия опергрупп способствовали выходу 16-й и 20-й армий из окружения, соединения которых продолжали вести упорные бои сначала в полуокружении, а с 27 июля — в окружении в районах севернее и западнее Смоленска. Войска под общим командованием генерал-лейтенанта П.А. Курочкина сковали до 10 дивизий противника (из

них три танковые и две моторизованные). Кроме того, свыше шести вражеских дивизий было задействовано на внешнем фронте окружения для отражения попыток деблокады ударами извне. По мере развертывания боев в районах Духовщины, Ярцева, Ельни вражеское командование усилило внешний фронт еще двумя дивизиями. Все это в конечном счете не позволило группе армий «Центр» развить успех из района Смоленска в направлении Дорогобуж, Вязьма и способствовало созданию сплошного фронта советских войск восточнее Смоленска. В журнале боевых действий ОКХ было отмечено, что противнику удалось на несколько недель исключить непосредственную угрозу Москве и этим добиться большого политического успеха.

28 июля группа Рокоссовского нанесла контрудар. В ходе боев маленький смоленский городок Ярцево неоднократно переходил из рук в руки. В районе Соловьево завязались ожесточенные бои. В результате удалось пробить коридор во внешнем кольце окружения шириной до 10 км, в пределах которого были оборудованы пять переправ через Днепр. В целях их удержания Рокоссовским был сформирован подвижный отряд во главе с полковником И.К. Лизюковым¹, усиленный пятнадцатью танками. Этот отряд сыграл большую роль в отражении непрерывных атак противника с севера и юга, стремившихся прорваться к переправам.

5-й механизированный корпус не смог пробиться к Соловьевской переправе, и был направлен в район Ратчино, где с боями переправился через Днепр. Главные силы 20-й армии, прорвав окружение, вышли к Днепру в районе Заборье на фронте в 20 км, где к 3 часам 3 августа были подготовлены четыре переправы. В первую очередь начали переправлять больных и раненых, затем пехоту, автотранспорт. Всего за Днепр было переправлено около 3 тыс. раненых и больных 16-й и 20-й армий. Тяжелая артиллерия и тяжелые грузы переправлялись у Соловьево. Переправа, продолжавшаяся несколько дней, проходила под воздействием артиллерийского огня и авиации противника.

¹ Лизюков И.К. — генерал-майор, Герой Советского Союза, будущий командующий 5-й танковой армией, затем командир 2-го танкового корпуса, погиб в бою 23 июля 1942 г.

В боях наши войска понесли огромные потери. Дивизии 20-й и 16-й армий, согласно докладу Военного совета Западного направления о причинах отхода наших войск из Смоленска, буквально «растаяли» в длительных, непрерывных боях (в ряде случаев в них осталось по 1—2 тыс. бойцов). Они сражались в условиях острого недостатка боеприпасов и горючего, которые доставлялись в последние дни в ограниченных размерах только по воздуху (каждую ночь 10 самолетов ТБ-3). Военный совет 16-й армии 5 августа доложил, что дивизии, в которых остались десятки людей без командиров и штабов, в настоящее время вести бой не смогут. Для приведения их в порядок и доукомплектования требуется несколько дней¹. В связи с этим они были отведены в тыл для переформирования, а управление армией Лукина было передано в опергруппу Рокоссовского, которая с этого момента получила наименование 16-й армии. Генерал М.Ф. Лукин возглавил 20-ю армию.

Всего за последнюю декаду июля — с 21 по 31.07 — войска Западного фронта потеряли 105 723 человека (в том числе пропавшими без вести — 46 827 человек, или 44% от общих потерь). К этому числу надо добавить потери поддерживающих частей — 6157 человек. За это же время 19-я армия потеряла 18 284 человека, из них убитыми примерно 4 тыс., пропавшими без вести — в два раза больше.

Немцы явно переоценивали свои успехи. 23 июля Гитлер в беседе с главнокомандующим сухопутными войсками В. Браухичем и начальником штаба Ф. Гальдером еще раз подтвердил, что «в основном имеются три цели: 1. Район Ленинграда. Важен как промышленный центр и с точки зрения военных действий на море. Цитадель большевизма. 2. Район Москвы. 3. Украина с ее промышленными центрами и нефтяные районы восточнее Украины». Поэтому, пояснил он, «после окончания боев в районе Смоленска 2-я и 3-я танковые группы должны разойтись одна вправо, другая влево, чтобы оказать поддержку войскам групп армий «Юг» и «Север». Группа армий «Центр» должна вести наступление на Москву силами одних пехотных дивизий <...>» [4].

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 6. Л. 300.

В ставке Гитлера. Слева направо: В. Браухич,
А. Гитлер, Ф. Гальдер. 1941 г.

Учитывая, что почти половина сил фон Бока была задействована для обеспечения флангов, а остальные скованы активными действиями с фронта, Гитлер был вынужден отдать распоряжение о прекращении наступления на Москву [5]. Группе армий «Центр» было приказано 30 июля перейти основными силами к обороне. Ей разрешалось вести наступательные действия лишь с ограниченной целью.

Вопреки предложениям ОКХ, Гитлер решил использовать благоприятную обстановку, сложившуюся в результате выхода войск фон Бока на линию Гомель, Почеп, для проведения операции смежными флангами группы армий «Центр» и «Юг» по сходящимся направлениям. Целью операции провозглашалось полное уничтожение группировки противника, противостоящей группе армий «Юг», прежде чем русские успеют отойти. Группа армий «Центр» должна была выделить на проведение этой операции «такое количество сил, которое обеспечило бы выполнение задачи <...> и в то же время позволяло группе армий отражать атаки противника на Центральном направлении на таком рубеже, оборона которого потребовала бы минимального расхода сил».

С 8 августа центр боевых действий переместился на юг. В этот день 2-я танковая группа генерал-полковника Гудериа-

на и 2-я полевая армия генерал-полковника Вейхса (всего 25 дивизий, из них 6 танковых и моторизованных) перешли в наступление против Центрального фронта в направлениях Могилев, Гомель и Рославль, Стародуб. 13-я и 21-я армии фронта, растянутые в одну линию, не смогли сдержать удара противника и начали отходить в южном и юго-восточном направлениях. Отход войск Центрального фронта облегчил противнику выход в глубокий тыл Юго-Западного фронта. Одновременно между Резервным и Центральным фронтами образовался большой разрыв.

Понимая уязвимость этого направления, Ставка ВГК 14 августа приняла решение о создании между Резервным и Центральным фронтами Брянского фронта из остатков 13-й и вновь формируемой 50-й армий. Позднее в его состав была включена 3-я армия. Командующим фронтом был назначен А.И. Еременко, которому присвоили звание генерал-полковника¹. Он был вызван в Ставку, где Сталин лично поставил ему задачу: прочно прикрыть Брянское направление и активными действиями разгромить основные силы 2-й танковой группы Гудериана. Командующий держался уверенно и заявил Верховному: «Да, враг, безусловно, очень силен и сильнее, чем мы ожидали, но бить его, конечно, можно, а порою и не так уж сложно. Надо лишь уметь это делать». В последующие дни он еще не раз заверял Сталина, что, безусловно, в ближайшие дни разобьет «подлеца Гудериана». К сожалению, во время войны такими заверениями грешил не один Еременко.

Последующие события показали, что расчет на успешные действия Брянского фронта был ошибочным. Перегруппировка войск фронта шла медленно. Противник же, упреждая действия войск генерала Еременко, постоянно срывал планомерное сосредоточение их для контрударов. Немецкие войска к 21 августа продвинулись на глубину 120—140 км и, выйдя на рубеж Новозыбков, Стародуб, охватили с востока и запада 21-ю армию. Связь между Центральным и Брянским фронтами нарушилась.

¹ Еременко Андрей Иванович (2.10.1892—19.11.1970) — в Гражданскую войну начальник разведки, затем начальник штаба кавбригады. С 1920 г. командовал кавполком, кавдивизией, а с 1938 г. — кавкорпусом, с 1940 г. — командующий армией на Дальнем Востоке. С июля 1941 г. — зам. командующего Западным фронтом.

Командующий войсками Брянского фронта генерал-полковник А.И. Еременко

Командующий 2-й танковой группой генерал-полковник Г. Гудериан

24 августа 1941 г. состоялись переговоры Верховного Главнокомандующего и начальника Генштаба с генерал-полковником Еременко об обстановке в полосе Брянского фронта. Сначала Еременко подробно за каждую дивизию доложил Шапошникову о сложившейся обстановке.

Далее приводятся выдержки из записи переговоров:

«Шапошников: Какой план Вы принимаете, если бы последовала атака Гудериана завтра или послезавтра? **Имейте в виду, что его главная группировка нацелена против 217, 279 сд** (выделено мною. — Л.Л.). Поэтому необходимо здесь усилить второй эшелон и разбросать мины, дабы не допустить развития его наступления на Жиздра и в обход Брянск с севера. Все.

Еременко: Если противник поведет атаку на фронте Почеп и севернее, то я здесь, имея 3 противотанковые полосы, сначала думаю разбить его на этих противотанковых рубежах, а затем контратакой трех стрелковых и одной танковой дивизий добить его. Относительно севера, т.е. на участке 217, 279 дивизий, сейчас приму меры к высылке саперов и сосредоточивающуюся дивизию в районе Сельцо нацелю в этом направлении.

Шапошников: Пополняете ли Вы сейчас 13 армию? Ее нужно срочно восстанавливать...

Еременко: Относительно 13 армии принимаю все меры ее восстановления. Уже 10 000 пополнения дано и две дивизии, которые прибыли и включены в ее состав. Также включена в ее состав 4 кавдивизия. Передано 17 танков, прибывших для восстановления 50 тд.

Шапошников: Вы мне не ответили на вопрос, как Вы смотрите на действия 55 кд?

Еременко: Хорошо. 55 кд может перейти на партизанские действия, но только надо самому Калмыкову поддать перцу (любимое выражение Еременко. — Л.Л.). Я хотел бы поставить еще один вопрос относительно пикирующих бомбардировщиков в связи с тем, что перед фронтом действуют подвижные войска противника и затруднить их маневр могут пикирующие бомбардировщики. Они хороши главным образом для действий по мостам и по узким дефиле. Это я знаю из опыта, как нам затруднял противник под Смоленском своими пикирующими бомбардировщиками, поэтому прошу дать один полк Пе-2, желательно 244 краснознаменный полк. Кроме того, для систематического ночного воздействия на противника дать одну эскадрилью ТБ-3, а также прошу дать 10 шт. У-2 для связи.

Сталин: У аппарата Сталин. Здравствуйте! У-2 Вам уже отправлены, ТБ-3 получите, Пе-2 полка два или даже 3 можем немедленно отправить Вам. У меня есть к Вам несколько вопросов.

1. Не следует ли расформировать Центральный фронт, 3 А соединить с 21 и передать в ваше распоряжение соединенную 21 армию. Я спрашиваю об этом потому, что Москву не удовлетворяет работа Ефремова.

2. Вы требуете много пополнения людьми и вооружением. Из ваших заявок я вижу, что Вы исходите из старых штатов 17 000 чел. на дивизию. Но у нас имеется решение не иметь больше 17 000 [тысячных] дивизий в виду громоздкости тылов, а иметь 11 000 в дивизии. Если же в старых дивизиях сохранились оба полка артиллерии, то можно иметь в дивизии до 13 000. В самом крайнем случае до 15 000, но не больше. Я прошу Вас руководствоваться при составлении заявок на пополнение этими соображениями.

3. Мы можем послать Вам на днях, завтра, в крайнем случае послезавтра, 2 танковые бригады с некоторым количест-

вом КВ в них и 2—3 танковых батальона. Очень ли они нужны Вам?

4. Если Вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать еще несколько полков авиации и несколько батарей РС. Ваш ответ?

Еременко: Отвечаю.

1. Мое мнение о расформировании Центрального фронта таково: в связи с тем что я хочу разбить Гудериана и безусловно разобью, то направление с юга нужно крепко обеспечить, а это значит прочно взаимодействовать с ударной группой, которая будет действовать из р-на Брянск. Поэтому прошу 21 армию, соединенную с 3 армией, подчинить мне. Относительно пополнения: тут, по-видимому, вкралась где-либо ошибка. Я, наоборот, те дивизии, которые восстанавливаются 13 армии, поставил задачу укомплектовать их на первое время хотя бы до 6000 и не требовал 17 000. Тут просто, по-видимому, неопытные наши работники просто напутали.

Я очень благодарен Вам, товарищ Сталин, за то, что Вы укрепляете меня танками и самолетами. Прошу только ускорить их отправку. Они нам очень и очень нужны. А насчет этого подлеца Гудериана, безусловно, поставаем задачу, поставленную Вами перед нами, выполнить, т. е. разбить его.

Сталин: Мы думаем, что можно было бы тов. Ефремова снять с фронта и сделать его вашим заместителем, если Вы этого хотите... Учтите, что 21 армия получила уже или получит 27 000 пополнения. Мы думаем, что работников 3 армии Вы могли бы использовать для усиления вашего фронтового штаба. Что касается фронтового штаба Центрального фронта, то его работников мы хотели бы получить в Москву.

Один вопрос. Как действуют у вас штурмовики Ил-2? Все.

У меня к Вам больше вопросов нет, будут ли вопросы мне.

Еременко: Отвечаю на первый вопрос. Я не возражаю против назначения Ефремова заместителем командующего Брянским фронтом. Относительно штаба 3 армии я просил бы его использовать как штаб армии, посадив его на фронте между 50 и 13 А с подчинением ему 3 стрелковых и одной кав. дивизий, ибо сейчас в армиях по 10—11 единиц и мне трудно управлять в армиях, и назначить командующим этой армией генерал-майора Крейзера, проверенного мною, в боях показавшего исключительные командирские качества. Он сейчас командует 10 мотодивизией на Зап. фронте.

Второй вопрос. Я Вам сегодня послал доклад шифром, в котором прошу командармом 13 назначить генерал-майора Городнянского, командира 129 дивизии. Он тоже проверен в боях и показал большие тактические способности и непреклонную волю к победе. Относительно штурмовиков Ил-2; летчики и все командиры в восторге от их действий. Они-то, посутидела, за два дня значительно нанесли поражение противнику и заставили топтаться на месте группу Гудериана.

Сталин: Хорошо. Сделаем, как Вы предлагаете...

Досвидания! Желаю успеха.

Еременко: До свидания, товарищ Сталин! Хорошо, буду ждать...»¹.

Показательно, что начальник Генштаба не исключает удара главных сил Гудериана в обход Брянска с севера — в восточном и северо-восточном направлениях. Оценивая намерения врага, в директиве № 001253 от 25 августа 1941 г. Ставка ВГК делает вывод:

«1. Противник, обороняясь на направлениях Белый, Вязьма, Спас-Деменск, сосредоточивает свои подвижные силы против войск Брянского фронта, по-видимому, с целью нанести в ближайшие дни удар на направлении Брянск, Жиздра» [6].

Для советского командования казалось невероятным, что враг может решиться снять силы с главного — московского направления, где наметился наибольший успех, и повернуть на юго-восток. Впрочем, как стало позднее известно, что против такого решения Гитлера выступали даже его наиболее опытные генералы. Гудериан, говоря о совещании в штабе группы армий «Центр» 23 августа, много позже вспоминал:

«<...> Гальдер сам [был] глубоко потрясен тем, что его план развития наступления на Москву потерпел крах. <...> Мы все были глубоко уверены в том, что планируемое Гитлером наступление на Киев неизбежно приведет к зимней кампании со всеми ее трудностями, которую ОКХ хотело избежать, имея на это все основания» [7].

Гудериану противоречит фельдмаршал Ф. Паулюс. В беседе с представителем советского командования 8 июня 1948 г. на вопрос, чем был вызван поворот на юг 2-й танковой группы Гудериана и 2-й армии, он ответил:

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 63. Л. 55—60.

«Решающим направлением была Москва. <...> Прямая атака на Москву после выхода группы армий «Центр» к Смоленску не могла быть произведена по той причине, что с юга следовало ожидать удара сильной группировки советских войск. Случилось это потому, что группа армий «Юг» потеряла темп и ее продвижение отставало от запланированного. Группа армий «Юг» встретила сильное сопротивление под Киевом <...> Возникла необходимость либо усиления этой группы армий, либо ускорения ее продвижения. В связи с этим планировался поворот на юг двух армий <...> После этого предполагалось перебросить танковые силы на московское направление, в том числе и часть сил 1-й танковой группы.

Интересно было то, что поворот этих двух армий на юг был предложен не главным командованием сверху, а самими армиями, которые обосновывали это тем, что их дальнейшее продвижение на восток является трудно выполнимой задачей, т.к. им все время будет угрожать противник с юга.

Основываясь на этом, **2-я танковая группа и 2-я армия предложили провести удар на юг** (выделено мною. — Л.Л.), окружить находящиеся там русские войска и затем ввести общие силы на прежнее — московское направление. Однако проведение такого маневра привело к большой потере времени, вследствие чего начавшееся в октябре наступление на Москву совпало с периодом распутицы и его темп оказался сорванным». Генералы вермахта использовали любую возможность, чтобы вину за поражение свалить на Гитлера. Задним числом они поняли, что не учли в свое время особенности метеорологических условий театра военных действий. У пленного же фельдмаршала не было причин для уловок подобного рода.

Зато это прекрасно понимали и в Ставке ВГК. Там решили не давать передышки врагу. Согласно вышеприведенной директиве Ставки ВГК, Брянский фронт должен был перейти 2 сентября 1941 г. в наступление с задачей разбить группировку противника, сосредоточивающуюся в районе Дубровка, Почеп, Сураж (имелась в виду 2-я танковая группа Гудериана. — Л.Л.), и в дальнейшем выйти на фронт Петровицы, Осмоловичи, Бел[ая] Дубрава, Гута-Корецкая. В его состав с 25 августа включались войска Центрального фронта, который

подлежал расформированию. Задача Брянского фронта была увязана с действиями других фронтов. Соседний Резервный фронт — 30 августа левофланговыми 24-й и 43-й армиями перейти в наступление с задачами: покончить с ельнинской группировкой противника и, нанося в дальнейшем удары в направлениях Починка и Рославля, к 8 сентября 1941 г. выйти на фронт Долгие Нивы, Хиславичи, Петровичи. Западный фронт — развивать наступление с задачей к этому же сроку выйти на фронт Велиж, Демидов, Смоленск.

Таким образом, советское руководство по-прежнему не отказывалось от попытки перехватить стратегическую инициативу путем проведения наступательных операций силами трех фронтов. При этом Ставка ВГК потребовала хорошо организованной и систематической разведкой во всех войсковых звеньях исключить какие бы то ни было неожиданности со стороны противника. В ходе наступления войска должны были обязательно закреплять захваченные в процессе операции у противника рубежи и пункты, путем немедленного устройства оборонительных сооружений, хорошо увязывать по времени и месту действия пехоты, артиллерии, авиации и танков. Как говорится, в воздухе висело решение — выигрывать время, чтобы мобилизовать человеческие и материальные ресурсы страны и затянуть боевые действия до зимы.

23 августа 2-я полевая армия и 2-я танковая группа повернули на юг. Группе армий «Центр», действовавшей на московском направлении, было приказано временно перейти к обороне в готовности отразить возможные удары русских и подготовиться к последующему наступлению на Москву. Тем самым немцы, следуя принципу экономии сил, перешли к последовательному решению поставленных Гитлером задач.

25 августа войска Вейхса из района Гомель, Новозыбков и Гудериана из района Почеп начали наступление в направлении Чернигов, Нежин и Конотоп, Прилуки. Уже 27 августа противник силами танковой и моторизованной дивизий прорвал оборону на левом фланге 13-й армии Брянского фронта в районе Почеп, Стародуб и стал продвигаться в направлении на Новгород-Северский. 21-я армия, переданная фронту 25 августа, была к этому времени обойдена с востока и запада силами 2-й танковой группы и 2-й армии гитлеровцев. Потеряв связь с соседями, она начала поспешный отход на юг к Десне. Разрыв между нею и остальными войсками Брянского

фронта увеличился до такой степени, что никакого руководства ее действиями осуществить было уже невозможно.

В связи с поворотом значительных сил противника на юго-восток для нанесения ударов по правому флангу и тылу Юго-Западного фронта наше командование пришло к выводу, что враг в ближайшее время не сможет продолжать наступление на Москву. В то же время нельзя было не учитывать, что группа армий «Центр» может попытаться в ближайшее время разгромить войска Центрального фронта. В сложившейся обстановке Ставка 27 августа дала указание командующему ВВС КА генералу П. Ф. Жигареву подготовить и в период 29.08—04.09.1941 г. провести воздушную операцию с целью разгрома танковой группы Гудериана в районе Почеп, Стародуб, Новгород-Северский, Шостка.

Одновременно с этим командующему Брянским фронтом генералу А. И. Еременко приказывалось, максимально используя результаты авиационного удара, перейти в наступление, уничтожить группу Гудериана и, развивая в дальнейшем наступление на Кричев, Пропойск, к 15 сентября выйти на рубеж Петровичи, Климовичи, Новозыбков, Щорс. Кроме этого, с рассветом 30 августа в решительное наступление должны были перейти 24-я и 43-я армии Резервного фронта с задачей разгромить ельнинскую группировку противника, овладеть Ельней и к 8 сентября выйти на рубеж Долгие Нивы, Хиславичи, Петровичи, а 1 сентября — войска Западного фронта с целью нанести поражение 9-й немецкой армии и выйти на рубеж Велиж, Демидов, Смоленск.

Эти решения Ставки свидетельствовали об очередной попытке провести большое наступление группы фронтов на западном направлении. Но, как показали дальнейшие события, условия для перехвата стратегической инициативы еще не сложились. Разгромить Гудериана, как того требовала Ставка, не удалось. Войска Брянского фронта не смогли в полном объеме воспользоваться результатами ударов авиации. Так, наиболее сильная 50-я армия фронта действовала не против танковой группы Гудериана, представлявшей наибольшую опасность, а против перешедшей к обороне 4-й немецкой армии, по которой авиационные удары практически не наносились. 3-я и 13-я армии также не смогли добиться серьезного успеха.

Несмотря на победные реляции штаба Брянского фронта и опергруппы штаба ВВС Красной Армии, немецкие танковые и моторизованные части Гудериана продолжали наступление и 1 сентября, форсировав Десну, создали плацдарм на ее левом берегу в районе Новгород-Северский, Собич, Шостка. На левом крыле фронта был спешно организован Рыльский боевой участок группы полковника А. З. Акименко в составе 127-й и 160-й стрелковых дивизий. Группа Акименко развернулась южнее группы генерала А. Н. Ермакова (21-я, 55-я кавалерийские дивизии, 121-я, 150-я танковые бригады и 183-я стрелковая дивизия). Все эти соединения были малочисленны. В танковых бригадах имелось всего по 20 танков. В дальнейшем обе группы были объединены в одну под командованием Ермакова.

Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин 2 сентября в 2.50 по прямому проводу через начальника штаба фронта выразил генералу А.И. Еременко свое недовольство:

«Ставка все же недовольна вашей работой. Несмотря на работу авиации и наземных частей, Почеп и Стародуб остаются в руках противника. Это значит, что вы противника чуть-чуть пощипали, но с места сдвинуть его не сумели.

Ставка требует, чтобы наземные войска действовали во взаимодействии с авиацией, вышибли противника из района Стародуб, Почеп и разгромили его по-настоящему. Пока это не сделано, все разговоры о выполнении задания остаются пустыми словами.

Ставка приказывает:

Петрову оставаться на месте и всеми соединенными силами авиации способствовать решительным успехам наземных войск.

Гудериан и вся его группа должна быть разбита вдребезги. Пока это не сделано, все ваши заверения об успехах не имеют никакой цены. Ждем ваших сообщений о разгроме группы Гудериана»¹.

Еще ранее начальник Генштаба генерал армии Г.К. Жуков предлагал Сталину укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трех армий, усиленных артиллерией. Для этого

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 63. Л. 164.

одну армию можно было взять из западного направления, другую — за счет Юго-Западного фронта, третью — из резерва Ставки. Поскольку А.И. Еременко своими безответственными заверениями вводил Сталина в заблуждение относительно реальной обстановки, Жуков предложил поставить во главе фронта опытного и энергичного командующего — конкретно Н.Ф. Ватутина. Сталин из опасений ослабить московское направление отверг его предложения. Доводы Жукова, что противник на этом направлении вперед пока не двинется, что крупные силы вермахта, задействованные под Ленинградом, до взятия города и соединения с финской армией тоже не смогут принять участия в наступлении на Москву, а за 12—15 дней можно перебросить с Дальнего Востока не менее восьми боеспособных дивизий, успеха не имели.

Предложение же Жукова отвести войска Юго-Западного фронта целиком на восточный берег р. Днепр, сосредоточив при этом в районе Конотопа, Прилуки необходимые резервы для парирования удара противника по флангу этого фронта, вызвало гнев Сталина. Г.К. Жуков был отстранен от должности начальника Генштаба и назначен командующим Резервным фронтом.

В конце августа — начале сентября 1941 г. войска Брянского фронта нанесли удары по флангам 2-й танковой группы Гудериана, наступавшей в направлении Рославль, Конотоп. Однако из-за серьезных просчетов командования фронта в оценке намерений противника и допущенных ошибок в организации и ведении военных действий они сумели лишь сковать незначительную часть сил врага (один немецкий моторизованный корпус). Предотвратить же выход основной его группировки в тыл Юго-Западному фронту не смогли и, более того, сами оказались в тяжелом положении.

Обстановка на правом крыле Юго-Западного фронта ухудшалась с каждым часом. На предложение командующего фронтом М.П. Кирпоноса отвести войска на тыловой рубеж начальник Генштаба Шапошников ответил, что Ставка считает это предложение пока преждевременным. Самого командующего обвинили в панических настроениях. Главком Юго-Западного направления маршал С.М. Буденный, понимая опасность назревающей катастрофы, поддержал Кирпоноса

и запросил разрешения на отвод войск ЮЗФ. В докладе Сталину 11 сентября он пишет:

«<...> Промедление с отходом Юго-Западного фронта может повлечь потерю войск и огромного количества матчасти.

В крайнем случае, если вопрос с отходом не может быть пересмотрен, прошу разрешения вывести хотя бы войска и богатую технику из Киевского УР, эти силы и средства безусловно помогут Юго-Западному фронту противодействовать окружению противника».

Но Сталин опасался, что отвод войск на неподготовленный рубеж превратится в отступление с непредсказуемыми последствиями. На переговорах с Кирпоносом по прямому проводу он напомнил тому, что при отводе войск из района Бердичев и Новоград-Волынский на р. Днепр фронт потерял две армии, а отход превратился в бегство. Он приказал «перестать, наконец, заниматься поисками рубежей для отступления, а искать пути сопротивления». Переговоры Верховный Главнокомандующий закончил фразой: «Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки <...>».

На следующий день, 12 сентября, С.М. Буденный Ставкой был отстранен от должности Главкома и заменен маршалом С.К. Тимошенко. Кроме чисто военных аспектов возникшей кризисной обстановки, ~~несогласие Сталина~~ с предложением об отводе войск Юго-Западного фронта было также связано с обещанием, которое он дал представителям Великобритании и США, не исключавшим возможность разгрома Красной Армии, в результате чего обещанная ими помощь может попасть в руки Гитлера. Сталин заверил их, что к началу зимы линия советско-германского фронта будет проходить по линии юго-западнее Ленинграда, восточнее Смоленска и западнее Киева. Убеждая будущих союзников в способности Красной Армии эффективно использовать их помощь, Сталин хотел добиться увеличения поставок. Позднее Василевский вспоминал, что Сталин до 17 сентября вообще отказывался обсуждать вопрос об отводе войск Юго-Западного фронта. Он хотел сохранить угрозу правому флангу группы армий «Центр», так как надеялся, что наступление трех фронтов — Западного, Резервного и Брянского — не позволит противнику перебросить значительные силы для выхода в тыл Юго-Западного фронта.

Особенно он надеялся на Еременко, который обещал ему разгромить «подлеца Гудериана». Но эти надежды не оправдались. Спешное объединение войск в составе Брянского фронта должных результатов не дало. Многие его соединения были слабо укомплектованы и недостаточно обеспечены боеприпасами. Наступательная операция Брянского фронта на рославль-новозыбковском направлении, начатая 30 августа, завершилась 12 сентября провалом. Ликвидировать разрыв между 13-й и 21-й армиями не удалось. Наоборот, он увеличился с 30—35 до 60—75 км. Потери фронта оказались огромными: к октябрю фронт был обескровлен. Из 261 696 человек и 269 танков, брошенных в бой за время операции, потери Брянского фронта составили около 100 тыс. человек и 140 танков [8].

Ставка ВГК 12 сентября потребовала от командующего Брянским фронтом:

«Самым срочным и решительным образом покончить с группировкой противника в районе Шостка, Глухов, Путивль, Конотоп и соединиться с войсками ЮЗФ, для чего разрешается приостановить наступление на рославльском направлении...

Операцию начать 14 сентября. Желательно закончить эту операцию и полностью ликвидировать прорыв между Брянским и Юго-Западным фронтами не позднее 18 сентября...» [6].

Но было уже поздно. Невыполнение Брянским фронтом поставленной задачи привело к тому, что войска правого крыла группы армий «Центр» ударом в южном направлении добились крупного успеха. 15 сентября танковые клинья Гудериана с севера и Клейста с юга сомкнулись в тылу Юго-Западного фронта в Лохвице. В результате дело закончилось полным разгромом войск этого фронта, громадными потерями наших войск в людях, вооружении, боевой технике и материальных запасах. Главной причиной крупнейшей неудачи советских войск были ошибки самой Ставки ВГК. Сталин не принял предложение Генштаба о своевременном отводе войск Юго-Западного фронта за Днепр, нарушив тем самым один из главных принципов военной стратегии о необходимости беречь армию даже за счет потери территории. Потеря крупной группировки войск Юго-Западного фронта предопределила судьбу всех усилий Красной Армии вернуть Смоленск и перехватить стратегическую инициативу.

А что же происходило в это время на московском направлении?

Обстановка заставила командование Западного фронта начать наступление, не дожидаясь полного сосредоточения войск. Конечно, наспех сформированные дивизии не имели боевого опыта и не были полностью оснащены вооружением. Но ввод их в сражение позволил приостановить продвижение противника. У Ярцево путь врагу преградила группа генерала Рокоссовского. Постепенно к наступлению подключились все силы фронта в полосе более 200 км — от Торопца на севере до Ярцево на юге. Соединения 29-й армии генерала Масленникова в районе Велижа, захватив переправы через Западную Двину, успешно форсировали реку и отбросили оборонявшуюся здесь пехотную дивизию противника. Для восстановления положения на этом участке фронта немецкое командование вынуждено было перебросить моторизованный корпус из 3-й танковой группы и другие части. И наступление 29-й армии было остановлено.

Войска 30-й, 19-й армий и группы Рокоссовского, выполняя требования Ставки ВГК, в течение первой половины августа продолжали вести малоуспешные наступательные бои. Так, в период с 6 по 9 августа 89-я и 91-я стрелковые дивизии 19-й армии, перейдя в наступление, продвигались на 500—700 метров в сутки, отбивая многочисленные контратаки противника. Поставленная Ставкой задача по разгрому духовщинской группировки противника так и не была выполнена.

В боях у Ярцево в составе группы войск генерала Рокоссовского с 1 августа участвовал 120-й гаубично-артиллерийский полк (гап) под командованием полковника Н. И. Лопуховского¹. Затем, действуя уже в составе 19-й армии И. С. Конева, полк 11 августа, наряду с другими артчастями, огнем

¹ К началу войны 120-й гап б/м (в составе 4 дивизионов) численностью более 2000 чел., имел на вооружении 24 английские 203-мм гаубицы образца 1916 г., более 100 тракторов, около 300 автомашин, в том числе несколько десятков вездеходов «ЗИС-33» на полугусеничном ходу, большое количество средств радиосвязи. В бой вступил 23 июня в составе 4-й армии Западного фронта юго-западнее Ивацевичи Брестской обл. В боях и при отходе полк понес большие потери — около четверти личного состава, в основном пропавшими без вести, и большую часть орудий и тракторов. Полк был доукомплектован личным составом и получил новую матчасть: 12 122-мм гаубиц и 12 152-мм пушек-гаубиц образца 1938 г.

обеспечивал прорыв из вражеского тыла группы генерал-лейтенанта И.В. Болдина¹, которая 45 дней с боями шла по тылам немецких войск от самой границы. Артподготовка началась в 7 часов утра. Навстречу группе нанесли удар части 166-й сд. В 12.50 в районе Приглово (15 км севернее Капыревщина) им удалось соединиться. Согласно донесению, части 19-й армии и группы Болдина совместным ударом с фронта и тыла за день боя уничтожили до 2 тыс. человек из состава 5-й пехотной дивизии, одну батарею и до 80 автомашин 900-й учебной моторизованной бригады противника. Группа Болдина численностью около 1500 человек с тремя орудиями и большим обозом вышла из окружения и сосредоточилась в районе совхоза Неелово.

Здесь мне придется опровергнуть одно прочно утвердившееся заблуждение. На самом деле «отряд генерал-лейтенанта И.В. Болдина, якобы совершивший 500-км рейд по тылам противника» в большей своей части состоял из личного состава частей 91, 127 и 134-й стрелковых дивизий Западного фронта, оказавшихся в окружении в районе Горбатовцы после отхода этих дивизий за р. Вопь. Комиссар 91-й сд Шляпин 24—25 июля организовал разрозненные подразделения и отдельных бойцов в отряд, который с 30 июля по 8 августа действовал в лесном массиве, что северо-западнее населенного пункта Занино 2-е. За это время бойцы отряда захватили в плен 11 немцев, две штабные машины с документами и две грузовые машины, произвели налет на штаб и минбатарею противника.

7 августа к отряду присоединился генерал-лейтенант Болдин **с группой около 100 человек** (выделено мною. — Л.Л.), который и принял на себя командование отрядом. В этот же день в лесу южнее Воскресенское к его отряду присоединились другие четыре отряда из других дивизий. Сводная дивизия общей численностью 2143 человека начала подготовку к выходу из окружения. Была налажена связь с командованием 19-й армии. При выходе из окружения 11.08.1941 г. сводной дивизией было уничтожено до 1 тыс. немцев, 5 батарей артил-

¹ Заместитель командующего Западным фронтом Болдин Иван Васильевич после неудачи контрудара силами 6-го и 11-го мехкорпусов и 6-го кавкорпуса в районе Белостока в июне 1941 г. отходил с остатками частей с рубежа р. Щара на восток. Последний крупный бой его отряда произошел 5 июля в районе Старое Село в 30 км западнее Минска.

лерии, 13 станковых и 7 ручных пулеметов, до 100 автомашин и 130 мотоциклов. Сводная дивизия потеряла 211 человек убитыми и 6 орудий. Вышло из окружения 1664 человека, в том числе 103 раненых. При этом было выведено 292 лошади, 37 повозок, 13 санитарных двуколки, 5 кухонь и одна рация¹.

Выдержка из переговоров маршала С.К. Тимошенко с командующим 16-й армией генерал-лейтенантом К.К. Рокоссовским 11 августа 1941 г. (к этому времени армия овладела рубежом Балыкино, Скачихино, что в 8 км северо-восточнее Ярцево):

«У Вас как будто бы ничего вышло. Может быть, на завтра Вы сможете продлить свою задачу, не налегая сильно без надобности на артиллерию. Боюсь, что Вы расходуете много лишних снарядов. Конечно, если нужно, мы снарядов не жалеем.

Я сейчас вызвал Конева и приказал ему активизировать левый фланг, то есть погоню его левый фланг на высоту 211.8.

<...> В основном сегодня Конев вывел Болдина, но я ожидал большего, я ожидал разгрома противника.

<...> перед Коневым, да, видимо, и перед Вами противник представляет собой разбитые части, сведенные из нескольких частей в одну и образовавшие очаги обороны, не имея глубины и, в общем, ничего серьезного не представляющие. Этого противника надо бы основательно побить, для этого нужно родить смелость и решительность <...>»².

На правом крыле фронта наступление войск 30-й армии также развивалось крайне медленно. Выдержки из переговоров маршала С.К. Тимошенко с начальником штаба 30-й армии генералом Абрамовым:

«**Тимошенко:** ... Четвертое. Что делаете для того, чтобы вы наступали?

Абрамов: Имевшие ранее недостатки пресекаются немедленно и на месте. Сейчас на фронт вызван представитель Особого отдела и военный прокурор.

Тимошенко: <...> не стану Вас допрашивать, потому что надоело слушать объяснения причин. Основная причина неуспехов заключается в трех вещах: у Вас никто не представляет смысла вождения группировки, ничего не понимают в ис-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 212. Л. 48, 49.

² Там же. Д. 14. Л. 9—11.

пользовании артиллерии, обеспечивающей успех движения вперед ударной группировки. <...> Ваши войска будут продолжать распыляться по фронту».

Абрамов оправдывается и просит разрешения расходовать снаряды, которые имеются в армии.

«Тимошенко: В дальнейшем запрещаю и ни одного лишнего снаряда не дам (выделено мною. — Л.Л.). Или наступайте <...> и получите для этого снаряды; или скажите прямо, что ничего не понимаете в ведении боевых действий, не морочьте нам голову и не транжирьте боеприпасы совершенно зря»¹.

Снаряды имели в глазах маршала большую цену, нежели жизни бойцов и командиров...

В рамках Смоленского сражения было проведено несколько фронтовых наступательных и оборонительных операций. Рассмотрим наиболее характерные из них.

Духовщинская наступательная операция была проведена войсками Западного фронта в период с 17 августа по 8 сентября. Это было одно из первых наступлений наших войск на перешедшего к обороне противника. Наиболее активно в этой операции действовали войска 19-й армии, судьбе которой посвящены многие страницы этой книги. Ее командующий генерал-лейтенант И.С. Конев 16 августа доложил план предстоящей операции. Уже на следующий день армия, усиленная 101-й танковой и 64-й стрелковой дивизиями, при поддержке 43-й смешанной авиадивизии успешно форсировала реку Вопь. Несмотря на упорное сопротивление противника, части армии к 18 августа продвинулась на 6—10 км в глубину обороны 161-й немецкой пехотной дивизии. В течение 18 августа штурмовики 61-го шАП «работали» по подходящим частям противника в районе устья р. Царевич, Лосево. По донесениям наземных частей, штурмовиками было уничтожено и повреждено в течение двух дней до 5 танков и два десятка автомашин с грузами. В последующие дни полк действовал по подходящим к полю боя резервам противника.

На направлении действий 19-й армии на участке Шатуны, Балашова шириной 11—12 км оборонялись части 5-й пехот-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 212. Л. 75—77.

ной дивизии противника, имея все три полка в первом эшелоне. Южнее в полосе Капыревщина, Казакова, Чистая, Кровопусково оборонялись части 161-й пд. Немцы оказывали упорное сопротивление, подтягивая резервы из глубины. Их авиация буквально терроризировала наши войска. В некоторые моменты в воздухе одновременно висело до 50 самолетов, которые бомбили огневые позиции артиллерии, резервы, переправы через реку Вопь. Постепенно в бой были втянуты и части 8-й и 28-й пехотных дивизий 8-го армейского корпуса, а также 900-й учебной моторизованной бригады¹. Противник, стремясь удержать занимаемый рубеж, неоднократно переходил в контратаки. В районе Почепова артогнем было подбито 25 немецких танков, а атакой 202-го танкового полка 101-й танковой дивизии уничтожено еще 15 танков противника. Нашим частям удалось занять Казакова, Мужилова. С 17 по 21 августа 91-ю стрелковую дивизию полковника И.А. Волкова, которая наступала без танков, поддерживал 120-й гап. Его 152-мм гаубицы-пушки подавляли артиллерию и минометы противника, систему его наблюдения, управления и связи. Для разведки стреляющих артбатарей противника наши войска использовали в районе Колковичи привязные аэростаты. Но надежно подавить огневые средства противника было нечем — снарядов не хватало.

Вечером 20 августа немцы в районе деревень Задняя и Потелица бросили в контратаку до полка мотопехоты с 70 танками. Их сосредоточение было своевременно обнаружено разведкой, которая сообщила координаты цели на огневые позиции. Огнем батарей 120-го гап противнику был нанесен большой урон, и его контратака была отражена. На поле боя осталось 37 подбитых и сожженных танков и бронетранспортеров врага. Согласно донесению штаба 19-й армии, в результате боев 21 и 22 августа было уничтожено около 80 танков противника. Так, по уточненным данным, только в районе к западу от Потелица 22 августа было уничтожено 22 немецких танка и 3 бронемашин. Но противнику удалось отбуксировать 15 танков, подбитых нашей артиллерией. На следующий день у этой деревни была отбита артиллерийским и пулеметным ог-

¹ Здесь и далее номера корпусов вермахта в тексте будут отображаться арабскими цифрами, на копиях немецких карт, как принято в вермахте, — римскими.

нем еще одна контратака, на этот раз психическая. Об этом эпизоде написала газета «Правда» (№ 256 от 15.09.1941 г.).

В документах противника в этот период отмечался интенсивный огонь артиллерии крупных калибров. Позиции артиллерийских частей немцы забрасывали листовками с воздуха, в которых грозили артиллеристам всевозможными карами за их уничтожающий огонь. За бои под Ярцево и при наступлении на Духовщину полк в конце сентября представлялся к присвоению гвардейского звания. Личному составу 1-го и 2-го дивизионов была объявлена благодарность. Командиры дивизионов капитан В. М. Жлоба и капитан Ф.К. Работнов, а также некоторые офицеры и сержанты — командиры взводов и орудий — были представлены к правительственным наградам. В 1973 г. И.С. Конев на встрече ветеранов 19-й армии так отозвался о 120-м гап: «Полк был кадровый, отходил от самой границы, хорошо воевал под Духовщиной».

В отражении контрудара противника, стремящегося прорваться в тыл нашим наступающим частям и отрезать их от переправ на р. Воль, приняли участие части 47-й авиадивизии, усиленной 215-м шап майора Л.Д. Рейно, имевшим 30 бронированных Ил-2. Они нанесли удары по частям 7-й танковой дивизии генерал-майора фон Функа, выдвигавшейся со стороны Духовщины к западному берегу р. Царевич. В течение двух дней самолеты Ил-2 61-го и 215-го шап выполнили 82 самолето-вылета, истребители 129-го иап — 69, а бомбардировщики 140-го сбав — 9 боевых вылетов. Удары наносились последовательно с интервалами между группами от 40 минут до одного часа. В день производилось до 3 полк-вылетов. В этих боях ВВС Красной Армии широко применяли различные зажигающие боевые системы: гранулированный фосфор, зажигательную смесь типа С-4, ампулы АЖ-2 с самовоспламеняющейся жидкостью «КС» (сплав фосфора и серы с очень низкой температурой плавления). Например, только одна 12-я сад ВВС Резервного фронта 30 августа израсходовала 290 кг фосфора, 56 литров С-4 и 638 АЖ-2. За счет этого эффективность ударов авиации по немецким мотомехколоннам была значительно повышена, и противник понес серьезные потери. Немцам пришлось разрабатывать специальные инструкции по борьбе с зажигательными средствами русских.

Разбитое в результате воздушного удара штурмовое орудие Stug III

Результаты атак штурмовиков были настолько хорошими, что командующий ВВС Западного фронта полковник Н.Ф. Науменко после подведения 22 августа в штабе фронта итогов двухдневных боев немедленно направил на имя командира дивизии О.В. Толстикова телеграмму:

«Исключительно доволен удачными действиями штурмовиков и истребителей. Благодаря сокрушительному удару, нанесенному вами 21 и 22.08.1941 г., контратака танковой дивизии противника отбита. Уверен, что дальнейшими удачными действиями фашистская танковая дивизия будет уничтожена полностью. Объявляю благодарность всему личному составу полков дивизии».

Командующий 19-й армией 23 августа решил продолжать наступление в общем направлении на Духовщина с задачей уничтожить противника между реками Лойня и Царевич. Для развития успеха он решил ввести в бой 45-ю отдельную кавалерийскую дивизию в направлении Мягченки, Сельцо, Духовщина. Она должна была отрезать пути отхода противника через р. Царевич и к исходу 23.08 овладеть лесами западнее Духовщины. Однако попытки дивизии в течение 24—25 августа прорваться в тыл врага вследствие сильного огня и инженерных заграждений противника успеха не имели. Наступление застопорилось.

Каждая армия пыталась прорвать оборону противника на своем направлении. Вместо того чтобы массированно использовать имевшиеся немногочисленные танки на направлении главного удара, их равномерно распределяли между дивизиями. Не хватало снарядов для артиллерии. В приказах планировалась артподготовка, но снарядов хватало максимум на 10—15-минутный огневой налет по засеченным целям. Но в то же время совершенно неудовлетворительно использовались полковая артиллерия, ротные и полковые минометы. По этому поводу генерал М.Ф. Лукин 20 августа отметил: «Вредная привычка, кроме нерационального расходования снарядов, не только понижает, но и подрывает веру в огневую мощь пехотного вооружения».

Тем не менее, учитывая довольно успешное начало операции, Верховный Главнокомандующий 25 августа поставил Западному фронту задачу энергично продолжать начавшееся наступление, разбить противостоящего противника и во взаимодействии с войсками левого крыла Резервного фронта к 8 сентября 1941 г. выйти на фронт Велиж, Демидов, Смоленск. Войска 19-й армии должны были развивать наступление с ближайшей задачей овладеть Духовщиной, в дальнейшем — ударом в юго-западном направлении овладеть районом Смоленск¹.

И.С. Конев доложил в штаб фронта предварительные итоги наступления войск 19-й армии за период с 17 по 30.08.1941 г.:

«Первое. Действиями армии в направлении Капыровщина, Духовщина освобождена от фашистских войск территория на глубину 10—12 км от р. Вопь на запад.

Второе. По донесениям командиров соединений, наблюдением за ходом боев и по показаниям пленных установлено, что фашистским войскам нанесен значительный урон в живой силе и материальной части.

161 пд пр-ка, оборонявшаяся на рубеже наступления ударной группы армии, разгромлена.

По предварительным данным, уничтожено и захвачено нашими войсками: 86 танков, 94 орудия, сбито 7 самолетов. Убито свыше 4000 немецких солдат и офицеров, взято в плен

¹ Архив Генштаба. Ф. 26. Оп. 2011. Д. 095. Л. 463, 464 (цит. по: Сборник боевых документов. 1960. Выпуск 41. С. 7).

около 100 человек. Кроме того, взято много других видов вооружения и имущества, сведения на которые представляю при данном донесении.

Третье. Наступление войск 19 армии вынудило немецкое командование начать переброску войск с других направлений и тем самым создаются условия для проведения операций остальных армий Западного фронта. Кроме того, проведенные бои еще больше привили нашим частям вкус к уничтожению противника.

Приложение. Ведомость потерь пр-ка и захваченных трофеев»¹.

Итоги наступления впечатляли. Было захвачено 20 минометов, 19 станковых и 84 ручных пулемета, 21 противотанковое ружье, 12 автомашин и 161 велосипед. Правда, не удалось эвакуировать 30 подбитых немецких танков и некоторое количество орудий из-за отсутствия тракторов и сильного минометного и ружейно-пулеметного огня противника.

После нескольких дней безуспешных атак в конце августа войска 19, 16 и 20-й армий Западного фронта 1 сентября возобновили наступление с прежней задачей — разгром духовщинской группировки противника. На первом этапе операции, с 1 по 3 сентября, планировалось овладеть рубежом на глубине 20 км (р. Вилейна, Духовщина, Никитино), на втором этапе — в течение 4 и 5 сентября — выйти на рубеж Ефремово, Клотвино и захватить переправы через р. Хмость (приток р. Днепр восточнее Смоленска).

Немцы успели создать неглубокую, но довольно прочную оборону. Она строилась на удержании опорных пунктов, промежутки между которыми простреливались перекрестным пулеметным и минометным огнем. На важнейших направлениях враг использовал в качестве неподвижных бронированных огневых точек закопанные в землю танки, в том числе и советские, выведенные из строя ранее. Значительная часть огневых средств располагалась на обратных скатах высот для ведения фланкирующего огня. На основе опыта боев противником было выявлено, что русские танки легко загораются при обстреле их бризантными снарядами. Поскольку проти-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 12930. Д. 1. Л. 353.

вотанковая оборона пехоты недостаточна, войска получили указание выделять как минимум по одному орудию на батальон. В связи с тем что русские в последнее время стали использовать танковые десанты, было рекомендовано открывать по их танкам плотный пулеметный огонь.

Четыре дивизии 19-й армии (166, 89, 50 и 64-я сд) пытались прорвать оборону противника на участке Новоселище, совхоз Зайцево шириной 13 км. Дивизиям, наступавшим каждая в своей полосе, назначались участки прорыва шириной 1,5—2 км. Поэтому единого участка прорыва армии, как такового, не было. 30 танков 202-го танкового полка 101-й танковой дивизии поддерживали наступление частей левофланговой 50-й стрелковой дивизии. Сил для наращивания удара в глубину обороны противника не было. Для развития успеха 19-я армия по-прежнему имела лишь 45-ю кавалерийскую дивизию, предназначенную для рейдовых действий в тылу противника¹.

Продвижение вперед давалось с большим трудом. Не могло и усиление частей политбойцами², большинство которых не имело никакой военной подготовки. Как показала проверка, они не умели стрелять из винтовки, бросать гранату, вести борьбу с танками, слабо представляли себе вопросы взаимодействия, ведения разведки и маскировки. Пришлось отдать приказ о запрещении вредной практики посылки в бой политбойцов, не имеющих военной подготовки. Вся надежда была на артиллерию, которая огнем прокладывала путь пехоте, уничтожая живую силу и огневые средства врага. Конев потребовал на участках прорыва массировать огонь всех видов оружия на узком участке фронта, подготавливая атаку пулеметным, минометным и артиллерийским огнем. Особо использовать огонь прямой наводкой 45-мм орудий и полковых пушек. От командиров дивизий он требовал беспощадно расправляться с командирами и начальниками, которые не используют малокалиберную и полковую артиллерию.

3 сентября командир одной из дивизий доложил, что части прорвали передний край обороны противника. Командарм

¹ Согласно легкому (рейдовому) варианту, 45-я кд по штату насчитывала всего 3447 человек (в кавполку — 1098, отд. эскадрон химзащиты — 64, медсанвзвод — 24).

² Специально мобилизованные члены компартии.

опять решил ввести в бой кавдивизию. Вот как рассказывает об этом в своих мемуарах командир 58-го кавалерийского полка, подполковник А.Т. Стученко:

«Я ввел полк в лощину. Слева от нас на большом бугре стояли несколько командиров. Пришпорив коня, галопом взлетаю по склону холма. Ищу глазами командарма.

— Я Конев, — сказал один из командиров.

Представляюсь, докладываю полученную задачу:

— Дырку вам пробили. Можете встретить только разрозненные группы противника. Вот командир стрелковой дивизии подтвердит.

— Так точно! Пехота прорвала передний край немцев, товарищ командарм, — отчеканил стоявший рядом с И.С. Коневым командир дивизии.

— Вот видите, — сказал командарм. — Не теряйте времени, смелее прорывайтесь. Назад пути нет, только вперед!

До переднего края оставалось метров пятьсот, когда на нас обрушились мины. Послышались стоны раненых.

Эскадроны уже шли галопом, когда с «прорванного» переднего края обороны противника застрочили пулеметы. Все смешалось. Передние лошади падали. На них налетали те, кто скакал сзади, и тоже падали. Вдали показался головной эскадрон следовавшего за нами 55-го кавалерийского полка. Он тоже уже начал нести потери.

Под огнем собираем людей. Подняв шашки над головой, скачем в новую атаку. В лицо снова полыхнуло жаром от автоматных и пулеметных очередей» [9]. После этой неудачной попытки прорыва в тыл противника пришлось переформировывать эскадроны, в которых осталось всего по 50—60 сабель.

И.С. Конев после войны вспоминал:

«Я доложил командующему фронтом Тимошенко об итогах боя под Духовщиной. Тимошенко поблагодарил меня и заявил, что к нам в армию приедет специальная комиссия. Из Москвы прибыли представители из артиллерийской академии, из Генштаба, из штаба Западного фронта, осмотрели поле боя, пересчитали подбитые немецкие танки и орудия<...> Подбито было 113 танков врага.

Продвижение войск 19-й армии было довольно значительным, мы продвинулись на 15—16 километров и уже были на подступах к Духовщине (части 19-й армии были остановлены

в 22 км от Духовщины. — Л.Л.). К моменту, когда на фронте, занимаемом 19-й армией, сложилась такая благоприятная обстановка, через штаб фронта мне позвонил Сталин. Он поинтересовался итогами наступления и спросил: «Не сумеете ли вы взять Духовщину? В Духовщине находится штаб 9-й немецкой армии». Я ответил: «Немец оказывает бешеное сопротивление, все время подбрасывает свежие силы. Группировка немцев очень сильная». Тогда Сталин спросил: «А вы можете обстрелять Духовщину из артиллерии?» Я ответил: «Могу. Духовщина находится как раз в пределах досягаемости нашей дальнобойной армейской артиллерии». «Очень будет хорошо, если вы обстреляете Духовщину, и будете непрерывно держать ее под огнем». Я принял к исполнению этот приказ.

В периодической печати, в газетах того времени было опубликовано немало очерков о действиях 19-й армии, в том числе хороший очерк в «Огоньке» Евгения Петрова. Неудобно мне самому об этом говорить, но факт есть факт. В печати писали так: «Коневцы наступают». Это было опубликовано и в «Красной Звезде», было и в других газетах <...>» [10].

Действительно, в газетах тогда много писали об успехах войск «командира Конева». Публикация подобных статей в военное время — вполне естественное и нужное дело. Надо было учить воинов других соединений на положительных примерах, воодушевлять армию и народ на новые подвиги. При этом все статьи в центральных газетах в обязательном порядке согласовывались с оценками высшего руководства страны. Как правило, они писались на основе положительных примеров из политдонесений и итоговых отчетов командования, где супостатов не жалели. К сожалению, они не всегда соответствовали оперативным сводкам и боевым донесениям. Нет в ежедневных сводках тех трофеев, о которых говорит Конев, хотя все скрупулезно подсчитывалось. Например, среди захваченного интендантского имущества упоминаются 610 шинелей, 462 плащ-палатки, 126 суконных одеял, одно знамя, 20 пар сапог, две кухни и штабная палатка. Конечно, лишить вермахт в предвидении скорой зимы нескольких сотен шинелей на рыбьем меху — это большой успех.

«В приказе за номером 02/ОП от 17 августа 1941 года маршал Тимошенко отметил успешные действия 19-й армии. Заканчивался приказ обращением Военного совета фронта: «Товарищи, следуйте примеру 19-й армии. Смелее и ре-

шительнее развивайте наступление». В приказе за номером 03/ОП войскам Западного фронта сообщалось о потерях врага. В этих боях «войска 19-й армии уничтожили более сотни танков, много орудий и минометов. Враг потерял тысячи человек убитыми и ранеными. Дни легких побед врага миновали».

Неудивительно, что на участок 19-й армии съехались многие известные писатели, в том числе и М. Шолохов. А Конев умел подать в выгодном свете успехи армии. Его умение сочинять приказы и донесения много значило: в них часто звучали выражения: «продолжая энергичное и стремительное наступление», «дивизиям в результате ночных действий продолжать стремительное наступление», «выполнить ранее поставленные задачи». Если же найти на карте упоминаемые в документах населенные пункты и другие ориентиры, то окажется, что «стремительное наступление» за сутки боя означало продвижение всего лишь на 500—700 метров. Поэтому, несмотря на оптимистические выражения в приказах, продвигаться дальше в западном направлении до 31 августа не удалось. Противник удержал за собой западный берег р. Лойня на участке Лосева, (иск.) Казакова и р. Царевич, где наступление 19-й армии было окончательно остановлено.

Рассказывает главный редактор газеты «Красная Звезда» Ортенберг:

«28 августа. Этот день мне запомнился<...> Недели за две до того мне стало известно, что войска Западного и Резервного фронтов пытаются перехватить у противника инициативу на главном стратегическом направлении — московском. С этой целью шесть наших армий перешли в наступление против духовщинской и ельнинской группировок немецко-фашистских войск.

<...> Михаил Шолохов вместе с секретарем редакции Александром Карповым уехал в 19-ю армию, по-моему, сутки спустя после моего возвращения оттуда. К нему присоединились Александр Фадеев и Евгений Петров.

<...> А редакционная машина крутилась тем временем своим чередом. Начиная с 20 августа в газете каждый день появлялись обширные корреспонденции под такими, например, заголовками: «Успешные бои частей командира Конева»; «Новые успехи частей командира Конева»; «Части командира Конева продолжают развивать успех» <...>.

23 августа пришла корреспонденция Хирена и Милецкого — «Части командира Конева продолжают громить врага». Ее заверстали на самом видном месте. В два часа ночи готовые газетные полосы пошли в стереотипный цех — под пресс. И как раз в этот момент прибегают ко мне из секретариата, докладывают, что спецкоры передают новое важное сообщение и просят поставить его в номер. Оно было озаглавлено «Славные коневцы разгромили вражескую дивизию». Что ж, действительно важное и радостное сообщение. Я сказал, чтобы задержали матрицирование полос. Новый репортаж из 19-й армии набрали жирным шрифтом и поставили рядом с первой корреспонденцией этих же авторов. Начальный абзац репортажа выглядел так:

«ЗАПАДНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ, 24 августа, 2 часа. (По телеграфу от наш. спец. корр.) Части командира Конева продолжают наносить немецким войскам серьезное поражение. Уже сейчас разгромлена фашистская пехотная дивизия. Нашими частями захвачена артиллерия дивизии, уничтожено 130 танков, разгромлен штаб<...>».

Итак, мы продолжали день за днем освещать ход сражения 19-й армии. В числе прочих сообщений промелькнуло и такое: «Весть об успехах частей командира Конева разнеслась по всему фронту. Главнокомандующий войсками западного направления маршал Советского Союза С. Тимошенко и член Военного совета Н. Булганин издали специальный приказ, в котором поздравляют бойцов и командиров, нанеших крупное поражение врагу». В приказе была такая концовка: «Товарищи! Следуйте примеру 19-й армии! Смело и решительно развивайте наступление!» Кстати, номер армии мы вновь заменили «частями командира Конева».

Все как будто правильно. Но 28 августа на моем редакторском столе зазвонил кремлевский телефон. Меня предупредили:

— Сейчас с вами будет говорить Сталин.

И тут же я услышал его голос, со знакомым акцентом. Похудевший, Сталин произнес всего одну фразу:

— Довольно печатать о Коневе.

И повесил трубку.

...Можно представить себе мое изумление. Почему довольно? Что случилось? Я помчался в Генштаб. Там сказали, что у Конева «все в порядке». Кинулся в ГлавПУР. Там сразу же

смогли сказать ничего. Только ночью начглавпура позвонил и все объяснил: оказывается, иностранные корреспонденты, ссылаясь на «Красную Звезду», чрезмерно раздули эту операцию, стали выдавать ее за генеральное контрнаступление Красной Армии, а, как показали события, условий для перехвата нами стратегической инициативы тогда еще не было. В то время, когда мы восторгались успехами Конева, на других фронтах наши войска оставили Днепропетровск, Новгород, Таллин, Гомель<...>» [11].

Однако оторвемся от восторженных писаний журналистов и вернемся к жестокой прозе войны. Рокоссовский, подводя общие итоги Духовщинской операции, записал:

«...Задача не выполнена, даже не прорвали оборону противника на тактическую глубину. 16-я армия продвинулась примерно на 4—5 км, но развить успех не смогла. Остальные армии остались на прежнем рубеже. При этом армии понесли большие потери. В частности, 16-я армия за шесть дней потеряла около 12 тысяч убитыми и ранеными, были выведены из строя почти все танки 107-й танковой дивизии и 127-й танковой бригады».

Говоря о причинах невыполнения задачи, он, в частности, подчеркнул, что на направлениях ударов фронта не было создано превосходство в силах, а также указал на слабое взаимодействие между 16-й и 19-й армиями. Так, 19-я и 16-я армии прорыв обороны противника осуществляли каждая на своем участке. И когда 16-я армия добилась некоторого успеха в центре, то Рокоссовскому в связи с отставанием левофланговых частей 19-й армии пришлось часть сил использовать для прикрытия своего правого фланга. Развить успех оказалось нечем. Как видим, оценка Рокоссовского в корне отличается от победных реляций Конева. Дивизии 19-й армии к 10 сентября были обескровлены наполовину: в 91-й сд из 14 008 осталось 5 159 человек (с учетом тыловых подразделений — 5954), в 166-й сд — 7680 (из 14 187), 89-й сд — 5787, 244-й сд — 6984 человека. В боевых частях армии к 9 сентября насчитывалось 52 356 человек, а всего — 68 997 (по штату — 109 049)¹.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1 (т. 2). Л. 120 и Д. 2 (т. 1). Л. 62.

Попробуем взглянуть на развитие обстановки в полосе 19-й армии со стороны врага. 8-му армейскому корпусу (в дальнейшем — основному противнику 19-й армии) удалось на реках Лойня и Царевич своевременно сосредоточить силы для поддержки отходящих частей 161-й пехотной дивизии. К вечеру 18.08 была организована новая оборона, и все атаки русских были отбиты. Части 5-й пехотной дивизии с высот у Потелицы, с которых хорошо просматривался фланг наступающих частей русских, оказали существенную поддержку 161-й пд.

Выдержки из документов 8-го армейского корпуса:

«<...> положение иногда становится критическим. Сильные атаки на Чистое, поддерживаемые исключительно мощным огнем русской артиллерии.

20.08. Благодаря контратакам удалось удержать передний край.

21.08. Опять атаки русских, 7-я танковая дивизия контратаковала, но потеряла много танков. Пришлось ввести в бой 14-ю моторизованную дивизию, части которой 27.8 заняли высоту с церковью у Скачково. Лишь 15.9 она была отведена на отдых»¹.

События севернее Ярцево нашли отражение и в дневнике командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Ф. фон Бока:

«19.08. 1941 г. <...> Враг сумел прорваться на участке 9-й армии. Действующая там 161-я дивизия на исходе сил.

20.08. 1941 г. <...> 7-й танковой дивизии сегодня предстоит предпринять попытку контратаки для отвлечения сил противника на участке 161-й дивизии.

21.08. 1941 г. <...> попытка контратаки 7-й танковой дивизии на участке 161-й дивизии, ведущей тяжелые бои с врагом, оказалась безуспешной. При этом дивизия понесла ощутимые потери в танках. Мне следовало бросить на упомянутый участок более крупные силы <...>» [12].

О напряженности боев в полосе Западного фронта в июле, августе и сентябре 1941 года можно судить по приведенным в таблице 1 цифрам. При этом следует подчеркнуть, что учет

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 50.

Таблица 1

**Потери Западного фронта и 19-й армии
в личном составе в июле – сентябре 1941 года**

Периоды 1941 г.	Потери							
	19-й Армии *				Западного фронта**			
	Всего	В том числе безвозвратные			Всего (тыс.)	В том числе безвозвратные		
		Убито (тыс.)	Пропало без вести (тыс.)	Всего (тыс.)		Убито	Пропало без вести	Всего
21—31.07	18 284	Около 4 тыс.	Около 8 тыс.	Около 12 тыс.	111 880		46 827 (48%)	
1—10.08	7821	До 0,8	Ок. 3,5	4,3	32,5			
6—15.08	10 861	1,8	1,5	3,2	25,080			
15—20	5783	0,7	0,675	1,4				
21—31.08	15 343	1,7	1,9	3,6	48,4			
Всего за август:	около 35	свыше 5	свыше 7,6	свыше 12,6	138		19 835 (28%)	48,7 (35%)
1—10.09	9932	1,6	1,4		55,9			
11—20.09	1223	0,3	0,061		11,5			
21—30	657	112	86		7,159			
Всего за сентябрь:	11 812	2,1	1,5	3,6	70,6		39,6 (43%)	
ИТОГО:	Ок. 46 тыс.				Более 208 тыс.		49 163 (24%)	80 тыс. (38%)

Источник: ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 11. Л. 19—37; Д. 213. Л. 284

Примечания:

* данные по периодам неполные (цифры потерь ориентировочные).

**без учета потерь 30-й армии (итоговые цифры в донесениях зачастую не совпадают).

потерь в личном составе в 1941 г. был поставлен особенно плохо (что подтверждается соответствующими документами и приказами). Поэтому данные о потерях и их видах носят отрывочный характер и далеко неполны.

Например, в период с 17 по 30 августа фронт потерял 50 тыс. человек, 40 танков, 20 орудий, 15 минометов и около 50 станковых пулеметов, а за весь август 1941 г. более 138 тыс. бойцов и командиров, из них безвозвратно — 48,7 тыс. (35% от общих потерь). За сентябрь потери составили более 70,6 тыс. человек, из них безвозвратно — 39,6 тыс. (43% от общих потерь). Всего, за август—сентябрь 1941 г. войска фронта потеряли более 208 тыс. бойцов и командиров, из них безвозвратно — почти 80 тыс. (38% от общих потерь). Поражает большое количество пропавших без вести — 49 163 человека (24% от общих потерь), в том числе в сентябре — 19 835 чел. (28% от общих потерь).

Большая их часть, судя по немецким документам, попала в плен. И это в основном в ходе наступательных боев. Не хочется травмировать сознание читателя ужасными цифрами потерь наших войск, приводимых в немецких документах. Удивляет другое — наши войска наступают, даже продвигаются, а пленных берут немцы. Дело в том, что немецкие войска учили, что, отбив атаку, надо немедленно контратаковать, чтобы не только восстановить утраченное положение, но и захватить пленных, оружие и боевую технику противника. Иногда немцы специально имитировали отход, чтобы завлечь наступающих в подготовленный огневой мешок. Безуспешные атаки на подавленную оборону противника и, как следствие, большие потери — вызывали у личного состава наших частей упадок боевого духа, неверие в возможность одолеть врага. Отсюда большое количество перебежчиков, указываемое в немецких документах.

А обороняться немцы умели. Они со времен короля Фридриха считали, что устоять легче, чем победить. В вермахт были перенесены традиции Первой мировой войны и опыт организации и ведения обороны. Немцы быстро и умело создавали систему огня с учетом особенностей местности: И упорно, всеми силами удерживали опорные пункты на флангах участков прорыва. Рокоссовский в своем отчете подчеркнул, что одной из причин неудачного исхода операции явля-

ются «умело построенная оборона противника, насыщенная огневыми средствами, наличием противотанковых и противопехотных препятствий, умелый маневр резервами и эффективные контратаки».

8 сентября маршал В.М. Шапошников, видя бесперспективность дальнейших атак, приказал прекратить Духовщинскую операцию и перейти к обороне. Хотя цели, поставленные Ставкой, не были достигнуты, противнику в ходе операции удалось нанести значительные потери. Командующий 19-й армией И.С. Конев 11 сентября 1941 г. был назначен на должность командующего войсками Западного фронта с одновременным присвоением ему звания генерал-полковника.

Враг тоже подвел итоги боев в районе Духовщины:

«16.09. Оборонительные бои на Днепре и Вопи были закончены. Путем напряжения всех сил и максимального применения дивизий удалось, после потери территории, не имеющей решающего значения, отразить наступление Тимошенко в целях взятия обратно Смоленска, предпринятого при превосходстве в живой силе и вооружении, и благодаря этому обеспечить возможность большого успеха под Ленинградом и Киевом. При этом сами дивизии понесли тяжелые потери.

Гораздо большими, однако, были потери у наступающих, которые примитивным образом посылали свои батальоны в бой цепь за цепью. Неповоротливость управления, неумение русских использовать местные успехи путем нанесения дальнейших ударов позволяли контратаками даже меньшими силами восстановить положение и захватить пленных <...>.

Несмотря на тяжелый кризис и огромнейшие потери, войскам и впредь удавалось локализовать прорывы противника. В этих боях Тимошенко израсходовал свои дивизии<...>.

Прибывшее пополнение [русских] было плохо обучено. Таким образом, были созданы предпосылки для исключитель-

ных в своем роде успехов в последующей затем вяземской битве». И далее:

«В ходе боев было взято в плен приблизительно 7 тыс. человек. Трофеи: 316 танков и разведывательных бронемашин, орудий — 128, автомашин всех видов — 2159, тракторов — 26.

Собственные потери: общие потери убитыми, пропавшими без вести, ранеными (8, 28, 161, 87, 285, 162, 86-й пд, 14-й моторизованной и 7-й танковой дивизий) — 13 687 человек (офицеров — 476).

8-й армейский корпус в составе 8, 28, 161-й пд потерял только убитыми и пропавшими без вести — 3936 (офицеров убито — 95, без вести пропало — 11). Наибольшие потери понесла 161-я пд, которая не смогла удержать передний край на р. Вопь, но предотвратила прорыв фронта, — 3822 (убито — 804, в том числе 27 офицеров, без вести — 468). 28-я пд потеряла 2606 (25 офицеров) человек, 14-я мд — 2250 (13 офицеров)¹».

Если попытаться сопоставить потери 19-й армии с 1.08 по 10.09 — порядка 45 тыс. человек против потерь ее основного противника 8-го ак — около 7 тыс., то соотношение составит 6,5:1 не в нашу пользу. С учетом ориентировочных потерь 7-й танковой (порядка одной тысячи человек) и 14-й моторизованной дивизий, привлекавшихся к проведению контратак, соотношение составит 4,4:1 в пользу противника.

В третьей декаде августа в огромной полосе советско-германского фронта, от Торопца до Новгород-Северского, шириной около 600 км развернулись ожесточенные бои. Особенно драматически развивались события на правом крыле Западного фронта. Овладению районом Великие Луки немцы придавали большое значение. Здесь находился стык между группами армий «Север» и «Центр». 20 июля противник занял город. В ходе боев шесть стрелковых дивизий 22-й армии под командованием генерала Ф.А. Ершакова вели бои с наступавшими 16 дивизиями противника, в том числе с тремя танковыми. 25 августа части 3-й немецкой танковой группы нанесли сильный удар в стык 22-й и 29-й армий. Обе армии фронта на-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 50.

чали отход на север и северо-восток. Тимошенко приказал командующему генералу В.А. Юшкевичу во что бы то ни стало удержать район Торопца, «запретить отход без приказа, самому КП без разрешения не менять. <...> Нарушителей выполнения приказа немедленно отстранять от должности, арестовывать и судить». Завязались тяжелые бои, в результате которых немцам удалось окружить 22-ю армию, нанеся ей очень тяжелые потери. 29.08 пал Торопец.

Для выяснения обстановки и оказания помощи войскам в армию был послан начальник оперативного управления фронта генерал Маландин, который вскоре доложил начальнику штаба фронта генералу Соколовскому:

«<...> Вышедшие [из окружения] хозяйства не представляются полноценными вследствие потерь в личном составе и матчасти, а также ввиду значительного расстройств органов управления»¹.

29 августа член Военного совета фронта Д.А. Лестев и Г.К. Маландин доложили Соколовскому, что они собирают все, что «болтается в тылах», и что одного командира они расстреляли на месте. К 1 сентября ослабленные части 22-й армии, вышедшие из окружения, сумели остановить противника западнее Андреаполя.

Приведу мрачную статистику потерь — во что обошлись войскам армии бои у Великих Лук. До начала боев — на 20.08 — в боевых частях армии числилось 71 613 человек. С 21 по 27.08 было эвакуировано 7271 раненый. На 7.09 вышло из окружения, по неполным данным, 20 025 человек. Таким образом, безвозвратные потери составили более 44 тыс. человек. Хотя в тылу противника осталось много групп и одиночек, которые продолжали пробираться к своим частям. Армия понесла большие потери и в вооружении, и в технике. Согласно донесению, из окружения удалось вынести (в скобках — количество не вынесенного): пулеметов станковых — 25 (354), ручных — 39 (486), минометов — 30 (261), артиллерийских орудий всех систем — 39 (264), автомашин — из 1273 к 3.09 вывели — 370 [6].

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 212. Л. 108.

Соседняя 29-я армия в боях с 23 июля по 11 августа потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести 2427 человек. За этот период ее войсками было уничтожено 7 рот, 18 минометов и 5 танков противника, захвачено 3 противотанковых орудия, 18 станковых пулеметов, 8 автоматов, 5 минометов, 4 автомашины.

30-я армия генерала В.А. Хоменко 29 августа пришла на помощь своему соседу, атаковав и прорвав немецкую оборону восточнее Велижа. Кавалерийская группа генерал-майора Л.М. Доватора (в составе 50-й и 53-й кавалерийских дивизий) вошла в сделанный пехотой прорыв и начала глубокий рейд по немецким тылам, который продолжался более недели. Своими действиями группа Доватора связала три немецкие дивизии, направленные для защиты тылов.

Ельнинская наступательная операция Резервного фронта проводилась, по официальным данным, в период с 30 августа по 8 сентября 1941 г., но бои в этом районе начались еще 19 июля и продолжались более 7 недель. Без рассмотрения боевых действий, предшествующих первой успешной наступательной операции Красной Армии, не обойтись — из песни слова не выкинешь.

По нашим данным, 19 июля в 15.00 20 танков и мотоциклисты врага отбросили боевое охранение и прорвались на передний край обороны 19-й стрелковой дивизии 24-й армии¹. К 19 часам противник силами до 60 танков овладел городом. Донесение об этом поступило только на следующий день — к 13.50 20.07. Предпринятая в 9.30 20.07 контратака частей 19-й с 20 танками Т-26 успеха не имела. Не имела успеха и повторная атака в 15.00.

По немецким данным, Ельня была захвачена частями 10-й тд из 46-го тк 2-й танковой группы Гудериана 19 июля 1941 г. Танки дивизии ворвались в город на последних каплях горючего. На следующий день горючее подвезли, и 10-я танковая дивизия, отражая недостаточно организованные контратаки русских, сумела продвинуться еще немного на восток. На

¹ На 18 июля 19-я сд личным составом была укомплектована на 65%. На вооружении имела (в скобках — положено по штату): винтовок — 2462 (8435), пулеметов станковых — 8 (108), ручных — 24 (165), ППД — 17 (166), 50-мм минометов — 7 (81).

большее у дивизии не хватило сил. К 22 июля в строю танкового полка дивизии осталось всего 9 танков (5 легких Т-II и 4 средних Т-III) из 200, с которыми она пересекла советскую границу. Остальные частью вышли из строя из-за поломок, частью были подбиты или сожжены в боях. Немцы перешли к обороне, создав на восточном берегу р. Десна плацдарм шириной в основании до 30 км и глубиной — 20 км. На плацдарме вначале оборонялись только части 10-й танковой и моторизованной дивизии СС «Рейх», потому что немецкая пехота далеко отстала от подвижных частей Гудериана.

24-я армия под командованием генерал-майора К.И. Ракутина пыталась ударами под основание ельнинского выступа ликвидировать опасный плацдарм. Немцы с трудом отбивали атаки наших войск, так как их 37-мм противотанковые пушки были не в состоянии успешно бороться с танками Т-34 и КВ. Ценой больших потерь удалось добиться лишь небольшого продвижения, но немцы контратаками восстановили положение. Несмотря на все усилия наших войск, сломить сопротивление противника и ликвидировать плацдарм не удалось. Немцы умело маневрировали резервами, быстро выдвигая их на угрожаемые участки. Для борьбы с русскими танками они использовали имеющиеся в корпусе штурмовые орудия, а также 88-мм зенитные орудия частей ПВО. Ощутимую поддержку наземным частям оказывала авиация, в том числе пикировщики Ю-87.

Так, 24 июля части моторизованной дивизии СС «Рейх», оборонявшие северный фас выступа на фронте более 30 км, были атакованы советской пехотой при поддержке тяжелых танков. На следующий день в ходе боя несколько советских танков прорвалось через стык между дивизией «Рейх» и 10-й тд. При этом три из них сумели пробиться к самой Ельне. Положение немцам удалось восстановить лишь потому, что действия танков не были поддержаны русской пехотой, которая отстала. По немецким данным, на поле боя осталось 16 подбитых советских танков. А всего, согласно докладом, части дивизии «Рейх» и 10-й тд 25 июля уничтожили 78 советских танков [13]. С 1 по 6 августа мд СС «Рейх», подошедшие моторизованный полк «Великая Германия» и 268-я пехотная дивизия из состава 46-го моторизованного корпуса, подвергавшиеся почти непрерывным артобстрелам, сумели отразить атаки наших войск. При этом они понесли большие потери.

Операция под Ельней затягивалась. Противник непрерывно подтягивал на плацдарм дополнительные силы, используя для подвоза пехоты автотранспорт танковой дивизии и 46-го моторизованного корпуса. Дальнейшие события в этом районе с точки зрения немцев хорошо прослежены в статье Б.К. Кавалерчика «Сражение за Ельню» [14]. К 28 июля противник подтянул 263-ю и 292-ю пехотные дивизии 9-го ак, которые заняли оборону на южном фланге выступа. К 17 августа противник полностью завершил смену подвижных соединений пехотными. Части 10-й тд и моторизованный полк «Великая Германия» были выведены из боя в резерв 46-го мк. В ходе непрерывных боев немецкие соединения несли большие потери. Командиры 9-го и 20-го корпусов требовали подкреплений. Но никто из высшего германского командования не хотел брать на себя ответственность за решение — продолжать ли удерживать плацдарм или оставить его, так как наступление на Москву было отложено. Наконец, 28 августа командующий 4-й армией фон Клюге подал рапорт командующему группой армий «Центр» фон Боку. В нем он предсказал, что если русские начнут атаковать на узких участках при поддержке артиллерии целыми дивизиями вместо батальонов, то немецкая оборона неизбежно рухнет. Он продолжал, что ельнинский выступ первоначально был захвачен в качестве плацдарма для наступления, а оборонять его очень трудно, выступ имел ширину всего 18 километров и насквозь простреливался русской артиллерией. Каждая защищавшая его дивизия ежедневно теряла в среднем от 50 до 150 человек. Для снабжения размещенных там войск имелась всего одна дорога. В конце рапорта фон Клюге рекомендовал или немедленно возобновить наступление на Москву, или сдать выступ.

Как начальник Генштаба, генерал армии Г.К. Жуков знал о тяжелом положении 24-й армии, войскам которой не хватало самого необходимого: ручных гранат, 122-мм снарядов, снарядов для РС и средств связи. Из имевшихся в Резервном фронте к началу августа 84 самолетов треть была неисправной. С назначением его командующим Резервным фронтом (с 30 июля 1941 г.) Жуков составил заявку на поставку фронту маршевого пополнения и необходимых материальных средств. Он также просил дать фронту дополнительно два авиаполка — 64 самолета. С прибытием на место, чувствуя,

что запланированные поставки могут быть сорваны, Жуков телеграфирует 1 августа в Генштаб:

«Если не будет принято мер обеспечения моего плана, я план отменяю и проводить его не буду, т.к. необеспеченный план это гарантированный провал.

Прошу срочно отправить в район Ельни все, что я просил»¹.

Справедливое требование, ничего не скажешь. Не каждый командующий фронтом решится так поставить вопрос. Но не надо забывать, что Жуков являлся членом Ставки ВГК. Когда 3 августа в 127-ю стрелковую дивизию прислали на пополнение 5 тыс. безоружных человек, Жуков пригрозил, что будет жаловаться лично Сталину.

Главной задачей фронта по-прежнему была ликвидация ельнинского выступа, который оценивался советским военным руководством как удобный плацдарм для наступления на Москву. Немцы по этой же причине решили его удержать во что бы то ни стало. Впервые во Второй мировой войне им пришлось перейти к обороне, и они не хотели сдавать Ельню хотя бы из соображений престижа. Никто не хотел уступать. А сроки поджимали — в это время Резервному фронту было приказано 6 августа «продолжать энергичное и решительное наступление под Ельней с задачей окружения и уничтожения ельнинской группировки противника...»².

Войска 24-й армии 17 августа возобновили наступление на плацдарм, в обороне которого к этому времени участвовало пять дивизий немецкой 4-й армии. Дело дошло до того, что на участке 120-й стрелковой дивизии в бой бросили наиболее подготовленную пятую роту только что сформированной 6-й дивизии народного ополчения. Командовал ротой командарм 2-го ранга запаса Орлов. Рота выполнила поставленную боевую задачу, выбила противника из деревни Алексеевка Коробецкого сельсовета Ельнинского района. После боя в роте осталось лишь пять человек, в их числе и Орлов. Контратаку немцев уже отражало другое подразделение. Несмотря на все усилия наших войск, окружить и уничтожить немецкие части в районе Ельни не удалось,

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 684. Д. 9. Л. 9.

² ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3763. Д. 107. Л. 23, 24. Здесь и далее ссылки на документы фондов Ставки и Генштаба, к которым автор не допущен. Цит. по: Невзоров Б.И. [29]

21 августа Жуков доложил в Ставку:

«При существующей малочисленности наших частей окончательно окружить и уничтожить 4—5 немецких пехотных дивизий невозможно. Дальнейшее ведение боя в существующем составе приведет к окончательной потере боеспособности действующих частей.

Сейчас необходимо пополнить части хотя бы до 60% состава, подтянуть побольше снарядов, дать передохнуть бойцам, тщательно выявить у противника слабые места, после чего стремительно атаковать.

Прошу Вашего разрешения:

- 1) Прекратить до 24.08 общее наступление.
 - 2) Пополнить за это время части четырнадцатью прибывшими маршевыми батальонами...
 - 4) Начать атаки с новыми силами с утра 25.08.
- Жуков»¹.

Войска генерала Ракутина получили приказ прекратить атаки и к 29.08 подготовить новую операцию. Анализируя причины предыдущих неудачных действий войск 24-й армии, Жуков выявил недопустимую безграмотность в использовании в бою танков и танковых частей, которые в результате этого несли большие потери в живой силе и материальной части. В приказе фронта от 21 августа он, в частности, потребовал:

«1. Запретить вводить танки в бой без тщательной разведки системы огня противника, местности и без увязки на поле боя взаимодействия командира танкового взвода или роты с командирами стрелкового батальона и артиллерийского дивизиона или батареи.

2. Запретить вводить танки в бой без тщательной отработки взаимного опознавания, без установления сигналов вызова и прекращения огня.

3. Строжайше предупреждать перед каждой атакой всех бойцов, младших и средних командиров о недопустимости отставания от танков во время атаки, следствием чего обычно является срыв наступления и большие потери.

4. Не допускать подчинения танков командирам стрелковых рот, и, как правило, танки подчинять командирам стрелковых батальонов и полков, действующих на главных направлениях <...>» [15].

¹ ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 178510. Д. 29. Л. 10, 11.

Жуков предупредил командиров частей и соединений о недопустимости преступного отношения к выполнению приказов: если боевая задача не будет выполнена, командование будет арестовано и предано суду военного трибунала. В ходе боев за Ельню командиры 103, 105 и 106-й дивизий были сняты Жуковым со своих должностей и назначены с понижением.

25 августа командование Резервного фронта получило директиву Ставки:

«<...> 2. Войскам Резервного фронта, продолжая укреплять главными силами (31, 49, 32 и 33-я армии. — Л.Л.) оборонительную полосу на рубеже Осташков, Селижарово, Оленино, р. Днепр (западнее Вязьмы), Спас-Деменск, Киров, 30 августа левофланговыми 24-й и 43-й армиями перейти в наступление с задачами: покончить с ельнинской группировкой противника, овладеть Ельней и, нанося в дальнейшем удары в направлениях Починка и Рославля, к 8 сентября 1941 г. выйти на фронт Долгие Нивы, Хиславичи, Петровичи, для чего:

а) 24-й армии в составе восьми сд, одной тд, одной мд — концентрическими ударами уничтожить ельнинскую группировку противника и к 1 сентября выйти на фронт ст. Б[ольшая] Нежода, Петрово, Стройна; в дальнейшем, развивая наступление, нанести удар в направлении на Починок и, овладев последним, к 8 сентября выйти на фронт Долгие Нивы, Хиславичи;

б) 43-й армии, оставив 222-ю и 53-ю стр. дивизии на занимаемом фронте обороны и главные силы армии на обороне спас-деменских и кировских позиций, двумя стрелковыми и двумя танковыми дивизиями 30 августа перейти в наступление в общем направлении на Рославль и, овладев Рославлем, к 8 сентября выйти на фронт (иск.) Хиславичи, (иск.) Петровичи<...>» [6].

Ставка утвердила план операции, представленный командующим Резервным фронтом. По плану разгром ельнинской группировки предусматривалось завершить к 3 сентября. К началу наступления в состав 24-й армии, усиленной тремя стрелковыми соединениями, входили тринадцать дивизий¹. Прорыв обороны, окружение и разгром противника преду-

¹ По официальным данным, на 1.09 в армию входили: 19, 100, 106, 107, 120, 303, 309-я стрелковые дивизии, 6-я дивизия народного ополчения, 102-я, 105-я танковые и 103-я моторизованная дивизии.

смаatrивалось осуществить силами девяти дивизий, включая 102-ю и 105-ю танковые и 103-ю моторизованную дивизии, всего 60 тыс. человек, 800 орудий и минометов, 35 танков. Остальные четыре стрелковые дивизии оборонялись на рубеже р. Ужа, севернее ельнинского выступа.

Войскам 24-й армии на фронте более 70 км противостояли части 9-го и 20-го армейских корпусов 4-й немецкой армии. На 30 августа немецкие соединения располагались на выступе в следующем порядке (см. схему 2). 137-я пд из 9-го ак занимала позиции на северо-западной стороне выступа, между реками Устром и Ужа. Слева от нее за пределами выступа располагалась 15-я пд из состава того же 9-го ак, позиции которой уходили на север, к Днепру. В резерве 9-го ак была 263-я пд. Правее 137-й пд начиналась зона ответственности 20-го ак. Его 78, 292 и 268-я пехотные дивизии оборонялись по периметру выступа, от реки Ужа на севере до Десны на юге. Последний участок на юго-западе выступа между реками Десна и Стряна защищал один полк из состава 7-й пд. Его соседом справа, уже за пределами ельнинского плацдарма, была 23-я пд, входившая в 7-й ак. Ее позиции уходили на юг вдоль реки Стряна. В резерве у немцев в этом районе находились 7-я пд (без одного полка), 10-я тд и мп «Великая Германия». Они располагались в районе г. Починок на расстоянии свыше 50 километров юго-западнее Ельни и составляли резерв всей немецкой 4-й армии, а не только ельнинской группировки [14]. Таким образом, непосредственно на ельнинском выступе оборонялась группировка противника в составе немногим более четырех дивизий, а с учетом действующих на флангах — шести. Она насчитывала около 70 тыс. человек, 500 орудий и минометов. Соотношение в людях было примерно равным, но 24-я армия превосходила противника в артиллерии в 1,6 раза. В решающем наступлении на Ельню участвовало не менее 35 танков. У немцев на плацдарме не было к этому времени ни танков, ни штурмовых орудий.

Таким образом, всем известная Ельнинская наступательная операция началась через 40 с лишним дней почти непрерывных и кровопролитных боев за плацдарм. В 7.00 30 августа началась артподготовка, в которой участвовало 800 орудий, минометов и ракетных установок. Противник оказывал отчаянное сопротивление. Ему ничего не стоило правильно определить направления ударов наших войск. За счет манев-

ра силами и средствами немцы своевременно усиливали угрожаемые направления, использовали каждую возможность для контратак. За первые сутки успеха достигла лишь южная ударная группа, дивизии которой продвинулись на участке прорыва до 1,5 км.

Низкие темпы наступления были обусловлены целым рядом причин. Дивизии прорывали оборону противника на узких участках, но каждая в своей полосе. Из-за ограниченного количества боеприпасов оборона противника была подавлена недостаточно. К тому же разведке не удалось достаточно полно вскрыть систему огня противника, расположение его огневых средств. Сказались неумение применять маневр пехотой и танками на поле боя, а также большие потери среди командиров подразделений, которые личным примером вели бойцов в атаку.

В этот критический момент Жуков потребовал покончить с примиренческим отношением «к трусливым жалобам на огонь противника и действия его авиации. С такими преступными явлениями немедленно кончать и **заставить дивизии, полки и батальоны выполнить мой приказ** (выделено мною. — Л.Л.) и точно выйти к исходу дня на рубеж, указанный в приказе командующего армией.

<...> Требую от командиров и комиссаров всех степеней быть в первых рядах наступающих частей и своим личным примером продвигать части вперед.

<...> От представителей армии и фронта требую к исходу дня донести мне о всех командирах и комиссарах, проявивших трусость и чрезмерную осторожность»¹.

Такие жесткие требования командующего фронтом в данном случае не вызывались обстановкой. Скорее они объяснялись заботой Жукова о своем престиже. «Ельнинская операция, — вспоминал он позже, — была моей первой самостоятельной операцией, первой пробой личных оперативно-стратегических способностей в большой войне с гитлеровской Германией. Думаю, каждому понятно, с каким волнением, особой осмысленностью и вниманием я приступил к ее организации и проведению». На Жукове, как начальнике Генерального штаба, висела немалая часть вины за поражения

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 9. Л. 160.

Красной Армии с началом войны. Его только что отстранили от этой должности. Поэтому он не мог допустить провала очередной своей попытки ликвидации плацдарма. Характерно, что и в конце апреля 1945 г. уже в Берлине — на пороге Великой Победы — Жуков, обвинив командиров соединений и частей в трусости, потребовал, чтобы они лично вели в бой солдат. В последние дни там погибли многие командиры частей и подразделений...

Подобные требования приводили лишь к росту потерь среди старшего (и не только) командного состава, которого и так не хватало. Было бы лучше, если бы они оставались на своих командных и наблюдательных пунктах, организуя подавление огнем выявленных узлов сопротивления противника, обеспечивая тем самым продвижение своих частей. Совсем не случайно в 1942 году были внесены изменения в боевой устав, где было четко зафиксировано место командира в бою — там, откуда ему удобнее руководить боем.

В ходе ожесточенных боев на северном фасе выступа нашим частям удалось вклиниться в оборону противника на глубину 2 км на участке 3 км в ширину. 1 сентября они вышли к д. Волосково и перерезали железную дорогу, ведущую к Ельне. Утром 3 сентября возобновили наступление и части южной группировки 24-й армии. Им удалось отбить у немцев деревни Леоново и Щеплево. Но южнее Леоново все 15 танков 103-го отдельного танкового батальона, поддерживавшие атаку пехоты 303-й сд, застряли в болоте. В который раз сказалось пренебрежение разведкой местности. К утру следующего дня удалось вытащить из болота только 9 машин [16]. Тем не менее к исходу 3 сентября войска 24-й армии, отразив сильные контратаки, глубоко охватили группировку противника. Командиры немецких дивизий докладывали, что не в силах более удерживать позиции. Возникла угроза, что фронт может в любой момент рухнуть. Тяжелое положение немцев усугублялось тем, что одновременно с ельнинской началась Рославль-Новозыбковская наступательная операция Брянского фронта, а 1 сентября 16, 19 и 20-я армии Западного фронта возобновили наступление в районе Духовщины. Немногочисленные немецкие резервы были втянуты в тяжелые бои.

К 4 сентября горловина мешка, в котором оказались немецкие войска, сузилась до 6 км. В этот день состоялись пе-

реговоры Сталина и Шапошникова с Жуковым, запись которых приводится ниже:

«У аппарата **Жуков**.

У аппарата **Сталин, Шапошников**. Здравствуйте. Вы, оказывается, проектируете по ликвидации Ельни направить силы в сторону Смоленска, оставив Рославль в нынешнем неприятном положении. Я думаю, что эту операцию, которую Вы думаете проделать в районе Смоленска, следует осуществить лишь после ликвидации Рославля. А еще лучше было бы подождать пока со Смоленском, ликвидировать вместе с Еременко Рославль и потом сесть на хвост Гудериану, двигая некоторое количество дивизий на юг. Главное — разбить Гудериана, а Смоленск от нас не уйдет. Все.

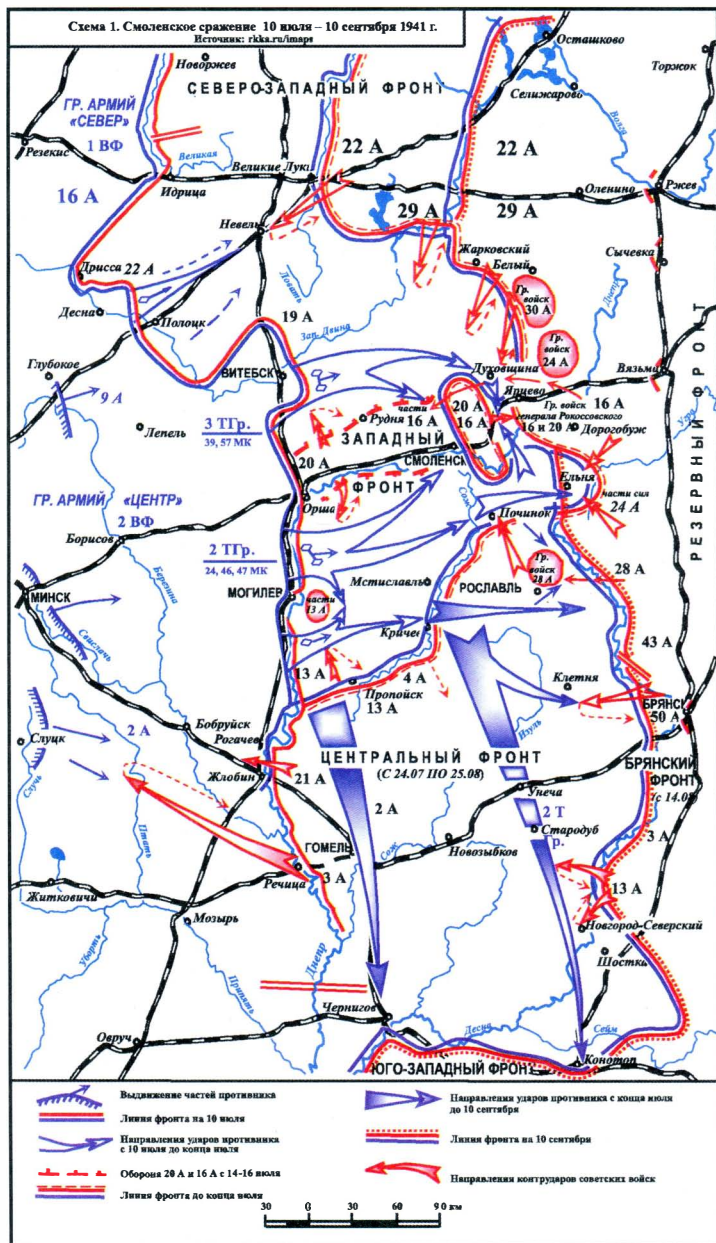
Жуков. Здравия желаю, товарищ Сталин. Товарищ Сталин, об операции в направлении на Смоленск я не замышляю и считаю, этим делом должен заниматься Тимошенко. Удар 109, 149 и 104 (речь идет о 149-й стрелковой, 104-й и 109-й танковых дивизиях 43-й армии. — **Л.Л.**) я хотел бы нанести сейчас в интересах быстреешего разгрома ельнинской группы противника, с ликвидацией которой я получу дополнительно 7—8 дивизий для выхода в район Починок (50 км западнее Ельни. — **Л.Л.**), и, заслонившись в районе Починок со стороны Смоленска, я мощной группой мог бы нанести удар в направлении Рославля и западнее, т. е. в тыл Гудериану. Как показывает опыт, наносить глубокий удар в 3—4 дивизии приводит к неприятностям, ибо противник такие небольшие группы быстро охватывает своими подвижными частями. Вот почему я просил Вашего согласия на такой маневр. Если прикажете бить на рославльском направлении, это дело я могу организовать. Но больше было бы пользы, если бы я вначале ликвидировал Ельню. Сегодня к исходу дня правым флангом нашей ельнинской группировки занята Софиевка. У противника горловина осталась всего 6 км. Я думаю, в завтрашний день будет закончено полностью тактическое окружение. Все.

Сталин. Я опасаюсь, что местность в направлении на Починок лесисто-болотистая и танки у вас могут там застрять.

Жуков. Докладываю. Удар намечается через Погуляевку, южнее р. Хмара по хорошей местности с выходом в район Сторино, Васьково, 30 км с.-з. Рославля, км 10 южнее Починок. Кроме того, наносить удар по старому направлению не следует. На нашу сторону сегодня перешел немецкий солдат,

Схема 1. Смоленское сражение 10 июля – 10 сентября 1941 г.

Источники: gika.ru/tara

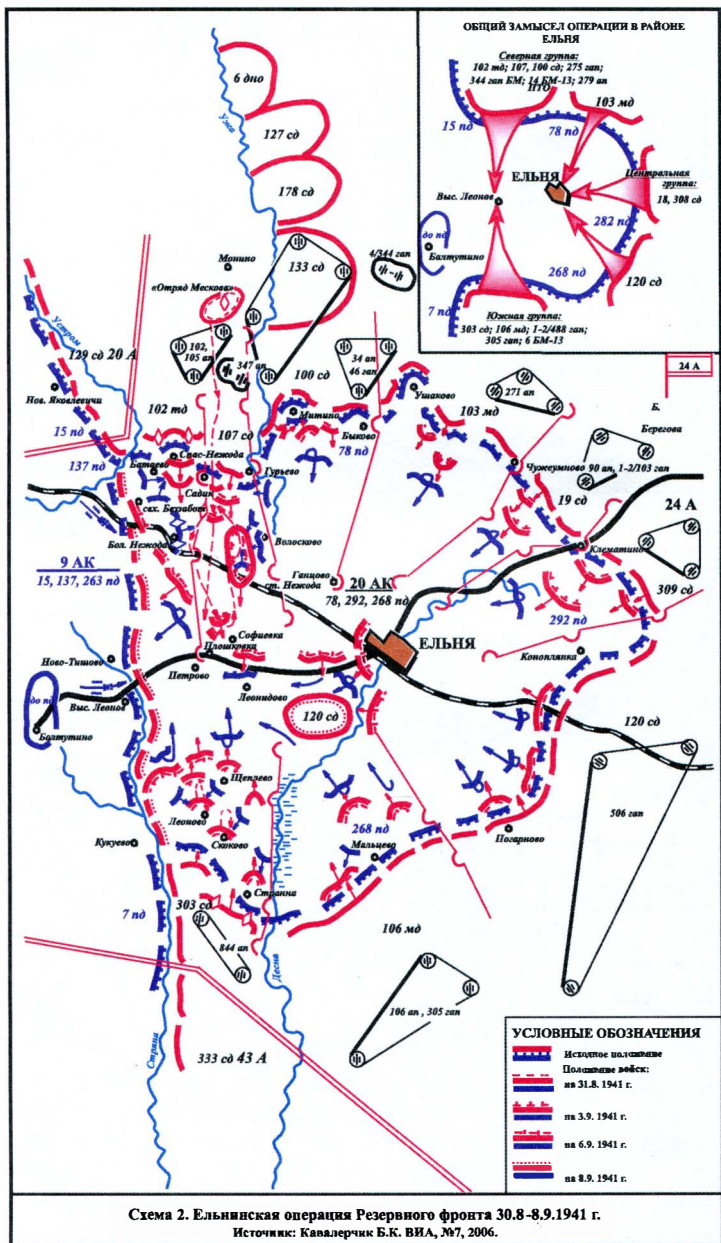

Схема 2. Ельнинская операция Резервного фронта 30.8-8.9.1941 г.

Источник: Кавалерчик Б.К. ВИА, №7, 2006.

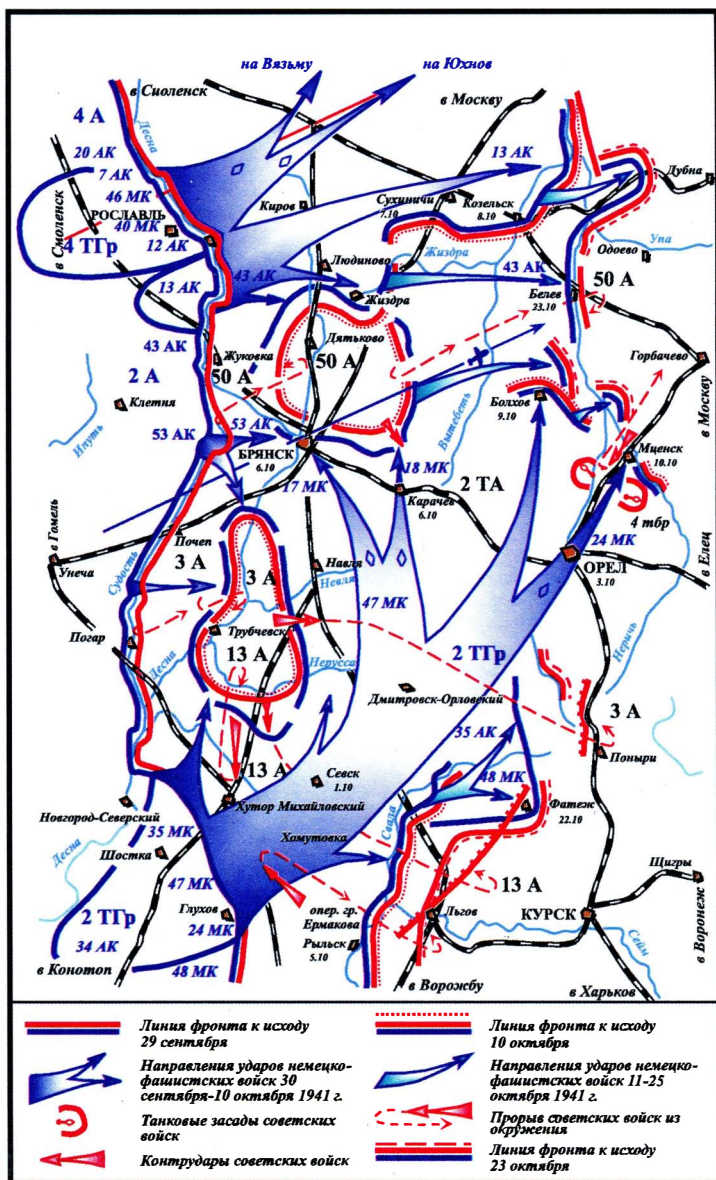
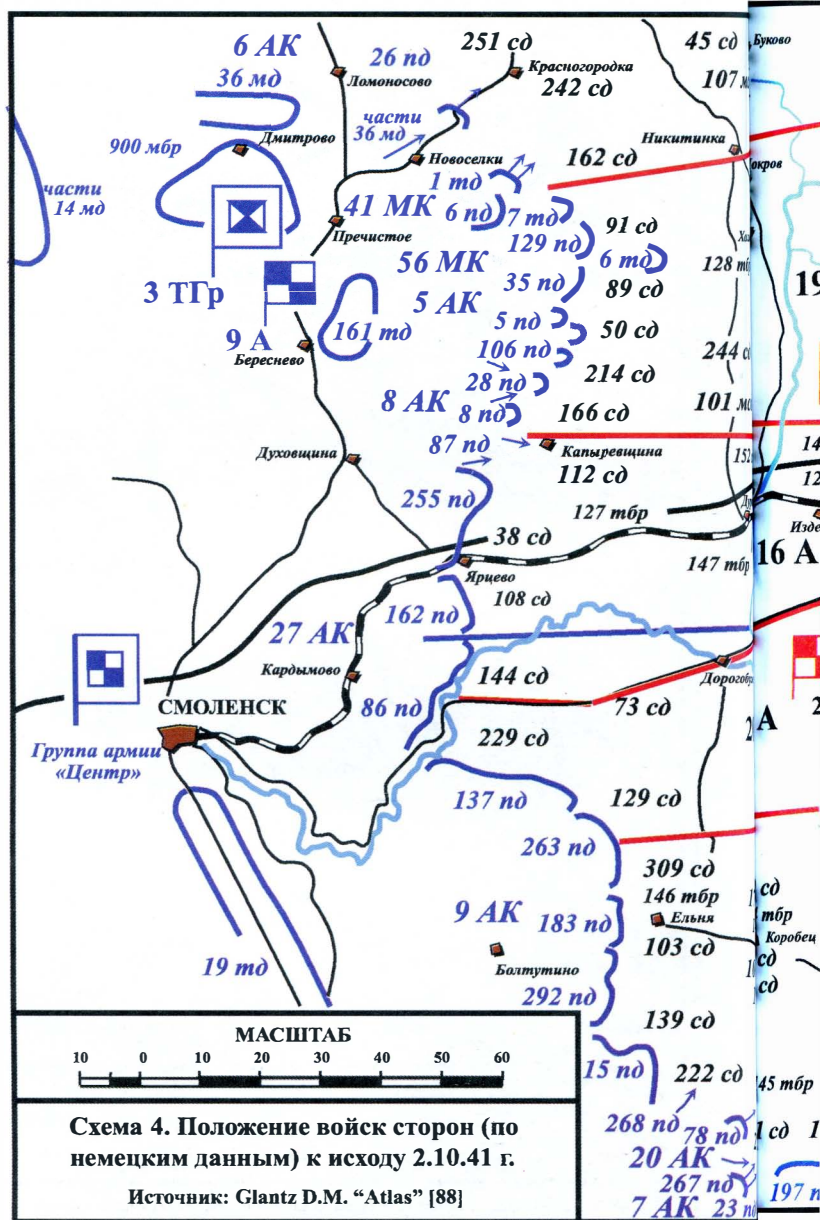
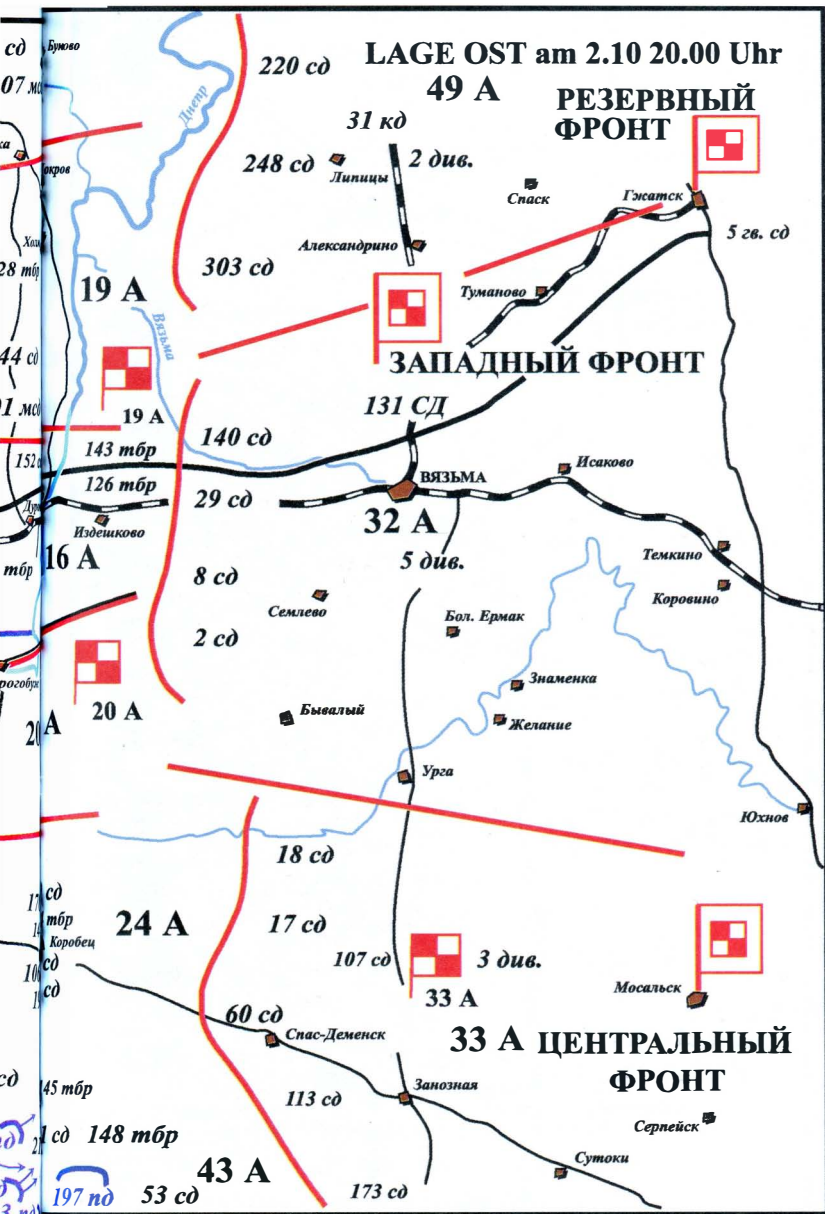
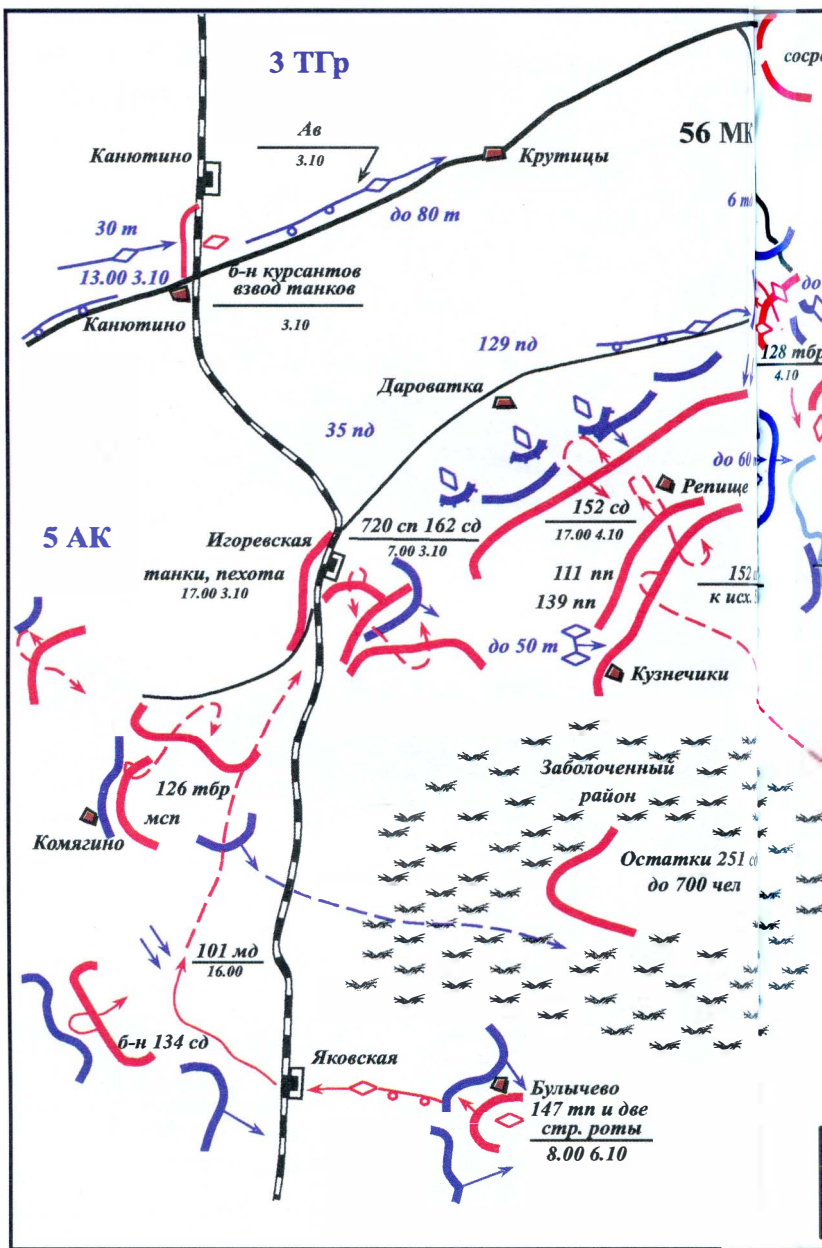

Схема 3. Общий ход боевых действий в полосе Брянского фронта с 30.9 по 23.10.1941 г.

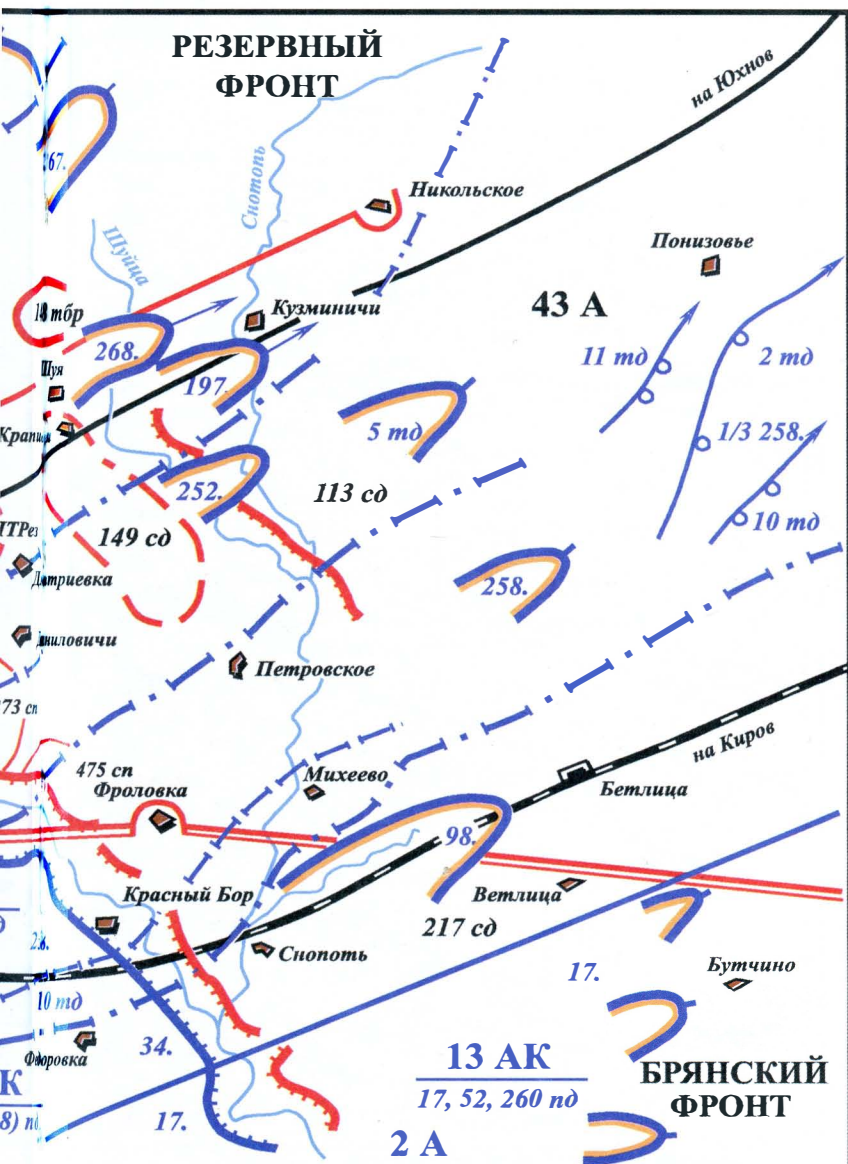
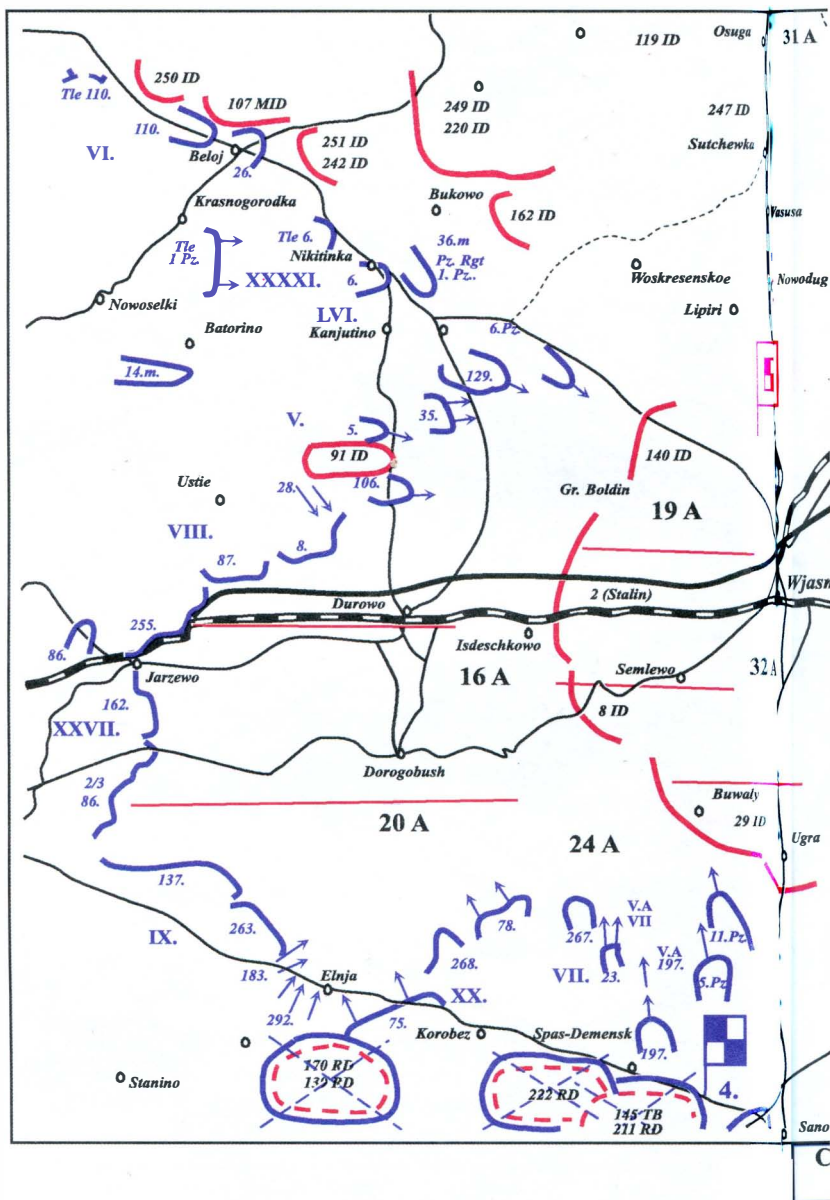

Схема 6. Группировка противника
и положение на 4 октября 1941 г.

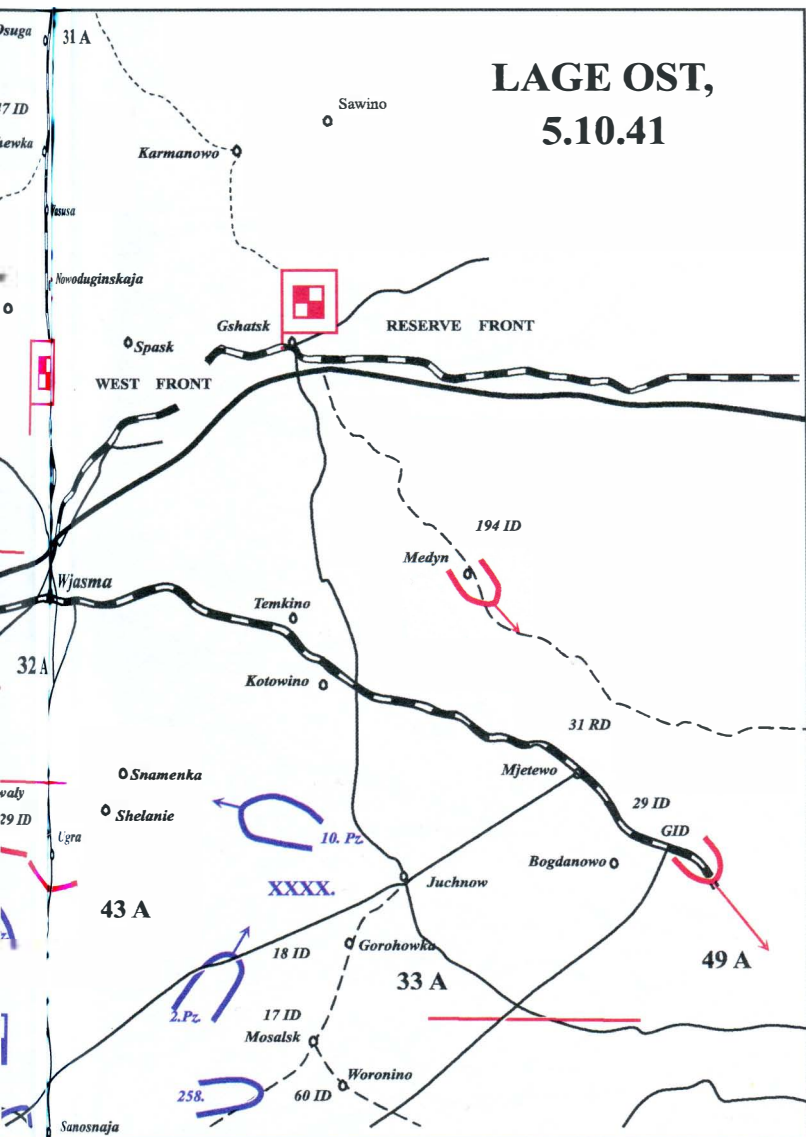

Схема 7. Положение войск противника в районе Вязьмы

на 5.10.41 г.

Источник: Glantz D.M. "Atlas" [88]

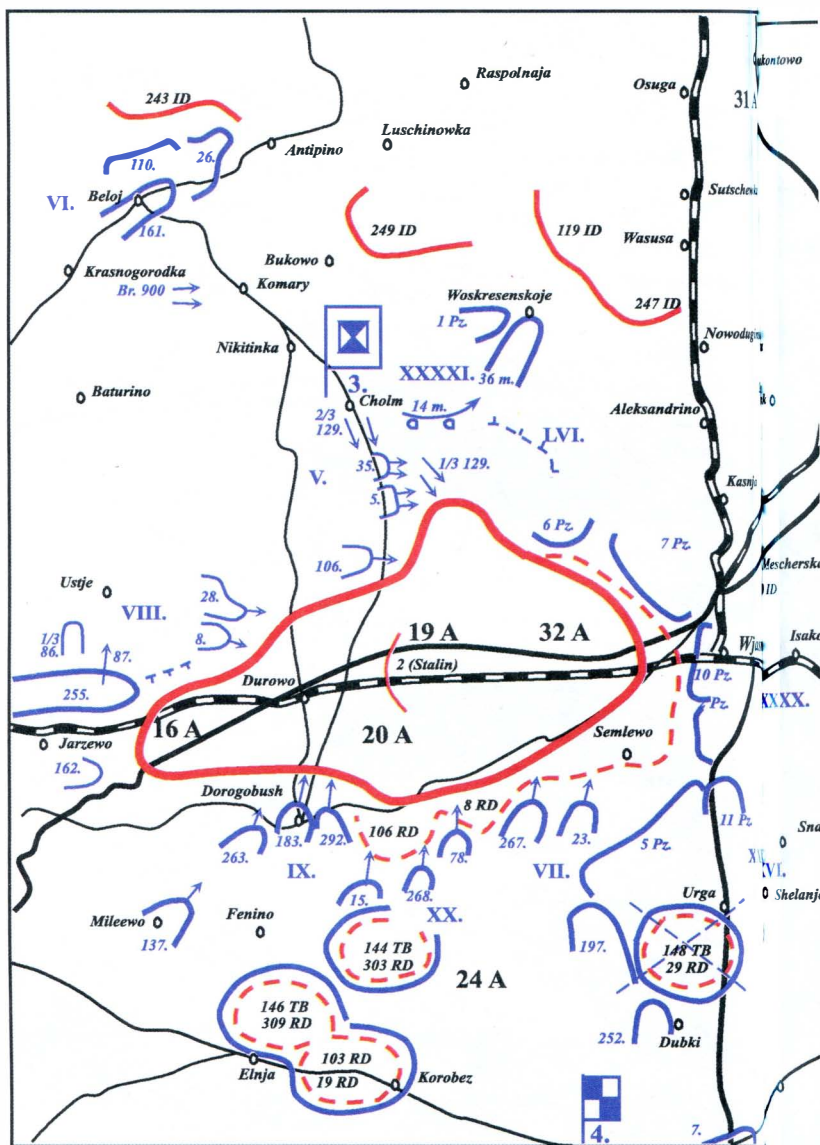
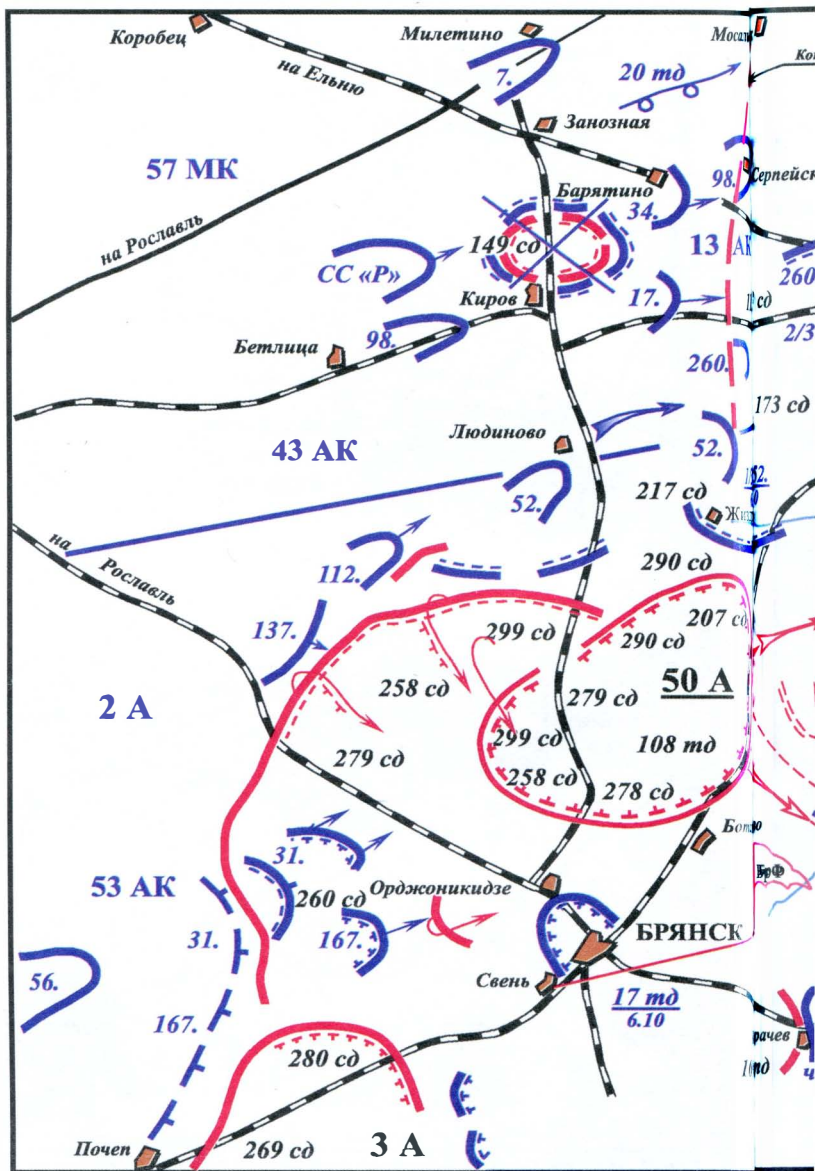

Схема 8. Положение войск противника на 20.00 7.10.41 г.

Источник: Glantz D.M. "Atlas"[88].

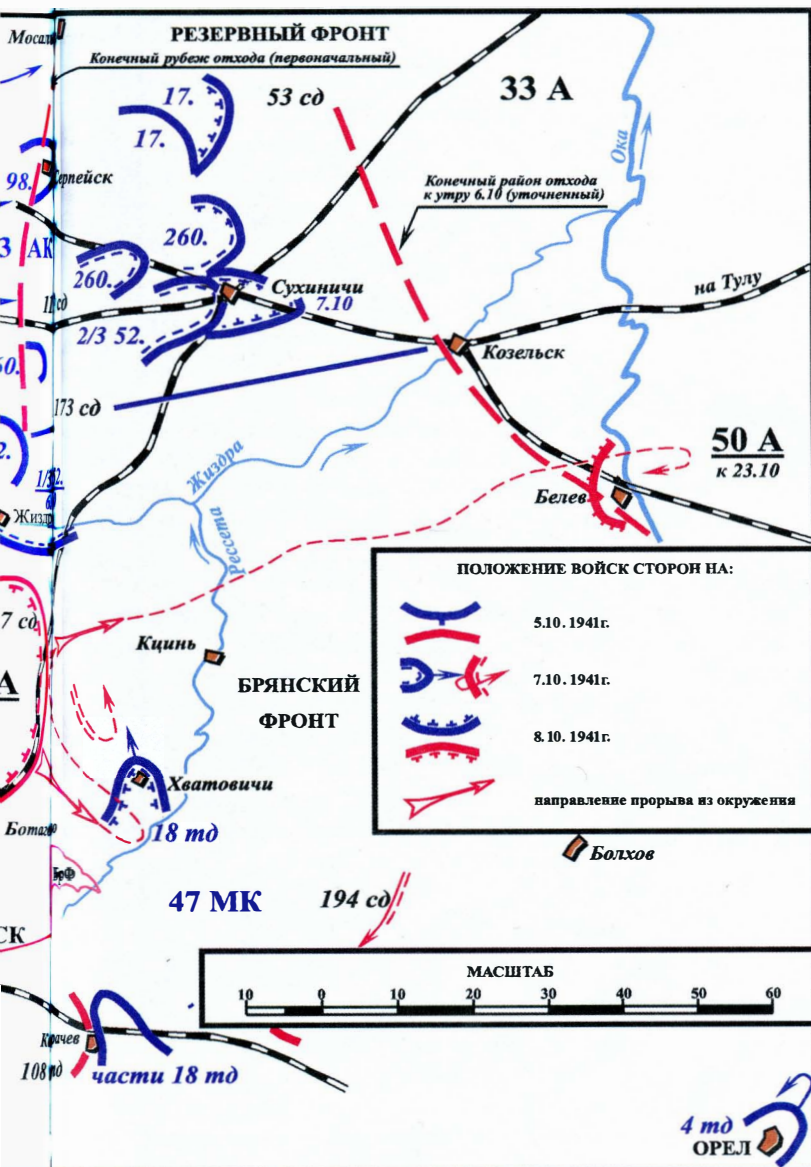
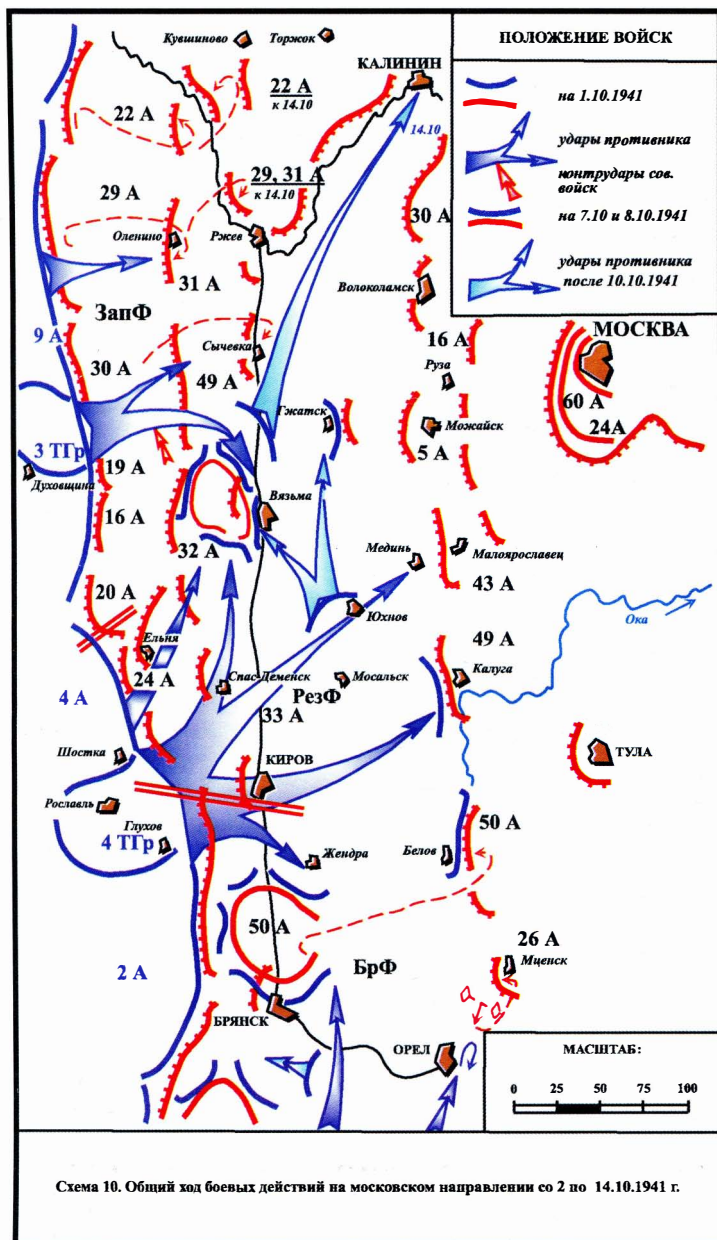

Схема 9. Ход боевых действий на правом крыле
 Брянского фронта 5-8 октября 1941 г.

который показал, что сегодня в ночь разбитая 23-я пехотная дивизия сменена 267-й пехотной дивизией, и тут же он наблюдал части СС. Удар севернее выгоден еще и потому, что он придется по стыку двух дивизий. Все.

Сталин. Вы в военнопленных не очень верьте, допросите его с пристрастием, а потом расстреляйте. Мы не возражаем против предлагаемого Вами маневра на 10 километров южнее Починок. Можете действовать. Особенно сосредоточьте авиационный удар, используйте также РС. Когда Вы думаете начать?

Жуков. Перегруппировку произведу к седьмому. Седьмого подготовка, восьмого на рассвете удар. Очень прошу подкрепить меня снарядами РС, 76 [мм], да и 152 мм 09/30 года, минами 120 мм. Кроме того, если можно, — один полк «илов» и один полк Пе-2 и танков — штук 10 КВ и штук 15 Т-34. Вот все мои просьбы. Все.

Сталин. К сожалению, у нас нет пока резервов РС. Когда будут — дадим. РС-ы получите. Жалко только, что Еременко придется действовать одному против Рославля. Не можете ли организовать нажим на Рославль с северо-востока?

Жуков. Нечем, нечем, товарищ Сталин. Могу только отдельными отрядами, подкрепив их артиллерией, но это будет только сковывающий удар, а главный удар нанесу на рассвете восьмого; постараюсь, может быть, выйдет, на рассвете седьмого. Еременко еще далеко от Рославля, и я думаю, товарищ Сталин, что удар седьмого или восьмого — это будет не поздний удар. Все.

Сталин. А прославленная 211-я дивизия долго будет спать? (Об этой дивизии в Ставку ранее докладывали, что она в панике бежала с поля боя, поставив соседнюю 149-ю сд в трудное положение. — Л.Л.)

Жуков. Слушаю. Организую седьмого. 211-я сейчас формируется, будет готова не раньше 10-го. Я ее потяну в качестве резерва, спать ей не дам. Прошу Вас разрешить немедленно арестовать и судить всех паникеров, о которых докладывал. Все.

Сталин. Седьмого будет лучше, чем восьмого. Мы приветствуем и разрешаем судить их по всей строгости. Все. До свидания.

Жуков. Будьте здоровы» [6].

Небольшое отступление в связи с просьбой Жукова разрешить ему судить паникеров (потом он по таким «пустякам» к Сталину не обращался — просто посылал копии своих решений, если дело касалось больших начальников). После некоторого периода растерянности, вызванной внезапностью нападения (для войск) гитлеровской Германии на Советский Союз, бойцы и командиры Красной Армии проявляли в боях массовый героизм. Об этом писали в своих воспоминаниях многие военачальники, в том числе и маршал К. К. Рокоссовский. Вместе с тем он вынужден был признать, что встречалось немало фактов проявления военными трусости, паникерства, дезертирства и членовредительства с целью уклониться от боя. Командиры и личный состав некоторых частей не проявили должной выдержки и упорства в бою. После прорыва обороны советских войск танковыми частями противника эти части без приказа оставляли занимаемые позиции, стремились укрыться в лесах и самовольно отступали на восток. Так, с начала боевых действий по 20 июля особыми отделами НКВД фронтов и армий были задержаны на дорогах 103 876 военнослужащих, потерявших свои части и беспорядочно отступавших на восток. Отмечались также случаи массовой сдачи в плен. Уже в июне на некоторых фронтах по инициативе командования начали создавать заградительные отряды.

Военно-политическое руководство страны в целях укрепления дисциплины и стойкости войск восстановило в армии и на флоте институт военных комиссаров. Пришлось также пойти на беспрецедентные репрессивные меры. 16 августа 1941 г. был издан приказ Ставки ВГК № 270, который был адресован всем членам и кандидатам ЦК ВКП(б), секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, председателям областных крайисполкомов, СНК республик, всем секретарям райкомов, горкомов и председателям райисполкомов и горисполкомов. Он не подлежал опубликованию, но его предписывалось прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах. Согласно приказу, командиры и политработники, сдающиеся в плен, ставились вне закона и подлежали расстрелу на месте. В приказе об этом было сказано так: «Обязать каждого военнослужащего, независимо от его служебного положения <...> уничтожать их всеми средствами». Совершеннолетние члены семей военнослужащих, осужденных к высшей мере наказания (к рас-

стрелу) за измену Родине, подлежали аресту и ссылке сроком на пять лет. Семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишались государственного пособия и помощи. Судя по тексту, приказ писал сам Сталин, который в гневе перепутал должности и звания генералов, попавших в плен. Но никто из подписавших текст военачальников не посмел поправить вождя. Таким образом, уже в первые месяцы войны было окончательно сформировано отношение к военнопленным. В ходе боев разбираться было некогда, и под этот приказ порой попадали и правые, и виноватые.

5 сентября Сталин согласился с созданием заградотрядов на Брянском фронте. А 12 сентября Ставка ВГК узаконила эту практику специальной директивой № 001919, в которой отмечалось, что «в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме врага бросают оружие, начинают кричать: «Нас окружили!» — и увлекают за собой остальных бойцов». Директива требовала создать в каждой стрелковой дивизии заградотряды из расчета по одной роты на полк с основной задачей оказывать «помощь командному составу в поддержании твердой дисциплины в дивизии, приостановку бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия, ликвидацию инициаторов паники...»¹.

В вермахте тоже применялись строгие меры по поддержанию воинской дисциплины, была разработана система наказаний за воинские преступления. Пока немцы продвигались вперед, эти меры применялись достаточно редко. Так, за сентябрь 1941 г. в частях 8-го армейского корпуса были вынесены и приведены в исполнение смертные приговоры: один солдат был расстрелян за дезертирство и один — за членовредительство². После первых же поражений, когда гитлеровцы начали отступать, в войсках на Восточном фронте были созданы заградительные отряды.

В некоторых частях ВВС были выявлены факты «скрытого дезертирства» летчиков (уклонение от боя в связи с «выходом из строя» вооружения, различных неисправностей и т.д.). Кроме репрессивных мер, советское командование сделало попытку стимулировать личный состав Красной Армии за бо-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 216. Л. 209.

² NARA. T314, R383, F000835.

лее эффективное использование вооружения для нанесения урона врагу. Для поощрения боевой работы летного состава ВВС приказом Наркома обороны № 0299 от 19.08.1941 г. был введен новый порядок награждения летчиков за успешные боевые вылеты. В соответствии с этим приказом летчики штурмовой авиации представлялись к боевой награде и получали денежную премию в размере 1000 рублей за 10 успешных боевых вылетов днем или 5 вылетов ночью по разрушению и уничтожению объектов противника. За последующие 10 боевых вылетов летчик-штурмовик мог быть представлен ко второй правительственной награде и к денежной премии в размере 2000 рублей. К представлению на звание Героя Советского Союза пилот Ил-2 имел право после 30 успешных боевых заданий днем или 20 боевых заданий ночью. В ходе войны система стимулирования за отличия в ходе боевых действий получила дальнейшее развитие и в других видах и родах войск.

Однако вернемся к событиям под Ельней. Как потом стало известно, еще 2 сентября Гальдер и фон Браухич вылетели в штаб группы армий «Центр», чтобы обсудить с ее командующим фон Боком обострившуюся ситуацию на ельнинском выступе. В результате обсуждения был сделан вывод, что реально начать наступление на Москву можно будет не ранее конца сентября. Удерживать выступ так долго было невозможно, поэтому было решено его оставить. Непосредственно руководить эвакуацией был назначен командующий 4-й армией фон Клюге, штаб которого немедленно приступил к планированию отвода войск. Отвод войск решили осуществить в три этапа: в ночь на 4 сентября вывести с выступа тылы и обозы; в ночь на 5 сентября отвести войска из восточной части выступа на позиции к западу от Ельни; в ночь на 6 сентября всем войскам оставить выступ и занять линию обороны вдоль рек Стряна и Устром. Благодаря заблаговременной подготовке, немцам удалось организованно, почти без потерь вывести свои войска из образовавшегося мешка. Начавшийся ливень, продолжавшийся два дня, наряду с густым туманом способствовал скрытному отходу войск [14].

В дневнике начальника Генерального штаба ОКХ Гальдера появилась запись:

«5.09. <...> В результате обсуждения был сделан вывод о том, что следует отказаться от удержания дуги фронта у Ель-

ни. Наши части сдали противнику дугу фронта у Ельни. Противник еще долгое время, после того как наши части уже были выведены, вел огонь по этим оставленным нами позициям и только тогда осторожно занял их пехотой. Скрытый отвод войск с этой дуги является неплохим достижением командования» [17].

6 сентября наши войска овладели городом Ельня, отбросив противника к западу. К исходу 8 сентября ельнинский плацдарм был полностью ликвидирован. Преследуя противника, войска 24-й армии 8 сентября вышли к заранее подготовленной обороне немцев на р. Устром, где были остановлены. Несмотря на неоднократные попытки, прорвать заблаговременно подготовленную оборону врага не удалось. Жуков так и не смог выполнить обещание о нанесении удара в направлении Рославля, данное Сталину.

И уже 13 сентября 1941 г. в его адрес была направлена директива Ставки ВГК № 001941 о недостатках в организации наступления:

«Наступление 24-й и 43-й армий за последние дни положительных результатов совершенно не дает и ведет лишь к излишним потерям, как в личном составе, так и в материальной части.

Основные причины неуспеха — отсутствие в армиях необходимых для удара группировок и стремление наступать на всем фронте, недостаточная по силе и времени и безобразная по организации авиационно-артиллерийская подготовка атак пехоты и танков.

Необходимо впредь прекратить и не допускать неорганизованных и слабо подготовленных артиллерией и авиацией атак пехоты и танков, атак, не обеспеченных необходимыми резервами» [6]. Это был не первый выговор, полученный Жуковым за плохую организацию операции и понесенные в ней большие потери. Генеральный штаб отмечал то же самое в конце 1939 г. после окончания боев на Халхин-Голе.

Тем не менее освобождение Ельни было первой ласточкой — победа, которую так ждал народ. Особенно велико было ее моральное значение. В сводке Совинформбюро было объявлено:

«В течение 8 сентября наши войска вели бои с противником на всем фронте. На Смоленском направлении двадцатishестидневные бои за г. Ельню под Смоленском закончились разгромом дивизии СС, 15-й пехотной дивизии, 17-й мотоди-

визии, 10-й танковой дивизии, 137, 178, 292, 268-й пехотных дивизий противника. Остатки дивизий противника поспешно отходят в западном направлении. Наши войска заняли г. Ельню». Сводки этой организации, как известно, носили явно пропагандистский характер и вполне укладывались в понятие информационной войны с мощным аппаратом Геббельса.

Но вот выдержка из донесения Г.К. Жукова И.В. Сталину об итогах операции от 8 сентября 1941 г.:

«Докладываю кратко итоги Ельнинской операции:

В районе ЕЛЬНЯ в период с 30 августа по 6 сентября действовали следующие части противника: 137 австрийская пд, 178, 292, 268 пд, один полк 7 пд и один полк 293 пд, два мотоциклетных батальона; орудий 200—240. В австрийской дивизии весь командный состав — немцы. Эти части противника прибыли с разных направлений в период 20.8—30.8 и заменили дивизию СС, 15 пд, 17 мд, 10 тд, 5, 31, 41 инженерные батальоны. По показаниям всех пленных, дивизия СС, 15 пд, 17 мд выведены в тыл в связи с очень большими потерями, которые эти дивизии понесли в боях за ЕЛЬНЮ. Всего за период боев в районе ЕЛЬНИ противник потерял убитыми и ранеными 45—47 тысяч человек и очень большое количество разбитыми нашей артиллерией и авиацией станковых пулеметов, минометов и артиллерии. По показаниям пленных, в некоторых частях 137, 15, 178 пд минометов и артиллерии не осталось совершенно. По докладу большинства командиров частей и по оставленным трупам на поле боя, за последние 3—5 дней противник потерял убитыми не менее 5 тысяч. Чтобы скрыть от наших войск свои большие потери, перед отходом противник все братские могилы разровнял и замаскировал под окружающую местность» [18]. В другом документе говорилось, что «8 сентября 24-я армия завершила ельнинскую операцию. Войска армии на участке шириной 55 км продвинулись на глубину 25 км, вышли к рекам Устром и Стряна, нанесли поражение двум танковым, одной моторизованной и семи пехотным дивизиям, освободили г. Ельню и ликвидировали угрозу левому крылу Западного фронта со стороны ельнинского выступа» [16].

В донесениях допущены вполне объяснимые неточности относительно состава группировки и нумерации вражеских дивизий. И цифры потерь, названные в донесении Жукова — 45—47 тысяч человек убитыми и ранеными, что составляет

более половины всей группировки немецких войск, оборонявшей плацдарм, — несомненно, преувеличены. Но точно подсчитать их на основе неполных и отрывочных данных весьма трудно. Так, согласно отчету 46-го мк, его войска (10-я тд, мд СС «Рейх», мп «Великая Германия» и подчиненная ему 268-я пд) в ходе боев на ельнинском выступе с 20 июля по 9 августа потеряли 4252 человека: 924 убитыми, 3228 ранеными и 100 пропавшими без вести. За этот же период они уничтожили 35 тыс. советских солдат и офицеров, 212 танков и бронемашин, 82 орудия, 22 самолета и захватили 8495 пленных. Число 35 тысяч только убитых также вызывает большие сомнения. Преувеличение величины урона, нанесенного своему противнику, и преуменьшение собственных потерь — обычное явление на войне. Не вызывает сомнений, что дивизии, оборонявшие ельнинский выступ, понесли тяжелые потери (с точки зрения немцев), но ни одна из них не была выведена с Восточного фронта на переформирование. Все они приняли участие в наступлении на Москву.

Данных о потерях 20-го и 9-го армейских корпусов пока обнаружить не удалось. По сведениям Б. Кавалерчика, исследовавшего эту операцию на основе немецких документов, за весь период боев под Ельней немцы потеряли до 25 тысяч солдат и офицеров убитыми, ранеными и пропавшими без вести. С самого начала войны до 9 сентября войска 4-й армии и 2-й танковой группы понесли суммарные потери в 70 тысяч человек, и более трети этого количества — в боях за Ельню. Таким образом, безуспешная попытка немцев удержать ельнинский выступ обошлась им почти в 2 полнокровные дивизии [14].

Теперь о наших потерях. Жуков в донесении в Ставку привел следующие цифры потерь 24-й армии с 30 августа по 6 сентября: около 3 тысяч убитых, 13 030 раненых и 1 116 пропавших без вести, всего — около 17 тысяч [18]. По официальным данным, потери Резервного фронта в Ельнинской фронтальной наступательной операции составили: безвозвратные — 10 701 человек (10% от общей численности войск фронта — 103 200 чел.), санитарные — 21 152 человека ранеными и больными, всего 31 853 человека [19]. То есть почти в два раза больше, чем доложил Жуков, и меньше чем потерял, по его докладу, противник.

В это невозможно поверить, учитывая характер боев в ходе прорыва обороны противника. К тому же среди понесших

потери дивизий противника указаны и танковая дивизия, и дивизия СС, и другие части, которые были выведены с плацдарма **задолго до начала операции. А потери войск 24-й армии указаны только за период с 30 августа по 8 сентября.** Потери в многочисленных бесплодных атаках в период с 20 июля по 29 августа остались за кадром. Во что обошлась ликвидация ельнинского выступа нашим войскам на самом деле, можно судить по донесению политотдела 24-й армии в политуправление Резервного фронта. За время Ельнинской операции (политработники не знали, что эту операцию после войны ограничат всего десятью днями), **по предварительным данным, армия потеряла 77 728 человек**, в том числе: комсостав — 3579, младший комсостав — 8769, рядовой состав — 65 310. Наибольшие потери понесла 19-я сд — 11 359 (соответственно: 592 — 1356 — 9341 человек)¹. То есть за время боев один комплект личного состава дивизии был выбит полностью. В связи с этим в донесении была высказана просьба ускорить получение пополнения. В бой бросили даже части только что сформированной 6-й дивизии народного ополчения Москвы, которая на 31.08 насчитывала 9791 человек. К 20.09 в ней осталось 2002 человека.

Есть еще одно авторитетное свидетельство о масштабах потерь Резервного фронта, в составе которого в боевых действиях участвовали 24-я и 43-я армии, мимо которого прошли исследователи. В связи с огромными потерями Ставка и командование фронтов вынуждены были изыскивать возможности пополнения боевых частей. Так, Сталин в разговоре с Жуковым 6 сентября, в день освобождения Ельни, в ответ на его просьбу о пополнении поставил тому в пример работу командования Западного фронта, где за счет замены в тыловых частях и учреждениях военнослужащих молодых возрастов старшими изыскали для боевых частей более 21,5 тыс. человек. И пригрозил, что если не будут достигнуты желаемые результаты в этом отношении и у Жукова, то подвоз пополнения Резервному фронту будет приостановлен.

В ответ **штаб Резервного фронта доложил, что в период с 1 августа по 10 сентября фронт потерял 113 тыс. человек.** По состоянию на 19.09.1941 г. в качестве пополнения получено 60 тыс., из них 18 тыс. невооруженных (с 8 августа

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 684. Д. 9. Л. 66 (Д. 8. Л. 193).

по 6 сентября фронт получил 54 маршевых батальона). За счет изъятых из тыловых частей, прибывших из госпиталей и задержанных заградотрядами в боевые части направлено 15 тыс. человек. Некомплект по личному составу фронта составляет 68 тыс. человек¹.

Считается, что лишь недостаток танков и авиации не позволил нашим войскам завершить окружение и полностью уничтожить врага. Сколько их было к началу боев, сколько было потеряно в плохо организованных и безуспешных боях до 30 августа, установить по отрывочным данным невозможно. Дело в том, что многие документы, в том числе и карты, касающиеся первой успешной наступательной операции советских войск, засекречены до сих пор. С чего бы это? Может быть, разгадка связана с большими потерями? Например, в 103-й дивизии, которую переформировывали то в танковую, то в мотострелковую, по состоянию на 16 июля имелось в наличии 46 танков. Сколько осталось в дивизии танков к 30 августа — не ясно.

Принято считать, что к началу Ельнинской операции 102-я тд имела 20 исправных танков. Затем в состав армии был включен 103-й отдельный танковый батальон, имевший 15 танков. Получается, что в наступлении в составе двух ударных группировок имелось всего 35 танков. В это верится с трудом. Вот и Сталин выразил беспокойство, как будут наступать танки Жукова по трудной местности на Починок. Жуков в донесении Сталину 8 сентября 1941 г., описывая захваченные трофеи, упомянул 31 танк и отметил, что «большинство наши, подбитые и сгоревшие». Между тем известно, что из-под Ельни было эвакуировано 164 наших танка, из них отправлено в ремонт 34, а 130 не подлежали восстановлению. Конечно, большая часть из них была потеряна в безуспешных атаках до начала операции. На 19.09 в составе фронта уже числилось 128 боеготовых танков и 47 находилось в ремонте².

Что касается 40 немецких танков, якобы имевшихся на плацдарме, о которых упоминается в некоторых публикациях, то их там, в момент решающего советского наступления, не было. Из немецких источников однозначно следует, что все танковые части в полном составе убыли вместе со 2-й танковой группой Гудериана. Оставшиеся подбитые свои и советские

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 684. Д. 5. Л. 193, 194.

² ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 25. Л. 26.

танки, закопанные в землю, немцы, следуя своей обычной практике, использовали в качестве укрытий и огневых точек.

Иногда, учитывая громадные потери наших войск в людях, вооружении и боевой технике, ставят вопрос: а стоило ли овладение Ельней и ликвидация плацдарма этих жертв? Тем более что немцы в последний момент смогли избежать окружения и успели отвести с плацдарма свои потрепанные части. Ничего не поделаешь — наука побеждать давалась нашим войскам большой кровью. Ликвидация ельнинского выступа в сентябре 1941 г. была первой нашей по-настоящему успешной наступательной операцией по прорыву хотя и очаговой, но довольно прочной обороны противника. Ценой огромных жертв удалось устранить угрозу ударов во фланг войскам Западного и Резервного фронтов, лишить противника важного узла дорог (кстати, в восточном направлении хороших дорог от Ельни через лесной массив не было). Гитлеровским генералам очень не хотелось оставлять выступ. Гудериан 4 августа в разговоре с Гитлером сказал, что Ельня незаменима для будущего наступления на Москву, а если даже оно не начнется в ближайшее время, удерживать этот плацдарм необходимо из соображений престижа. И хотя Гитлер тогда возразил Гудериану: «Мы не можем позволить соображениям престижа влиять на наши решения», оставление плацдарма явилось сильнейшим ударом по престижу и генералов, и Гитлера. Сообщение об оставлении Ельни вызвало широкий резонанс в оккупированных странах Европы. Геббельсу пришлось оправдываться. В сообщении о совещании в штабе фон Бока говорилось, что слухи, распространяемые за рубежом, о немецких потерях на ельнинском выступе (8 дивизий и 108 орудий) не соответствуют действительности¹.

В приказе 4-й армии по операции «Тайфун» № 1 от 23.09.1941 в информации о совещании в ГА «Центр» были приведены данные о потерях по состоянию на 7.09 (очевидно, с начала боевых действий):

«2-я армия — 23 000 человек, 4-я армия — 38 000, 9-я армия — 48 000, 3-я танковая группа — 17 000, 2-я танковая группа — 32 000, итого: 160 000.

Получено пополнение около 125 000»².

¹ NARA. T314, R347, F000628.

² Ibid.

Убедившись, что длительное наступление наших войск на подготовленную оборону противника не приносит ощутимых успехов, Ставка 10 сентября директивой войскам Западного фронта № 001805 приказала прекратить атаки и перейти к обороне:

«Длительное наступление войск фронта на хорошо окопавшегося противника ведет к большим потерям. Противник отошел на заранее подготовленные оборонительные позиции, и наши части вынуждены прогрызать ее.

Ставка приказывает прекратить дальнейшие атаки противника, перейти к обороне, прочно закопаться в землю и за счет второстепенных направлений и прочной обороны вывести в резерв шесть-семь дивизий, чтобы создать мощную маневренную группировку для наступления в будущем»¹.

Изданная в тот же день директива командующего войсками Западного фронта была разослана всем армиям. В конечном итоге к середине сентября фронт на московском направлении в основном стабилизировался. Однако командующим разрешалось проводить частные операции в интересах улучшения тактического положения войск.

Изменения в характере действий советских войск были отмечены в оперсводке ОКХ № 92 за 15.09.1941 г., где, в частности, говорилось:

«... На всем фронте Красной Армии продолжает падать наступательный дух и воля к сопротивлению, число перебежчиков увеличилось. Танковые силы все чаще встречаются лишь мелкими подразделениями, экипажи плохо обучены.

... на центральном участке войска западного направления с 13.09.1941 не предпринимают сильных атак. Действия авиации и артиллерии заметно ослабли. Пленные офицеры говорят о переходе к обороне.

...Побудить русских прекратить атаки могли и такие причины, как истощение войск, большие потери и нехватка боеприпасов»².

Аналитики из штаба ОКХ, к сожалению, были не так далеки от истины.

Пора подвести итоги Смоленского сражения, продолжавшегося два месяца на огромной территории — по фронту до 650 км и в глубину до 250 км (хотя попытки наступать начались

¹ ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 2. Л. 154.

² ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 16—18.

еще до 10 июля — даты, считающейся официальным началом Смоленского сражения).

Советские войска в результате тяжелых поражений в приграничных и последующих сражениях понесли огромные потери и утратили значительную часть вооружения и военной техники. В этих условиях наиболее приемлемым и реальным способом ведения военных действий для Красной Армии могла стать упорная оборона, первостепенной задачей которой стал бы выигрыш времени для создания резервов и ввода их в сражение. Но полностью отдавать инициативу противнику, чтобы он мог спокойно сосредоточивать силы для следующего удара — там, где ему это будет выгодно, — было недопустимо. Поэтому решение на проведение наступательных операций выглядело вполне обоснованным. Тем более что силы для их осуществления удалось найти.

К началу сражения в составе Западного фронта имелось 66 дивизий (из них 17 танковых и моторизованных) и две бригады. Конечно, армии первого стратегического эшелона понесли большие потери, их личный состав был измотан непрерывными боями в июле. Но на подходе были армии второго эшелона. По ходу операции в состав советских войск дополнительно были введены три фронтовых управления, девять управлений армий, 59 дивизий и две бригады. По словам И.В. Сталина, фронт только в августе получил 2 млн бойцов (людские ресурсы страны в это время еще позволяли это сделать без особого напряжения). Обстановка после поворота двух армий из состава группировки фон Бока на юг, казалось бы, благоприятствовала наступлению против сильно выступавшего на восток участка фронта с целью вернуть Смоленск. К тому же политическое руководство страны настаивало на активном противодействии противнику. И.В. Сталин учитывал потери противника (хотя и не верил фантастическим цифрам, фигурирующим в донесениях и сводках фронтов), и его устраивала война на истощение даже при соотношении потерь в пользу противника 1:5—6 и более. Вождь рассчитывал, что Германия с ее ограниченными человеческими и материальными ресурсами не выдержит напряжения, и гитлеровский режим падет под тяжестью своих преступлений. Сыграло свою роль и обещание Сталина союзникам, что линия Ленинград, Смоленск, Киев будет удержана. От них зависело решение, помогать или не помогать русским, если есть опас-

ность, что все может попасть в руки немцев. Высшему командованию Красной Армии оставалось решить вопрос — если наступать, то где, когда и с какой целью.

Замысел контрнаступления на карте выглядел весьма впечатляюще. Удары по сходящимся направлениям должны были раздробить фронт противника, не имевшего крупных резервов, и привести к разгрому смоленской группировки противника. Но что стояло за красивыми стрелами? Созданные ударные группировки оказались слабыми (2—4 дивизии), с ограниченным количеством танков и артиллерии, слабо обеспеченными материальными средствами, в том числе боеприпасами. Некоторые командующие армиями (опергруппами) не имели достаточного опыта оперативной подготовки и организации боевых действий крупного масштаба, не умели массировать силы и средства на избранных направлениях ударов. Имеющиеся средства ведения боя, в том числе артиллерия и танки, использовались неэффективно. Вместо того чтобы создать на главном направлении мощный танковый кулак, немногочисленные танки раздавались по дивизиям.

В результате взломать оборону противника путем проведения операции по типу Брусиловского прорыва, который усердно изучали в советских академиях, не получилось. Решение одновременно нанести удары с разных направлений выглядело заманчивым, но возможности обеспечить их в материальном отношении не было. Возможно, большую пользу могли принести последовательные удары на различных участках фронта. Противник, не имевший крупных резервов (танковые группы были задействованы на флангах группировки фон Бока), вынужден был бы снимать силы с других участков, ослабляя их. Очевидно, не стоило ставить столь масштабные и нереальные задачи, а сосредоточить усилия на разгроме смоленской группировки врага по частям.

Неудачные попытки прорвать оборону противника, низкие темпы продвижения в ходе наступления, наконец, неумение развить первоначальный успех объяснялось главным образом отсутствием элементарного взаимодействия между родами войск, недостаточной авиационной поддержкой наступающих частей в условиях господства в воздухе авиации противника, а также крайне ограниченным временем на подготовку операций. В связи с ограниченным количеством выделяемых боеприпасов атаки зачастую предпринимались без

артиллерийской подготовки. Нормой был и ввод в бой без всякой подготовки подошедших соединений. Маршевое пополнение, не имеющее никакой военной подготовки, также бросалось в бой сразу после его прибытия на фронт.

На результатах сражения, несомненно, сказалась и недооценка противника. Исход боев и сражений зависел не только от количества сил и средств, задействованных Германией по плану «Барбаросса», но и, что не менее важно, от качества войск и опыта командования. Войска противника по своему техническому оснащению, уровню подготовки и боевому опыту значительно превосходили советские. Вермахт был заранее отмобилизован; солдаты и офицеры были хорошо обучены и оснащены, обладали опытом ведения современной войны. Германия сумела сберечь свой офицерский корпус периода Первой мировой войны, который и составил костяк ее командных кадров. Офицеры от категории командир батальона и выше имели академическое образование. Противостоящие им командиры Красной Армии уступали им по всем этим показателям.

Соединениями и частями зачастую командовали люди, не имевшие достаточной подготовки и тем более боевого опыта. Массовые репрессии против командных кадров в 1937—1939 гг. лишили армию почти четырех десятков тысяч наиболее опытных генералов, адмиралов и офицеров. И если в количественном отношении образовавшуюся эту брешь удалось закрыть, то качественный уровень командных кадров резко упал. Непосредственно перед войной сменилось практически все руководство Наркомата обороны, Генерального штаба, главных и центральных управлений, командование войск военных округов и флотов. Их сменили молодые, энергичные, но, как правило, недостаточно опытные офицеры и генералы, не имевшие ни необходимых знаний, ни навыков работы на ответственных должностях. К тому же большинство из них было запугано продолжавшимися репрессиями. Многие боялись принимать самостоятельные решения, идти на малейший риск, подавляли в себе любую инициативу из страха быть заподозренными во вредительстве. Еще в 1940 г. в акте передачи Наркомата обороны от Ворошилова Тимошенко отмечалось: Вооруженные силы Советского Союза не способны в их тогдашнем состоянии вести ни наступательных, ни оборонительных операций. На основательную перестройку

вооруженных сил не хватило времени. А боевой опыт директивами и накачками по телеграфу не передашь.

Это касалось не только высших должностных лиц, таких как командармы, комкоры, но еще в большей степени командиров частей и подразделений, уровень тактической подготовки которых не отвечал требованиям современной войны. Постепенно они научилась воевать, но это обучение было оплачено чрезвычайно дорогой ценой — гибелью сотен тысяч солдат и офицеров на полях сражений. Каждый просчет или ошибка в организации боя приводили к неоправданно большим потерям в людях, вооружении и боевой технике. Постоянные неудачи, большие потери подрывали веру личного состава частей в способность командования организовать и обеспечить успех наступления.

В этом отношении представляет интерес мнение врага. Русские дивизии наступали, как правило, на узком фронте, при этом пехота атаковала почти в сомкнутых строях. Неспособность младших командиров действовать самостоятельно всегда заставляла русских вести атаки массированно, в плотных боевых порядках. Благодаря превосходству в численности этот метод позволял им добиваться порой крупных успехов. Но такие массовые атаки можно выдержать, если обороняющиеся хорошо подготовлены, имеют достаточное количество вооружения и действуют под руководством решительных командиров.

Иногда считают, что главным итогом Смоленского сражения является срыв расчетов гитлеровского командования на безостановочное продвижение к Москве, что германские войска были вынуждены прекратить наступление на главном направлении и перейти к обороне. Это утверждение не совсем соответствует фактам. Гитлеровское командование прежде всего стремилось разгромить главные силы Красной Армии, считая, что после этого столица падет сама собой. Проведенное контрнаступление не помешало немцам изъять из группы армий «Центр» две армии для разгрома войск Юго-Западного фронта.

Главным итогом двухмесячных боев, видимо, следует считать то, что противник не смог достичь своих целей по разгрому советских вооруженных сил в короткие сроки. Встретив ожесточенное сопротивление советских войск, германское командование было вынуждено изменить свой план войны, искать новые решения и менять последовательность операций. В результате Смоленского сражения Ставка ВГК выигра-

ла время для подготовки вооруженных сил, народа и страны в целом к затяжной и бескомпромиссной борьбе. Другое дело, как был использован этот выигрыш. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что в ходе боев и сражений командование и личный состав Красной Армии постепенно приобретали бесценный боевой опыт, без которого нельзя было победить более сильного врага.

Но цена Смоленского сражения для Красной Армии оказалась непомерно большой — безвозвратные потери составили 486 171 человек, а санитарные — 273 803 человека, всего — 759 974 (сюда не вошли потери пограничных и внутренних войск). За 63 суток сражения наши войска потеряли 233,4 тыс. единиц стрелкового оружия, 1348 танков, 9290 орудий и минометов, 903 боевых самолета. Только Брянский фронт к 30 сентября потерял безвозвратно 202 танка.

А с учетом Киевской (7.07—26.09.1941 г.) и Ленинградской (10.07—30. 09.1941 г.) оборонительных операций потери, по официальным данным, составили: личного состава — 1804,3 тыс. человек (в том числе безвозвратные — 1316,6 тыс.), стрелкового оружия — 2731,6 тыс. единиц, танков — 3251, орудий и минометов 47 594 (в 2,5 раза больше, чем в приграничных сражениях), боевых самолетов — 2948 [19]. В августе фронты получили в качестве пополнения около двух миллионов человек¹. Но понесенные громадные потери в людях, вооружении и боевой технике к началу следующей наступательной операции врага полностью восполнить так и не удалось. Это отрицательно сказалось на устойчивости советской обороны.

О масштабах потерь советских войск (по немецким данным) на Западном стратегическом направлении, противостоящих группе армий «Центр» до начала Московской битвы, можно судить по данным таблицы 2. Общие потери советских войск, в том числе и безвозвратные, значительно превышают указанные цифры.

Потери противника оказались несопоставимыми с нашими. Тем не менее безвозвратные потери группы армий «Центр» за август—сентябрь (без учета потерь в Белорусской операции) составили около 50 тыс. человек, 220 танков, 1000 орудий и 150 самолетов. Общие потери этой группы армий с начала

¹ ЦАМОРФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 78. Л. 36.

Таблица 2

**Количество пленных и трофеев, захваченных войсками
группы армий «Центр» (по немецким данным) в период с 22.06 по 27.09.1941 г.**

Объединения	Захвачено объединениями группы армий					
	Пленных	Танков	Орудий	ПТО	Зенитных орудий	Самолетов
2-я армия	280 727 (270)*	528	2110	29	35	237
4-я армия	29 929 (27 709)	1664 (579)	753 (90)	33 (33)	—	—
9-я армия	151 361 (18 991)	1845 (434)	1515 (47)	116 (1)	26 (-)	248 (89)
2-я танковая группа (Десна)	397 297 (22 315)	2707 (41)	2089 (6)	125	39	209
3-я танковая группа	131 183	1230	961	—	—	166
Войска тылового района	37 931 (22 457)	15	100 (100)	25 (25)	—	—
ВСЕГО	1 028 431 (91 752)	7989 (1044)	7528 (243)	328 (59)	100	860 (95)
Районы	Количество захваченных пленных и трофеев					
Белосток, Минск	332 493	3188	1830	—	—	334
Днепр, Двина, Смоленск, Рославль	309 110	3205	3000	—	—	341
Великие Луки	34 130	19	311	115	26	—
Гомель, Кричев	78 374	144	726	—	—	78
Чернигов, Ромны	176 572	389	1373	154	74	42
Фронт обороны	91 752	1044	243	59	—	95
ВСЕГО	1 028 431	7989	7528	328	100	860

Источник: ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 623 (разведсводки ГА «Центр»), т. 1. Л. 139, 240.

Примечание: * в скобках — захвачено в период с 6.08 по 27.09.1941 г.

кампании до начала октября составили 219 114 человек. За счет полученного пополнения (около 151 тыс. человек) восполнить потери полностью не удалось [20]. Если к 31 июля все три группы армий потеряли 213 301 человека, то к концу августа потери вермахта достигли 410 тыс. человек (из них свыше 107 тыс. — безвозвратно), то есть больше, чем было потеряно в предыдущих кампаниях с начала Второй мировой войны, вместе взятых. Для восполнения убыли за это время было получено только 217 тысяч, и некомплект немецкой армии на 31 августа составил 193 тысячи человек [21]. Сократился и резерв ОКХ: из имеющихся первоначально 24 дивизий в конце августа на фронт была переброшена 21 дивизия, в том числе 8 — в группу армий «Центр».

Большие потери противник понес и в вооружении и боевой технике. За месяц боев, с 4 августа по 4 сентября, доля безвозвратно потерянных немецких танков возросла с 20 до 30% из 3350, с которыми они начали войну (безвозвратные потери вермахта в бронетехнике и в противотанковых орудиях на Восточном фронте в 1941 г. показаны в Приложении 4). В то же время доля танков, находящихся в ремонте, упала с 30 до 23%. Таким образом, на 4 сентября в строю оставались только 47% немецких танков. По признанию самих немцев, к концу августа только моторизованные и танковые дивизии лишились половины личного состава и материальной части. Количество грузовиков упало до 77,7% их штатной численности, а количество тягачей, включая ремонтные летучки, — до 67,9% [22]. К 30 сентября сухопутная армия вермахта потеряла свыше 552 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести, или 16,7% от первоначальной ее численности [23]. В воздушных боях было сбито 1603 и повреждено 1028 немецких самолетов [24].

И хотя потери советских войск оказались неизмеримо выше, боевая мощь вермахта была в значительной мере подорвана.

Глава 2

ПЕРЕД БУРЕЙ

Планы гитлеровского командования. Боевой и численный состав противостоящих группировок войск сторон, общее соотношение в силах и средствах. Ставка приказывает фронтам перейти к жесткой обороне. Задачи Западного, Резервного и Брянского фронтов, особенности построения их обороны. Оборонительные рубежи на подступах к столице. Создание и становление народного ополчения Москвы. Генерал Еременко вместо усиления обороны не оставляет попыток разгромить противника в районе Глухова.

За три с небольшим месяца военных действий гитлеровской Германии удалось достигнуть больших успехов. Вермахт, продвинувшись на 800 км в глубь Советского Союза на фронте 1650 км, овладел важными в военном и экономическом отношении районами страны. На севере нами была потеряна Прибалтика, на юге — значительная часть Украины, Ленинград полностью блокирован с суши. Враг вышел на линию озеро Ильмень, Осташково, Ярцево, Ельня, Полтава, Запорожье. Создалась непосредственная угроза Москве, харьковскому промышленному району, Донбассу и Крыму. Однако, несмотря на эти успехи, основные цели гитлеровского плана «Барбаросса» — захватить Москву и закончить войну к 1 октября — оставались невыполненными. К концу сентября напряженная обстановка на советско-германском фронте вновь обострилась. Завершив разгром советских войск на Украине, гитлеровское командование вновь перенесло свои усилия на центральное направление.

Планы гитлеровского командования в общем виде были изложены в директиве № 35, подписанной Гитлером 6 сентября 1941 г. В ней говорилось о проведении «решающих операций <...> против группы армий Тимошенко, которая ведет

неудачные наступательные действия на фронте группы армий «Центр» и должна быть уничтожена еще до наступления зимы. Для этого необходимо сосредоточить все силы воздушных сил и сухопутных войск, без которых можно обойтись на флангах».

В директиве Гитлер потребовал, чтобы вермахт перешел в решительное наступление на всех трех стратегических направлениях, уничтожил вражеские силы до начала зимы и захватил Крым, Харьков и Ленинград. На северном участке советско-германского фронта группа армий «Север» (18-я и 16-я полевые армии) ударом из района Чудово на Тихвин должна была перерезать коммуникации, связывающие Ленинград с Москвой, и соединиться на реке Свирь с финской армией в Карелии. Группа армий «Юг» (6-я и 17-я полевые армии, 1-я танковая группа Клейста) нанесением главного удара из района Полтавы через Донбасс на Ростов должна была овладеть харьковским промышленным районом и Крымом, имея в перспективе наступление на Кавказ.

Но основные усилия опять сосредоточивались на московском направлении. Здесь не позднее конца сентября группа армий «Центр» должна была быстро, насколько это возможно, перейти в наступление в общем направлении на Вязьму, с тем чтобы уничтожить войска группы армий Тимошенко, расположенные к востоку от Смоленска, двойным охватом мощными танковыми силами, сконцентрированными на флангах.

Для этого предлагалось сформировать две ударные группировки: первая — в полосе 4-й армии в районе к юго-востоку от Рославля для наступления в северо-восточном направлении, вторая — в полосе 9-й армии с направлением наступления, по-видимому, через Белый. После уничтожения основных сил врага в решающей операции на окружение и уничтожение группа армий «Центр» должна была перейти в преследование на московском направлении, обеспечив свой правый фланг на реке Оке, а левый — в верховьях Волги.

Подготовка новой операции практически началась 16 сентября, когда командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок разработал свою директиву на захват Москвы. Операция 19 сентября 1941 г. получила кодовое название «Тайфун». Гитлер потребовал начать ее как можно скорее — не позднее чем через 8—10 дней. Поэтому начало операции «Тайфун» было запланировано на 28 сентября, завершение — к середине ноября. В отличие от директивы Гит-

Командующий группой армий
«Центр» генерал-фельдмаршал
Ф. фон Бок

лера, в которой предусматривались два удара силами 3-й и 4-й танковых групп, фон Бок, используя успешные действия по окружению и разгрому основных сил советского Юго-Западного фронта, решил нанести третий удар — силами 2-й танковой группы Гудериана из района Шостки на орловском направлении. Таким образом, для осуществления новой операции на 400-км фронте сосредоточивались три танковые группы из четырех, имеющихся в составе вермахта (см. схемы 3 и 10). Нанесение трех ударов на более широком фронте в

случае успеха позволяло разгромить основные силы трех советских фронтов, обороняющих подступы к Москве с запада, оставив ее совершенно беззащитной. Для обеспечения максимальной силы первого удара и высоких темпов прорыва, группа армий «Центр» строилась в один эшелон с выделением небольшого резерва: 19-й танковой дивизии, 900-й учебной моторизованной бригады и моторизованного полка «Великая Германия». Нарращивание усилий в ходе наступления планировалось за счет двухэшелонного построения танковых групп и большинства моторизованных корпусов.

Оценивая обстановку, немцы учитывали, что «после потери Ленинграда (они уже списали Ленинград со счетов. — Л.Л.) и большей части территории Украины противник будет стремиться удержать и оборонять Москву до наступления зимы» всеми силами, преследуя прежнюю цель — выигрыш времени. Гитлеровское командование небезосновательно считало, что советские войска, прикрывавшие Москву с запада, будут упорно удерживать свои позиции. «При своих примитивных формах управления войсками и примитивных формах организации боя противник будет так же, как и прежде, наиболее сильно прикрывать и оборонять крупными силами дорогу на Москву, то есть автостраду Смоленск — Москва, а также до-

рогу Ленинград — Москва. Поэтому наступление немецких войск по этим основным дорогам встретит наисильнейшее противодействие со стороны русских» [25].

Командование группы армий «Центр» на основе данных разведки, в том числе и аэрофотосъемки, имело достаточно полное представление о системе подготовленных оборонительных рубежей в глубине обороны советских войск (см. схему 17). Поэтому вариант наступления на Москву по кратчайшему направлению, который, несомненно, привел бы к медленному «прогрызанию» хорошо подготовленной обороны русских, был сразу отброшен. При обсуждении конкретного плана операции среди высшего командования вермахта возникли некоторые разногласия по вопросу, где должны соединиться танковые клинья после прорыва русской обороны. Возникли опасения, что при выходе к далеко отстоящим целям внутренний фронт охвата и окружения может оказаться недостаточно плотным. В этом случае крупные вражеские силысмогут прорваться из окружения и отойти на другой оборонительный рубеж в глубине, как это случилось под Смоленском.

По данным немецкой разведки, соотношение сил на Восточном фронте на 6 сентября выглядело следующим образом: ГА «Юг» — 77 германских дивизий против 47 русских; ГА «Центр» — 55 против 86,5 (очевидно, с учетом установленного разведкой формирования в окрестностях Москвы 12 резервных дивизий); ГА «Север» — 31 против 25. Фон Бока больше всего беспокоил вариант, когда противник в ходе прорыва его обороны правильно оценит обстановку и отойдет своими главными силами на восток, чтобы оказать немецким войскам сопротивление на подготовленных оборонительных рубежах. «До сих пор русское командование недостаточно оперативно руководило своими войсками. Русские войска отличаются нечувствительностью, когда им с фланга угрожали наши войска, и не боялись окружения, прорыву из которого они были обучены еще в мирное время» [25]. Если бы это было так! Наши войска не обучались отходу, не говоря уж о способах выхода из окружения. Осмелившихся предложить подобные темы занятий или учений немедленно засадили бы в тюрьму за поразительные настроения.

В конечном итоге в ОКХ было решено завершить двойной охват группы армий Тимошенко в районе Вязьмы, а не Гжат-

ска, как предлагал фон Бок. Тактика сравнительно небольших «котлов» гарантировала надежное уничтожение окруженных сил врага. Если кратко изложить замысел операции «Тайфун» своими словами, то он заключался в том, чтобы расколоть фронт советских армий тремя мощными ударами, охватить, а затем окружить и уничтожить их главные силы. Удары наносились по сходящимся направлениям с применением двойного охвата основных группировок русских за их подготовленными оборонительными рубежами. Расчет строился на опережении противника в наращивании усилий на направлениях ударов, срыве его маневра резервами, захвате мостов и переправ через водные преграды и упреждении его в выходе на подготовленные в тылу рубежи.

26 сентября генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок подписал приказ о наступлении. В нем, в частности, говорилось:

«<...> 2. 4-я армия с подчиненной ей 4-й танковой группой наступает в общем направлении по обе стороны дороги Рославль — Москва. После осуществления прорыва, прикрываясь с востока, поворачивает крупными силами в направлении автомобильной дороги (автострады) Смоленск — Москва с обеих сторон Вязьмы.

3. 9-я армия с подчиненной ей 3-й танковой группой прорывает позиции противника между автострадой и районом Белый и прорывается к железной дороге Вязьма — Ржев. <...> поворот предполагается восточнее верхнего течения р. Днепр в направлении автострады западнее Вязьмы при одновременном прикрытии с востока. Наступление армий должно быть прикрыто с севера.

Дорога, ведущая через Еткино на Белый, должна быть захвачена для подвоза снабжения.

<...> 4. На внутренних флангах 4-й и 9-й армий между районом Ельня и автострадой, впредь до получения возможности наступления на этом фронте, необходимо вводить противника в заблуждение, создавая видимость наступления, и путем отдельных сосредоточенных ударов с ограниченными целями максимально сковывать противника.

<...> 9. 2-й усиленный воздушный флот уничтожает русские авиационные силы перед фронтом группы армий и под-

держивает наступление армий и танковых групп всеми имеющимися в его распоряжении средствами.

Налеты на промышленные предприятия московского района в связи с этими задачами отходят на второй план и будут выполнены лишь тогда, когда это позволит обстановка наземных войск. Для того чтобы затруднить снабжение противника и подброску резервов, железные дороги, ведущие из района Брянск, Вязьма, Ржев на восток, будут систематически прерываться.

10. День и час наступления будут установлены мною в соответствии с данными 24.09 указаниями»¹.

В целях лучшего взаимодействия немцы сочли целесообразным подчинить северную ударную группировку 9-й армии 3-й танковой группе. Каждому моторизованному корпусу было придано по одной пехотной дивизии. Для повышения ударной (пробивной) силы 3-й танковой группы танковые полки 6-й и 7-й танковых дивизий были сведены в одну танковую бригаду. Танковая бригада пробивала брешь в обороне врага и быстро продвигалась к намеченной цели. Пехота 9-й армии следовала вслед за танками, чтобы создать плотный внутренний фронт окружения. 2-я танковая группа Гудериана, получившая на усиление два пехотных корпуса, подчинялась непосредственно командованию группы армий.

Немцы всегда придавали большое внимание обеспечению скрытности перегруппировок и внезапности действий войск в предстоящих операциях. На этот счет еще 17 сентября последовала директива ОКХ:

«Главное командование сухопутных сил обращает внимание на то, чтобы перегруппировки войск группы армий «Центр», необходимые для проведения операции «Тайфун», оставались по возможности скрытыми для русских, в особенности передвижения моторизованных соединений в район расположения группы армий «Центр», а также перемещение главных усилий авиации.

<...> кроме того, следует позаботиться о том, чтобы войска выходили в районы исходных позиций предстоящего наступления по возможности позднее и с применением мероприятий по дезинформации русских.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 231. Л. 55—58.

День начала предполагаемого наступления — «Т» — будет сообщен за три дня (в день «Т» — 3 — в полдень)¹.

Районы сосредоточения подвижных соединений танковых групп выбирались в стороне от направлений намеченных ударов. При оборудовании оборонительных позиций рекомендовалось не применять особые меры по маскировке строительных работ. Одновременно осуществлялась заблаговременная подготовка условий для их быстрого и скрытного выдвижения к участкам прорыва. В этом отношении характерен выбор направления главного удара 3-й танковой группы — в полосе, где не было хороших дорог. Для командования Западного фронта массированное применение танков на канютинском направлении оказалось совершенно неожиданным.

Враг широко применял и меры по дезинформации нашего командования. Так, чтобы скрыть перегруппировку 4-й танковой группы из-под Ленинграда в район Рославля, там оставили радиста из штаба группы, который продолжал свою работу по радиообмену с подставными абонентами. Его почерк наша радиоразведка хорошо знала. Дезинформацию планировалось осуществлять и в ходе операции. На внутренних флангах 9-й и 4-й армий между районом Ельни и автострадой, впредь до получения возможности наступления на этом фронте, требовалось создавать видимость наступления путем нанесения отдельных сосредоточенных ударов с ограниченными целями максимально сковывать противника.

День начала операции «Тайфун» был установлен 26.09.1941 г. в приложении к оперативному приказу № 13:

«4) дополнительные сведения:

а) для 9-й армии (включая 3-ю танковую группу) день «Т» — 2.10.1941.

Приказ следует рассматривать как окончательный, если до вечера 28.09. не будет отдан другой приказ.

<...> в) Время «х» (начало артподготовки) будет указано для всей группы армий накануне вечером. Начало наступления: либо на рассвете по световому сигналу на случай возможного тумана (для использования элемента внезапности),

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 27.

либо — в 9.30 (для обеспечения эффективной поддержки артиллерией и авиацией).

При подготовке к началу наступления учесть оба варианта»¹.

Выдержка из приказа по 4-й армии «Т» № 2 от 28.9.1941:

«Время «х» назначается на 5.30 (6.30 московского. — Л.Л.). Все подготовительные мероприятия к этому часу должны быть завершены.

В указанное время войска открывают шквальный огонь по всему фронту армии.

Время «х» устанавливается независимо от состояния погоды»².

В связи с определением точного времени начала операции последовали дополнительные указания по обеспечению скрытности создания ударных группировок и достижению внезапности их действий. Подчеркивалось, что необходимо как можно дольше, во всяком случае до вечера перед днем «Т», сохранять привычную для противника картину обороны. Танки и мотопехота не должны были появляться на переднем крае. Части и подразделения, предназначенные для усиления пехотных дивизий, придут на передний край только в ночь на день «Т». Там, где это будет возможным, атакующая пехота должна пройти перекатом через пехоту в окопах, которая затем двинется вслед в качестве резерва»³.

Боевой и численный состав войск сторон и общее соотношение в силах и средствах. ОКХ значительно усилило войска фон Бока, передав ему из группы армий «Север» 4-ю танковую группу (тд — 4, мд — 2), вернув из группы армий «Юг» 2-ю танковую группу (тд — 2, мд — 2) и передав из своего резерва две танковые дивизии. Все эти силы были сосредоточены в трех группировках: северная в составе 9-й армии и 3-й танковой группы в районе Духовщины, центральная — 4-я армия и 4-я танковая группа — севернее Рославля, южная — 2-я армия и 2-я танковая группа — в районе Шостка, Глухов.

К концу сентября в группу армий «Центр» входили 3 армии и 3 танковые группы, в составе которых было 13 армейских и 8 мо-

¹ NARA. T312, R150, F000140.

² Ibid, F000255.

³ Ibid, F000142.

торизованных корпусов, 72 расчетные дивизии (по другим данным, 78), в том числе 14 танковых и 8 моторизованных, что составляло 64% всех немецких подвижных соединений. Состав группы армий «Центр», действующей в полосе трех советских фронтов, к началу операции «Тайфун» показан в таблице 3.

Таблица 3

Состав группы армий «Центр», действующей в полосе трех советских фронтов, к началу операции «Тайфун»

Объединения	Корпуса	Дивизии, бригады	Всего (расчетных единиц)
Группа армий «Центр»			
9-я армия	5, 6, 8 и 23-й ак	5,8, 26.28, 35, 87, 102, 106, 110, 161, 206, 251 и 256-я пд	13
3-я танковая группа	27-й ак, 41, 56-й мк	6, 86, 129, 162, 255-я пд, 14 и 36-я мд, 1, 6 и 7-я тд	10
4-я армия	7, 9, 12 и 20-й ак	7, 15, 23, 34, 78, 98, 137, 183, 197, 263, 267, 268, 292-я пд	13
4-я танковая группа	40, 46 и 57-й мк	258, 262-я пд, 3-я мд, мд СС «Рейх», 2, 5, 10, 11 и 20-я тд	9
2-я армия	13, 43 и 53-й ак	17, 31, 52, 56, 112, 131, 167, 260-я пд	8
2-я танковая группа	35-й ак, 24, 47 и 48-й мк	95, 293, 296-я пд, 1-я кд, 10, 16, 25 и 29-я мд, 3, 4, 9, 17 и 18-я тд	13
Резерв группы армий		19-я тд, 900-я уч. мбр, мп «Великая Германия»	1,5
Тыловой р-н группы армий		221, 286, 309 и 403-я охранные дивизии, кав. бригада СС	4,5
Всего: армий — 3, танк. групп — 3	ак — 13, мк — 8	пд — 44, кд — 1, мд — 8, тд — 14, охр. див. — 4, кбр — 1, мбр — 1	72
<i>Источник:</i> Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Стратегические операции. Статистический анализ. Кн. 1. М.: ИВИ, 2004. С. 319.			

Относительно численности личного состава и количества основных видов вооружения и боевой техники в войсках противника существуют различные сведения. По советским источникам, на 1 октября в составе группы армий «Центр» насчитывалось 1800 тыс. человек, свыше 14 тыс. орудий и минометов, 1700 танков, что составляло 42% личного состава, 75% танков и 33 % орудий и минометов от общего их количества на советско-германском фронте [26]. Наступление группы армий «Центр» поддерживал 2-й воздушный флот, имевший примерно 1390 боевых самолетов, из них половина — бомбардировщики. По данным американского специалиста по советской и немецкой военной истории Брайана И. Фугате, группа армий «Центр» без учета личного состава люфтваффе, на 2 октября насчитывала 1 929 406 человек, танков 1217, около 700 самолетов [27]. По данным другого американского исследователя Гланца Д.М., для похода на Восток Гитлер собрал группировку в составе 151 дивизии, оснащенную 3350 танками, 7200 орудиями (минометы Гланц не учитывает) и 2770 самолетами (без учета глубоких резервов) [28]. Столь большая разница в количестве орудий и минометов (14 тыс. и 7,2 тыс.) объясняется тем, что некоторые источники, в отличие от немецких, включают в это число буквально все орудия любых типов, вне зависимости, гаубицы ли это, или зенитки, или ПТО и т.д.

К началу операции были приняты все меры, чтобы соединения и части были пополнены людьми, вооружением и боевой техникой. Таким образом, немецкое командование создало самую сильную группировку сил и средств, которую вермахту до сих пор удавалось собрать на одном стратегическом направлении. Но пехотным дивизиям, по немецким данным, по-прежнему не хватало до штата примерно 1500 человек каждой, таким образом, их численность была на уровне примерно 15 500 человек в каждой (численность и вооружение стрелковой (СССР) и пехотной (Германия) дивизий в 1941 г. показаны в Приложении 1).

Противостоящие группе армий «Центр» три фронта Красной Армии — Западный, Резервный и Брянский — обороняли полосу шириной 800 км. Главная группировка в составе 12 армий Западного и Резервного фронтов оборонялась на московском направлении. Три армии и опергруппа Брянского фронта обороняли брянское и орловское направления. Всего в составе трех фронтов насчитывалось: дивизий — 95 (из них стрел-

ковых — 83, мотострелковых — 2, танковых — 1, кавалерийских — 9), танковых бригад — 13 и авиационных дивизий — 11.

Состав фронтов, численность личного состава и основных видов вооружения и боевой техники к началу Московской битвы — в таблице 4.

По данным Института военной истории, численность Западного фронта составляла 545 935 человек. По другим данным, на 25.09.1941 г. в составе этого фронта насчитывалось 544 995 человек (в том числе начсостав — 61 574, младший начсостав — 83 148, рядовой состав — 400 273)¹.

В течение сентября фронты Западного стратегического направления для восполнения понесенных потерь получили свыше 193 тыс. человек маршевого пополнения (до 40% от общего количества людей, направленных в действующую армию) [29].

В конце сентября из состава фронта выбыли понесшие большие потери две дивизии, но они имели минимальную численность: 1-я мотострелковая (два мотострелковых полка по 600 человек) и 64-я стрелковая дивизии (полки насчитывали в среднем по 900 человек).

Таблица 4

Состав фронтов, численность личного состава и основных видов вооружения и боевой техники к началу Московской битвы

Объединения и соединения	Личный состав	Орудия и минометы (в т.ч. ПТО)	Танки	Самолеты
Западный фронт				
16-я армия	55 823	543 (81)	71	
19-я армия	51 983	855 (144)	24	
20-я армия	31 222	325 (52)	—	
22-я армия	48 305	529 (27)	9	
29-я армия	43 575	775 (47)	2	
30-я армия	31 775	618 (20)	8	
Части фронт. подчинения	283 252	384 (99)	372	253
Итого:	545 935	4029 (470)	486	253

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 82. Л. 185

Объединения и соединения	Личный состав	Орудия и минометы (в т.ч. ПТО)	Танки	Самолеты
Резервный фронт				
24-я армия	113 404	1107 (151)	90	
31-я армия	66 867	930 (123)	13	
32-я армия	54 482	798 (100)	88	
33-я армия	72 980	837 (40)	15	
43-я армия	82 535	546 (70)	88	
49-я армия	45 329	507 (—)	7	
Части фронт. подчинения	42 911	27 (—)		126
Итого:	478 508	4752 (484)	301*	126**
Брянский фронт***				
3-я армия	42 100	336 (56)	—	
13-я армия	45 190	214 (23)	169 (53)	
50-я армия	61 503	780 (149)	7	
ОГ Ермакова	33 562	132 (—)	158 (103)	
Части фронт. подчинения	43 212	281 (15)	102 (96)	166
Итого:	225 567	1743 (243)	257 (259)	166
ВСЕГО:	1 250 010	10524(1197)	1044 (1046)	545
<i>Источник:</i> Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Статистический анализ. Кн. 1. М.: ИВИ, 2004. С. 317. <i>Примечания:</i> * из них в ремонте — 47. ** из них неисправных — 75 (ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 25. Л. 8—12). *** данные ИВИ по количеству орудий и танков в армиях фронта ошибочны. В скобках указано реальное количество танков. В 13 А: 141-я тбр (25), 43-я отб (28); в ОГ — 121-я тбр (54), 150-я тбр (20), 113-я отб (29); в резерве фронта — 108-я тд (35), 42-я тбр (61) (уточнено автором по данным ЦАМО РФ. Ф. 5. Оп. 11462. Д. 104. Л. 246).				

В таблице несколько преуменьшена численность войск и некоторых армий Западного (30-я армия) и Брянского (3-я и 50-я армии) фронтов. Не имея допуска к закрытым фондам ЦАМО, невозможно назвать точную причину расхождения в цифрах. Видимо, в документах Института военной истории указан так называемый боевой состав объединений. Естественно, в расчеты не включена численность войск НКВД. Например, в частях НКВД, располагавшихся в полосе Западного

фронта, на 25.09.1941 г. насчитывалось 13 190 человек (данных по другим фронтам обнаружить не удалось). На соотношение сторон в живой силе эта разница особого влияния не оказывает, поэтому к этому вопросу мы вернемся позднее. Кстати, в журнале боевых действий группы армий «Центр» подсчитана полная численность войск. И число 1 929 406 включает в себя численность люфтваффе, а также вспомогательные силы, такие как железнодорожные и тыловые части¹. Таким образом, противник (возьмем меньшие цифры — 1800 тыс.) превосходил войска наших трех фронтов в людях в 1,4 раза.

Большие потери в людях (в том числе и в командном составе), вооружении и боевой технике, продолжающееся формирование новых соединений и частей, а также снизившиеся производственные возможности промышленности в связи с массовым перебазированием предприятий в глубокий тыл, вынудило советское командование внести крупные изменения в организационную структуру войск. Еще 15 июля Ставка указала на необходимость при первой возможности постепенно, без ущерба для текущих операций, подготовить переход к системе небольших армий «в пять — максимум шесть дивизий без корпусных управлений».

По штату, утвержденному 29 июля, численность личного состава стрелковой дивизии уменьшилась почти на 30% и составила 11 634 человека (начсостав — 862, младший начсостав — 1612, рядовой состав — 9160). Уже с 17 сентября из дивизий изъяли вторые арtpолки, количество орудий в них уменьшилось наполовину (остался один арtpолк, имевший по штату 76-мм орудий — 16, 122-мм — 8), автомашин — на 64% (осталось — 226, из них грузовых — 196), лошадей в дивизии осталось — 2740 (из них верховых — 497). В таком составе наша стрелковая дивизия, по сравнению с немецкой пехотной дивизией, теперь имела меньше: людей — в 1,4 раза, стрелкового оружия — в 1,4, орудий и минометов — в 2,1 раза, лошадей — в 1,8 раза.

Однако значительная часть стрелковых дивизий, несмотря на полученное пополнение, имела низкую степень укомплектованности даже по отношению к сокращенному штату.

¹ BA-MA RH 19 II/123.

Так, на 20 сентября стрелковые дивизии 30-й армии были укомплектованы личным составом на 49—50%, 101 тд — 55% (танками на 14%), 107 тд — 58% (танками на 57%). Хуже всего были укомплектованы дивизии тех армий, которые, несмотря на приказ о переходе к обороне, продолжали проводить частные наступательные операции. Во многих дивизиях ощущался недостаток артиллерии, пулеметов и средств транспорта (две дивизии — 170-ю и 98-ю сд — пришлось 30.09.1941 г. расформировать как материально не обеспеченные. Остатки личного состава и матчасти передали в 22-ю армию). К 1 октября несколько лучше были укомплектованы стрелковые дивизии 16-й армии — в среднем на 91%, 19-й — на 73%, 20-й — на 74%.

Уже с началом немецкого наступления, в период с 3 по 7 октября, для пополнения соединений Западного фронта прибыло 47 маршевых рот и 3 роты специалистов. К сожалению, качество пополнения было существенно ниже предъявляемых требований. Так что сведения немецкой разведки о том, что к концу сентября войскам фон Бока противостоят 80 дивизий противника и еще 10 дивизий находятся в резерве (дивизии народного ополчения), по своей укомплектованности и вооружению эквивалентные 54 полнокровным дивизиям, были не так уж далеки от истины.

Артиллерийские полки Резерва Главного Командования (РГК) также переводились на сокращенные штаты, в связи с чем их огневые возможности также уменьшились в 2 раза. Вместо артиллерийских противотанковых бригад создавались полки в составе сначала пяти, а затем и четырех батарей по 16 орудий в каждом.

Командующий Западным фронтом 19.09.1941 г. все мероприятия по переходу на сокращенные штаты приказал закончить до 10 октября¹. Вынужденный переход к формированию частей и соединений с сокращенным количеством вооружения, почти без механизированных средств передвижения резко снизил их боевую мощь и маневренность. Большая часть соединений Резервного фронта не имела боевого опыта. К тому же наши войска были сильно измотаны предшествующими оборонительными и наступательными боями, нуждались в отдыхе и пополнении.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 6. Л. 2—10.

Соотношение сил сторон в танках подсчитать сложнее, так как по их количеству в танковых соединениях группы армий «Центр» среди исследователей существуют самые различные мнения: одни учитывают общее их количество, другие — только боеготовые. Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее.

В вермахте танки находились на вооружении танковых дивизий, обладающих большой ударной и огневой мощностью и высокой маневренностью. В руках командования они являлись основным средством развития тактического прорыва в оперативный, охвата и обхода крупных вражеских группировок. В составе танковых дивизий имелся один танковый полк двух или трехбатальонного состава, на вооружении которого состояли следующие типы танков: Т-I, Т-II, Т-III, Т-IV и трофейные чешские Т-35(t) и Т-38(t). Организация и боевой состав немецких танковых дивизий, а также сравнительные тактико-технические характеристики танков Красной Армии и вермахта и их вооружения показаны в Приложениях 2, 3 и 5. Однако следует учитывать, что общее число танков в дивизиях могло превышать штатное. Например, в 6-й тд все чешские танки 35(t) стояли на вооружении 65-го отдельного батальона, который не входил в состав ее 11-го танкового полка. И танков в нем было больше, чем в двух батальонах 11-го тп (см. Приложение 6). 65-й отб был расформирован только 3 июня 1942 г., а его остатки влиты в 11-й тп.

По данным известного российского специалиста по немецкой бронетехнике А.В. Лобанова, в группе армий «Центр» к началу операции «Тайфун» в составе 14 танковых дивизий насчитывалось до 1700 танков, из них до 40% легких Т-I и Т-II [30]. Р. Эдвардс, приводя данные о соотношении сил перед всеми основными танковыми операциями, проведенными немцами, указывает, что к началу операции «Тайфун» они располагали 1700 танками и штурмовыми орудиями и 1320 самолетами, а Красная Армия имела 700—800 танков и 1170 самолетов [31]. Однако к концу сентября танковые соединения понесли значительные потери в боевой технике и нуждались в пополнении. Это можно проследить на примере 3-й танковой группы. Так, в 6-й танковой дивизии в начале войны было 256 танков, на 10 сентября в строю оставался 181 боеготовый танк (в ремонте — 15, безвозвратно потеряно — 62, получено — 2). В 7-й танковой дивизии, которую основательно потрепали под Духовщиной, соответственно было 278 танков, на 6 сентября

1941 г. в строю осталось 130 (в ремонте — 87, безвозвратно потеряно — 82, получено — 21) [32].

В ближайшем резерве ОКХ для пополнения соединений имелось всего 126 танков. Дело в том, что Гитлер был уверен, что в самое ближайшее время Красная Армия будет разгромлена и война перейдет в фазу «экономического подавления» СССР. Поэтому еще 8 июля он заявил о намерении оставлять в Германии все новые танки, выпускаемые заводами, которые понадобятся «на период после Барбароссы». Попутно Гитлер надеялся сохранить в тайне сделанные усовершенствования в танкостроении. Поэтому он дал указания не возмещать в широком масштабе понесенные на фронте потери в танках, а из дивизий, понесших большие потери в танках, создавать сводные соединения. Освободившихся при этом танковых специалистов следовало направлять в Германию для укомплектования вновь формируемых и вооружаемых новыми танками соединений.

Поэтому известный американский исследователь Д. Гланц считает цифры в 1700 танков в 14 танковых дивизиях (не считая 19-ю тд — резерв ГА «Центр»), приводимые в советских источниках, невероятными, так как они не учитывают понесенные ранее безвозвратные потери и некомплект многих дивизий. По его мнению, более реальное число боеготовых немецких танков — около 1000 боеготовых машин. Рейнгарт отметил, что «...в начале октября во 2-й танковой группе насчитывалось лишь 50% штатной численности танков, в 3-й танковой группе — от 70 до 80% и только в 4-й танковой группе — 100%» [21]. Но приведенные им данные также не отражали действительного положения, так как в них не указано число боеготовых танков.

Чаще всего разница в количестве танков, приводимом в различных источниках, как раз и объясняется наличием ремонтного фонда, величина которого менялась ежедневно, а также различными сроками представления донесений в вышестоящие штабы. Многое зависело от степени повреждений боевых машин и наличия запасных частей и агрегатов, то есть от сроков ремонта. Группы армий в 1941 г. не имели достаточного количества ремонтных подразделений, располагая лишь складами запасных частей. Поэтому приходилось отправлять серьезно поврежденные танки в Германию для ремонта в заводских условиях. Поскольку потери в танках в ходе боев, а также вследствие непредусмотренного износа в связи

с температурными и погодными условиями оказались значительно выше, чем ожидалось, центральная ремонтно-восстановительная служба зачастую не справлялась с возросшим объемом ремонтных работ. К тому же сказывалась нехватка запасных частей, которая усугублялась наличием различных образцов бронетанковой техники, в том числе и наличием трофейных танков — французских (незначительное количество) и чехословацких. Например, ремонтные подразделения вермахта испытывали дефицит запчастей к трофейным чешским танкам Т-35(t), производство которых было прекращено в 1938 г. (танки Т-38(t) выпускались до июня 1942 г., а разнообразные боевые машины на их базе — до конца войны). Централизация ремонта танков приводила к значительному увеличению сроков ремонта (и, соответственно, — к уменьшению и без того небольшой пропускной способности железных дорог). Поэтому танки, отправленные для ремонта на заводы-изготовители в Германии, а также на ремонтные базы в Минске, Вильнюсе, снимались с учета в танковых дивизиях. Только в 1942 г. был осуществлен переход к децентрализованной системе ремонта танков в полевых условиях.

Наименьшую укомплектованность после боев восточнее Киева имели дивизии танковой группы Гудериана. Гальдер 19 сентября 1941 г. в своем дневнике отметил, что в соединениях 2-й танковой группы было следующее число готовых к использованию в бою танков: в 3-й танковой дивизии — 20%, в 17-й танковой дивизии — 21%, в 4-й танковой дивизии — 29%, в 18-й танковой дивизии — 31%. Всего к началу операции Гальдер рассчитывал иметь в трех танковых группах около 60% готовых к использованию в бою танков [17]. Конечно, немцы постарались максимально использовать оставшееся до операции время для восстановления подбитых и получивших технические повреждения боевых машин. Поставки в войска восстановленных в войсковых ремонтных частях и на заводах-изготовителях танков продолжались до самого последнего момента. Согласно немецким документам, для соединений Гудериана было поставлено 134 танка Т-III и 15 Т-IV. Из них 56% должны были прибыть вечером «перед новым делом» (то есть 29.09. — **Л.Л.**), а остальные на два дня позже. На танки, имевшие только радиоприемники, устанавливались передатчики с подбитых машин¹.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 73. Л. 185.

По имеющимся данным, фактическое число готовых к использованию в бою танков в соединениях 4-й танковой группы в конце сентября составляло: в 20-й танковой дивизии — 34%, в 10-й танковой дивизии — 88%, в 11-й танковой дивизии — 72% (105 танков), во 2-й танковой дивизии — 94%, в 5-й танковой дивизии — 100% (две последние прибыли из резерва ОКХ) [33]. Для огневой поддержки танковым и пехотным дивизиям придавались дивизионы штурмовых орудий StuG.

В ходе предыдущих сражений количество танков в нашей действующей армии резко снизилось, а промышленность не могла их дать в достаточном количестве, чтобы восполнить потери. К концу сентября мехкорпуса были расформированы. Не удалось сохранить и отдельные танковые дивизии. Основным тактическим соединением бронетанковых войск Красной Армии стала танковая бригада, которая по своему составу не шла ни в какое сравнение с танковой дивизией вермахта, обладающей значительно большей ударной и огневой мощью и высокой маневренностью (см. Приложение 3). Наши фронты и армии лишились мощного средства для развития наступления в глубину и для разгрома вклинившихся в оборону группировок противника. Танковые бригады (и тем более отдельные танковые батальоны) были мало приспособлены для самостоятельных действий. В обороне они применялись в основном для непосредственной поддержки пехоты при проведении контратак.

В составе трех наших фронтов насчитывалось 1044 танка. Судя по донесениям, это были в основном боеготовые танки. Представление о типах советских боевых машин можно получить из донесения о боевом составе танковых частей Западного фронта (см. таблицу 5).

Более реальную картину количественного соотношения войск сторон по танкам получим, учитывая только боеготовые машины. При этом предлагается исходить из следующего. По данным весьма компетентного знатока танковых войск вермахта Т. Йентца, на середину и конец сентября в тринадцати танковых дивизиях (без 19-й тд) в строю имелось 1415 танков, в ремонте — 734 [33]. Примем потери за вторую половину сентября равными числу отремонтированных (напряжение боев, кроме соединений 2-й танковой группы, несколько спа-

ло). При подготовке к операции немцы постарались ввести максимальное число машин из ремонтного фонда — грубо 20—25% от 734, что могло дать 145—183 танка (примерный расчет укомплектованности соединений 3-й танковой группы танками к 1 октября показан в Приложении 6). В этом случае к началу операции «Тайфун» немцы могли иметь боеготовых 1500—1550 танков. Полученные цифры ненамного отличаются от данных Мюллера-Гиллебранда, который считал, что на Восточном фронте, по состоянию на 04.09.1941 г., в 17 танковых дивизиях имелось 3387 танков, из них 1586 (47%) были боеготовыми. Без 1-й танковой группы немцы располагали 1255 боеготовыми танками (но это без учета 2-й и 5-й тд, находившихся в резерве ОКХ) [34]. Согласно уже упоминавшемуся исследованию, проведенному армией США в марте 1955 г., предполагалось, что доля боеготовых танков в группе армий «Центр» к началу наступления на Москву могла повыситься до 60,5% от штатной, что составит — 1571 боеготовый танк [22]. В основу дальнейших расчетов положим эти цифры — 1570 танков.

Таблица 5

**Боевой состав танковых соединений Западного фронта
по состоянию на 1 октября 1941 года**

Соединения	КВ	Т-34	БТ	Т-26	Т-37	ВСЕГО
107 мсд	5	23	1	92	6	127
101 мсд	3	9	5	52		69
126 тбр	1		19	41		61
127 тбр	5		14	37		56
128 тбр	7	1	39	14		61
143 тбр		9		44		53
147 тбр		9	23	18		50
ИТОГО:	21	51	101	298	6	477
Источник: ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 83. Л. 176.						

Тогда по количеству боеготовых танков противник к началу операции «Тайфун» превосходил наши войска в 1,5 раза (1570 танков против 1044). Конечно, это очень приблизительный подсчет. Представляю, сколько нареканий придется выслу-

шать автору от признанных специалистов по бронетехнике вермахта. Исходя из предложенного допущения, можно подсчитать примерное соотношение в танках и в полосе каждого советского фронта (без учета 19-й танковой дивизии; резерва фон Бока):

— 3-я ТГр (1, 6 и 7-я тд) против Западного фронта — 1:1 (450:477);

— 4-я ТГр (2, 5, 10, 11-я тд и 20-я тд 57-го мк) против Резервного фронта — 2,4:1 (720:301);

— 2-я ТГр (3, 4, 17 и 18-я тд) против Брянского фронта — 1,6:1 (400:257).

Кстати, в некоторых публикациях количество танков в 3-й танковой группе (512) подсчитано без учета ремонтного фонда и полученного пополнения [29]. Интересно, что, согласно оперсводке № 192 штаба Западного фронта от 30.09.1941 г., в полосе обороны 19, 16 и 20-й армий шириной 90 км против наших 232 танков противник имел 525 (в том числе в 7-й тд — 150), соотношение в танках составляло 1:2,3 в пользу противника. На самом деле в этой полосе действовали только пехотные дивизии 8-го и 27-го армейских корпусов!

При анализе качественного состава танковых войск сторон следует учитывать, что значительная часть танков советских фронтов была устаревших типов. Так, в составе Западного фронта было только 72 тяжелых и средних танка новых типов, то есть 15%. Между тем, танковый парк противостоящей ему 3-й танковой группы почти наполовину состоял из средних танков Т-III и Т-IV. Наши устаревшие танки БТ и Т-26 уступали этим машинам врага по некоторым показателям (сравнительные тактико-технические характеристики танков СССР и Германии и их вооружения в 1941 г. показаны в Приложении 5). Оснащенные авиационными (как правило, списанными с самолетов) или форсированными автомобильными двигателями, они загорались от первых же попаданий. Их тонкая противопульная броня пробивалась всеми типами противотанковых средств вермахта. Однако немецкие танки Т-III, Т-IV, имевшие некоторое превосходство по защищенности над советскими Т-26, Т-35, Т-38 и БТ-7, в два раза уступали по эффективной дальности стрельбы Т-26 и БТ-7, а новым танкам Т-34 и КВ — по всем показателям. В то же время легкие танки вермахта (Т-I, Т-II, чешские Т-35(t)) и Т-38(t) значительно уступали нашим танкам по всем показателям. Поэтому

вести речь о превосходстве немецких танков над нашими нельзя. В 1942 г. Гитлер вынужден был признать, что «в техническом отношении русские достигли чрезвычайного успеха. Это является большой неожиданностью в русской кампании. Нельзя было и думать, что Советы смогут произвести такое огромное количество военных материалов. И качество этой материальной части хорошее. Русские танки, несомненно, являются лучшими, которые когда-либо противостояли немецкой армии» [20].

Но нельзя все сводить к толщине лобовой брони и бронепробиваемости снарядов пушки. Танк надо рассматривать как совокупность свойств, включая проходимость, динамические характеристики на поле боя и качество брони. По оценке противника, низкая эффективность действий наших танковых частей в 1941 г. объяснялась плохой обученностью экипажей, особенно механиков-водителей. К тому же наши танкисты зачастую в бою вели огонь с ходу, что снижало его эффективность. Немцы, обладая лучшими прицелами и электрической аппаратурой наводки, стреляли, как правило, с места или с короткой остановки.

Соотношение сил сторон в авиации. Немцы рассматривали авиацию в качестве основного дальнобойного средства поражения войск противника, которое в силу своей мобильности было способно переброске в любой район в случае кризиса. Основной задачей авиации считалась поддержка своих подвижных соединений на поле боя и поражение важнейших объектов противника в его ближайшем тылу. Продолжая удерживать завоеванное превосходство в воздухе, она должна была сыграть важнейшую роль в достижении целей операции «Тайфун». Но эффективность ее ударов в связи с потерями значительно снизилась.

По количеству самолетов в составе 2-го воздушного флота также существует разноречивость в цифрах, который объясняется данными на различное время. По нашим данным статистического исследования, к началу операции «Тайфун» 2-й воздушный флот насчитывал 1390 боевых самолетов против 545 советских, то есть соотношение составляло 1: 2,5 в пользу противника [26]. По данным авторитетного специалиста в области авиации Бергстрёма, на начало операции «Тайфун»

2-й воздушный флот имел всего 550 самолетов, из них 158 бомбардировщиков. Возможно, он имел в виду только исправные самолеты и не учел все включенные позднее в состав группировки генерал-фельдмаршала А. Кессельринга соединения. Кроме 2-го авиакорпуса генерала Б. Лерцера в ее состав снова вошел 8-й корпус генерала В. фон Рихтгофена, переброшенный из ГА «Север». В известном исследовании Д.Б. Хазанова приводятся другие цифры, которые не намного отличаются от вышеприведенных: в середине сентября в группе армий «Центр» было 300 самолетов, а на 30.09.1941 г. их стало 1320 [35].

Наша авиация к началу октября понесла большие потери. Так, безвозвратные потери ВВС Западного фронта, имевших в своем составе на 1 сентября 248 самолетов, составили более 100 боевых машин (77 из них были сбиты в боях и погибли на аэродромах). В наиболее крупном по составу соединении — 43-й авиадивизии — после ожесточенных боев в августе—сентябре в каждом из семи авиаполков насчитывалось по 5—7 боевых самолетов. Тем не менее к 1 октября удалось поставить в строй 272 самолета. В связи с расформированием авиационных корпусов и недостатком самолетов были сформированы смешанные авиадивизии (два полка по 30 самолетов), которые комплектовались самолетами разного предназначения. Это не способствовало эффективному применению авиации, особенно в условиях господства врага в воздухе, но другого выхода пока не нашли.

По данным статистического исследования, в составе советской фронтовой авиации на Западном стратегическом направлении имелось 545 самолетов, которые распределялись по фронтам следующим образом. ВВС Западного фронта: 23-я бад, 31, 43, 46 и 47-я сад; в армиях — отдельные эскадрильи связи, санитарные самолеты и самолеты-корректировщики, всего самолетов — 253. В составе ВВС Резервного фронта авиационных частей не было. Зато две армии первого эшелона имели: ВВС 24-й армии — 38-я сад, 10-й и 163-й иап, 66-й шап; ВВС 43-й армии — 10-я и 12-я сад, всего самолетов — 126. ВВС Брянского фронта: 24-я бап, 6-я РАГ (бап — 1, шап — 1); ВВС 13-й армии — 11, 60 и 61-я сад, всего самолетов — 166. По другим данным, в составе советской фронтовой авиации имелось 568 самолетов (из них исправных — 389, то есть 68%). Небольшая разница в общем количестве самолетов об-

разовалась в основном за счет переменной величины ремонтного фонда.

При подсчете соотношения в боевых самолетах Д.Б. Хазанов предлагает учитывать и ВВС Московского военного округа (МВО) в составе: 6-й иак ПВО (иап — 17), 77-я сад, 441-й иап, всего самолетов — 432 (из них исправных — 343, то есть 80%). Кроме того, он указывает, что по данным немецкого командования, все запланированные для операции соединения и части авиации прибыли на центральное направление только к 10 октября. А Ставка ВГК через несколько дней после начала битвы привлекла к ударам по немецким войскам пять бомбардировочных авиадивизий дальней бомбардировочной авиации (40, 42, 51, 52 и 81-я бад). На этом основании он делает вывод, что можно говорить о примерном количественном равенстве сил с врагом к началу битвы за Москву [35]. С таким выводом вряд ли можно согласиться. Самолеты 6-го иак, основной задачей которого была защита неба Москвы, по понятной причине не в полной мере могли использоваться в борьбе с наземными войсками противника и для прикрытия своих войск от ударов с воздуха. В то же время командование люфтваффе, столкнувшись в июле и августе с мощной и хорошо организованной противовоздушной обороной советской столицы, всячески противилось выделению для дальнейших налетов на нее значительного количества бомбардировщиков.

Немецкому командованию удалось в короткие сроки и скрытно сосредоточить в районе предстоящей операции почти 2/3 всех самолетов, имеющихся на советско-германском фронте. На московском направлении в распоряжении нашего командования находилось только 17% от общего количества самолетов действующей армии или 33% от их количества во фронтовой авиации. Врагу, таким образом, удалось создать более высокую концентрацию авиационных сил на важнейшем стратегическом направлении. Если принять, что до середины октября в боях с наступающим противником активно использовалось не более половины 6-го авиакорпуса, то соотношение по боевым самолетам к началу битвы и в первые дни операции могло составить примерно 1,8—1,6:1 в пользу противника. Эта количественная диспропорция, а также более эффективное использование имеющихся сил авиа-

ции германской стороной осложнили действия наших наземных войск в ходе оборонительного этапа битвы. По мере приближения врага непосредственно к Московской зоне ПВО количественное соотношение в боевых самолетах постепенно выравнивалось, а затем даже изменилось в нашу пользу.

Все вышеперечисленные организационные изменения в соединениях, родах войск и видах вооруженных сил были вынужденными, вызванными острым недостатком в военных кадрах, вооружении и боевой технике. Таким образом, советские войска к началу Московской битвы уступали врагу в численности личного состава и боевой технике, особенно в танках и авиации, а также в подготовке и боевом опыте войск.

Советские войска перешли к обороне на Западном стратегическом направлении, согласно директиве, с 10 сентября 1941 г. Но Ставка не запрещала, а даже поощряла попытки наступать в целях улучшения, например, тактического положения войск и нанесения потерь противнику. Поэтому практически все объединения Западного фронта продолжали безуспешно наступать в своей полосе и после 10 сентября, а 13-я армия и оперативная группа генерала Ермакова Брянского фронта — весь месяц. Такой двойственный подход к постановке задач не только приводил к большим и не всегда оправданным потерям, но и отвлекал внимание командиров и командующих от решения важных вопросов по организации прочной обороны. Поэтому ни один из трех фронтов западного направления не смог хорошо подготовиться к отражению сильных ударов противника. Это прежде всего касалось инженерного оборудования позиций.

И только 27 сентября, обнаружив явную подготовку противника к наступлению, Ставка ВГК дала директиву о переходе войск Западного фронта к жесткой обороне:

«В связи с тем что, как выяснилось в ходе боев с противником, наши войска еще не готовы к серьезным наступательным операциям, Ставка ВГК приказывает:

1. На всех участках фронта перейти к жесткой, упорной обороне, при этом ведя активную разведку сил противника и лишь в случае необходимости предпринимая частные наступательные операции для улучшения своих оборонительных позиций <...>

2. Особенно хорошо должны быть прикрыты в инженерном и огневом отношении направления на Ржев, Вязьму и стыки с соседними фронтами»¹.

В тот же день директивы аналогичного содержания были отданы Юго-Западному и Брянскому фронтам. Последнему было указано, что особенно хорошо должны быть прикрыты в инженерном и огневом отношении направления на Брянск, Севск и Курск стыки с соседними фронтами. Странно, но Резервный фронт и на этот раз получил указания только в копии. Некоторые историки вообще считают, что его задача заключалась только в прикрытии промежутка между Западным и Брянским фронтами.

Ставка явно запоздала с директивой о переходе к жесткой обороне. А до этого какая была? Строго говоря, термин «жесткая оборона» уставами и наставлениями не предусмотрен. Видимо, высшее военное руководство хотело тем самым подчеркнуть ответственность командующих за подготовку к отражению вражеских ударов. И тем не менее 29 сентября (за сутки до начала наступления противника) начальник Генерального штаба направил в войска директиву с указаниями, как готовить наступательные операции! Опять высшее военное руководство допустило двойственность по такому важному вопросу, как создание прочной обороны. Хотя о времени возможного наступления противника и его масштабах имелось много данных. Так, 26.09.1941 в 15.30 Военный совет Западного фронта доложил в Ставку ВГК:

«Данными всех видов разведки и опросом пленного фельдфебеля летчика-истребителя установлено следующее:

1. Противник непрерывно подводит резервы из глубины <...>.

2. Создает группировки против Западного фронта на фронте 19, 16 и 20 армий в районе Духовщины, Ярцево, Соловьевской переправы, ст. Кардымово, Смоленска и против Резервного фронта в районе Рославля на спас-деменском направлении.

3. По показаниям пленного летчика, противник готовится к наступлению в направлении Москвы с главной

¹ ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 2. Л. 342, 343.

группировкой вдоль автомагистрали Вязьма — Москва. Противник подтянул уже до тысячи танков, из них около 500 в районе Смоленска, Починок. Всего для наступления будет подтянуто противником, по данным пленного летчика, до 100 дивизий всех родов войск.

4. Начало наступления 1 октября. Руководить операцией на Москву будут Кейтель и Геринг, прибытие которого на днях ожидается в Смоленске...

5. Наши фронтовые резервы подтягиваются на ярцево-вяземское направление, район ст. Дорогобуж и севернее. Создаются противотанковые рубежи. Фронтовые резервы ограничены: всего четыре сд и три тбр. Прошу сообщить, будут ли даны фронту дополнительные резервы, в каком количестве и когда.

*Конев, Лестев, Соколовский*¹.

Пленный летчик выложил то, о чем знал или слышал. Чего стоит одно упоминание о прибытии в Смоленск Кейтеля и Геринга. Скрыть от солдат и офицеров сосредоточение большого количества танков и самолетов было невозможно. И командование группы армий «Центр» организовало утечку нужной ему информации среди своих офицеров. Дезинформация выглядела вполне правдоподобно — нанесение мощного рассекающего удара смежными флангами двух полевых армий по кратчайшему пути к Москве — вдоль авто-страды.

На подготовку обороны советским войскам оставалось всего три-четыре дня (на самом деле — еще меньше). Естественно, что за остававшееся время наши войска не смогли принять всех нужных мер для создания устойчивой обороны. И немецкое наступление застало Западный, Резервный и Брянский фронты в основном в наступательных группировках, с личным составом, измотанным непрерывными трехмесячными наступательными боями. Оборона оказалась настолько неподготовленной, что в ходе ее прорыва немецкое командование так и не пришло к единому мнению — намеревались ли русские вести упорную оборону или нет.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 82. Л. 154.

Что же противопоставило врагу советское командование? Как ни странно, но документально оформленного плана оборонительной операции на московском направлении не было. Существовал лишь общий замысел организации обороны, который формировался постепенно и воплощался в жизнь распорядительным порядком. Он сводился к тому, чтобы, опираясь на глубоко эшелонированную оборону и подготовленные рубежи, не допустить прорыва врага к столице. Основные усилия в обороне сосредоточивались на наиболее доступных и кратчайших путях к городу. Другими словами, организация обороны важнейшего стратегического направления складывалась в ходе боев и во многом определялась предшествующими действиями противника. Основным изъян этого замысла состоял в том, что при создании группировок войск исходили из важности районов и операционных направлений без учета возможных действий противника. Поэтому оперативное построение обороны фронтов к 1 октября 1941 г. мало отличалось от построения их в ходе сентябрьских боев. Наиболее мощная оборона была выстроена вдоль дорог Смоленск — Москва (Минское шоссе) и Рославль — Москва (Варшавское шоссе).

Созданная на московском направлении группировка состояла из 12 армий Западного и Резервного фронтов. Южнее три армии Брянского фронта и оперативная группа генерала Ермакова защищали подходы к Москве на брянском и орловском направлениях. В первом стратегическом эшелоне оборонялось 11 армий и опергруппа. Четыре армии Резервного фронта составляли второй эшелон, оборонявший первую полосу Ржевско-Вяземского рубежа.

Построение обороны Западного фронта, войсками которого с 12 сентября командовал 43-летний генерал-полковник И.С. Конев¹, в качестве примера рассмотрим подробнее. К концу сентября его шесть армий (22, 29, 30, 19, 16 и 20-я)

¹ Конев Иван Степанович (16.12.1897—21.05.1973) в Гражданскую войну комиссар бронепоезда, затем стрелковой бригады, дивизии. В 1931—1932 и 1935—1937 гг. командовал стр. дивизией, корпусом. В 1940—1941 гг. — командующий войсками Забайкальского и Северо-Кавказского военных округов.

занимали оборону на рубеже: озеро Селигер, западнее Андреаполя, Ярцево, северо-западнее Ельни в полосе шириной 347 км. В состав фронта входило 40 дивизий (стрелковых — 30, моторострелковых — 2, кавалерийских — 3, авиационных — 5). По данным разведки, перед Западным фронтом действовало 36 дивизий противника (из них пехотных — 29, танковых — 4, моторизованных — 3) и одна бригада СС. В действительности против фронта противник сосредоточил 18 пехотных, 2 моторизованные и 3 танковые дивизии, всего 23.

Командующий войсками
Западного фронта
генерал-полковник И.С. Конев

Основные усилия в обороне фронт сосредоточивал вдоль автостреды Смоленск, Ярцево, Вязьма. Здесь же располагались и резервы фронта в составе 7 дивизий (сд — 4, мсд — 2, кд — 1) и 4 танковых бригад, что превышало обычный состав армии. Так что на этом направлении была создана наиболее плотная группировка сил и средств. Если средняя оперативная плотность в полосе фронта составляла 9,9 км на одну дивизию, то в полосе вдоль Минской автостреды — 3,5—4 км. Например, в 19-й армии на 1 октября севернее шоссе в полосе шириной 29 км оборонялись четыре дивизии — три (91, 89 и 50-я сд) в первом эшелоне и одна (166-я сд) — во втором. А ее правофланговая 244-я стрелковая дивизия, которая оказалась на направлении главного удара 3-й танковой группы Гота, оборонялась в полосе 13 км (схема 18).

В плане оборонительной операции Западного фронта его задача была сформулирована следующим образом: «закрепившись на занимаемом рубеже, не допустить прорыва противника в восточном направлении, создав за счет второстепенных направлений сильные резервы». Замысел командова-

ния заключался в том, чтобы «активной обороной и системой сильных эшелонированных укреплений в тактической полосе обороны и подготовкой армейских рубежей с отсечными позициями создать упорную оборону первого боевого эшелона и одновременно обеспечить широкий маневр армейских и фронтовых резервов для уничтожения наступающего противника.

Вывести в резерв фронта не менее 5—6 сд и в армейский — до дивизии на каждую армию»¹.

Во втором разделе плана были указаны шесть (по числу армий) вероятных направлений наступления противника, из них четыре севернее автостреды, а также ярцевское (вдоль автостреды) и дорогобужское, выводящее в тыл 20-й армии. Этот раздел заканчивался фразой:

«Основные усилия войск фронта должны быть направлены на оборону этих важнейших направлений» (выделено мною. — Л.Л.).

Основа решения на оборону — выбор направления (района) сосредоточения основных усилий. Невозможно оборонять все и вся — для этого не хватит сил. Известно крылатое выражение — «кто обороняет все, не обороняет ничего». Вряд ли следовало ожидать, что противник будет наступать в пределах фронта сразу на 5—6 направлениях, как наступали наши армии в Смоленском сражении — каждая на своем направлении. Среди всех возможных направлений ударов противника надо было выбрать наиболее опасные для наших войск и, значит, наиболее выгодные для врага, чтобы противопоставить ему наиболее сильную оборону. И это самое трудное, так как противник, обладая инициативой, мог сам выбирать место и время нанесения удара, и не одного. Но в этом как раз и состоит искусство военачальника.

В идеале направление сосредоточения основных усилий должно совпадать с направлением главного удара противника. Это направление определяется путем глубокого анализа данных о противнике: его боевом составе, группировке сил и средств, боеспособности, сильных и слабых сторонах, взглядах на ведение наступления, намерениях и возможностях. При этом надо обязательно учитывать возможность дезинформации.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 229. Л. 111—122.

Конева Ставка определила два направления сосредоточения основных усилий фронта: на Ржев и на Вязьму, имея в виду главное — Смоленск, Вязьма, как кратчайшее, наиболее доступное и выводящее прямо к Москве. Хотя, исходя из предшествующих операций врага, можно было сделать вполне определенный вывод, что вряд ли немцы будут наносить главный удар по наиболее сильной группировке фронта. В этом отношении Ставка явно недооценила возможности разведки противника и высокий уровень оперативной подготовки немецкого командования. Во всяком случае, следовало ожидать, что немцы попытаются прорвать фронт в наименее укрепленных местах, чтобы охватить фланги главной группировки, окружить ее. У Конева появились сомнения в отношении наиболее вероятного главного удара противника, но вносить какие-то поправки в построение обороны было уже поздно.

В плане фронта были определены варианты действий на случай прорыва противника на каждом из шести указанных выше направлений. Обращает на себя внимание, что на создание группировок войск и выход их в исходное положение для нанесения контрудара по прорвавшемуся на одном из направлений противнику по плану отводилось от 2 до 3 суток! При этом совершенно не учитывали пробивную силу танковых дивизий вермахта и трудности маневра по железной дороге в условиях господства противника в воздухе. К серьезным просчетам плана можно отнести и оставление командных пунктов фронта и армий на прежних местах. Не были приняты меры по оборудованию и полноценных запасных пунктов управления. Тем самым не была обеспечена устойчивость системы управления войсками.

В результате поражения войск Юго-Западного фронта с западного направления пришлось снять несколько дивизий, которые предназначались для закрытия образовавшейся громадной бреши в стратегической обороне. По этому поводу Б.М. Шапошников вызвал на переговоры Конева. Но командующий Западным фронтом доложил:

«Армии занимают широкие фронты, плохо укомплектованы, имеют недостаток пулеметного и артиллерийского вооружения; на ряде участков фронт обороны вытянут в линию, не имея вторых эшелонов в полках и дивизиях. Есть полки, имеющие численность 130—200 человек. <...> Прошу уско-

ритель присылку нам пополнения. Повторяю, что фронт у нас очень жидкий» [10].

Оборона фронта строилась в один эшелон, ее глубина составляла 20—25 км, а на вяземском направлении, где располагались резервы, — до 55. В глубине армии должны были подготовить тыловой рубеж, который был намечен по рубежу р. Жукопа (между Пено, Нелидово), Немцова, Белый и далее на юг по р. Света и Вопец и далее Анисимово, Красный Холм, Неквасино (15 км южнее Сафоново).

В связи с недостатком сил и средств оперативная плотность в целом была низкой, особенно по артиллерии (11,6 орудий и минометов на 1 км фронта). На направлении сосредоточения основных усилий, где располагалась основная масса артиллерии РГК, она достигала 38 орудий и минометов. Так, на стыке 16-й армии К.К. Рокоссовского и 19-й армии М.Ф. Лукина в районе Ярцево были намечены участки сосредоточенного и заградительного огня с привлечением большого количества орудий и спланирована артиллерийская контрподготовка, в которой должны были принять участие 300 орудий калибра 76 мм и выше обеих армий. В ней должен был принять участие и 120-й гап, который к 1 октября занимал огневые позиции в полосе обороны 50-й сд в 10—12 км северо-восточнее Ярцево и в 3—4 км от переднего края, который проходил по р. Царевич (приток р. Вопь). На вероятном направлении наступления танков противника вдоль шоссе Смоленск—Вязьма было подготовлено несколько рубежей последовательного сосредоточения огня.

С получением директивы во всех армиях были ускорены работы по инженерному оборудованию занимаемых рубежей. Был отдан приказ о строительстве траншей и ходов сообщения вместо одиночных окопов-ячеек. Дело в том, что в Красной Армии отсутствовала естественная преемственность офицерского корпуса. Драгоценный опыт Первой мировой войны в организации инженерного оборудования обороны во многом был утрачен, а его носители — офицеры царской армии — были изгнаны из рядов Красной Армии и в большей своей части репрессированы. Во многом приходилось начинать с нуля. Траншеи обладали неоспоримыми преимуществами по сравнению с окопами. Они давали возможность командирам подразделений управлять личным составом в ходе боя, осуществлять скрытный маневр как живой

силой, так и огневыми средствами. Система траншей и окопов полного профиля в несколько линий с ходами сообщения, проволочными заграждениями, противотанковыми препятствиями повышала устойчивость обороны и, кроме того, позволяла вывести часть сил в состав вторых эшелонов и резервов всех видов. Но для ее оборудования требовалось много времени, которого уже не было.

На случай вклинения противника в оборону намечались контрудары:

- на ржевском операционном направлении в районе Белый силами 107-й мсд, находившейся в резерве фронта и 251-й сд 30-й армии. В случае необходимости для контрудара привлекалась 243-я сд 29-й армии;

- на вяземском операционном направлении к западу от Вадино и Издешково силами соединений фронтового подчинения 134-й, 152-й стрелковых, 101-й мотострелковой и 45-й кавалерийской дивизий, 126, 128 и 143-й танковых бригад. Контрудар на этом направлении должен был поддержан 16-й и 19-й армиями и всеми силами ВВС фронта. На случай неупеха контрударов борьбу планировалось перенести на подготовленный армейский тыловой рубеж.

Командующий фронтом определил направления сосредоточения основных усилий каждой армии. В соответствии с этим их командующие должны были создать соответствующую группировку сил и средств, систему огня и заграждений, чтобы не допустить прорыва противника в указанных направлениях. Но как это сделать в ограниченные сроки, если к тому же всем армиям, кроме 20-й, была поставлена задача овладеть каким-то районом или рубежом? А 29-й армии было приказано «подготовить и провести операцию по захвату тет-де-пона (предмостного укрепления, плацдарма. — Л.Л.) у пос. Зап. Двина <...>»!

Для примера кратко рассмотрим построение обороны 30-й армии. Согласно плану фронта, армия должна была прикрыть бельское и канютинское направления, имея основные группировки в направлениях Белый и на стыке с 19-й армией. Но в армии при ширине полосы обороны 66 км всего-то осталось три стрелковых дивизии, и все они находились в первом эшелоне. 251-я стрелковая дивизия, ранее составлявшая второй эшелон, была включена в состав фронтового резерва. В об-

щевойсковой резерв пришлось зачислить армейские курсы младших лейтенантов — больше ничего не было.

Генерал Хоменко, исходя из условий местности, правильно определил возможное направление главного удара противника в полосе армии и сосредоточил основные усилия на левом фланге — южнее р. Осотня. Обороняющаяся здесь в полосе шириной 6,5 км 162-я стрелковая дивизия (501, 627 и 720-й сп) построила боевой порядок в два эшелона. При этом проход между реками Осотня и Вотря шириной 8 км (а в узкой части — всего 5 км) на танкоопасном направлении в первом эшелоне обороняли два полка — 897-й сп соседней 242-й сд и 720-й сп, а в затылок последнему во втором эшелоне — 627-й сп. На направлении сосредоточения основных усилий армии использовалась основная масса артиллерии, которая должна была участвовать в контрподготовке. К сожалению, армия получила на усиление всего три артполка — 392-й и 542-й кап, 671-й полк ПТО, а также 12-й отдельный минометный батальон. В общей сложности, она имела 618 орудий и минометов. Поэтому плотность артиллерии была недостаточной и составляла всего 10 орудий и минометов на километр фронта. Для сравнения: 19-я армия, оборонявшаяся в полосе шириной 42 км, имела 855 орудий и минометов, из них 144 противотанковых орудия. Соответственно, плотность артиллерии была в два раза выше.

В дивизиях ощущался острый недостаток артиллерийского и стрелкового вооружения, инженерных средств. Например, в 162-й сд на 20 сентября (более поздних данных в архиве обнаружить не удалось) насчитывалось: пулеметов станковых — 32, ручных — 39, зенитных — 3, орудий 28, в том числе: 45-мм — 12, 76-мм — 8, гаубиц 122-мм — 8, ПТР — 9. Не хватало даже бутылок с зажигательной жидкостью «КС», которые широко использовались в то время для борьбы с вражескими танками.

В соседней 244-й стрелковой дивизии 19-й армии орудий было больше — 49 (с учетом полковой артиллерии), в том числе: 45-мм — 18, 76-мм — 23, гаубиц 122-мм — 8, но полоса обороны дивизии в два раза шире — 13 км. Здесь было установлено 700 метров проволочного забора и 550 мин. Оставшиеся 627 противотанковых мин предполагалось использовать в ходе боя на вероятных направлениях движения вражеских тан-

ков. Стык с этой дивизией по плану должен был прикрываться огнем пяти артиллерийских дивизионов 30-й армии.

Судя по документам, немецкому командованию удалось вскрыть систему обороны советских войск. И трагедия заключалась в том, что противник нанес главный удар не там, где его ждали, а по наиболее слабому месту, где, несмотря на принятые меры, плотность обороны по артиллерии, и особенно в противотанковом отношении, была гораздо ниже средней и ни в коей мере не обеспечивала отражения массированных атак танков противника. Автор далек от мысли, что простым увеличением плотности сил и средств можно было остановить танковый таран Гота. Задача заключалась в том, чтобы нанести, возможно, больший урон наступающей группировке противника и выиграть время для принятия контрмер. Успешные действия при отражении его атак **зависели от плотности огня в сочетании с инженерными заграждениями и возможности наращивания огневых усилий на угрожаемом направлении**. Недаром немецкие командиры при постановке задач разведке требовали установить, имеет ли противник перед фронтом слабую пехоту, но сильную артиллерию, и не использует ли он значительную часть своих сил на тыловых позициях:

Командующий 16-й армией генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский, хорошо изучивший излюбленные оперативные приемы противника по прорыву обороны, не исключал возможности такого развития обстановки, при котором может возникнуть необходимость в отводе войск в глубину. В плане обороны армии, представленном им 27 сентября на утверждение командующему фронтом, он предусмотрел порядок действий войск на случай вынужденного отхода.

И.С. Конев наложил на документ следующую резолюцию:

«Рокоссовскому. Ваш план обороны не отражает задачи упорной обороны, напротив, предусмотренное планом перекачивание эшелонов от рубежа к рубежу имеет признаки только подвижной обороны. Отход 112 сд на р. Воль открывает фланг 50 сд.

Кроме того, построение обороны 38 сд в три эшелона ведет к возможности последовательного разгрома этих эшелонов и ослабляет силу сопротивления первого эшелона на наиболее подготовленных позициях по р. Воль.

Приказываю:

1. Вести упорную оборону на занятом частями рубеже, опираясь на р. Вопь. <...> Драться упорно. Всякое понятие подвижной обороны исключить...

2. <...> переработать план обороны и представить мне на утверждение к 29.09.19 41 г.»¹.

И.С. Коневу и в дурном сне не могло присниться, что ему всего лишь через несколько дней придется отдавать приказ армиям на отход.

Резервный фронт, которым командовал маршал С.М. Буденный², заменивший Г.К. Жукова, в своем составе имел шесть армий (всего 33 дивизии, из них стрелковых — 28, кавалерийских — 2, авиационных — 3). Из них две армии — 24-я генерал-майора А.И. Ракутина и 43-я генерал-майора П.П. Собенникова были развернуты в первом эшелоне между Западным и Брянским фронтами на фронте 108 км — от района Ельни до железной дороги Рославль — Киров. Остальные армии — 31-я, 49-я, 32-я и 33-я — располагались за армиями Западного фронта в 35 — 50 км восточнее в полосе шириной 340 км. По существу, они составляли второй стратегический эшелон обороны, но по инерции оставались в подчинении маршала Буденного, который руководил войсками фронта из Гжатска, находясь в 200 км от переднего края обороны 43-й армии. Управлять фронтом, две армии которого находились в первом эшелоне, а остальные четыре — во втором, герою Гражданской войны С.М. Буденному было явно не по силам. Как показали дальнейшие события, такая «чересполосица» затрудняла организацию взаимодействия между фронтами и сковывала маневр Западного фронта. Это был трудно объяснимый просчет Ставки, который самым отрицательным образом повлиял на ход боевых действий.

Судя по боевому составу 24-й армии и наиболее сильной обороне, созданной в ее полосе, основные усилия фронт со-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 191. Л. 54.

² Буденный Семен Михайлович (25.04.1883 — 26.10.1973) — Маршал Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны входил в состав Ставки ВГК, командовал группой войск армий резерва Ставки (июнь 1941 г.), был главкомом войск Юго-Западного направления (июль — сентябрь 1941 г.), Резервным фронтом командовал с 13 сентября 1941 г.

средоточивал на ельнинском направлении. Это противоречило требованиям Ставки о надежном прикрытии направления Рославль, Москва и стыка с соседним Брянским фронтом, за который отвечал маршал Буденный. Видимо, группировка войск фронта, опять-таки по инерции, осталась без изменения со времени завершения ельнинской операции. Здесь, в полосе шириной до 40 км, в первом эшелоне оборонялись четыре дивизии, во втором — 106 мд. В армии имелся общевойсковой — 160-я стрелковая дивизия (бывшая 6-я дн), танковый (144-я и

Командующий войсками
Резервного фронта Маршал
Советского Союза С.М. Буденный

146-я танковые бригады) и артиллерийско-противотанковый (879-й и 880-й артполки ПТО) резервы. В то же время в первом эшелоне 43-й армии, которая прикрывала юхновское направление на рубеже Кувшиново, Фроловка шириной до 70 км, в первом эшелоне оборонялись три дивизии и часть 145-й танковой бригады, во втором эшелоне — 113 сд. 148-я танковая бригада составляла танковый резерв армии. Глубина обороны армий составляла всего 15—20 км.

Дивизии обеих армий имели низкую укомплектованность. Видимо, поэтому Буденный, в отличие от Конева, придал армиям три танковые бригады, что позволило им создать танковые резервы, оставив себе две. Напомним, что и авиационные части входили в состав ВВС армий. Все это резко сужало возможности командующего фронтом реально влиять на ход боевых действий при неблагоприятном развитии обстановки. Учитывая еще более низкую оперативную плотность, по сравнению с Западным фронтом — 20,9 км на дивизию, 7,3 орудия на 1 км фронта, — это обстоятельство привело к самым отрицательным последствиям.

К тому же войска обеих армий первого эшелона фронта продолжали вести наступательные бои. Так, 24-я армия в те

чение 30 сентября вела бои с целью улучшения своих позиций на участках 103, 19 и 309-й стрелковых дивизий, но успеха не имела. Эти дивизии с 20 по 29 сентября потеряли только убитыми и ранеными 1825 человек. На правом фланге 43-й армии 24 сентября 222-й стрелковой дивизии совместно со 145-й танковой бригадой было приказано выбить противника с восточного берега р. Стряна. В этих боях только танковая бригада потеряла 163 человека, 4 танка Т-34 и 10 Т-26¹.

Войска 31, 49, 32 и 33-й армий, составлявшие второй эшелон фронта, располагались в основном в тылу Западного фронта. При этом правофланговые части 31-й армии прикрывали стык Северо-Западного и Западного фронтов. 32-я армия прикрывала московское направление, 33-я армия располагалась за армиями Ракутина и Собенникова.

Недостаток сил и средств советское командование стремилось компенсировать за счет строительства стратегических оборонительных рубежей, которое началось на дальних подступах к столице по решению Государственного комитета обороны (ГКО) еще 18 июля 1941 г. Оборонительные рубежи предназначались для занятия подходящими из тыла войсками. К оборудованию Ржевско-Вяземского и Можайского (Можайская линия обороны) рубежей, кроме саперных и строительных частей, широко привлекалось местное население, в том числе и столицы. Например, строительство укреплений в районе Оленино (50 км западнее Ржева) вело 4-е полевое строительство НКВД. Контингент строителей был весьма разнообразен: профессиональные строители «Моспромстроя», добровольцы и мобилизованное население, а также заключенные.

Ржевско-Вяземский рубеж должен был иметь две полосы обороны (см. схему 11). Первая сплошная полоса проходила по линии: Валдай — оз. Велье — оз. Селигер — Осташков — Селижарово — левый берег р. Волга — Оленино — Булашево (Большево) — левый берег р. Днепр — Издешково — Дорогобуж — Ельня — Фроловка — левый берег р. Десна — Жуковка — Почеп — левый берег р. Судость. Его вторая полоса, про-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 164, 165 (оперсводка № 130 от 30.09.1941 г.).

Москвичи и жители подмосковья
на строительстве оборонительных рубежей

ходившая примерно в 35—45 км восточнее первой, в связи с недостатком времени и сил с самого начала создавалась лишь на отдельных наиболее важных направлениях. Участки ее оборудовались по линии Кувшиново — Ржев (далее восточнее железной дороги Ржев-Брянск) — Сычевка — Касня — Вязьма — Киров — Людиново — Дядьково — Брянск — Свень — Навля. Особое внимание обращалось на организацию наиболее прочной обороны направлений вдоль Минской автостреды — Смоленск, Вязьма и вдоль Варшавского шоссе — Рославль, Юхнов.

Рубежи представляли собой систему полевых и долговременных сооружений и инженерных заграждений различных типов. На оборонительных полосах сооружались противотанковые рвы (в два ряда), эскарпы, контрэскарпы, прикрывавшиеся огневыми точками: ДОТами, ДЗОТами, бронеколлами. В тылу Ржевско-Вяземского оборонительного рубежа создавалась Можайская линия обороны, включающая в себя две полосы обороны, которые оборудовались в основном полевыми укреплениями. Главная полоса опиралась на четыре укрепленных района в Волоколамске, Можайске, Малоярославце и Калуге. Непосредственно в районе Москвы создавалась Московская зона обороны. Общая глубина обороны на

московском направлении от переднего края обороны, занимаемого войсками фронтов, достигала 300—350 км. К концу сентября Ржевско-Вяземский рубеж по понятным причинам был лучше подготовлен к обороне, чем Можайская линия обороны. На нем было возведено 853 ДОТа, 10 тыс. ДЗОТов, установлено 81 169 противотанковых мин¹.

Но оборонительные рубежи могли сыграть свою роль только при условии, если они заняты войсками. А подготовленных войск не хватало. Для занятия и дооборудования оборонительных рубежей было решено использовать дивизии народного ополчения. Народное ополчение Москвы создавались на основе постановления ГКО от 4.07.1941 г. (его текст приведен в Приложении 7). В течение нескольких дней с просьбой о зачислении в ряды народного ополчения обратилось 168 470 москвичей. Только по 25 подмосковным районам в ополчение добровольно вступило около 50 тыс. колхозников. В ополчение записывались специалисты самых различных мирных профессий — рабочие, инженеры, техники, ученые, работники искусства. Они не имели военных знаний, но зато обладали чувством высочайшего патриотизма, стойкостью и уверенностью в победе. За четыре дня в Москве было сформировано 12 дивизий народного ополчения общей численностью около 160 тыс. человек (первоначально планировалось создать 25 дивизий).

В соответствии с Постановлением ГКО начсостав дивизий народного ополчения в значительной мере комплектовался за счет кадров РККА. Так, во 2-ю дню 5 июля прибыло около 400 молодых лейтенантов, досрочно произведенных в командиры из курсантов вторых курсов военных училищ. Они образовали основной состав командиров рот и батарей, а также их заместителей.

Ополченские дивизии приняли самое активное участие в строительстве и освоении оборонительных рубежей. Одновременно они занимались боевой подготовкой и сколачиванием частей и подразделений. Первоначально дивизии были плохо вооружены, не имели транспорта, средств связи, инженерного имущества. Например, на вооружении артиллерийских частей состояли французские 75-мм орудия, расточенные поднаш 76-мм снаряд. В августе они были доукомплекто-

¹ История инженерных войск Русской армии (<http://armor.kiev.ua/army/engineer/>).

Ополченцы Дзержинского района Москвы. Июль 1941 г.

ваны, получили необходимое вооружение, обеспечены по нормам военного времени транспортом, инженерно-саперными средствами. К концу сентября все 12 дивизий народного ополчения были полностью укомплектованы личным составом и основными видами вооружения. Иностранные образцы вооружения почти полностью были заменены на отечествен-

ные. В некоторых ополченских дивизиях было даже больше людей, орудий, минометов, автомобилей и лошадей, чем в обычных дивизиях. А в составе 2, 8 и 13-й дно имелись танковые батальоны, имевшие на вооружении танкетки Т-27 (16 штук). По другим данным, 7-я дно, занимавшая оборону в районе юго-восточнее Дорогобужа, в сентябре имела до 15 000 человек личного состава и 33 танкетки. Неплохо укомплектованы были и остальные дивизии, но в их составе в середине сентября имелось 15 тыс. человек, подлежащих увольнению по возрасту и состоянию здоровья. Вскоре они были заменены бойцами призывного возраста из прибывшего пополнения.

Например, в составе 2-й дно имелись: три стрелковых полка, 2-й запасный стрелковый полк, танковый батальон, три отдельных артдивизиона (45, 76 и 152-мм орудия), отдельная самокатная разведрота, саперная рота, отдельная рота связи, медсанбат и автотранспортная рота. К 20 сентября в дивизии насчитывалось (в скобках — по штату): личного состава — 11 320 (11 796) человек. На ее вооружении состояло: винтовок и карабинов — 6416, автоматических винтовок — 1671, пулеметов станковых — 108 (108), ручных — 166 (160), ППД — 190 (162), 76-мм пушек — 28 (28), 122-мм гаубиц — 8, 45-мм пушек — 6, минометов 120-мм — 6, 82-мм — 18, 50-мм — 27, грузовых и других автомашин — 252, тракторов — 7, лошадей (верховых, артиллерийских, обозных) — 2836. То есть дивизия была полностью укомплектована по штату сокращенной дивизии [36].

Директивой Генштаба от 15 сентября дивизии народного ополчения Москвы были включены в состав регулярных соединений Красной Армии. 26 сентября они были преобразованы в стрелковые дивизии и им были присвоены номера дивизий, которые были к этому времени расформированы в связи с большими потерями (перечень и основной боевой состав дивизий народного ополчения Москвы, вошедших в состав действующей армии к началу операции «Тайфун», приведен в Приложении 8). Большая часть дивизий вошла в состав 32-й и 33-й армий. 139-я (9-я дно) и 160-я (6-я дно) стрелковые дивизии были включены в состав 24-й армии, при этом последняя уже в сентябре приняла участие в боях под Ельней.

После преобразования 2-й дн во 2-ю стрелковую дивизию в ее состав вошли, кроме трех стрелковых полков, 970-й ап, 694-й отдельный зенитный дивизион, 469-я разведрота, 858-й отдельный батальон связи, 492-й медсанбат, 331-я отдельная рота химзащиты, 328-я автотранспортная рота, 261-я полевая хлебопекарня. Так что, вопреки еще бытующему мнению, к концу сентября ополченские дивизии оказались хорошо вооруженными и вполне подготовленными к решению боевых задач соединениями. По крайней мере, не хуже вновь сформированных дивизий. Они, конечно, не имели боевого опыта, но обладали довольно высокими морально-политическими качествами. Вовсе не случайно, что из этих добровольческих формирований после обучения и приобретения необходимого боевого опыта сложились великолепные боевые соединения.

Процесс становления дивизий народного ополчения и превращения их в стрелковые дивизии Красной Армии можно проследить на примере 2-й дн — по воспоминаниям ее командира генерал-майора В.Р. Вашкевича:

«12 июля 2-я дивизия народного ополчения выступила на запад для выполнения боевых задач. Ей поручалось строительство оборонительных полос на ряде рубежей, прикрывавших непосредственные подступы к Москве с запада.

Дивизии отводилась полоса местности от 12 до 20 километров по фронту и 4—6 километров глубиной. В этой полосе, главным образом на дорогах, по которым могли наступать танки противника, надлежало построить противотанковые препятствия — рвы, эскарпы и лесные завалы. Кроме того, требовалось построить основные и запасные стрелковые, пулеметные и орудийные окопы, командные пункты и склады на стрелковую дивизию полного штатного состава. По существовавшим нормам такая полоса кадровой стрелковой дивизией возводилась за семь суток. Дивизиям народного ополчения сроки сокращались до пяти суток. Подстегивала общая военная обстановка, продолжавшая складываться для нас неблагоприятно. Каждый солдат дивизии понимал всю тяжесть положения и работал с предельным напряжением сил.

<...> Чтобы уложиться в отведенные сроки, трудились днем и ночью. На сон отводилось четыре-пять часов. На боевую подготовку мы затрачивали ежедневно лишь один-два ут-

Командир 2-й стрелковой дивизии (бывшей 2-й дпо) генерал-майор В.Р. Вашкевич

ренных часа. Боевую подготовку отделений, взводов и сколачивание рот приходилось проводить поочередно, выводя их в ближайший тыл и на стрельбище.

13, 14 и 15 июля дивизия возводила полосу обороны на участке Кузьминское — Теряева Слобода — Любятино общим протяжением 15 километров. 17 июля она перешла на реку Ламу. Здесь к 25 июля была закончена оборонительная полоса на участке Ошейкино, Ярополец, Ивановское (северо-западнее Волоколамска). Эта полоса составляла северный участок Можай-

ского оборонительного рубежа, сыгравшего свою роль в отражении первого наступления немецко-фашистских войск на Москву в октябре 1941 г.

В середине июля пять дивизий московского народного ополчения (2, 7, 8, 13 и 18-я) вошли в состав 32-й армии. Командующим армией был генерал-лейтенант Н.К. Клыков, а начальником штаба — полковник И. А. Кузовков.

25 июля 2-я дивизия народного ополчения получила приказ штаба 32-й армии выйти к 31 июля на реку Вязьму, подготовить и занять оборону с передним краем на этой реке от Ордулева до Серезани (3 км севернее автостреды. — Л.Л.) — общим протяжением по фронту 18 километров. Армия вошла в состав Резервного фронта, который, образуя второй стратегический эшелон, развертывался для обороны на Ржевско-Вяземской оборонительной линии. Переход с Ламы на реку Вязьму (190 километров) дивизия совершила в пять суток с одной дневкой. Помогла физическая закалка, приобретенная на тяжелых окопных работах.

На Вязьме к нам прибыло около 2 тысяч солдат и сержантов призывного возраста. Это позволило доукомплектовать роты и батареи, создать дивизионную школу по подготовке

сержантов численностью 800 человек из солдат молодых возрастов, к тому же имевших уже боевую подготовку.

На реке Вязьме дивизия и ее полки были переформированы по штатам регулярных войск Красной Армии и получили общеармейскую нумерацию. Дивизия стала называться 2-й стрелковой дивизией. 4-й полк переименовали в 1282-й, 5-й — в 1284-й, 6-й — в 1286-й стрелковый полк и артполк — в 970-й артиллерийский полк. Здесь же мы получили и оружие. Стрелковым отделениям выдали по две винтовки СВТ и ручные пулеметы. В каждую пулеметную роту поступило по 12 станковых пулеметов, в минометную роту — по шесть минометов. Полковые батареи получили по четыре 76-миллиметровые пушки образца 1927 г. Артиллерийский полк расстался со своими старыми пушками, получив взамен 24 отечественных 76-миллиметровых орудия, восемь гаубиц и четыре мортиры. Пополнился и автотранспорт дивизии. Транспортная проблема была в основном разрешена, но тягачи для орудий по-прежнему отсутствовали. Только в конце сентября, уже на Днепре, в дивизию поступили артиллерийские лошади. Артиллерийской же амуниции [для них] получить так и не удалось.

На реке Вязьме дивизия построила главную полосу обороны с передним краем по этой реке и полосой заграждения, а также вторую (тыловую) полосу обороны. **Эта полоса имела передний край по линии Ломы — Марьино — Пекарево — Богородицкое и далее на юго-восток по восточному берегу болотистого ручья Бебря общим протяжением около 18 километров** (выделено мною. Читателю стоит запомнить этот, по существу, отсечный рубеж. — Л.Л.).

Солдаты и здесь день и ночь рыли в сухом глинистом грунте окопы и создавали противотанковые препятствия. Если на Ламе работы протекали в относительно спокойной обстановке, то на Вязьме почти не было дня, когда одиночные самолеты противника, а иногда и целые группы не обстреливали бы из пулеметов работавших солдат.

На боевую подготовку, как и раньше, отводилось по два утренних часа. Роты и батареи поочередно выводились в тыл на стрельбища и полигон.

К середине августа дивизия уже представляла оформленное воинское соединение. В ответ на приказ № 270 от 16 августа 1941 г., требовавший резкого повышения выучки, боеспо-

собности и стойкости войск в бою, умелого управления ими, а также беспощадной борьбы с трусами, паникерами и дезертирами, командир дивизии в 19 часов 30 минут того же числа доложил Верховному командованию, что 2-я дивизия народного ополчения напряженно работает и учится, что она в предыдущих походах и в работе показала высокие моральные качества, свою преданность Родине и партии.

Со второй половины августа начались боевые стрельбы и тактическая подготовка рот. К концу августа дивизия уже имела подготовленные роты и вчерне сколоченные батальоны и полки. Но отсутствие средств борьбы с самолетами противника, артиллерийской тяги (лошадиных упряжек или сильных машин повышенной проходимости) и радиосредств связывало маневренные возможности дивизии и в значительной степени затрудняло управление ею. Последнее обстоятельство особенно тяжело сказалось в октябрьских боях.

1 сентября 2-я дивизия народного ополчения сменила на Днестре 133-ю стрелковую Сибирскую дивизию на участке Серково — Спичино — Яковлево, седлая автомагистраль и железную дорогу Москва — Минск. Свой левый фланг она протянула на 2 километра южнее железной дороги. 133-я стрелковая дивизия ушла в район Ельни для участия в контрударе 24-й армии.

Полосе, занятой для обороны 2-й стрелковой дивизией, придавалось особо важное значение. Она прикрывала главнейшее направление на Москву. Поэтому шоссе и железобетонный и железнодорожный мосты через Днепр были подготовлены к взрыву огневым и электрическим способом. Подрывные команды, состоявшие из саперов Резерва Главного командования, влились в состав дивизии.

<...> В каждом батальонном районе обороны имелось по два-четыре дота, вооруженных противотанковыми орудиями. Строительство дотов продолжалось. По всей долине левого берега Днепра мы возвели две полосы проволочных заграждений и плотно заминировали противопехотными и противотанковыми минами. Между первой и второй позициями главной полосы обороны на участках Шатилово — Яковлево и Горяиново — Костенки были установлены электризованные проволочные сети. Построенные 133-й стрелковой дивизией ячейковые окопы ополченцы превратили в сплошные траншеи с ходами сообщения, которые связывали все позиции

главной полосы обороны. Пулеметные и орудийные окопы пополнились двумя-тремя запасными позициями.

Каждый взвод располагал надежным блиндажом. Командный пункт дивизии и двух стрелковых полков состоял из долговременных железобетонных сооружений. Дивизии придали 57-й тяжелый артдивизион и 596-й гаубичный артиллерийский полк. Количество боеприпасов доходило до восьми комплектов для стрелкового и до шести комплектов для артиллерийского оружия. Таким образом, полоса обороны дивизии представляла собой развитую и сильно укрепленную полевую позицию с элементами долговременных оборонительных сооружений, с большой плотностью артиллерийского и ружейно-пулеметного огня. Ее занимали стойкие и мужественные люди, готовые беззаветно драться с врагом» [37].

Вспоминает А. А. Леляичев, рядовой 1286-го стрелкового полка (6-го полка 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района Москвы):

«Первый батальон двумя стрелковыми ротами и одной пулеметной ротой занимал оборону по обеим сторонам шоссе от села Иванники до села Ильино. Одна рота первого батальона находилась в боевом охранении за Днепром в селе Надежда. Между селами Надежда и Камчаткой были минные поля, охранявшиеся этой ротой. Боевое охранение полка находилось в 6—7 км от Днепра на высоте 288 у отдельных барakov. Второй батальон занимал позиции по Днепру между шоссе и железной дорогой. Третий батальон, седлая железную дорогу, занимал оборону по Днепру до села Звягино, что 1,5 км восточнее железной дороги. Штаб полка разместился в блиндажах, вырытых в кустах, что 500 м юго-восточнее села Иванкино. Штаб дивизии разместился в Каблуково»¹.

К сожалению, оборонительные рубежи строились параллельно линии фронта и оборона была рассчитана в основном на отражение фронтальных ударов противника. Возможность прорыва его в полосе соседней армии или фронта недооценивалась, поэтому отсечные рубежи и позиции, за редким исключением, построить не успели. Проверка готовых участков оборонительных полос Резервного фронта показала, что мес-

¹ Рассказ ветерана записан исследователем А.И. Курбатовым.

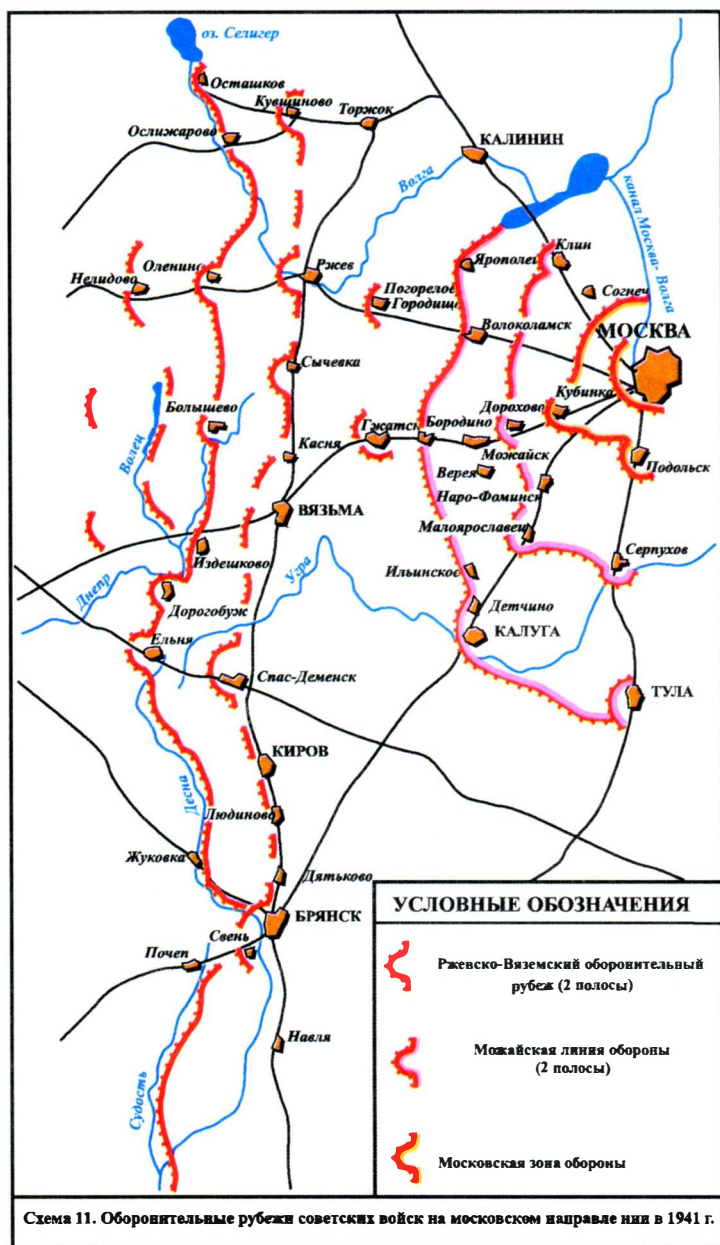
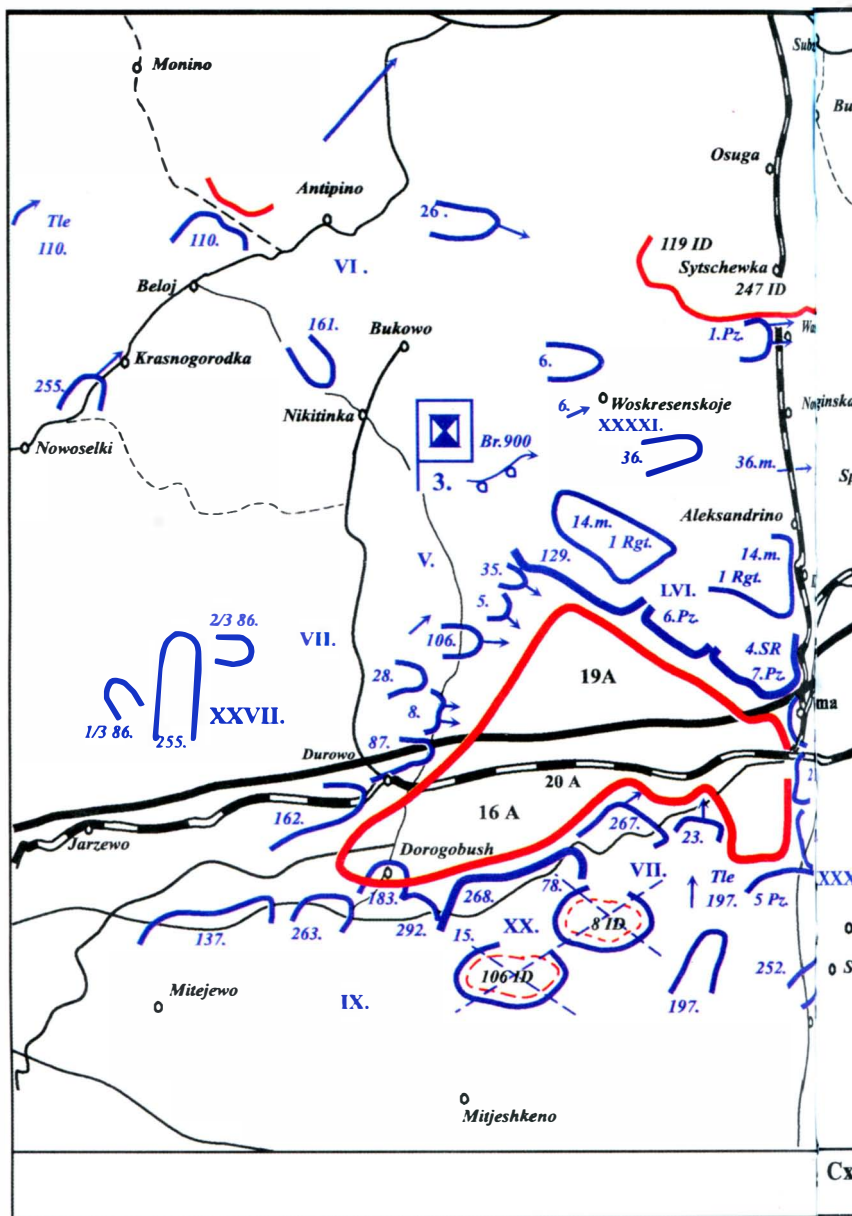
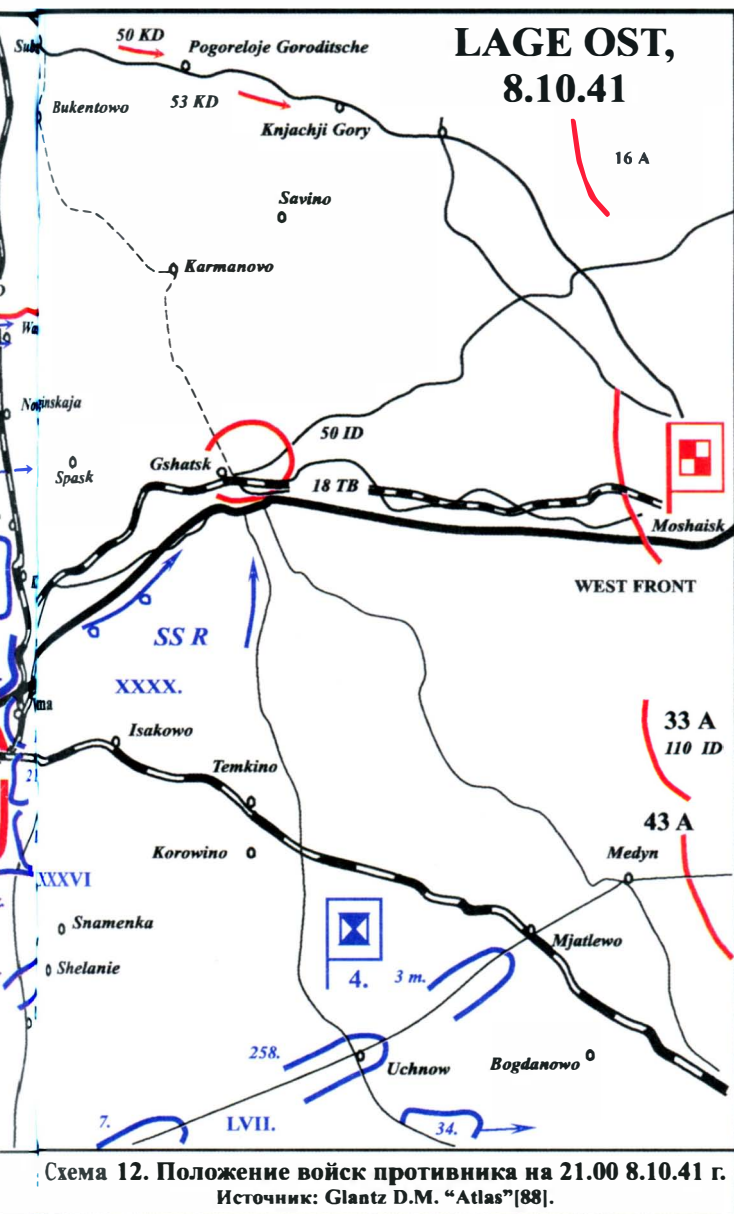

Схема 11. Оборонительные рубежи советских войск на московском направлении в 1941 г.

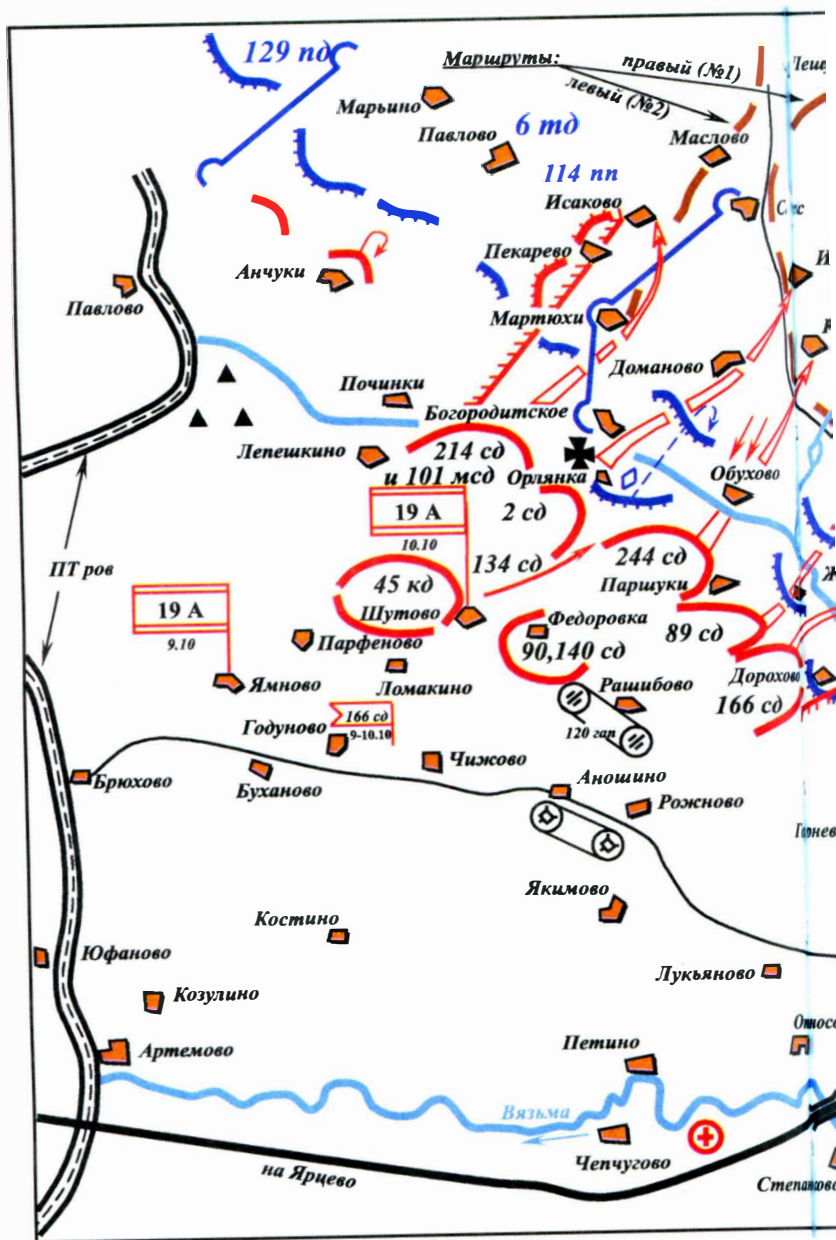
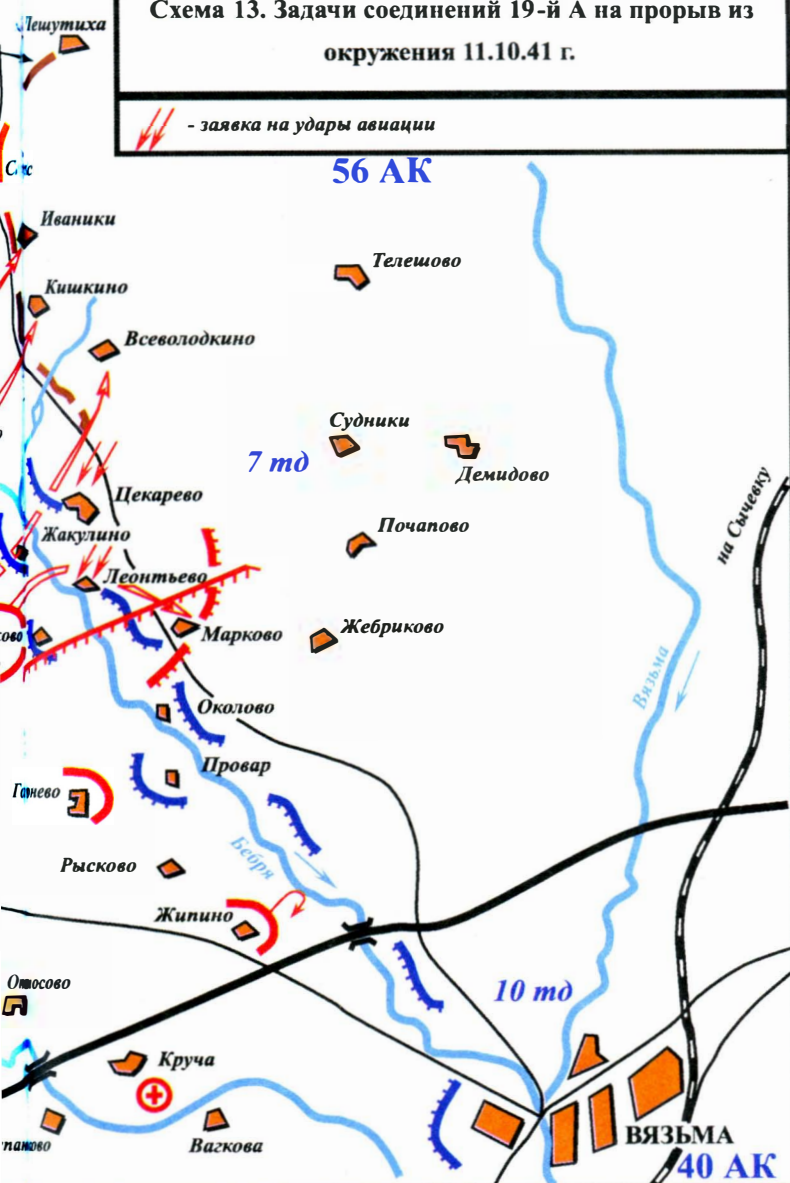
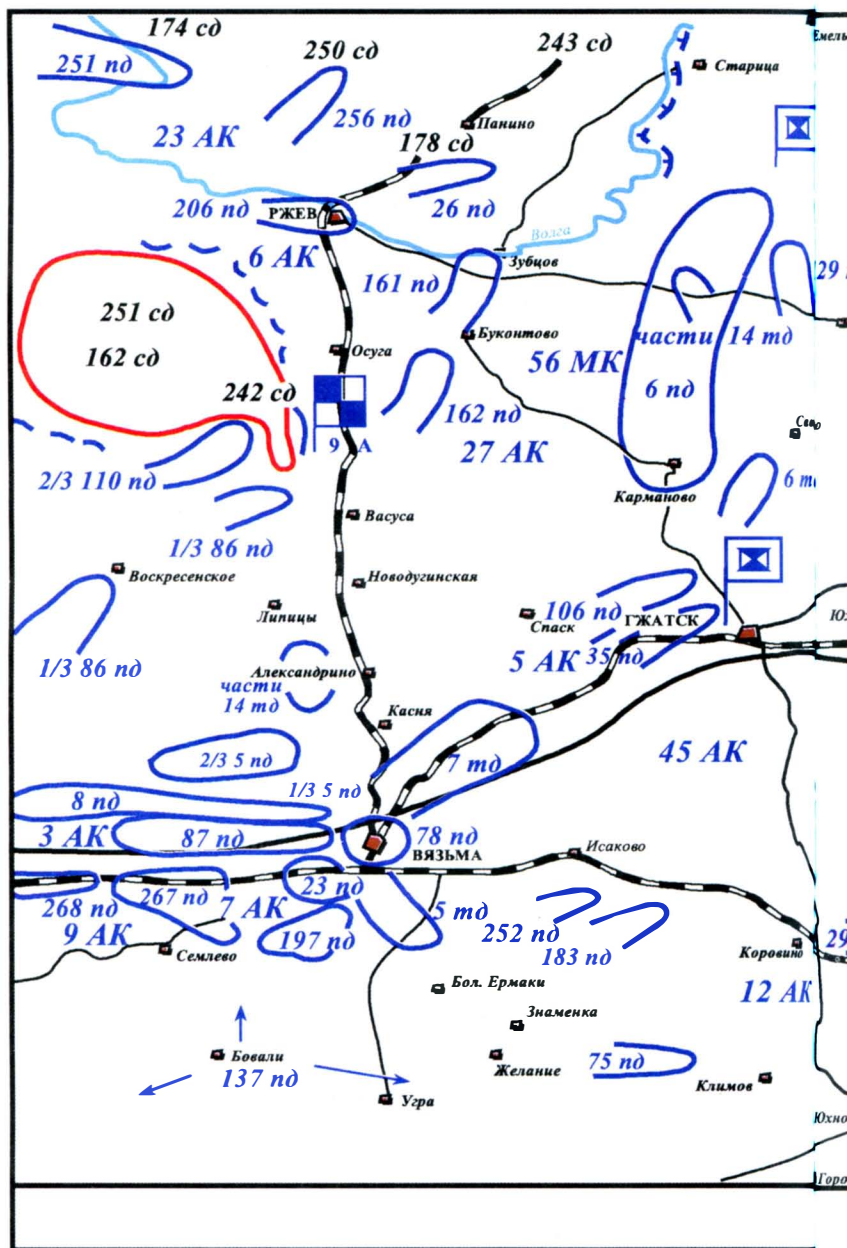

Схема 13. Задачи соединений 19-й А на прорыв из окружения 11.10.41 г.

 - заявка на удары авиации

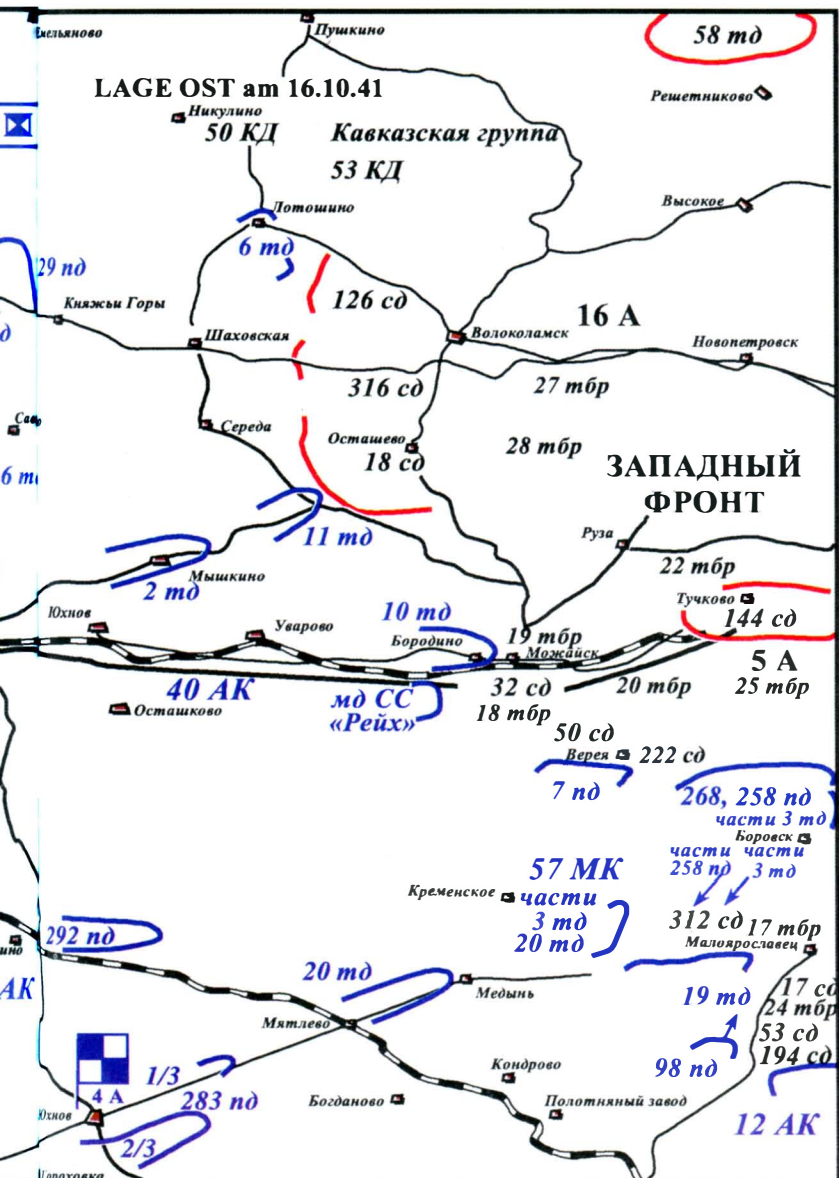

Схема 14. Положение войск сторон (по немецким данным) на 16.10.41 г.
Источник: Glantz D.M. "Atlas" [88]

Фрагмент карты масштаба 1:100000, издания 1938 г.,
найденный Н. Слесаревым юго-западнее Вязьмы в 1980 г.

та расположения многих сооружений, в том числе и долговременных, были выбраны без учета условий местности. Большинство из них были рассчитаны только на ведение фронтального огня, хотя в директиве подчеркивалось, что промежутки между ними должны простреливаться косоприцельным и фланкирующим огнем. В этом случае сами долговременные сооружения было бы легче укрыть в складках местности, повысив тем самым их живучесть. Из многих построенных огневых сооружений невозможно было простреливать фасы инженерных заграждений (противотанковые рвы, эскарпы и контрэскарпы) и естественные препятствия наиболее эффективным косоприцельным и фланкирующим огнем. Многие из обнаруженных недостатков устранить было невозможно, на исправление других — не было времени. К сожалению, оборудовать оба оборонительных рубежа (Ржевско-Вяземский и Можайскую линию обороны) в полном объеме до начала оборонительной операции не успели — к концу сентября их готовность не превышала 40—50% от плана¹.

Отдельного рассказа заслуживают моряки-артиллеристы, принявшие самое активное участие в боях под Вязьмой. Еще в начале июля 1941 г. по указанию Генерального штаба Военно-Морской Флот сформировал особую артиллерийскую группу, состоявшую из двух артиллерийских дивизионов, укомплектованных опытными комендорами боевых кораблей Балтийского флота и курсантами ленинградских военно-морских училищ. На их вооружение поступили 100, 130 и 152-мм орудия, предназначавшиеся для вновь строившихся кораблей и береговой обороны. Несколько орудий прибыло с Черноморского флота. Кроме того, в состав группы были включены две 152-мм батареи: одна экспериментальная на механической тяге и еще одна, имевшая на вооружении орудия, снятые с крейсера «Рюрик» после его подрыва на mine во время Первой мировой войны (они использовались на одном из кронштадтских фортов).

Оба дивизиона были направлены на Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж. 199-й отдельный артиллерийский

¹ ЦАМО РФ. Ф. 6314. Оп. 11158. Д. 87. Л. 12 (цит. по: Невзоров Б.И. Указ. соч. С. 24).

дивизион (оадн) под командованием майора Я. А. Кочеткова и батальонного комиссара М. Н. Шаинского занял позиции на ржевском направлении в районе станции Оленино и был подчинен командующему войсками 31-й армии. В состав дивизиона входили три стационарные батареи: одна — 152-мм орудий (командир батареи — капитан А. Д. Малинин) и две — 100-мм, всего 10 орудий.

Более мощный 200-й оадн под командованием капитан-лейтенанта А. Е. Остроухова и батальонного комиссара И.А. Белозерского занял позиции на вяземском направлении на левом берегу Днепра, в районе станции Издешково. В состав дивизиона входили: три батареи 100-мм орудий Б-24, всего 9 орудий (дальность стрельбы — 22,3 км, боезапас — 4568 снарядов массой около 16 кг) и четыре батареи 130-мм орудий Б-13, всего 8 орудий (дальность стрельбы — 25,7 км, боезапас — 2400 артвыстрелов, масса снаряда — 33,5 кг). Орудия батарей были установлены на неподвижных стационарных платформах на рубеже Шабалино, Алексейково, Каблуково, Харьков, Попово. Кроме того, в дивизионе имелась батарея из трех 152-мм орудий на мехтяге МЛ-20М (морская) с дальностью стрельбы 17,2 км (боезапас 1500 артвыстрелов, масса снаряда 43,6 кг). Численность 200-го оадн составляла 631 (по штату — 659) человек, а с учетом 152-мм батареи — около 800¹.

«Весь личный состав, автомашины, тракторы, — доносил командир дивизиона, — все находилось под землей. За три месяца создан подземный городок. Позиции хорошо замаскировали. В этом помогли маскировочные части Красной Армии. Всего было вынуто несколько тысяч кубометров земли. От командного пункта артдивизиона шел подземный ход до деревни Каблуково (где размещался штаб 32-й армии и морского артдивизиона) более 500 м по прямой» [38].

Брянский фронт под командованием генерал-полковника А.И. Еременко, состоявший из 50, 3 и 13-й армий и оперативной группы генерал-майора Ермакова, оборонялся в полосе шириной 345 км. Несмотря на приказ Ставки от 10 сентября о переходе к обороне, армии продолжали активные боевые действия, решая частные задачи. К 30 сентября фронт

¹ ЦАМО РФ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

потерял 202 танка (в том числе: КВ — 6, Т-34 — 79, БТ — 18, Т-26 — 99), осталось — 257. Во второй декаде сентября войска фронта потеряли 18 750 человек (а до этого — в первой декаде — 31 260)¹. К 1.10 50-я армия насчитывала 63 919 (по штату — 82 854)², то есть была укомплектована на 77%, другие армии — даже хуже. Резервная 108-я тд была укомплектована на 64% — 3487 человек (по штату — 5466) и имела всего 35 танков (тяжелых — 3, средних — 15, БТ — 1, Т-37 — 16), автомашин — 408 (698)³.

Командование Брянского фронта никак не ожидало, что немцам удастся быстро высвободить свои подвижные соединения, участвовавшие в окружении и разгроме войск нашего Юго-Западного фронта. Поэтому левофланговые соединения 13-й армии и опергруппа Ермакова⁴ в течение последней декады сентября без особого успеха продолжали вести наступательные бои, пытаясь овладеть районом Глухова. В бой был брошен даже батальон охраны штаба 13-й армии. Армия во второй декаде сентября потеряла 8263 человека (в первой декаде — 14 188). В безуспешных боях за овладение Глуховым в период с 20 по 24 сентября потери только одного 395-го сп 2-й гвардейской дивизии составили более 1,5 тыс. человек, в том числе: убитых — 150, раненых — 405, пропавших без вести — 150, рассеялось и не найдено — 850. Несмотря на это, дивизия продолжала вести бой и 25 сентября.

Противник, умело маневрируя резервами, отражал недостаточно организованные атаки наших войск. Результаты наступления были ничтожны, не стоили понесенных жертв и затраченных ресурсов. Продвижение измерялось буквально сотнями метров в день. 155-я сд доложила, что в ходе боя захвачены трофеи: миномет, винтовки и много патронов. Из штаба армии сразу последовал запрос: эти трофеи из числа оставленных нашими войсками в прошлых боях или же принадлежали противнику? В одной из сводок фронта в графе трофеи была указана одна винтовка. Направленец Генштаба

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 41. Л. 5.

² Там же. Ф. 202. Оп. 7. Д. 11. Л. 108.

³ Там же. Оп. 7. Д. 11. Л. 113.

⁴ В состав опергруппы входили: 2-я гвардейская полковника Акименко, 283, 127 и 160-я стрелковые дивизии, 21 и 55-я кавалерийские дивизии, 121-я (20 танков) и 150-я (18 танков) танковые бригады, 753-й полк ПТО.

сообщил в штаб фронта, что в оперативном управлении все смеялись над этой сводкой. Конечно, составитель сводки допустил промах, но хохотать... Офицеры большого штаба, видимо, плохо представляли, как достаются войскам трофеи на фронте.

Командующие армиями отнюдь не горели желанием наступать в создавшейся обстановке. Тем не менее командующий фронтом, неправильно оценив обстановку относительно сроков перехода противника в наступление, повторно поставил задачу 13-й армии и опергруппе — овладеть Глуховым и «лишить противника тактических преимуществ на левом крыле фронта». Какие тактические преимущества имел в виду Еременко? Что давало овладение городом Глухов, в районе которого, кроме пехотной дивизии (по устаревшим данным разведки фронта) находились и части моторизованной дивизии и 20 танков? Ниже мы остановимся на возможных причинах настойчивых попыток генерала Еременко наступать на скомпрометированном направлении.

По плану командующего фронтом опергруппа генерала Ермакова наносила удар в обход Глухова с юга, 13-я армия — своим левым флангом с севера в направлении Шатрищи, Антоновка, Калиевка, чтобы отрезать противнику пути отхода из Глухова. Атака силами 132, 307 и 143-й стрелковых дивизий намечалась на 6.30, а 298-й сд — в 6.00. Глубина боевых задач составляла 7—8 км.

Но тут подоспела директива Ставки ВГК о переходе к жесткой обороне, и войска 13-й армии получили боевое распоряжение:

- «1. Наступление, назначенное на 27.09, не производить.
2. Немедленно создать резервы и вторые эшелоны — дивизия, полк. В срочном порядке принять пополнение и немедленно приступить к их обучению»¹.

Немедленно. Это только на бумаге просто создать вторые эшелоны и резервы. Для этого надо провести соответствующую перегруппировку, сменив выводимые из первого эшелона части и соединения, передать и принять по акту позиции и огневые сооружения, минные поля, заново организовать систему огня и взаимодействия. Выведенные из боя войска долж-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 18. Л. 194.

ны занять новые рубежи (участки, районы), оборудовать и освоить их. Фронту в эти дни поставили 8—9 тысяч человек пополнения, предложив дополнительно подать до 800 человек безоружных. Запросили, сколько человек фронт может вооружить за счет имеющихся у него средств. Штаб фронта ответил, что может принять пять рот невооруженного пополнения.

Директиву о переходе войск фронта к обороне Еременко подписал в 13.30 28 сентября (менее чем за двое суток до наступления противника). В первом пункте ее он указал, что «в ближайшие дни нужно ожидать наступления противника на Брянск и на Севск или Льгов», но так и не определил, на каком направлении сосредоточивает фронт основные усилия в обороне. Судя по расположению фронтовых резервов, наиболее вероятным направлением главного удара противника считалось брянское. Здесь располагалась основная часть фронтовых резервов — 154-я и 287-я стрелковые и 108-я танковая дивизии. И только 42-я танковая бригада находилась в районе Севска, ближе к левому крылу фронта.

Заметим, что поставленная Брянскому фронту задача не вполне отвечала возможному характеру действий противника. Серьезный просчет Ставки заключался в том, что вероятные направления главных ударов группы армий «Центр» были определены неверно. Соответственно неверно были выбраны и направления сосредоточения основных усилий фронтов. В результате, не имея существенного общего превосходства над советскими войсками, немцам за счет массирования имеющихся сил и средств удалось добиться на участках прорыва многократного превосходства. Когда сосредоточение танковых дивизий Гудериана против левого крыла Брянского фронта подтвердилось, менять что-либо было уже поздно. Уже в ходе немецкого наступления, когда замысел врага в основном прояснился, фронт получил указания оборонять не самое опасное — тульское направление, а тамбовское и воронежское! Тем самым войска фронта уводились с московского направления.

В директиве на переход к обороне командующий фронтом, в частности, приказал:

«<...> 3. Армиям Брянского фронта и группе генерал-майора Ермакова перейти к жесткой упорной обороне занимаемых рубежей. <...> Основные работы по оборудованию занимаемого рубежа закончить 1.10.1941 г.

В отдельных случаях допускаются по моему разрешению частные наступательные действия для улучшения своих оборонительных полос»¹.

Командующим было приказано через каждые пять дней доносить о выполнении директивы, особенно в части, касающейся строительства окопов. Первое донесение со схемой занимаемых и тыловых оборонительных рубежей и отсечных позиций, с планом работ и со сведениями о проделанных работах они должны были представить 2.10.1941 г. Таким образом, формально выполнив требование Ставки ВГК, Еременко оставил для себя возможность продолжения наступательных действий. И это, несмотря на явные признаки подготовки противника к переходу в наступление. Он не верил, что это может произойти в ближайшие дни.

Хотя по данным разведки было ясно, что противник усиливает свои группировки на стыке 43-й армии Резервного и 50-й Брянского фронтов, а также в районе Шостки и Глухова перед фронтом 13-й армии и опергруппы генерала Ермакова. Так, взятый в плен в 21.20 28 октября солдат вермахта Рейс (между прочим, бывший младший командир 141-го сп 85-й советской стрелковой дивизии, после пленения поступивший на службу в вермахт в танковый полк 18-й танковой дивизии) показал, что в Шостке находятся штабы 17-й и 18-й танковых дивизий противника, а в Мироновке — скопление автомашин. Эта информация вызвала большую тревогу в Ставке, которая потребовала проверить данные о танковых дивизиях противника.

Насколько были ослаблены армии фронта, можно судить по докладу генерала Крейзера 29 сентября командующему фронтом Еременко. В нем указывалось, что 3-я армия занимает оборону на фронте 68 км (в среднем 17 км на дивизию) при неполном составе 137-й стрелковой дивизии и недостаточной насыщенности артиллерией и минометами всех остальных дивизий. Армия, растянутая в линию, резервов не имеет. Вывести 137-ю стрелковую дивизию в резерв не представляется возможным, 148-я сд не имеет артиллерии и фактическим резервом не является, так как располагается уступом для обеспечения левого фланга армии. 4-я кавалерий-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 9. Д. 11. Л. 85—98.

ская дивизия фактически представляет из себя один кавполк¹.

К началу наступления противника оперативное построение 13-й армии оставалось таким же, каким оно было при решении наступательной задачи. Из восьми дивизий в первом эшелоне оставалось шесть, в том числе на левом фланге — 55-я кавалерийская. Одна дивизия (298-я сд) находилась во втором эшелоне и еще одна (121-я сд) была отведена в тыл для доукомплектования. Донесение о построении обороны 13-й армии было передано в закодированном виде по телеграфу в оперсводке на 14.00 29 октября. План обороны армии обещали представить в штаб фронта 30.10.1941 г. Командующий армией генерал Городнянский (повторяя слова из директивы Еременко) потребовал:

«Дивизиям 13-й армии перейти к жесткой упорной обороне занимаемых рубежей. <...> Привлечь все саперные силы, все полевые войска, тылы, всех невооруженных и заставить копать окопы, ходы сообщения, ямы, рвы день и ночь, чтобы зарыться в землю, устроить на всем фронте окопы полной профили несколько линий с ходами сообщений, проволочными заграждениями, противотанковыми препятствиями, в первую очередь поставить мины». Поздно — до начала наступления врага оставалась одна ночь.

Южнее 13-й армии должны были перейти к обороне соединения опергруппы генерала Ермакова. На ее правом фланге действовали части кавгруппы в составе 52-й и 21-й кавалерийских дивизий, подчиненной генералу Ермакову. Еще южнее, согласно донесению, перешла к обороне 28 сентября 2-я гвардейская стрелковая дивизия. Таким образом, на стыке 13-й армии и опергруппы перешли к обороне три кавалерийские дивизии, которые тоже понесли большие потери в предыдущих боях! Остается добавить, что по старому штату кавдивизия насчитывала 4471 человек. В боевом составе кавполка по штату числилось примерно по одной тысяче сабель и батарея 45-мм орудий, в трех — всего 3500 чел.

Представляют интерес меры, предпринятые 29.09 в 13.30 командованием 13-й армии в целях обеспечения стыка с опергруппой генерала Ермакова.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 3996. Д. 4. Л. 26 (на 1.10.41 в дивизии числось 1581 чел.).

«1. Для обеспечения стыка 55-й кд с 52-й кд выбросить роту, усилив ее огневыми средствами от 121-й сд на жд ст. Неплюево (6 км сев. Ямполь). Задачи: не допустить просачивания противника вдоль железной дороги, разрушить железнодорожное полотно, приведя его в негодное состояние для движения колесных и гусеничных машин.

2. Ст. Неплюево занять к 18.00 29.09. Командиру 55-й кд сдать этот участок и постоянно поддерживать с ней связь (локтевую)».

Таким образом, стык двух армий, где оборонялись спешенные кавалерийские части, обеспечивался силами стрелковой роты, которая еще должна была разрушить железную дорогу!

Между тем с генерала Ермакова задача по захвату Глухова не была снята, хотя одной опергруппе она была явно не по силам. К этому времени она состояла из 2-й гвардейской, 160-й и 283-й стрелковых дивизий, 21-й и 52-й кавалерийских дивизий, 121-й и 150-й танковых бригад и 113-го отдельного танкового батальона. По данным статистического исследования, опергруппа насчитывала 33 562 человека, имела 103 танка и 132 орудия и миномета. Только не ясно, учтены в этом исследовании ее потери, которые на 27 сентября по людям составили 4913 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести¹.

Но генерал-полковник Еременко с упрямством, достойным лучшего применения, не оставлял мысли овладеть городом, хотя это никаких тактических выгод при трезвом размышлении фронту не давало. Не было и надежды разгромить хотя бы какую-либо часть из войск «этого подлеца Гудериана». В чем же причина такого маниакального упорства? А причина крылась в следующем. Согласно донесению, два батальона 535-го сп и два батальона 875-го сп 2-й гвардейской стрелковой дивизии уже третьи сутки вели бой в окружении в районе Слепород, Полошки, Семеново (соответственно в 3, 5 и 8 км юго-западнее Глухова). Связи с ними не было. Из окружения вышла лишь небольшая группа бойцов одного из батальонов 875-го сп во главе с командиром полка. Но его и комиссара полка тут же отправили обратно в Полошки с задачей — найти батальоны и вывести их из окружения.

В случае успеха наступления можно было спасти остатки окруженных батальонов — а четыре стрелковых батальона из

¹ ЦАМОРФ. Ф. 5. Оп. 11462. Д. 105. Л. 232

девяти — это почти половина пехоты дивизии! К тому же взятие районного центра Сумской области Глухова войсками Брянского фронта на фоне перешедших к обороне других фронтов и рутинных сводок Совинформбюро произвело бы впечатление на Ставку. Глядишь, и газета «Красная Звезда» написала бы об успехах Еременко, как писала о «командире Коневе». Но главное, в этом случае можно было бы без особых проблем списать огромные потери опергруппы в людях и просить дополнительного пополнения.

А тут еще в оперсводке штаба фронта проскочила фраза, что в районе Глухова сдались в плен 1161 человек. Из Генштаба сразу посыпались вопросы — почему не докладываете истинное положение группы Акименко, что предпринимаете в поддержку 2-й гвардейской дивизии? Немедленно доложить! В ответ попытались разъяснить, что вышла ошибка: эти люди не вернулись из боя и пока не найдены. Снова запрос: а о чем думают те, кто подписывал оперсводку?! Ведь уже доложено маршалу и хозяину! А «хозяин» в Советском Союзе был один. Отдаться за командование фронта пришлось заместителю начальника оперативного отдела штаба фронта полковнику Долгову. После «консультации» с начальством он сообщил в Ставку, что проводится расследование, результаты будут доложены¹. Но немцы перешли в наступление, и о гибели окруженных батальонов забыли. Еременко и не такие дела сходили с рук...

В донесении о переходе 2-й гв. стрелковой дивизии к обороне был указан ее боевой порядок. При этом речь шла не о полках, а о батальонах! Один батальон 535-го сп, усиленный батареей, занял оборону на рубеже лес восточнее Белокопытово, Кулига; один батальон 875-го сп — на выс. 143.3 (0,5 км восточнее Заруцкое); остатки 395-й сп — на восточной окраине Чернево, выс. 139.8 (3 км восточнее Холопково). К этому времени гвардейская дивизия насчитывала всего 5359 человек и имела на вооружении: винтовок — 4350, пулеметов 16 (из них станковых — 4, ручных — 9, зенитных — 3, в том числе один крупнокалиберный), пистолетов-пулеметов — 13, оружий — 24 (45-мм — 1, 76-мм — 15, 122-мм — 8), минометов — 13 (50-мм — 2, 82-мм — 11)².

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 70. Л. 104, 105.

² Там же. Л. 145. В донесении указаны старые номера полков 127-й сд, преобразованной 18.09.1941 г. во 2-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

Таким образом, дивизия была наполовину обескровлена! Тем не менее, донесение заканчивалось словами: «Части приводятся в порядок и готовятся к наступлению» (вторая часть фразы зачеркнута. — Л.Л.). Фразу вычеркнули, но от наступления не отказались. В директиве фронта от 28.09.1941 г. подробно излагался порядок действий опергруппы и поддерживающих сил и средств 30 сентября по захвату Глухова. По плану авиация фронта должна была «с 7 до 10.00 производить непрерывный удар по боевым порядкам противника. С 10.00 до 12.00 производится артиллерийская подготовка. В 12.10 после залпа гвардейских минометов начало атаки танков, которые выдвигаются на 1—2 км впереди пехоты, давят огневые точки противника <...> пехота подходит к танкам. С подходом пехоты танки делают новый скачок и так, взаимодействуя между собой (танки, артиллерия, пехота), наступление идет до выполнения боевой задачи»¹.

Далее цитировать документ не имеет смысла. На что надеялся командующий фронтом? На то, что противник будет покорно ждать, пока его возьмут в клещи? Учитывая скромные боевые возможности фронта (на 30 сентября — 154 исправных самолета всех типов, включая санитарный отряд, при 61 неисправном), да при такой растяжке огневого поражения противника по времени и таком взаимодействии говорить о возможности успешных действий на скомпрометированном направлении не приходилось.

Генерал Ермаков 29 сентября в 5.00 отдал приказ на наступление в направлении Глухова. В наступление должны были перейти: 283-я сд с 10 танками 121-й танковой бригады, 2-я гв. сд с 113-м танковым батальоном (29 танков) и 150-я танковая бригада (20 танков). Кавгруппа справа и 160-я сд слева должны были активными действиями сковать противостоящие части противника. Резерв — 121-я танковая бригада (5 танков) и остатки мотострелкового батальона — в готовности развить успех. Готовность артиллерии — 8.00, начало атаки танков и пехоты — 12.10 30.09.1941².

К утру 30 сентября войска опергруппы изготовились к наступлению, но противник упредил их в нанесении удара — операция «Тайфун» началась.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 9. Д. 11. Л. 99.

² Там же. Оп. 5. Д. 24. Л. 193, 194.

Глава 3

«ТАЙФУН» НАБИРАЕТ СИЛУ

Первым 30 сентября начал Гудериан. Озабоченность Сталина положением Брянского фронта. Ставка принимает меры по оказанию помощи Еременко. В операцию «Тайфун» включаются главные силы фон Бока. Удары авиации врага по командным пунктам и узлам связи дезорганизовали управление войсками. Оборона советского фронта прорвана на трех направлениях. Противник захватывает мосты через Днепр, а на его левом берегу продолжается погрузка дивизий Резервного фронта в эшелоны. Командующие Брянским и Западным фронтами просят разрешение на отвод войск. Ставка уклоняется от принятия трудного решения. Гальдер: «Русские стоят, и операция принимает классический характер». Причины крушения обороны трех советских фронтов.

Войска Брянского фронта первыми вступили в битву за Москву. На его левом крыле рано утром 30 сентября в наступление перешли соединения 47-го и 24-го моторизованных корпусов 2-й танковой группы Гудериана. Буквально за несколько часов до начала наступления противника — в 1.02 30.09.1941 г. командующий 13-й армией доложил в штаб фронта (донесение расшифровали в 4.00), что «противник продолжает сосредоточивать крупные силы в районе Шатрищи, Антоновка, Ямполь, Шостка. Есть предположение о появлении новой мехдивизии в районе севернее Ямполь. Дубровка занята противником. Командир полка полковник Белогуров и комиссар полка батальонный комиссар Поляков за самовольный отход из занимаемого района без разрешения командира дивизии мною от должности отстранены, и дело о них передано военному прокурору»¹.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 5. Л. 238—240.

Это была разведка боем, которая показала, что русские по-прежнему занимают свои позиции. Немецкое командование опасалось, что они могут отвести свои подразделения с первой позиции в глубину, чтобы избежать потерь от артиллерийского удара. Артподготовку враг начал как раз в тот момент, когда опергруппа генерала Ермакова готовилась перейти в наступление на Глухов. Одновременно с артподготовкой началась бомбежка. Непомерная амбициозность генерала Еременко и его просчет относительно готовности противника к переходу в наступление дорого обошлись войскам левого крыла фронта. Части группы генерала Ермакова, занявшие исходные позиции для наступления (личный состав в основном находился вне укрытий), попали под огонь артиллерии и удар авиации противника и понесли большие потери. Плохо подготовленная оборона в полосе опергруппы и на левом фланге 13-й армии оказалась неготовой к отражению массовой атаки танков и мотопехоты противника. Боевые порядки соединений и частей, не имевшие глубины, были отброшены на восток и юго-восток.

На Западном и Резервном фронтах в этот день никаких изменений не произошло. Более ранний срок перехода в наступление, по сравнению с главными силами группы армий «Центр», генерал Гудериан в своих воспоминаниях объяснил следующими соображениями: «Эта разница во времени начала наступления была установлена по моей просьбе, ибо 2-я танковая группа не имела в районе своего предстоящего наступления ни одной дороги с твердым покрытием. Мне хотелось воспользоваться оставшимся коротким периодом хорошей погоды для того, чтобы до наступления дождливого времени, по крайней мере, достигнуть хорошей дороги у Орла и закрепить за собой дорогу Орел — Брянск, обеспечив тем самым себе надежный путь снабжения. Кроме того, я полагал, что только в том случае, если я начну наступление на два дня раньше остальных армий, входящих в состав группы армий «Центр», мне будет обеспечена сильная авиационная поддержка» [7].

Более ранний срок перехода в наступление Гудериана был назначен с учетом того, что ему предстояло пройти более 200 км, чтобы как можно скорее достигнуть района Орла. Его войска находились довольно далеко от правого фланга группировки, наносящей главный удар (4-я армия с 4-й танко-

вой группой). Фон Бок рассчитывал, что эффект от действий танков Гудериана начнет сказываться лишь через 4—5 дней после начала наступления. При этом, несомненно, противник имел в виду и другую цель — дезориентировать советское командование относительно общего замысла и масштабов операции, отвлечь его внимание и силы с направления главного удара группы армий «Центр». Как убедится далее читатель, эта цель была достигнута, а успех Гудериана превзошел все ожидания гитлеровцев. Что касается авиационной поддержки, она была обеспечена в полной мере — противник на участке прорыва использовал около 300 боевых самолетов. Основные усилия авиации врага были сосредоточены на участке прорыва. Здесь действовали соединения 8-го авиакорпуса, в котором были собраны значительные силы пикирующих бомбардировщиков и штурмовиков (немцы так и называли его — корпус ближнего боя). Брянский фронт мог противопоставить воздушному противнику всего 130 исправных боевых самолетов, к тому же находящихся в распоряжении ВВС трех армий.

Немцы так спешили начать операцию, что не стали дожидаться полного сосредоточения 48-го моторизованного корпуса, некоторые соединения которого были скованы боем на сумском направлении. Начальник Генштаба ОКХ генерал-полковник Ф. Гальдер в своем дневнике отметил, что в этом есть опасность того, что между частями группы Гудериана и 17-й армией ГА «Юг» разрыв будет расширяться, а это позволит противнику перейти здесь к активным действиям. Он как в воду глядел. При попытке оттеснить противника с южного крыла 2-й танковой группы 25-я моторизованная дивизия 48-го мк 1 октября подверглась танковой атаке русских, и ей пришлось отступить, бросив при этом автотехнику целого полка — увязшие в грязи транспортные средства.

Противнику в первый же день операции удалось сравнительно легко прорвать оборону Брянского фронта в районе восточнее Глухова — на стыке 13-й армии и оперативной группы генерала А.Н. Ермакова. Части опергруппы под воздействием превосходящих сил противника были отброшены на восток на рубеж Орлово, северный берег р. Свесса, р. Смолянка, Бол. Слобода, оголив левый фланг 13-й армии. Связь с ней нарушилась. Не лучше обстояло дело и в полосе 13-й армии (общий ход боевых действий в полосе Брянского фронта показан на схеме 3). Генерал-майор Городнянский А.М. доло-

жил о прорыве обороны и захвате противником к 12 часам Хильчици. Контратака силами 498-го сп 132-й стрелковой дивизии успеха не имела. Городнянский пришел к выводу, что «<...> противник имеет возможность развить свой успех на Середина-Буда и далее в направлении на Севск. Сил, могущих приостановить продвижение противника на этом направлении, в моем распоряжении нет».

Еременко при переговорах с командующим 13-й армией в этот же день заявил:

«Еременко: Этого нужно было ожидать. Противник, по Вашим же данным, все время накапливался. Нужно все меры принять для того, чтобы уничтожить противника, не допустить его прорыва на северо-восточном направлении.

Относительно контрударов смотрите сами. Вам виднее на месте. Я считаю, что нужно с места огнем всех видов уничтожить танки противника и мотопехоту, следующую за ними, а потом уже добить контратакой.

Главное, чтобы не получилось неорганизованного отхода. Надо проявить исключительное упорство <...>.

Городнянский: 42 тбр вводить в бой пока не собираюсь <...>

Еременко: Авиация задачу поддержки Вас получит»¹.

Не совсем ясно, что хотел выразить Еременко своей фразой: «Этого нужно было ожидать». Упрек в адрес Городнянского? Уверенность, что противник наносит здесь отвлекающий удар или признание своего просчета и сожаление о своей рискованной затее с наступлением? Этого мы никогда не узнаем, так как позднее Еременко сделает все, чтобы оправдать свой просчет, и даже станет утверждать, что враг перешел в наступление не 30 сентября, а 1 октября. Во всяком случае, командующий фронтом понял, что неглубокая оборона силами соединений, ослабленных в предыдущих безуспешных боях, долго не выдержит. Отсюда опасение, что может начаться неорганизованный отход. При этом Еременко уклонился от оценки обстановки на стыке двух объединений фронта, ничего не сказав о своих намерениях, особенно в части использования фронтовых резервов, хотя Городнян-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 70. Л. 188—190.

ский ясно дал понять, что у него нет сил, чтобы остановить продвижение противника. И это всего лишь через нескольких часов боя!

В 18.35 30 сентября Военный совет фронта доложил начальнику Генштаба, что противник на левом фланге 13-й армии ввел в бой до 170 танков, нанося главный удар на Середина-Буда; на участке группы Ермакова противник наносит главный удар в общем направлении на Севск, введя в бой до 70 танков и мотопехоту. При этом был сделан вывод, что противник стремится нанести удар в общем направлении на Орел, введя в действие две танковые и одну моторизованную дивизии.

На самом деле Гудериан ввел в сражение на участке Жуковка, Шостка силы четырех корпусов! Главный удар в направлении Глухов, Севск наносился смежными флангами 24-го и 47-го моторизованных корпусов, которые прорывали оборону русских на участке шириной 16 км. 24-й танковый корпус генерала кавалерии Л. Гейера наступал в направлении Глухов, Севск, Орел, имея впереди части 3-й и 4-й танковых дивизий, за ними во втором эшелоне следовала 10-я мотодивизия. 47-й танковый корпус генерала артиллерии Й. Лемельзена (18-я и 17-я танковые дивизии) атаковал левее — своим правым флангом в направлении Ямполь, Севск. Его 29-я моторизованная дивизия наступала уступом влево на Середина-Буда с задачей выйти в тыл 13-й армии. На флангах участка прорыва уступами справа и слева наступали соединения 35-го пехотного и 48-го моторизованного корпусов, обеспечивая фланги основной ударной группировки (схема 3).

К исходу 30.9 противник вклинился на глубину 15—20 км, прорвав оборону дивизий первого эшелона. Разрыв между опергруппой генерала Ермакова и 13-й армией составил до 30 км. Понеся значительные потери в наступательных боях, армия ко второму дню боев достаточных сил для отражения удара противника не имела. На ее правом крыле, на фронте, занимаемом четырьмя дивизиями (155, 6, 132 и 307-я сд), противник успеха не имел, но своими действиями ему удалось на какое-то время сковать боем эти соединения. Городнянский решил вывести понесшие большие потери 121-ю сд и 55-ю кд в район лесов севернее Середина-Буда, где привести их в порядок. Туда же он решил вывести и 307-ю сд с целью

подготовить наступление на Хутор-Михайловский для того, чтобы отрезать прорвавшиеся части противника от его тылов.

В 2.10 1 октября генерал-полковника А.И. Еременко вызвали к аппарату «ВЧ»:

«Еременко: У аппарата Еременко.

Сталин: У аппарата Сталин. Здравствуйте, товарищ Еременко! Доложите обстановку.

Еременко: Здравствуйте, товарищ Сталин. Докладываю обстановку. (Еременко, обещавший Сталину в сентябре уничтожить этого «подлеца Гудериана», на этот раз в разговоре с ним более сдержан. Он повторяет, в сущности, донесение Военного совета фронта, находя обтекаемые формулировки. — Л.Л.).

<...> В результате боя **противник потеснил несколько наши части и занял некоторые населенные пункты** (выделено мною. — Л.Л.).

121 тбр в результате боя, уничтожив до 18—20 танков противника и понеся сама потери, отошла в район Сопич.

150 тбр после боя, нанеся поражение противнику и имея потери, отошла в район Лемешово.

Реш и л: сгруппировать части 121 и 150 тбр, спустить сюда 42 тбр (так в тексте. Имелось в виду — переместить южнее резервную танковую бригаду. — Л.Л.) и во взаимодействии со стрелковыми частями и кав. группой, которая находится в этом районе, уничтожить группировку противника сначала в направлении группы Ермакова, а затем на левом фланге 13-й армии.

Сталин: Хорошо. Действовали ли РС?

Еременко: Да, действовали. Было дано 9 залпов, еще осталось три залпа. РС нанесли противнику большое поражение. Он последние три дня пытался перейти в наступление, но был отбит (ничем не обоснованное утверждение. — Л.Л.). Принимаю все меры к уничтожению противника. Плохо, что сегодня в районе действий выпал снег и идут дожди, не могут вылетать самолеты и маневрировать колесные машины, в том числе и РС.

Сталин: Как у Вас обстоят дела с самолетами?

Еременко: Есть еще действующих самолетов 100, нет совершенно Ил.

Сталин: Самолетов мы Вам дадим.

Еременко: Спасибо, товарищ Сталин.

Сталин: Как действует гвардейская дивизия? (у «хозяина» была хорошая память, он помнил о злополучной сводке. — Л.Л.).

Еременко: Действует хорошо. Мы ей помогаем. Прошу добавить несколько залпов РС. (Еременко сразу уходит разговор в сторону, умалчивая по вполне понятным причинам, что 2-я гвардейская дивизия, только что получившая это почетное наименование, в бессмысленных атаках на Глухов еще до немецкого наступления потеряла половину своего состава. — Л.Л.).

Сталин: Куда направить залпы РС?

Еременко: В Орел, а оттуда мы их направим куда следует.

Сталин: Необходимо уничтожить противника, перешедшего в наступление.

Еременко: Есть, будет уничтожен.

Сталин: Ну, пожелаю Вам всего хорошего. До свидания.

Еременко: Спасибо. До свидания, товарищ Сталин»¹.

Разговор, продолжавшийся до 2.25, записал старший адъютант командующего войсками Брянского фронта ст. лейтенант Хирных.

Но использовать 42-ю танковую бригаду (единственная часть из резерва фронта, находившаяся на орловском направлении) с целью перекрыть направление на Севск не удалось. Как выяснилось позднее, бригада под командованием генерала Н.И. Воейкова, находившаяся в районе Севска, упустила выгодный момент для нанесения удара во фланг и в тыл прорвавшейся колонне танков и мотопехоты противника, которая проследовала по дороге всего в трех километрах от нее. Еременко по этому поводу высказался недвусмысленно:

«К сожалению, во главе этой бригады стоял совершенно беспечный, тактически неграмотный и безынициативный человек <...>. Он простоял сутки и только потом принял навязанный ему бой со вторыми эшелонами и затем отошел в болотисто-лесистый район, невыгодный для действий танков. Когда я узнал о таких его действиях, я немедленно выехал на место, но тактические ошибки генерала Воейкова исправить полностью было уже поздно»². Но этот красноречивый факт говорит, прежде всего, о потере управления войсками со сто-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 44. Л. 5, 6 и Д. 64. Л. 412.

² Там же. Д. 32. Л. 1—30.

роны командования фронта и неумении организовать и вести разведку в своем тылу.

Неожиданно сильный удар противника на орловском направлении и быстрый прорыв обороны дивизий первого эшелона Брянского фронта (назвать это главной полосой обороны язык не поворачивается), несмотря на заверения своего любимца Еременко, весьма обеспокоили Сталина. Он знал цену. Верховный Главнокомандующий приказал изъять из Резервного фронта 49-ю армию генерал-лейтенанта И.Г. Захаркина и перебросить ее по железной дороге на юг с подчинением ее непосредственно Ставке. Уже в ночь на 1 октября Ставка принимает решение на прикрытие орловского, курского и харьковского направлений в тылу Брянского фронта. Из состава войск Резервного фронта выводятся четыре стрелковые (220, 248, 303 и 194-я сд) и три кавалерийские дивизии (41, 31 и 29-я кд), до этого занимавшие оборону на Ржевско-Вяземском оборонительном рубеже в тылу Западного и Резервного фронтов. Соединения отправлялись по железной дороге в следующие сроки: 194-я сд из района Семлево, начало погрузки — 18.00 2.10; 248-я сд, соответственно — ст. Касня — 18.00 3.10; 220-я сд — ст. Сычевка — 18.00 4.10; 303-я сд — станции Павлиново и Спас-Деменск — 18.00 4.10¹. Перевозка должна была осуществляться с темпом не менее 10 эшелонов в сутки.

Решение о перегруппировке целой армии с важнейшего московского направления лишь на первый взгляд кажется спонтанным и поспешным. Такой вывод можно сделать только с позиций сегодняшнего дня, когда нам известно, что уже через 2—3 дня в районах сосредоточения этих дивизий и станций погрузки развернутся ожесточенные бои, и так будет не хватать сил, чтобы остановить мощное наступление противника. Видимо, возможность перегруппировки войск 49-й армии рассматривалась раньше. При этом предусматривалось компенсировать ослабление группировки на Ржевско-Вяземском рубеже за счет выдвижения на него двух дивизий из 33-й и 32-й армий (по другому объяснить факт встречных перевозок невозможно). Об этом говорит следующий факт: оказывается, еще раньше было принято решение о переброс-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 2. Л. 393—395.

ске 18-й стрелковой дивизии 33-й армии в полосу 32-й армии в район Сычевка, ст. Новодугинская¹. Уже 30 сентября к 18.00 головные части этой дивизии прибыли на станцию погрузки в Людиново. К 6.00 2.10 успели отправить 11 эшелонов. К 24.00 2.10 уже отправили 17 эшелонов, продолжалась погрузка 3 эшелонов на станциях Людиново, Ломпаты и Ивано-Сергеевск. Для отправки остальных частей требовалось еще 3 эшелона, но в связи с разрушением железнодорожного пути и порыва селекторной связи порожняк не подали².

140-я сд (бывшая 13-я дн) также выступила в новый район и с утра 2 октября приступила к приемке участка обороны от 905-го сп 248-й сд и полосы обороны 194-й сд на восточном берегу Днепра. В результате намеченных перегруппировок пришлось растягивать и без того широкий фронт дивизий 31-й и 32-й армий Резервного фронта.

В Генштабе, зная наши низкие возможности по маневру резервами, хорошо представляли, насколько трудно подготовить и осуществить столь массовую переброску сил в короткие сроки. Там, видимо, рассчитывали, что пункты назначения и станции выгрузки можно изменить в любой момент. Что, собственно, и произошло: в 5.30 3 октября было приказано 194-ю и 303-ю стрелковые дивизии сосредоточить в районе Карачев (в полосе Брянского фронта), а 248-ю и 220-ю сд — за Резервным фронтом в районе Белева. Штабу 49-й армии приказали развертываться не в Курске, как первоначально предполагалось, а в Сухиничи.

Этой же ночью в 4 часа 20 минут Ставка ВГК отдает директиву о привлечении со 2 октября для разгрома танковой группировки противника, прорвавшейся в район Глухов, Севск, четырех бомбардировочных авиадивизий дальнего действия и 81-й авиадивизии особого назначения полковника А.Е. Голованова. Командовать этой авиагруппой поручили полковнику Рухле, которому предписывалось 2.10 прибыть в штаб

¹ К 20 сентября 18-я сд насчитывала 10 668 человек (в том числе рядовых — 8621). На вооружении состояло: винтовок и карабинов — 6345, автоматических винтовок — 1366, автоматов ППД — 160, пулеметов станковых — 129, ручных — 164, 76-мм пушек — 28, 122-мм гаубиц — 8, 37-мм зенитных орудий — 14, минометов 82-мм — 18, 50-мм — 81, радиостанций — 14, автомашин легковых — 13, грузовых — 164, специальных — 8, тракторов — 7, мотоциклов — 8, лошадей (легковых, артиллерийских, обозных) — 2429 [36].

² ЦАМО РФ. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 4. Л. 61.

Брянского фронта в распоряжение командующего. Прикрытие боевой работы авиагруппы истребителями возлагалось на командующего ВВС фронта полковника Полянина.

А положение на направлении прорыва противника оказалось намного серьезнее того, что было доложено Сталину. Это видно из распоряжений, отданных командующим войсками фронта в 12.00 1.10 Ермакову:

«а) Удерживать рубеж Свесса, Пустогород, Большая Слобода, Ястребщина, Харьковка и далее по р. Клевень. Не допустить распространения противника в направлении Севск, Дмитриев, уничтожая его танки.

б) 42 тбр, которую вам подчиняю с 15.00 1.10, прикрывать рубеж по вост. берегу р. Сев, на участке (иск) Нов. Ямское, севернее Севск (55 км от переднего края обороны. — Л.Л.).

в) На полную мощь использовать минометную группу как во взаимодействии с 42 тбр, так и с другими частями. Боеприпасы для минометной группы высланы в Орел.

г) Ставлю Вас в известность, что в районе ст. Евдокимовка (30 км сев. Севск) сосредоточение к исходу 2.10.41 287 сд и 441 ап РГК»¹.

13-й армии Еременко приказал не допустить развития наступления противника севернее Хильчицы, р. Свига, Каменка, Хутор-Михайловский (в 15 км от переднего края обороны. — Л.Л.). Он потребовал особое внимание уделить левому флангу и обязательно использовать для поражения противника гвардейский минометный дивизион. Удержанием назначенных рубежей командование фронта стремилось локализовать вклинение и создать условия для нанесения контрудара по сходящимся направлениям:

— 13-й армией с севера в направлении Середина-Буда, Хутор-Михайловский, Свесса;

— силами опергруппы с юга в направлении ст. Локоть, Эсмань, Свесса.

Таким образом, вклинившуюся группировку планировалось разгромить наличными силами на левом крыле фронта. Дело в том, что Еременко, исходя из данных разведки, считал, что против левого крыла фронта действует не более двух пе-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 9. Д. 11. Л. 128—131.

хотных дивизий противника при поддержке до 200 танков и бронемашин¹.

Судя по всему, командующий Брянским фронтом был уверен, что противник на севском направлении нанес отвлекающий удар силами одного корпуса и что главный его удар следует ожидать на брянском направлении. Поэтому основные резервы фронта оставались в районе Брянска. Так, 108-я танковая дивизия находилась в резерве фронта в районе Пильшино, Красное в готовности к контратакам совместно с 287-й стрелковой дивизией на Жуковка, Почеп, Погар. В течение трех суток в оперсводках неизменно фигурировала фраза: «резервы фронта — без изменений».

К тому же с утра 1 октября вследствие налетов вражеской авиации на командные пункты фронта и армий на длительное время вышла из строя связь с 3-й и 13-й армиями, группой Ермакова и с Генштабом. Управление войсками левого крыла фронта было парализовано. Нормальную работу узла связи фронта удалось восстановить только к вечеру. Генералу Ермакову в связи с продвижением противника пришлось несколько раз менять место своего командного пункта. В результате налета авиации у него вышли из строя две радиостанции. Опергруппа 1 октября нанесла контрудар, чтобы перекрыть образовавшуюся в обороне брешь. Но эта попытка оказалась безуспешной, поскольку ослабленные потерями части наступали по нескольким направлениям без серьезной танковой и авиационной поддержки. Не имела успеха и контратака силами 6-й и 298-й стрелковых дивизий 13-й армии в направлении Середина-Буда. Поставленная задача оказалась непосильной для выделенных слабых сил, и предпринятые разрозненные контратаки ощутимого успеха не принесли.

Тем не менее Гальдер в своем дневнике отметил:

«1 октября. Танковая группа Гудериана прорвала на своем центральном участке оборону противника на всю глубину и продвинулась на 60 км. Вызывает тревогу положение на правом фланге танковой группы Гудериана. Этот фланг в результате упорных атак противника значительно отстал от наступающего центра. Своим левым флангом танковая группа продвинулась примерно на 20 км в глубину».

¹ Там же. Д. 47. Л. 108.

И далее: «2-я танковая группа оказалась в тяжелом положении. Она не может вывести из боя свои части, действующие на правом фланге. Одному полку 25-й моторизованной дивизии не удалось оторваться от противника. 9-ю танковую дивизию также пришлось снова ввести в бой, вследствие чего задерживается ее переброска на север. В остальном операция по прорыву фронта противника (численность и группировку сил которого нам удалось своевременно и правильно выявить) развивается успешно» [17]. Гальдер ведет речь о 9-й танковой дивизии 48-го моторизованного корпуса, которую никак не удавалось вывести из боя, чтобы перебросить на направление обозначившегося успеха.

Между тем противник, отразив разрозненные контратаки наших войск на флангах участка прорыва, главными силами танковой группы продолжал развивать наступление силами 24-го мк на Орел. Соединения 47-го мк, захватив к 19 часам Середина-Буда, устремились на север в тыл 13-й армии. При этом две ее дивизии попали в окружение, а передовой отряд противника силою 25—30 танков прорвался к ст. Комаричи, что в 60 км северо-восточнее Середина-Буда. Немцы, не встречая серьезного сопротивления, за первые два дня наступления расширили брешь в обороне Брянского фронта до 60 км и продвинулись до 100 км в оперативную глубину, создав условия для глубокого охвата его левого крыла крупными силами танков и мотопехоты. Таким образом, прорвав в районе Севска армейский оборонительный рубеж и перехватив южнее Комаричи железную дорогу Брянск — Льгов, противник завершил прорыв обороны Брянского фронта. Гудериану удалось, в сущности, одним прыжком ворваться в пределы тылового Орловского военного округа. Одновременно 17-я и 18-я танковые дивизии 47-го моторизованного корпуса продвинулись к северу в район Карачева — в тыл не только 13-й армии Городнянского, но и 3-й армии генерал-майора Я.Г. Крейзера.

К исходу 1 октября Еременко убедился, что удар Гудериана не был отвлекающим. Он выдвинул часть фронтового резерва на р. Нерусса, чтобы не допустить продвижения противника в северном направлении. Однако все эти меры успеха не имели, так как перегруппировка осуществлялась медленно, а танковые дивизии противника слишком далеко продвину-

лись в глубину обороны фронта. Разница в подвижности между вражескими и советскими соединениями стала очевидной с первого дня наступления врага. Прикрыть направление на Орел, по существу, было нечем.

Сталин был весьма озабочен развитием обстановки на орловском направлении. Несомненно, он понимал, что удар здесь не случайность — за ним последуют и другие. Быстрое продвижение Гудериана (в Москве никак не ожидали столь быструю его рокировку после Киева) и поворот его основных сил в тыл Брянского фронта говорили сами за себя. Следовало ожидать симметричный удар навстречу Гудериану. В ставке, несомненно, предвидели это. Но что можно было сделать, кроме как еще раз предупредить командование фронтов? Перестраивать оборону? Это было бы самое худшее решение. Воздержимся от советов задним числом, помня известные слова Ш. Руставели: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны».

Под утро 2 октября Еременко снова вызывают для переговоров. В это время командующий фронтом выехал в 13-ю армию, и к аппарату подошел начальник штаба фронта генерал-майор Захаров.

Запись переговоров:

«Т. Сталин: Что у вас делается?

Захаров: 30.9 пр-к утра повел наступление с участка Дубровка, Годуновка, Эсмань в двух направлениях: 1) Середина-Буда, Севск, 2) Эсмань, Пустогород, Севск.

К исходу 1.10 противник захватил Севск полком мотопехоты с танками. 25—30 танков прошли Комаричи, идут на Дмитровск-Орловский.

Оцениваю, что всего прорвалось около двух танковых дивизий (250—300 танков) и две мотодивизии.

Т. Сталин: Ваши мероприятия?

Захаров: 1. В район Севск введена в бой 42 тбр и в район ст. Евдокимово перебрасывается по желдороге 287 сд; бригада и дивизия имеют задачу задержать и (слова «задержать и» в записи зачеркнуты. — Л.Л.) уничтожить пр-ка, не допуская его распространения восточнее Севск. На место боя для руководства выехал Еременко.

2. Авиации поставлена задача уничтожить пр-ка, прорвавшегося в наш тыл.

3. Договориться с Орловским военным округом, чтобы последний занял рубеж р.р. Пука, Ока в районе Касьяново, используя для этой цели 447 арт. ПТО полк и стр. полк, дислоцированные в Орле.

4. Непосредственно на фронте на месте прорыва предполагается нанести удар по флангам прорвавшейся группы в общем направлении Хутор-Михайловский, ст. Локоть:

а) с севера — 307 сд, 55 кд, остатками 121 сд из района Середина-Буда в направлении Хутор-Михайловский, Свесса;

б) с юга — из района ст. Локоть 2 гв., 160 сд в общем направлении ст. Локоть, Эсмань, Свесса.

Т. Сталин: Хорошо, действуйте. Вам направляется к 3—4.10 две танковые бригады и две стр. дивизии через Орел. Утром 2.10 прилетит тов. Рухле; у него четыре авиадивизии.

Принимайте меры к уничтожению пр-ка.

Захаров: Ясно. В Орел вышлю представителя.

2.10.1941 г. *Захаров*¹.

При разговоре присутствовал заместитель начальника штаба фронта полковник Л.М. Сандалов. Позднее он в своих воспоминаниях отметил, что генерал Захаров при докладе Сталину значительно смягчил тяжелое положение фронта. По крайней мере, Захаров, ориентируя командующего 3-й армией генерала Крейзера, сообщил тому, что передовые части противника захватили Севск, прорвалось около 200 танков и моторизованная дивизия, а левый фланг Городнянского смят. Достаточных сил для нанесения контрудара с юга не было. Об опергруппе Ермакова известно было только, что с утра он переходил в Рыльск. Самолетом к нему выслали делегата. В штабе фронта не было данных и о положении 42-й тбр, которую намеревались подчинить Ермакову (это вообще было невозможно осуществить, так как опергруппа была отрезана от основных сил фронта). В журнале боевых действий Брянского фронта приведено содержание разведсводки за 2.10, в которой сделан вывод, что противник наносит главный удар в севско-орловском направлении.

¹ ЦАМОРФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 44. Л. 7, 8.

Согласно документам противника, положение на 1 октября было следующим. Танки 4-й танковой дивизии достигли Севска и уже в 11.00 овладели неразрушенным мостом севернее города. На южном берегу р. Клевень противник тщетно пытался атаковать. Атака через р. Клевень южнее Сварков отбита. Части 48-го ак контратакой восстановили положение. Головные части в 25 км северо-восточнее Севск. 2.10 4-я тд в 11.30 овладела Кошелевская. 18-я тд форсировала р. Сев между Севском и Кокушино. К исходу 2 октября на левом фланге 13-й армии противник занял Суземку, Улица и Голубовку (18 км западнее Середина-Буда. — Л.Л.) и тем самым вышел в тыл ее основным силам.

Прорыв обороны на левом крыле и продвижение противника в северо-восточном направлении поставили под угрозу устойчивость всего Брянского фронта. Командование фронта и армии просто не успевало реагировать на многочисленные прорывы. Вместо того чтобы немедленно докладывать «наверх» обо всех существенных изменениях в обстановке, штабы придерживались сроков, определенных табелем срочных донесений. В докладах при оценке складывающейся обстановки зачастую просматривается стремление скрыть свои промахи и сгладить их последствия в надежде в скором времени выправить дело. А когда это не удавалось, приходилось обращаться в вышестоящий штаб с просьбами, которые уже ничего изменить не могли. Уже вечером 2 октября командующий Брянским фронтом обратился с просьбой разрешить отвод войск фронта на тыловой рубеж с одновременным ударом по войскам противника, прорвавшимся в тыл. Шапошников категорически отказал Еременко в этом.

По танковым и моторизованным соединениям врага в этот день начали наносить удары четыре бомбардировочные авиадивизии. К ним позже присоединилась 81-я бомбардировочная дивизия. Координировать действия авиации на фронт прибыли командующий ВВС Красной Армии П.Ф. Жигарев и заместитель начальника штаба полковник И.Н. Рухле. Дальние бомбардировщики наносили удары по подходящим резервам противника. Их действия прикрывали истребители фронта. Фронтная авиация атаковала подвижные соединения противника, прорвавшиеся в наш тыл. К сожалению, наши бомбардировщики действовали группами по три-шесть самолетов и к тому же с больших высот, поэтому эффективность их ударов была невысокой. Это, в частности, отметил Г. Гуде-

риан, находившийся рядом с дорогой, по которой двигались части 3-й танковой дивизии его группы.

Для ликвидации противника, прорвавшегося в районе Глухов, Севск, Ставка 2 октября в 5.20 приказывает сформировать 1-й гвардейский стрелковый корпус в составе 5-й и 6-й гв. стрелковых дивизий, 4-й и 11-й танковых бригад, резервной авиагруппы и полка РС. Корпус должен был сосредоточиться не позднее 5.10 в районе Мценск, Отрада, а придаваемые ему полки ПТО к 2.10 — в г. Орел, чтобы с утра 6.10 быть готовым нанести удар по прорвавшейся группировке противника¹. Но до этого времени нужно было еще продержаться.

Со 2 октября в сражение на московском направлении вступили главные силы группы армий «Центр». Излагать по дням операции и с достаточной степенью подробности и достоверности события, одновременно происходящие в полосе обороны трех фронтов шириной почти 700 км, невозможно. Поэтому далее они рассматриваются поочередно — в пределах каждого фронта, при этом действия войск сторон увязываются по времени (общий ход боевых действий показан на схеме 10).

Подготовка к отражению наступления врага на московском направлении. Получив сведения о начале наступления врага на орловском направлении и прорыве обороны Брянского фронта, командующие Западным и Резервным фронтами приняли меры по усилению разведки, подготовке войск к отражению ударов противника и ускорению работ по инженерному оборудованию позиций. Поступающие данные говорили о том, что противник готов к переходу в наступление. На р. Десна у Богдановки была установлена работа офицерской рекогносцировочной группы. Радиоразведка Резервного фронта 1 октября установила работу новой радиостанции в районе Рославль, обслуживавшей соединения не ниже корпуса. Это свидетельствовало об усилении противостоящей группировки противника. Наконец, в ночь с 1 на 2 октября в районе Козловки на участке 43-й армии на нашу сторону добровольно перешли три солдата вермахта, чехи по национальности. Один из перебежчиков показал, что в ночь с 29 на 30 сентября саперы 23-й пд выполняли срочный приказ по снятию противотанковых и противопехотных мин и прово-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 2. Л. 406, 407.

лочных заграждений на участке Трояново, Лишовка, Козловка. У Заборье противник переправил танки на восточный берег р. Стряна.

В качестве ответной меры в полосе 24-й армии Резервного фронта был усилен состав первого эшелона: к 0.30 1 октября части 139-й стрелковой дивизии (бывшая 9-я дн) сменили батальон 309-й сд. Этот факт был отмечен немецкой разведкой. Была усилена оборона и на левом крыле 43-й армии, в подчинение которой была передана 113-я сд (бывшая 5-я дн). К 5.30 29 сентября она заняла оборону по р. Шуйца и Снопоть на участке Гарь, Сергеевка, Ясная Поляна, перехватив тем самым важное направление на Юхнов. 149-я сд, занимавшая ранее оборону на восточном берегу р. Шуйца, была выдвинута впереди заняла позиции за боевым порядком 53-й сд. В соединениях 33-й армии приняли меры по увеличению глубины обороны за счет создания вторых эшелонов. Осуществлялась перегруппировка и внутри некоторых соединений и частей. К сожалению, времени для освоения новых рубежей и позиций и создания продуманной системы огня уже не оставалось.

Севернее Духовщины разведка одной из дивизий 19-й армии Западного фронта установила, что в тылу противника ведутся усиленные работы по ремонту полевых дорог в северо-восточном направлении, включая устройство гатей через заболоченные участки местности с привлечением местного населения. В состав фронта со ржевского направления на вяземское в район юго-западнее ст. Вадино перебрасывается 134-я сд. Сюда же 1 октября начали прибывать части 45-й кавалерийской дивизии (на ст. Вадино разгрузились шесть эшелонов). На ст. Дорогобуж¹ разгрузились три эшелона 126-й танковой бригады. С левого берега Днепра на правый выводится 152-я сд. К 13.00 29.09 она сосредоточивается юго-восточнее Сафоново в районе Никитино, Свобода, Тушнево. В это же время в тылу Западного фронта в соответствии с директивой Ставки продолжалась перегруппировка войск 49-й армии. Соединения начали погрузку в эшелоны для убытия на юг — в новые районы предназначения.

Таким образом, основная масса резервов Западного фронта была сосредоточена на вяземском направлении — вдоль автостреды. В район Вадино «для непосредственного

¹ Станция Дорогобуж на железнодорожной магистрали Москва — Смоленск у пос. Сафоново (не путать с г. Дорогобуж).

руководства войсками вадинского направления» 30 сентября выдвинулся заместитель Конева генерал И.В. Болдин с группой командиров штаба фронта. В районе ст. Вадино был развернут вспомогательный пункт управления и узел связи фронта. По своему составу войска опергруппы генерала Болдина были примерно равны армии. Заметим попутно, что немецкая разведка в эти дни отметила, что «русские проявляют повышенную бдительность, на многих участках проводится разведка боем. Противник подтягивает артиллерию и, возможно, войска и пополнение вдоль Смоленской дороги».

Конев по-прежнему опасался удара в направлении Ярцево, Вязьма. И это несмотря на то, что командующий 30-й армией генерал Хоменко считал, что наиболее вероятен удар противника на направлении Пречистое, Канютино. Он оценивал противостоящую армии группировку противника в восемь пехотных дивизий (по оценке фронта — пять), не считая моторизованной и танковой дивизий. Он доложил также, что 250, 242 и 162-я стрелковые дивизии имеют значительные потери в личном составе, малочисленны также 251-я стрелковая и 107-я мотострелковая дивизии, а пополнение не поступает. Поэтому плотность в обороне низкая, нет возможности иметь резервы в составе не менее дивизии. В случае прорыва противника на бельском или канютинском направлениях в глубинную оборону парировать его удар будет почти нечем¹.

На основе данных разведки и оперсводки штаба 30-й армии в журнале боевых действий фронта появилась запись: «Следовательно, на фронте 30-й армии можно ожидать, что противник нанесет главный удар и разовьет его в обход с севера нашим укреплениям на р. Вопь и р. Днепр»². Изложено не очень грамотно, но по сути верно. Ведь могли работать разведчики: их данные прямо указывали на вероятное направление вражеского удара. Было установлено, что против восьми дивизий 30-й и 19-й армий немцы развернули 17 своих. В полосах других армий фронта число противостоящих друг другу дивизий было примерно равным³.

Но к выводам разведчиков высокое начальство не всегда прислушивалось, особенно в 1941 году. На трофейной карте

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 3038сс. Д. 67. Л. 23, 28.

² Там же. Оп. 2511. Д. 215. Л. 10

³ Там же. Д. 216. Л. 5, 6.

(см. схему 18) показана группировка противника на стыке 30-й и 19-й армий, где к наступлению изготовились войска четырех корпусов — 41-го и 56-го моторизованных (каждому из них была придана пехотная дивизия) 3-й танковой группы и временно подчиненных ей 6-го и 5-го армейских корпусов. Южнее должен был наступать 8-й ак. В резерве 9-й армии оставалась 14-я мд и 900-я учебная моторизованная бригада. Всего в составе группировки, изготовившейся к наступлению, было 16,5 дивизии, в том числе три танковые и две моторизованные. При этом на участке прорыва шириной до 16 км против 162-й стрелковой дивизии и примыкающих к ней справа и слева частей 242-й сд 30-й армии и 244-й сд 19-й армии (всего менее двух дивизий) противник сосредоточил восемь дивизий.

Но Ставка по-прежнему считала, что главный удар противник будет наносить на вяземском направлении, оборонявшемся 16-й и 20-й армиями. 46-летний генерал-полковник И.С. Конев, только 12 сентября ставший командующим Западным фронтом, не решился начинать свою деятельность со споров по такому важному вопросу. Ведь это могло привести к кардинальным изменениям в оперативном построении войск фронта, а времени уже не оставалось.

По оценке командования фронта, соотношение по артиллерии на вяземском направлении в полосе 19-й армии шириной 42 км к 29 сентября стало равным: 523 наших орудия и миномета против 552 противника. На самом деле, превосходство в артиллерии на этом направлении было на нашей стороне. В полосе 30-й армии противник по количеству орудия и минометов превосходил ее в 1,4 раза (в действительности превосходство было многократным). Армия явно нуждалась в дополнительном усилении артиллерией. Тем более что по решению командующего армией в целях срыва подготовительных мероприятий противника к наступлению была запланирована контрартподготовка. Она была проведена с 11.00 до 11.30 1 октября. Огонь велся по вновь выявленным и наблюдаемым местам скопления танков, пехоты и огневых средств противника. В частности, перед фронтом 162-й сд — по скоплениям пехоты в лощинах. 392-й и 542-й корпусные артполки вели огонь по танкам, пехоте и точно установленным батареям противника. Всего было израсходовано от 1/3 до 1/2 боекомплекта артснарядов и мин различных калибров. Ответный

огонь противника был слабым. С нашей стороны временно вышли из строя два 76-мм орудия. А дело было в том, что, согласно указаниям немецкого командования, артиллерия усиления должна была занять огневые позиции только в ночь перед началом наступления. При этом она должна была молчать до утра дня «Т», открывая огонь в случае необходимости только по особому распоряжению¹.

Выдержка из оперсводки штаба Западного фронта № 195 от 2.10.1941 г. на 08.00:

«В результате проведенной контрартподготовки 1.10 артиллерией [30-й] армии противнику нанесен значительный урон: уничтожено — 17 автомашин, 18 повозок; разрушено — 10 блиндажей, 15 окопов с пехотой; подавлено — 2 артбатареи и 22 огневые точки; в Кречец уничтожен склад с боеприпасами; в районе Замошье рассеяно до батальона пехоты; в районе зап. Панаскино рассеяна автоколонна и до двух рот пехоты. По приближенным данным, убито и ранено до 200 немецких солдат и офицеров. В результате пулеметного огня частей армии по разведгруппам противника уничтожено до 50 немецких солдат»².

Результаты артиллерийской контрподготовки 30-й армии в комментарии не нуждаются.

Наступил день «Т». Гитлер настолько был уверен в быстрой победе, что в обращении к солдатам Восточного фронта, зачитанном личному составу перед рассветом 2 октября — непосредственно перед атакой, — заявил:

«За три с половиной месяца, мои солдаты, наконец-то создана предпосылка для нанесения врагу последнего и решающего удара, который еще до наступления зимы должен привести к окончательному разгрому врага. Все подготовительные мероприятия, насколько это оказалось в человеческих силах, завершены. Планомерно, шаг за шагом сделано все необходимое, чтобы поставить противника в такое положение, когда мы сможем нанести ему смертельный удар. Сегодня начинается последнее величайшее и решающее сражение этого года» (полный текст обращения фюрера к солдатам Восточного фронта приведен в Приложении 9)³. Гальдер в

¹ NARA. T312, R150, F000142.

² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 251 I. Д. 157. Л. 105.

³ NARA. T312, R150, F7689745.

Командующий 3-й танковой группой генерал-полковник Г. Гот

Командующий 9-й армией генерал-полковник А. Штраус

этот день записал в своем дневнике, что «сегодня в 5.30 войска, используя ясную осеннюю погоду, начали крупную операцию «Тайфун».

3-я танковая группа Г. Гота из района северо-восточнее Духовщины совместно с соединениями 9-й полевой армии А. Штрауса нанесла удар в стык 30-й и 19-й армий Западного фронта, а 4-я танковая группа генерала Гепнера из района Рославля во взаимодействии с соединениями 4-й полевой армии — по 43-й армии Резервного фронта на стыке (опять на стыке!) ее с Брянским фронтом. Теперь уже три стальных клина группы армий «Центр» рвали на части оборону советских войск.

На Западном фронте наступлению противника предшествовала артиллерийская и авиационная подготовка в полосе всего фронта. При этом немцы широко применяли дым, чтобы затруднить ведение ответного огня артиллерии русских и ввести их в заблуждение относительно намеченных участков прорыва.

Из донесения штаба 16-й армии:

«1. В 7.00 2.10 пр-к начал ураганный огонь артиллерии и минометов на участке Холм (4 км сев. Ярцево. — **Л.Л.**), Кудинова, Помоги. На остальном фронте огонь был слабее.

2. Наша артиллерия немедленно ответила контрподготовкой по заранее разработанному плану. В результате всей мощи огня нашей артиллерии атака пр-ка сорвана, его огневые средства приведены к молчанию.

3. Ожидаем атаку танков и пехоты. Все подготовлено, чтобы ее отразить. Подготовлен огонь трех полков артиллерии в помощь 50 сд (левофланговая дивизия 19-й армии — Л.Л.). Связь со всеми инстанциями работает хорошо»¹.

В артиллерийской контрподготовке приняли участие артиллерия и минометы 112, 108 и 38-й стрелковых дивизий 16-й армии, всего шесть артполков, приданный дивизион РС и артиллерия 50-й стрелковой дивизии 19-й армии. Этот первый пример удачно проведенной контрподготовки вошел в учебники для советских военных учебных заведений. Но, как это часто бывает, в них «забыли» упомянуть, что на этом участке фронта немцы лишь демонстрировали наступление. Здесь трем дивизиям 19-й и 16-й армий противостояла одна 255-я пехотная дивизия вермахта. Так что мощный удар артиллерии этих армий пришелся в основном по «пустому» месту.

Согласно оперсводке штаба ЗапФ № 195, противник с утра 2.10 после короткой артподготовки перешел в наступление на фронте 30, 19, 16 и 20-й армий. На правом крыле фронта части 22-й армии в течение всего этого дня все еще продолжали ранее начатое наступление.

Уже в первые часы боя тревожные сообщения начали поступать из штаба 30-й армии. В 13.30 2.10 оттуда доложили:

«Противник силою до двух пд при поддержке танков и до 120 самолетов прорвал фронт 162 и 242 сд. К 11.30 вышел на рубеж Крапивня, Аклимово, р. Осотня.

897 сп 242 сд и 501 сп 162 сд ведут бой в окружении.

<...> Участке 250 сд мелкие группы противника просочились к Зазерье, в районе Муравьево танки неуставленной численности.

Одновременно противник три раза бомбил Белый (20—40 самолетов одновременно) и ст. Канютино 20 самолетами. Прошу помочь авиацией фронта»².

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 34. Л. 10.

² ЦАМО РФ. Ф. 354. Оп. 2605. Д. 3. Л. 335.

Контрподготовка, проведенная накануне на этом участке, существенного влияния на ход боя не оказала. Во-первых, она была проведена преждевременно — части противника заняли исходное положение для наступления в ночь на 2 октября. Во-вторых, выделенные для ее проведения артиллерийские средства оказались совершенно недостаточными. К тому же следует учитывать, что при существовавших в то время средствах разведки и поражения серьезно ослабить группировку противника (не говоря уже о срыве наступления) было невозможно. Читатель сам может оценить эффективность проведенной контрподготовки, сравнив состав группировки, изготовившейся к наступлению, с нанесенным ей уроном. Если бы угрожаемое направление было своевременно усилено путем подтягивания туда частей артиллерии с левого фланга 19-й армии, результаты ее были бы, несомненно, весомее. И части атакованных дивизий 30-й и 19-й армий смогли бы оказать более упорное сопротивление сильнейшему удару противника.

Противник после 45-минутной артподготовки атаковал 242-ю и 162-ю стрелковые дивизии 30-й армии и 244, 91 и 89-ю дивизии соседней 19-й армии на фронте до 45 км, сосредоточивая основные усилия на участке прорыва шириной до 15 км. В атаке участвовало большое количество танков. Массированное применение танков на направлении, где не было хороших дорог на подступах к нашей обороне и в глубине ее, оказалось совершенно неожиданным для командования Западного фронта. Донесениям разведки о строительстве гатей через заболоченные участки с привлечением местного населения в свое время значения не придали.

Главный удар в направлении Новоселки, Холм-Жирковский, Вязьма наносил 56-й моторизованный корпус генерала танковых войск Ф. Шааля. Только в полосе 162-й сд в первом эшелоне наступало до четырех пехотных полков 129-й и 35-й пехотных дивизий при поддержке танков. Сразу же после прорыва первой позиции в бой были введены части 6-й и 7-й танковых дивизий. При этом танковые полки обеих танковых дивизий для повышения ударной силы были объединены в танковую бригаду общей численностью не менее 330—350 танков, которая наступала между реками Осотня и Вотря на участке шириной до 5 км. А всего в полосе обороны 162-й стрелковой дивизии в первом эшелоне наступало не менее 200 танков с мотопехотой, действия которых поддерживали около

100 самолетов, которые буквально висели над обороной, подавляя очаги сопротивления и артиллерию дивизии на огневых позициях. Наши истребители, пытаясь прикрыть наземные части, вели воздушные бои с авиацией противника.

Севернее 56-го корпуса в полосе обороны 242-й стрелковой дивизии наступали 6-я пехотная и 1-я танковая дивизии 41-го моторизованного корпуса, за ними следовала 36-я моторизованная в готовности нарастить удар. Южнее 56-го мк перешли в наступление 35-я и 5-я пехотные дивизии 5-го армейского корпуса (его 161-я пд наступала во втором эшелоне), с задачей расширить участок прорыва и обеспечить правый фланг основной ударной группировки. Еще южнее, на участке Казаринов, устье р. Лойня (Колковичи) шириной 16 км наступали соединения 8-го армейского корпуса. Перегруппировка здесь также была проведена в ночь на 2 октября: 8-я и 28-я пд сменили 5-ю пд 5-го армейского корпуса. 8-й армейский корпус наступал, имея в первом эшелоне все три свои дивизии (28, 8 и 87-я пд), с задачей форсировать р. Воль по возможности еще 2 октября и овладеть районом автомагистрали на участке Дроздово, Неелово, обеспечив тем самым правый фланг ударной группировки Гота (схема 4).

Таким образом, на канютинском направлении перешли в наступление сразу четыре корпуса противника в составе 12 дивизий, в том числе три танковые и одна моторизованная. В первый же день после прорыва нашей обороны к наступлению подключился и 6-й армейский корпус 9-й армии, части которого начали продвигаться на Белый. На атакованном участке наши войска в первом эшелоне совсем не имели танков. В районе г. Белый (в 35 км севернее обозначившегося участка прорыва немцев) в резерве фронта находилась 107-я мотострелковая дивизия, в строю которой было 127 танков. Противнику удалось вскрыть построение обороны и систему огня наших войск. Он использовал промежутки между опорными пунктами для продвижения в глубину обороны, охвата и последующего окружения частей, продолжающих удерживать занимаемые рубежи. Для просачивания в глубину обороны через слабо прикрытые огнем промежутки немцы использовали даже конницу. Так, для обхода довольно плотного боевого порядка 162-й сд немцы воспользовались слабой обороной на участке соседа слева — 911-го сп 244-й сд.

Уже через 3 часа боя некоторые части первого эшелона 242-й и 162-й сд оказались окруженными. В 14.35 в районе Мал. Корытня, Боголюбово — на глубине 14—15 км было обнаружено до 40 танков противника. Саперной роте 22-го армейского саперного батальона было приказано заминировать направление на Канютино. Позиции 1-го батальона 897-го стрелкового полка 242-й стрелковой дивизии атаковало до полка мотопехоты с 70 танками. Почти все воины батальона погибли в неравной схватке с врагом, но не оставили своих позиций. Начальник радиостанции, который докладывал в штаб полка об исключительной стойкости батальона, в своей последней радиограмме сообщил: «Взрываю радиостанцию. Прощайте, дорогие товарищи»¹.

В этот день в штаб 9-й армии противника поступило донесение, в котором приводилось сообщение, полученное путем радиоперехвата: «30-я русская армия доложила в штаб фронта о немецком наступлении и сообщила, что 162-я сд вынуждена отходить под ударом танковых войск по обе стороны Крапивня» [39].

На правом крыле соседней 19-й армии обстановка складывалась не менее тяжелая. Ее правофланговая 244-я стрелковая дивизия, оборонявшаяся в полосе 13 км и имевшая в составе 776-го артполка всего 34 орудия (76-мм — 21, 122-мм гаубиц — 8), вообще не была усилена артиллерией. Конечно, нельзя быть одновременно сильным везде. Генерал Лукин, сосредоточив основные усилия в обороне на левом фланге, понадеялся на своего правого соседа — генерала Хоменко, который отвечал за обеспечение стыка между армиями. Действительно, 162-я стрелковая дивизия имела более плотный боевой порядок, обороняясь в полосе шириной вдвое меньшей — менее 7 км. К тому же за ней, в глубине, располагалась 251-я сд. В архиве не удалось обнаружить документов, свидетельствующих о том, как было организовано взаимодействие на стыке двух дивизий. Но известно, что стык с 244-й сд должен был обеспечиваться огнем пяти артдивизионов.

Командир 244-й сд сосредоточил основные усилия на своем левом фланге — на танкоопасном направлении. В правой части полосы обороны местность была болотистой. Здесь, на

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 3. Л. 472.

первой позиции на фронте 9 км, оборонялся 911-й стрелковый полк (без 3-го батальона, который действовал в отрыве от полка — на стыке с 91-й сд). Действия полка поддерживал своим огнем дивизион 776-го арtpолка дивизии. Промежуток между 501-м сп 162-й сд и 911-м сп шириной 1,5 км прикрывал взвод отдельного разведывательного батальона дивизии! Противник в этом месте легко преодолел первую позицию и стал расширять прорыв, стремясь охватить фланги полков первого эшелона обеих дивизий. Кто и как мог вызвать огонь артиллерии 162-й сд, которая сама в это время отражала атаку четырех пехотных полков? Командир взвода? Батальона?

Согласно архивным документам, бой в полосе 244-й стрелковой дивизии развивался следующим образом. В результате атаки противника ее левофланговый 913-й сп обойден с фланга и оказался отрезанным от главных сил дивизии. На выручку пришел 907-й сп, контратаку которого возглавил лично командир полка М.Я. Усанов. 913-й сп был деблокирован и соединился с остальными частями дивизии. В этом бою Усанов погиб смертью храбрых. К 18.25 2 октября противнику силами двух батальонов с 15 танками удалось расcечь боевой порядок дивизии на две части. Остатки 911-го сп были отброшены на северо-восток и продолжали бой в районе Сергеевка. Большая часть дивизии под нажимом превосходящих сил противника отошла в восточном направлении, где подверглась угрозе охвата и окружения.

Одновременно противник силами двух полков с 10 танками и отдельных групп мотопехоты ударом в стык между 244-й и 91-й сд прорвал оборону последней и вышел к р. Вопь на участке Серова, Тарасова, Дура. 503-й сп с двумя ротами 613-го сп этой дивизии отошел в беспорядке на восточный берег реки. Части 166-й сд второго эшелона армии на восточном берегу р. Вопь обеспечивали переправу отходящих частей дивизий первого эшелона. В 89-й сд часть 526-го сп во главе с командиром полка вела бой в окружении. Атаки пехоты противника поддерживало до батальона танков. На участке 50-й сд противник особой активности не проявлял. Предпринятая им атака силою до батальона была отбита.

Здесь надо оговориться, что в полосе обороны 91-й и 89-й стрелковых дивизий наступал 8-й армейский корпус противника, не имевший танков. Данных о том, что дивизии корпуса были усилены танками, в немецких документах обнаружить не

удалось. Их и не должно было быть там, так как немцы применяли танки массированно, не размениваясь на мелочи. Видимо, за танки наши войска принимали штурмовые орудия противника, приданные дивизиям. Главный удар корпус наносил силами 8-й и 87-й пд, стремясь как можно скорее продвинуться к р. Воль и с ходу форсировать ее. Атака началась в 6.00 (7.00) 2.10. После короткого ожесточенного боя части корпуса прорвали позиции русских на р. Лойня, отбили контратаку противника и к вечеру овладели предмостными укреплениями на восточном берегу р. Воль. Правофланговая 87-я пд отразила у Дубровки контратаку русских с танками. На следующий день плацдарм был расширен и оборудован, построены мосты. Части 8-й пд прорвались на 3 км в глубь леса, где был КП армии противника (КП 19-й армии у Василисино. — Л.Л.). 87-я пд форсировала реку у Капыревщина, обеспечивая правый фланг корпуса на рубеже Колковичи, Каменка.

Как только обозначился прорыв на стыке с 30-й армией, командующий 19-й армией генерал Лукин М.Ф. принял меры по воспреещению охвата своего правого фланга, оказавшегося открытым. На угрожаемое направление перебрасываются резервы, войска со слабо атакованных участков и артиллерия.

Выдержки из оперсводки 19-й А № 063 за 2.10. 41:

«1. Пр-к прорвал оборону в направлениях:

а) Паново — Бракулино;

б) Берники, Канютино и вышел к р. Воль на участке Красница, Бракулино, Семовка, Турино, угрожая охватом 244 и 89 сд.

2. Сосед справа отошел Доброселье, Соловьево <...>

3. 19 армия правым крылом и центром переходит к обороне на промежуточном армейском рубеже по р.р. Вотря и Воль <...>

4. 244 сд в ночь на 3.10 отвести части и оборонять полосу Погорелицы, Устье (по р. Вотря), не допустить прорыва <...> особое внимание на обеспечение фланкирующим огнем пулеметов промежутков между узлами сопротивления <...>

6. 166 сд занять для обороны рубеж по р. Воль на участке Капыревщина, Курганово. Быть готовым к нанесению контрудара в направлении Кузьмино, Крюково, Потелица (на западном берегу р. Воль. — Л.Л.).

7. 50 сд оборонять рубеж Рядыни, Лесковка, Колкови-
чи (по разгранлинии справа. — Л.Л.).

8. 89 сд к утру сосредоточиться в мой резерв в районе
<...>¹.

Лукин сообщил Рокоссовскому по телефону, что вынужден
загнать свой правый фланг фронтом на север и что связи с 30-й
армией не имеет. За счет маневра силами и средствами на уг-
рожаемое направление Лукин стремился не допустить выхо-
да противника в тыл армии, одновременно готовясь к участию
в контрударе фронта.

Из воспоминаний командарма Лукина:

«Пришлось и нам загнать правый фланг. В прорыв была по-
слана 45-я кавалерийская дивизия. Но комдив генерал-май-
ор Н.М. Дреер (правильно — Дрейер. — Л.Л.) на указанный
участок не вышел. Это могло обойтись нам очень дорого, и я
своей властью снял Дреера. Вместо него был назначен под-
полковник А.Т. Стученко (ныне генерал армии), который и вы-
полнил поставленную задачу. Дреера по законам военного
времени надо было предать суду военного трибунала и рас-
стрелять. Но я, честно говоря, никогда не был охотником до
таких суровых кар, поэтому просто отправил его в штаб фрон-
та. Там в суматохе о нем, видимо, забыли. Насколько я знаю,
Дреер потом воевал достаточно успешно, сделав, очевидно,
выводы из своих ошибок» [40]. В книге «Командарм Лукин»,
написанной на основе воспоминаний Михаила Федоровича,
этот эпизод изложен несколько по-другому: «Командарм,
увидев, что кавалерия отходит, потребовал объяснить, поче-
му конники не выполняют поставленную задачу. Командир
дивизии заплетающимся языком доложил, что он решил от-
вести части дивизии для охраны штаба армии. Лукин понял,
что тот просто пьян» [41].

По свидетельству бывшего начальника штаба артиллерии
19-й армии полковника П.С. Семенова (впоследствии гене-
рал-полковник артиллерии), какой-то артполк (некоторые
данные говорят о том, что это был 120-й гап), переброшенный
в район Печеничено (25 км северо-восточнее Ярцево), один,
без пехотного прикрытия, доночи сдерживал прорвавшегося

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 251 л. Д. 48. Л. 5, 6.

противника. Своим огнем он нанес большие потери пехотной части противника, втянувшейся в дефиле между болотами, разбил большой конный обоз и даже захватил трофеи. После этого в артполку в дополнение к тракторам и автомашинам впервые появились конские повозки.

Используя подавляющее превосходство в силах на направлении главного удара, немцы при сильнейшей поддержке авиации уже к исходу первого дня операции прорвали оборону соединений первого эшелона на стыке 30-й и 19-й армий, вклинившись на глубину 10—15 км. Конев потребовал от командующего 30-й армией генерала Хоменко восстановить положение. Он надеялся локализовать прорыв и выиграть время для выдвижения резервов на угрожаемое направление.

В 16.30 2 октября командующий 30-й армией отдал частный боевой приказ:

«1. Противник продолжает развивать подвижными частями удар в направлении Батурино, Боголюбово.

2. 251 сд — оставив прикрытие силою до одного сп на фронте Ефремово, Боголюбово и прочно удерживая переправу на р. Реконь, главными силами, взаимодействуя с частями 162 сд, нанести удар в направлении Лукашево, Крапивня.

3 а д ч а: совместно с 162 сд уничтожить прорвавшиеся части противника и не допустить распространения противника в направлении Боголюбово, восстановить положение 162 сд.

3. Начало действий немедленно по готовности частей к наступлению <...>¹.

Аналогичные приказы в это же время были отданы 107-й мотострелковой и 162-й стрелковой дивизиям. При этом последней было приказано установить связь с 251-й стрелковой дивизией и совместным ударом в общем направлении на Крапивня окружить и уничтожить прорвавшегося противника и восстановить ранее занимаемое положение. 107-я мсд наносила удар в общем направлении Батурино, Сметище с задачей во взаимодействии с 242-й сд уничтожить прорвавшиеся части противника. Передовой отряд дивизии в составе мото-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 354. Оп. 2605. Д. 3. Л. 342.

стрелкового батальона на автомашинах и танкового батальона начал выдвижение из района г. Белый в ночь на 3 октября. В 3.00 он вступил в бой в районе Подселица (в 20 км южнее Белый и в 10 км севернее Батурино. — Л.Л.). Остальные силы 107-й мсд начали выдвижение только в 9.00 3.10. По приказу командующего фронтом командир кавгруппы генерал Л.М. Доватор должен был одной дивизией немедленно сменить части 107-й мсд в районе Белый и, заняв подготовленный здесь рубеж обороны, не допустить проникновения противника в северо-восточном и восточном направлениях.

Командование фронта и армии не совсем адекватно оценивали создавшуюся обстановку. Задачи, поставленные войскам, не учитывали силы противника: прорвались не мелкие группы танков, а мотопехотные части при поддержке танков и массированных ударов авиации. Не было выдержано также и одно из основных условий достижения успеха контратаки — они должны проводиться внезапно и в быстром темпе, по возможности во фланг и тыл противнику, вклинившемуся в оборону, когда тот остановлен, но не успел закрепиться и подтянуть резервы. В создавшейся обстановке превосходящие силы противника не были остановлены, они быстро развивали удар в глубину. К тому же ввод в бой 251-й стрелковой и 107-й мотострелковой дивизий осуществлялся с запозданием и по частям. Вряд ли стоило рассчитывать и на то, что части 162-й сд, только что выбитые со своих подготовленных позиций, сразу развернутся на 180 градусов и перейдут в контратаку. Не только разгромить, но и остановить врага на выгодном армейском рубеже обороны на р. Вопь не удалось. Соединения на левом крыле 30-й армии начали отход на восток.

Видимо, было бы лучше использовать резервы для занятия рубежей на направлениях прорыва противника и поражать его танки и пехоту огнем с места. Тем более что это предусматривалось планом оборонительной операции фронта. Так, при прорыве на канютинско-сычевском направлении 251-я стрелковая дивизия должна была обороной сдерживать противника в районе ст. Канютино. И только после подхода на угрожаемое направление резервов фронта планировалось нанести контрудар. Правда, на выход соединений и частей в исходное положение для контрудара планировалось от двух до трех суток. Требовалось задержать противника любой ценой. Возможно, поэтому 107-ю мотострелковую и 251-ю

стрелковую дивизию и бросили в бой по частям на второй день операции против прорвавшегося противника, поставив им нереальную задачу восстановить оборону по переднему краю. Не исключено, что переход 251-й сд к обороне на р. Вопь (как это и предусматривалось планом обороны армии) с одновременным усилением обороны на направлении прорыва танков противника, был бы лучшим вариантом действий.

Ветеран 7-й танковой дивизии вермахта и участник операции «Тайфун» рассказал о прорыве обороны русских 2 октября. «Танковые полки 6-й и 7-й танковых дивизий не были полностью укомплектованы. Поэтому в целях увеличения их пробивной мощи, от чего зависел успех прорыва, они были сведены в танковую бригаду и подчинены командованию 6-й тд. Более чем 300 боевых танков 11-го и 25-го танковых полков выстроились двумя эшелонами на участке шириной 2 км. **Такое массирование сил в дивизии было достигнуто впервые.** Части 7-й танковой дивизии (без танкового полка) перешли в наступление 2 октября в 06.15 (7.15) после сильной артиллерийской подготовки (было сосредоточено более 100 орудий на каждый километр участка прорыва). Атака через участок Кокось удалась благодаря тщательной подготовке и эффективной артиллерийской поддержке. Передовые части достигли р. Вопь до наступления темноты (в 17.00), а 37-й противотанковый батальон смог перейти через нее, как только на восточном берегу был отвоеван важный для дальнейшего наступления плацдарм.

Почти без потерь, но по плохим дорогам и бревенчатым настилам через болотистые места мы продвинулись вперед. Вечером 3 октября пересекли р. Днепр. После достижения р. Днепр танковые полки были вновь подчинены своим дивизиям. Лишь здесь произошло столкновение с еще занятой оборудованной позицией советских войск и бои ужесточились. После прорыва этих позиций начали продвигаться на Вязьму» [42].

Генерал Г. Гот непрерывно наращивал усилия наступающих войск, развивая наступление в двух направлениях. Главное — на восток — на Канютино (14 км западнее Холм-Жирковский. — Л.Л.), вспомогательное — на северо-восток — на

Белый. В 19.30 3 октября группа немецких танков переправилась через р. Воль и начала продвигаться в направлении Верховье-Малышкино, Канютино (15 км западнее Холм-Жирковский. — Л.Л.). Наступление танковых дивизий поддерживалось непрерывными ударами авиации. Только на участке 19-й армии, главным образом на правом фланге, зафиксировали в первый же день 340 самолето-пролетов. Самолеты 8-го авиакорпуса противника действовали большими группами. 2 октября, по немецким данным, соединения 2-го воздушного флота совершили 1387 самолето-вылетов (по меркам, принятым в люфтваффе, это не является значительной нагрузкой на экипажи на первый день операции).

Приданные 19-й армии 7-й и 318-й отдельные зенитные дивизионы прикрывали командный пункт армии, артиллерию и части на ее левом фланге. Пять дивизий армии имели всего 35—40 зенитных пулеметов (из них крупнокалиберных — 15—20), то есть один пулемет на километр фронта обороны. Слабая противовоздушная оборона наших войск оказалась подавленной в первые же дни сражения и не смогла противостоять массированным ударам с воздуха. Это обстоятельство самым отрицательным образом сказалось на действиях наших войск.

В соответствии с планом оборонительной операции ВВС Западного фронта ставилась задача «подавить авиацию противника в воздухе и на аэродромах». Но такая задача оказалась не по силам ВВС фронта ввиду их малочисленности, раздробленности и неэффективного управления. По количеству самолето-вылетов наша авиация значительно уступала немецкой. Тем не менее, начиная со 2 октября, советские самолеты бомбили колонны танков и мотопехоты противника и в некоторых случаях весьма удачно. Так, в «Истории Московского округа ПВО», например, сообщается об удачном налете частей 6-го авиакорпуса ПВО по колоннам противника в районе г. Белый. В нанесении удара участвовало «40 самолетов Пе-3 95-го иап под командованием майоров А.А. Сачкова и А.В. Жатькова и 60 истребителей 120-го и 27-го иап <...> Только боевая группа Сачкова уничтожила 40 автомашин с пехотой и боеприпасами и 43 вражеских танка». Далее утверждалось, что «за короткое время авиагруппа Московской зоны противовоздушной обороны уничтожила и подбила 120 танков» [35]. Откуда появились столь впечатляющие цифры ущерба, нанесенного противнику, можно только гадать.

Обычно в подобных случаях грешат на недостоверные доклады экипажей самолетов. Но в отчетах летчиков указывались более скромные результаты налета и совсем не говорилось об уничтожении танков. Значит, над историей округа ПВО хорошо поработали пропагандисты. Если бы результаты ударов авиации соответствовали их утверждениям, то успехи врага не были бы столь значительны. А так, к сожалению, попытки задержать продвижение мотомехчастей противника ударами авиации особого успеха не имели. Удивительно, но авиация фронта в первые дни сражения, кроме выполнения боевых задач, занималась еще и разбрасыванием листовок, призывающих немецких солдат переходить на нашу сторону. Не самое удачное время было выбрано для пропагандистских акций.

Противник более целеустремленно применял свою авиацию. В целях нарушения управления русскими войсками его авиация в первый же день операции нанесла удары по выявленным командным пунктам и узлам связи на всех трех фронтах. Так, 2 октября с 18.00 три группы по 14—16 пикирующих бомбардировщиков нанесли удар по командному пункту Западного фронта, располагавшемуся в Касне (18 км севернее Вязьмы). Одновременно были подвергнуты ударам и командные пункты почти всех армий фронта. В результате ударов авиации проводная связь фронта с подчиненными штабами была разрушена, а управление войсками в значительной степени дезорганизовано. В частности, после налета на командный пункт 19-й армии в районе Василисино (который находился там со 2 августа — два месяца) связь командующего армией с 50-й и 166-й дивизиями была временно выведена из строя. По немецким данным, в налете на командный пункт Западного фронта в Касне участвовало 18 пикирующих бомбардировщиков Ю-88. Немцы заранее вскрыли систему ПВО в этом районе. Предполагая в районе столь крупного штаба наличие прочных укрытий, авиация противника нанесла точные удары, в том числе и с применением авиабомб не только малого и среднего калибра, но и крупного — весом 1000 кг и более. Через сутки авиация противника повторила удар по прежнему месту расположения командного пункта [35].

И.С. Конев в своих воспоминаниях попытался сгладить последствия удара по его командному пункту: «В результате

авиационного удара по командному пункту, находившемуся в Касне, мы имели потери, но так как все средства связи были закопаны в землю, то управление войсками не нарушалось» [43]. Факты говорят о другом, и читатель убедится в этом. Да и сам Иван Степанович потом сетовал, что связь с войсками была неустойчивой, были перерывы связи и со Ставкой ВГК.

Штаб Западного фронта почти три месяца находился на одном и том же месте. Об этом знали все, включая беженцев (я сам слышал их разговоры об этом в июле 1941 года на станции Вязьма). Знали о расположении штаба войск маршала Тимошенко и немцы, но до поры до времени не трогали его¹.

В конце сентября на полевом аэродроме Двоевка (7 км юго-восточнее Вязьмы) вечером совершил вынужденную посадку немецкий самолет-разведчик Ю-88. При допросе членов экипажа выяснилось, что он вел разведку в направлении Вязьма, Можайск, Москва. В самолете отказал радиокompас, и, израсходовав горючее, экипаж приземлился на ближайшем аэродроме, где попал в плен. Экипаж оказался семейным: командир — полковник, штурман и пилот — два его сына в чине обер-лейтенантов, дочь — радист, ефрейтор. На допросе они вели себя вызывающе, хвалились своими заслугами, выкрикивая «Хайль Гитлер!». К счастью, немцы не успели уничтожить полетные карты, разведывательную аппаратуру и фото пленку. На проявленной пленке четко просматривалось Каснянское озеро (пруд) и здание, к которому вели расчищенные от кустарника дорожки. В расположенный рядом лес с нескольких сторон протянулись многочисленные воздушные линии связи на шестах. На вопрос, что означает кружок на карте, которым было обведено отдельное крупное здание, штурман заявил: «Это штаб маршала Тимошенко, его скоро не будет» [44]. Действительно, в белом здании с колоннами и в других помещениях на берегу озера находились различные отделы штаба фронта. Дорожки были посыпаны желтым песком. Неподалеку располагались аппаратные в палатках и антенное поле. Срочно были приняты дополнительные меры по усилению противовоздушной обороны командного пункта и по маскировке объектов. Кто-то предложил даже спустить воду из пруда у здания, которое могло послужить хорошим ориен-

¹ Должность Главкома Западного направления была упразднена еще 10.09.1941 г.

тиром для авиации противника, но нарушить красоту бывшей барской усадьбы пожалели.

В результате налета авиации помещение, в котором располагались оперативный отдел, Военный совет и управление ВВС фронта, а также шифровальное отделение, было полностью разрушено, а проводные средства связи выведены из строя. Только из состава полевого управления фронта было убито 13 и ранено 60 человек¹. Большие потери понесли и подразделения фронтового полка связи. С учетом этого потери оказались еще выше: только убитых оказалось 29 человек, в том числе 20 офицеров (из них три полковника, 3 вольнонаемных сотрудника, 6 человек опознать не удалось), не считая раненых. По распоряжению штаба фронта для оказания помощи пострадавшим из госпиталей, расположенных в Вязьме, было направлено несколько хирургических бригад и санитарный транспорт [45]. Война преподавала несколько жестоких уроков нашему командованию в этом отношении. Это потом научились тщательно скрывать расположение командных пунктов и штабов. Появились подробные инструкции по маскировке таких объектов в летних и зимних условиях.

Между тем положение на правом фланге 19-й армии к вечеру 3 октября ухудшилось. Противник форсировал р. Вопь и отбросил ее части на 3—5 км восточнее. Лукин в 1.05 4.10.1941 г. отдал приказ о нанесении контрудара в 12.00 4.10 в целях уничтожения прорвавшихся частей противника и восстановления обороны по р. Вопь. В контрударе должны были участвовать 89, 91 и 166-я стрелковые дивизии. Последняя должна была атаковать своим правым флангом во взаимодействии со 127-й танковой бригадой в направлении на Нелово (2 км юго-восточнее Капыревщина. — Л.Л.). 50-я сд, выполняя прежнюю задачу по удержанию занимаемого рубежа, должна была содействовать удару 127-й тбр и 166-й сд огнем не менее пяти дивизионов. ВВС армии получили задачу прикрыть наступающие части.

Таким образом, главный удар в полосе Западного фронта противник нанес основными силами 3-й танковой группы Гота

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 215. Л. 15.

не там, где его ждало командование фронта, а значительно севернее автостреды. По существу, оборона на стыке 30-й и 19-й армий была прорвана в первый же день наступления противника. Ход боевых действий, направления ударов в стыки между армиями и по ослабленным соединениям и частям — все говорит о том, что немцы вскрыли построение обороны противостоящих им советских войск и хорошо подготовились к наступлению. Противнику удалось достигнуть внезапности в отношении как направления, так и силы удара. Уже в 12.15 2.10.1941г. в разведотдел штаба 9-й полевой армии поступили донесения: от 6-го армейского корпуса — «противник оказывает слабое сопротивление <...>»; от 3-й танковой группы — «<...> пока наступающие части встречали только боевое охранение или арьергарды противника <...>». В штабе армии подвели итог: «Первые позиции везде прорваны. Внезапность удалась. Противник слабый по численности, но упорно сопротивляющийся, без сильной артиллерийской поддержки».

Во второй половине дня воздушная разведка немцев доложила о продвижении густой колонны автомашин с пехотой протяженностью 20 км, подошедшей к Ярцево на 3 км. Для командования группы армий «Центр» так и осталось неясным, имел ли противник намерение атаковать глубокий фланг 9-й армии [46]. Скорее всего, немцы зафиксировали выдвижение 214-й сд 16-й армии генерала Рокоссовского в полосу 19-й армии, а также 73-й сд (без одного полка) из 20-й армии генерала Ершакова в 16-ю для занятия рубежа Сафоново, Кр. Холм. За счет маневра силами и средствами с неатакованных участков фронта Конев пытался усилить вяземское направление, где он ожидал главный удар противника, и на всякий случай подтянуть их поближе к направлению, где обозначился прорыв обороны. На фронте остальных армий противник атаковал слабыми силами. Он только демонстрировал наступление, прощупывая оборону советских войск. Войска 16-й армии, обороняющиеся в полосе вдоль автостреды, дали достойный отпор противнику. Противник, понеся потери в людях и технике, прекратил атаки. На второй день на этом направлении противник ограничился ведением сильного огня, не предпринимая наступления.

В донесении 16-й армии от 3.10 было отмечено:

«1. Перед фронтом армии **противник имел свыше двух пд в первом и до восьми пд и двух тд во втором** (выделено мною. Эти устаревшие данные будут повторяться из сводки в сводку, сбивая с толку командование фронта. — Л.Л.).

В течение дня мощные огневые налеты. 7.00 — огневой налет. В 8.20 после артподготовки противник пытался перейти в атаку. Контратакой попытка противника сорвана. В 16.40 — атака силою до роты <...>»¹.

Из дивизий первого эшелона 16-й и 19-й армий на вземском направлении докладывали об успешном отражении атак пехоты и танков противника. Так, из левофланговой 50-й стрелковой дивизии полковника А.А. Бореико 19-й армии доложили, что «бойцы 2-го сп дивизии уничтожили 5 танков, а потом еще 2, которые утюжили окопы»².

В воспоминаниях участников тех давних событий, в том числе и в мемуарах К.К. Рокоссовского, приводится много героических эпизодов, свидетельствующих о подвигах советских воинов, уничтожавших танки противника на этом направлении. Назывались и цифры подбитых и сожженных бутылками «КС» вражеских боевых машин. Но в оперсводках данных об уничтоженных танках противника в первые дни операции на участке 16-й армии обнаружить не удалось. Видимо, и здесь над рукописью автора хорошо поработали редакторы. Не хочется думать, что все эти подвиги были придуманы помощниками, чтобы «оживить» воспоминания полководца. Скорее всего, они были просто перенесены из более позднего времени.

Вообще, в мемуарах многих известных военачальников, опубликованных в советское время, можно обнаружить удивительные вещи. Например, из воспоминаний командующего артиллерией 16-й армии В.И. Казакова узнаем, что, оказываясь, «потерпев неудачу 2 октября (имеется в виду — на участке армии. — Л.Л.), противник подтянул свежие силы и перешел в наступление на других направлениях» [47]. В действительности, перед фронтом трех дивизий 19-й и 16-й армий на участке шириной до 16 км оборонялась одна 255-я пехотная дивизия противника, которая огнем с занимаемых позиций

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 33. Л. 185, 186.

² Там же. 1159. Оп. 1. Д. 74. Л. 196.

поддерживала наступление 87-й пехотной дивизии 8-го ак и лишь иногда демонстрировала переход в наступление. В соответствии с планом операции «Тайфун» немецкие дивизии, расположенные между участками активных действий, должны были лишь демонстрировать наступление, сковывая противостоящие соединения русских, чтобы при обнаружении их отхода немедленно перейти в преследование.

Для меня так и осталось загадкой, каким образом немцам удавалось так долго обманывать командование Западного фронта. Пехотные дивизии первого эшелона, действующие на направлении главного удара, как правило, получали на усиление дивизион штурмовых орудий. Армейскому корпусу могли придать один или два дивизиона 150-мм или 100-мм орудий и для корректировки огня — аэростатную батарею. Сильная тяжелая артиллерия и многочисленные самоходные установки (штурмовые орудия) обеспечивали пехотным соединениям достаточную ударную силу. Однако данных об усилении 27-го армейского корпуса врага или его 255-й пехотной дивизии танками и штурмовыми орудиями в немецких архивах обнаружить не удалось. Но в составе соединений вермахта имелось множество гусеничных и полугусеничных бронированных машин с пушечным и пулеметным вооружением для поддержки и транспортировки пехоты на поле боя. При отражении вражеских атак наша пехота, не имевшая в то время значительного опыта в распознавании образцов немецкой бронетехники, могла спутать их с танками.

О характере боев на этом участке фронта красноречиво говорят данные о потерях 16-й армии за первую декаду октября: из строя выбыло всего 891 человек (да, всего, так как в числе убитых числилось 7 человек, а в графе «другие причины» — 554). Например, 3 октября в 12.20 Рокоссовский доложил, что противник в 8.30 начал артподготовку и в 9.15 перешел в атаку на фронте 112-й сд и в центре 108-й сд. Атака противника отбита, и части армии продолжают удерживать занимаемые рубежи. Видимо, об этой же атаке противника шла речь в оперсводке штаба 16-й армии от 4 октября:

«<...> на участке 112-й сд противник силами двух пехотных полков провел психические атаки, которые отражены. Наши потери: 4 убитых и 10 раненых. Трофеи: 2 миномета, одно орудие ПТО, 10 винтовок, 1500 патронов».

Немецкие БТР с 37-мм пушкой и 47-мм пушка
на самодвижущемся лафете

Об уничтоженных танках ни слова. Оказывается, и на стороне противника нашлись амбициозные генералы, пожелавшие отличиться перед начальством. Гальдер в своем дневнике 3 октября с неудовольствием отметил: «Бросок 255-й пехотной дивизии 27-го армейского корпуса оказался безуспешным и преждевременным, принесшим нам большие потери. Причина несвоевременного начала этого наступления — честолюбие командира корпуса генерала Вегера» [17]. Интересно, был ли наказан этот генерал, а если наказан, то как? У нас от таких «мелочах» в Ставку не докладывали. А если и докладывали, то так, чтобы получить за это награду.

Для командования Западного фронта успешные действия противника такого масштаба по прорыву подготовленной обороны и быстрому его развитию в глубину оказались неожиданными. Уже по результатам боя 2 октября и донесениям о вводе в бой крупных сил танков и мотопехоты на стыке ар-

Немецкий танк Т-III с 37-мм пушкой

мий генералов Хоменко В.А. и Лукина М.Ф. можно было сделать вывод, что противник сосредоточивает основные усилия на направлении Пречистое, Канютино. Но полностью исключить, что этот удар противника является лишь отвлекающим от главного удара вдоль автострადы, было преждевременно. Командующий фронтом, рассчитывая задержать противника за счет ввода в бой резервов дивизий и армий, не сразу принял контрмеры по решительному противодействию прорвавшейся группировке противника.

Контрудар Западного фронта. В итоговой сводке Западного фронта за 2.10 было отмечено, что противник развивает наступление в направлениях Белый и ст. Канютино. В то же время в ней по-прежнему отмечалось наличие на фронте 16-й армии до двух танковых дивизий противника. Конев в условиях неустойчивой связи с армиями не решался пустить в дело фронтовые резервы до того, как обстановка окончательно прояснится. Они по-прежнему находились в своих районах сосредоточения на вяземском направлении. Судя по всему, окончательно командующий Западным фронтом определился в обстановке лишь в ночь на 3 октября и в соот-

ветствии с планом операции принял решение на контрудар. К этому времени обстановка на канютинском направлении ухудшилась. Наша авиация обнаружила колонну противника глубиной 20 км головой у Крутицы — уже в 42 км от переднего края.

Конов решил с утра 3 октября ударами по флангам вклинившейся группировки силами фронтовых резервов и частей 30-й и 19-й армий с юга и соединений 30-й армии с севера разгромить противника и восстановить положение. На этот контрудар командование фронта возлагало большие надежды. 30-я армия должна была нанести удар силами 242-й сд и 107-й мд с севера в направлении Батурино и к исходу 4 октября восстановить фронт по р. Вотря. Действия этих дивизий объединил заместитель Хоменко генерал-лейтенант Муравьев. 19-я армия силами 89-й, 166-й и переданной ей из 16-й армии 214-й стрелковых дивизий должна была уничтожить группировку противника, переправившуюся через Вопь, и восстановить оборону по реке. Генералу Лукину была передана и 127-я танковая бригада в составе 56 танков (5 KB, 14 БТ и 37 Т-26) с дивизионом РС.

На основе указаний Конева командующий 30-й армией в 5.00 3.10 отдал боевой приказ:

«1. Противник подвижными частями продолжает развивать удар в направлениях: Батурино — Подселица и Боголюбово — Мартыново. Его пехотные части вышли на рубеж Крапивня, р. Осотня.

2. Правее группа Доватора ведет упорный бой с пехотными частями противника силою до двух пп <...>

30 армия во взаимодействии с группой Болдина наносит контрудар по прорвавшимся частям противника и уничтожает их в районе Батурино, Сметищи, Васильевское. К исходу дня восстанавливает положение и выходит на фронт р. Осотня <...>¹.

Но основную роль в контрударе должны были сыграть резервы фронта, объединенные в оперативную группу под командой заместителя командующего фронтом генерал-лейте-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 354. Оп. 2605. Д. 3. Л. 366—369.

нанта И.В. Болдина. В группу входили: 152-я стрелковая и 101-я мотострелковая (69 танков) и 45-я кавалерийская дивизии, 126-я и 128-я танковые бригады (в каждой по 61 танку). Позднее в нее были включена и 147-я танковая бригада (50 танков). Таким образом, в составе группы было не менее 240 танков. К сожалению, опергруппа не была усилена артиллерией и средствами ПВО. Конев приказал Болдину решительным ударом в северо-западном направлении окружить и разгромить группировку противника в районе Холм-Жирковский, Ленино, Канютино, ст. Никитинка (14 км западнее Канютино). Последующая задача — наступать в направлении Курбатово, Ефремово и восстановить фронт по р. Вопь. Авиации фронта была поставлена задача силами штурмовиков и пикирующих бомбардировщиков содействовать уничтожению противника перед фронтом группы Болдина, а истребителями прикрыть ее и 19-ю армию от ударов с воздуха¹.

Основные силы опергруппы Болдина к началу наступления противника располагались далеко в стороне от участка прорыва противника — по обе стороны автостреды. До района, где им предстояло разгромить его прорвавшуюся группировку, было от 45 до 55 км по прямой. Поэтому 3 октября, когда 107-я мотострелковая и 242-я стрелковая дивизии 30-й армии уже атаквали к югу от Белого левый фланг группировки Гота, войска опергруппы еще только выдвигались в назначенные районы. Об их положении можно судить по выдержкам из боевого приказа командующего опергруппой генерала Болдина № 1, подписанного им 3.10.1941 г.:

«1. Противник прорвал оборону 30 армии. Танковые группы силами 15 и 40 танков вышли в район Батурино, Верховье, Малышкино.

2. 30 А силами 107 мсд, 242 и 162 сд наступает в направлении Симоново (в 19 км восточнее бывшего переднего края обороны. — Л.Л.).

3. Опергруппа в составе 152, 251 сд 45 кд, 126 и 128 тбр, 101 мсд ликвидирует прорыв противника в направлении Канютино и восстанавливает положение 30 армии»².

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 82. Л. 200, 201.

² Там же. Д. 34. Л. 106, 107.

Согласно приказу, 45-я кд должна была сосредоточиться в районе Самусево, свх. Александровский в готовности взаимодействовать с 251-й сд по уничтожению противника. В этом же направлении выдвигалась и 126-я тбр в готовности взаимодействовать с 251-й сд и 45-й кд. 101-я мсд начала выдвижение в 3.00 3.10 по маршруту Анциперово, Булычева, Яковская, Новики, Лукашино. По выходе в район сосредоточения она должна была подчинить себе 126-ю тбр. 128-я тбр и 152-я сд должны были выйти в район в 6—8 км севернее и северо-западнее Холм-Жирковский в готовности к совместным действиям. Танковый полк 147-й тбр, составлявший резерв опергруппы, сосредоточивался в Холмянке (4 км восточнее ст. Вадино. — Л.Л.), к 11.00 3.10 — в Булычево (4 км восточнее ст. Яковская. — Л.Л.).

Обращает на себя внимание резко заниженный в приказе состав прорвавшейся группировки — всего 50—60 танков. Недооценка противника, несомненно, повлияла на решение Конева, в том числе и на содержание задачи опергруппы. В соответствии с приказом части выдвигались на север по двум направлениям, отстоящим друг от друга на 15—20 км и разделенным болотистым районом. Поскольку конкретных данных о положении противника не было, боевые задачи выдвигающимся соединениям опергруппы не были поставлены. Вероятнее всего, некоторые части опергруппы начали выдвижение до отдачи приказа Болдиным на основе его предварительных распоряжений. Кстати, 134-я стрелковая дивизия находилась на 20 км ближе к району, назначенному для 152-й. Но командующий фронтом не стал менять план контрудара. Возможно, он посчитал, что 134-ю сд целесообразнее использовать на вяземском направлении, где она уже подготвила оборонительный рубеж по р. Вопец севернее автостреды. Поэтому Конев передал ее в подчинение генерала Лукина с задачей занять оборону на участке Неелово (7 км западнее Вадино) и до автостреды на фронте 15 км.

Противник, используя свое превосходство в подвижности, упреждал наши войска в наращивании усилий на направлении достигнутого успеха: его части уже вышли в районы сосредоточения соединений опергруппы, указанные в приказе

(см. схему 5). Передовые группы танков Гота к 13.30 3 октября уже вели бой в районе ст. Канютино, Хутули (8 км северо-западнее Канютино. — Л.Л.).

Из донесения начальника гарнизона г. Вязьма генерала И.С. Никитина:

«3.10.45 передовые части противника в Бельково. На ст. Канютино начальник оперативного отдела 30-й армии и начальник артиллерии наводят порядок, на линии Щитики-Первые — Березовка — батальон курсантов и зенитный дивизион. Со 162 и 251 сд еще не связался. 720 сп 162 сд в районе Иголевская»¹.

В оперсводке штаба Западного фронта от 3.10.41 г. сообщалось, что 152-я сд, 126-я и 128-я тбр, 107-я мсд совместно с 30-й армией пытаются ликвидировать прорвавшиеся в направлении Канютино войска противника. Здесь штаб фронта выдал желаемое за действительное: доклад не соответствовал обстановке. Основные силы опергруппы еще только выдвигались в назначенные им районы. Лишь 128-я танковая бригада (3 КВ, 9 Т-34, 5 БТ и 52 Т-26, всего 61 танк), выдвинувшаяся по правому маршруту, в это время завязала бой с мотопехотой противника в районе Холм-Жирковский. Следовавшая за ней 152-я сд к 16.15 головой колонны только подошла к Николо-Погорелово (35 км южнее Холм-Жирковский), пройдя за 6 часов движения 30 км. 101-я мсд, имевшая в своем составе 69 танков (3 КВ, 9 Т-34, 5 БТ и 52 Т-26), к 16.00 прошла всего 28 км, до назначенного района ей оставалось пройти еще 40, но противник уже перехватил это направление в районе Тюкалово силами до моторизованного полка. 126-я тбр (1 КВ, 19 БТ и 41 Т-26, всего 61 танк), двигавшаяся впереди дивизии (она должна была поступить в распоряжение командующего 30-й армией), вступила в бой с противником, не дойдя 12 км до назначенного района сосредоточения (см. схему 5).

С 3 октября в районе Холм-Жирковский на правом (западном) берегу Днепра разгорелись ожесточенные бои. Управление частями группы осуществлялось распорядительным порядком, задачи ставились по радио или через делегатов связи. Кстати, напомним, что в распоряжение Болдина штаб

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 11. Л. 67.

фронта выделил всего две радиостанции. О ходе боевых действий в ходе контрудара сохранилось мало документов, многие из них были впоследствии уничтожены при выходе из окружения. Сам Болдин в своих воспоминаниях о боях под Вязьмой ограничился буквально четырьмя строчками. В 1961 г. не принято было вспоминать об этих трагических событиях, а ранняя смерть в 1965 г. не позволила ему вернуться к этой теме.

Тем не менее на основе того, что сохранилось, можно представить, как развивались боевые действия опергруппы генерала Болдина. Войска вводились в бой по частям, действуя на двух изолированных направлениях на фронте до 20—25 км. Ни на одном из них не удалось создать превосходства в силах над противником. Выдвигавшиеся впереди танковые бригады ввязались во встречные бои с противником в неравных для наших войск условиях, так как артиллерийские части стрелковых дивизий подошли значительно позже. На их действиях сказывалось и слабое прикрытие частей от ударов противника с воздуха. В таких условиях рассчитывать на выполнение задачи по разгрому вклинившейся группировки противника не приходилось.

Напомним, что командование вермахта, зная наши взгляды на ведение обороны, всегда уделяло особое внимание обеспечению флангов своих ударных группировок при прорыве обороны, особенно в тех случаях, когда противник еще не израсходовал свои резервы. На флангах участков прорыва немцы выставляли сильные противотанковые заслоны, сохраняя свободу маневра для танковых соединений. Гудериан подчеркивал, что в подобной обстановке «сама танковая часть ни при каких обстоятельствах не должна отклоняться от выполнения своей задачи». Гальдер, приводя в своем дневнике сообщение группы армий «Центр» о захваченном русском приказе, записал: «<...> русское командование стремится фланговыми ударами отрезать наши танковые соединения от пехоты. Теоретически эта идея хороша, однако осуществление ее на практике возможно лишь при численном превосходстве и превосходстве в оперативном руководстве <...>» [17]. Как видим, на нашей стороне не было ни численного превосходства, ни превосходства в оперативном руководстве. Противник, ожидавший контрудар фронта по флангам своей ударной группировки, своевременно обнаружил

наши резервы и принял соответствующие меры. Его авиация нанесла удары по выдвигающимся колоннам. На южном фланге танковой группы были развернуты противотанковые средства и артиллерия 6-й танковой дивизии. В целях отражения контратак русских противник использовал закопанные танки, хотя немцы в принципе избегали применять их для борьбы с танками противника. Затем сюда подошли части 129-й пехотной дивизии. Одновременно части 5-го армейского корпуса, расширяя прорыв, стали обходить заболоченный район между реками Вопь и Света, стремясь выйти во фланг опергруппы Болдина.

4 октября 8-й авиакорпус врага совершил 152 самолето-вылета пикировщиков и 259 рейдов бомбардировщиков. Основные усилия авиации были направлены против выдвигающихся резервов Западного фронта. С целью срыва маневра силами и перевозок по важнейшей железнодорожной рокад самолеты противника нанесли удары и по станциям Угра и Ржев. Судя по данным ЦАМО, 4 октября в воздухе разгорелись наиболее ожесточенные бои. Наша авиация произвела 328 самолето-вылетов, из них для прикрытия своих войск — 221 и для ударов по наземным целям — 62. Было сбито, по различным данным, 28—31 самолет противника, при этом потеряно 11 своих. Согласно немецким архивным данным, авиация 8-го авиакорпуса, действующего в этом районе, потеряла всего 4 самолета. Столь незначительный урон объясняется активными действиями «мессершмиттов», которые прикрывали свои ударные самолеты и наземные войска, действуя группами по 12—20 машин. Советским бомбардировщикам и штурмовикам, летавшим небольшими группами по три-шесть машин, было трудно пробиться к намеченным целям [35]. Летчики 6-го иак, который оставался в оперативном подчинении командования ПВО Москвы, за три дня — со 2 по 4 октября — совершили 1014 самолето-вылетов, из них непосредственно на штурмовку колонн мотомехчастей противника — только 178 (менее 18% от их общего количества). Но через несколько дней Сталин вообще запретил брать «из частей ПВО г. Москвы как подразделения, так и материальную часть без специального разрешения Народного комиссара обороны»¹.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 11. С. 41, 43.

По официальным немецким данным, соединения 8-го авиакорпуса со 2 по 5 октября включительно произвели около 2500 самолето-вылетов, потеряв, по неполным данным, 21 машину. Вопреки советской информации об ожесточенном воздушном сражении 4 октября, немецкие источники считают наиболее кровопролитным днем 2 октября, когда из строя было не менее десяти самолетов всех типов (здесь учтены и потери самолетов-разведчиков) и восьми членов экипажей. Видимо, советские силы ПВО наиболее согласованно действовали в первый день операции в условиях стабильной линии фронта, не испытывая при этом перебоев в подаче боеприпасов.

За это же время летчики фронтовой и армейской авиации Западного фронта выполнили днем 1399 самолето-вылетов (в том числе на бомбежку и штурмовку вражеских войск — 383, или 27% от общего числа), потеряв 36 самолетов. При выполнении 173 ночных вылетов наша авиация потеряла два бомбардировщика (один скоростной СБ и один тяжелый ТБ-3). 3 октября группа самолетов 47-й сад фронта в составе трех Ил-2 215-го шап под прикрытием шести МиГ-3 из 129-го иап нанесла бомбоштурмовой удар по мотомехколонне войск противника в районе д. Карпово. Сбросив 12 бомб ФАБ-50 и выпустив 24 РС-132 и 1000 снарядов к пушкам ШВАК, группа уничтожила и повредила до 12 автомашин с грузом и 2—3 батареи полевой артиллерии. Но в целом части ВВС фронта не смогли оказать действенного противодействия воздушному противнику. Так, для прикрытия частей опергруппы Болдина удалось направить только 12 машин из 43-й авиадивизии. В их числе было и звено истребителей ЛаГГ-3 с 37-мм пушками Шпитального. Однако мощное вооружение не удалось использовать в полной мере из-за многочисленных производственных и конструктивных дефектов самолетов. Однако конструктор пушки Б.Г. Шпитальный считал, что применение нового оружия в боевых условиях прошло успешно, и доложил Сталину об уничтожении пяти средних немецких танков [35].

Из донесения генерал-лейтенанта Калинина 4 октября в 19.50:

«101 мсд со 128 тбр заняла Холм-Жирковский, уничтожено до 40 танков противника. Между 16 и 17 часами на моих глазах нашими истребителями сбито 4 самолета противника»¹ (до-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 11. Л. 63, 64.

вольно редкий случай, когда наши данные почти совпали с немецкими архивными документами: 8-й авиакорпус врага действительно потерял в этом районе 4 октября три Ю-87).

В боях у Холм-Жирковского бойцы и командиры 128-й танковой бригады показали образцы мужества и героизма. Они отразили три танковые атаки, поддержанные пехотой 6-й танковой дивизии противника, который потерял 5 танков сгоревшими и до 38 подбитыми. Так, четыре танка 128-го танкового полка бригады под командой капитана Таринова и три танка КВ под командой командира батальона т. Корпенко огнем с места во фланг противнику уничтожили 11 его танков. Комиссар 1-й роты 1-го батальона полка политрук т. Солдатов повел в атаку два танка КВ и в течение 20-минутного встречного боя уничтожил и подбил 5 танков противника. При этом экипажи двух вражеских танков бросили машины и, не заглушив моторы, бежали¹.

Несмотря на самоотверженные действия танкистов, передовым отрядам танковых дивизий противника к исходу 3 октября удалось прорваться к Днепру и с ходу захватить мосты через реку у Глушково (5 км восточнее Холм-Жирковский) и у Тиханово — в 4 км ниже по течению. Это произошло в полосе обороны 248-й стрелковой дивизии 49-й армии, которая только в этот день получила приказ прекратить погрузку в эшелоны и вновь занять свои позиции. Очевидно, в связи с возникшей неразберихой мосты не успели взорвать.

Лишь 4 октября Болдину удалось ввести в бой остальные силы опергруппы. В районе Холм-Жирковский и западнее развернулись тяжелые бои, в результате которых удалось лишь замедлить продвижение соединений Гота. Согласно донесениям, 152-я стрелковая дивизия перешла в наступление с 12.00 4.10 в северо-западном направлении. К 17.00 части дивизии вели бой с обороняющейся пехотой и окопанными танками противника юго-западнее Холм-Жирковский на фронте 12 км. Прорваться к дороге не удалось. Более того, в результате контратак противнику удалось несколько потеснить части дивизии несколько южнее. На следующий день дивизия возобновила атаку на фронте 3 км и, согласно донесению, стала медленно продвигаться вперед. В это время 126-я танковая

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 17. Л. 74.

бригада наступала на Игоревскую, отражая контратаки противника со стороны Комягино.

В контрударе должны были принять участие и войска 19-й армии, которую от группы генерала Болдина отделял заболоченный район шириной до 15 км. В ее полосе противник продолжал развивать наступление в двух направлениях: Дедово, Бердяево (по оценке командарма — силами 28 и 23-й пд и 257-го пп) и Дедово, Брюхачи. Части армии оказывали врагу упорное сопротивление, неоднократно переходя в контратаки. Но задачи, поставленные командармом, выполнить не удалось. 3 октября после интенсивной артподготовки на всем фронте армии противник силой до дивизии (в действительности здесь наступали части трех пехотных дивизий), несмотря на упорное сопротивление наших войск, к 9 часам овладел районом Печеничено, Бухвалово, Новоселки.

Генерал Лукин решил (боевой приказ № 065, КП — Гаврилово) контрударом с 12.00 4.10 восстановить оборону по восточному берегу р. Вопь. 89-я сд должна была наступать в направлении Балыки, овладеть рубежом Улынская, Печеничено; 91-я сд — рубежом Печеничено, Завозни; 166-я сд и 127-я танковая бригада — в направлении Авдюково, Булухи, Неелово (3 км юго-восточнее Капыревщина), Балыки, то есть вдоль реки. Но к этому времени правофланговые 244-я и 91-я сд были фактически полностью вытеснены противником из занимаемых полос обороны. В связи с угрозой охвата правого фланга армии генерал Лукин посчитал нецелесообразным участие в нанесении фронтового контрудара. Он поставил задачу командирам 89, 214 и 166-й сд и 127-й танковой бригады быть в готовности контратаковать противника на следующий день — с 9.00 5.10¹. От 91-й сд командарм потребовал прочно обеспечить свой фланг и удержать занимаемый рубеж, «отражая атаки противника так же стойко, как она это делала в течение 2, 3 и 4.10».

По немецким данным, 28-я пехотная дивизия 8-го армейского корпуса 4 октября захватила выход из лесного массива, расположенного восточнее р. Вопь, где на единственной дороге, ведущей в тыл, скапливались отходящие колонны рус-

¹ Вошедшая в состав армии 214-я сд имела на вооружении: пулеметов станковых — 15, ручных — 96, зенитных — 2, орудий — 8, минометов — 8, автотранспортом укомплектована на 52%.

ских. Главные силы дивизии, продвигаясь к Неелову, наткнулись у Бердяево (20 км северо-западнее переправы через р. Вопец у Неелово. — Л.Л.) на сильного противника, удерживавшего опушку леса. Здесь произошел самый ожесточенный бой всего сражения. Батальон 49-го пехотного полка обошел противника по лесу и вышел к Слащеву в тылу вражеского арьергарда. 5 октября на левом фланге дивизии разгорелся ожесточенный бой против крупных сил противника с танками. Один батальон вынужден был отойти, но контратакой русские были опрокинуты. Остатки их отошли через Неелово на восток. В это время части 87-й пехотной дивизии очистили треугольник между р. Вопь и ручьем Царевич, наконец, открыв путь 255-й пехотной дивизии.

Видимо, именно этот эпизод имел в виду генерал Лукин, когда рассказывал о «ловушке», устроенной гитлеровцам на единственной дороге в лесном массиве северо-западнее Неелово. По его словам, огнем из засады было уничтожено и подбито 10 танков противника и более сотни автомашин и бронетранспортеров противника. Вся дорога была буквально усеяна подбитой вражеской техникой. Естественно, стороны разошлись в оценке результатов этого боя. Но слова «самый ожесточенный бой всего сражения» и необходимость обхода русских по лесу говорят сами за себя. Противнику под прикрытием сильного артминогня удалось овладеть Слащеву, глубоко охватив правый фланг армии. Несмотря на сильный нажим 28, 8 и 87-й пехотных дивизий 8-го армейского корпуса армия в течение 4 суток отражала их атаки, не допустив выхода противника в тыл 16-й и 20-й армий. Войска генерала Лукина, сдерживая натиск превосходящих сил противника, вынуждены были отходить, но ни разу они не допустили прорыва своей обороны. Так что, вопреки довольно распространённому мнению, почерпнутому из мемуаров военачальников и некоторых публицистов (его придерживался до изучения архивных документов и автор), 19-я армия была почти полностью вытеснена из занимаемой ею полосы обороны (за исключением небольшого участка по р. Вопь южнее Харино). Армия и 5 октября продолжала удерживать рубеж севернее автостреды в 8—12 км от нее.

Кстати, согласно оперсводке штаба фронта на 20.00 4.10, против 19-й армии действовало до семи пехотных дивизий и 150 танков противника, против 30-й армии — до танковой ди-

визии и против группы Болдина — до 100 танков¹. При первых неудачах в начале сражения некоторые командиры и командующие в своих докладах преуменьшали силы противника, прорвавшиеся в глубину обороны, в надежде поправить дело. Теперь, когда скрывать реальное развитие обстановки стало невозможно, они бросились в другую крайность — стали преувеличивать его силы, чтобы оправдать свои дальнейшие неудачи и обосновать свои просьбы о помощи. Недостовверные доклады не позволяли вышестоящим инстанциям адекватно оценивать складывающуюся обстановку и принимать верные решения. Напомним, что в 3-й танковой группе Гота было всего три танковые дивизии и одна моторизованная (еще одна — 14-я мд — находилась в резерве 9-й армии). На первом этапе операции немецкое командование не могло позволить танковым дивизиям действовать на широком фронте. Их использовали в компактной группировке на главном направлении. Тем более что 6-я и 7-я танковые дивизии 56-го мк оторвались от пехоты. Прикрывшись частью сил, в том числе подошедшими частями 129-й пехотной дивизии, от группы генерала Болдина, они стремились с ходу преодолеть оборонительный рубеж русских на восточном берегу Днестра, чтобы как можно скорее прорваться к намеченной цели — Вязьме. На этот счет имелось четкое указание командования группы армий «Центр»:

«Следует стремиться нанести удар подвижными частями по позициям противника на Днестре с целью их прорыва, прежде чем он изготавится к их обороне крупными силами (выделено мною. — Л.Л.). Если осуществить это с ходу не удастся, следует перейти к планомерному прорыву вражеских позиций»².

Таким образом, в условиях господства авиации противника в воздухе, его превосходства в силах и маневренности на земле контрудар Западного фронта не достиг поставленной цели. Решение на контрудар было принято с опозданием. Уступая врагу в подвижности, наши войска запоздали с сосредоточением сил и нанесением удара — противник прорвался к Холм-Жирковскому. Уже при выдвижении к участку прорыва войска, в первую очередь танковые бригады, подверглись

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 10169. Д. 14. Л. 128—133.

² NARA. T312, R150, F7689143 (документ из фонда 4-й армии противника, в котором говорится о задаче 3-й танковой группы. — Л.Л.).

ударам с воздуха и понесли потери. Соединения опергруппы генерала Болдина вводились в бой по частям, что позволило противнику последовательно отражать их удары. На направлении контрудара не удалось создать превосходства в силах и средствах. Войска группы 4 октября вели бой на фронте 22—25 км. Силами только штатных артчастей и подразделений эффективную артиллерийскую подготовку и поддержку наступления организовать не удалось. Не было должным образом организовано и взаимодействие между танковыми и стрелковыми частями оперативной группы по времени и по направлениям атак. Не смогли оказать эффективную поддержку наступления частям опергруппы и ВВС фронта. В результате войскам генерала Болдина не удалось выполнить и ограниченную, но важную задачу — перерезать единственную в этом районе дорогу с относительно твердым покрытием Батурино, Холм-Жирковский и воспрепятствовать форсированию Днепра. И все же активные действия фронтовых резервов позволили на какое-то время сковать главные силы 3-й танковой группы противника, нанести ей потери и задержать ее продвижение. К сожалению, как мы убедимся далее, выигранное дорогой ценой время было использовано не лучшим образом.

Попытаемся взглянуть на описываемые события со стороны противника:

«3. 10: Части 56-го мк разгромили в районе западнее Холм (так назывался на старых картах, которыми пользовался противник, г. Холм-Жирковский¹. — Л.Л.) вражеские моторизованные соединения, совершающие марш на север. <...> Во второй половине дня 3. 10 танковая бригада, ведя непрерывные бои, прорвалась к Днепру восточнее Холм, где захватила в неповрежденном состоянии два моста».

Но уже 4. 10 в разведсводке восточнее Холм отмечаются сильные атаки «разгромленного» противника:

«Южнее Холм оказывает ожесточенное сопротивление 101 тд (ее боеспособность значительно превышает средний уровень)»².

¹ В штабах корпусов, армий, танковых групп и выше немцы использовали копии русских карт 1911 года издания масштаба 1:300 000 (полосы W, X и Y, номера листов 54—56).

² ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 231. Л. 41—63.

Выдержка из отчета о боевых действиях 3-й танковой группы в октябре 1941 г., составленном позднее:

«Южнее Холм разгорелось танковое сражение с подошедшими с юга и севера русскими танковыми дивизиями, которые понесли ощутительные потери под ударами частей 6-й танковой и 129-й пехотной дивизий, а также от авиационных налетов соединений 8-го авиакорпуса. Противник был здесь разбит в ходе многократных боев.

Однако это наступление сорвалось из-за плохого снабжения 3-й танковой группы. В связи с тяжелыми дорожными условиями 4 октября 3-я танковая группа оказалась почти без горючего, и наступление танковых дивизий захлебнулось. Предложение командования 2-го воздушного флота доставить ей горючее было отклонено, так как танкисты считали, что смогут организовать подвоз собственными силами. Однако, когда транспортные колонны окончательно застряли на непроходимых дорогах, вечером 4 октября командование танковой группы все же было вынуждено обратиться за помощью к авиации. Таким образом, было потеряно более суток, и соединения 3-й танковой группы получили возможность продолжить наступление только во второй половине дня 5 октября» [48].

Как обычно, задержку с продолжением наступления немцы списали на плохие дороги и недостаток горючего. На самом деле причина заключалась в том, что Гот не решился на переправу основных сил танковой бригады на другой берег Днепра, не отразив контрудар группы Болдина, для чего ему пришлось выделить значительные силы. Атаки наших войск немцы отражали огнем с места, в том числе используя окопанные танки. Войска опергруппы генерала Болдина в течение 4 и 5 октября продолжали атаки с целью отвлечь хотя бы часть сил противника с главного направления, задержать его, чтобы выиграть время для усиления обороны на Ржевско-Вяземском рубеже. Удалось найти подтверждение того, что г. Холм-Жирковский 4 октября минимум дважды переходил из рук в руки. Собственно, это не отрицает и бывший командующий 3-й танковой группой генерал-полковник Гот:

«Прорыв в направлении Новоселки — Холм — Вязьма планировалось осуществить сосредоточенными силами 3-й танковой группы, которой были переподчинены соседние 5-й и

6-й армейские корпуса. Соппротивление противника на участке прорыва танков оказалось менее упорным, чем ожидалось. Танковые части 56-го танкового корпуса быстро прорвались через лесистый район вдоль реки Вопь, на полпути между Новоселками и Холмом. Упорные бои развернулись юго-западнее Холма [-Жирковского]. **Сюда с юга подошла танковая бригада русских, которая сражалась не на жизнь, а на смерть. Эти бои задержали форсирование Днепра»** (выделено мною. — Л.Л.) [32].

Бои в районе г. Белый. После прорыва обороны 30-й армии противник частями 6-го армейского и 41-го моторизованного корпусов стал развивать наступление в направлении города. Остановить его контратаками не удалось. Для организации обороны города и координации действий наших войск в этом районе туда был направлен генерал Н.Ф. Лебеде́нко с группой штабных работников в составе трех человек, но, к сожалению, без средств связи. Он должен был принять все меры, чтобы не допустить продвижения противника в направлении Сычевки. По докладу Лебеде́нко, в его распоряжении на 10.00 3.10 осталась одна 53-я кавалерийская дивизия из группы Доватора, оборонявшаяся на фронте до 18 км. В ней насчитывалось всего 1100 бойцов (по штату — 3476 чел.), 5 45-мм орудий, 18 станковых и 27 ручных пулеметов¹. То есть по боевому составу она равнялась одному кавполку (по штату — 1098 чел.). По докладу командира дивизии комбрига К.С. Мельник, в дивизии имелось еще 800 всадников без оружия. Требовалось срочно поставить дивизии 800 винтовок, а также усилить ее хотя бы одним артдивизионом и одним стрелковым полком.

В район города по приказу командующего фронтом перебрасывалась 29-я моторизованная бригада² 29-й армии, которая совместно с кавалерийской дивизией должна была занять подготовленный оборонительный рубеж и обеспечить удержание города. Но бригада не была укомплектована автотранспортом, поэтому основной ее состав, в том числе три

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 75. Л. 1.

² Мотобригада 29-й армии на 20 сентября насчитывала 5766 человек, на вооружении имела: пулеметов станковых — 36, ручных — 101, орудий — 25 (по другим данным — 36), минометов — 30, танков — 2.

батальона из четырех, сначала перевезли по железной дороге на восток — от ст. Замощье до ст. Нелидово (45 км севернее Белый). А уже оттуда части бригады начали выдвигаться в основном пешим порядком и лишь частью на машинах к г. Белый. Лишь один батальон с артбатареей к 14.00 4.10 вышел в район леса 4 км севернее города, где попал под бомбежку и потерял до 50 человек убитыми и ранеными, а также несколько автомашин. Когда передовой батальон мотобригады к 17.00 4 октября подошел к городу, южная часть его уже была в руках противника. Артполк бригады был задержан на подступах к городу ударами авиации противника до 19.30 4.10. К утру 5 октября подошел еще один батальон мотобригады. Бригада силами двух батальонов совместно с подразделениями 53-й кавалерийской дивизии с трудом сдерживала наступление противника на северо-восточной окраине города. Ее 3-й батальон был на подходе, 4-й еще находился в Нелидово. В направлении г. Белый отходила 250-я стрелковая дивизия, но она так и не дошла до города. В течение 4 октября авиация противника трижды бомбила части дивизии, а также 53-ю кавдивизию и сам город. В налетах участвовало до 170 самолетов тремя группами — 40, 50 и 80 самолетов. Части 250-й сд были рассеяны и не сумели занять оборудованные позиции бельского противотанкового района. Имевшимися в распоряжении генерала Лебедева силами поставленную задачу по удержанию города выполнить не удалось¹.

Положение на бельском направлении еще более ухудшилось после отражения противником контрудара 30-й армии в районе западнее Канютино. 107-я мотострелковая и 251-я стрелковые дивизии понесли большие потери и были отброшены в восточном направлении. 5 октября в 7.19 генерал Хоменко доложил в штаб фронта, что 280-я и 242-я сд и 107-я мсд вторые сутки дерутся в окружении. Боеприпасы отсутствуют. 4 октября г. Белый захвачен противником. 29-я тбр (имелась в виду 29-я мотобригада. — Л.Л.) до сих пор не прибыла. Ввиду сложившейся обстановки командир запросил разрешение на выход из окружения всеми перечисленными частями в северо-восточном направлении².

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 217. Л. 11.

² Так же. Д. 34. Л. 105.

И все-таки упорное сопротивление наших войск на бельском направлении сыграло свою роль. 41-й моторизованный корпус, продвижению которого сильно препятствовали плохие условия местности и недостаток артиллерии, не смог в первый день наступления захватить Холм (у Батурино, что в 30 км юго-западнее Белый. — Л.Л.). По свидетельству Гота, 4 октября с выходом корпуса в район южнее города его развернули фронтом на восток. Задачу по овладению городом возложили на 6-й армейский корпус. Его части также очень медленно продвигались на север, преодолевая сильное сопротивление русских, которые, как всегда, оказывали ожесточенное сопротивление, главным образом на основных дорогах и в крупных населенных пунктах. Бои на подступах, а затем и за сам г. Белый вынудили противника направить соединения 41-го моторизованного корпуса, в составе которого была 1-я танковая дивизия, на юг через Комары, где он мог использовать успех 56-го моторизованного корпуса.

Ну а Гальдер по-своему интерпретировал этот факт:

«Командование танковой группы Гота жалуется на недостаточную подвижность 1-й танковой дивизии, действующей на северном фланге танковой группы. Ничего удивительного в этом нет: дивизия недавно прибыла из-под Ленинграда, где она вела тяжелые бои и совершенно не имела времени, чтобы отдохнуть и привести себя в порядок» [17].

К исходу 3 октября части 3-й танковой группы Гота продвинулись на 50—55 км. Противник продолжал наращивать силы на захваченных плацдармах: 7-я тд — на глушковском, 6-я — у Тиханова. До Вязьмы им оставалось пройти 55—60 км. Оборона Западного фронта практически была прорвана на всю глубину, между 30-й и 19-й армиями образовался разрыв шириной 30—40 км. Три его армии — 19, 16 и 20-я — оказались глубоко охваченными с севера.

В полосе Резервного фронта противник нанес удар силами пяти корпусов 4-й армии генерал-фельдмаршала Г. фон Клюге и 13-го армейского корпуса 2-й армии генерал-полковника М. фон Вейхса, в составе которых было 15 дивизий, из них 4 танковых (всего не менее 600 танков). Одиннадцать вражеских дивизий, из них две танковых, при мощной поддержке артиллерии и авиации атаковали на фронте до 60 км, нанося главный удар на участке между Варшавским шоссе и железной дорогой

Командующий 4-й армией
генерал-фельдмаршал
Г. фон Клюге

Командующий 4-й танковой
группой генерал-полковник
Э. Гепнер

на Киров — в стык Резервного и Брянского фронтов. Роль танкового тарана исполняла 4-я танковая группа генерал-полковника Э. Гепнера в составе 46-го и 40-го моторизованных корпусов, прорывавших оборону на участке до 23 км (10-я танковая дивизия наступала в полосе 3 км). Наиболее сильный удар обрушился на левофланговую 53-ю стрелковую дивизию 43-й армии Резервного и соседнюю 217-ю дивизию 50-й армии Брянского фронтов (см. схему 6).

Командующий 43-й армией генерал-майор П.П. Собенников сосредоточил основные усилия на левом фланге, где ожидался главный удар противника. Танкоопасное направление вдоль шоссе прикрывала наиболее сильная по составу 53-я стрелковая дивизия, оборонявшая полосу шириной 24 км¹. Передний край обороны проходил по р. Десна. В полосе обороны армии на танкоопасных направлениях были оборудованы участки противотанковых рвов шириной 7,5 метра понижу, 3,5 метра глубиной. Кроме рвов, на склонах холмов и берегах рек и речушек были устроены эскарпы и контрэскарпы, уста-

¹ В 53-й сд насчитывалось 12 236 человек, 356 пулеметов, 95 орудий и минометов, 18 противотанковых и 4 зенитных орудия.

новлены проволочные заграждения. Боевой порядок дивизии был построен в два эшелона, глубина обороны составляла 6—8 км. В пределах полосы обороны готовились три противотанковых района, но к началу наступления противника удалось оборудовать только один, который располагался в 4—6 км от переднего края обороны. В его состав были включены 4 ПТО и обе зенитные батареи. За 53-й дивизией во втором эшелоне армии заняла оборону 149-я стрелковая дивизия. Тем не менее и тактическая, и оперативная плотность сил и средств на направлении главного удара противника оказалась недостаточной для отражения его атак.

Командующий 2-й армией
генерал-полковник М. фон Вейхс

В 8.50 2.10.1941 г. штаб Резервного фронта доложил, что в 6.15 на всем фронте 43-й армии противник открыл ураганный артминогонь и с 6.30 перешел в наступление силою до батальона пехоты в районе Новосельцы и до батальона в центре. Захватил Серебрянка¹. Согласно донесениям, в полосе 222-й стрелковой дивизии наступало до пехотной дивизии противника, в полосе 211-й — до полутора дивизий с танковым батальоном. На участке 53-й сд противник ввел в бой до двух пд с двумя батальонами танков, нанося главный удар южнее Варшавского шоссе. Преодолев нашу оборону пехотными частями при поддержке танков и авиации, противник уже к полудню ввел в бой танковую и моторизованную дивизии, которые стали развивать наступление на Спас-Деменск.

В действительности противник нанес удар силами шести корпусов. Фланги 40-го и 46-го корпусов обеспечивали соединения 12-го и 7-го пехотных корпусов, усиленные баталь-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 173.

онами штурмовых орудий¹. 57-й моторизованный корпус врага в составе 20-й танковой и двух моторизованных дивизий (3-я и мд СС «Рейх») действовал во втором эшелоне 4-й танковой группы в готовности нарастить усилия на главном направлении. Всего на спас-деменском направлении против левого крыла Резервного фронта (43-я армия) против 5 советских дивизий действовало 17 дивизий противника, из них 4 танковые. Противник создал на участке прорыва превосходство в артиллерии в 12 раз и по танкам в 8 раз. Соединения 9-го армейского корпуса, противостоявшие 24-й армии генерала Ракутина в районе Ельни, особой активности в этот день не проявляли.

53-я стрелковая дивизия, не выдержав удара, своим левым флангом отошла в лес северо-западнее Жилино. К 14.30 группа до 100 танков прорвалась в глубину обороны в направлении Липчаты, Мамоновка (22 км северо-западнее ст. Бетлица), продолжая движение на северо-восток. Противник занял ст. Бетлица, что в 22 км от переднего края, а в 17.00 до 40 танков противника двумя колоннами прорвались в Осиповка 1-я, Забудская. Командующий 43-й армией решил, прикрывшись с фронта одним стрелковым полком, главными силами 149-й стрелковой дивизии во взаимодействии с 149-й танковой бригадой уничтожить противника, наступающего вдоль Варшавского шоссе. Он приказал также 144-й тбр, видимо, переданной ему распоряжением командующего фронтом, к 19.00 сосредоточиться в районе Уварово в готовности к участию в контратаке².

Напомним, что в отличие от Западного фронта, где из четырех имеющихся танковых бригад только одну придали 16-й армии (в качестве танкового резерва), командующий Резервным фронтом три танковые бригады придал армиям. Это сузило его возможности по наращиванию усилий на угрожаемом направлении. Маршал Буденный, доложив 2 октября Ставке о вклинении противника в оборону, высказал свое предложение по его разгрому:

¹ 7-й ак, в полосе наступления которого ожидался контрудар русских, был усилен 559-м и 616-м противотанковыми батальонами. Его 23-й и 197-й пд были приданы 191-й и 203-й батальоны штурмовых орудий. 12-й ак был усилен одним таким батальоном.

² ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 174, 175.

«1. Противник в 6.30 2.10 силою шести пд с танками на всем фронте 43 А перешел в наступление и, прорвав передний край на всем фронте 211 и 53 сд, к 14.00 2.10 **вклинился в тактическую глубину на 4—6 км** (выделено мною. — Л.Л.).

2. Атаки противника на Западном фронте отбиты (оказывается, врали не только «наверх», но и соседям — из лучших побуждений, конечно. — Л.Л.).

3. Для ликвидации прорыва противника на фронте 43-й армии, полагаю, целесообразно снять 2, 8 и 29 сд 32-й армии с занимаемого рубежа, 106 сд и 144 тбр 24-й армии, находящиеся в армейском резерве, и сосредоточить в районе Барсуки (на р. Снопоть в 3 км севернее Варшавского шоссе. — Л.Л.), Бабичи, Хотеевка, Ширково, Камень с задачей, в соответствии с обстановкой, нанести удар или в направлении Ивановка, Ново-Словени и далее на юг вдоль р. Десна, или Хотеевка, Лежневка и далее вдоль р. Шуйца. 148 тбр и 149 сд наносят удар с юго-востока или юга по обстановке. Объединение действий 2, 8, 29, 106 сд и 144 тбр возложить на командира 32 (командующего 32-й армией — Л.Л.).

4. Перегруппировка при использовании автотранспорта и движении днем потребует 2 — 2,5 суток. При движении только ночью — 3—3,5 суток.

5. Прошу утвердить предлагаемое мероприятие и обеспечить удар этой группы (так в тексте. — Л.Л.) авиацией Главного командования»¹.

Буденный в своем докладе сгладил напряженность обстановки на левом крыле фронта. На самом деле к 17 часам главная полоса обороны фронта, по существу, была прорвана. Решение о нанесении контрудара по флангам вклинившейся группировки противника, правильное с теоретической точки зрения, практически было неосуществимо, так как для столь масштабного маневра резервами требовалось много времени. Три указанные стрелковые дивизии 32-й армии находились на вяземском направлении в районе Дорогобуж и севернее, примерно в 90—100 км от указанного района сосредото-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 178510. Д. 29. Л. 399.

чения. Не совсем понятно, во-первых, на что рассчитывал Буденный: ведь он хорошо знает, что у фронта своего автотранспорта для столь масштабной перегруппировки не хватит. Его нет в достаточном количестве и у бывших дивизий народного ополчения. Где будет через двое суток противник, если он за 8 часов прорвал тактическую зону обороны и вышел к обороне дивизий второго эшелона фронта? Возможно, он рассчитывал задержать продвижение противника силами вторых эшелонов и резервов армий первого эшелона. И второе. Каким образом можно наносить контрудар с юга, если противник прорвался на южном крыле фронта — повернуться к нему спиной? Или Буденный не знал обстановки в полосе соседней 50-й армии Брянского фронта?

Ее соединения также были атакованы на всем фронте, но наибольшего успеха противник добился только в полосе правого фланга 217-й стрелковой дивизии¹. Стрелковый полк, оборонявшийся на стыке с 53-й дивизией 43-й армии, не выдержал сосредоточенного удара и в панике отошел. Поддерживающий его дивизион 668-го артполка потерял в первые же часы 12 орудий². Панике поддались и те, кому по должности полагалось бороться с ней. Согласно записи в дневнике начальника особого отдела 50-й армии, встретившийся ему в районе Брянска комиссар 217-й стрелковой дивизии следующими словами рассказал о разгроме дивизии: «2.10.1941 г. немцы провели усиленную артподготовку, разбили пулеметные гнезда и перешли в атаку. Немецкая авиация не давала нашим возможности развернуться. В результате дивизия разбита. 766-й полк, находившийся на правом фланге, потерян. <...> От 755-го полка осталось человек 20. Дивизия потеряла руководство. Красноармейцы оставлены на произвол судьбы». Этот политработник в панике сам бросил свою часть. А дивизия, даже понеся большие потери, продолжала сражаться с врагом.

События в полосе фронта развивались самым угрожающим образом. Войска 4-й армии и 4-й танковой группы неожиданно легко преодолели оборону 43-й армии на рославльском направлении. К исходу 2 октября передовые со-

¹ 217-я сд, обороняясь в полосе 46 км, имела в своем составе 11 953 человек, 360 пулеметов, 144 орудия, в том числе 18 противотанковых.

² ЦАМО РФ. Ф. 50 А. Оп. 9769. Д. 1. Л. 9.

единения танковой группы Гепнера после прорыва обороны, продвинувшись на 40 км, нанесли удар по соединениям второго эшелона Резервного фронта — 33-й армии комбрига Д.П. Онуприенко. Одновременно войска 2-й армии силами 13-го ак нанесли удар в направлении Жиздры, стремясь охватить правый фланг 50-й армии Брянского фронта. Командование фронта принимало меры по противодействию противнику, но в условиях полного господства его авиации в воздухе маневр резервами был затруднен.

Успешные действия ударной группировки врага во многом объяснялись активными действиями его авиации. Хорошая погода, установившаяся к началу октября, благоприятствовала массированному использованию авиации на направлениях действий всех трех танковых групп фон Бока. Всего в боевых действиях на начальном этапе операции «Тайфун» приняло участие 1387 самолетов 2-го воздушного флота. Офицеры авиасоединений сопровождали наступающие части 4-й танковой группы генерала Гепнера на специально оборудованных бронетранспортерах с мощными радиостанциями. Вместе с ними находились наблюдатели ВНОС и наводчики самолетов на цель. Прикрытие от ударов с воздуха подвижных соединений группы осуществляли части 2-го корпуса ПВО. Характерно, что средства ПВО у немцев входили в состав люфтваффе. Это способствовало более тесному взаимодействию при решении задач по прикрытию войск и других важных объектов от ударов противника с воздуха. В то же время зенитная артиллерия, прикрывающая войска, при необходимости активно участвовала в отражении контрударов и контратак его наземных частей.

10-я сад 43-й армии не смогла надежно прикрыть обороняющиеся войска¹. Попытка восстановить положение контрударом силами 149-й стрелковой дивизии при поддержке 148-й танковой бригады была сорвана авиацией противника. В донесении об этом было сказано так: «Авиация противника в количестве 45 самолетов с 14 до 17.00 штурмовала 149 сд и не давала ей подняться и приступить к выполнению задачи»².

¹ В 10-й сад 43-й армии к началу операции было исправных 6 истребителей и 4 бомбардировщика.

² ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 43. Л. 75.

ВВС 24-й армии были задействованы на ельнинском направлении, где противник перешел в наступление в 6.40 3 октября.

К 18.00 этого дня ему удалось вклиниться в оборону 19-й стрелковой дивизии на участке Петрово, Щеплево. Командующий 24-й армией Ракутин принял решение прикрыть оказавшийся открытым левый фланг силами 8-й сд и армейским саперным батальоном. Он запросил С.М. Буденного о разрешении использовать для этой цели 303-ю стрелковую дивизию, части которой в это время совершали марш в Спас-Деменск для погрузки в эшелоны. Разрешения фронта не было получено, и дивизия продолжила движение. То ли Буденный не получил запроса Ракутина, то ли просто не решился отменять приказ Ставки.

3.10 в 11.30 командующий 4-й армией генерал-фельдмаршал Г. Клюге доложил в штаб ГА «Центр», что 9-й армейский корпус Гейера находится в 4 км от Ельни и отражает сильные контратаки противника. Пленные в один голос показывают, что им дан приказ безусловно держаться. До сих пор взято 2500 пленных. В связи с этим он хочет отдать приказ о перемещении направления удара 46-го корпуса на север с общим направлением на Шуя. Корпус Штумме (40-й моторизованный корпус 4-й танковой группы. — **Л.Л.**) пойдет вперед напрямик (на Спас-Деменск и Юхнов. — **Л.Л.**).

Несмотря на все указания и директивы по усилению обороны на стыках армий и дивизий, в войсках Резервного фронта не все было продумано в этом отношении. По крайней мере, такой вывод можно сделать из доклада бывшего члена Военного совета 24-й армии дивизионного комиссара К. Абрамова Булганину, правда, сделанному много позднее — 9.03.1942 г.:

«Между 43 А и 24 А существовал локтевой и огневой разрыв [шириной] 8—10 км, прикрытый саперным батальоном 309 сд, впоследствии — одним батальоном 9 сд. Противник имел против этого разрыва до полка пехоты, однако себя ничем не проявлял, занимая оборону.

<...> в 20.00 2 октября шесть самолетов противника нанесли удар по штабу армии. <...> Немцы атаковали большими массами, двигаясь густыми строями (так в тексте. — **Л.Л.**). Особенно сильным атакам пехоты противника, усиленной

танками, подверглись позиции частей 19-й сд. Опорный пункт в Левково неоднократно переходил из рук в руки. К вечеру 4 октября 32-й сп этой дивизии перестал существовать»¹.

Не очень грамотный в военном отношении политработник, несомненно, знал требования приказов о том, что в местах соприкосновения смежных флангов соединений и частей должна поддерживаться локтевая связь (то есть не должно быть значительных промежутков, не занятых войсками), а сами стыки должны быть обеспечены огнем и заграждениями. Абрамов хотел сказать, что между двумя армиями не было локтевой и огневой связи. И один стрелковый батальон, занимаемая оборону на фронте 8—10 км, конечно, не мог надежно прикрыть этот стык. Однако надо учитывать, что основную ответственность за обеспечение стыка по уставу несет правый сосед. В данном случае — 24-я армия, членом Военного совета которой как раз и был товарищ Абрамов. Нам придется еще не раз возвращаться к его докладу, который довольно детально — по дням описал боевой путь армии до самого конца под Вязьмой. Видимо, он вел записи (это категорически запрещалось), хотя и доложил Булганину, что писал по памяти.

В серьезном труде Института военной истории утверждается, что в первом эшелоне 24-й армии оборонялись три стрелковые дивизии — 309, 103 и 19-я. В действительности, согласно отчетной карте Резервного фронта, левее 19-й сд к 0.30 1.10 перешла к обороне 139-я сд (бывшая 9-я дн). Видимо, командующий 24-й армией знал об этом слабо защищенном промежутке и в последний момент успел усилить оборону в этом районе. В глубине, в районе Бибирево, был оборудован узел сопротивления. Так что промежуток был достаточно плотно прикрыт войсками. Другое дело, что за оставшиеся до перехода противника в наступление сутки части и подразделения бывших ополченцев вряд ли успели оборудовать свои позиции в полной мере.

3 октября Буденный разобрался в обстановке и сделал вывод, что противник, ведя наступление на всем фронте 43-й армии, главный удар наносит в полосе 53-й сд на стыке ее с соседней 217-й сд 50-й армии Брянского фронта². В 16.00

¹ ЦАМО РФ. Ф. 378. Оп. 50300. Д. 1. Л. 1—15.

² ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 181, 182.

3.10 в связи с начавшимся несанкционированным отходом всех дивизий 43-й армии он был вынужден отдать приказ о занятии ее соединениями рубежа по рекам Шуйца и Снопоть (в 35—40 км от переднего края).

В первом пункте приказа дается оценка противника:

«1. Противник, развивая наступление на всем фронте 43 А, силами семи пд, одной тд и одной мд наносит главный удар вдоль шоссе на Дударь и южнее. Его передовые части в 12.00 просочились в район Мамоновка и в 14.00 до 500 чел. мотопехоты и 30 бронемашин — в район Погребки (7 км зап. Киров).

2. 43 А всеми дивизиями продолжает отход в сев.-вост. и вост. направлениях.

3. Приказываю: 43 А (без 222 сд) занять и оборонять рубеж рек Шуйца и Снопоть <...> не допустить прорыва противника вост. этой линии. Брод в районе Высокое перехватить отдельным отрядом.

Все мелкие группы противника, проникшие вост. рек Шуйца и Снопоть, уничтожить. Для ликвидации попыток противника прорвать фронт обороны армии иметь подвижный резерв — 148 тбр, один сп на автомашинах и две батареи ап ПТО <...>»¹.

Одновременно Буденный уточнил задачу и Ракутину, переподчинив ему 222-ю сд 43-й армии и 8-ю сд 32-й. 24-я армия должна была прочно удерживать фронт по восточному берегу р. Устром и р. Стряна, восстановив положение в полосе 19-й стрелковой дивизии. О неповоротливости нашего командования и устаревших методах управления войсками свидетельствует следующий факт. Вместо того чтобы определить армиям районы (направления) сосредоточения основных усилий в обороне назначенного рубежа и потребовать безусловного выполнения боевого приказа, командующий фронтом приказывает Ракутину и Собенникову представить на утверждение свои соображения о группировке войск на новом рубеже обороны не позднее 21 часа 3.10.1941 г. В общем, все как на учениях. Вот только вместо посредника — жестокий враг, не прощающий ошибок!

В 23 часа 3.10 Буденный в разговоре по телеграфу сообщил командующему 43-й армией, что противник ввел в про-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 178510. Д. 29. Л. 414.

рыв мехгруппу в составе двух танковых и моторизованной дивизий и что против Ельни действуют две пехотные дивизии с танками. Он лично подтвердил приказ Собенникову организовать оборону по рекам Шуйца и Снопоть. Однако выполнить отданный приказ не удалось. Сказывалась неготовность наших соединений осуществлять быстрый маневр силами и средствами вдоль фронта и в глубину, в том числе и путем своевременного отхода. К тому же танковые соединения противника превосходили наши войска в подвижности.

Прорвав оборону в одном месте, противник сразу вводил в бой мотомехчасти для развития наступления в глубину. Встретив сопротивление, немцы решительно атаковали, сосредоточивая в намеченном месте огонь артиллерии и удары авиации. На остальном фронте они обычно лишь демонстрировали атаку, сковывая противостоящие им силы. Ведя силовую разведку, они выявляли слабые места в обороне, незанятые или слабо прикрытые огнем промежутки (открытые фланги), после чего начинали маневр с целью охвата или обхода открытого фланга, чтобы нанести удар обороняющимся с тыла. Чаще всего это приводило к отходу наших частей и соединений с занимаемого рубежа.

При действиях в оперативной глубине противнику, владеющему инициативой, не нужно было особо заботиться об открытых флангах. Потеряв управление войсками, наше командование не смогло использовать это обстоятельство, чтобы нанести потери противнику и задержать его продвижение. Много времени уходило на то, чтобы найти свои части и поставить им задачи. В динамике сражения при занятии обороны в глубине стремились, прежде всего, создать сплошной фронт без учета направлений ударов противника, которые к тому же не выявлялись разведкой.

В течение 3 октября противник продолжал теснить части 43-й армии на северо-восток и восток. По оценке Военного совета фронта, вдоль шоссе Рославль—Юхнов наступало до трех пехотных и одной танковой дивизий. Вдоль железной дороги Рославль — Киров действовало до двух пехотных, одной танковой и до двух моторизованных дивизий. На самом деле только в полосе 43-й армии действовали до 9 пехотных дивизий и четыре танковых, которые наступали вдоль шоссе и южнее него. Запланированный контрудар не состоялся, а отдельные контратаки слабыми силами успеха не имели.

К исходу 3.10 противник вышел к р. Снопоть на участке Кузьминичи, Ямное силами до 100 танков. Ему удалось, используя промежуток между 17-й и 173-й стрелковыми дивизиями 33-й армии, выйти в тыл 43-й армии. До 20 танков и неустановленное количество пехоты к 18.30 вышли к Гайдуки. В связи с отходом на восток 217-й сд Брянского фронта фланг 33-й армии оказался открытым. На левый фланг ее 173-й стрелковой дивизии вышло до двух пехотных дивизий противника, продвигающихся в направлении Кирова.

В докладе Верховному Главнокомандующему Военный совет фронта сделал вывод, что резервов, которыми можно было бы задержать наступление противника, вышедшего в тыл частям 43-й и 24-й армий, во фронте нет. Его решение сводилось к следующему: частями 43-й армии обороняться по р. Снопоть, а частями 33-й армии — на занимаемом рубеже. 29-ю стрелковую дивизию 32-й армии с 533-м ап ПТО перебросить автотранспортом из района Дорогобуж в район Куземки на рубеж р. Мал. Ворона, чтобы перехватить шоссе на Юхнов. Однако остановить наступление противника на рубеже р. Снопоть не удалось, а 29-я сд с выдвиганием в назначенный район опоздала.

В боевом донесении № 48/оп на 14.20 4.10 штаб Резервного фронта доложил:

«1. С утра 4.10 противник продолжал развивать удар мотомехчастями во фланг и тыл 43-й армии в общем направлении на Спас-Деменск. Вспомогательный удар — вдоль Московского (ныне Варшавского. — Л.Л.) шоссе. К 8.45 противник перерезал шоссе.

<...> 3. Командарм (43-й армии), вопреки приказу командующего фронтом оборонять р. Снопоть, отдал приказ на отход 53-й сд в направлении Никольское и далее на Спас-Деменск, 149 и 113 сд и 148 тбр — в район Ново-Александровское, где занять оборону»¹.

Так как проводная связь была нарушена, а по радио связаться с армией не удавалось, командующий фронтом в 4.00 4.10 выслал туда своего заместителя генерал-лейтенанта Богданова с приказанием навести порядок в армии и при необходимости вступить в командование ею. Связи с 33-й армией

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 190, 191.

штаб фронта также не имел. Посланный туда самолет не вернулся.

Маршал Буденный ошибался в оценке намерений и масштаба замысла противника. Главный удар немцы наносили вдоль Варшавского шоссе на Юхнов силами двух моторизованных корпусов 4-й танковой группы, в составе которых было четыре танковые дивизии. Они стремились вырваться на оперативный простор, где, по их данным, уже не было крупных сил советских войск. И только потом одним корпусом охватить основные силы не только Резервного, но и Западного фронта. С каждым часом положение наших войск ухудшалось. 4 октября немцы заняли Спас-Деменск, продолжая развивать наступление на Юхнов. Одновременно 13-й корпус 2-й армии развивал наступление на Киров, а соединения введенного в сражение 43-го корпуса — на Жиздру, стремясь охватить правое крыло Брянского фронта (см. схему 9).

Представляет интерес оценка результатов первых дней операции командованием 4-й армии противника. В итоговой сводке за первый день операции отмечено:

«Занятые слабыми силами позиции противника были прорваны, русские с боями отходят. Армия не считает, что речь идет о заранее подготовленном планомерном отходе.

2.10. Переход армии в наступление оказался для противника неожиданным и по показаниям пленных в отдельных случаях даже ошеломил его. Его позиции были прорваны во многих местах. <...> Однако сопротивление противника, поначалу слабое, стало в течение дня возрастать, прежде всего, перед частями 7-го и 20-го армейских корпусов — в лесах севернее дороги Рославль — Москва.

<...> Противник упорный, но слабый, прежде всего, по численности и в отношении артиллерии... Железнодорожные мосты юго-восточнее Буды неповрежденные в наших руках....

3.10. За два дня тяжелых боев с противником, ведущим местами весьма жесткую оборону совместно с подошедшими резервами 43-й советской армии, наши части успешно форсировали Болву, Снопоть и Шуйцу и преодолели лесной массив севернее автодороги.

Начавшееся на рассвете 3.10 наступление 20-го корпуса натолкнулось на ожесточенное сопротивление противника, вследствие чего пришлось вводить в бой резервную дивизию.

4. 10. 9-й ак успешно отразил несколько контратак противника, наносившихся силами от роты до батальона каждая и поддерживавшихся артиллерией (в том числе и крупного калибра) с участием до 3—4 дивизионов. Признаков отхода противника пока не обнаружено.

Части 3-й моторизованной дивизии, использовавшие восстановленный участок дороги Рославль — Москва, установили многочисленные случаи ее подрывов»¹.

Из донесения из штаба 2-й армии: «Железнодорожный мост через Десну в 15 км юго-восточнее Дубровка не разрушен. <...> Атака русского бронепоезда отбита.

13-й армейский корпус сообщает: 52-й пехотной дивизией захвачен мост через Десну, 260-я и 17-я пехотные дивизии форсировали Десну на фронте 5 км».

Командование группы армий «Центр» сделало вывод, что «противник, по крайней мере, в отношении сроков не ожидал нашего наступления. Его обороноспособность оказалась слабее, чем ожидалось. Мнение армий относительно того, отходит ли противник планомерно или в связи с обстановкой, различное. <...> Противник, застигнутый врасплох наступлением группы армий «Центр» пока не в состоянии организовать сосредоточенного, организованного сопротивления, <...> ведет бои отрубей как рубежу, в зависимости от боеспособности отдельных соединений».

Трудно объяснить: почему врагу оставляли неразрушенные мосты и другие важные объекты? Ведь все это произошло 2 октября, а не 22 июня! Впечатление полной растерянности, охватившей войска и командование Резервного фронта. Потом для разрушения мостов приходилось нацеливать авиацию, формировать специальные команды. Так, командир отделения 76-го отдельного строительного путевого железнодорожного батальона сержант В.П. Мирошниченко, выполняя задание командования, ценою своей жизни взорвал мост через р. Снопоть (55 км восточнее Рославля).

¹ NARA. T312, R150, F7689748, 7689749, 7689760.

Чтобы представить, каким образом противнику удавалось с ходу прорывать слабые заслоны, рассмотрим один любопытный документ. Пока командующие и штабы занимались сбором и приведением войск в порядок, организацией обороны на новых рубежах, прокуроры и другие заинтересованные лица занимались своим делом — искали виновных в поражении. В частности, решили разобраться, почему не удалось задержать противника на подготовленном рубеже 33-й армии. Позднее, 9 октября, Военный совет 33-й армии доложил заместителю наркома обороны начальнику Главного политуправления Красной Армии армейскому комиссару 1-го ранга Л. Мехлису о причинах быстрого прорыва противником обороны армии:

«1. Прорыв танков и мотопехоты противника на участке 33 армии произведен противником в промежуток между левым флангом 17 сд и правым флангом 173 сд на участке Латыши, Хотожка.

Этот промежуток до 14 км представлял из себя лишь отдельные отряды заграждения силою всего до одной стрелковой роты. Оборонительных сооружений в этом промежутке не было никаких. Резервов для заполнения этого промежутка 33 армия не имела. Противник весь день 3.10.41 г. и в ночь с 3 на 4.10.41 г. мелкими группами и мотопехотой нащупывал фланги этих дивизий и обтекал их.

2. 17 сд южнее шоссе имела один 1316 сп, растянутый на фронте 15 км (участок 113 сд, переданной в 43 армию), а всего 30 км (Стар. Ближневичи, Хотожка).

3. Дивизии 33 армии обороняли следующие рубежи:

60 сд — Мышково — Сингаево (свыше 25 км)

17 сд — Сингаево — Подлесное (около 35 км)

173 сд — Ниж. Падерки — выс. 215.0 (около 16 км)

Такая растяжка фронта дивизий была произведена 30.9.41 г. в связи с убытием из армии 193, 113, и 18 сд.

4. Доложили Буденному, но мер никаких принято не было»¹.

Л. Мехлис любил собирать всякого рода объяснительные записки, накапливая на всякий случай компромат на военачальников. Действительно, три дивизии 33-й армии, из них две бывшие дивизии народного ополчения, были вытянуты в

¹ ЦАМО РФ. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 13. Л. 1, 2.

линию протяженностью более 75 км. Но что мог сделать Буденный? Он рассчитывал уплотнить оборону на р. Снопоть за счет отошедших на этот рубеж дивизий 43-й армии. К сожалению, этот замысел осуществить не удалось. Противник упредил отходящие войска в выходе к реке и нанес удар в промежуток между 17-й и 173-й (бывшая 21-я дн) стрелковыми дивизиями в направлении Гайдуки, Барятинская, Милятино. А затем по большаку, что в 4 км севернее железной дороги, устремился на Киров. Действующая южнее 217-я стрелковая дивизия 50-й армии Брянского фронта после прорыва обороны противником продолжала откатываться на восток. К исходу 3.10 она отошла на рубеж Будчино (25 км юго-западнее Кирова), р. Ветьма, где пыталась остановить части противника, наступающие на Людиново.

В связи с трагической судьбой командира 17-й сд полковника Козлова П.С. (об этом рассказ впереди) рассмотрим подробнее обстоятельства прорыва ее обороны¹. Накануне немецкого наступления в дивизиях 33-й армии была проведена перегруппировка в целях создания вторых эшелонов. Так как полоса обороны осталась прежней, пришлось растянуть участки полков первого эшелона. Так, 1316-й стрелковый полк этой дивизии теперь оборонял участок шириной по фронту 15 км. Между 17-й и 173-й дивизиями был промежуток шириной 14 км, не занятый войсками. Для его прикрытия и обеспечения стыка с соседом слева был выделен один стрелковый батальон. Таким образом, к утру 3 октября дивизия, усиленная 876-м артполком ПТО, занимала рубеж по р. Снопоть и южнее протяженностью по фронту до 39 км.

Пропустив через себя отходящие на восток и понесшие большие потери части 53, 149 и 113-й сд 43-й армии, дивизия полковника Козлова подверглась мощному удару с воздуха и танковой атаке. Противник вклинился в оборону на левом фланге дивизии, захватив Ковалево и Латыши. К 20.00 3.10 контратакой он был выбит из этих населенных пунктов. В ходе боя было взято в плен 14 человек и подбито 4 вражеских танка. При этом из горящих немецких танков добыли штабные карты с

¹ К 19 сентября 17-я сд была полностью укомплектована и насчитывала 11 454 человека (в том числе рядовых — 9317). На вооружении состояло: винтовок и карабинов — 6416, автоматических винтовок — 1671, пулеметов станковых — 60, ручных — 143, 76-мм пушек — 16, 122-мм гаубиц — 8, зенитных орудий — 13, грузовых и других автомашин — 252, тракторов — 7, лошадей (легковых, артиллерийских, обозных) — 2836 [36].

обстановкой. Но в полосе соседней слева 173-й стрелковой дивизии к 17.00 3.10 противник силою до двух пехотных полков с танками прорвался в район Погребки (10 км западнее Кирова). В тылу 17-й сд 12 танков противника прорвались к аэродрому Мамоново (15 км северо-западнее Кирова), в районе Острая Слобода был высажен авиадесант. Несмотря на упорное сопротивление частей, к исходу 4 октября левый фланг 17-й сд был обойден, и она была практически окружена. Связи с армией не было. Позднее выяснилось, что командный пункт 33-й армии, расположенный в 60 км от линии фронта, еще в 18.00 3 октября подвергся нападению танковой группы противника. Очевидно, это был разведотряд противника.

Сохранилась лишь телефонная связь с соседней справа 60-й стрелковой дивизией генерал-майора Котельникова. Командиры соединений, не имея связи с командованием, вынуждены были принимать решение, исходя из своего понимания обстановки. Котельников, как старший по званию, опасаясь, что противник окончательно замкнет кольцо окружения, принял решение на отход. Для прикрытия выхода из боя и отхода от дивизий было выделено по одному полку. Арьергард 17-й сд в составе 1314-го стрелкового полка снялся с занимаемого рубежа в 2.30 ночи 5 октября.

К утру 5.10 к дивизии присоединилось несколько танков из частей 43-й армии. Однако попытка прорыва окружения с их помощью оказалась безуспешной. Полковник Козлов принял решение выходить из окружения группами по 150—200 человек, по возможности сохраняя связь между ними. К 12 октября остатки дивизии (558 человек) вышли из окружения в район Малоярославца и были направлены в Угодский Завод на переформирование. Ополченцы вынесли знамена полков и следующее вооружение: винтовок — 141, ручных пулеметов — 57, автоматов — 2, а также 2 рации. Из окружения вывели и 12 автомашин. Дивизия, насчитывающая на 20 сентября 11 454 человека, за девять дней боев потеряла более 90 процентов личного состава. Остатки 60-й сд были выведены в район Тарутино, 149-й сд — в Наро-Фоминск, управление 33-й армии — в Вороново.

Разведотдел штаба 4-й полевой армии в вечернем донесении отметил:

«4 октября противник пытался новыми силами (3—4 дивизии) удержаться на рубеже р. Снопоть и восточнее по обе

стороны шоссе, однако на остальных участках отходил на восток, не оказывая сильного сопротивления. В районе Ельни по-прежнему действуют крупные силы. Интенсивные и исключительно на восток нацеленные передвижения позволяют сделать вывод, что противник в основном намерен отходить».

В распоряжении С.М. Буденного не было никаких новых сил, чтобы задержать продвижение противника в восточном и северо-восточном направлениях. К тому же появились данные о повороте крупных сил противника на север.

Положение в полосе **Брянского фронта** складывалось еще хуже. На левом крыле фронта соединения 2-й танковой группы Гудериана продолжали развивать наступление. Его танковые дивизии в первые два дня продвигались с темпом 60 км в сутки. И остановить их было нечем, и на орловском направлении быстро назревал кризис. К исходу 2 октября обстановка еще более обострилась. Соединения 2-й армии фон Вейхса, перейдя в наступление и используя успех 4-й танковой группы, стали развивать успех в направлении Жиздры. Стало ясно, что противник стремится охватить правый фланг 50-й армии и выйти в ее тыл. И.В. Сталин не был уверен, что Еременко и его штаб поняли всю серьезность создавшегося положения. Он уже знает, что противник с утра 2 октября перешел в наступление против Западного и Резервного фронтов, и торопит командование фронта, чтобы как можно скорее разгромить противника на орловском направлении. Начальник штаба фронта генерал Захаров, получив дополнительные указания Ставки, выраженные в категорической форме (чувствуется стиль Сталина), немедленно передает командующему фронтом:

«Весьма важно.

Через штаб 13 армии генерал-полковнику Еременко.

Ставка требует не позднее утра третьего перейти в наступление, удар наносить сосредоточенно. Не бить растопыренными пальцами.

А) Силами 307, 6 сд, если можно 137 из р-на лесов сев. Середина-Буда направление Хутор-Михайловский, Свесса.

Б) Из р-на Екатериновка (вост. Глухов 12 км) 2 гв. сд на север направление Эсмань, Свесса, оставив на месте 160 сд.

Приказано Вам передать, что необходимо разбить противника во что бы то ни стало и отогнать его за линию нашего фронта.

Приказание Ермакову о наступлении передано. Остатки его штаба и Ермаков в Сальске.

3.10.41 г.»¹. НШ *Захаров*.

Стремительное продвижение моторизованных колонн противника в оперативную глубину оказались полной неожиданностью для советского командования. Начальник Генштаба, видя, что для локализации прорыва противника Брянский фронт выделяет недостаточные силы, решил вмешаться и лично переговорить с командованием фронта. Ниже приводится запись переговоров:

«Немедленно к аппарату генерал-майора Захарова просит маршал Шапошников. (Того на месте не оказалось, и к аппарату подошел полковник Долгов — направлонец фронта на Генштаб).

Шапошников: Тов. Долгов, прошу ответить, известно ли вам, что противник 8.20 3.10 прорвал фронт на рубеже Зимницы, Милейково и овладел Яшная, ст. Бетлица, развивая наступление на Киров (карта 500 000)?

1) Непонятно, откуда ведет наступление 6 и 307 сд?

2) То же самое о наступлении Акименко. Дайте ориентировку.

3) Для удара одной 6 и 307 дивизий мало. Посмотрите, помоему, можно вывести 137, передав ее участок соседям (137-я сд из 3-й армии. — **Л.Л.**).

4) Каковы резервы — 242 тбр?

5) Каково положение, которое вы даете, действительно принятое решение или Ваше предположение?

6) Карачев нужно чем-либо прикрыть, иначе противник займет у нас аэродром. Выделите хотя бы полк с батареями из 290.

7) Ввиду обострения положения у Вас на фронте приказываю под вашу личную ответственность доносить последние данные через каждые три часа.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 9. Д. 11. Л. 140.

Все силы, которые вы собрали для удара на направлениях, должны быть сосредоточены, чтобы не бить растопыренными пальцами. А бить нужно кулаком. Ко всему этому не нужно упускать время. Важно скорее поворачиваться в перегруппировках и не давать противнику возможности строить укрепления и зарывать танки.

Передайте тов. Еременко, что необходимо разбить противника во что бы то ни стало и отбросить его за линию нашего фронта.

Все. До свидания.

2. 287 [сд] нужно направить теперь уже не на Севск, а на Комаричи и даже севернее. Все».

Служебная пометка: переговоры закончены в 2.20 3.10¹.

При быстром развитии событий прежний порядок информации не устраивает Шапошникова. Он чувствует, что штаб фронта плохо знает обстановку и докладывает не все, и обеспокоен низкой оперативностью в осуществлении намеченных мероприятий. Поэтому ему приходится заниматься тактическими вопросами, дивизиями и полками, подталкивая Еременко смелее использовать силы с неатакованных участков его фронта. А фронт действительно потерял время, не усилив угрожаемое направление за счет пассивных участков. А такая возможность была. В результате успешных поисков разведчиков соседних 3-й и 13-й армий была добыта важная информация о немецкой 1-й кавалерийской дивизии, части которой оборонялись на западном берегу реки Судость от Почепа на севере до ее устья на юге. На этом участке фронта шириной 65—70 км она одна противостояла трем стрелковым дивизиям — двум из 3-й армии и 155-й сд 13-й. Для нанесения контрудара или усиления обороны на угрожаемом направлении можно было, оставив небольшое прикрытие, без особого риска использовать соединения 3-й армии. Более того, как сейчас стало ясно из содержания отчетных немецких карт, две вражеские дивизии — 167-я пехотная и 1-я кавалерийская — сковывали на фронте до 140 км силы шести дивизий 50, 3 и 13-й армий Брянского фронта.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 361. Оп. 5. Д. 70. Л. 234.

В 3.15 3.10 штаб фронта отдает генералу Ермакову боевое распоряжение:

«1. Ставка требует немедленного (не позднее 8.00 3.10) перехода в наступление 2 гвардейской и 283 дивизиями, 150 и 121 тбр из района Екатериновка (12 км вост. Глухов) в направлении Эсмань, Свесса.

2. Немедленно донести, где гвардейские части (четыре дивизиона).

3. Обстановку доносить через каждые три часа»¹.

К этому времени, согласно донесению генерала Ермакова, 283-я стрелковая дивизия и кавгруппа (остатки 21-й и 52-й кавалерийских дивизий) и 150-я танковая бригада вели бой в районе Марчихина Буда, восточнее Свесса. Он приказал этой группе с боем отходить в направлении Амонь (25 км севернее Рыльска). Ермакову было приказано повторно организовать наступление силами 2-й гвардейской стрелковой дивизии со 121-й танковой бригадой на Эсмань с целью перехватить коммуникации противника и тем самым содействовать его уничтожению. Дивизии, а вернее, ее остаткам, было приказано в ночь на 4.10 сосредоточить части в район Поповка, Харьковка, Крупец, передав занимаемый участок фронта 160-й стрелковой дивизии. Приказ о наступлении должен был последовать дополнительно.

Меры, принимаемые советским командованием в связи с постоянными перерывами связи и нарушенным управлением войсками, явно запаздывали. Войска, не приученные к быстрому маневру и уступающие противнику в подвижности, не успевали с подготовкой контрударов. Штаб 13-й армии 3.10 во второй половине дня (донесение принято в 15.00, передано на расшифровку в 17.00) доложил, что противник на правом фланге активности не проявляет, на левом фланге танками и пехотой занял Голубовка, Улица, Суземки. Командующий решил перегруппировать силы на левый фланг для нанесения удара в направлении Хутор-Михайловский — в тыл прорвавшемуся противнику. Он поставил соединениям следующие задачи:

— 298-й сд с двумя танками БТ с рассветом наступать на Середина-Буда и к исходу 3.10 занять его;

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 9. Д. 11. Л. 140.

— 6-й сдс двумя танками КВ и двумя Т-34 к исходудня овладеть и прочно закрепить рубеж Суземка, Улица, в дальнейшем развивать наступление на Зерново;

— 143-й сд уничтожить противника в Голубовка (18 км западнее Середина-Буда) и развивать наступление на северо-восток.

Для контрудара силами трех дивизий удалось собрать шесть танков!¹

Между тем противник принимает контрмеры по срыву возможного маневра силами, снятыми с неатакованных участков. Штаб 2-й танковой группы в 2.45 3 октября обратился в оперативный отдел штаба группы армий «Центр» с просьбой, чтобы 53-й армейский корпус 2-й армии немедленно продолжил наступление, чтобы воспрепятствовать снятию с фронта без помех русских войск для использования их в районе Брянска или перед северным флангом 2-й танковой группы. Немцы изготовились к его отражению, выставив заслоны. К тому же авиация врага господствовала в воздухе. 2 октября ВВС фронта смогли совершить всего 57 самолето-вылетов. Самолеты немецкого 2-го авиакорпуса Б. Лерцера, как правило, действовали большими группами по целям непосредственно на поле боя. Этим обеспечивалась наибольшая эффективность ударов и подавление немногочисленных наших средств ПВО. Пикировщики и истребители авиасоединения Фибига 2 октября выполнили соответственно 202 и 188 вылетов для ударов по тылам и коммуникациям Резервного и Брянского фронтов, доложив об уничтожении 22 танков (в том числе четырех тяжелых), трех нефтехранилищ и не менее 450 автомашин [35]. В результате противнику удалось отразить контратаки группы генерала Ермакова, вконец ослабленные части которой отошли на восток. Не имел успеха и недостаточно сильный контрудар 13-й армии в районе Хутор-Михайловский. К 4 октября соединения армии понесли большие потери в людях и в тяжелом оружии.

¹ К 4 октября в соединениях насчитывалось (активных штыков): 132 сд — 1500 человек, 307 сд — 1200, 6 сд — 1200, 298 сд — около 1000. В 6-й стрелковой дивизии на вооружении имелось: 4 тыс. винтовок, 4 станковых и 13 ручных пулеметов, 4 зенитных, 2 миномета, одно 76-мм и 4 — 122-мм орудия. В 143-й стрелковой дивизии: 4 станковых и 9 ручных пулеметов, 1 — 50-мм, 2 — 82-мм и 3 — 120-мм миномета и одна 45-мм пушка.

«Быстроходный Гейнц» не любил ждать:
машина и бронеавтомобиль Гудериана переправляются
по разрушенному мосту

3 октября танки 4-й тд 24-го тк Гудериана, продвинувшись за четыре дня на 200 с лишним километров, в 16.40 с ходу ворвались в Орел. Немецкие танки продвигались по улицам города рядом с трамваями, на которых местные жители ехали на работу. Начальник штаба Орловского округа успел лишь прокричать по телефону начальнику штаба фронта генералу Захарову: «В Орел ворвались немецкие танки! Штаб сейчас покидает город».

Орел находился за пределами района, отведенного Брянскому фронту. Ответственность за его оборону была возложена на Военный совет Орловского военного округа. О том, что противник 30 сентября прорвал оборону на левом крыле Брянского фронта, Еременко, по его словам, сообщил начальнику штаба округа (командующего войсками округа генерал-лейтенанта А.А. Тюрина в это время в городе не было). Начальник штаба округа ответил по телефону, что обстановка им понятна и что оборону Орла они организуют как следует. Он даже заверил Еременко, что Орел ни в коем случае не будет сдан врагу. В том, что штаб округа в полной мере был информирован об изменениях обстановки на орловском направлении в течение 1 и 2 октября, есть большие сомнения. Если бы в штабе округа знали о приближении противника, вряд ли танкам Гудериана удалось въехать в центр

Гудериан по карте диктует радисту боевое распоряжение

города рядом с трамваями. В городе имелись достаточные силы, чтобы хотя бы на короткое время задержать танки 4-й танковой дивизии, продвигающиеся по шоссе чуть ли не в походной колонне. Самолеты ВВС фронта непрерывно бомбили эти танки, но эффективность ударов была низкой в связи с пасмурной погодой. Известно, что с 18.00 3 октября связи с Орлом никакой не было. Туда в разное время высылали три группы командиров, но никто из них не вернулся. По некоторым данным, в 17.00 на юго-западной окраине Орла шел бой с группой танков (50—60 машин).

В этот день Шапошников дважды вызывал командование Брянского фронта на переговоры по прямому проводу. **Захаров в 20.00 3. 10 доложил, что уже двое суток не имеет связи с командующим фронтом** (выделено мною. — Л.Л.). Через ВВС фронта стало известно, что он находится в районе Локоть. К нему для ориентировки выслан заместитель начальника оперативного отдела штаба фронта полковник Аргунов. Захаров попросил Ставку о подчинении фронту 194-й стрелковой дивизии, два эшелона которой прибыли в Брянск. К 6 октября ожидалось прибытие 30 эшелонов этой дивизии.

Шапошников приказал немедленно установить связь с Еременко и передать тому, чтобы он имел обстановку на всем

фронте. Маршал потребовал, чтобы армии Брянского фронта и группа Ермакова ежедневно в 8, 14 и 22 часа давали информацию по радио в Генштаб, независимо от того, что они будут посылать в штаб Брянского фронта. Когда, наконец, Еременко удалось вызвать на связь, Шапошников сориентировал его, где в тылу фронта выгружаются резервы (в это время на ст. Брасово было разгружено 11 эшелонов 287-й сд). Он подчеркнул:

«<...> теперь является важным не пропустить за танковыми дивизиями пехоту противника, а для этого надосажать его у пятки.

И второе, не дать противнику захватывать пространство на карачевском направлении и не давать ему возможности просачиваться на север.

<...> Четвертое. С переменой Вашего КП в Хвостовичи Вы удаляетесь от Ваших войск и в особенности от группы Ермакова, 13-й и 3-й армий.

Пятое. Прошу внушить Вашему начальнику штаба необходимость пользоваться радио, по которому все донесения должны поступать в срок.

Шестое. При Вашем отъезде на фронт необходимо подерживать связь с начальником штаба. Все»¹.

Начальнику Генштаба пришлось разъяснять командующему фронтом общеизвестные истины, без которых невозможно наладить управление войсками, как со стороны фронта, так и со стороны Ставки ВГК. Еременко доложил маршалу план отвода армий Брянского фронта на тыловой рубеж в связи с серьезным положением на фронте и возможностью оперативного окружения войск фронта. Однако полученный шифровкой ответ Ставки не смогли расшифровать, так как шифровальная машина штаба была уже вывезена в Хвостовичи.

Позднее Еременко так объяснит некоторые обстоятельства захвата Орла:

«Несмотря на то что за два дня до подхода противника к Орлу мною было приказано начальнику штаба Орловского военного округа организовать прочную противотанковую оборону Орла и, более того, мною в распоряжение штаба Орлов-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 64. Л. 447, 448.

ского военного округа специально для обороны города был передан один гаубичный артполк, все же штаб Орловского военного округа обороны города не организовал.

Пять артполков с полным вооружением и несколько полков пехоты, находящихся в распоряжении штаба Орловского военного округа для обороны города, сопротивления немцам не оказали. В Орел без боя вошли 13—15 танков противника, а затем, несколько позднее, и мотопехота»¹.

После прорыва фронта вряд ли удалось бы отстоять город даже при наличии пяти артиллерийских полков и имевшихся 10 тыс. бутылок с горючей смесью для борьбы с танками. Но задержать на некоторое время продвижение противника было возможно. Это позволило бы эвакуировать наиболее ценное имущество, вывести из строя важные оборонные объекты, прежде всего разрушить железнодорожный узел, угнать или уничтожить подвижной состав и т. д. И отсутствие должной информации отнюдь не снимает ответственности с командования округа, которое проявило беспечность и даже не организовало разведки в сторону фронта.

А теперь послушаем генерал-полковника Еременко:

«Еще ночью 2 октября я докладывал Б.М. Шапошникову о наметке плана действий войск фронта. При переговорах присутствовали член Военного совета фронта П.И. Мазепов, начальник штаба фронта Г.Ф. Захаров, начальник политуправления фронта А.П. Пигурнов и недавно прибывший начальник оперативного отдела штаба Л.М. Сандалов. К исходу 2 октября мы установили уже направление главного удара противника, ибо он ясно обозначился продвижением в глубину нашей обороны. Я коротко ознакомил Бориса Михайловича с обстановкой, которая складывалась очень невыгодно для войск Брянского фронта, так как противник нанес охватывающие удары.

Теперь маневр врага был нами **своевременно разгадан** (на третьи сутки! Выделено мною. — Л.Л.), и сразу же был сформулирован замысел необходимых контрмероприятий. Об этом я и докладывал начальнику Генерального штаба, чтобы получить его одобрение, без которого мы не имели права

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 32. Л. 1—30 (Отчет Военного совета Брянского фронта о боевых действиях войск с 1 октября по 7 ноября 1941 г. Далее — Отчет Брянского фронта).

осуществлять какие-либо принципиальные изменения в действиях войск. Наш план состоял в том, чтобы в случае выхода противника в наши тылы немедленно начать отвод войск и нанести удар по врагу, прикрываясь с фронта небольшими заслонами, используя для этого четвертую или третью часть войск, и выйти на новые рубежи, указанные Ставкой.

На это предложение Б. М. Шапошников с присущей ему вежливостью ответил, что в Ставке придерживаются другого мнения, что следует не маневрировать, а прочно удерживать занимаемые рубежи. Я знал, что возражать бесполезно. Нужно было принимать меры к удержанию занимаемых рубежей» [49].

Судя по тексту, разговор происходил до позорной сдачи Орла. Даже свидетели названы. И среди них начальник штаба генерал Захаров, который в 20.00 3.10 доложил Шапошникову, что **в течение двух суток не имеет связи с командующим фронтом**. Оказывается, на третий день наступления противника — к исходу 2 октября — Еременко стало ясно направление главного удара противника. Некоторым авторам мемуаров, как правило, всегда все ясно, но задним числом, а иногда даже до того, как произошли те или иные события.

Успешное продвижение войск Гудериана во многом объяснялось массированной поддержкой их действий силами 2-го воздушного флота. На орловском направлении действовало около 300 боевых самолетов. Господство противника в воздухе сводило на нет все усилия фронта по маневру силами с целью локализовать прорвавшуюся группировку противника. В этом отношении расчеты Гудериана полностью оправдались. В связи с этим следует признать, что в вермахте было хорошо налажено взаимодействие авиации с наземными войсками. В каждом объединении создавался штаб связи ВВС, принимающий заявки на бомбежку войск противника и передающий их непосредственно в поддерживающие эскадрильи. При управлении каждого корпуса и дивизий, действующих на главном направлении, находились офицеры ВВС, которые поддерживали непрерывную связь непосредственно с боевыми группами самолетов в воздухе¹.

4 октября 47-й моторизованный корпус противника занял Локоть в 45 км севернее Севска и развил наступление на на-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 115. Л. 200.

правлении Навля, Брянск. Одновременно 18-я и 17-я танковые дивизии корпуса повернули на север на Карачев и ст. Свень, глубоко охватив войска Брянского фронта с востока. В результате крупные силы противника глубоко обошли с востока войска 13-й армии и вышли на тылы 3-й армии Я.Г. Крейзера. Севернее Брянска противник овладел Людиново и силами 13-го ак стал развивать наступление на Жиздру. Правofланговая 217-я стрелковая дивизия 50-й армии под давлением двух пехотных дивизий (258-я и 34-я пд) противника к 17.00 3 октября отошла на рубеж Будчино (25 км юго-западнее Кирова), р. Ветьма. В промежуток между нею и 279-й стрелковой дивизией была введена в бой 299-я сд. Но это мало что изменило. Стало ясно, что войска Гудериана стремятся соединиться восточнее Брянска с соединениями 2-й полевой армии и окружить основные силы Брянского фронта.

Начальник оперативного отдела штаба группы армий «Центр» уточнил задачу 2-й танковой группы: по достижении дороги Орел — Брянск во взаимодействии со 2-й армией уничтожить вражеские силы, стоящие перед ней, остальными силами, не требующимися для выполнения первой задачи, продвигаться дальше правым флангом вдоль р. Ока, чтобы достичь района восточнее Сухиничи¹.

Командующий Брянским фронтом принял решение перегруппировать силы с целью не допустить обхода района Брянск с северо-востока. Для чего приказал усилить 50-ю армию к 22.00 4.10 1-м гв. минометным полком, а на угрожаемом направлении устроить завалы, заграждения на лесных дорогах, минировать переправы. В 2.00 4.10 Еременко поставил задачу войскам фронта на уничтожение танков мотомеханизированных войск противника в районах Жихов, Чернатское, Севск, Дмитриев-Льговский, Кромы, Орел. В 23.40 4.10 13-й армии было приказано обороняться, для чего готовить вторую оборонительную полосу. Одновременно силами 6-й сд наступать и занять Суземку. Задачи были поставлены, но только не ясно было, какими силами и средствами их выполнять.

Принимаемые фронтом меры были недостаточными, чтобы устранить угрозу окружения. Обстановка продолжала

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 115. Л. 205, 206.

ухудшаться. 4 октября из штаба 50-й армии в 21.00 доложили, что 217-я стрелковая дивизия к исходу дня отходит в район Ольшаницы (20 км южнее Людиново. — Л.Л.), Волынский переезд, выс. 197.6. (Здесь заметно поредевшие части дивизии совместно с переброшенной на это направление 290-й стрелковой дивизией с 643-м кап приостановили наступление противника и сдерживали его в течение 5 и 6 октября. — Л.Л.). 108-я танковая дивизия заняла Павловичи, но удержаться не смогла. К 6.00 5.10 она вышла в район Карачев для усиления обороны.

Командующий 3-й армией генерал Крейзер 5 октября запросил Еременко:

«В связи с создавшейся сложной обстановкой, возможностью изолированных действий, когда потребуется принимать исключительно самостоятельные решения, прошу сообщить намеченный вами общий план дальнейших действий»¹.

Странно, но, по словам Еременко, он с 5 октября как раз находился в 3-й армии. Отрывок из его книги:

«Следует особо отметить действия 42-й танковой бригады и 287-й стрелковой дивизии. Они показали чудеса храбрости и решительности в ходе контратак 3, 4 и 5 октября. Я и член Военного совета Мазепов находились в этих соединениях и помогали их командирам в организации боя. 5 октября танки противника все же вклинились в наши боевые порядки и прижали ВПУ (временный пункт управления) к болоту. Машины, на которых мы приехали, и рация застряли в трясине. Мы с членом Военного совета и офицерами оперативного отдела штаба оказались пешими и без связи. Обстановка же требовала немедленных переговоров с Москвой и принятия ряда других мер по упорядочению управления войсками и их перегруппировке. Переправившись вброд через реку и отыскав грузовую машину, добрались до г. Локоть, оттуда на самолете По-2 полетели в штаб фронта. Этот полет по прифронтовой полосе был далеко не безопасным, учитывая господство противника в воздухе и то, что в самолете, рассчитанном на одного пассажира, мы оказались вдвоем с Мазеповым. Добравшись до аэродрома под Брянском, к вечеру 5 октября мы вернулись на КП фронта в районе ст. Свень.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 3996. Д. 4. Л. 31.

На КП фронта я выслушал доклад начальника штаба фронта Захарова об изменениях, которые произошли в положении фронта за время нашего отсутствия, и тут же доложил об обстановке в Генеральный штаб» [49].

Возможно, генерал Крейзер свой запрос отправил уже после того, как Еременко так поспешно покинул расположение его армии? Впрочем, приключения командующего фронтом на этом не закончились. И скоро он, но уже не по своей воле, снова окажется на командном пункте этой армии. Читатель, надеюсь, обратил внимание, как храбро и решительно на этот раз действовала 42-я танковая бригада под личным руководством командующего фронтом? Вот только не понятно, кто в течение двух суток руководил войсками фронта?

Сообщение о внезапном захвате противником Орла прозвучало для советского командования как гром среди ясного неба. В руки врага попал важный административный центр, крупный узел железнодорожных и шоссейных дорог, ставший плацдармом для дальнейшего наступления немецких войск. Противник получил возможность использовать отличную шоссейную дорогу для снабжения своих войск. Оставление города во многом нарушило планы советского командования. В это время севернее Орла должны были сосредотачиваться части только что созданного 1-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием Д.Д. Лелюшенко. Корпус первоначально предназначался для разгрома группировки противника, вклинившейся в оборону Брянского фронта. В связи с падением Орла ему была поставлена новая задача — контрударом из района Мценска остановить дальнейшее продвижение танковых войск противника. И.В. Сталин при постановке задачи Лелюшенко провел красным карандашом линию вдоль реки Зуша и сказал: «Дальше Мценска противника не пускать, ни при каких обстоятельствах».

В состав корпуса должны были войти 5-я и 6-я гвардейские стрелковые и 41-я кавалерийская дивизии, 4-я и 11-я танковые бригады и два артиллерийских полка. Кроме того, корпусу были приданы 36-й мотоциклетный полк, три гвардейских минометных дивизиона, Тульское артиллерийское училище и 6-я резервная авиационная группа в составе четырех авиаполков. Ставкой были предприняты меры по обеспе-

чению сосредоточения соединений 1-го гвардейского корпуса. Наркомату путей сообщения и комендантам станций были даны указания об ускорении продвижения к Туле и Калуге эшелонов корпуса, управления 49-й армии, 5-й гвардейской и 194-й стрелковой дивизий. В районы Орла и Мценска из Ярославля был срочно переброшен по воздуху 5-й воздушно-десантный корпус (10-я и 201-я воздушно-десантные бригады), которым командовал полковник С.С. Гурьев. Корпус намечалось высадить на аэродроме г. Орла, но в связи с захватом

Командир 4-й (с 11.11.1941 г. 1-й гвардейской) танковой бригады полковник М.Е. Катуков

его противником место высадки своевременно изменили. Но одному из батальонов пришлось высаживаться на аэродроме под артобстрелом противника. В короткий срок примерно 5,5 тыс. десантников с их вооружением и боевой техникой были переброшены на дальность до 500 км. Десантники быстро организовали оборону в 5—6 км от северо-восточной окраины города по берегу р. Оптуха. Они удерживали рубеж до подхода 4-й танковой бригады полковника М.Е. Катукова.

Из воспоминаний командира 1-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Д.Д. Лелюшенко:

«В районе Орла оказался 132-й погранполк под командованием подполковника Пияшева, который пытался связаться со старшим командованием. Полку была поставлена задача: оседлать шоссе в восьми-десяти километрах северо-восточнее Орла и удерживать рубеж до подхода главных сил корпуса. Так как на вооружении пограничников имелись только винтовки и гранаты, то на усиление им из 36-го мотоциклетного полка были переданы два бронеавтомобиля БА-6, 12 мотоциклов с пулеметами и более 200 противотанковых мин.

В 21 час разведотряд противника в составе двух легких танков, шести бронетранспортеров и 15 мотоциклов против-

ника атаковал позиции полка. Враг отступил, оставив на поле боя один танк, два бронетранспортера и восемь мотоциклов, а также до двух десятков убитых и раненых. Командир полка направил к нам восемь пленных, захваченных в этом бою. Из их показаний мы узнали, что в Орле находятся части 4-й танковой дивизии 24-го танкового корпуса 2-й танковой группы Гудериана. Эти сведения были очень кстати.

4 октября несколькими эшелонами в Мценск прибыла 4-я танковая бригада полковника М. Е. Катукова. <...> Сразу же после прибытия первых эшелонов бригады выделили из ее состава две сильные разведгруппы и поставили им задачу: выявить силы и намерения группировки противника, занявшей Орел. Первую группу, имевшую на вооружении 7 танков Т-34 и КВ, возглавил командир батальона капитан В. Г. Гусев. Она должна была внезапно ворваться в Орел, боем произвести разведку противника в городе и захватить пленных. Вторая разведывательная группа с восемью танками Т-34 под командованием командира танковой роты старшего лейтенанта А. Ф. Бурды получила задачу двигаться по маршруту Мценск, Домнино, Грачевка, ворваться в Орел с юго-восточной окраины, разведать силы противника и захватить пленных. 36-му мотоциклетному полку предстояло по-прежнему продолжать разведку на широком фронте по ранее указанным направлениям, своевременно разгадывая намерения противника и тщательно следя, чтобы он не обошел наши фланги.

Обе танковые разведгруппы 4 октября выступили для выполнения поставленной задачи. В полдень группа капитана Гусева вышла к северо-восточной окраине Орла. Для разведки города был выслан дозор в составе танкового взвода (три танка Т-34) во главе с командиром взвода младшим лейтенантом Г. Ф. Овчинниковым. Смелой атакой разведчики уничтожили два немецких орудия и ворвались в город. Для усиления дозора капитан Гусев послал взвод в составе двух танков КВ под командованием лейтенанта В. И. Ракова. Оставаясь с ядром группы на северо-восточной окраине города, он выслал также дозорные танки на фланги.

Танкисты Гусева действовали дерзко, огнем и тараном громили вражеские танки, бронетранспортеры, грузовые и легковые автомашины. Когда на исходе было горючее и боеприпасы, произошло неожиданное столкновение с пятью неприятельскими бронетранспортерами. Молниеносный удар,

и с гитлеровцами было покончено; восемь солдат и один офицер были взяты в плен. В числе трофеев оказались и оперативная карта, которая, как и офицер, была срочно доставлена в Москву. Начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников по телефону поблагодарил разведчиков за ценные сведения и обещал ускорить прибытие соединений, предназначенных для корпуса» [50]. Благодаря захваченной карте удалось раскрыть состав группировки немецких войск на этом участке фронта.

О боях под Мценском, особенно о действиях 4-й танковой бригады полковника М.Е. Катукова написано много. В ее состав на 3 октября 1941 г. входил танковый полк (49 танков), мотострелковый батальон, зенитно-артиллерийский дивизион, ремонтная рота и другие специальные подразделения. В танковом полку было два батальона, первый из них был оснащен танками БТ-7, второй имел роту средних (Т-34), легких (Т-60) и тяжелых танков (КВ). Бригада была укомплектована личным составом частей 15-й танковой дивизии, прибывших с фронта на переформирование, и пополнена за счет призванных из запаса Сталинградским облвоенкоматом. Катуков, используя боевой опыт фронтовиков, сумел за короткий срок (чуть больше месяца) обучить и сколотить бригаду, наладить эффективное взаимодействие между экипажами и подразделениями бригады. Катуков умело применил тактику танковых засад и использовал превосходство Т-34 в бронировании, вооружении и проходимости над немецкими танками. Танкисты бригады, отражая атаки противника, проявили недюжинное мастерство и мужество. Так, танковый батальон под командованием капитана А.А. Рафтопулло в бою у д. Ильково нанес противнику серьезный урон. Всего было подбито 43 вражеских танка. Капитан был ранен, но остался в строю. А.А. Рафтопулло был удостоен звания Героя Советского Союза.

В общей сложности в боях у Мценска части 4-й танковой бригады во взаимодействии с 11-й танковой бригадой подполковника В.А. Бондаря и другими частями корпуса нанесли большие потери соединениям 24-го моторизованного корпуса, задержав его продвижение к Туле на две недели. Танкисты 4-й танковой бригады, потеряв 28 танков (из них сгорели — 9, пропали без вести — 6, остальные были эвакуированы), уничтожили и подбили 133 танка. Кроме того, противник потерял: 2 бронеавтомобиля, 2 танкетки, 4 полевых орудия, 6 даль-

бойных орудий, 8 самолетов, 12 автомашин, 2 цистерны, 15 ПТО, 15 тягачей, 4 зенитных орудия, до полка пехоты.

После боев под Мценском в 4-й танковой дивизии в строю осталось 38 танков¹ [17]. В связи с большими (по немецким меркам) потерями дивизии было проведено специальное исследование. Гудериан был вынужден признать, что его противники набрались опыта. Вот как он вспоминал об этих боях:

«<...> Одновременно в районе действий 24-го танкового корпуса у Мценска, северо-восточнее Орла, развернулись ожесточенные бои, в которые втянулась 4-я танковая дивизия... В бой было брошено большое количество русских танков Т-34, причинивших большие потери нашим танкам. Превосходство материальной части наших танковых сил, имевшее место до сих пор, было отныне потеряно и теперь перешло к противнику. Тем самым исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех». И далее:

«Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить. Особенно неутешительными были полученные нами донесения о действиях русских танков, а главное, об их новой тактике. Русская пехота наступала с фронта, а танки наносили массированные удары по нашим флангам. Они кое-чему уже научились» [7].

А Гальдер записал в своем дневнике:

«6.10 Группа армий «Центр». 2-я танковая армия Гудериана, наступающая от Орла на Тулу, испытала мощный контрудар противника с северо-востока (в полосе наступления 4-й танковой дивизии)» [17].

Интересно, что до боев под Мценском «тридцатьчетверки», в отличие от танков «КВ», особого впечатления на немцев, судя по опубликованным мемуарам, не произвели. Хотя танков «КВ» было значительно меньше, чем Т-34. Дело в том, что экипажи «КВ» комплектовались исключительно офицерами, только механики-водители могли быть старшинами. Уровень их подготовки намного превосходил уровень экипажей, которые воевали на танках других типов. Воевали они более умело, поэтому и запомнились немцам. Успешные действия бри-

¹ По немецким данным, требующим подтверждения, 4-я тд в период с 1 по 10 октября потеряла 334 человека, в том числе убитыми — 86, пропавшими без вести — 1. К началу войны в ней было 212 танков, на 9.09 боеготовых — 83, в ремонте — 79. К 30.09 она могла иметь в строю порядка 100—110 танков. После взятия Орла в ней оставалось 59 боеготовых танков.

гады полковника М.Е. Катукова еще раз показали, что исход боев решают не только и не столько тактико-технические характеристики танков, сколько подготовка экипажей, их умение воевать и способность командования правильно использовать танковые войска. Вскоре 4-я танковая бригада была преобразована в 1-ю гвардейскую.

Большую роль в задержке наступления дивизий 24-го моторизованного корпуса противника сыграла наша авиация. Удары по колоннам врага наносили части резервной авиagrппы, которые в основном действовали малыми группами. По воспоминаниям Г.В. Зимина, чей 42-й иап входил в эту группу, «на штурмовку летали звенья, одно за другим, с таким расчетом, чтобы постоянно держать немцев в напряжении и так замедлять их продвижение. При наших атаках даже малыми силами колонны гитлеровцев останавливались, мотопехота разбегалась по кюветам, оврагам и ложбинам. Все это нам хорошо было видно, т. к. действовали мы с малых высот. Работая на бреющем, мы не давали себя обнаружить истребителям противника и одновременно снижали эффективность огня вражеских зенитчиков».

В частности, неплохо был организован налет на аэродром Орел-Западный летчиков 74-го шап и 42-го иап. Два полка — звучит внушительно, но было в них всего шесть штурмовиков и не более 12 истребителей. Группа взлетела, несмотря на прогноз нелетной погоды, и сумела застать врага врасплох. За четыре захода удалось повредить и уничтожить (по советским данным) до 70 вражеских самолетов. Группа вернулась без потерь. По свидетельству немцев, очевидцев налета, появление русских самолетов со стороны встающего солнца действительно оказалось неожиданным. Однако к следующей атаке зенитчики и дежурные истребители успели хорошо подготовиться и сбили все штурмовики, участвующие в повторном ударе. И в этом случае, как обычно, каждая сторона постаралась преувеличить потери своего противника. Позднее пленные немецкие летчики оценили свои потери на этом аэродроме в 10—12 самолетов [35].

Вернемся на север, чтобы рассмотреть обстановку в тылу Западного фронта. К исходу 3 октября противнику удалось прорвать оборону фронта и захватить два небольших плац-

дарма на восточном берегу Днепра, по которому проходил передний край первой полосы Ржевско-Вяземского оборонительного рубежа. В создавшихся условиях этот заблаговременно подготовленный рубеж мог бы сыграть важную роль в отражении наступления прорвавшейся группировки противника. Но тут как раз и дал знать о себе просчет Ставки ВГК, которая допустила уже упоминавшуюся «чересполосицу» и не организовала взаимодействие войск Западного фронта и армий второго эшелона Резервного. В сражение вступили войска 32-й армии и те части 49-й, которые еще не успели погрузиться в эшелоны. Ставка в этот момент должна была взять на себя организацию взаимодействия войск двух фронтов на этом направлении или переподчинить войска 31-й и 32-й армий Западному фронту. В течение 3 и 4 октября не было сделано ни того, ни другого!

И в то время, когда войска опергруппы Болдина на правом берегу Днепра вели ожесточенные бои с превосходящими силами противника, войска 49-й армии, занимавшие подготовленный рубеж от устья р. Вязьма и севернее, в соответствии с решением Ставки продолжали начатую 2 октября перегруппировку. Соединения сдавали занимаемые участки обороны и выдвигались к станциям погрузки. До начала немецкого наступления они занимали довольно широкие полосы. Например, 220-я стрелковая дивизия 49-й армии, получившая приказ на перегруппировку, к концу сентября была развернута на рубеже Валутино, Булашово протяженностью 35 км. С началом отправки дивизий инженерные сооружения и участки минных полей оставались с минимальной охраной. Чтобы прикрыть оставляемые участки укреплений, пришлось растягивать фронт обороны соединений 31-й и 32-й армий.

Так, части 140-й стрелковой дивизии 32-й армии с утра 2 октября приступили к приемке участка обороны от 905-го сп 248-й сд и полосы обороны 194-й сд 49-й армии на восточном берегу Днепра от Шабрыкино до Сопотово (12 км севернее автостреды. — Л.Л.). КП дивизии был развернут в Михалево. Связи с 19-й армией в это время не было¹. На участке, где противник захватил плацдармы, как раз и оборонялись части

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 15. Л. 186.

248-й стрелковой дивизии, части которой грузились в эшелоны. Видимо, поэтому остались без должной охраны и мосты через Днепр, которые и уничтожить оказалось некому.

Хотярека в верховье имела небольшую ширину, всего 25—40 м при глубине от 0,7 до 3 м, она представляла собой серьезное противотанковое препятствие. Подступы к переднему краю простреливались из оборонительных сооружений различного типа. Мы уже рассматривали этот вопрос на примере построения обороны в районе автомобильной и железнодорожной магистралей. Конкретных данных о готовности оборонительного рубежа на этом направлении обнаружить не удалось. Но, судя по немецким аэрофотоснимкам, нанесенным на обзорные карты масштаба 1:300 000, плотность инженерных сооружений в районе захваченных плацдармов была значительно ниже, нежели в полосе 2-й стрелковой дивизии (см. схему 17).

Обобщем состоянии Ржевско-Вяземского рубежа на 1 октября можно судить по докладу Военного совета 31-й армии, согласно которому укрепленная оборонительная полоса протяженностью 265—270 км на участке Осташков, Валутино (30 км западнее Сычевки) в основном была закончена. Всего было построено (в знаменателе — занято войсками): 76-мм тумбовых орудийных установок — 4, долговременных сооружений ДОТ-4 — 20/20, НПС-3 (КПО-3) — 119/119, артиллерийских 76-мм — 110/94, 45-мм — 80/80, пулеметных — 17; ДЗОТ артиллерийских — 178, пулеметных — 723, СОТ — 26. Всего было построено 1277 сооружений, из них занято войсками на 1 октября — 307 (правильно — 317. — л.л.)¹.

Полоса была разбита на 61 батальонный узел обороны, из них в первом эшелоне — 41, которые были заняты силами 18 батальонов — в среднем один батальон на полковой участок. Войска были вытянуты в линию при отсутствии вторых эшелонов в ротах и батальонах, полках и дивизиях, поэтому глубина обороны не превышала 4—6 км. В докладе отмечалось, что построенные долговременные сооружения, не осво-

¹ ДОТ-4, НПС-3 (КПО-3) — наименования комплектов вооружения, устанавливаемых в долговременных сооружениях. Например, комплект ДОТ-4 включал: бронированный короб, шаровую установку 45-мм ПТО и спаренную с ней установку 7,62-мм пулемета, а также противовесы, откатные устройства, гильзосброс и т.д. СОТ — скрывающаяся огневая точка.

енные и не занятые войсками, легко могут быть заняты противником. Дополнительно требуется 10 пулеметных батальонов и 2—3 дивизии. Соединения, занимая широкий фронт обороны (110 сд — 22 км, 249 сд — 80—85, 247 сд — 70, 119 сд — 55), не в состоянии занять и освоить все построенные на их участке сооружения»¹.

Командование 32-й армии связи с Западным фронтом не имело и о положении его войск на подступах к Днепру ничего не знало. Судя по всему, там не представляли, что крупные силы противника подошли так близко. Никаких действенных мер по усилению обороны на угрожаемом направлении предпринято не было. О занятии противником 3.10 Холм-Жирковского в 32-й и 31-й армии узнали только на следующий день — 4 октября — из сообщения штаба 49-й армии (связи с Западным фронтом по-прежнему не было). Само собой, дивизии, начавшие погрузку в эшелоны, разведку не вели. Поэтому выход противника к реке оказался для них неожиданным. Немцам удалось с ходу преодолеть Днепр по двум уцелевшим мостам восточнее Холм-Жирковский и сразу же переправить на восточный берег танки. На следующий день они под прикрытием артиллерийского и минометного огня форсировали Днепр на участке 220-й и 248-й стрелковых дивизий и при поддержке 25—30 танков закрепились на двух больших плацдармах.

Странно, но несмотря на обострение обстановки в полосе Западного фронта, перегруппировка соединений продолжалась и в последующие дни. 110-я сд выдвинулась в район обороны 247-й сд, оставив 1287-й стрелковый полк на рубеже Заплавье, совхоз Покровский, который был подчинен командиру 249-й сд. Стык со 119-й сд у Степанково прикрыт силами 9-й роты и роты заградотряда дивизии. 247-я стрелковая дивизия с 510-м гап РГК, 873-м ап ПТО и 297-м пулеметным батальоном должна была оборонять укрепленную полосу на фронте Липовка, Валутино. Но не все проходило гладко. Так, уже позднее 126-я сд 31-й армии (переданная из 22-й армии) к 20.00 4.10 сосредоточилась в местах погрузки. Но к 2.00 5.10 не было подано ни одного эшелона. Немецкая авиация

¹ ЦАМО РФ. Ф. 386 (31 А). Оп. 8583. Д. 1. Л. 55. Д. 63. Л. 152.

систематически наносила удары по важнейшей железнодорожной рокаде, препятствуя маневру резервами.

Из воспоминаний командира 2-й сд генерал-майора Вашкевича:

«Командиры дивизий 32-й армии узнали о переходе противника в наступление только 3 октября. До этого приходилось пользоваться отрывочными и разноречивыми сведениями. Вечером 3 октября командующий 32-й армией генерал-майор С. В. Вишневский информировал меня в самых общих чертах об обстановке и о том, что в районе Холм-Жирковский против 13-й дивизии народного ополчения (140-я сд. — **Л.Л.**) Ростокинского района Москвы (правого соседа нашей 2-й стрелковой дивизии) появилось до 100 вражеских танков.

На участке соседа слева — 7-й дивизии народного ополчения Бауманского района, занимавшей левый берег Днепра до Дорогобужа (29-я сд к 14.00 4.10 занимала рубеж Дорогобуж—Болдино, Штарм—Беломир. — **Л.Л.**), фашистские войска еще не показывались. Что происходило в районе Ельни и южнее — для нас оставалось неизвестным. Все связи оказались нарушенными, а разведка донесений еще не прислала.

<...> В то же время поступили сведения, что крупные танковые силы противника заняли Спас-Деменск и Мосальск.

Обстановка продолжала ухудшаться, возникла реальная угроза окружения, и Лукин 4 октября запросил разрешение на отход армии на более выгодный рубеж в глубине. Однако Конев сам не решился на это. Связь с Москвой и армиями в это время была неустойчивой» [37].

Не ясно, почему командующий Западным фронтом не попытался установить связь с 32-й армией хотя бы через Москву, организовать с ней взаимодействие? Или хотя бы поставить вопрос об этом 3 октября? Формально упрекать Конева за создавшееся положение на Ржевско-Вяземском рубеже нельзя, но только формально. Конечно, это дело Генштаба и Ставки организовывать взаимодействие между фронтами,

особенно при резком изменении обстановки. Вот это постоянное запаздывание с принятием решений и их практическим исполнением и приводило к неудачам. Недаром в своих планах на развитие операции противник учитывал «примитивные формы управления войсками и примитивные формы организации боя» советского командования. К сожалению, во многом немцы оказались правы.

К этому времени все внимание командующего Резервным фронтом было целиком направлено на локализацию прорыва противника на юхновском направлении. Буденный потерял управление войсками 43-й армии, и ему было не до обстановки в полосе 31-й и 32-й армий, которые он рассматривал только в качестве источника резервов для своего фронта. А Конев отвечал за оборону вяземского направления. Он знал, что в его тылу развернуты войска 31-й, 49-й и частично 32-й армий Резервного фронта. Но, по его словам, только из разговора с Буденным в ночь на 6 октября якобы узнал, что соединения 49-й армии Резервного фронта по распоряжению Ставки покинули свои позиции. Получается, что Конев даже не поставили в известность, что в тылу его фронта с подготовленного рубежа выводится целая армия. Возможно, что его забыли предупредить или не посчитали нужным информировать о директиве Ставки. Но Иван Степанович в этом случае явно лукавит. Он запомнил, что поручил своему заместителю генерал-лейтенанту С.А. Калинину выяснить обстановку на Днепре. А тот ему сообщил, что некоторые соединения 49-й армии направлялись на станции погрузки.

Так, 4 октября в 19.50 генерал Калинин доложил Коневу о положении:

«... его [противника] передовые части, просочившиеся за р. Днепр, продолжают занимать д. Тиханово, Глушково, Аладьино, Устье (последние два пункта на западном берегу Днепра в 5—6 км юго-восточнее Холм-Жирковский. — Л.Л.). **Его силы в этом районе не более батальона с 20 танками** (здесь и далее выделено мною. — Л.Л.).

На подготовленном рубеже по восточному берегу р. Днепр оборону занимают: от устья р. Вязьма до Сопотова 140 сд. Она вышла на этот рубеж 2.10, фронт 25 км. Два полка в первом эшелоне, один во втором. Занято плохо. **Подготовленные окопы и ДЗОТы не используются**

Севернее устья оборону должна занимать 248 сд¹. Она была отведена на погрузку в Новодугинскую и сейчас возвращается. Командир дивизии генерал-майор т. Сверчевский сейчас со мной в д. Тычково. Полки подойдут к середине ночи. Сейчас впереди нас только рота спецбатальона и против Глушкова два батальона 902 сп. Командир дивизии намерен к утру 5.10 выбросить противника за р. Днепр.

С подходом 248 сд положение на р. Днепр улучшится, **но его надежным считать нельзя. Требуется вмешательство.** Считал бы совершенно необходимым объединить командование на этом фронте, включая подготовленный рубеж на р. Днепр в Ваших руках.

Выезжаю за р. Днепр и буду продолжать выполнение Ваших указаний.

Самочувствие мое и адъютанта хорошее. Перевязка сделана, рана пулевая навывлет, череп не поврежден.

С. Калинин»².

Захват плацдармов на восточном берегу Днепра для советского командования оказался весьма неприятным сюрпризом. Теперь все зависело от оперативности и решительности действий командующего 32-й армией. По данным оперсводки № 138 штаба Резервного фронта от 4.10 21.00, положение войск 32-й армии было следующим. На 18 часов 4.10 248-я стрелковая дивизия двумя полками, возвратившись со станции погрузки, вела бой у Глушковской переправы через р. Днепр. К 20.00 этого дня она сосредоточила ранее выведенные части по р. Днепр на участке от Паршино до устья р. Вязьма. В районе Тихановской переправы отбито наступление двух рот противника. 220-я сд оставалась на прежнем рубеже, один полк — на погрузке на ст. Сычевка, 389-й гап (194-й сд. — Л.Л.) следовал на погрузку у Семлево.

18-я сд после выгрузки вышла на р. Днепр на участке Мостовая, Волочек (ныне пос. Нахимовское. — Л.Л.) шириной по

¹ К 20 сентября в 248-й сд (899, 902 и 905-й сп) насчитывалось 13 830 (по штату 14 760) человек, на вооружении состояло: 76-мм пушек — 34, 152-мм гаубиц — 12, 122-мм гаубиц — 32, минометов 120-мм — 12, 82-мм — 34, 50-мм — 84, радиостанций — 9.

² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 251 л. Д. 11. Л. 63, 64.

фронту 12 км, в готовности наступать во втором эшелоне. 2 сд занимала оборону на прежнем рубеже по восточному берегу р. Днепр. Связь с 222, 248 и 18-й сд осуществлялась делегатами, с 140-й и 2-й сд — нормальная.

Понять из этой оперсводки, насколько сложное положение создалось в этом районе, невозможно. Ни слова о захвате противником двух мостов. Важный момент: силы противника на восточном берегу Днепра — не более одного-полтора батальонов с 20—25 танками. Надо принимать срочные меры, пока он не переправил на левый берег дополнительные силы, поставить задачу авиации на разрушение мостов. Но у командующего 32-й армией нет ни авиации, ни гвардейских минометов. Связи с Западным фронтом тоже нет, а Конев медлит. У маршала Буденного одна забота — какими силами и как остановить противника в полосе 43-й армии. Ему не до вяземского направления.

Конев вспоминает:

«В связи с создавшимся положением я 4 октября доложил Сталину об обстановке на Западном фронте и о прорыве на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменск, а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 19, 16 и 20-й армий Западного фронта со стороны Холм-Жирковского. Сталин выслушал меня, однако не принял никакого решения. Связь оборвалась, и дальнейший разговор прекратился. Я тут же по Бодо доложил начальнику Генерального штаба маршалу Шапошникову более подробно о прорыве на Западном фронте в направлении Холм-Жирковский и о том, **что особо угрожающее положение создалось на участке Резервного фронта** (выделено мною, но непонятно, о каком участке идет речь. — Л.Л.). Я просил разрешения отвести войска нашего фронта на гжатский оборонительный рубеж. Шапошников выслушал доклад и сказал, что доложит Ставке. Однако решения Ставки в этот день не последовало» [43].

Конев предложил отвести войска сразу на гжатский рубеж. Видимо, рассчитывал отойти перекатом через рубеж на р. Днепр, занятый войсками Резервного фронта, и под их прикрытием занять оборону и привести в порядок войска. Но, во-первых, гжатский рубеж к обороне не готовился, во-вто-

рых, это означало совершить скачок сразу на 140—150 км от рубежа, занимаемого 16-й и 20-й армиями, чтобы занять оборону в 45—50 км сзади подготовленного Ржевско-Вяземского. Учитывая близость столицы, кто мог бы взять на себя такую ответственность? При таком глубоком отводе войск пришлось бы пожертвовать и выгодным для отражения ударов противника рубежом на восточном берегу Днепра, удерживать который вряд ли смогли слабые силы 32-й армии. Шапошников привнес его положительные качества — не тот человек, который мог бы предложить подобное решение Сталину. Да Конев и не сказал ему всю правду о положении в полосе своего фронта. К его переговорам с Шапошниковым мы еще вернемся.

Маршал Буденный, признав, что в его распоряжении нет сил, чтобы остановить противника или хотя бы задержать его продвижение на юхновском направлении, в отличие от Конева, не решился поставить вопрос об отводе войск фронта на подготовленный рубеж в тылу. Он хорошо запомнил предметный урок, преподанный ему Сталиным, когда он поддержал предложение Юго-Западного фронта об отводе войск фронта и оставлении Киева. Между тем угроза глубокого охвата армий южного крыла Резервного, а затем и Западного фронтов нарастала. 5 октября в 16,20 боевым донесением № 049/оп штаб Резервного фронта доложил начальнику Генштаба о тяжелой оперативной обстановке, сложившейся на левом крыле фронта:

«1. По непроверенным данным, разрозненные части 43 армии продолжали отходить на север и северо-восток. Со ст. Угра связисты сообщают, что район Вскоды, 20 км ю.-з. ст. Угра, занят передовыми частями противника. 7.00 5.10.41 от штарма 43 были получены данные обстановки (к) исходу 4.10.41. Положение войск 43 А к 12.00 5.10.41 неизвестно. Связь по проводам и радио отсутствует¹.

2. По данным авиации, Юхнов, Мосальск заняты противником. По донесению РО (разведотдела. — Л.Л.), ВВС 24А 10.30 5.10.41 Кувшиново, 10 км сев.-вост. Юхнов, **по шоссе и до-**

¹ В фонде 43-й армии ЦАМО документы имеются начиная только с 6.12.1941.

роге на юго-запад до реки Пополта танки в два ряда до тысячи штук (здесь и далее выделено мною. — Л.Л.).

3. Положение войск 33 А неизвестно (связи с ней не было в течение более суток. — Л.Л.).

4. Положение на левом фланге Резервного фронта создавалось чрезвычайно серьезное. Образовавшийся прорыв вдоль Московского шоссе закрыть нечем. Направленная из 32 А 29 сд с дивизионом ПТО на Юхнов выйти не успевает. И подойдет только к исходу 5.10. Головные части дивизии в 16.00 5.10 наблюдались авиацией на подходе Юхнов со стороны Добрая, Слободка.

5. 5 сд в составе 2580 человек и 119 сд из состава 31 А по смене последней частями 247 сд направляются вместо района Вскоды в район Гжатск для действия на Юхнов или Вязьма, Угра по обстановке.

Высланный командир на ст. Мятлевская для организации выгрузки 17 тбр и постановке задачи обороны района Юхнов, видимо, в Мятлевская не попал. Связи с Мятлевская нет. Изменить район выгрузки 17 тбр и поставить ей задачу могу не успеть (речь идет о танковой бригаде, на которую 8 октября наткнется прибывший из Ленинграда генерал армии Г.К. Жуков. — Л.Л.).

6. Фронт своими силами задержать наступление противника не может. Принятые фронтом мероприятия слабы по силе удара и запаздывают по времени. Кроме систематических ударов авиации по мотомехколоннам противника необходимо дополнительными мероприятиями фронта перебросить район Гжатск не позднее утра 7.10 две сд, две тбр, два-три ап ПТО, два-три дивизиона М-13 и в район Медынь не менее одной сд, двух-трех тбр, двух ап ПТО.

Анисов. Карасев, Боголюбов»¹.

Обстановка на Брянском фронте также требовала принятия кардинального решения. Вечером 5 октября команду-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 204 (генерал-майор Анисов А.Ф. — начальник штаба Резервного фронта с 10.8 по 12.10.1941 г., полковник Боголюбов — начальник оперативного управления фронта).

щий снова обратился в Генштаб с предложением отвести войска фронта на тыловой рубеж. Из отчета Еременко:

«<...> Серьезность положения на фронте заставила меня еще 5.10 изложить Вам в переговорах по прямому проводу мой план отвода армий. Но полученный от Вас 5.10 ответ не мог быть расшифрован, так как без моего разрешения шифровальная машина 5.10 была вывезена в Хвостовичи»¹.

Опять подвели нерадивые помощники...

Здесь, видимо, требуется пояснить, что в Красной Армии в штабах от дивизии и выше в целях шифровки передаваемых донесений использовалось машинное шифрование. На оперативно-тактическом уровне использовались малогабаритные дисковые кодировочные машины К-37 «Кристалл», на оперативно-стратегическом уровне — шифровальные машины М-100 «Спектр». Шифровальная техника позволяла в 5—6 раз по сравнению с ручным способом повысить скорость обработки телеграмм, сохраняя при этом гарантированную стойкость передаваемых сообщений. Но таких машин было ограниченное количество. Немецкие дешифровальщики с самого начала войны безуспешно пытались прочесть перехваченные советские криптограммы, обработанные машинными шифрами. Уникальная система машинного шифрования могла быть раскрыта только при захвате самой шифртехники и ключей к ней. Поэтому их берегли как зеницу ока. Данных о том, что немцам удалось взломать наши машинные шифры, неизвестны. Если немцам и удалось сделать что-то, то только в тактических радиосетях.

Но мы несколько забежали вперед.

Германское командование отмечало, что русские в отличие от французов не чувствительны к угрозам на флангах. В создавшейся к 4 октября обстановке эта нечувствительность вышла за пределы разумного. В Ставке, видимо, плохо представляли положение, складывающееся на фронте. Тем более что в Генштабе в течение 2 и 3 октября получали донесения об успешных действиях войск 16-й, 20-й, да и 24-й армий, которые отражали атаки противника. Упорно сражалась и 19-я ар-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 32. Л. 1—30 (отчет Брянского фронта).

мия, которая хотя и отошла с главной полосы обороны на правом фланге, но нигде не допустила прорыва обороны. Конев даже ставил успешные действия Лукина в пример другим. От Болдина также поступали донесения о наступлении соединенной опергруппы в указанных направлениях. Правда, каждый раз почему-то они начинали очередную попытку с рубежей, которые смещались в обратном направлении — на юг. Но кто вникал в названия каких-то деревушек!

Хотя к исходу 3 октября тревожные сигналы уже прозвучали. В полосе Западного фронта противник продвинулся на 55 км, в полосе Резервного фронта — на 80 км. Еще хуже складывалась обстановка на Брянском фронте, где противник, продвинувшись на глубину более 200 км, внезапным ударом захватил г. Орел. К 4 октября передовая 10-я танковая дивизия 40-го моторизованного корпуса 4-й танковой группы, захватившая Мосальск, находилась в 90 км от Вязьмы (см. схему 7). Расстояние между ней и частями 3-й танковой группы, захватившими плацдармы на Днепре, составляло примерно 140—150 км. В это время войска левого крыла Западного и 24-й армии Резервного фронта, продолжавшие удерживать фронт между участками прорыва, отражали атаки противника, проводимые лишь с целью убедиться, что русские не начали отход. Они находились в 100—130 км от Вязьмы. Далеко на западе остались и три армии Брянского фронта, глубоко охваченные с юга и севера. Вряд ли следовало ожидать, что противник будет упрямо продолжать продвигаться всеми силами на восток, оставив в своем тылу такие крупные группировки советских войск. Замысел противника все более прояснялся — глубоко охватить, а затем окружить основные силы Западного и Резервного фронтов. Опасность их окружения с каждым часом становилась все реальной. То же самое грозило и войскам Брянского фронта.

Высшее руководство страны, скорее всего, понимало всю опасность сложившейся обстановки, однако действовало нерешительно. И.В. Сталин, несомненно, сознававший свою вину в недавнем — всего две недели назад — тяжелейшем поражении под Киевом, никак не ожидал повторения такого же развития событий на московском направлении. Он колебался. Начальник Генштаба, более опытный в военном отношении, мог бы, основываясь на печальном опыте Юго-Запад-

ного фронта, попытаться убедить Сталина в необходимости отвода войск. Тем более что командующие фронтами — и Конев, и Еременко — просили разрешения на отвод войск. Но этого не произошло, и Ставка 4 октября уклонилась от принятия трудного решения, хотя перед глазами ее членов еще стояла недавняя картина разгрома войск Юго-Западного фронта.

На этом чрезвычайно важном вопросе — кто, когда и при каких обстоятельствах принял решение на отвод войск — мы остановимся в следующей главе.

Попытаемся подвести некоторые **итоги первых дней московской стратегической оборонительной операции** и заодно разобраться в причинах быстрого крушения обороны трех советских фронтов на Западном стратегическом направлении, выводящем к важнейшему политическому, экономическому и военному центру страны. На всех трех фронтах главная полоса обороны была прорвана в первый же день. Причем передовые соединения противника в этот же день смогли продвинуться на Брянском и Резервном фронтах на глубину 40—50 км. Темп продвижения противника в полосе Западного фронта за первые два дня наступления составил более 25 км в сутки. В третий раз с начала войны советский стратегический фронт обороны был прорван сразу на трех участках. 4 октября острие танкового клина Гота находилось в 55, а танковой группы Гепнера — в 90 км от Вязьмы. Гудериан, захватив Орел в 200 км от линии фронта, пытался развить наступление на Мценск.

В основе неудачных действий каждого из фронтов лежали свои причины, но были и общие. В официальных источниках, как обычно в таких случаях, ссылаются на превосходство противника в силах и средствах над нашими войсками и владение им стратегической инициативой, что позволяло ему выбирать время и место нанесения удара. Но перевес противника в силах и средствах к началу операции «Тайфун» не был столь значительным, как иногда это пытаются представить. Сложившееся соотношение в силах позволяло командованию фронтов имеющимися силами если не отразить удары, то хотя бы задержать наступление противника на время, потребное для выдвижения на угрожаемое направление резервов из глу-

бины и с неатакованных участков. Однако этого не произошло. Что же помешало нашему командованию использовать сильные стороны обороны, в том числе и заблаговременно подготовленные в тылу рубежи? Это главным образом ошибки и просчеты, допущенные в подготовке и ведении обороны на всех уровнях, начиная со Ставки и Генерального штаба.

На первое место следует поставить просчет Ставки, связанный с недооценкой силы и возможностей группировки противника, противодействующей нашим трем фронтам. Недооценили возможности врага по быстрому ее усилению, ошиблись в сроках готовности его к новой масштабной операции. Это застарелая болезнь нашего высшего военного руководства, убаюканного собственными сводками об уроне, нанесенном врагу в ходе предыдущих боев и сражений. Сколько раз еще она будет повторяться в ходе войны! Наша разведка прозевала крупные перегруппировки войск противника с флангов советско-германского фронта на Западное стратегическое направление. Это привело к запаздыванию с принятием решения на переход к так называемой жесткой обороне без всяких попыток частных наступательных операций под различными предлогами. Советским войскам не хватило времени на подготовку обороны, способной противостоять сильным ударам врага.

Сказалась и недооценка возможностей разведки противника, особенно воздушной, по вскрытию системы нашей обороны. Например, на Западном фронте почему-то думали, что противник только и способен тупо «прогрызать» хорошо подготовленную оборону на вяземском направлении. Можно продолжать и дальше, но остановимся, **отметив лишь, что недооценка возможностей противника, пробивной силы и подвижности его танковых и моторизованных соединений лежит в основе всех ошибок и просчетов, допущенных при подготовке и в ходе Вяземской оборонительной операции.**

А второе место по праву занимает другая сторона той же медали — **переоценка собственных возможностей.** За короткий срок — с 10 сентября, когда, наконец, прекратили масштабные наступательные операции, результаты которых по большому счету не стоили затраченных усилий и жертв, уда-

лось в какой-то мере пополнить войска Западного направления. Пополнить настолько, что решили под различными предлогами продолжать частные наступательные операции вплоть до 28 сентября. А такие поборники «улучшения тактического положения», как командующий Брянским фронтом, чутко улавливающий желания вождя, продолжали атаковать противника до самого начала операции «Тайфун». В результате не успели подготовить оборону к отражению ударов противника. Не удалось преодолеть тяжелейшие последствия предыдущих операций, войска были измотаны до предела. Укомплектованность соединений личным составом подняли лишь в процентах, только благодаря переходу на сокращенные штаты. Не хватало вооружения, боевой техники, боеприпасов и материальных средств, в том числе средств связи и транспорта. В связи с большими потерями, в том числе и командного состава, резко снизился и до этого не очень высокий уровень тактической подготовки командиров частей и подразделений, не говоря уже о слабой выучке личного состава, необученности пополнения. Вера солдата в способность командования добиваться успеха в связи с большими потерями, несопоставимыми с потерями противника, в значительной мере была подорвана. Недаром враг в своих оценках не однажды отмечал: «<...> русские войска, действовавшие по обе стороны Вязьмы, оказались измотанными во время предшествующих многодневных атак в направлении Смоленска».

И все же в распоряжении командования Западного, Резервного и Брянского фронтов оставались немалые силы, при правильном использовании которых можно было бы оказать немецкому «Тайфуну» более организованное и упорное сопротивление. В многочисленных трудах и исследованиях совершенно справедливо отмечалось пагубное влияние, которое оказал на ход боевых действий **крупный просчет Ставки при распределении зон ответственности фронтов — уже упоминавшаяся чересполосица**, которая по инерции осталась после Смоленского сражения. К началу операции две армии Резервного фронта оказались в первом эшелоне, а остальные четыре, по существу, составляли стратегический резерв, но подчинялись почему-то Буденному. Недаром этот фронт так и не получил директивы на переход к жесткой обороне. Читатель уже видел, что взаимодействие между Запад-

ным фронтом и армиями Резервного фронта, находившимися в его тылу, не было организовано. Судя по воспоминаниям Конева, он даже не представлял начертания подготовленных оборонительных рубежей в своем тылу: ведь он не собирался отступать. Дело дошло до того, что саперы 31-й армии заминировали рокадные дороги в тылу Западного фронта, которые предназначались для маневра его войск. В целом следует признать, что армии Резервного фронта, развернутые на подготовленном Ржевско-Вяземском рубеже в качестве стратегического резерва, отведенной им роли в обороне Москвы в полной мере не сыграли.

Иногда высказывается мнение, что количество войск позволяло разместить имеющиеся силы и средства на местности в два оперативных эшелона: первый — войска Западного и Брянского фронтов, второй — Резервный фронт. Возможно, в этом была бы несомненная оперативная логика, и подобное построение создавало удобства для управления стратегической группировкой в целом. Однако, по нашему мнению, идти на такую масштабную перестройку с переподчинением 24-й и 43-й армий, находящихся в первом эшелоне, связанную с изменениями в системе управления и снабжения было уже поздно и опасно. Проще было бы продлить разгранлинию между Западным и Резервным фронтами за железнодорожную рокаду Торжок, Ржев, Вязьма, Угра, оставив 33-ю армию Буденному. Глубина обороны Западного фронта увеличилась бы до 110—120 км. Конев получал в этом случае полноценный второй эшелон, возможность организации взаимодействия с ним и маневра резервами, опираясь на Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж. Переподчинение армий второго эшелона осуществить было проще. Кстати, это пришлось сделать, но уже в ходе отражения ударов противника в условиях острого недостатка времени и потери связи.

Ставка и командование фронтов ошибались также и в отношении направлений и силы ударов противника. При принятии решения на оборону оцениваются все элементы обстановки, но в первую очередь исходят из оценки противника, его группировки и намерений, применяемых им оперативных приемов. Взвешивают степень опасности его возможных ударов на различных направлениях и из них выбирается наиболее опасное для наших войск и, значит, наиболее выгодное

для противника. В этом и состоит искусство военачальников. И уже в зависимости от сделанных выводов определяются направления (районы) сосредоточения основных усилий войск, что, собственно, и составляет основу решения на оборону. В идеале они должны если не совпадать полностью с направлением главного удара противника, то хотя бы создавать возможность быстрого перехвата его за счет маневра резервами. К сожалению, Ставка ВГК, да и командующие фронтами не очень-то прислушивались к мнению командующих армиями и выводам разведчиков. Им отводилась роль исполнителей указаний «сверху». В том числе и поэтому **ни на одном из фронтов не удалось своевременно определить направление главного удара противника, а значит, правильно выбрать направление сосредоточения основных усилий.**

Быстрому прорыву фронта и высоким темпам наступления врага способствовали неглубокая оборона армий и низкая подвижность основной массы резервов, за исключением танковых бригад. В связи с запаздыванием с принятием решений и постановкой задач на контрудар войска не имели времени на его подготовку. При их проведении не удавалось создать превосходство в силах на направлении удара, организовать взаимодействие, артиллерийскую и авиационную поддержку. Поэтому контрудары фронтовыми резервами в лучшем случае имели ограниченный успех (опергруппа Болдина).

Немцы, прорвав оборону на узком участке, немедленно принимали меры по его расширению, захвату и закреплению рубежей, выгодных для отражения попыток противник контратаковать во фланг основной своей группировке. Контратаки и контрудары они, как правило, сначала отражали с места, а потом сразу атаковали. Иногда решение на контрудар (контратаку) принималось без учета конкретной обстановки совершенно недостаточными силами, только исходя из правильного в общем, но ложно понятого принципа активности обороны, а иногда и просто под нажимом «сверху». В некоторых случаях выгоднее было имеющимися силами занять выгодный рубеж и отражать наступление противника огнем с места.

За три месяца боев уже можно было изучить взгляды противника, его тактические и оперативные приемы по взлому нашей обороны и дальнейшему развитию операции. После

стремительного прорыва противником нашего фронта в трех местах можно было спрогнозировать его возможные дальнейшие действия. Немцы всяческими способами старались обозначить наступление на участках, где они на самом деле вели лишь демонстративные и сковывающие действия, чтобы как можно дольше вводить в заблуждение советское командование. И их уловка сработала. Советскому командованию так и не удалось вскрыть своевременно замысел противника по окружению основных сил фронтов за подготовленными оборонительными рубежами, и оно упорно продолжало удерживать крупными силами неатакованные участки фронта.

На наш взгляд, здесь проявилась **недостаточная самостоятельность командующих фронтами и армиями**, их нежелание и неумение отстаивать свое мнение. Решения и действия с постоянной оглядкой на прокурора лишали их возможности своевременно организовать смелый маневр силами и средствами за счет сил, снятых с пассивных участков. В этом отношении немецкие командующие армиями и тем более группами армий обладали несравненно большей самостоятельностью в принятии оперативных решений. По крайней мере, они не боялись Гитлера так, как боялись Сталина наши командующие.

Одной из причин неудачных действий наших войск в ходе операции стала **низкая устойчивость системы связи, которая привела к потере управления войсками** почти во всех звеньях — от штаба дивизии до Ставки ВГК. Издешь немцы повторили свой испытанный прием — удар по заранее разведанным (и доразведанным) пунктам управления и штабам всех уровней. Проводная связь в звеньях армия — фронт — Ставка с началом наступления врага была выведена из строя практически полностью. А ограниченное количество радиостанций требуемой мощности в штабах, отсутствие навыков в их использовании и преувеличенная боязнь пеленгации со стороны противника не позволили использовать эффективно даже имеющиеся средства радиосвязи. А без этого невозможно было управлять войсками в быстро меняющейся обстановке.

Глава 4

ОТХОД

Войска Западного фронта ведут тяжелые бои на направлении прорыва противника. Контрудар опергруппы Болдина не достиг цели. Резервный фронт потерпел поражение. О прорыве немецких танков в Юхнов в Ставке ВГК узнают от члена Военного совета МВО. Принимали Конев решение на отвод войск? Решение Ставки ВГК запоздало. Войска Западного фронта начали отход на Ржевско-Вяземский рубеж. Немцы охотятся за «штабом Тимошенко». Противник в Вязьме замкнул кольцо окружения. Пропал командующий Брянским фронтом.

Войска Западного фронта в течение 5 октября продолжали вести упорные бои, стремясь задержать ударную группировку противника на направлении прорыва. Армии на сохранивших свою целостность участках фронта продолжали удерживать свои позиции, отражая, по существу, демонстративные атаки противника. Особенно прочное положение занимали 16-я и 20-я армии на левом крыле фронта. В журнале боевых действий фронта вплоть до 4 октября по-прежнему, видимо по инерции, отмечалось, что в составе группировки противника на вяземском направлении насчитывается до пяти пехотных и двух танковых дивизий. На самом деле подвижные соединения 9-й полевой армии и 3-й танковой группы (за исключением резервной 14-й моторизованной дивизии), в том числе все три танковые дивизии, были задействованы на направлении главного удара и уже втянулись в сражение. Удивительно, но за трое суток боев нашей разведке так и не удалось взять контрольных пленных и выяснить действительный состав войск противника, противостоящих этим армиям. Видимо, такая задача не ставилась дивизиям?

Удерживали свои позиции и две армии на правом крыле фронта, которые в это время даже получали пополнение. Как

сейчас стало известно, 22-й армии противостояли всего две дивизии (12-я и 235-я пд), развернутые на фронте до 70 км, и еще одна — 281-я пехотная дивизия — находилась во втором эшелоне. Против 29-й армии на фронте 95—100 км (от Анд-реополя до Озеры) были развернуты четыре дивизии 23-го армейского корпуса (251, 102, 256 и 206-я пд). Противник силами 6-й и 7-й танковых дивизий готовился возобновить наступление с захваченных на Днестре плацдармов, одновременно пытаясь пехотными дивизиями 8-го армейского корпуса выйти к переправе через р. Вопец в районе Неелово. Немцы рассчитывали при благоприятном развитии обстановки перерезать автостраду. На этом направлении им противостояли ослабленные в боях соединения генерала Лукина.

Согласно оперсводке штаба 19-й армии на 17.00 5.10.1941 г., в течение ночи и с утра 5 октября противник силою до пяти дивизий продолжал наступление. Остатки 89-й сд (до 400 активных штыков) и сводный отряд 244-й сд (до 250 штыков) продолжали вести бой на занимаемом рубеже. Совместно с ними действовала 127-я танковая бригада, которая до 12.00 5.10 уничтожила до 500 солдат и офицеров противника, потеряв за 4 октября 22 танка (2 из них остались на поле боя). Правый фланг армии обеспечивала 45-я кавалерийская дивизия. На левом фланге 50-я сд во взаимодействии с соседом слева отбила попытки противника переправиться через реку Вопь. Два ее стрелковых полка были выведены из боя и совершали марш в район, указанный командующим фронтом. 134-я сд продолжала обороняться на р. Вопец. Связь с частями в течение дня работала с перебоями¹. В связи с интенсивным ведением огня и вынужденным отходом частей под натиском противника соединения армии начали испытывать острый недостаток боеприпасов, особенно для артиллерии. Уже 6 октября Лукин доложил в штаб фронта: «На головном складе 19 армии совершенно нет огнеприпасов. Положение катастрофическое. Прошу немедленной высылки и в первую очередь артистрелов»².

Наиболее трудное положение в полосе фронта сложилось в полосе 30-й армии генерала В.А. Хоменко. Противник, выйдя на рубеж Белый, Канютино, перерезал пути отхода 107-й

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 54. Л. 45.

² Там же. Оп. 2513. Д. 82. Л. 295.

мсд, 250-й и 242-й стрелковых дивизий. Остатки дивизий с боями пытались пробиться на восток. Части оперативной группы генерал-лейтенанта И.В. Болдина продолжали бой с прорвавшимися в район Холм-Жирковский подвижными соединениями противника. Хотя остановить продвижение врага в восточном направлении не удалось, частям опергруппы удалось своими активными действиями сковать части 6-й и 7-й танковых дивизий противника и задержать переправу их основных сил на захваченные плацдармы у Глушково и Тиханово.

В вечернем донесении разведотдела штаба 9-й полевой армии генерала А. Штрауса на 18.10 5 октября было отмечено, что в полосе фронта наступления противник продолжает упорно обороняться перед Днепровской позицией. И не только обороняться. В сводке врага говорилось, что в полосе 56-го армейского корпуса части предположительно 101-й танковой и 152-й стрелковой дивизий противника пытаются прорваться на восток к мосту у Тиханово. В донесении вражеского 411-го зенитного артполка были отмечены активные действия авиации русских, которая в течение 4 октября наносила бомбовые удары по районам 5 км западнее Холм, по Глушково и Тиханово. Удары наносились под прикрытием истребителей с высоты 3—4 тыс. метров. **Во время повторного взятия Холм-Жирковского** (выделено мною. — Л.Л.) 10-я батарея полка подожгла один средний танк противника, захватила 105 пленных и денежную кассу с 6800 рублями. Танковым огнем русских были выведены из строя одна четырехствольная установка и одно 20-мм орудие (на восстановление потребуется не менее 10 дней). В течение 4 октября, и особенно в ночь на 5 октября, противник вел почти непрерывный огонь по Аладыно. В отражении атак русских танков в этом районе принимала участие и 3-я батарея 41-го противотанкового батальона 6-й пд, один взвод которой был переброшен на плацдарм в Тиханово¹.

Приведенная выдержка из немецких документов подтверждает ожесточенность боев за Холм-Жирковский, который несколько раз переходил из рук в руки. Конев 5 октября приказал Болдину, обороняясь со стороны города частями 101-й мсд, остальными силами нанести удар на фронте 140-й стрелковой дивизии по прорвавшейся группе противника и восста-

¹ NARA, T315, R339, F017, 040.

новить оборону по р. Днепр на участке Николо-Немощенки, Сельцо¹. Однако части группы генерала Болдина были скованы боем на занимаемом рубеже. Выделенных для выполнения поставленной задачи сил оказалось недостаточно, и попытка отсечь части противника, прорвавшегося на левый берег Днепра, от его главных сил не удалась. Восстановить положение на восточном берегу Днепра можно было только во взаимодействии с частями 32-й армии.

К сожалению, имевшиеся реальные возможности по быстрой ликвидации захваченных плацдармов, пока гитлеровцы не успели основательно закрепиться на предмостных укреплениях, а основные силы группировки 56-го мк противника были скованы боем с частями группы Болдина, не были использованы. Время было упущено. 248-я стрелковая дивизия, получив приказ вновь занять свою полосу обороны, выполнить его не успела. Пока ее части возвращавшиеся со станции погрузки в Новодугинской (а это по прямой 45—50 км,) сосредоточивались для наступления, противник успел закрепиться. Недостаточно организованные атаки дивизии немцы отразили огнем танков, а также артиллерии противника с противоположного берега Днепра. В это время части 18-й стрелковой дивизии из состава 33-й армии Резервного фронта, переброшенной с юга, после разгрузки из эшелонов на ст. Сычевка совершали марш пешком порядком на назначенный рубеж. К 21.00 4.10 дивизия двумя полками первого эшелона вышла на большак в 1,5 км от Днепра на участке Мостовая, Волочек (ныне пос. Нахимовское у излучины р. Днепр в 50 км северо-западнее Вязьмы. — Л.Л.). Артполк дивизии продолжал разгружаться на ст. Сычевка. Дивизия не успела занять назначенный ей рубеж. Уже при подходе к нему части дивизии понесли большие потери. Ее 1310-й стрелковый полк был атакован на марше немецкими танками и в беспорядке отошел в направлении Вязьмы. В распоряжении командующего 32-й армией генерал-майора С.В. Вишневого к 16.00 6.10 находились ограниченные силы: в районе Пигулино — до двух полков 248-й стрелковой дивизии и в районе Мостовая, Пашутино — до двух полков 18-й. Ни о каком тесном взаимодействии с группой Болдина, основные силы которой все еще вели бой на правом берегу Днепра, не было и речи.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 82. Л. 286.

К тому же на восточном берегу Днепра, вопреки всякой логике, некоторые соединения 31-й и 49-й армий все еще занимались перегруппировкой. Только 248-я стрелковая дивизия получила команду прекратить погрузку в эшелоны и занять свои прежние позиции. Несмотря на прорыв обороны Западного фронта и выход противника к Днепру, в 8.00 5.10 две дивизии 31-й армии получили приказ командующего Резервным фронтом на переброску в район южнее Вязьмы. 119-я сд должна была к 19.00 передать свой участок 247-й сд и комбинированным порядком выдвинуться в район Вихоры (на р. Угра в 60 км южнее Вязьмы). Автотранспортом перевозили только людей, полковую и противотанковую артиллерию. Артполк и тыл дивизии — по железной дороге, начало погрузки — 16.00 5.10. В этот же день в 10.20 аналогичный приказ получила и 5-я стрелковая дивизия, которая выдвигалась в район леса восточнее Семлево. Артиллерию и тыл дивизии также должны были перевезти по железной дороге к 7.00 7.10 на ст. Угра. Однако авиация противника сорвала запланированные перевозки, а затем и сама железная дорога была перерезана врагом. И эти дивизии вскоре получили другую задачу.

Положение наших войск северо-западнее Вязьмы ухудшалось с каждым часом (см. схему 5). Тревожные сообщения шли по всем сохранившимся каналам связи. Находящийся в этом районе заместитель Конева генерал-лейтенант С.А. Калинин в 21.00 5.10.1941 г. доложил:

«<...> 248 сд. Два полка вели бой, были потеснены, отходят. Командир дивизии и я задерживаем, наводим порядок.

Положение тревожное. Третий полк дивизии на марше из Константинова на Настасьино, 143 тбр прошла Константиново. На утро организуем удар для восстановления положения. Требуется срочные меры. Я сейчас выезжаю с ком. пункта командира 248 сд 3 км западнее Настасьино в Константиново навстречу бригаде и 905 сп.

В 18.00 здесь был генерал Вишневский, положение знает и принимает меры. Усиливает 248 сд полком из 140 сд. Но этого недостаточно (на приложенной к донесению схеме было показано положение частей противника у Глушкова и Тычково. — Л.Л.). С. Калинин»¹.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 11. Л. 67, 68.

Кстати, это донесение Калинина еще раз подтверждает, что Конев, вопреки своему позднему утверждению, 5 октября знал о перегруппировке соединений 49-й армии и том, что сюда вышли соединения 32-й.

В 22.00 5.10 командир 248-й стрелковой дивизии генерал-майор К.К. Сверчевский, не имея связи ни с Резервным, ни с Западными фронтами, доложил напрямую в Генштаб важную информацию:

«Доложите немедленно: от Бараново через Каменец на Волочек непрерывно уже 45 минут идут танки и мотопехота, предположительно большинство на Андреевское и частично на Настасьино (6 км южнее Волочек. — **Л.Л.**).

Если скоро снимусь, то примерно на юго-[восток]»¹.

В 0.30 ночи 6 октября генерал Калинин доложил из Ново-Мишнево:

«Части Резервного фронта оказались не подготовлены. 248 сд двумя полками дралась хорошо, но противник прорвал ее правый фланг у Глушковской переправы <...>

С 21.00 до 22.00 продолжалось движение танков и мотоколонн (наблюдал капитан и сообщил по телефону).

Около 22.00 противник занял Волочек — 1038 сп (правильно — 1308-й сп. — **Л.Л.**) 18 дивизии народного ополчения не оказал должного сопротивления и начал отход Тишино — Белоусово. <...> Выезжаю в Рыльково — КП 18 сд (10 км северо-восточнее Волочек. — **Л.Л.**). <...> Положение очень серьезное. Буду все делать, чтобы восстановить уверенность и положение»².

Эти донесения означали, что противник ударом с глушковского плацдарма прорвал оборону наших войск и начал развивать наступление на Вязьму, одновременно частью сил повернув в направлении Сычевки. А на правом берегу Днепра части опергруппы генерала Болдина продолжали бой. В 7.20 6 октября Болдин доложил:

«1. Группа войск весь день 5.10.41 г. вела упорные бои, отражая контратаки пр-ка и попытки окружения отдельных соединений, имея перед собой целиком 5 армейский корпус и не менее одной танков[ой] дивизии.

¹ ЦАМОРФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 65. Л. 141—174.

² Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 11. Л. 65.

2. 101 мсд и 128 тбр, в течение дня отражали неоднократные контратаки пехоты и танков и, подвергаясь неоднократно бомбежке групп[ами] до 50 самолетов, вела напряженные бои за овладение Холм[-Жирковский].

Понесся большие потери, в результате повторной контратаки и бомбежки 101 (мсд) и 128 (тбр) к исходу дня отошли в лес 1,5 км южнее Холм, где приводят себя в порядок.

Перед фронтом <...> не менее двух пех. полков 35 пд и до 100 танков 6 тд. До бат-на пехоты пр-ка с танками вышли в район Аладыно. За три дня боев подбито 65 танков пр-ка, разбито 3 орудия и уничтожено до 1000 немцев.

Трофеи: 6 танков, 1 бронемашина, 1 рация, 12 винтовок, 2 мотоцикла.

3. 152 сд к 20.00 после упорных боев ворвалась одним батальоном в Игорььевское (12 км юго-зап. Холм-Жирковский) и захватила значительные трофеи, но вводом резерва пр-ка была оттуда выбита. (В) 17.00 до двух батальонов пр-ка предприняли психическую атаку с оркестром, которая была отражена пулеметным и артиллерийским огнем, причинившим большие потери пр-ку.

По сведениям местных жителей, в р-не Ваюватка (имеется в виду д. Дароватка, что в 6 км западнее Холм-Жирковский. — Л.Л.) закопано до 100 танков, за день авиация пр-ка несколько раз бомбила боевые порядки, летая эшелонами по 30—50 самолетов.

К исходу дня дивизии вышли на фронт Федино, Квасово, (иск.) Кузнечики, сев. окраина Левково.

4. 128 тбр вела трехдневные бои с превосходящим пр-ком, сдерживала натиск войск пр-ка, переходящих в контратаки и к исходу дня 5.10.41 г. оказалась окруженной пехотной дивизией с танками, из которого начинает прорыв с утра 6.10.1941 г. в направлении Воронцово (8 км южнее Холм-Жирковский. — Л.Л.).

Потери в матчасти достигают 30%.

На 6.10 ставлю войскам группы следующие задачи:

а) 101 и 128 занять и прочно удерживать рубеж перекресток дорог 1 км юго-восточнее Тишенки, Романики (4 км южнее Холм-Жирковский. — Л.Л.), не допустить распространения пр-ка на восток и юг, вдоль западного берега р. Днепр и уничтожить группы пр-ка в Аладыно, Черненово.

Заместитель командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенант И.В. Болдин

б) 152 сд без одного сп с остатками 251 сд овладеть Игорьевская.

в) Одному сп 152 сд прочно оборонять рубеж Пучина, Вержа, выс. 232.6»¹.

О положении частей 3-й танковой группы Гота на 6 октября можно судить по копии немецкой трофейной карты (схема 24).

К 6 октября в результате повторных атак противника и непрерывной бомбежки 128-я танковая бригада и 101-я мотострелковая дивизия вынуждены были отойти южнее. К этому времени дивизия, 128-я и 144-я бригады от авиации и артогня противника потеряли до 70% боевых машин.

Попутно заметим, что донесение Болдина — не первое свидетельство о психических атаках противника, когда германские солдаты шли под оркестр в атаку пьяными, в полный рост, несмотря на сильный пулеметный и ружейный огонь с советской стороны. В отражении этой атаки приняли участие танкисты 127-й танковой бригады, оказавшейся в ходе боя в окружении. Об этом, со слов ее командира генерал-майора танковых войск Ф.Т. Ремезова, рассказал позднее генерал Лукин. Гитлеровцы решили, что перед ними слабая, малочисленная группа красноармейцев, загнанная к тому же в лесные болота. Фашисты шагали под музыку в полный рост. Танкисты подпустили их совсем близко, а потом прицельным огнем буквально скосили первую цепь. Вторую и третью смяли танки. Уничтожив два батальона вражеской пехоты, бригада вырвалась из кольца и присоединилась к своим частям [40].

Между тем на направлении, где фон Бок наносил главный удар, подвижные соединения 4-й танковой группы противника 5 октября вышли передовыми частями к Юхнову. Немцы последовательно продолжали выполнять свой план двойного охвата группировки советских войск на вяземском направле-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 215. Л. 34, 35.

нии. В этот же день части этой танковой группы повернули на север — в тыл Западного фронта. Враг внимательно отслеживал признаки подготовки советских войск к отходу. Еще 3 октября командование группы армий «Центр» сделало вывод, что противник полон решимости обороняться и со стороны высшего русского командования нет каких-либо других приказов. То, что советские войска продолжали удерживать фронт по обеим сторонам автострды Смоленск — Москва, было выгодно немцам. Они рассчитывали, что в наметившееся окружение попадет около 70 крупных соединений в районах Брянск и Вязьма.

Начальник генштаба сухопутных сил вермахта генерал Гальдер в эти дни в своем дневнике записывал:

3.10: «Признаков преднамеренного отхода нигде не заметно».

4.10: «<...> противник продолжает всюду удерживать не атакующие участки фронта, в результате намечается глубокое окружение этих группировок противника».

5.10: «Сражение на фронте группы армий «Центр» принимает все более классический характер. Танковая группа Гудериана вышла на шоссе Орел — Брянск. Части противника, контратаковавшие левый фланг танковой группы Гудериана, отброшены и будут в дальнейшем окружены. 2-я армия быстро продвигается своим северным флангом, почти не встречая сопротивления противника. Танковая группа Гепнера, обходя с востока и запада большой болотистый район, наступает в направлении Вязьмы. Перед войсками правого фланга танковой группы Гепнера, за которым следует [57-й] моторизованный корпус из резерва, до сих пор не участвовавший в боях, **противника больше нет.**

4-я армия заходит фронтом на север. Степень сопротивления противника на различных участках неодинакова. Становится ясно, что противник хочет удержаться, но не может. 9-я армия находится в довольно трудном положении. Наступление 3-й танковой группы приостановилось из-за отсутствия горючего и возобновится только во второй половине дня. Пехота, совершая форсированные марши, быстро подтягивается, так что можно надеяться, что сопротивление противника, упорное и, видимо, на отдельных участках организованное, будет вскоре сломлено. Противник перебрасывает силы со спокойного участка фронта перед северным флангом 9-й ар-

мии (23-й армейский корпус, который еще не атаковал противника) на юг против нашей северной фланговой ударной группы.

<...> сопротивление противника почти всюду сломлено (за исключением фронта 2-й армии). Танковые дивизии продвинулись на 50, а пехотные дивизии — до 40 км. Противник продолжает удерживать фронты и ведет упорную оборону всюду, где он в состоянии ее организовать. Кое-где отмечено даже подтягивание резервов противника к фронту. Признаков преднамеренного отхода нигде не заметно.

<...> несмотря на поспешный отход на отдельных участках, организации планомерного и глубокого отхода не наблюдается. Группы противника, застрявшие в больших лесных массивах между нашими ударными клиньями, вскоре покажут нам, что противник не собирался отступать» [17].

5.10 в разведсводке группы армий «Центр» за 5.10 был сделан вывод:

«<...> отход противника нельзя рассматривать как осуществление замыслов командования. Ослабление сопротивления противника и отход на отдельных участках следует расценивать скорее как частное явление, зависящее от боеспособности соединений и складывающейся обстановки. <...> Отход главных сил противника, который на 4-й день наступления в основном должен был проявиться, не устанавливается. Напротив, обнаруживаются попытки обороняться всеми средствами и с привлечением всех имеющихся сил, а также локализовывать возникающие прорывы»¹.

В журнале боевых действий ОКХ 5 октября с удовлетворением записали: «на 4-й день нашего наступления противник все еще не начал отвод своих главных сил <...> можно прийти к выводу, что противник намерен любыми средствами и используя все имеющиеся резервы, удержать фронт и локализовать прорывы <...>»².

Несмотря на явно обозначившуюся угрозу охвата и последующего окружения, войска Западного и Резервного фронтов, находившиеся в 110 и более километрах от Вязьмы, про-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 623, т. 1. Л. 223, 224.

² Там же. Оп. 12462. Д. 548. С. 172.

должали удерживать пассивные участки фронта, хотя это потеряло всякий смысл: на восстановление положения на участках прорыва надежды не было, а оборонявшиеся здесь войска никого, по существу, не сковывали. Так, части 19-й и 106-й стрелковых дивизий 24-й армии продолжали вести тяжелые бои за удержание Ельни (см. схему 16), когда немцы были уже в 45 км от Вязьмы. Попытки наших войск по-прежнему упорно удерживать участки фронта между разрывами в оперативном построении фронтов играли на руку противнику.

В результате постоянных перебоев и нарушений связи как командование фронтов, так и высшее советское руководство до 5 октября не имели ясного представления об обстановке на фронте. Но дело заключалось не только в этом. Следует признать, что обмен информацией как снизу вверх, так и сверху вниз в 1941 году не был еще как следует отлажен. В результате вышестоящие штабы не могли отслеживать истинное положение своих войск и действия противника, накапливать сведения о нем и, следовательно, прогнозировать дальнейший ход боевых действий и активно влиять на развитие оперативной обстановки. Это отрицательно сказывалось на управлении войсками. В то же время нижестоящие командиры, не зная общей обстановки, зачастую действовали вслепую. Приходилось сплошь и рядом посылать в нижестоящие звенья управления наблюдателей и «толкачей». Видимо, в Ставке, не получая достоверных данных о положении своих войск и противника, недооценивали степень опасности и считали, что на московском направлении, по сравнению с орловским, не так уж все плохо. В донесениях и сводках подчеркивалось, что войска 20-й и 16-й армий успешно отбивают атаки, что угрожаемые направления усиливаются за счет маневра резервами, что противник несет большие потери. Например, согласно донесению командующего 30-й армией (правда, за более длительный срок), «в боях с 2 по 7.10 частями армии уничтожено и выведено из строя 220 танков, 140 автомашин с пехотой и без, 22 миномета, 6 орудий, 7—8 тыс. человек противника»¹.

При оценке решений, принимаемых Ставкой и командующими фронтами (а также и действий войск), следует учитывать, что они не обладали всем объемом информации, из-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 215. Л. 40.

вестной теперь нам. Но, исходя из опыта прошедших месяцев войны, можно было понять, что противник и на московском направлении может применить отработанную им форму оперативного маневра — двусторонний охват с последующим окружением противостоящей основной группировки войск. А сигналы об этом уже были — Еременко после прорыва обороны на стыке Резервного и Брянского фронтов запросил разрешение на отвод войск на подготовленный тыловой рубеж. Учитывая низкую подвижность наших войск, запаздывание с принятием решений по противодействию этому виду маневра имело фатальный характер.

Если допустить, что командующие фронтами Конев и Буденный правдиво информировали Сталина и Шапошникова об обстановке, то они должны были по крайней мере к 4 октября оценить угрозу, нависшую над войсками обоих фронтов. Однако есть целый ряд свидетельств, что в Ставке и в Генштабе совсем не представляли всей опасности складывающейся обстановки на западном направлении и особенно в полосе Резервного фронта. А те, кто представлял и мог делать выводы, молчали, боясь обвинений в пораженческих настроениях. Они хорошо помнили обстоятельства, связанные с предысторией разгрома войск Юго-Западного фронта.

О том, как осуществлялась взаимная информация между Генштабом, фронтами и отнюдь не рядовым Московским военным округом, можно судить по воспоминаниям члена Военного совета этого округа дивизионного комиссара К.Ф. Телегина¹. Позволю себе привести здесь несколько обширных выдержек из его книги «Не отдали Москвы», опубликованной в 1968 г. Дело в том, что после второго ее издания в 1975 г. во всех последующих публикациях, особенно в сборниках к очередным юбилеям битвы под Москвой, воспоминания Телегина подвергались серьезным сокращениям. При этом сокраща-

¹ Телегин Константин Федорович. Участник Гражданской и советско-финской войн, работал в центральном аппарате НКВД СССР. Генерал-лейтенант, член Военного совета Московского военного округа (1941), 3-го Белорусского фронта (1945), Группы советских войск в Германии. Арестован в 1948 г., в 1953 г. полностью реабилитирован. После реабилитации был начальником курсов высшего комсостава «Выстрел». Награжден тремя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова I степени, орденом Богдана Хмельницкого I степени и многими медалями. Умер в 1981 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

лись наиболее острые моменты, говорящие о шокирующей неосведомленности Ставки о положении на фронте 5 октября.

Утром 4 октября работник политуправления округа принес Телегину перевод речи Гитлера, произнесенной им по радио 3 октября. Фюрер заявил, что на Восточном фронте «<...> началась новая операция гигантских масштабов. Враг уже разбит и никогда больше не восстановит своих сил <...>». О каком «решающем наступлении» и «разгроме» Красной Армии шла речь, было непонятно. О тяжелом положении Брянского фронта и захвате Орла немцами Телегину было известно. Знал он и о принимаемых мерах по защите Тулы. Телегин все же позвонил дежурному по Генштабу и получил успокаивающий ответ о положении на Западном и Резервном фронтах. Однако в частых и продолжительных нарушениях связи Генштаба с командованием этих фронтов просматривалась какая-то зловещая закономерность.

Командующий округом генерал П.А. Артемьев 3 и 4 октября находился в Туле. Телегин, хотя это и не предусматривалось никакими положениями и инструкциями, остался на посту руководителя округа. Этим и объясняются все его последующие действия. По заведенному порядку ровно в 8.00 к нему пришел с докладом начальник штаба округа генерал И.С. Белов. Он доложил, что за минувшую ночь сколько-нибудь значительных событий не произошло, однако проводная связь Наркомата обороны со штабами Западного и Резервного фронтов все еще не восстановлена, несмотря на все усилия связистов. Поэтому переговорить с кем-либо из работников штабов этих фронтов не удалось. Связь Генерального штаба с Брянским фронтом неустойчива: южнее Брянска части 13-й армии и группы генерала Ермакова ведут тяжелые бои, в районе Мценска противник перед рассветом возобновил наступление, а положение 50-й армии остается не выясненным.

Вспоминает К.Ф. Телегин:

«<...> В десятом часу утра (5 октября) поступил первый тревожный сигнал с запада. Начальник оперативного отдела опергруппы (штаба МВО) полковник Д.А. Чернов, находившийся в Малоярославецком укрепленном районе, по телефону доложил, что рано утром задержаны повозки, автомашины из тылов 43-й армии, а также отдельные военнослужащие, которые сообщили что противник начал большое наступление,

некоторые дивизии дерутся в окружении, идут сильные бои. У противника много танков, непрерывно бомбит авиация <...>. Поверить этому было невозможно. Похоже было, что это просто паникеры, которым что-то померещилось или их спровоцировала вражеская агентура. Поэтому Чернову было дано указание передать задержанных в особый отдел, на дорогах выставить заставы и останавливать всех беглецов, если они появятся, а на Спас-Деменск выслать на автомашине разведку» [51].

На запрос Телегина командующий ПВО Москвы ответил, что с передовых постов ВНОС каких-либо новых данных не поступало. По докладу командующего ВВС МВО полковника Н.А. Сбытова, ничего нового не было обнаружено и при обычном облете нашими самолетами зоны ПВО в 8 часов утра. Но около полудня летчики 120-го истребительного полка, вылетевшие на разведку по настоянию Телегина, доложили, что по шоссе со стороны Спас-Деменска на Юхнов движется колонна танков и мотопехоты протяженностью до 25 км. Летчики прошли над ней на небольшой высоте, ясно видели фашистские кресты на танках и были обстреляны из зенитных пулеметов и мелкокалиберной зенитной артиллерией.

Сообщение показалось настолько невероятным, что понадобилось дважды проверить этот факт, прежде чем решиться доложить о нем начальнику Генерального штаба. Телегин снова звонит в Генеральный штаб:

«Ответил дежурный генерал.

— Каково положение на Западном фронте? — спросил я его.

— От штабов Западного и Резервного фронтов новых данных не поступало, — услышал в ответ голос дежурного.

Можно было бы и удовлетвориться этим, но, как ни странно, именно спокойный голос дежурного вызвал какую-то щемящую тревогу».

Телегин звонит маршалу Шапошникову. Докладывает о том, что сделано по заданию Генштаба, а затем спрашивает о положении на Западном фронте.

«Ничего, голубчик (это любимое выражение Бориса Михайловича), ничего тревожного пока нет, все спокойно, если под спокойствием понимать войну.

Меня буквально бросило в жар от мысли, что чуть было не подняли ложной тревоги».

Потом была повторная разведка и томительные минуты ожидания...

«Наконец, около 14 часов Сбытов быстро вошел в кабинет и доложил:

— Летало три боевых экипажа. Прошли над колоннами бреющим полетом под сильным зенитным огнем, имеют пробоины. При снижении самолетов пехота выскакивала из машин и укрывалась в кюветах. Голова танковой колонны в пятнадцати-двадцати километрах от Юхнова. Сомнений не может быть, товарищ член Военного совета. Это враг, фашисты».

Повторный звонок маршалу был воспринят им уже с неудовольствием. Разговор был коротким, и Телегин решил не докладывать данные авиаразведки, а еще в третий раз их проверить. Очень характерный момент, много говорящий о взаимоотношениях наших военачальников на таком высоком уровне. И это в разговоре с мягким по характеру и интеллигентным Борисом Михайловичем... Снова были подняты в воздух лучшие летчики полка и их командиры. Одновременно по распоряжению начальника штаба округа были подняты по боевой тревоге Подольские пехотное и артиллерийское училища. Было приказано выслать передовой отряд на автомашинах с артиллерией на Юхнов с задачей задержать противника и не допустить его прорыва на Малоярославец.

По боевой тревоге были также подняты и высланы на Можайскую линию училище имени Верховного Совета РСФСР, Военно-политическое училище имени В.И. Ленина, сводный батальон Военно-политической академии имени В.И. Ленина, сводный танковый батальон Академии бронетанковых войск, 108-й запасный стрелковый полк и некоторые другие части. В Москве оставались две дивизии войск НКВД и 25 истребительных батальонов, несших охрану центральных партийных и советских органов, важнейших объектов и патрульную службу.

После доклада Сбытова о том, что голова танковой колонны противника уже вошла в Юхнов и что летчики опять обстреляны и среди них есть раненые, Телегин опять звонит Шапошникову.

«Я обратился к маршалу с тем же вопросом:

— Борис Михайлович, каково положение на Западном фронте?

В трубке послышался недовольный голос:

— Послушайте, Телегин, что значат ваши звонки и один и тот же вопрос? Не понимаю, чем это вызвано?

Я твердо, насколько позволяло волнение, доложил обо всем, что мне было известно. В трубке на несколько секунд воцарилось молчание.

— Верите ли вы этим данным, не ошиблись ли ваши летчики?

— Нет, не ошиблись, — твердо ответил я. — За достоверность сведений отвечаю, за летчиков ручаюсь...

— Мы таких данных не имеем, это невероятно... — и длинный протяжный гудок, воспринятый мной в ту минуту как вой сирены воздушной тревоги. (А ведь 4 октября состоялся разговор с Коневым с его просьбой об отводе войск, и был доклад Мехлиса, но о нем — ниже. — **Л.Л.**).

Через 3—4 минуты вновь зазвонил телефон. ...Проходит несколько секунд, и хорошо знакомый, низкий, немного сипловатый голос:

— Телегин?

— Так точно, товарищ Сталин.

— Вы докладывали Шапошникову о прорыве немцев в Юхнов?

— Да, я, товарищ Сталин.

— Откуда у вас эти сведения и можно ли им доверять?

— Сведения доставлены лучшими боевыми летчиками, дважды перепроверены и достоверны...

— Что предприняли?

(Телегин подробно доложил о принятых мерах. — **Л.Л.**).

Сталин внимательно выслушал, одобрил и спросил, где Артемьев.

— Артемьев в Туле, организует оборону города, — ответил я.

— Разыщите его и пусть он немедленно возвращается в Москву. Действуйте решительно, собирайте все, что есть годного для боя. На ответственность командования округа возлагаю задачу во что бы то ни стало задержать противника на пять-семь дней на рубеже Можайской линии обороны. За это время мы подведем резервы Ставки. Об обстановке своевременно докладывайте мне через Шапошникова...» [51].

В свое время опубликование книги Телегина «Не отдадим Москвы», где описывались события, связанные с неожиданным прорывом немцев к Юхнову, произвело сенсацию. Трудно было представить, что Ставка и Генштаб могли не знать о прорыве фронта и продвижении танковых соединений врага на глубину 100—120 км. В марте 1980 г. я обратился к генера-

лу Телегину К.Ф. с просьбой разъяснить этот поразительный факт, а также высказаться по поводу противоречий относительно обстоятельств и времени принятия решения на отвод войск фронтов.

В своем ответе от 4.04.1980 года Телегин, в частности, написал:

«<...> в исторической литературе и мемуарах допущено много разночтений, субъективистских толкований. Все, что изложено в моей книге «Не отдали Москвы», — строго документально. Перед тем как ей выйти в свет, документальность ее строго и скрупулезно перепроверена военно-научной группой Генштаба, группой Главного Политуправления СА и ВМФ (а как же без них? — **Л.Л.**), историками, так как такая трактовка событий октября месяца мною казалась им необычной, «непринятой» <...>»¹.

Опровергнуть слова члена Военного совета Телегина оказалось невозможным даже спецам из ГлавПура. Он, хорошо представляя важность и всю ответственность за сообщаемые им сведения, попросил секретаря окружной парткомиссии батальонного комиссара М.Н. Попова вести записи его телефонных разговоров и устных распоряжений. Условились, что во время телефонных разговоров он будет записывать его слова в рабочую тетрадь, оставляя свободное место для последующей записи распоряжений и слов собеседников Телегина. Так было положено начало разделу в рабочей тетради, получившей позднее название «Запись боевых приказов и распоряжений Члена Военного Совета МВО дивизионного комиссара Телегина К.Ф.», которая и сейчас хранится в ЦАМО РФ. В своей книге Телегин приводит поминутно записанные 24 записи разговоров и распоряжений, которые последовали с 16.00 до 17.50 5 октября. На некоторых из них мы еще остановимся.

Между прочим, 5.10 в 15.45 Л. Мехлис напрямую доложил из штаба Резервного фронта Сталину, что части 24, 43 и 33-й армий отрезаны от своих тыловых баз. «<...> Связи с ними нет. Дорога на Москву по Варшавскому шоссе до Медыни, Малоярославца открыта. Прихожу к выводу, что управление войсками здесь потеряно»². В другое время, зная характер

¹ Личный архив автора.

² ЦАМО РФ. Ф. 5. Оп. 11462. Д. 105. Л. 212.

Мехлиса и его склонность к раздуванию из мухи слона, серьезного внимания на его доклад не обратили бы. А тут его доклад стал еще одним свидетельством, что Буденный не владеет ситуацией и полностью потерял управление войсками фронта.

А паникеры были. Так, комендант 2-го участка военно-автомобильной дороги Малоярославец — Подольск капитан Сорокин, потеряв самообладание, примчался на автомашине в артучилище, где доложил о «прорыве» немецких танков через Малоярославец и их продвижении на Подольск. Телегин приказал перепроверить эти сведения, но на этот раз счел своим долгом доложить о них в Генштаб. При этом он предупредил, что принял меры к перепроверке, и просил пока не докладывать Ставке. Но в Ставку все же доложили.

«И в 18 часов 15 минут последовал звонок И.В. Сталина. Что он говорил, не записано в рабочей тетради, но на всю жизнь запечатлелось в моей памяти:

— Телегин? Вы сообщили Шапошникову, что танки противника прорвались через Малоярославец?

— Да, я, товарищ Сталин.

— Откуда у вас эти сведения?

(Телегин доложил. — **Л.Л.**)

— Это провокация. Прикажете немедленно разыскать этого коменданта, арестовать и передать в ЧК, а Вам на этом ответственном посту надо быть более серьезным и не доверять всяким сведениям, которые приносит сорока на хвосте.

— Я, товарищ Сталин, полностью этому сообщению не доверял, немедленно принял меры перепроверки и просил генерала Шарохина до получения новых данных Ставке не докладывать. Комбригу Елисееву приказано немедленно выступить из Подольска с передовым отрядом на Малоярославец.

— Хорошо. Но впредь такие сведения надо проверять, а потом докладывать».

Далее Телегин заключает, что командование тылового округа, далеко отстоящее от руководства боевой деятельностью на фронте, не имело юридического и морального права говорить первым о том, что в глубоком тылу появился враг и идет на Москву. Первыми это должны были сказать командующие фронтами, но они не сказали...

В штабе округа первым делом решили выяснить, что можно немедленно задействовать для усиления обороны ближайших подступов к Москве. Из войск, непосредственно подчиненных округу, в повышенной боевой готовности находились только военные учебные заведения, два-три полка артиллерии и части ПВО. В Подольском пехотном училище было четыре батальона общей численностью до 2500 человек и только три роты 2-го батальона в 370 человек с пятимесячным сроком обучения. На днях они должны были стать командирами. На вооружении личного состава, кроме винтовок, имелось: 23 станковых пулемета, учебная батарея 45-мм пушек, а также по восемь ручных пулеметов и девять 82-мм минометов на батальон. В Подольском артиллерийском училище положение аналогичное, но есть 34 76-мм и 45-мм орудия. В Подольск был послан помощник командующего по вузам комбриг Елисеев. Он должен был форсировать приведение училищ в полную боевую готовность и наладить связь со штабом МВО. В училище имени Верховного Совета РСФСР было 2 тыс. человек. Начальнику 1-го Московского Краснознаменного артиллерийского училища полковнику Ю.П. Бажанову было приказано принять меры к ускорению формирования первоочередных гвардейских минометных и противотанковых артиллерийских полков. С генералами М.С. Громадиным и Д.А. Журавлевым обсудили возможности перекрытия путей фашистским войскам силами и средствами ПВО.

В районе Москвы формировались 14 танковых бригад, но личным составом они были укомплектованы только частично, боевой техники не имели. Все центральные управления Наркомата обороны буквально без минутной задержки начали выполнять заявки округа по вооружению и экипировке формируемых частей и подразделений. Военные академии выделили для них максимально возможное количество хорошо подготовленных командиров и политработников. В 33-ю запасную стрелковую бригаду прибыло 20 тыс. мобилизованных. В короткий срок бригада была укомплектована комсоставом на 85%, политсоставом — на 90% [51].

Рассказ К.Ф. Телегина о драматических событиях 5 октября подтверждает (хотя встречаются и некоторые различия в деталях, в частности, по времени того или иного события) и дополняет бывший командующий ВВС Московского военного

округа и Московской зоны обороны генерал-лейтенант авиации в отставке Н.А. Сбытов:

«На рассвете 5 октября летчики нашего 120-го истребительного полка Дружков и Серов обнаружили немецкие танки и мотопехоту, идущие на Юхнов двумя колоннами. <...> Для проверки данных разведки послал на Пе-2 майора Г. Карпенко, инспектора по технике пилотирования ВВС округа. К девяти утра данные подтвердились. Я бегом к члену Военного совета МВО Телегину. Константин Федорович изумился: нет ли ошибки?! Еще дважды пришлось поднимать самолеты — перепроверять это невероятное сообщение. Уже после войны я узнал, что, когда К. Ф. Телегин позвонил в Генеральный штаб Б.М. Шапошникову, в Ставке об этом смертельно опасном прорыве фашистских войск ничего не было известно. Вскоре Телегину позвонил Сталин и приказал собрать все, что есть годного для боя, и задержать противника на пять-семь дней на Можайском рубеже.

Мы прикинули: можем собрать до тысячи самолетов и по прорвавшимся танковым колоннам нанести мощный удар с воздуха. <...> О том, с кем разговаривал после моего ухода Телегин, я тогда, конечно, не знал. Сам же начал проверять, как идет подготовка к удару. Но вскоре мне говорят: все ваши приказы отменены (?!). В 14 часов меня вызвали к начальнику Особого отдела Красной Армии Абакумову. В его кабинете находились еще два генерала.

«На каком основании устраиваете панику? — резко спросил Абакумов. — Ваши летчики трусы и паникеры, как и их командующий...»

Ну и так далее... Словом, мне, командующему, не поверили!

Часов в 18 привезли протокол допроса, потребовали его подписать. Я написал: «Последней разведкой установлено, что фашистские танки находятся уже в районе Юхнова, к исходу 5 октября город будет ими занят». И расписался...» [52].

Таким образом, о прорыве подвижных соединений противника к Юхнову в Ставке узнали только во второй половине дня 5 октября. Но, видимо, не до конца осознали надвигающуюся опасность охвата и окружения основных сил Западного и Резервного фронтов. В первую очередь Генштаб и командование МВО начали принимать срочные меры, чтобы

задержать продвижение от Юхнова на Медынь и выиграть время для усиления угрожаемого направления. К сожалению, вмешательство Берии и Абакумова не позволило в этот день подготовить и осуществить мощный удар авиации по танкам противника, находившимся всего в 200 км от столицы. Только после распоряжения первого секретаря Московского комитета и одновременно члена ЦК партии Щербакова командование Московского военного округа смогло спокойно работать по организации отпора прорвавшейся группировке противника.

Сбытов продолжает:

«В три часа ночи на мой КП позвонил начальник штаба ВВС Красной Армии генерал Г. Ворожейкин, сказал: «Ваша разведка была права. Это фашисты. ГКО ваши действия одобрил...» А я с горечью подумал: какие действия? Бездействие! Ведь могли своевременно нанести удар, но не сделали этого <...>» [52].

В этот день тревожные сообщения воздушной разведки следовали одно за другим:

— 14.15 от старшего лейтенанта Завгороднего, 10-й иап:

«Колонна противника из 30—40 танков и 30—40 автомашин прошла через наши аэродромы Климово и Знаменка (35 км юго-восточнее Вязьмы. — Л.Л.). Колонну прикрывают 18—20 истребителей <...>»;

— 17.45 от командира 564-го иап капитана И.В. Щербаков (летал на У-2):

«Наблюдал колонну мотопехоты и танков противника. Голова — Юхнов, хвост — 20 км юго-западнее Юхнова. В районе аэродрома Юхнов был обстрелян зенитной артиллерией <...>»;

— 18.50 от командира 95-го иап полковника С.А. Пестова:

«По дороге от Вязьмы на Калугу продолжается движение поездов. Мост через р. Изверь между Юхновым и Медынью был взорван на моих глазах <...>. Лесные участки дорог между Спас-Деменском и Вязьмой объаты пожарами <...>» [52].

Надо признать, что и до того не очень тесное взаимодействие авиации с наземными войсками с началом отхода было окончательно нарушено. В условиях отсутствия связи с общевойсковыми штабами усилия авиации использовались порой

не по главной и наиболее угрожаемой группировке врага, а по второстепенным целям и объектам. Громоздкая, многоступенчатая система управления в условиях быстроменяющейся обстановки не позволяла эффективно использовать сохранившиеся силы авиации. Воздушная разведка в их интересах осуществлялась эпизодически. Сигналы взаимного опознавания и целеуказания если устанавливались, то не всегда доводились своевременно до войск. Поэтому нередко отмечались случаи обстрела с земли своих самолетов и, наоборот, нанесения ударов с воздуха по своим войскам. В целях повышения эффективности боевого применения авиации управление ею 7 октября было централизовано.

Считается, что танковые колонны врага остановились в Юхнове в связи с нехваткой горючего. Но основная причина заключалась в другом — танкисты ожидали подхода пехоты. По немецким данным, 10-я танковая дивизия 40-го моторизованного корпуса овладела Юхновым в 5.30 5 октября, захватив плацдарм на другой стороне Угры. На следующий день 258-я пехотная дивизия должна была сменить части этой дивизии, так как она должна была повернуть на Вязьму. Дивизия СС «Рейх» выдвигалась к Юхнову с задачей нанесения удара восточнее р. Угра на север — в направлении Гжатска¹.

Таким образом, немецкое командование на этом этапе не ставило перед войсками 4-й танковой группы задачи немедленно развить наступление в направлении Медынн. Враг ограничился захватом плацдарма на восточном берегу Угры. Главное, к чему стремился фон Бок, было как можно быстрее силами 4-й и 3-й танковых групп замкнуть кольцо окружения в районе Вязьмы. Одновременно принимались меры по созданию внешнего фронта окружения, чтобы воспрепятствовать попытке деблокады окруженных войск.

Немцы, обеспокоенные неоднократными разведывательными полетами русских над остановившимися колоннами, приняли меры по усилению их зенитного прикрытия. Дополнительно к войсковым средствам ПВО они незамедлительно подтянули зенитную артиллерию и организовали непрерывное патрулирование истребителей над районом расположения колонн. Согласно трофейным документам, для прикрытия

¹ NARA. T313, R340, F8622674.

от ударов с воздуха немецкой танковой или моторизованной дивизии, кроме штатных средств, обычно придавался дивизион малокалиберных зенитных автоматических орудий (27 37-мм и 18 20-мм). Кроме того, в дополнение к имеющимся штатным зенитным средствам немцы в голове и в хвосте колонн, как правило, располагали группы в несколько десятков ручных пулеметов для стрельбы по низколетящим советским штурмовикам. Из-за отсутствия опыта действий по целям, надежно прикрытым зенитными средствами, бронированные штурмовики Ил-2 практически в каждом боевом вылете несли потери и получали многочисленные повреждения. Боевая живучесть Ил-2 в штурмовых авиаполках московского направления в октябре составила 8,6 боевых вылетов на одну боевую потерю. Здесь, на Угре, командир авиаэскадрильи А.Г. Рогов повторил подвиг Н. Гастелло. В его самолет попал вражеский зенитный снаряд. Надежды на спасение не было, и Рогов направил горящий самолет на одну из вражеских переправ через Угру. Двухмоторная машина, разрушив мост, глубоко врезалась в дно реки.

Первым на пути прорвавшихся к Юхнову танков противника встал отряд начальника парашютно-десантной службы Западного фронта капитана И. Г. Старчака. Этот отряд численностью примерно в 400 человек был сформирован лишь накануне — 4 октября по его личной инициативе из числа пограничников, которые готовились к действиям по вражеским тылам. Бойцы отряда взорвали мост через реку Угру, заняв оборону на ее восточном берегу. Вскоре действия отряда Старчака были поддержаны курсантами подольских военных училищ. По боевой тревоге в училищах был сформирован передовой отряд в составе усиленной роты под командованием старшего лейтенанта Л.А. Мамчича и артдивизиона под командованием капитана Я.С. Россикова. Командиром батареи 45-миллиметровых пушек был назначен старший лейтенант Т.Г. Носов, а батареи 76-миллиметровых пушек — капитан В.И. Базыленко. Отряд был быстро переброшен на автомашинах, собранных на предприятиях города Подольск к д. Стрекалово. Сюда в ночь на 6 октября под нажимом противника отошли десантники Старчака.

Командиры отрядов решили совместной атакой выбить противника с восточного берега реки Угры, с которого недавно отступили десантники. Атака началась в 8 часов утра 6 октября, и после тяжелого боя берег был очищен. Но противник не отказался от намерения создать плацдарм на р. Угра. 7 октября после авиационной и артиллерийской подготовки немцы перешли в наступление. В результате атаки танков и мотопехоты десантники и курсанты вынуждены были отойти на рубеж реки Изверь. В документах противника было отмечено сильное сопротивление «красных юнкеров» на реках Угра и Изверь за взорванными мостами, поддержанное артиллерией. Своим героическим сопротивлением десантники и курсанты помогли нашим войскам выиграть необходимое время для организации обороны на подступах к Малоярославцу. И.Г. Старчак вспоминает, что когда он, раненный в этих боях, находился в госпитале, один из офицеров английской военной миссии посетил госпиталь, восхищаясь мужеством десантников, назвал их стойкость в боях фанатизмом. «По-вашему, это фанатизм, а по-нашему, — сказал Старчак, — любовь к земле, на которой вырос. И то, что бойцы бьются за Родину до последней капли крови, мы считаем самой высшей доблестью».

Принятие Ставкой решения на общий отвод войск. С получением известия о выходе танков противника к Юхнову в Ставке, наконец, оценили степень опасности, которая угрожала не только войскам Западного и Резервного фронтов, но могла обрушить всю стратегическую оборону на западном направлении. К вечеру 5 октября после тщательной перепроверки данных разведки всех видов и переговоров с командующим Западным фронтом Ставка ВГК признала положение настолько серьезным, что, наконец, приняла решение на отвод войск сразу всех трех фронтов. Западный фронт отводился на рубеж, занимаемый войсками второго эшелона Резервного фронта, то есть на Днепр.

Читатель помнит слова Конева о том, что, поскольку ему не удалось получить разрешения на отход войск 4 октября ни от Сталина (прервалась связь), ни от Шапошникова, ему пришлось самому принимать решение. **«Тогда командование фронта приняло решение об отводе войск на гжатский оборонительный рубеж, которое 5 октября было утвер-**

ждено Ставкой (выделено мною. — Л.Л.). В соответствии с этим мы дали указания об организации отхода войскам 30, 19, 16 и 20-й армий» [43].

Утверждение Конева о принятии им решения на отвод войск ничем не подтверждается. Никаких документов по этому поводу не существует. Лукин пытался найти в архиве документальное подтверждение переговоров Конева со Сталиным и Шапошниковым 4 октября, но безуспешно. Впрочем, что такой разговор с маршалом имел место, можно убедиться из их последующих переговоров 5.10.

Мне было известно, что Михаил Федорович пишет о событиях под Вязьмой. И удивляло, что ему так и не удалось ничего опубликовать на эту тему. Лишь в марте 2006 г. в беседе с дочерью командарма Ю.М. Городецкой-Лукиной ситуация прояснилась. По словам Юлии Михайловны, ее отец в конце 60-х годов написал статью в «Военно-исторический журнал» о действиях наших войск в окружении под Вязьмой. Он написал ее на основе личных воспоминаний, сверенных с архивными документами. Это был своего рода ответ на статью Конева, опубликованную в 1966 г. Можно только догадываться о содержании статьи, поскольку она писалась на основе фактов и документов. Но тогда еще не пришло время писать правду о вяземской трагедии. В редакции придрались к автору по поводу серьезного упрека в адрес генерал-полковника В. Вашкевича, бывшего командира 2-й стрелковой дивизии, выказанного Лукиным (об этом — позже, в соответствующем месте). Во всяком случае, статью отклонили, тем самым надолго отбив у Михаила Федоровича желание писать мемуары. Статья за его именем увидела свет в 1981 г., через 11 лет после кончины командарма.

Зимой 1969 г. бывший командующий 19-й армией М.Ф. Лукин в личной беседе со мной категорически возражал против утверждения его бывшего начальника — Конева о принятии им решения на отход, сделанного задним числом. Именно тогда, рассказывая об окружении под Вязьмой, он сказал мне фразу, которую я запомнил на всю жизнь: «Вы, молодые, не узнаете правду об этом, пока жив Конев и все, причастные к этим событиям лица». Лукин рассказал, что, когда возникла угроза выхода противника на тылы армий Западного фронта, он обратился к Коневу с просьбой разрешить отход. Конев такого разрешения не дал (да и не мог дать по понятным причи-

нам). Наоборот, «4 октября мы получили приказ командующего фронтом, поощряющий действия 19-й армии, призывающий других равняться на нас».

А что же Конев? Он вскоре после кончины М.Ф. Лукина в «Литературной газете» за 8.12.1971 г. высказался еще более определенно:

«К сожалению, лишь на следующий день, 5 октября, мы получили ответ. **Но еще до согласия Ставки я отдал командармам приказ об организованном отходе.** Я сделал это, понимая всю глубину своей ответственности, понимая, что за нами — Москва. ...Одним словом, день 4 октября 1941 года я считаю самым ответственным для себя днем за все четыре года... войны». Но почему-то Иван Степанович свои «Записки командующего фронтом» начал с 1943 г., так и не написав больше ничего о своем самом трудном и ответственном решении, от которого зависела жизнь сотен тысяч бойцов.

В связи с крайне тяжелыми последствиями неудачных боев под Вязьмой выяснение обстоятельства принятия решения на отход войск Западного и Резервного фронтов требует специального рассмотрения. Это тем более необходимо, потому что указанные противоречия в этом отношении до сих пор не устранены в официальных источниках. Так, в Советской военной энциклопедии читаем: «**5 октября Ставка ВГК утвердила решение командующего войсками Западного фронта** (здесь и далее выделено мною. — Л.Л.) об отводе на Ржевско-Вяземский рубеж, но осуществить этот маневр в сложившихся условиях не удалось» [53]. Почему не удалось — молчок. В новой энциклопедии о том же: «**5 октября Ставка ВГК подчинила Западному фронту 31 и 32 А и разрешила в ночь на 6 октября отвести армии на Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж**» [54]. Но дело ведь касалось не только войск Западного фронта.

При анализе известных документов тех лет с позиций сегодняшнего дня создается впечатление, что Ставка не очень доверяла командованию фронтов и тому же Московскому военному округу, который продолжал существовать по штатам тылового округа, и в отношении информации держала их на голодном пайке. Руководство округа о большом немецком наступлении узнало из речи Гитлера! Или не хотели допустить утечки информации, или боялись самостоятельных опрометчивых и поспешных шагов. Ничему не научила наше высшее

руководство и позорная сдача Орла. Орловский военный округ тоже находился на положении внутреннего, и его командование узнало о прорыве противника на глубину 200 км, когда танки Гудериана въехали в город! Рокоссовский позже вспоминал: «Вообще информация командующих армиями была организована тогда очень плохо. Мы, собственно, не знали, что происходит в пределах фронта, а за его пределами и подавно. Это мешало» [55]. Армии второго эшелона Резервного фронта (по существу, стратегический резерв Ставки) не знали, что делается впереди. По словам Конева, он тоже не знал о перегруппировке 49-й армии в своем тылу (но в этом есть большие сомнения). Может быть, я ошибаюсь, но, поскольку исследователей допускают не ко всем документам в звене Ставка — фронт, считаю себя вправе делать предположения и выводы. Не думаю, что они будут так уж далеки от истины.

Известно, что начальник Генштаба во второй половине дня 5 октября вызвал Конева на переговоры. Ниже приводится их запись.

«**Шапошников:** Здравствуйте.

1) Прошу коротко доложить обстановку на Вашем фронте и что известно о соседях. Прошу ориентировать пункты, так как имею под рукой карту 500 000.

Конев: Докладываю: 22 и 29 [армии] — положение без изменений.

<...> группировка противника прорвалась через 30 армию, **задержана в районе Холм-Жирковский, за исключением мелких групп, которые просочились** (здесь и далее выделено мною. — Л.Л.) [на] фронте Резервного района Глушково.

19 А крепко дерется, занимает фронт свх. Неелово, Гаврилово, Хорино. Группировка противника, прорвавшаяся от Капыревщина — докладываю по 500 000 — Холм-Жирковский — 22 км вост. ст. Канютино, свх. Неелово — 20 км к западу Вадино, Гаврилово и далее Шамово, Приселье (что сев.-вост. Ярцево 15 км) на р. Воль.

Прорвавшаяся группировка на левом фланге 19 А вводом 214 сд задержана. Далее. 16 и 20 А — положение прежнее.

О Резервном фронте известно, что мотомехчасти противника заняли Спас-Деменск и продвигаются на северо-восток в направлении Вязьмы. 12.00 противник занял ВСХОДЫ, что 15 км сев.-вост. Спас-Деменск. Утром мотомехчасти противника заняли Юхнов и в 13.00 по данным авиации повернули на север и северо-восток.

Мне известно, что в этих направлениях у Буденного дело плохо. **В связи с этим я и доложил свои предложения Главному командованию.**

Шапошников: Ясно.

1) Проверяли ли Вы эти данные своей разведки? Подчеркиваю, именно своей, потому что продвижение между 15 и 16 часами авиационная разведка Главного Командования не подтвердила движение мотомехчастей противника на север на Вязьму от шоссе Спас-Деменск. Много вранья в данных авиационной разведки, поэтому надо тщательно проверить.

В 11 часов сегодня генерал Соколовский сообщил моему заместителю генералу Сорокину, что обстановка у Вас под Белым осложнилась и что противник ворвался в Белый. Так ли это? Все.

Конев: Докладываю: данные о положении Резервного фронта получены лично мною от тов. Анисова, кроме того, у них есть специальное сообщение по Бодо. Проверено нашей авиацией. Авиация подтверждает движение противника от Спас-Деменска на север и от Юхнова одна колонна до 50 единиц движется на северо-восток. Наш полк П-2 бомбил колонну, движущуюся от Спас-Деменска на север. Так что эти данные проверены. Мне известно, что Буденный выехал на ст. Угра.

Докладываю, что по моим данным, у Резервного фронта, как в Вязьме, так и в Юхнове, никаких войск нет, дороги свободны.

Что же касается Белого — там идет бой (а город уже захвачен немцами. — Л.Л.) и туда выехал Масленников, двигается 243 [сд] из Нелидово. Все.

Телеграфистка: Прошу немного подождать у аппарата. Имеете ли Вы связь с 24 А и каково ее положение?

У аппарата **Шапошников:**

Ставка ВГК **согласно Вашему предложению разрешила Вам сегодня ночью начать отход на линию Резервного фронта.** Необходимо предварительно вытянуть артиллерию, чтобы вперёд ее поставить на линии Резервного фронта. Так-

же необходимо согласовать с Резервным фронтом пути отхода, чтобы не нарваться на их минные поля...

Ставка считает, что намеченные Вами в резерв четыре стрелковых дивизии и танковая бригада будут собраны в районе Вязьмы. Все.

<...> (стр. 27 копии документа на микропленке с записью переговоров полностью заклеена. — Л.Л.).

<...> **Конов:** Ваше предложение понял совершенно правильно и сегодня принимаю меры к его проведению. Весь вопрос во времени — сумеем ли перегруппировать левый фланг. Все.

Все, что находится на рубеже Резервного фронта до границы с 24 А, совершенно необходимо подчинить нам. Все.

Как насчет двух полков ПТО?

Как относительно нашей квартиры (речь идет о смене места расположения КП фронта. — Л.Л.)? Я просил ст. Шаховская.

Шапошников: Ясно. Ответ дам дополнительно. Все.

Отвечу дополнительно, сейчас готовых нет.

Но Вы тогда сходите с главного направления? Можайского?

Конов: От Волоколамска 30 км на запад — центр моего фронта. Все.

Я не беру сам город, а направление <...>.

Шапошников: Хорошо, доложу и дам ответ.

Конов: Все зависит от обстановки. Можайск не выгоден. Мы будем на левом фланге под угрозой потерять управление, если от Юхнова просочатся мелкие группы противника (опять мелкие группы, хотя знает о продвижении колонн танков и мотопехоты на северо-восток! — Л.Л.). Все.

До свидания. *Шапошников*¹.

О чем шла речь на заклеенной странице, наши потомки когда-нибудь узнают, ибо в конце концов «все тайное станет явным». Впрочем, там может и не быть ничего экстраординарного — разве что серьезное недовольство, высказанное в адрес собеседника вежливым Борисом Михайловичем от лица «хозяина» (которое решили не предавать огласке при жизни полководца).

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1029. Л. 22—24.

Переговоры закончились в 19.25 5 октября. В это же время разрешение на отход получил и Буденный. Директива о переходе Западного и Резервного фронтов к обороне на новых рубежах была подписана в 22.30 этого же дня. С этого момента отсчет времени пошел на часы и минуты. Подчеркнем, что директивой Ставки разрешалось отойти не на гжатский рубеж, а на заранее подготовленный Ржевско-Вяземский рубеж обороны, то есть на линию Осташков, <...> ст. Оленино, Булашово (ныне Болышево), и далее вдоль восточного берега р. Днепр до г. Дорогобуж, Ведерники. Этот рубеж был увязан с конечным рубежом отхода и войск Резервного фронта.

Позволю себе несколько замечаний по поводу обстоятельств принятия важнейшего решения на отвод войск, запаздывание с которым привело к трагедии окружения. Боязнь принятия самостоятельных решений (тем более на отход!) — характерная черта молодых советских военачальников, выдвинутых на высокие посты после чистки 1937—1938 гг. Вред, нанесенный репрессиями, заключался не только в снижении уровня подготовки кадров в связи с выдвиганием на руководящие должности людей с недостаточным опытом прохождения службы, но зато умеющих угадывать желания начальства. Еще большее значение имело нагнетание атмосферы страха и неуверенности среди командного состава. В этом же направлении сработала и недавняя расправа с командующим Западным фронтом генералом Д.Г. Павловым и другими руководящими работниками этого фронта. Об истинной причине расправы все догадывались... Можно вспомнить и обвинения в панических настроениях, предъявленные командующему Юго-Западным фронтом Кирпоносу М.П. и маршалу Буденному С. М. Командующие боялись взять на себя ответственность за неудачные действия войск. Поэтому их донесения о сложившейся обстановке до 4 октября особой правдивостью не отличались. Все больше говорилось о прорыве и просачивании в тыл мелких групп противника и о принятых мерах по их уничтожению.

В вермахте обычно задачи ставились в общем виде. При этом немецкие командующие оперативными объединениями обладали несравненно большей самостоятельностью в выборе способов их решения. Они даже имели смелость возражать фюреру. Максимум, что он мог сделать, так это отпра-

вить в отставку. Характерный пример. Гитлер на совещании 4 августа 1941 г. в штабе группы армий «Центр» заявил, что «противник у Великих Лук должен быть уничтожен». Однако командующий группой фон Бок 11 августа доложил, что танковая группа Гота будет готова не ранее 20 августа, а без танков наступать нельзя. В итоге наступление отложили с тем, чтобы позднее использовать в нем танковый корпус. О результатах этого удара мы уже говорили. В Красной Армии отстранением от должности дело могло не кончиться... В связи с этим интересна позиция германского руководства и по такому щепетильному вопросу, как отход. По свидетельству Типпельскирха, Гитлер почти совершенно отвергал отвод войск как оперативное средство, необходимое для того, чтобы восстановить свободу действий или сэкономить силы. Здесь он оставлял право принимать всякое, даже малейшее, тактическое решение только за высшей инстанцией. Позднее, когда армии вермахта под Москвой стали терпеть одно поражение за другим, он установил следующий порядок: отход частей — только с разрешения командующего армией, отход соединения может разрешить только командование группы армий. Командующие армиями, особенно Гудериан, выразили протест против такого ограничения их прав [21] .

В 1941 г., начиная с 22 июня, в обстановке поражений и оставления западных областей страны, обладающих высоким экономическим потенциалом, советское военное и особенно политическое руководство также всячески, где надо и не надо, противилось отводу войск. С принятием решений на отвод войск, как правило, запаздывали до момента, когда начавшийся несанкционированный отход превращался в бегство со всеми вытекающими отсюда последствиями. Конев, только что назначенный командующим фронтом, начал с того, что приказал переделать план обороны 16-й армии, который предусматривал мероприятия на случай вынужденного отхода. А теперь, когда пришлось обосновывать необходимость отвода войск, ему не хватило не только настойчивости, но и правдивости. При переговорах 5 октября Конев больше упирал на тяжелое положение на левом фланге Резервного фронта (поэтому и Сталин в разговоре с Жуковым будет говорить о том же). Он «забыл» упомянуть о сдаче Белого и ничем не прикрытом разрыве между 30-й армией и группой Болдина, о проры-

ве обороны фронта на всю глубину на этом направлении и о том, что противник на вяземском направлении уже вышел к тыловому рубежу фронта (р. Вопец).

Почему Конев, упомянув о просочившихся мелких группах противника, не доложил Шапошникову об очень важном моменте — о захваченных противником еще 3 октября плацдармах на Днестре? Как говорится, не его епархия? А может потому, что **к мостам на Днестре противник смог выйти, только прорвав оборону фронта на всю глубину!** Конев после войны будет утверждать, что только от Буденного в ночь с 5 на 6 октября узнал о переброске соединений 49-й армии на юг и что никаких войск на рубеже Гжатск, Сычевка не оказалось (при чем здесь Гжатск, непонятно). Другими словами, он хочет сказать, что рассчитывал, что на Ржевско-Вяземском рубеже по-прежнему обороняются части 49-й армии. Ну, а раз его не предупредили о перегруппировке, то и нечего спрашивать с него, что вражеские плацдармы, сыгравшие в дальнейшем свою зловещую роль в окружении основных сил Западного фронта, не были своевременно ликвидированы. Конев и предложил отводить войска фронта **на необорудованный гжатский рубеж, не задерживаясь на укрепленном Ржевско-Вяземском**, потому что знал о сложном положении на восточном берегу Днестра (хотя бы из упоминавшегося выше доклада генерала Калинина).

Как можно поверить Коневу: в тылу Западного фронта проводится такая масштабная перегруппировка, с обороняемого им направления отводится целая армия — по существу, стратегический резерв Ставки, а командующий об этом не знает. (Если же действительно Ставка и Генштаб не уведомили о перегруппировке 49-й армии командующего Западным фронтом, то можно представить, что там творилось после известия о сдаче Орла 3 октября.) Ведь штаб 49-й армии находился на ст. Новодугинская, всего в 24 км от Конева. А в Касне (в двух шагах от его штаба) грузились части 248-й стрелковой дивизии, в полосе которой как раз и находились эти злосчастные мосты, о которых так, видимо, никто и не решился доложить.

А мосты не простые, десятки которых при отходе достались врагу в исправном состоянии. Захватив их, немцы без проблем смогли быстро переправить свои танки на другой берег реки. Согласно немецкой карте, к исходу 3 октября они

захватили два небольших участка восточного берега¹. На следующий день, воспользовавшись неразберихой на этом участке обороны, они несколько расширили плацдармы, овладев имевшимися здесь укреплениями. За взорванный без разрешения мост в Смоленске, на который уже въезжали немецкие танки, хотели судить отдавшего приказ начальника гарнизона полковника П. Ф. Малышева (для этого пригнали за ним самолет из Москвы!). А здесь за два невзорванных моста могли и расстрелять. (В скобках замечу, что только 22.10.1941 г. последовала директива Ставки о разрушении объектов военного значения при отходе: мостов, аэродромов, запасов материальных средств, складов, приведении шоссе в непроезжее состояние).

Подведем итог. И.С. Конев **не мог 4 октября самостоятельно принять решение об отводе войск фронта** на гжатский рубеж, то есть сразу на глубину 150—160 км, к тому же озвученное задним числом. Никаких распоряжений на отход (или хотя бы о подготовке к нему) в течение 4 октября и в первой половине 5-го им отдано не было, и следов их в архиве не обнаружено. И все последующие решения, действия Конева и поведение первых лиц из полевого управления фронта только подтверждают это. Утверждение бывшего командующего Западным фронтом о том, что он принял решение на отход еще 4 октября, не что иное, как попытка задним числом снять с себя ответственность за опоздание с отводом войск фронта, которое привело к катастрофическим последствиям. Кроме того, в рассуждениях о якобы принятом им, вопреки мнению Ставки, решении проскальзывает мысль, что если бы его послушали и вовремя приняли его предложение, то не было бы ни окружения, ни катастрофы под Вязьмой.

Хотя, справедливости ради, следует заметить, что в предложении командующего Западным фронтом (если бы оно было принято 4 или даже утром 5 октября) было и рациональное зерно. **Быстрый отвод войск перекатом через первую полосу Ржевско-Вяземского рубежа (на Днепре) на его вторую полосу по линии восточнее Сычевка — Вязьма** позволял создать оборону в глубине под прикрытием соединений 32-й армии. В этом случае еще можно было избежать окруже-

¹ NARA. T315, R339, F000280.

ния сил Западного фронта. Но это означало оставление хорошо подготовленного рубежа по р. Днепр, так как его можно было удержать лишь при условии уплотнения обороны за счет отводимых войск и своевременной ликвидации (или надежной локализации) вражеских плацдармов. Нерешительность Ставки, а конкретно — И.В. Сталина, и опоздание с решением на отвод войск сыграло на руку врагу и привело сначала к утрате заблаговременно подготовленного рубежа, а затем и к окружению основных сил двух фронтов.

Гальдер с удовлетворением отметил:

«6.10. 4-я танковая группа, подчиненная 4-й армии, заходит главными силами на север. Войска противника, по некоторым признакам, деморализованы. Правый фланг танковой группы Гепнера и левый фланг 2-й армии наступают на Юхнов и далее, не встречая значительных сил противника.

3-я танковая группа, подчиненная 9-й армии, окончательно прорвала вторую линию обороны противника на всю ее глубину и вышла 7-й танковой дивизией на автостраду в районе севернее Вязьмы. 9-я армия сломала сопротивление противника в районе Белого. В целом можно сказать, что операция, которую ведет группа армий «Центр», приближается к своему апогею — полному завершению окружения противника» [17].

Сталину надоело выслушивать бесконечные обещания уточнить обстановку, исправить положение. Он уже не верил ни Буденному, ни Коневу. 5 октября Сталин вызвал на переговоры командующего Ленинградским фронтом. Здесь уместно будет сказать, что в 1941 г. основным средством связи Ставки со штабами фронтов и армий был телеграф с использованием аппаратов БОДО. Громоздкие, сложные в эксплуатации, эти аппараты доставляли немало хлопот при перемещениях штабов. Однако, по свидетельству начальника связи Красной Армии И.Т. Пересыпкина, И.В. Сталин категорически требовал, чтобы для прямых переговоров в высшем звене военного руководства использовались главным образом телеграфные аппараты БОДО. Он очень верил в этот аппарат и в невозможность перехвата передаваемых сообщений. Видимо, кто-то из специалистов убедил его в этом. Конечно, работу буквопечатающих аппаратов БОДО перехватывать было

значительно труднее, чем простейших аппаратов Морзе, но возможно. Это показала специальная проверка, организованная русским Морским Генеральным штабом еще в период Первой мировой войны.

Ниже приводится запись состоявшихся переговоров:

«Сталин. Здравствуйте.

Жуков. Здравия желаю!

Сталин. Товарищ Жуков, не можете ли вы незамедлительно вылететь в Москву? Ввиду осложнения обстановки **на левом крыле Резервного фронта в районе Юхнова** (выделено мною. — Л.Л.) Ставка хотела бы с вами посоветоваться. За себя оставьте кого-нибудь, может быть, Хозина.

Жуков. Прошу разрешения вылететь утром 6 октября.

Сталин. Хорошо. Завтра днем ждем вас в Москве. Всего хорошего.

Жуков. Всего лучшего»¹.

Г.К. Жуков нужен был И.В. Сталину не в качестве советника — таких рядом было много, но почти все они смотрели в рот вождю, чтобы угадать его мнение. Верховному Главнокомандующему нужен был человек, способный быстро разобраться в обстановке и не отягощенный чувством вины за провал на фронте. Сталину нужен был человек решительный и волевой, который не остановится ни перед чем, чтобы выправить положение. Про себя вождь, видимо, уже решил найти и строго наказать виновных в прорыве фронта. Показательно, что Жуков был послан к Буденному, а комиссию ГКО послали на Западный фронт. Судя по всему, вождь был очень недоволен Коневым.

Пожалуй, единственное, что осуществил Конев из доложенных Шапошникову предложений, это явно запоздавшие меры по удержанию района Вязьмы, где могли сомкнуться клещи врага. Строго говоря, этот район из-за пресловутой чересполосицы до момента отвода войск находился за пределами его полосы ответственности. За счет отвода нескольких соединений с неатакованных участков командующий Западным фронтом решил создать группировку для прикрытия южных подступов к Вязьме. Почему-то только южных. Чтобы не допустить смыкания вражеских клещей в районе Вязьмы, надо было принять меры по удержанию подступов к Вязьме и с севера.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 5. Л. 127 (заверенная копия цит.).

Командующий 16-й армией
генерал-лейтенант
К.К. Рокоссовский

Командующий 20-й армией
генерал-лейтенант
Ф.А. Ершаков

Вечером 5 октября Рокоссовский получил телеграмму из штаба Западного фронта с распоряжением немедленно передать участок с войсками генералу Ф.А. Ершакову, а самому со штабом 16-й армии прибыть 6 октября в Вязьму. Кстати, здесь просматривается еще один аргумент против утверждения И.С. Конева: если он принял решение на отход 4 октября, то почему только на другой день он приказывает Рокоссовскому передать войска 16-й армии Ершакову и со своим штабом прибыть в район Вязьмы? Хотя хорошо представляет, насколько трудно вывести из боя дивизии и сколько на это требуется времени. Почему бы заблаговременно не начать отвод некоторых соединений со слабо атакованных участков в резерв под видом усиления угрожаемых направлений?

Из воспоминаний К.К. Рокоссовского:

«Все это было совершенно непонятно (никаких ориентировок и предварительных распоряжений об отходе и 5 октября не было! — Л.Л.). Севернее нас, в частности, у генерала Лукина, обстановка складывалась тяжелая, каковы события на левом крыле фронта и южнее, неизвестно...

Тут (на КП фронта. — Л.Л.) были товарищи Лобачев, Казаков, Малинин, Орел. У них, как у меня, телеграмма вызвала подозрения. Помню возглас начальника штаба:

— Уходить в такое время от войск? Уму непостижимо!

Я потребовал повторить приказ документом за личной подписью командующего фронтом» [55].

Позиция командующего 16-й армией, только перед войной выпущенного из тюрьмы, вполне понятна. Получив афронт по поводу его плана действий на случай вынужденного отхода, Рокоссовский, конечно, переживал. Ведь так не далеко было и до обвинений в пораженческих настроениях — мол, отступать собрался. А полученное распоряжение (текст телеграммы) было вообще написано на клочке бумаги. В случае чего, могут обвинить уже и в бегстве. Что, собственно, и произошло потом. Следы этого конфликта и оправдания Конева прослеживаются в их воспоминаниях. Конев принял меры, чтобы письменный приказ дошел до К.К. Рокоссовского. Для проверки получения этого приказа в штаб Рокоссовского был послан подполковник Чернышев, который донес по радио, что приказ Рокоссовским получен (Чернышев при возвращении в штаб фронта погиб). Приказ гласил:

«Командарму 16 и 20.

Рокоссовскому и Ершакову.

Командарму 16 Рокоссовскому немедленно приказываю участок 16 армии с войсками передать командарму 20 Ершакову. Самому с управлением армии и необходимыми средствами связи прибыть форсированным маршем не позднее утра 6.10 в Вязьму. В состав 16 армии будут включены в районе Вязьмы 50, 73, 38 и 229 сд, 147 тбр, дивизион РС, полк ПТО и полк АРГК.

Задача армии — задержать наступление противника на Вязьму, наступающего с юга из района Спас-Деменска, и не допустить его севернее рубежа Пустьково, Крутые, Дрожжино (рубеж в 25 км южнее Вязьмы. — Л.Л.), имея в виду создание группировки и дальнейший переход в наступление в направлении Юхнов.

Получение и исполнение донести.

Конев — Булганин — Соколовский. 5.10.41 г.¹».

Позднее Рокоссовскому будет приказано действовать не только в южном, но и в северном направлении².

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1029. Л. 2.

² Там же. Оп. 2513. Д. 82. Л. 283—285.

Рокоссовский подтверждает: «Ночью летчик доставил распоряжение за подписями И.С. Конева и члена Военного совета Н.А. Булганина. Сомнения отпали. Но ясности не прибавилось». А время уходит — счет идет уже на часы... Из указанных в распоряжении соединений 38-я стрелковая дивизия оборонялась в первом эшелоне 16-й армии, в трех других по одному полку также находились в непосредственном соприкосновении с противником. 50-я стрелковая дивизия (без 2-го сп) выводилась в резерв 19-й армии в район Тиханова, Холмянка, Некрасово.

В наиболее сложном положении находилась 147-я тбр, которую Конев в 17.30 5.10 шифровкой по радио (в 2.00 6.10 подтвердил боевым распоряжением) приказал Болдину немедленно отправить в район Вязьмы. Но вывести танковый полк этой бригады из боя не удалось. Болдин в 10.15 доложил, что 147-й танковый полк бригады ведет бой с пехотой противника, усиленной артиллерией, в районе Булычево в 4 км восточнее Яковской (схема 5). Снятие его с боевого участка открыло бы путь противнику в направлении ст. Яковская, далее — на р. Днепр, автостраду — во фланг и тыл группы (остальные части 147-й танковой бригады заканчивали формирование в районе Издешково и только к 12.00 6.10 должны были прибыть в Булычево).

В этот же день в 15.45 Конев отдал распоряжение о немедленной отправке армейским автотранспортом 50-й сд в Вязьму. Автотранспорт для перевозки дивизии приказывалось подать ориентировочно к 22.00 5.10 в район Бекедово, что в 7 км северо-западнее Сафоново. Одновременно в Вязьму форсированным маршем перебрасывалась и 229-я сд, составлявшая резерв 20-й армии. Движение было приказано начать немедленно¹. К 23.00 5.10 50-я сд двумя полками (49-м и 359-м сп, 2-й сп задержался в связи со сменой его 112-й сд) и артполком вышла к Анциперово (13 км юго-вост. Вадино). Генерал Маландин доложил, что прибывшие к нему представители еще ничего не знали ни о погрузке дивизии, ни о переброске ее в Вязьму. Он дал указание ускорить выход дивизии и поступить в распоряжение т. Рокоссовского².

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 10169. Д. 13. Л. 65.

² Там же. Оп. 2511. Д. 11. Л. 72об.

Ставка ВГК наконец приняла решение на отвод войск всех трех фронтов в ночь с 5 на 6.10 на новые рубежи. В 22.30 5.10 в связи с прорывом фронта 43-й и 33-й армий Ставка приказала Западному фронту отойти на линию Осташков <...> Булашово (5 км северо-восточнее Холм-Жирковский. — Л.Л.) и далее вдоль восточного берега р. Днепр до города Дорогобуж, Ведерники. Одновременно дополнительным распоряжением Ставки все части 31-й и 32-й армий, а также 220-й сд Резервного фронта с частями усиления и тыловыми учреждениями с 23.00 5.10 передавались в подчинение командующего Западным фронтом и в состав войск Западного фронта. Штаб Западного фронта было приказано разместить не на ст. Шаховская (80 км восточнее Ржева. — Л.Л.), а в районе Гжатска¹. Таким образом, хоть и с большим опозданием, «чересполосица» была ликвидирована. Только 6 октября соединения 31-й армии (249, 110, 5, 247 и 119-я сд), переданные в состав Западного фронта на основании директивы Ставки, приостановили погрузку частей в эшелоны для перегруппировки. Все пять ее дивизий должны были оборонять полосу до Пены. 247-я стрелковая дивизия (без двух полков), 368-й сп 119-й сд и 766-й ап ПТО выводились в резерв армии.

Потеряв время на сбор данных обстановки и принятие трудного решения, Ставка спешит с доведением директивы войскам. Ночь была на исходе. Разрешение на отход было продублировано по радио, а в 7.50 утра 6.10 приказ на отход был направлен самолетами в армии. Кстати, когда в полосе советского Юго-Западного фронта 6 октября перешли в наступление войска группы армий «Юг», стремившиеся максимально использовать успех, достигнутый в центре советско-германского фронта, Ставка не стала тянуть время с принятием решения. Фронту своевременно была поставлена задача на отвод войск, которые вовремя были выведены из-под удара. За счет этого была значительно сокращена протяженность фронта и даже появилась возможность вывести часть сил в резерв.

Но в полосе Западного фронта за прошедшие со времени предложения Конева почти двое суток обстановка значительно ухудшилась. Если 4 октября между остриями танковых клиньев Гота и Гепнера было 140—150 км, то к исходу 5 октяб-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1029. Л. 25.

ря 7-й танковой дивизии, продвигавшейся с плацдарма на Днепре, оставалось пройти до Вязьмы около 40 км, а 10-я танковая дивизия 4-й танковой группы находилась от города всего в 45—50 км, то есть расстояние между ними сократилось до 90 километров (схема 7). Соединения 24-й армии, продолжающие удерживать Ельню, и 144-я и 129-я стрелковые дивизии 20-й армии находились в 100—110 км (по прямой) от Вязьмы. К моменту фактического начала их отхода 6 октября расстояние между клещами врага составляло всего 50 км. при этом во второй половине этого дня передовой отряд 7-й танковой дивизии перехватил автостраду севернее Вязьмы.

Получив разрешение на отход, Конев еще до отдачи боевого приказа войскам фронта отдал боевое распоряжение:

«Командарму 19 т. Лукину оставить на занимаемом фронте сильные прикрывающие части — отдельные полки, которыми продолжить вести бой на фронте.

Главные силы армии в ночь с 5 на 6 начать отводить на заранее подготовленный рубеж Резервного фронта по р. Днепр в полосе Ново-Дугинская, Буланово (вероятно, Булашово. — Л.Л.), Канютино (всеinkl. 19 А), слева — вост. Касня, incl. Яковлево, Приселье с задачей прочной обороны указанного района и не допустить прорыва в направлении Вязьма.

В 19 А будут входить 45 кд, 244, 89, 91, 214, 166, 134 сд, 127, 8 тбр.

На новый рубеж в первую очередь отводить артиллерию»¹.

Это распоряжение 19-я армия **получила только в 4.00 6.10.1941 г.** Полоса отхода, назначенная ей, вызывает недоумение, так как мало отвечала создавшейся обстановке. Возможно, командующий фронтом выводом армии северо-восточнее Вязьмы стремился создать сплошной фронт, с расчетом, что в районе самого города будет развернута 16-я армия Рокоссовского (ст. Ново-Дугинская находится в 45 км севернее Вязьмы, а Касня — в 20 км). Может быть, так было задумано при переговорах с Шапошниковым на заклеенной странице записи переговоров? Но к этому времени немцам удалось отбросить части группы Болдина от Холм-Жирковского. Но самое главное: уже стало известно, что, накопив силы на

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д.83. Л. 245.

плацдармах на восточном берегу Днепра, противник прорвал слабую оборону 248-й и 18-й стрелковых дивизий, захватил Волочек и начал развивать наступление на Вязьму и Сычевку. Выполняя поставленную задачу, армии пришлось бы не отходить, а наступать с перевернутым фронтом.

Командующий 20-й армией генерал Ф.А. Ершаков, в соответствии с аналогичным распоряжением Конева, отвод главных сил армии на заранее подготовленные позиции на р. Днепр на участке Яковлево (6 км севернее автостреды), Дорогобуж, далее по р. Ужа до Ведерники решил осуществить к 5.00 7.10. Отход прикрыть отдельными полками на реках Вопь, Днепр, Устром, имея сильный резерв на своем левом фланге. Приказом № 71/оп от 6.10.1941 г. Ершаков определил задачи соединениям. 112-я стрелковая дивизия должна была отходить по автострезде и занять рубеж Яковлево, совхоз Ставково (20 км южнее автостреды). КП — Издешково. Разграничния справа — армейская (с 19-й армией): ст. Касня, Яковлево, Приселье, все пункты для 112 сд — исключительно. Маршруты отхода для 108-й сд: Прость, Марково, Дорогобуж; для 144-й сд с 471-м сп 73-й сд, 302-м гап — Коровники, Михайлово, Артюшкино. 129-я сд с отходом в назначенный район должна была составить резерв армии¹.

Далее было приказано:

«<...> 8. Всем командирам соединений при планировании отхода предусмотреть отвод в первую очередь артиллерии.

9. При отходе частей прикрытия уничтожать все дорожные сооружения, телефонные и телеграфные линии и прочие объекты, имеющие важное экономическое значение.

10. Командирам дивизий и частей обеспечить через местные органы власти и распорядительным путем через войсковые части угон скота из оставляемых войсками районов. Все запасы продовольствия из местных ресурсов, не могущие быть эвакуированными — уничтожить»².

Таким образом, 19-я армия генерала Лукина должна была отходить севернее автомагистрали на переправу у совхоза Неелово, 20-я генерала Ершакова — вдоль автомагистрали и

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 52. Л. 8.

² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 56. Л. 8—10.

южнее. При этом 112-я сд 20-й армии должна была занять оборону в полосе 26 км, седлая автостраду. Характерно, что в распоряжениях фронта и в приказах командующих армиями ничего не говорится о том, какие части Резервного фронта и на каких участках обороняются на Днестре (не знали). Подразумевалось, что командиры соединений сами свяжутся с соответствующими частями Резервного фронта и согласуют с ними порядок пропуска войск через минные поля и передний край.

В приказе об отводе войск фронта на новый рубеж № 09/оп, который Конев подписал в 5.45 6.10, говорилось, что противник прорвал фронт 43-й и 33-й армий и стремится развить наступление в направлениях Гжатск, Вязьма, Юхнов (о сложном положении войск Западного фронта ни слова. — Л.Л.). Отход приказывалось начать в ночь с 5 на 6.10 **«с целью организации упорной обороны на подготовленном рубеже»**.

Далее в приказе определялись задачи на отход всем армиям фронта, в частности:

«<...> 7. 19 А начать в ночь с 5 на 6.10 отход частей армии на вост. берег р. Днепр и организовать на указанном рубеже упорную оборону, прикрывая вяземское направление. С отходом частей армии на реку Днепр в состав армии включить 140 сп 2 сд (ошибка, правильно — 140-ю и 2-ю стрелковые дивизии. — Л.Л.).

Разграничительная линия слева Коровино, Вязьма, Костенки (все вкл. для 19 А).

(Таким образом, за счет включения в состав армии 140-й и 2-й стрелковых дивизий левая разгранлиния была резко — на 30 км смещена на юг, а полоса отхода и обороны значительно расширялась и включала автостраду. — Л.Л.).

8. 20 А в ночь с 5 на 6.10 под прикрытием сильных отрядов начать отход частей армии на рубеж р. Днепр, Дорогобуж, Ведерники и 7.10 организовать упорную оборону на подготовленном рубеже, имея в составе армии 144, 129, 108 и 112 сд...

9. 16 А в составе 73, 229, 38, 50 сд и 147 тбр 6.10 сосредоточиться в районе Вязьмы для действий в сев. и южн. направлениях для ликвидации прорвавшегося противника.

<...> 12. Командармам 31 и 32 выслатъ в части 22, 29, 30, 19 и 20 А представителей войсковых частей для провода отходящих частей через минные поля»¹.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 83. Л. 283—285.

Армиям на правом крыле фронта было приказано начать отход на сутки позже — в ночь с 6-го на 7-е октября. Они должны были 9.10.1941 г. организовать упорную оборону на подготовленных рубежах: 22-я армия — Осташков, Селижарово, Киселево, включив в свой состав 249-ю, 5-ю стрелковые дивизии и 9-ю танковую бригаду; 29-я армия — Ераево, Хмелевка, ст. Оленино, подчинив себе на этом рубеже 247-ю и 119-ю стрелковые дивизии 31-й армии. В целях согласования действий войск при отходе этим армиям были назначены уравнительные рубежи. Группе Болдина задача была определена отдельным распоряжением.

Во всех приказах и распоряжениях сверху донизу повторялось: время начала отхода войск (кроме 22-й и 29-й армий) — в ночь с 5 на 6 октября. Авторы большинства публикаций так и считают — войска распоряжения получили 5 октября, отход начали в ночь на 6-е. В уже упоминавшейся статье от имени генерала Лукина также утверждается:

«Только 5 октября было приказано отвести войска. К исходу этого дня 19-я армия получила приказ отойти на рубеж реки Днепр. Отход предстояло согласовать с 20-й армией, находившейся слева, и с группой Болдина. <...> В ночь на 6 октября армия начала отход, прикрываясь арьергардами» [56]. Ну не мог этого написать командарм, который, работая над воспоминаниями, пользовался соответствующими документами. В архиве хранится его **приказ № 067 от 6.10.1941 г.**, КП — 1 км южнее свх. Неелово:

«1. Пр-к к 18.00 5.10 тремя пд с танками овладел р-жом Бердяево, Слащево, свх. Неелово, мотополком с эскадронном конницы занял ст. Яковская.

2. Справа — группа Болдина, левофланговая 127 тбр предположительно свх. Победа (7 км вост. Яковская)».

Далее командарм поставил задачи соединениям армии на оборону. В частности, 166-й сд с 120-м и 596-м гап приказано закрепиться на участке Новосели, Шамово, Ковшики, не допустить прорыва в направлении Матвеевки, Власково и со стороны Кашина на Медведево. В армейский резерв он назначает 89-ю и 244-ю сд и 127-ю тбр. КП с 8.00 6.10 — лес 1 км западнее Семеновщина. Более того, в архиве есть и его донесение, в котором сказано, что **приказ на выход армии за р. Днепр получен в 4 часа 6 октября. И армия начала отход только в 10 часов 6 октября.** Мы еще вернемся к этому донесению.

Так что те, кто готовил статью к публикации в «Военно-историческом журнале», перестарались. Они не учитывают, что на организацию отхода частям, находящимся в непосредственном соприкосновении с противником, требуется время, и немалое. Для большинства командиров соединений и частей новая задача, полученная только 6 октября, оказалась неожиданной. Это, прежде всего, касалось дивизий первого эшелона, которые вели оборонительные бои на участках, где целостность фронта не была нарушена (20-й и переданных ей соединений 16-й армии). Скрытно вывести главные силы из боя — весьма непростое дело. Противник всеми средствами отслеживал признаки подготовки русских к отходу, чтобы немедленно перейти к преследованию. Хорошо, если части получили предварительные распоряжения. Тогда они могли использовать для этого ночное время. Поэтому к исполнению приказа фронта соединения и части смогли приступить только в первой половине дня 6 октября и даже позже.

К организации и планированию отхода со стороны штаба фронта можно предъявить много претензий, тем более что Конев о возможности его стал думать уже 4 октября. Спасти положение мог только быстрый и организованный отход. Но в отданных распоряжениях и приказе не были определены способ отхода и сроки выхода и занятия обороны на новых рубежах. Поэтому начальники штабов не могли рассчитать темп отхода, а от этого многое зависело. Судя по всему, командующих армиями, не говоря уж о командирах соединений, об обстановке в своем тылу информировали не в полной мере. Они не знали обстановку за пределами своей полосы обороны и у соседей и плохо представляли степень опасности в связи с глубоким прорывом противника и возможностью выхода его на пути отхода. В противном случае командармы в предвидении возможной встречи с противником выслали бы передовые отряды, обеспечив их транспортом. Поэтому Ершаков не принял соответствующих мер по ускорению отхода. Спасать надо было не колхозный скот, а людей, вооружение и боевую технику.

Не были согласованы по времени и действия войск при отходе соседних 19-й и 20-й армий. Они практически начали отход одновременно, хотя соединения генерала Ершакова находились намного западнее 19-й армии. Им до конечного рубежа отхода — р. Днепр — предстояло пройти намного больший

Немецкая пехота на марше

путь, по прямой — 50—55 км. Соединения армии Лукина удерживали рубеж, вытянутый с запада на восток. Только частям западного фланга армии надо было пройти 40 км, остальным — намного меньше. Судя по всему, Лукину удалось согласовать отход только с Болдиным, части которого отбивали попытки противника наступлением с севера перерезать пути отхода. К сожалению, порядок отхода не был согласован и с командованием Резервного фронта, особенно маршруты движения соседних армий — 20-й и 24-й. Установить новую разгранлинию между фронтами оказалось недостаточным. Позднее при отходе этих армий это привело к печальным последствиям.

В своих воспоминаниях Лукин пишет, что впоследствии его многие спрашивали, в частности, на конференции в ЦДСА, посвященной этим боям, почему он не отступил своевременно. «Выступавшие даже упрекали в этом. И тогда, в октябре 1941 года, я был уверен, что поступал правильно, и по прошествии многих лет, анализируя события прошлого, я вновь убедился в правоте своих действий в тот период. Не отступал я потому, что чувствовал поддержку и поощрение фронта (связь с командующим держалась непрерывная), меня ставили в пример, да и необходимости отступать не возникало, тем более что **на это не было приказа** (выделено

мною. — **Л.Л.**) Это с одной стороны, а с другой — отступить мы уже не могли. Если войска покинули бы позиции и без боев двинулись походным порядком, то моторизованные части фашистов нагнали бы их, расчленили и разбили» [56].

М.Ф. Лукин преувеличивает опасность неотступного преследования противником с фронта и, главное, противоречит сам себе — своему же донесению о том, что отход армии был проведен вне воздействия наземного противника (но участники конференции о нем не знают). Немцы, вне всякого сомнения, стремились сорвать планомерный отход главных сил русских, прежде всего, действиями своих подвижных соединений, осуществляющих охват, а также ударами авиации. Пехота вермахта не намного превосходила наши стрелковые соединения в подвижности. Ее подразделения совершали марш, как правило, пешим порядком¹. Во всяком случае, пехотные дивизии противника, ведущие фронтальное преследование, сдерживались арьергардами, а вести параллельное преследование они не могли. Например, дивизии 8-го армейского корпуса противника, задержанные подразделениями прикрытия и арьергардами, потеряли соприкосновение с войсками 19-й армии. Это подтверждается сводкой 9-й армии противника, где отмечено, что 8-й ак без соприкосновения с противником достиг р. Вержа (приток Днепра в 3-х км западнее него. — **Л.Л.**) и что восточный берег Днепра южнее автостреды занят частями противника².

Враг стремился перерезать пути отхода за счет быстрого продвижения моторизованных соединений на направлениях прорыва. Их передовые отряды упреждали наши войска в выходе на рубежи, выгодные для организации обороны. Так, командование 4-й армии врага сожалело, что соединения 46-го моторизованного корпуса по настоянию вышестоящего командования слишком рано повернули на север и натолкнулись на основную массу отходящих войск Резервного фронта. Немцы считали, что если бы поворот был осуществлен точнее, то перехватить пути отхода 24-й и 20-й армий удалось бы с меньшими потерями.

¹ В пехотной дивизии по штату числилось: лошадей 4842 (в нашей стрелковой дивизии сокращенного состава — 2740), автомашин околотысячи (из них легковых — 138) против наших 226 (раньше было — 558, в том числе только 5 легковых).

² ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 757. Л. 138.

Немецкая пехота переправляется через Днепр

В другой своей статье, опубликованной прижизненно, Лукин пишет:

«Но как отступить? Обстановка, казалось бы, требовала немедленно сняться с позиций, оторваться от противника и выровнять линию фронта. В этом случае мы могли бы избежать угрозы окружения. Но оторвемся ли, успеем ли организовано отойти на новый рубеж? Ведь основная наша тягловая сила — лошади, а враг хорошо моторизован, следовательно, он может нас просто смять и выйти целехонький, без потерь, на самые ближние подступы к столице... Я принял решение отходить медленно, с боями. Сражаясь за каждый метр земли, изматывая противника, не ожидающего такой оборо-

ны. Правда, в этом случае угроза окружения не исчезает, но ведь армия вполне боеспособна, собрана в единый мощный кулак и отвлекает на себя значительные силы, нацеленные на Москву. А под самой Москвой наших войск почти нет, я это точно знал» [40].

Надо учитывать, что к началу отхода основные силы армии оборонялись фронтом на северо-запад. Поэтому отход начался с левофланговых частей. Остальные соединения, в том числе и 134-я стрелковая дивизия, удерживавшая восточный берег р. Вопец, продолжали вести бой, отражая атаки противника. Сдерживали врага и выделенные арьергарды. Кроме того, инициативные и мужественные командиры частей и подразделений, потерявшие связь с командованием, продолжали удерживать занимаемые рубежи, цепляясь при отходе за любую речушку, за любой выгодный рубеж, чтобы задержать противника. Характерное донесение, полученное штабом 9-й армии 5.10: «Противник перед фронтом 1-й тд исчез, а в районе Ляпкино части дивизии скованы боем с русскими численностью в два батальона. Командование 3-й танковой группы запросило разрешение на смену частей 1-й тд 900-й учебной бригадой».

Каждая такая задержка была на руку нашим войскам.

В 19.20 6 октября Конев был вынужден уточнить задачи 19-й и 20-й армиям:

«19 А в связи с прорывом противника на Волочек отойти на рубеж Гаврилково, Григорьево (юго-зап. Вязьмы), где закрепиться и упорно обороняться. Одну дивизию и два тяжелых ап — мой резерв в Гжатск». Аналогичное распоряжение было отдано и 20-й армии, которая должна была ночью отойти на рубеж Григорьево, Красное и далее к границе (имелась в виду левая разгранлиния фронта. — **Л.Л.**). В первую очередь армия должна была отводить тяжелую артиллерию¹. Группа генерала Болдина в целях обеспечения выхода из боя и отхода 19-й армии получила задачу нанести удар в направлении Волочек.

В более сложной обстановке начался отход соединений генерала Ершакова. Обнаружив его начало, немцы сначала попытались немедленно перейти в преследование, но были за-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д.82. Л. 293.

держаны огнем арьергардных частей 20-й армии и минными полями в районе Ярцево. Но сравнительно быстрый отход соединений 19-й армии поставил их в тяжелое положение: части 27-го корпуса противника, а затем и 8-го ак, наступавшие с севера, вышли на автомагистраль. В конечном итоге соединениям 20-й армии пришлось отходить южнее автостреды. А там все проселочные дороги и старый смоленский тракт были забиты транспортом тыловых частей и обозами 24-й армии. С фронта отходящие части 20-й армии никто, по существу, не преследовал. Противник предпочел продвигаться по параллельному маршруту — по автострее. Это хорошо просматривается по немецкой карте (схема 8).

О том, как начался отход 20-й армии, можно судить по выводам из немецких документов:

В 18.50 6.10: «В первой половине дня начался отход [русских] по шоссе Ярцево — Дорогобуж. Части 27-го ак, наступающие по обе стороны автостреды, отбросили арьергарды противника. Действия артиллерии незначительные». (Немудрено: там, где было три дивизии, осталась одна 112-я сд, от которой и были выделены подразделения прикрытия и арьергарды. А основная масса артиллерии была отведена в первую очередь. — Л.Л.).

7.15 7.10: «Район Ярцева сильно минирован. По всему фронту взрывы и горят деревни. Захвачен пленный из 120-го арtpолка (дивизия?)».

Данных о 120-м гап 19-й армии у немцев досих пор не было. Хотя они в полной мере ощутили огонь его 152-мм орудий и неоднократно поднимали аэростаты для обнаружения огневых позиций батарей. Один из них был сбит нашим истребителем.

Успешность выхода главных сил Западного и Резервного фронтов из образовавшегося мешка во многом зависела от того, удастся ли остановить или хотя бы задержать танковые клинья противника, стремящиеся замкнуть кольцо окружения. Конев приказал 32-й армии, переданной в состав Западного фронта, нанести удар по его колоннам, продвигающимся на Вязьму с юго-востока. Командующий 32-й армией генерал Вишневский в это время пытался организовать уничтожение группировки противника, переправившейся на восточный берег Днепра северо-западнее Вязьмы. Сосредото-

чить для наступления соединения армии, находившиеся южнее автостреды (2, 8 и 29-я стрелковые дивизии), не удалось. Удар не состоялся.

6 октября в 13.05 пост управления радиоперехватом группы армий «Центр» передал в оперативный отдел штаба фон Бока текст перехваченного приказа русских: «С рассветом 7 октября всеми силами ударить в стену танковых войск противника, которые движутся по дороге Юхнов — Знаменка. Должны быть приняты все меры». 4-я армия фельдмаршала Клюге моментально получила ориентировку относительно намерений советских войск и приняла соответствующие меры по недопущению их прорыва¹. В сводке ОКХ № 113 от 6.10 было отмечено, что «теперь, когда кольцо вокруг противника под Вязьмой сужено до 20 км, следует ожидать попыток прорыва перед флангами охвата и усиленного давления на западном участке кольца»².

По замыслу командующего Западным фронтом, 16-я армия Рокоссовского должна была расширить коридор для выхода войск из наметившегося окружения. Конев в своих мемуарах утверждает, что **«одновременно с выходом управления 16-й армии в район Вязьмы прибыла 50 сд** (выделено мною. — Л.Л.). Эта самая боевая дивизия перебрасывалась по моему распоряжению из состава 16-й армии в район Вязьмы, чтобы не допустить смыкания противником кольца окружения. Но... дивизия, к сожалению, сумела прибыть вовремя только двумя стрелковыми полками и артиллерийским полком. Остальные части этой дивизии были отрезаны наступающим противником и тоже оказались в вяземском окружении» [43].

На самом деле, согласно документам, 50-я сд (49, 359 и 2-й сп) из-за задержки со сбором и подачей автотранспорта (в том числе 100 автомашин забрали у 19-й армии) и различного рода неувязок потеряла целые сутки. И к 23.00 6.10 она находилась в еще районе Дурово, то есть примерно в 60 км к западу от Вязьмы³. 38-я сд также находилась в движении к Вязьме, а 229-я сд была задержана командующим 20-й арми-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 115. Л. 212.

² Там же. Оп. 12462. Д. 548. Л. 187.

³ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 10169. Д. 14. Л. 149—151 (оперсводка штаба ЗапФ на 20.00 7.10.1941 г.).

ей. 166-я стрелковая дивизия, выведенная из боя позже других, южнее Вязьмы вступила в бой с противником. Силы были неравные, и в результате боя дивизия потеряла тылы и значительную часть артиллерии. Только к 21.00 7.10 в район Вязьмы вышла 73-я сд (без артиллерии и 471-го сп, который занимал оборону в первом эшелоне 20-й армии) с 5 орудиями ПТО. Дивизия получила задачу одним полком оборонять рубеж Красное Село, Абросимово фронтом на юго-запад с передним краем на правом берегу р. Вязьма.

По словам Рокоссовского, он получил доклад начальника гарнизона Вязьма генерала И.С. Никитина, что в Вязьме и в окрестностях никаких войск нет и что он имеет только милицию. Справедливости ради отметим, что в районе Вязьмы находился 206-й запасный стрелковый полк Западного фронта и Никитин заблаговременно принял некоторые меры по обороне города. Из боевого донесения начальника гарнизона Вязьмы:

«1. Со ст. Угра на Знаменку прошло 40 танков в 17.00 (донесение истребительного отряда НКВД).

2. Гарнизон г. Вязьма занял оборону:

А) на магистрали Москва — Минск в районе Жипино, Кр. Мездрево — одна стрелковая рота,

Б) на железной дороге у ст. Гредякино — батальон,

В) на рубеже юго-вост. окраина Гредякино, Пастиха на фронте 5 км — еще один батальон,

Г) южнее Вязьмы — в районе Батищево — отдельный батальон облуправления НКВД (погранотряд).

3. Второй эшелон занял оборону на Смоленском большаке на юго-запад Ямская, южнее Вязьмы, Чертово и юго-восточнее Вязьмы Бозня по Калужскому шоссе на восток (занимает полк ополченцев)»¹.

Начальник гарнизона организовал и разведку: в юго-западном направлении — от батальона 206-го зсп, в южном — от погранотряда. А сам попытался организовать оборону северо-восточнее города в полосе 140-й стрелковой дивизии (бывшая 13-я дн). Конечно, такими силами не только коридор для выхода войск из мешка, но и сам город удержать было невозможно. Связаться со штабом фронта по радио Рокоссовскому не удалось. Начальник штаба фронта генерал Соко-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 11. Л. 66.

ловский, проехавший через Вязьму, сам не знал обстановки. Днем 6 октября на КП Рокоссовского, развернутый в 10 км северо-восточнее Вязьмы в лесу в 3 км юго-зап. Сосновки, захватили начальник оперативного отдела штаба фронта генерал Г.К. Маландин и командующий артиллерией генерал И.П. Камера, которые, по словам Рокоссовского, разыскивали штаб фронта и также не знали обстановки. Если бы командующий фронтом, как он утверждает, принял решение на отход 4 октября, то в районе Вязьмы были бы заблаговременно отведенные хоть какие-то силы, а все перечисленные высокие должностные лица знали бы об этом и о том, куда перемещается штаб фронта.

Захват противником Вязьмы. С утра 6 октября противник возобновил наступление с захваченных им плацдармов. Части 140-й и ослабленной 248-й стрелковых дивизий не выдержали удара двух танковых дивизий противника. 7-я танковая дивизия противника прорвалась с плацдарма в районе глушковской переправы и начала развивать наступление на Вязьму. С тихановского плацдарма стали продвигаться части 6-й танковой и 129-й пехотной дивизий, которые на 18.50 7 октября находились примерно в 40 км от Вязьмы.

В 11.50 6.10 командующий 32-й армией генерал-майор Вишневский С.В. доложил Коневу о прорыве противника на участке Волочек, Пигулино (в 11 км южнее Волочек, на правом берегу р. Вязьма. — **Л.Л.**):

«<...> 2. Обстановка на фронте 32 А на утро 6.10 кардинально изменилась. До тд и мд противника прорвались через Глушковскую переправу и заняли лес до линии Волочек, Настасьино, где сейчас идет ожесточенный бой. Данные о противнике уточняются.

Намеченная мной атака-против этой группировки силами 220, 18, 140 и 248 сд развивается медленно из-за сильнейшего воздействия авиации противника. В полосе между реками Днепр и Вязьма 248 сд вдруг отошла <...> (эта фраза в подлиннике зачеркнута. — **Л.Л.**).

До сего времени не имею данных, как выполняется мой приказ командиром 220 сд, отказавшимся 6.10.41 г. выполнить мой приказ о наступлении, ссылаясь на приказ 49-й армии.

Парировать удар танков противника без авиации и танков затруднительно. В подчиненной мне 143 танковой бригаде 20 танков, но с 6.00 6.10 стоит без горючего.

Бросаю все силы правого крыла армии на ликвидацию прорвавшегося противника. Выделить на фронт к югу от Вязьмы ничего не могу.

<...> Связи с впереди действующими частями не имею и не знаю, где их штабы.

18, 248 и 140 сд имеют большие потери в людском составе и материальной части. Гибельно отражается недостаток средств связи»¹.

«248 сд вдруг отошла...» — можно представить моральное состояние бойцов и командира дивизии, которых сначала торопят с погрузкой в эшелоны, а потом приказывают срочно занять оставленные позиции! А от станций погрузки (и выгрузки!) до них 45—50 км по прямой. С воздуха их бомбят самолеты, а на земле с оборудованных ими же позиций встречают огнем танки противника!

Генерал Калинин приказал 143-й тбр, которая сосредоточилась в Зайцево, с утра начать наступление на Волочек во взаимодействии с резервным полком 248-й сд с задачей отрезать пехоту противника от танков и затем восстановить положение. Но эта задача оказалась ей не по силам. Что касается 220-й стрелковой дивизии, то, согласно оперсводке штаба 32-й армии на 19.50 6.10.1941, то есть в разгар боев на Ржевско-Вяземском рубеже, она продолжала погрузку в эшелоны. Значит, приказ о включении ее в состав Западного фронта до дивизии не был доведен. А особый отдел дивизии, в соответствии с отданными ранее указаниями, в это время продолжал чистку подразделений от неустойчивых элементов. Так, вместо 2-го батальона 673-го стрелкового полка дивизии, состоявшего из «западников» (то есть уроженцев западных областей Белоруссии и Украины, которые в тяжелой обстановке в массовом порядке сдавались в плен) и отправленного в тыл, пришлось срочно сформировать новый — из личного состава строительных частей и тыловых учреждений.

Думается, что читателю будет интересно узнать, как был организован и осуществлен прорыв немцев к Вязьме с плац-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 11. Л. 112.

дармов на Днепре. Для этого придется вернуться несколько назад. Развитие событий проследим по документам 6-й танковой дивизии 56-го моторизованного корпуса, части которой наступали с тихановского плацдарма. Полностью цитировать их не имеет смысла, так как они перегружены ненужными подробностями и поэтому даются в пересказе, близком к тексту.

«5 октября очистить южный фланг 129-й пд в районе Холм-Жирковского не удалось. В целях поддержки ее частей батареи 76-го артполка были перемещены поближе к плацдарму Тиханово. Группу артиллерийских наблюдателей на плацдарм пришлось доставлять на танках, так как дорога Холм — Тиханово подвергалась интенсивному обстрелу русских танков. Но намеченное на вторую половину дня наступление было снова отложено (в связи с новой атакой частей группы Болдина, при которой, по немецким данным, было уничтожено 30 танков русских¹. — Л.Л.). К вечеру пехотные подразделения 430-го полка 129-й пд отошли из района Бараново на линию огневых позиций 3-го дивизиона 76-го артполка. Во избежание ненужных потерь батареи дивизиона вынуждены были переместить огневые позиции на северо-западную окраину Холма.

Наступление 6-й тд с тихановского плацдарма было намечено на 6.10. Противник перед ним оценивался, как слабый. Тем не менее была тщательно спланирована артиллерийская подготовка и поддержка атаки, к проведению которой привлекались 76-й артполк дивизии и приданный ей 783-й. Подавление обнаруженных артиллерийских батарей русских началось с «х»-15 («х» — время начала огневого налета. — Л.Л.). С «х»-10 по «х» осуществлялся налет авиации. В ходе наступления с «х»+8 по «х»+30 76-й артполк вел огонь дымовыми снарядами в целях ослепления наблюдательных пунктов противника. При необходимости вызывался огонь двух дивизионов 51-го артполка шестиствольных минометов Nebelwerfer².

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 193—198.

² На вооружении полка «Nebelwerfer» (метатель дыма) состоял 15-см шестиствольный миномет «Nebelwerfer-41», который несколько уступал советской ракетной установке БМ-13 («катюша») в дальности стрельбы (6900 м против 8470 м), но по кучности попаданий на максимальной дальности превосходил ее почти в два раза. Это достигалось за счет применения более совершенного способа стабилизации снарядов. Миномет монтировался на модифицированном лафете от немецкой 37-мм противотанковой пушки.

Наступление с плацдарма в направлении Тычково (в трех километрах от переправы. — **Л.Л.**) началось в 8.00 (9.00 московского времени) 6 октября. К полудню врагу удалось остановить наступление частей дивизии в лесах северо-восточнее Тычково, в районе Михалево и в излучине Вязьмы. В целях устранения фланговых ударов около 16.00 в бой был введен 427-й пехотный полк (129-й пд. — **Л.Л.**). Одновременно усиленная танковая группа «Лев», поддерживаемая 4-й батареей 76-го артполка, получила задачу продвинуться до Митьково (10 км южнее Волочек. — **Л.Л.**). Используя его удар, 114-й пп 6-й тд должен был выйти в лесную зону между Митьково и Бетраково. К исходу дня в районе Митьково бой все еще продолжался.

Командующий 32-й армией
генерал-майор С.В. Вишневский

Командир 76-го артполка в своем донесении на 19.15 (20.15) 6.10.1941 отметил, что противник оказывает жесткое сопротивление, обстреливая артиллерийским огнем районы выдвижения частей 6-й тд. В течение дня пришлось вести контрбатареиную борьбу с артиллерией русских. Всего было обнаружено 9 батарей, одну из них удалось уничтожить при корректировке огня авиацией. Обе стороны проявляли большую активность в воздухе»¹.

Штаб 56-го армейского (так в тексте. — **Л.Л.**) корпуса в суточном донесении за 6 октября доложил:

«1). Противник по-прежнему оказывает упорное сопротивление частям 129-й пд и 6-й тд. Под Устье (на западном берегу Днепра в 5 км юго-восточнее Холм-Жирковского. — **Л.Л.**) противник предпринял в течение дня шесть контратак при поддержке до 18 танков.

¹ NARA, T315, R339, F000034.

Плацдарм 6-й тд постоянно подвергается сильному артиллерийскому обстрелу, что затрудняет ее развертывание. В результате упорного сопротивления противника наступление развивается медленно. Основные свои силы он сосредоточил южнее р. Вязьма и севернее автостреды, нанося непрерывные фланговые удары. Ввод в бой дополнительных сил и средств затрудняется наличием его войск справа и слева от направления главного удара.

7-й тд удалось после непродолжительного, но упорного боя прорвать вяземскую линию обороны противника и выйти на автостраду. Хотя по обе стороны Волочек силы противника и незначительны, требуется принятие соответствующих мер обеспечения безопасности.

По предварительным данным, к настоящему времени уничтожено и захвачено 144 танка и 96 орудий. Взято 8500 пленных.

2). Части корпуса вышли:

7-я тд — на автостраду северо-западнее Вязьмы (только передовым отрядом. — **Л.Л.**),

6-я тд — к Митьково,

129-я пд — Большанский — опушка леса южнее Холма — Черново — восточная окраина Устье.

<...> 5). 7-я тд вышла к Марково (11 км северо-западнее Вязьмы. — **Л.Л.**).

<...> 7). 56-й ак удерживает автостраду северо-западнее Вязьмы в обоих направлениях — как на восток, так и на запад, препятствуя отходу южного фланга 9-й армии противника (описка — немцы знали о 19-й армии. — **Л.Л.**) через Днепр на восток. Части 6-й тд и 129-й пд предпринимают усилия по ее окружению в районе северо-западнее Вязьмы.

<...> 10). Активность авиации противника снизилась. Отмечаются только отдельные авианалеты с бомбометанием.

Начальник штаба корпуса»¹.

За первые два дня наступления противник продвигался с темпом более 25 км в сутки. Следующие два дня он вынужден был отбивать атаки соединений группы Болдина и вести бои за удержание плацдармов на Днепре. На пятый день опера-

¹ NARA, T315, R339, F000037.

ции части 6-й тд противника за день боя сумели продвинуться всего на 6—8 км. К сожалению, части 248-й и 18-й стрелковых дивизий не выдержали удара 7-й танковой дивизии противника, наступавшей с глушковского плацдарма. В результате ей удалось прорваться к Вязьме и перерезать автостраду.

Приведенные документы противника говорят, с одной стороны, о мужестве и самоотверженности советских воинов, которые в самых неблагоприятных для них условиях (одна чехарда с погрузками и разгрузками чего стоила) стремились выполнить поставленную задачу. Остановить врага не удалось, но были выиграны еще сутки. С другой стороны, становится ясным, что при своевременном смелом маневре на угрожаемое направление и организованном взаимодействии всех сил на восточном берегу Днепра можно было задержать наступление противника если не на первой (на реке), то на второй полосе Ржевско-Вяземского оборонительного рубежа — восточнее линии Сычевка, Вязьма. Войскам не хватило поддержки ударами авиации или хотя бы прикрытия истребителями. Но в этот момент основные усилия авиации были сосредоточены на орловском и юхновском направлениях. Хотя, как теперь становится ясным, для серьезного наступления в направлении Юхнов, Медынь, Малоярославец у немцев в это время не было сил. Из восьми танковых дивизий 3-й и 4-й танковых групп противника шесть были задействованы для окружения основных сил Западного и Резервного фронтов. Моторизованная дивизия СС «Рейх» от Юхнова повернула на Гжатск, чтобы перехватить Минское шоссе в целях воспреещения возможных попыток деблокады.

Интересно, что по оценке, приведенной в дневнике Гальдера, на 8.10 на Восточном фронте авиация русских насчитывала 1728 самолетов. Из них против войск группы армий «Центр» действовало примерно 922 самолета (677 истребителей, 168 бомбардировщиков, 77 транспортных самолетов и др.)¹.

Командующий 31-й армией в 1.15 7.10 поставил задачу 247-й сд на разгром группы противника, прорвавшейся на сычевском направлении. При этом ее 365-й сп с 786-м ап ПТО

¹ Для сравнения: против ГА «Север» — 121 (99 истребителей, 21 бомбардировщик и др.), ГА «Юг» — 685 (417 истребителей, 16 бомбардировщиков, 252 транспортных самолета и др.) [17].

должен был к 6.00 сосредоточиться в районе Сычевки и затем во взаимодействии с группой Болдина и частями 32-й армии на восточном берегу р. Днепр на участке Степанково, Волочек уничтожить прорвавшегося противника. Остальные силы этой дивизии по мере сосредоточения должны были составить второй эшелон в готовности развить успех 365-го стрелкового полка. Оборону Сычевки с 24.00 6.10 должен был возглавить генерал-лейтенант Поленов, в распоряжение которого передавался один батальон 909-го сп с двумя артбатареями, один стрелковый полк 119-й дивизии и 760-й арtpолк. Но удар в связи с ухудшением обстановки в районе Гжатска (с юга к городу подходили передовые части дивизии СС «Рейх») так и не состоялся. В 18.40 последовало распоряжение о переброске туда и 365-го сп с 786-м ап для занятия обороны фронтом на запад и юг.

В 6.40 7.10 Конев приказывает командующим 19-й и 20-й армиями:

«Мотомехчасти противника передовыми отрядами вышли в район Вязьмы и перерезали шоссе.

Рокоссовский оказался со своим штабом восточнее Вязьмы и теряет управление дивизиями своей армии (Рокоссовский так и не вступил в командование соединениями, которые только на бумаге были включены в состав 16-й армии. — Л.Л.).

Приказываю организовать управление войсками Рокоссовского, оказавшимися западнее Вязьмы, и дополнительно выделить необходимые силы от 19-й армии и уничтожить противника в районе Вязьмы. Город Вязьма занят нашими войсками.

Организуйте к северу и югу от Вязьмы прочный заслон и выводите части Вашей и 20 армии на рубеж железной дороги Сычевка, Вязьма в указанных ранее границах.

Получение, исполнение доносить лично под вашу ответственность»¹.

В 16.00 7.10 генерал Вишневский доложил:

«1. <...> до 10 танков противника прорвались в район Высокое (9 км севернее Волочек. — Л.Л.) и теснят 18 сд. По-видимому, эта группировка танков движется на Сычевку. Между

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 83. Л. 265. Подлинник (цит. по РА).

18 и 140 сд разрыв в 30 км, заполненный группами противника примерно на линии Карасево, Белоусово, Настасьино.

<...> 5. 248 сд в результате упорных боев 4—6 октября потеряла боеспособность и приводится в порядок в районе Бараново. В дивизии удалось собрать до 600 человек и силами 140 сд удалось собрать еще 900 человек.

6. 140 сд ведет ожесточенный бой в районе Крушино, Михалево с прорвавшейся танковой группой противника и удерживает рубеж по р. Днепр от Устья до Мосолово. Большие потери в 1308 и 1309 сп — по одному батальону.

В районе Михалево сосредоточивается для контрудара 143 тбр, две батареи полка ПТО и отряд истребителей танков 140 сд. Больше средств для восстановления положения на этом участке не имею. В 143 тбр — 7 Т-34 и 8 Т-26 в готовности контратаковать танки противника у Михалево.

Основной причиной наших неудач является губительная непрерывная бомбежка наших войск авиацией противника и отсутствие зенитных средств.

Ввиду невозможности управлять 220 и 18 сд считаю целесообразным подчинить их командующему 31 армии.

Вывод управления 32 А в Можайск начал, но опергруппу штарма оставил здесь до решения вопроса об объединении управления всеми дивизиями.

Буду в Жуково.

<...> 8. 2 сд удерживает оборонительный рубеж, имея фронт до 40 км. Переходят Днепр дивизии 19 и 16А. В районе Аксентьево — штаб 91 сд, Барково — 162 сд (500 чел.). Командир 162 сд погиб при переправе через р. Вопец. В районе Ст. Село сосредоточилась 244 сд (до 700 человек), сейчас переходят части 214 сд.

Связи с Болдиным и 19 армией не имею.

9. Решил: до прибытия Болдина, удерживая рубеж р. Днепр, подчинив себе все отходящие части, нанести удар по группировке противника в районе Волочек, устье р. Вязьма, Белоусово и восстановить положение по р. Днепр. Атаку начать с утра 8.10.

Прошу приказать группе Болдина нанести удар на Холм-Жирковский. 31 [армии] атаковать с севера вдоль восточного берега р. Днепр. Поддержать атаку авиацией»¹.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 54. Л. 46, 47.

По немецким данным, передовой отряд 7-й танковой дивизии, усиленный танками ее 25-го танкового полка, вышел к автострате в 4 км севернее Вязьмы во второй половине 6 октября. Перерезав магистраль, немцы немедленно выставили заслоны на ней на восток — в сторону Гжатска и на запад. Основные силы дивизии и наступающие южнее части 6-й танковой дивизии отставали от передового отряда на 15—25 км. В немецких документах прорыв передового отряда к Вязьме описывается следующим образом (дается в пересказе).

«6-й мотопехотный полк с ротой на бронетранспортерах во главе колонны наступал по шоссе на Вязьму, преследуя подразделениями танкового полка вышедшего из боя противника. Командир полка, ехавший в первой машине своего полка, дал команду увеличить скорость, насколько это возможно на русских дорогах. Вскоре обе колонны ехали рядом друг с другом, при этом русские экипажи при сильнейшем пылеобразовании не могли заметить, что рядом танк противника, который хочет их обогнать. Автоколонны противника подогнем головной боевой машины пехотной роты «Зеленая» на бронетранспортерах вышли на шоссе, где не смогли сразу развернуться, и открыли огонь.

Около 17 часов головные части 6-го полка достигли перекрестка дорог на шоссе Вязьма — Москва в 2 км севернее Вязьмы. Вскоре сюда проследовало и подразделение Шредера из танкового полка, очень неожиданно для противника, а также удивив собственное командование. Танковые роты «Рихтер» и «Рейнхард» 25-го танкового полка ночью провели разведку северо-западного района горящей Вязьмы, где ожидалось прибытие немецкой дивизии, которая должна была замкнуть кольцо окружения под Вязьмой» [42].

К исходу 6 октября в район Вязьмы вышли и главные силы 7-й танковой дивизии врага. Узнав об этом, фон Бок передал командующему 4-й армией фон Клюге распоряжение:

«7 тд, сломив слабое сопротивление сил противника, вышла на автострату севернее Вязьмы. Она нуждается в Вашей поддержке, поэтому Вам необходимо в кратчайший срок перебросить в вышеуказанный район 4-ю танковую группу»¹.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 157. Л. 52.

Во второй половине дня 6 октября Рокоссовский находился в Вязьме:

«В подвале собора, стоявшем на высоком холме и возвышавшемся над городом, собрались секретарь Смоленского обкома партии, областные и районные партийные работники. Находившийся здесь же начальник политуправления Западного фронта Д.А. Лестев был крайне удивлен:

— Как же так? Я недавно из штаба фронта, он перебирается на новое место, и меня заверили, что тут у вас не менее пяти дивизий, которые ждут прибытия штаба шестнадцатой армии...

<...> в подвал вбежал председатель Смоленского горсовета А.П. Вахтеров:

— Немецкие танки в городе!

— Кто сообщил?

— Я их видел с колокольни!

<...> немецкие танки вступали в город. Нужно было немедленно выбираться. Вязьму в данное время некому было защищать» [55].

При выезде из Вязьмы машина Рокоссовского чуть не столкнулись с немецким танком, но водитель успел свернуть в переулок, и немцам не удалось обстрелять ее прицельным огнем. Командующий и штаб 16-й армии оказались полностью отрезанным от выделенных ему войск. Связи со штабом фронта по-прежнему не было.

В нескольких километрах северо-восточнее Вязьмы у станции Вязьма-Новоторжская располагался крупнейший сортировочный эвакогоспиталь (СЭГ 290) Западного фронта, который круглосуточно до последнего момента продолжал принимать раненых. К 5 октября в нем находилось более 3,5 тыс. раненых, и они продолжали поступать¹. После оказания экстренной помощи и сортировки раненых распределяли по специализированным эвакогоспиталям фронта или отправляли в тыл страны. Начальник госпиталя так и не получил приказа на эвакуацию. Погрузку в санитарные поезда продолжали под непрерывной бомбежкой. Потом стали отправлять их товарным порожняком. Вдруг 6 октября прекратилось движение по автостраде, по которой до этого машины шли сплошным по-

¹ Емкость обычного полевого подвижного госпиталя (ППГ) — 400, максимум 500 раненых.

Эвакуация раненых на санитарных самолетах С-2 (050)

током. Стало ясно, что дальше тянуть с эвакуацией госпиталя нельзя. Легкораненых, кто мог идти, разбили на роты и под командой врачей направили на Гжатск по полевым дорогам. Последних тяжелораненых отправляли под минометным обстрелом на первых попавшихся машинах, вплоть до пожарных, которые удалось остановить только угрозой применения оружия [45].

В отчете о боевых действиях 3-й танковой группы Г. Гота записали:

«<...> Русским дивизиям не удалось воспрепятствовать 7-й танковой дивизии быстро прорваться через днепровские оборонительные позиции, [ее] удару на Каменец, прорыву второй оборонительной позиции и завершающему прорыву (6.10) к автострате западнее Вязьма. Этой операцией 7-я тдв третий раз за эту кампанию смогла выйти в тыл противника и осуществить окружение, как это было у Минска и Смоленска.

<...> Ни группа армий, ни ОКХ не ожидали быстрого прорыва 3-й танковой группы через днепровские оборонительные позиции. Даже ОКХ надеялось, что 4-я танковая группа окажется у Вязьмы скорее <...>.

6 октября 7-я танковая дивизия вышла на автостраду и оказалась в тылу противника, слишком поздно начавшего отход на восточный берег Днепра. 7 октября 10-я танковая ди-

визия 4-й танковой группы соединилась в районе Вязьмы с левофланговым полком 7-й танковой дивизии. К этому времени 56-й танковый корпус уже создал сплошной фронт окружения на участке от Вязьмы до Днепра (восточнее Холма). Ожесточенные ночные атаки противника, пытавшегося прорваться на этом участке на восток, успеха не имели» [48].

Враг спешил замкнуть и одновременно сжать кольцо окружения. Авиация Западного фронта в 11.50 7 октября обнаружила четыре мотомехколонны противника по 50—70 единиц в движении от Юхнова на Знаменку (40 км юго-восточнее Вязьмы). Несколько ранее была обнаружена колонна танков, бронемашин и автомашин в движении на Бельская (в 100 км южнее Вязьмы), а в районе Угра, Русаново, Вознесенье, Дракино (все пункты на р. Угра в 45—55 км южнее Вязьмы. — **Л.Л.**) — скопление автотранспорта. Согласно разведсводке штаба Западного фронта, в 13.30 7 октября колонна в количестве 40 танков и 50 автомашин противника перерезала шоссе у Охотино (17 км северо-восточнее Вязьмы. — **Л.Л.**). Противник силою до двух батальонов мотопехоты и батальона танков вышел на северо-восток от Вязьмы. Организовав противотанковую и противопехотную оборону на автомагистрали севернее Мясоедово (7 км северо-восточнее Вязьмы. — **Л.Л.**), противник перешел в наступление на Вязьму с востока и в 15.20 овладел городом. К вечеру 7 октября противник замкнул кольцо окружения у Вязьмы. Советские войска, начавшие отход с большим опозданием, оказались в котле. Однако, как докладывала немецкая воздушная разведка, «значительные силы противника избежали окружения, и большие колонны русских войск движутся в направлении Москвы».

К сожалению, 162, 242 и 251-я стрелковые дивизии 30-й армии Западного фронта отойти не успели. Они также были окружены севернее Сычевки. С отходом остальных сил армии генерала Хоменко на рубеж Воробьи, Булашово остатки 250-й и 242-й стрелковых дивизий были переданы в 31-ю армию, а полевое управление 30-й армии выведено в резерв. Отвести сравнительно благополучно удалось лишь войска, действующие на правом крыле фронта. 22-я и 29-я армии совершили отход планомерно, минировав дороги и производя разрушения на вероятных путях преследования противника. Противостоящие им части противника активности не проявляли. 7 октября отходившие части 22-й армии находились на меридиане Жу-

копа (р. Жукопа течет на север к Пена. — Л.Л.). 29-я армия начала отход с 20.30 6.10. В ее войсках при отходе в полном объеме проводилась партийно-политическая работа, а в 252-й стрелковой дивизии на больших привалах даже выступала агитбригада армии.

50-й стрелковой дивизии (без 2-го сп) каким-то образом удалось проскочить южнее Вязьмы до того, как противник замкнул кольцо окружения. Утром в 7.10 части дивизии, имея минимум боеприпасов, вышли в район ст. Исаково (10 км восточнее Вязьмы. — Л.Л.). Рокоссовскому удалось установить связь с ней. В конечном счете 50-я стрелковая дивизия развернулась севернее Вязьмы фронтом на северо-запад, где вошла в подчинение 16-й армии. Штаб фронта с утра 8.10 находился в Красновидово.

Когда удалось восстановить связь со штабом фронта, Рокоссовский в 23.30 7.10 доложил:

«1. Согласно вашему приказу я со штабом армии прибыл в район Вязьмы к 6.00 6.10 и этим точно выполнил ваш приказ.

2. К моменту прибытия штаба в район Вязьмы, никаких войск, включенных Вами в состав 16А, в этом районе не было, а не имея сил и средств, я был не в состоянии организовать сопротивление на рубеже р. Вязьма.

3. Одновременно с подходом наших войск начался подход противника к Вязьме. В результате создалась обстановка, при которой штаб армии оказался отрезанным от своих войск.

4. Все меры по выполнению Вашего приказа нами выполняются. Если есть возможность, просил бы срочно подбросить в район штаба 16 один стрелковый полк на автостраду»¹.

Читатель, наверное, обратил внимание, как формулирует свое донесение Рокоссовский. Ему вовсе не хочется оказаться виновным в сдаче Вязьмы, которую защищать было практически нечем. Забегая вперед, отметим, что его опасения чуть было не оправдались. Рокоссовский вышел к своим войскам 9 октября в 40 км от Можайска. Там он получил приказ немедленно прибыть в штаб фронта, где уже заседала комиссия из Москвы во главе с Ворошиловым. В этот же день за ним и членом Военного совета армии Лобачевым прислали два самолета У-2.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1029. Л. 8.

Рокоссовский:

«Я дал указания Малинину о переходе на новое место, и мы направились к самолетам. Малинин на минуту задержал меня:

— Возьмите с собой приказ о передаче участка и войск Ершакову.

На вопрос, зачем это нужно, он ответил:

— Может пригодиться, мало ли что...

В небольшом одноэтажном домике нашли штаб фронта. Нас ожидали товарищи Ворошилов, Молотов, Конев и Булганин. Климент Ефремович сразу задал вопрос:

— Как это вы со штабом, но без войск шестнадцатой армии оказались под Вязьмой?

— Командующий фронтом сообщил, что части, которые я должен принять, находятся здесь.

— Странно...

Я показал маршалу злополучный приказ за подписью командования.

У Ворошилова произошел бурный разговор с Коневым и Булганиным» [55].

Этот эпизод, описанный в мемуарах и Конева, и Жукова, многое говорит о характере взаимоотношений между советскими высокопоставленными военачальниками в сложной обстановке. А ведь и от этого зачастую зависели результаты действий подчиненных им войск. Кому-то надо было отвечать за поражение. Сталин в таких случаях быстро находил виновных. И можно представить, в каком свете выставили Рокоссовского его начальники, спасая себя. Комиссия Ворошилова, кроме выяснения обстановки и принятия срочных мер, должна была найти и виновного. В данном случае виновным был назначен И.С. Конев.

О несправедливых обвинениях в свой адрес и о трагической судьбе войск, окруженных под Вязьмой, К.К. Рокоссовский, несомненно, вспомнил во время Курской битвы. На второй день немецкой операции «Цитадель» Сталин предупредил его, что положение у Ватутина на юге тяжелое и что противник оттуда может нанести удар в тыл войскам Центрального фронта. Насколько серьезным оказалось положение, можно понять из воспоминаний заместителя Рокоссовского по тылу генерала Н.А. Антипенко:

«На второй или третий день некоторым лицам из руководства Центрального фронта стало казаться, что противнику все же удастся прорвать нашу оборону. <...> Были рекомендации: немедленно эвакуировать подальше в тыл все имущество, сосредоточенное на фронтовых складах <...>. Я обратился лично к командующему.

К.К. Рокоссовский сказал:

— Немцам не удалось достичь решительного успеха за первые два дня. Тем не менее это возможно теперь. А если уж произойдет такое несчастье, то **мы будем драться в окружении и я, как командующий фронтом, останусь с окруженными войсками**» (выделено мною. — Л.Л.) [57].

С началом отхода проводная связь окончательно вышла из строя. Теперь устойчивость управления войсками целиком зависела от того, насколько будет правильно применяться радиосвязь. Однако средств радиосвязи в соединениях и частях было совершенно недостаточно, а имеющиеся из-за технического несовершенства аппаратуры не могли обеспечить устойчивую работу на прием-передачу. Так, во многих стрелковых дивизиях имелось всего по 10—12 радиостанций вместо 63, положенных по табелю. На качестве радиосвязи сказывалась и слабая обученность специалистов. К тому же выяснилось, что некоторые командиры и начальники боялись пользоваться радиосредствами, считая, что противник может подслушать радиопереговоры или запеленговать рации и тем самым установить местонахождение пунктов управления войсками. Поэтому зачастую радиостанции располагались вдали от штабов, что само по себе затрудняло пользование ими. Порой доходило до того, что некоторые начальники из-за чрезмерной «радиобоязни» запрещали автомобильным радиостанциям находиться при отходе в общих колоннах.

При отходе наших войск активизировалась служба радиоперехвата противника. Надо признать, что это дело у противника было поставлено весьма обстоятельно. Немцы еще в 1914 г. в боях в Восточной Пруссии убедились в чрезвычайной эффективности такого способа добывания разведданных. Из восьми радиополков, подчиненных Центру радиоподслушивания при штабе ОКХ, который ведал радиоразведкой, шесть находилось на советско-германском фронте. Полки делились

на соответствующие подразделения, укомплектованные опытными специалистами и имевшие совершенную для своего времени технику. Подразделения и посты радиоразведки прослушивали работу советских радиостанций, осуществляли перехват и пеленгацию радиотелеграфных станций, записывая на ленты или пластинки наиболее интересные передачи. Как правило, за каждым участком фронта следили одни и те же специалисты, знавшие наизусть применяемые советскими связистами ключи, позывные, псевдонимы и фамилии командного состава советских соединений. Обнаруженные пеленгаторами радиостанции, а значит и штабы, в состав которых они входили, подавлялись сосредоточенным огнем артиллерии и ударами авиации. Поэтому командиры старались реже прибегать к использованию радиостанций, чтобы не лишиться связи окончательно. Ветераны 120-го гап, в котором было сравнительно большое количество радиостанций, подтверждали, что почти сразу после работы на передачу по району нахождения радиостанции немцы открывали огонь. На первых порах из-за этого в полку были потери. Впоследствии мощные автомобильные радиостанции полка после работы на передачу сразу же меняли позиции.

Работа подслушивания противника облегчалась тем, что переговоры по радио между штабами наших войск зачастую велись с использованием старых позывных (их не успевали менять), уже известных немецкой разведке, а иногда вообще открытым текстом. В результате немецкое командование зачастую узнавало о намерениях нашего командования и передавало полученные сведения в соответствующие инстанции для принятия мер противодействия. Кроме того, немцы активно забивали эфир, затрудняя управление войсками, и занимались дезинформацией.

Так, 242-я стрелковая дивизия 30-й армии, отходя в восточном направлении, 5 октября вышла к дороге Белый — Вязьма, которая к этому времени была перехвачена противником. Командир дивизии попытался связаться со штабом армии, чтобы получить указания на дальнейшие действия. Когда радиостанция вышла в эфир, то на запрос был получен ответ — «ждите». Позднее выяснилось, что на волне дивизии работала радиостанция немцев, которая передавала дивизии ничего не значащую информацию и запросы, а также закодированные сообщения, которые невозможно было раскодиро-

вать. С 8 часов 5 октября и до 12 часов 6-го дивизия находилась без движения. К утру 6 октября стало ясно, что выход из окружения с материальной частью уже невозможен, так как немцы, подтянув крупные силы, окончательно блокировали единственную дорогу. Только тогда командование дивизии осознало, что получаемые радиogramмы не что иное, как дезинформация, и приняло решение пробиваться на восток без тяжелого вооружения [58].

В условиях частого отсутствия связи положение спасали подвижные средства связи: донесения и распоряжения доставлялись с помощью пеших и конных посыльных, мотоциклистов, на автомашинах и самолетах (в том числе и путем сбрасывания вымпелов). Делегаты от соединений и частей (еще в сентябре был отдан приказ — впредь их именовать офицерами связи, но инерция была слишком велика) прибывали в вышестоящий штаб с картами, на которых старший начальник намечал боевую задачу и ставил свою подпись. Такая карта являлась руководящим документом. Другое дело, что в связи с вынужденным отходом на большую глубину карт нужного района в частях не оказалось. Поэтому зачастую боевые задачи и маршруты движения частей фиксировались на простых листках бумаги (в фондах частей и соединений ЦАМО хранится много таких документов). В районе окружения западнее Вязьмы и сейчас можно найти кипы из тысяч листов карт. Их закопали за ненужностью, так как это были карты других районов и участков фронта. Можно найти и карты района Вязьмы, которые закопали перед прорывом из окружения (схема 15 выполнена на фрагменте листа такой карты, найденном поисковиком Николаем Слесаревым).

При вынужденном отходе, когда обстановка резко и часто меняется, от командующих и их штабов требовалось гибкое и весьма конкретное управление войсками. Командующий Западным фронтом, отдав распоряжения об отходе, поспешил сменить место своего КП. С началом перемещения он окончательно утратил связь с армиями. Для доведения приказа на отход и управления войсками в Касне был оставлен оперпункт, то есть временный пункт управления (ВПУ), который возглавил начальник оперативного отдела штаба генерал-майор Маландин. ВПУ, по существу, должен был выступать в роли ретранслятора. Однако и он в скором времени потерял связь и со штабом фронта, и с армиями. Связь по радио была

только с находившейся неподалеку 16-й армией, но на запросы Маландина ее штаб почему-то не отвечал.

Распоряжения войскам передавались, но вот доходили ли они до адресатов — большой вопрос. Поэтому в архиве на многих документах отсутствуют служебные пометки о приеме адресатом того или иного распоряжения. Например, Маландин от имени Конева приказал командующему 32-й армией продолжать активнее действовать во фланг противнику в направлении Волочек, а также принять меры по доставке горючего 143-й танковой бригаде в район Аксентьево. Что могло дать подобное распоряжение Вишневному, даже если бы оно дошло до адресата? По существу, **во время перемещения командного пункта Конева и его штаба отходом войск фронта никто не руководил.** И это признается ныне в официальных источниках [54].

Между тем немцы попытались обнаружить и разгромить «штаб маршала Тимошенко». Их разведотряд в составе 15—20 танков был обнаружен в 13 км севернее ст. Касня. В 17.00 6.10 в районе Торбеево (10 км севернее станции), совершили посадку 5 самолетов противника, которые доставили две танкетки и 40 автоматчиков. Аэродром, где базировались самолеты У-2, обслуживавшие штаб фронта, оказался под огнем минометов десанта. Самолеты были вынуждены перелететь на вяземский аэродром.

Из донесения Маландина 6 октября:

«Не имея связи, У-2 под рукой, принял решение имеющимися двумя танками и взводом пехоты из батальона охраны штаба выбить противника из Торбеева. Если удастся, то вновь переведу У-2 на этот аэродром. Временный ОП (оперпункт. — **Л.Л.**) переведу в район Вязьмы. Для связи с Рокоссовским, Лукиным по шоссе — машинами, а с 22 и 29 армиями — самолетами.

Район временного КП — район Мясоедово (9 км северо-восточнее Вязьмы. — **Л.Л.**)»¹.

Немцам так и не удалось найти и уничтожить «штаб Тимошенко». Их контрразведка еще долго занималась опросом местных жителей Касни, куда он делся.

Из статьи генерала Лукина:

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 11. Л. 71.

«Отход предстояло согласовать с 20-й армией, находившейся слева, и с группой Болдина. В Вадино я встретился с И.В. Болдиным. Его группа понесла большие потери в живой силе и технике. В ночь на 6 октября (в 10 часов 6 октября. — Л.Л.) армия начала отход, прикрываясь арьергардами. Часть войск отводилась и занимала новый рубеж, остальные перекатом переходили его, оставляя первых в арьергарде. При подходе к Днепру стало известно, что противник с ходу прорвал фронт 32-й армии и 220-й и 18-й стрелковых дивизий народного ополчения, отбросил их на восток, части дивизий отошли соответственно на Сычевку и Гжатск. Связь с армией они потеряли.

С высоты восточного берега Днепра местность просматривалась на 15—20 км. Рубеж имел развитую систему обороны, подготовленную соединениями 32-й армии Резервного фронта. У моста, на шоссе и железнодорожной линии стояли морские орудия на бетонированных площадках. <...> Конечно, противник об этом знал и не пошел на них, а прорвал оборону севернее. Таким образом, уже не имело смысла останавливаться на этом прекрасном рубеже обороны, так как противник замкнул клещи восточнее Вязьмы <...>» [56].

А вот как об этом рассказывает Конев:

«Выполняя приказ фронта, главным образом 19-я и 20-я армии, **под нажимом наступающего с фронта противника** (здесь и далее выделено мною. — Л.Л.) начали последовательно отходить от рубежа к рубежу. **Первый промежуточный рубеж** (Конев противоречит собственному приказу на отход. — Л.Л.) наметили на р. Днепр, где были подготовлены позиции Резервным фронтом.

Принимая решение на отход, я хорошо представлял все трудности его выполнения. Дело в том, что отход — самый сложный вид боевых действий. Требуется большая выучка войск и крепкое управление. На опыте мы постигали это искусство. Невольно в связи с этим вспоминаются слова Льва Толстого. В своих записках о Крымской войне он писал, что «необученные войска не способны отступать, они могут только бежать». Очень метко и правильно сказал. К сожалению, надо признать, что до войны наши войска очень редко изучали этот вид действий, считая отход признаком слабости и несовместимым с нашей доктриной. Мы собирались воевать толь-

ко на территории врага. И вот теперь, во время войны, за это крепко заплатились.

Должен заметить, что отход наших войск проходил в трудных условиях. Поскольку артиллерия и все обозы Западного фронта, как я уже отмечал, имели только конную тягу, то, естественно, отходить в высоком темпе, а проще говоря, **оторваться от противника войска были не в силах**. Так как превосходство в подвижности было на стороне врага.

<...> В этой сложной обстановке выполнить маневр отхода было очень трудно. Быстро продвигающиеся гитлеровские моторизованные корпуса отрезали пути отхода»[43].

Справедливые слова, жаль только, что сказаны задним числом. А на деле Конев отверг план обороны 16-й армии из-за того, что в нем определялся порядок действий войск на случай вынужденного отхода. А в напряженной боевой обстановке было трудно хорошо организовать отход, чтобы не потерять управления, сохранить живую силу, вооружение и боевую технику, выделить специальные команды для уничтожения важных военных и гражданских объектов. Наконец, необходимо было продумать меры по эвакуации тыловых частей и учреждений, в том числе госпиталей, и запасов материальных средств. При этом надо было исключить положение, когда отход одного соединения мог поставить в трудное положение другое, не допустить перемешивания частей. Вот и отходили кто как мог, оставляя противнику целехонькие мосты и переправы, склады с боеприпасами, ГСМ и продовольствием и вполне исправную железную дорогу. Немцы тут же начали подвозить по ней личный состав и материальные средства, используя захваченный подвижной состав.

Справедливо сказано и о превосходстве танковых и моторизованных соединений противника в подвижности. Тем более было важно отходить как можно быстрее — сразу на указанный рубеж. И наши отходящие части, вопреки утверждениям Конева и некоторых публицистов, **без особого труда оторвались от преследующих их с запада пехотных дивизий противника**. Отход с развертыванием сил на промежуточных рубежах придуман задним числом Иваном Степановичем и редакторами статьи Лукина (с учетом ранее опубликованной в этом же журнале статьи Конева). **Отход таким способом предусматривает развертывание главных сил для ведения боя на промежуточных рубежах**, чтобы задержать

противника и тем самым выиграть время. Командование фронта ограничилось отдачей приказа и постановкой задач армиям в самом общем виде. В приведенных выше документах ни слова о промежуточном рубеже — **армии готовились занять оборону на Днестре**. В создавшейся обстановке, наоборот, требовалось быстро, нигде не задерживаясь, отводить главные силы дивизий под прикрытием арьергардов. А вот арьергарды **в зависимости от темпа отхода главных сил** и действий противника развертываются на промежуточных рубежах, чтобы задержать его части, ведущие фронтальное преследование.

Аргументы И.С. Конева и авторов других публикаций не выдерживают сопоставления с донесением генерала Лукина и документами противника (приводятся ниже). Несколько забегая вперед, приведу выдержку из донесения 19-й армии об отходе за р. Днестр и занятии обороны:

«Приказ Западного фронта на выход 19-й армии за р. Днестр **получен в 4 часа 6 октября, в 10 часов 6 октября армия начала отход** за р. Днестр с рубежа р. Вопец и Вошь. Отход совершен организованно **вне воздействия наземного противника**, под частичным воздействием авиации»¹.

А придумано все это с целью хоть как-то объяснить окружение главных сил Западного фронта, затушевав при этом просчет Ставки (и командования Западного фронта), с большим запозданием принявшей решение на отвод войск. Между прочим, мне из двух разных и вполне достоверных источников известно, что маршал Конев, работая в ЦАМО, возмущался содержанием некоторых архивных документов — «это было не так!» — и пытался что-то чертить на подлиннике фронтовой карты октября 1941 г. Об этом было доложено министру обороны маршалу Р.Я. Малиновскому (октябрь 1957 г. — март 1967 г.), который распорядился впредь выдавать высокопоставленным авторам мемуаров только копии документов.

В соответствии с приказом Ставки Днестр, вернее, хорошо укрепленный оборонительный рубеж на его восточном берегу, изначально был избран в качестве **конечного рубежа отхода**. Сюда по требованию Ставки нужно было в первую оче-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 7. Л. 114—116.

редь отвести артиллерию. На него надо было отвести и как можно скорее, **нигде не задерживаясь**, и главные силы 20-й и 19-й армий и группы Болдина. Чтобы, используя его укрепления, остановить наступающего противника. Судя по темпам отхода 19-й армии, так оно и было: армия за сутки с небольшим отошла на 40—45 км, считая от самой удаленной левофланговой дивизии (головные части 20-й армии, несмотря на пробки на дорогах, за чуть большее время прошли более 60 км). При этом ей пришлось преодолеть при ограниченном количестве переправ и налетах авиации две серьезные водные преграды — реки Волец и Днепр. Здесь отошедшие **соединения потеряли еще одни сутки**, собираясь обороняться на реке. Вот и появилась версия о промежуточных рубежах, на которых на самом деле до Днепра разворачивались только арьергарды.

Когда же окружение стало фактом, «наверху» спохватились, и войска получили приказ командующего фронтом отходить с максимальным темпом — до 70 км в сутки, чтобы вырваться из «котла»¹. Но что значит 70 км в сутки для стрелковых соединений, не имеющих, по существу, автотранспорта? Артиллерия и обозы соединений в основном имели только конную тягу, но лошадей тоже не хватало. Поэтому стрелковым частям и подразделениям выдержать такой темп было просто невозможно. Вот 112-я стрелковая дивизия (бывшая мотострелковая), в которой в связи с переформированием вместо лошадей временно оставили 3 комплекта автомашин вместо одного, полагающегося по штату, могла бы отходить с таким темпом, но и то только по автострате, а не по забитым обозами проселкам.

Автора могут упрекнуть, что он спорит со своими оппонентами, которые ответить ему уже не могут. Но раньше, в условиях жесткой цензуры, исследователи были лишены возможности публично спорить со властью предрежащими. На кухне — пожалуйста. В свое оправдание придется сделать небольшое отступление. В 1981 г. по просьбе ветеранов 120-го гап я написал небольшую книгу об участии полка в вяземских событиях. Весьма влиятельный сын погибшего в окружении начальника штаба полка (сейчас бы сказали — спонсор) предложил

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 83. Л. 317.

издать ее высокой печатью, но потребовалось разрешение военной цензуры, и затея сорвалась. Пришлось пойти на хитрость, и изрядно усеченный по требованию военного цензора Военной академии им. Фрунзе вариант (пришлось убрать из текста все данные о составе и вооружении полка, потерях и прочую крамолу) был опубликован мной за свой счет под видом учебного пособия в 1982 г. тиражом всего 100 экземпляров (см. Приложение 10). Эти небольшие книжечки и были распространены среди ветеранов и родственников погибших воинов на очередной встрече.

На указанные выше противоречия по поводу принятия решения на отход (и другие) в статьях «Военно-исторического журнала» я обратил внимание еще в 1981 г. Тогда же и написал письмо в редакцию этого уважаемого журнала с просьбой разъяснить ее позицию по этому важному вопросу. Ответа не получил. В 1982 г. на конференции в Военной академии имени М.В. Фрунзе, проводимой редакцией журнала, я передал второй экземпляр моего письма прямо в президиум. После окончания конференции мне предложили написать статью о вяземской оборонительной операции. Я сказал, что буду писать на основе архивных материалов. Главный редактор согласился, но предупредил, что эти материалы в военном отделе ЦК КПСС «будут изучать под микроскопом». Стало ясно — правдивую статью не пропустят.

Однако продолжим. Начиная с 6 октября, сведения о действиях противника и положении своих войск поступали нерегулярно. В штабе Западного фронта слабо знали обстановку и, соответственно, не могли доложить в Ставку что-нибудь определенное. Деятельность разведки, нацеленной в новом направлении — на восток, а также в сторону флангов, в должной мере не была организована. Оценка сил противника и его намерений осуществлялась на основе отрывочных сообщений и даже слухов. Все чаще в донесениях и сводках звучало: «Данных о положении частей нет, связи не имеем, высланы командир для уточнения обстановки».

6.10 в 16.10 в штаб Западного фронта по телеграфу был передан запрос:

«Прошу принять записку генералу Соколовскому. 1081 приказал (видимо, этим позывным пользовался начальник Ген-

штаба. — Л.Л.) дать объяснение о причинах несвоевременного представления Вами оперативных документов в Генштаб. И почему до сих пор от Вас нет оперативной сводки по состоянию на 10.00 6.10.41»¹. Фронт и Ставка вынуждены были принимать решения, плохо зная обстановку. Совсем не случайно Сталин вызвал в Москву командующего Ленинградским фронтом Г.К. Жукова.

Судя по тексту оперсводки Генерального штаба № 216 на 20.00 7.10, информация от штабов фронтов и армий поступала туда с большим запозданием и не вполне соответствовала действительной обстановке. Было ясно, что отход армий Западного и Резервного фронтов продолжается, но о положении их соединений были только отрывочные сведения. Положение частей 19-й армии требовало уточнения. 20-я армия, прикрываясь с фронта арьергардами, продолжала отход на новый рубеж обороны. Противник на фронте армии активно не проявлял, воздействуя на отходящие колонны наших частей только авиацией.

Группа Болдина совместно с частью сил 32-й армии, в том числе с 143-й танковой бригадой, вели бой с частями противника, наступающими от района Холм-Жирковский в направлении Андреевское (13 км юго-восточнее Холм-Жирковский. — Л.Л.), Григорьевское, Шипулино (все пункты вдоль р. Вязьма. — Л.Л.). Главные силы группы совместно с частями 140-й сд 32-й армии вели бои в районах к югу от Ордылево, Белый Берег. Передовые отряды (вероятно, имелись в виду арьергарды. — Л.Л.) 101-й мсд, 152-й сд, 128-й и 126-й танковых бригад, прикрывающие главные силы, по явно устаревшим данным, находились еще на рубеже Холм-Жирковский, Игоревская, Яковская, то есть в 25—30 км от главных сил — западнее Днепра.

Особенно благостную картину нарисовал штаб Западного фронта о положении в районе Вязьмы. Оказывается, для обеспечения выхода войск фронта на новый рубеж обороны в районе ВЯЗЬМА сосредоточиваются управление 16-й армии и четыре дивизии со средствами усиления: 73, 50, 38 и 229-й сд. 73-я сд в 1.00 7.10 подходила к району ВЯЗЬМА, 50-я сд в 3.00 7.10 проходила рубеж ДУРОВО. Местонахождение 38-й и

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 7.

Л. age am 5.10.41

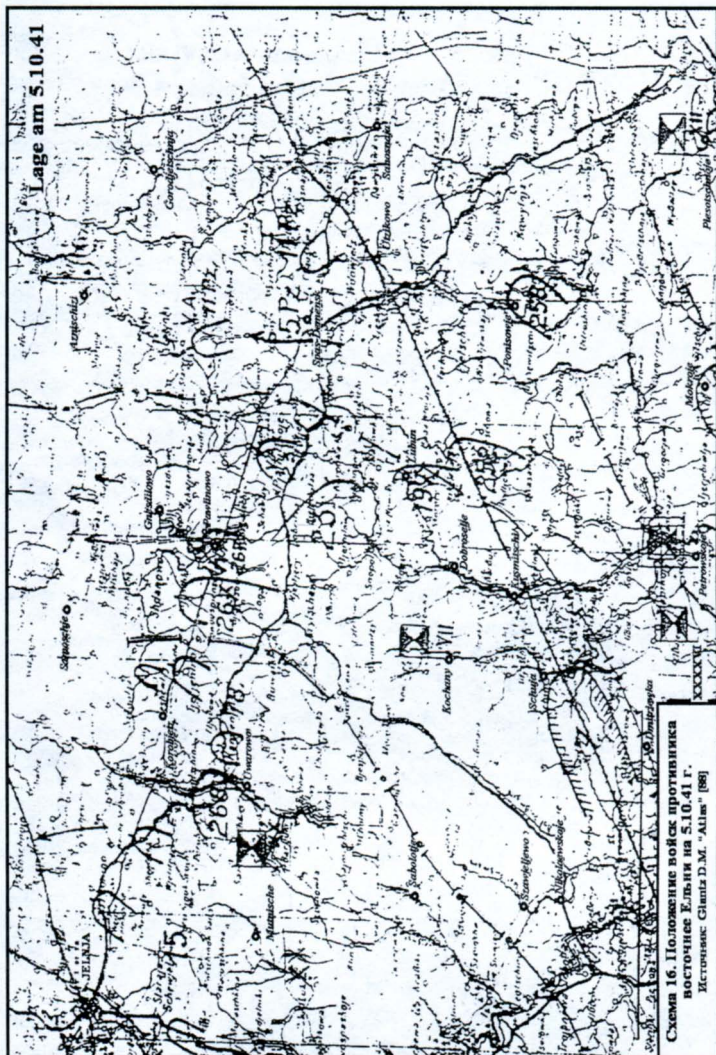
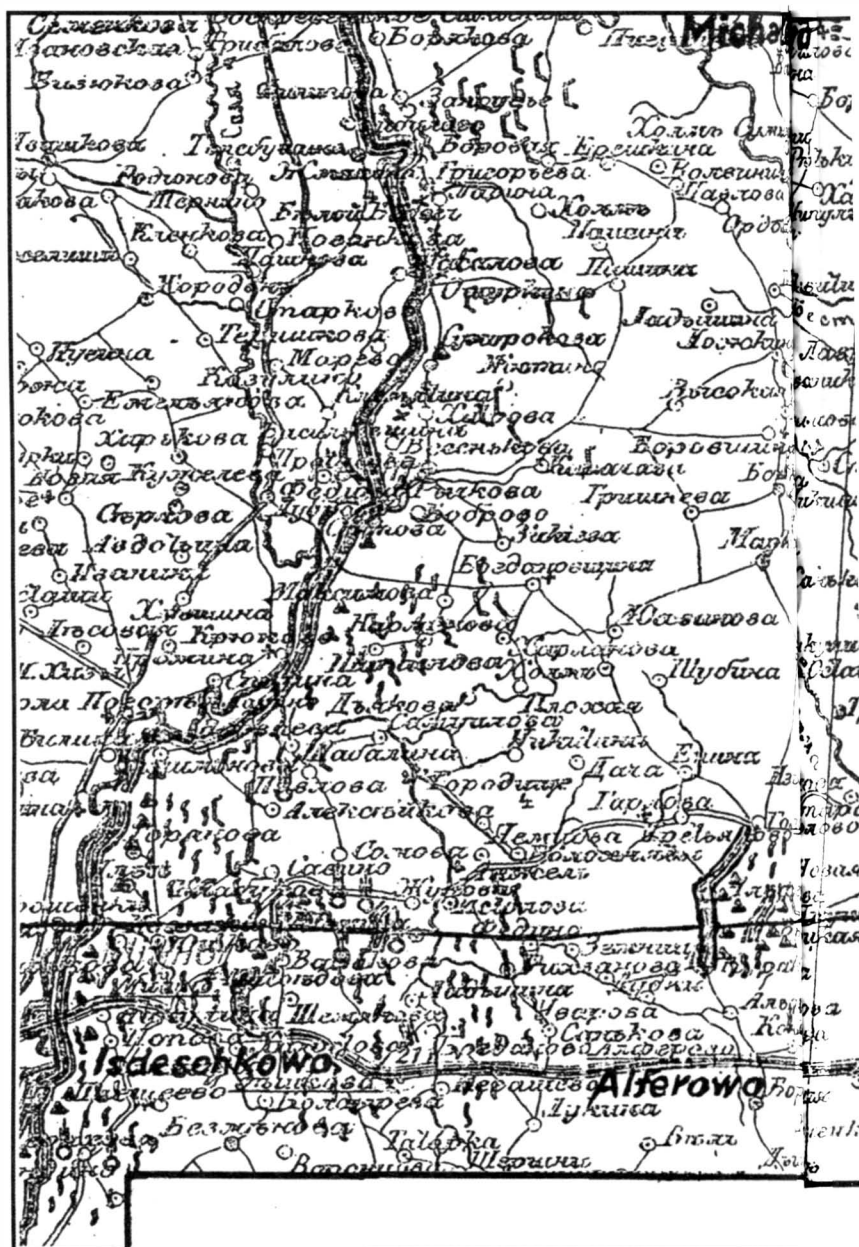

Схема 16. Положение войск противника
восточнее Ельни на 5.10.41 г.
Источник: Главнокомандующий ВВС "А" [86]

Условные знаки:

- - противотанковый ров
- - оборонительные сооружения
- - проволочные заграждения
- - окопы и траншеи
- - позиции артиллерии
- - позиции тяжелых зенитных орудий
- - аэродромы

Схема 17. Советские укрепления по данным аэрофотосъемки противника на 28.8.41 г.

Lage am 9.10.41

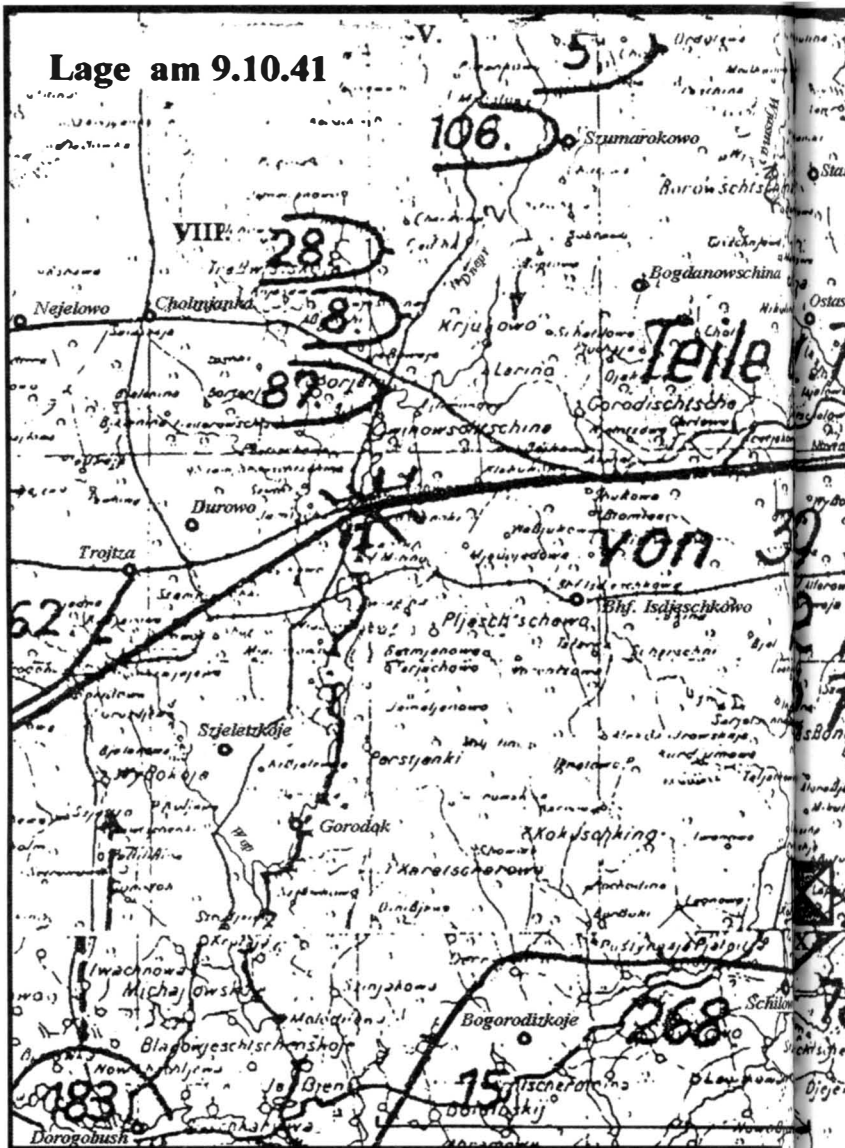
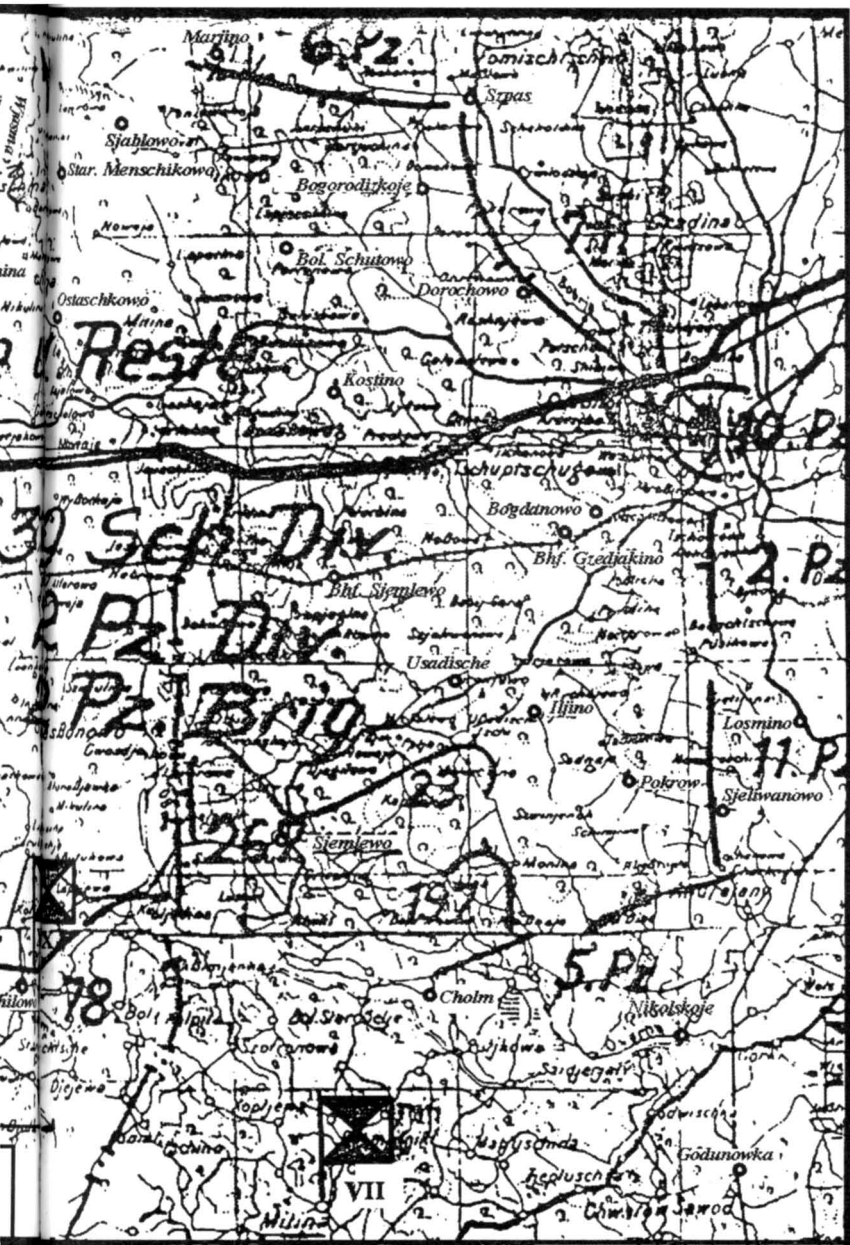

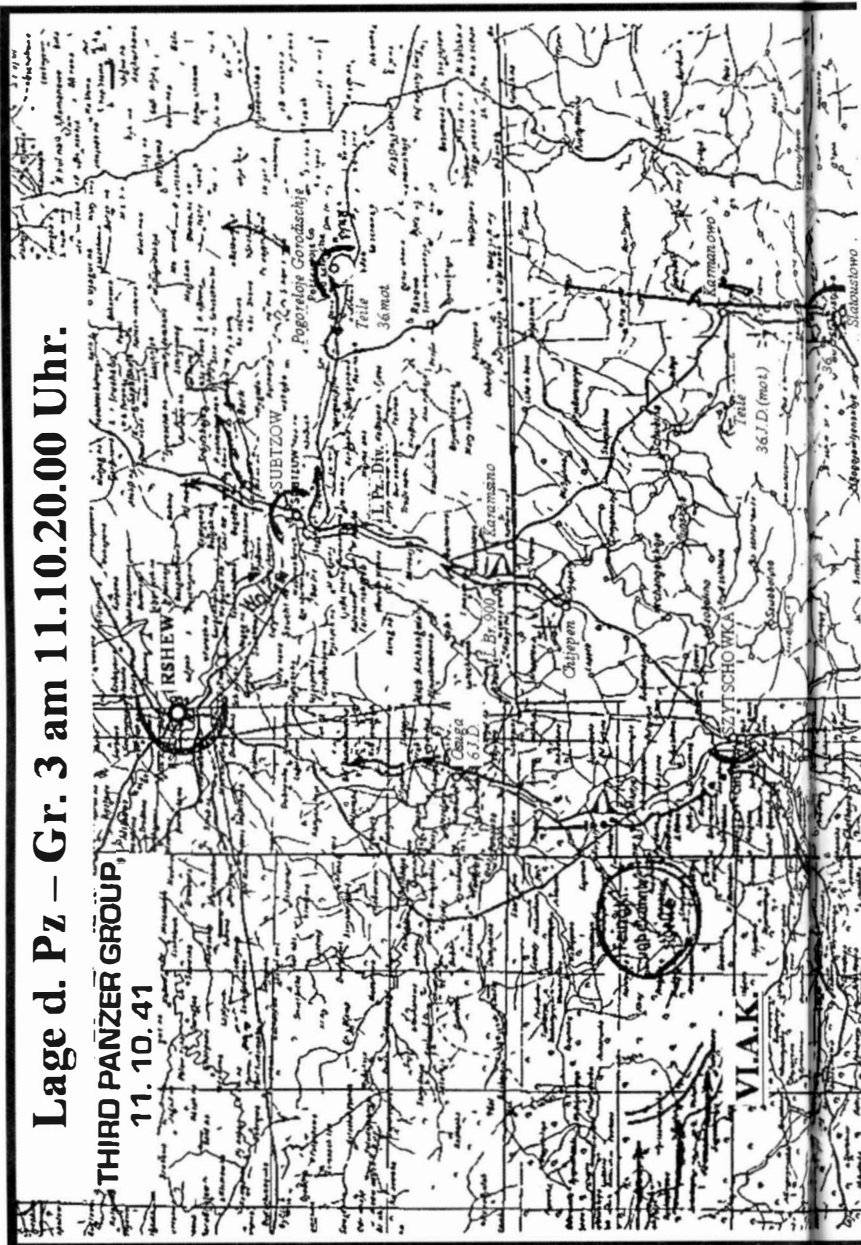
Схема 19. Положение войск противника на 9.10.41 г.

Источник: Glantz D.M. "Atlas" [88]

THIRD PANZER GROUP.

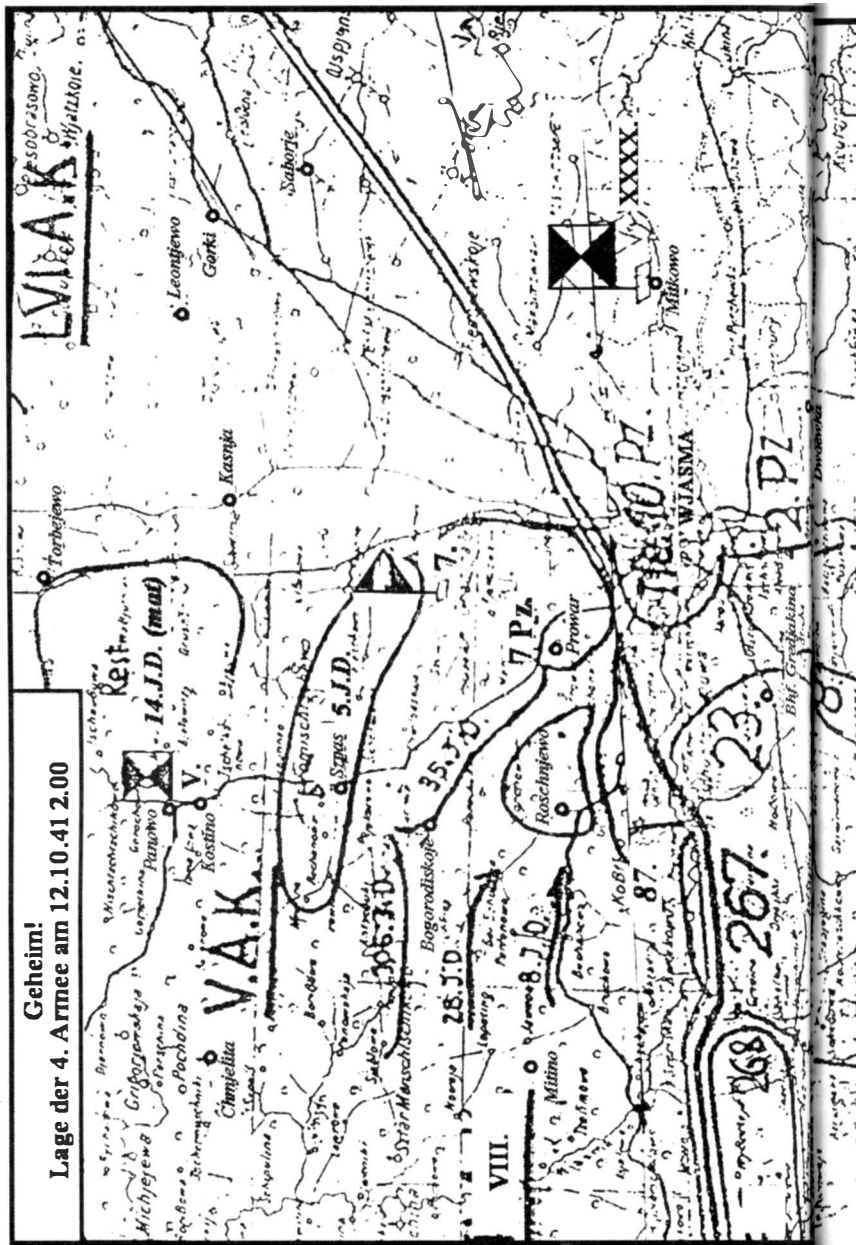
11.10.41

Geheim!
Lage der 4. Armee am 12.10.41 2.00

Lage der 4. Armee am 12.10.41 2.00

Lage d. Pz-Gr. 3 am 6.10. 20.00 Uhr

Схема 24. Положение войск 3-й ТГр на 20.00 6.10.41 г.

Источник: Glantz D.M. "Atlas" [88]

229-й сд уточнялось. Связь с 16-й армией поддерживалась по радио. Уже сутки прошли, как противник ворвался в Вязьму, утром там сомкнулись танковые клещи Гота и Гепнера. Но в сводке упрямо утверждается: **«Данные о наличии противника в районе Вязьмы не подтверждаются»** (выделено мною. — Л.Л.)¹.

Нет, не зря Сталин послал в штаб фронта комиссию ГКО и Ставки!

Немецкая разведка, отслеживая важное направление вдоль автостреды, установила, что здесь обороняется «сталинская» дивизия. На отчетных картах масштаба 1:1 000 000, где показывалось положение войск вермахта на советско-германском фронте на каждый день (Lage-Ost), немцы обычно (не всегда) указывали номера противостоящих соединений русских, при этом часто допуская ошибки. На трофейной отчетной карте на 7 октября, по которой генералы ОКВ ежедневно докладывали обстановку Гитлеру, рядом с номером 2-й советской стрелковой дивизии появилась пометка «2. (Stalin)»². Эта пометка впоследствии сыграла свою зловещую роль в истории 2-й дивизии народного ополчения Сталинского района г. Москвы.

2-я стрелковая дивизия генерал-майора В.Ф. Вашкевича 6 октября получила приказ командующего 32-й армией: прочно обороняя занимаемые позиции по Днепру, не допустить охвата противником своего правого фланга, а левый фланг, в связи с перегруппировкой 29-й стрелковой дивизии (бывшая 7-я дн), протянуть на юг до Дорогобужа. В итоге фронт обороны дивизии растянулся до 45 километров. Но основные силы дивизии по-прежнему прикрывали вяземское направление, седлая автостреду и железную дорогу Смоленск — Москва. Несмотря на прорыв противника севернее и захват им Вязьмы, дивизия продолжала удерживать занимаемый рубеж.

Уже трое суток дивизия пропускала через передний край обороны разного рода невооруженные тыловые части и учреждения фронта и армий, которые не всегда ждали указаний и разрешений на смену района дислокации. Это был первый

¹ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1071. Д. 3545. Л. 132—141.

² Там же. Ф. 500. Оп. 12484. Д. 109.

признак назревающего общего отхода и хаоса. Затем появились и отходящие соединения и части 19-й и 20-й армий. Дивизии Ершакова и переданные ему в подчинение соединения 16-й армии отходили южнее автомагистрали. Переправившись через Днепр, отошедшие части занимали назначенные участки, приводили себя в порядок.

По рассказам ветеранов 120-го гап, полк начал отход без 1-го дивизиона, который присоединился к полку на подходе к Днепру. Реку перешли по понтонному мосту, предположительно у деревни Мосоловка (вероятно, Максимовка. — Л.Л.). При отходе не потеряли ни одного орудия. Полк двигался в указанный район, где он должен был поддерживать какую-то дивизию народного ополчения. Двигались без карт, по маршруту, начерченному на листке бумаги¹. Продвигались со скоростью не более 6—10 км/час, так как дороги были забиты частями всех родов войск и тылами. В назначенном районе войск не оказалось. лейтенант Н.В. Пясецкий, высланный командиром полка в разведку на мотоцикле, обогнал полк на 12—15 км и был обстрелян немцами недалеко от Вязьмы. На подходе к городу, когда были уже видны купола церквей, колонна полка была обстреляна пулеметным огнем из кирпичного двухэтажного дома. Было много убитых и раненых. Начальник штаба полка был ранен в ногу².

Вспоминает генерал Вашкевич:

«Рано утром 6 октября (во второй половине дня. — Л.Л.) в штаб дивизии сообщили, что Вязьма занята парашютным десантом противника. Для участия в его уничтожении была направлена самая подвижная часть дивизии — танкетный батальон. Когда он подошел к Вязьме, она была уже занята 46-м танковым корпусом врага.

6 и 7 октября прошли в стычках разведывательных подразделений и в отражении небольших разведывательных отрядов мотоциклистов противника, пытавшихся подойти к Днепру

¹ Штаб армии не успел выдать частям карты нового района. В окружении их пришлось сжигать и зарывать в землю. Одну кипу карт районов Ржева и Вязьмы обнаружил в 1980 г. вяземский следопыт Николай Слесарев. Используя эти карты, нам удалось выявить изменения местности за последние 50 лет. Это во многом облегчило дальнейший поиск.

² Личный архив автора.

на участке дивизии. Со второй половины дня 7 октября наступила необычайная тишина. Шум боя затих на всех направлениях. Только около 17 часов к шоссе к мосту через Днепр подошла рота вражеских мотоциклистов. Она пыталась захватить мост и предотвратить его уничтожение. Саперы дивизии взорвали мост вместе с фашистской ротой¹.

<...> К вечеру того же дня за Днепр отошли еще три стрелковые дивизии и три артиллерийских полка усиления из состава 30-й армии. Эти войска составляли группу заместителя командующего Западным фронтом генерал-лейтенанта И.В. Болдина. Ни о составе, ни о численности войск, оказавшихся в полосе дивизии, а тем более об их боевых задачах мы не имели никакой информации. Знали лишь, что вся полоса дивизии до реки Вязьмы и восточнее ее заполнена советской пехотой, артиллерией и автотранспортом» [37].

Ставка рассчитывала, что Западному фронту удастся удержать хорошо подготовленный в инженерном отношении Ржевско-Вяземский рубеж, задержать продвижение противника и выиграть время для перегруппировки своих сил. Силы для его удержания были, но ими плохо распорядились. Взаимодействие войск Западного фронта с армиями второго эшелона Резервного организовано не было. Буденный все свое внимание сосредоточил на отражении удара в полосе 24-й и 43-й армий, а затем вообще потерял управление войсками. Ограниченными силами 32-й армии в обстановке неразберихи не удалось ликвидировать захваченные немцами плацдармы. Вместо занятия и ведения упорной обороны войска 31-й армии по инерции продолжали заниматься перегруппировкой.

В связи с прорывом крупных сил противника на участке Пигулино, Настасьино и быстрым продвижением их на Вязьму, а также с выходом его танковых соединений к Юхнову удерживать Ржевско-Вяземский рубеж на вяземском направлении стало нецелесообразным. Тем более что 41-й моторизованный корпус противника, имея впереди 36 мд, с ходу преодолел его и на участке по р. Немощенка (приток Днепра севернее Булашово), занятом слабыми силами 31-й армии, приступил к форсированию Днепра. Ставка приняла решение

¹ Согласно донесению штаба 8-го армейского корпуса врага в 18.45 8 октября, автодорожный мост на автострате был взорван в 12.30 (в 13.30 по московскому времени) 7 октября.

оставить Ржевско-Вяземский рубеж и продолжить дальнейший отвод сил обоих фронтов, чтобы избежать окружения.

7 октября в 16.25 Конев отдал распоряжение Болдину:

«Немедленно выходить. <...>энергично прорываться во взаимодействии с Лукиным на рубеж Гжатска. Действуйте решительно, сохраняйте технику и живую силу. Исполнение немедленно»¹.

В этот же день в 21.30, не имея связи с армиями, штаб Западного фронта передает сразу трем адресатам:

«Лукину, Ершакову, Болдину.

Взаимно передать друг другу. Бейте сосредоточенным кулаком в направлении севернее Вязьмы на Гжатск. Держите между собой связь и взаимодействие. Севернее Вязьмы пока передовые части противника.

Получение подтвердите»².

7 октября, согласно оперсводке штаба Западного фронта, 19-я армия с рубежа р. Днепр отходила на рубеж по меридиану Вязьма. 20-я армия в 15.00 7. 10 прошла рубеж Издешково с задачей к утру 8.10 сосредоточиться в районе Черново, Семлево.

Когда в штабе группы армий «Центр» поняли, что началось общее отступление русских войск, там были приняты меры по ускорению создания внутреннего фронта окружения. Резервную 14-ю моторизованную дивизию, которая должна была действовать на направлении наступления 41-го мк, командование 9-й полевой армии подчинило 56-му мк. Этот корпус силами 129-й пехотной, 6-й и 7-й танковых дивизий создал сплошной внутренний фронт окружения от автостреды севернее Вязьмы до Днепра. Одновременно противник начал принимать меры по срыву возможных попыток русских деблокировать окруженную группировку. 41-й мк, прорвавшийся к верховьям Днепра, 7 октября форсировал его у Спаса (8 км севернее Волочек) и начал продвигаться в направлении Липицы. 8 октября корпус прорвал вторую полосу Ржевско-Вяземского оборонительного рубежа у Липицы (7 км западнее Ново-Дугинская. — Л.Л.), тем самым прикрыв тыл частей 56-го мк, удерживавших внутренний фронт окружения.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 83. Л. 290.

² Там же. Л. 298.

Вкратце рассмотрим, как в этот период развивалась обстановка в полосе 8-го армейского корпуса противника.

«6.10. Сопротивление противника окончательно сломлено, перешли в преследование. <...> в первой половине дня достигли высот западнее р. Вопец — **позиции оказались незанятыми** (а где же бои на выгодных промежуточных рубежах, о которых писал Конев? Здесь и далее выделено мною. — **Л.Л.**). **Корпус был остановлен** приказом 9-й армии на рубеже Приселье, Артамоново, район Неелово, чтобы обеспечить глубокий фланг группировки, наступающей на направлении главного удара. Мощные силы врага перед левым флангом 87-й пд и правым флангом 8-й пд.

<...> Противник отступает, минирруя при этом дороги. **В полосе 23-го ак соприкосновения с противником нет.**

7.10. 162-я пд, включенная в состав корпуса, завершила переправу через Вопец. Дороги размыло, но автотранспорту во время ночных заморозков удавалось проскочить. **До Днепра соприкосновения с противником не было.**

<...> К утру 7 октября немецкие войска заняли блокирующие позиции к западу от Вязьмы, захлопнув 16-ю, 19-ю, 20-ю, 24-ю и часть 32-й армии в котле к западу от города.

8.10. 7-я танковая дивизия во второй половине дня 7.10 у автострады западнее Вязьмы установила локтевую связь с 6-й танковой дивизией западнее Спас (5 км северо-восточнее Богородицкое. — **Л.Л.**), тем самым создан сплошной фронт обороны от Днепра до автострады. <...> 5 и 35-я пехотные дивизии 5-го армейского корпуса после упорных боев достигли Днепра и переправляются через реку южнее устья р. Вязьма.

8.10. Боевая разведка всех дивизий [корпуса] достигла Днепра. Сильные арьергарды противника в оборонительной полосе Днепра сделали невозможной переправу на другой берег в этот день и ночью»¹.

Здесь противник встретил упорное сопротивление частей 2-й стрелковой дивизии при мощной поддержке артиллерии.

В полосе Резервного фронта соединения 43-й армии под ударами противника начали отход в северо-восточном направлении еще до получения разрешения, обнажив южный фланг 24-й армии. Командующий армией генерал-майор П.П. Со-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320.

бенников полностью потерял управление войсками. В это же время войска 24-й армии генерал-лейтенанта А.И. Ракутина продолжали удерживать фронт в районе Ельни. С началом немецкого наступления он предупредил командиров соединений и частей о том, что приказа на отход им отдано не будет. К середине дня 6 октября противник вышел на рубеж Пятница, Лосьмино, что в 16 км южнее Вязьмы (сам рубеж — в 5 км восточнее железной дороги Вязьма — Киров. — Л.Л.), то есть оказался глубоко в тылу войск Резервного фронта. Связь штаба фронта со Ставкой и армиями периодически терялась. Его начальник генерал Анисов в 22.35 5.10 запросил Генштаб:

«<...> директиву на отход не получили — не понятно наше место назначения.

<...> куда отходит Конев, не ясно. Если нельзя передать существо директивы по проводу, срочно коротко передайте шифром тчк. Без этого многое не понятно».

В ответ в 02.25 6.10 Ставка продублировала шифровкой директиву на отход, указав в первом пункте задачу Западному фронту и сообщив, что:

«<...> 31 и 32 армии из Резервного фронта переходят в подчинение командующего Западн[ым] фронт[ом].

2. Резервному фронту в составе 24, 43 и 33А в ночь с 5 на 6.10.41 занять линию Ведерники, Хлысты <...> Лазинки (34 км юго-западнее ст. Угра. — Л.Л.) <...> Мосальск (**32 км юго-западнее Юхнова. — Л.Л.**), Серпейск <...> ст. Шахта, Жизд-ра, все пункты для Резервного фронта включительно.

Штаб фронта — Малый Ярославец (так в тексте, правильно. — Малоярославец. — Л.Л.).

3. На указанном во 2-м пункте рубеже Резервному фронту, приведя части в порядок, перейти к упорной обороне, прикрывая основные направления: а) Юхнов, Медынь, Малый Ярославец, б) Серпейск, Мещовск, Калуга, в) Сухиничи, Козельск, Белев.

4. Разграничительная линия:

а) с Западным фронтом — ст. Пересна (30 км юго-восточнее Смоленск. — Л.Л.), Ведерники, Городок, Бол. Ермаки, Темкино, Шанский Завод, Боровск, все пункты для Западного фронта включительно;

б) между Резервным и Брянским фронтом — прежняя. ...»¹.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 6. Л. 32.

Видимо, в Генштабе не знали положения в полосе фронта: рубеж, который, согласно директиве, предстояло занять и упорно оборонять, 5 октября был уже преодолен противником, а Юхнов занят его танковыми частями (см. схемы 7 и 9). К тому же шифртелеграмма Генштаба была принята, но расшифрована только в 21.30 6 октября, то есть спустя почти сутки. Так и на Резервном фронте было потеряно драгоценное время, так необходимое для отвода войск из образовавшегося мешка. Но Буденному каким-то образом стало известно содержание директивы Ставки на отвод войск. Возможно, о ней он узнал из разговора с Коневым. Следуя в новый район развертывания командного пункта Западного фронта, И.С. Конев и член Военного совета Н.А. Булганин заехали в Гжатск, где встретились с маршалом С.М. Буденным. Вспоминает Конев:

«Ночью с 5 на 6 октября мы уже были на командном пункте Резервного фронта, который размещался в блиндажах в лесу. Сам Семен Михайлович находился в поселке, на окраине Гжатска, в небольшом домике под прикрытием танка КВ. Мы прибыли к нему в штаб, с тем чтобы сообщить о сложившейся обстановке и узнать о мерах, которые принимает командование Резервного фронта в связи с тяжелым положением, создавшимся на участке 43-й армии.

По имевшимся у нас данным, полученным из Генштаба, на втором рубеже в районе Сычевка, Гжатск (невероятно: выходит, что Конев не знал или забыл, где проходила в его тылу вторая полоса Ржевско-Вяземского оборонительного рубежа! — Л.Л.) должна была находиться 49-я армия Резервного фронта, но, как выяснилось в разговоре с С.М. Буденным, 49-й армии там не было. <...> Рокоссовскому было приказано принимать в свое подчинение все части, выходящие с запада к рубежу Гжатска, и те, которые будут подходить с тыла, в частности, прибывающие из резерва Ставки в район Уваровки две танковые бригады, и организовывать оборону на рубеже Сычевка, Гжатск и южнее» [43].

В 5.55 6 октября маршал Буденный отдал боевой приказ № 034/оп, в котором отметил, что противник, прорвав фронт обороны на р. Десна силою до 7—8 пд, двух тд, двух мд, продолжает наступление в восточном и северо-восточном направлениях. Затем маршал поставил задачи войскам:

«24-й армии (309, 8, 222, 19, 139, 170, 303 сд, 105 гап, 573 пап, 428, 275 кап, 880, 879 ап ПТО, 305 пап) занять оборону р. Ушица — выс. 221.4 ... Городечня.

Разгранлиния: Спас-Деменск, Городечня, Богородицкое <...> КП — Пустошка.

43 армии (211, 53, 149, 29, 113 сд, 145 тбр, 641, 364 кап, 320 пап, 875, 18, 758 ап ПТО) занять и упорно оборонять рубеж Городечня, Буда, Ключи, Глагольня, Мосальск, Серпейск, Ломакино. КП — Богатыри.

33 армии (60, 173 и 17 сд) — рубеж Серпейск <...> Жиздра. КП — Сухиничи.

Резерв фронта: 106, 103 сд, 144, 148 тбр, 544 гап БМ.

Штаб фронта с 8.10 — Малоярославец¹.

В 7.05 6 октября Буденному из Ставки передали шифровку:

«Ставка ВГК категорически **запрещает** оставлять врагу находящуюся на позициях Резервного фронта артиллерию усиления (противотанковую, корпусную, морскую) и предлагает всю позиционную артиллерию 24А и оставшуюся на позициях 43А с отходом этих армий немедленно вывести в район Малоярославца Можайской линии обороны, назначить строго ответственных за это лиц. Передаю Вам, что это личное указание тов. Сталина»². То, что шифровку продиктовал сам Иосиф Виссарионович, было понятно из текста. Его настолько беспокоил этот вопрос, что в Ставке решили продублировать это распоряжение еще одной шифрограммой, подчеркнув, что оно касается и артиллерии, «поставленной в большом количестве на подготовленном рубеже Резервного фронта, вплоть до морской, не составляющей принадлежности войсковых соединений».

В Генштабе спохватились, что указали конечный рубеж отхода для Резервного фронта, совершенно не соответствующий обстановке, в том числе и в связи с отходом войск Брянского фронта. Дополнительным распоряжением левый фланг Резервного фронта было приказано отвести на линию восточнее Юхнов, (иск.) Козельск, Белев. Но это уже не имело значения, так как направление на восток и сам рубеж прикрыть Буденному было уже нечем. Он пытается хотя бы задержать про-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 3. Л. 176, 177.

² Там же. Оп. 3408. Д. 4. Л. 341.

движение противника на Вязьму в надежде отвести войска 24-й армии, оказавшиеся в глубоком мешке, через еще оставшийся проход.

Разобравшись в обстановке, командующий фронтом в этот же день в 11.40 уточняет задачу 24-й армии:

«1. Противник, продолжая нажим с запада, главный удар наносит в направлении Спас-Деменск, Вязьма, пытаясь выйти в тыл частям 24-й и 20-й армий.

2. В частичное изменение приказа № 034/оп приказываю:

а) прикрывшись на занимаемом рубеже по одному полку и дивизионом артиллерии от 309, 103 и 19 сд, остальными силами этих дивизий в ночь на 7. 10 оторваться от противника и форсированным маршем выйти в район ... не позднее 19 часов 8.10.41;

б) задача: занять оборонительные полосы Лебедево, Давыдово, Теренино, Аракчеево и не допустить противника на Вязьму. Для усиления обороны дивизий собрать артиллерию 24 А, отошедшую в район Вязьмы, и выбросить на рубеж обороны;

в) для обеспечения выхода дивизий в район Вязьмы одной сд нанести удар в направлении свх. Мархоткино, Семеново, Барсуки. Наступление этой сд — немедленно»¹.

6 октября по телеграфу состоялся разговор начальника Генштаба Шапошникова с начальником штаба Резервного фронта. Анисов по просьбе маршала доложил имеющиеся у него сведения о положении соединений 24-й армии на 13—14 часов 6.10.1941 г. В частности, он отметил, что 170-я сд (странно, но 170-я стрелковая дивизия значится расформированной с 4.10.1941 г. — Л.Л) обороняла Ельню, но в 14 часов город был захвачен противником. Анисов признал, что штаб Резервного фронта имеет неполные данные только о трех дивизиях 43-й армии и двух — 33-й. Обычно всегда сдержанный, Шапошников отчитал начальника штаба за потерю связи с армиями и за то, что не знают даже, где находится командующий фронтом.

Анисов оправдывается:

«... Собенников и Зуев ни одного толкового донесения не прислали. ... С офицером прислали только карту, на которой нанесены штаб армии — Красное Лосьмино (12 км юго-восточнее Вязьма) и 3 отряда, о численности которых ничего не написал и делегату не объяснил:

№ 1 — Кр. Холм — Дашковка (10 км юго-вост. Вязьма)

¹ ЦАМОРФ. Ф. 219. Оп. 178510. Д. 32. Л. 210, 211 (цит. по РА № 49, с.91).

№ 2 — Греково — Кр. Лосьмино

№ 3 — Знаменка, Дроздино

Мелкие группы противника, обтекая левый фланг армии, проникли 5—7 км юго-восточнее Волочек. 144 тбр — остатки и спб (стрелково-пулеметный батальон. — Л.Л.) — резерв.

Связи с 303 сд в течение дня установить не удалось.

33-я армия как организм пока не существует. В Красное Лосьмино есть командующий и член Военного совета, штаба нет, где — неизвестно. Средств связи также нет. Высланные на двух самолетах и одной автомашине командир оперативного отдела и офицер связи для розыска штаба армии и дивизий пока не вернулись.

Никаких данных о положении частей 33 А штаб фронта не имеет.

<...> Необходима срочная присылка вооруженного пополнения хотя бы 30 тыс. Все.

Шапошников: Куда выводится 8 дивизия?

Мне непонятно, для кого же присылать вооруженное пополнение, когда Вы в своем докладе не назвали ни одного полка стрелкового или артиллерийского, ни одной дивизии... и когда отходят красноармейцы без комсостава и, по-видимому, без вооружения и матчасти. Можно потерять связь, но уже не до такой степени, чтобы через прерывчатый фронт противника нельзя было добраться до частей, которые без сомнения где-то существуют и, по всей вероятности, дерутся.

По-видимому, посланные Вами офицеры связи довольно не храбро подошли к выполнению своих задач. Необходимо более энергичных и толковых командиров направить для этого. Нам важен не розыск командующих армий, а войсковых организмов...

Неужели нет хоть какого-либо намека, где находятся дивизии 43 и 33 А.

Какое же решение принял командующий фронтом?

Анисов: <...> пополнение нужно, потому что 24 армия понесла большие потери, но почти полностью сохранила матчасть.

Шапошников: Где командующий фронтом?

Анисов: Командующий фронтом около 14 часов выехал в Малоярославец, а оттуда намерен проехать в Калугу для проверки работы высланных на это направление командиров шта-

ба и установления связи с соединениями, прибывающими в этот район.

<...> возвращаться сюда он не собирался, ибо сегодня намечается переезд в тот район нашего штаба.

Шапошников: Куда именно переходит штаб? Имейте в виду, чтобы во время перехода была связь с Вами как на старом, так и на новом месте <...>

Шапошников: У меня все. Доносите, как только что-либо получите, хотя бы об одном полку»¹.

Когда маршал в 18.40 покинул аппаратную, Анисов передал оперативному дежурному Генштаба только что полученное важное сообщение: 3 группы танков противника движутся на Вязьму. Головы колонн: Белоусово, Мокрищево, Савинское. Состав танковых колонн доложен Коневу.

Оперативный дежурный спросил у Анисова, имеет ли он связь с Вязьмой?

Анисов: «У нас в Вязьме нет никого и поэтому нет связи. С районом юго-западнее Вязьмы имели связь до 23.40 (5.10), минут 20 как эту связь потеряли».

Запись переговоров, даже не полная (сохранены стиль и пунктуация подлинника) говорит о многом. О каком управлении войсками можно говорить, если в штабе фронта не знали не только о положении и состоянии армий, но и где находится командующий фронтом маршал С.М. Буденный? Приказы и распоряжения передавались, но доходили ли они до адресатов — неизвестно.

После внушения Шапошникова Военный совет фронта принял дополнительные меры по восстановлению управления и выводу армий на новый оборонительный рубеж:

«Высланы на самолетах 6 командиров. Вернулось два самолета. Никем не управляемый не вернулся шифровальщик с шифрдокументами разведотдела фронта. Для розыска и сбора частей и указания им путей выхода спланировали высылку работников НКВД и агентов из числа агентурных разведчиков в штатской одежде. В связи с этим фронт просит немедленно выслать для розыска частей 10 самолетов У-2. При штабе фронта самолетов У-2 нет»².

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 65. Л. 145—155.

² Там же. Л. 268.

Кстати, по словам Жукова, он нашел Буденного 8 октября на окраине Малоярославца в райисполкоме, у которого находились две легковые машины. Что он делал целые сутки в отрыве от штаба и без средств связи? Впечатление такое, что он прятался и от Ставки, и от собственного штаба, чтобы не отвечать на вопросы, ответов на которые он все равно не знал. А начальник штаба отдувался за командующего, как мог. Чего стоила его просьба о присылке не дивизий и полков, а 30 тысяч вооруженного пополнения! Куда, зачем? Какими категориями мыслил начальник штаба фронта генерал Анисов? Какую матчасть могли освоить в 24-й армии в обстановке неуправляемого отхода?

Некоторое представление о положении частей 24-й и 43-й армий можно получить из уже упоминавшегося доклада Абрамова:

«Противник, прорвав оборону в полосе 43-й армии, стремился охватить левый фланг 24-й. Части 19-й сд, обойденные с юга, оказались в мешке. 5. 10 командарм решил силами 8 сд и саперного батальона (вероятно, армейского. — Л.Л.) прикрыть левый фланг армии по линии железной дороги Спас-Деменск — Ельня. Он сделал запрос об использовании 303-й стрелковой дивизии, части которой продолжали движение в Спас-Деменск для погрузки в эшелоны. Разрешения от штаба фронта не последовало, и дивизия продолжила движение»¹.

По свидетельству Абрамова, части и штабы 103-й мд, 19-й и 9-й стрелковых дивизий, сражавшиеся в районе Ельни, оказались в полукольце, отрезанные от вторых эшелонов и тылов. К сожалению, Абрамов в своем докладе указывает то старую, то новую нумерацию бывших ополченских дивизий (например, 9-я сд — это 139-я стрелковая дивизия).

«6. 10. противник не давал возможности частям этих дивизий оторваться для выполнения новой задачи, и они были вынуждены, отходя согласно приказу, вести бой в кольцевом окружении.

К вечеру 6. 10 24 А, истекая кровью, ведя жестокие бои, уже потеряла большинство своего состава полков, которые погибли на обороняемых рубежах за Ельней. Продолжали оста-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 378. Оп. 50300. Д. 1. Л. 1—15.

ваться лишь небольшие группы, остатки полков, объединяющихся вокруг штабов дивизий. Тем не менее 103 мд и 309 сд все еще продолжали стоять на своих рубежах, отбиваясь от окружавшего их противника...

В итоге этого дня — 6.10 8 сд не смогла удержать фронт 20 км, и противник вышел в тыл по направлению на Дорогобуж <...>. 6 сд (160-я сд. — Л.Л.) не смогла удержать занимаемый рубеж, так как фронт не имел отсечных позиций, противник наступал с тыла. <...> Штаб армии оказался отрезанным от частей и от Семлево, имея за спиной р. Осьму с топкой поймой, вынужден был с 9, 8, 6 сд, армейскими частями, танковой группой, большим количеством тяжелой артиллерии и тылов отходить с боями на Семлево <...>¹.

С получением приказа 24-я армия начала отход в направлении Волочек, Барсуки, Ушаково, Путьково, В. Староселье, Волоста-Пятница, имея открытый фланг с юга. Выход из боя ее соединений с запада прикрывали 8-я и 139-я сд. Отход армии Ракутина, по сравнению с действиями войск 19-й армии Лукина и 20-й армии Ершакова, осуществлялся в несравненно более трудных условиях и менее организованно. Первыми, еще до получения разрешения на отход в тыл на Семлево, потянулись многочисленные части и учреждения тылов армии, обозы. На маршрутах отхода образовались большие скопления автомашин и конных повозок, танков, орудий и другой боевой техники. Все это двигалось в несколько рядов. В условиях неразберихи, характерной для массового и неконтролируемого отхода войск, то и дело возникали пробки. Прикрытие колонн огневыми средствами ПВО, если и организовывалось, то из рук вон плохо. К тому же для зенитных средств не хватало боеприпасов. При налетах авиации противника зачастую возникала паника, и все усилия по наведению порядка цели не достигали.

Абрамов продолжает:

«Утром 7.10 штаб 106 мд, получив приказ отходить на Семлево, вместе с арtpолком и частью одного из полков начал отход на Дорогобуж. <...> Дорогобуж к этому времени уже был частично занят немцами с восточной окраины, а другая его часть обстреливалась из минометов <...> По той же дороге

¹ ЦАМО РФ. Ф. 378. Оп. 11015. Д. 1. Л. 8.

Дорогобуж — Семлево — Вязьма отходили все части 20 А и часть войск 19 А. Таким образом, части 24 А начали отход по двум дорогам: штабы 103 мд, 106 сд, 309 сд, 19 сд по дороге Дорогобуж — Семлево. Штабы 6 сд, 8 сд, 9 сд, армейские части и тылы дивизий по дороге Волочек — Семлево.

Дорогу Ельня — Мархоткино через Ярославец захватили немцы. Тылы начали отход на Волочек восточнее основного большака Ельня — Волочек — Семлево. Штаб армии находился на запасном КП в районе Волочек. Связь держали по радио.

На переправе через р. Осьма у Дорогобужа образовалось колоссальное скопление артиллерии, обозов, автомашин. Несмотря на воздействие авиации противника с воздуха, войска все-таки организованно переправились, взяв направление на Семлево. В лесах после переправы они привели себя в порядок, паники в этот момент в войсках не наблюдалось. Однако произошло совершенно ненормальное явление — в голове движения оказались автомашины, обозы, артиллерия. Весь этот поток двигался через Семлево на Вязьму, сзади двигалась пехота. Когда я говорю о стрелковых полках и действиях того времени, то вновь подчеркиваю, что в результате непрерывных боев пехоты осталось очень мало. В большинстве полков насчитывалось 50—100 активных штыков, если не считать 2—3 полнокровных **дивизий 20 А, которые шли в порядке** (выделено мною. — Л.Л.).

7.10 противник окончательно занял Дорогобуж и Волочек и к вечеру повел наступление на Семлево с юга, выходя на большак. В это время 309 сд только еще начала отход в направлении Дорогобужа. Она пыталась штурмом прорваться через Дорогобуж, проведя несколько безуспешных атак. Успели прорваться ночью только около 180 человек. Основная масса людей 309 сд полегла на окраинах Дорогобужа, в том числе командование дивизии и командование полков»¹.

Порой утверждается, что соединения 19, 16 и 20-й армий с фронта преследовало 16 дивизий противника. И поэтому они не могли оторваться от противника и своевременно отойти на 110 км. Наибольшую опасность для отходящих соединений 20-й и 24-й армий представляли не преследующий их с запада противник, а его соединения, наступавшие с юга и стре-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 378. Оп. 50300. Д. 1. Л. 1—15.

мившиеся перерезать пути отхода. В наиболее трудном положении оказалась армия Ракутина. Ей предстояло пройти более длинный путь. О каком темпе отхода можно говорить, если отход не был организован должным образом — тянули до последнего момента. В связи с прорывом противником обороны в оперативную глубину многочисленные тыловые части и учреждения Резервного фронта и армий начали не-санкционированный отход. Командующие объединениями и командиры соединений, поздно получившие разрешение на отход, не смогли организовать его. Поэтому дороги оказались забитыми неуправляемой массой автомашин, конных обозов и остатками разгромленных частей. Между тем в предвидении встречи с противником вперед надо было выслать на машинах передовые отряды с задачей не допустить выхода противника на пути отхода, выделить авангарды. Сделать это не удалось. Заслоны на открытом фланге если и выставлялись, то недостаточной силы, чтобы задержать противника. При этом войска не всегда умело применяли заграждения, не уничтожали мосты, чтобы замедлить продвижение противника. Соединения 20-й и 24-й армий, медленно продолжая отход, втягивались в готовленный им котел.

Из оперсводки ОКХ № 114 за 7.10.41:

«4-я армия: В котле установлено интенсивное движение в северо-восточном направлении. Почти повсеместно заметно ослабление боевой мощи противника. За Дорогобуж еще идут упорные бои. Под Волочек противник, прикрывая отход, оказывает упорное сопротивление»¹.

Обнаружив отход, противник усилил нажим с фронта. 6 октября части 20-го и 9-го армейских корпусов заняли Ельню, 7-го — Дорогобуж. Пехотные дивизии 9 и 4-й ПА стремились сжать кольцо окружения. Некоторые соединения русских попали в небольшие «котлы» к востоку и к северо-востоку от Ельни, где и были разгромлены. Так, по немецким данным, еще 5 октября 139-я и 170-я сд 24-й армии были окружены и разгромлены южнее Ельни, 222-я сд 24-й армии и 145-я тбр 43-й армии — южнее и юго-восточнее Спас-Деменск.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 193—198.

Пытаясь связаться с отходящими соединениями, чтобы прекратить беспорядочное бегство и хоть в какой-то мере придать отходу организованный характер, штаб 24-й армии был вынужден передавать распоряжения открытым текстом. Командир поста подслушивания врага доложил в штаб 4-й полковой армии результаты радиоперехвата:

«6.10 в 21.00 штаб 24 А передал открытым текстом неустановленному соединению:

1. Сосредоточиться в 3 км севернее места дислокации армии в июле.

2. Связаться с пятью другими неустановленными соединениями (противнику не были известны позывные соединений. — **Л.Л.**) и передать им приказ сосредоточиться в том же районе.

Примечание: местонахождение командного пункта штаба 24 А в июле неизвестно. 4.8 штаб располагался в Семлеве (27 км юго-западнее Вязьмы)»¹.

Части 43-й и 33-й армий, управление которыми было окончательно утрачено, отступали на восток и северо-восток в полном беспорядке. В оперативной сводке Резервного фронта № 142 по состоянию на 22.00 6.10.1941 г. сообщалось:

«43 армия. Армия, не оказывая сопротивления противнику, рассеялась и отдельные части армии прекратили свое организационное существование <...>

33 армия. Армия как организм не существует. В Красное Лосьмино находится только командующий и член Военного совета армии. Местонахождение штаба армии и ее соединений не известно. Принятые меры розыска штаба армии и соединений успеха не имели»².

О состоянии войск 43-й армии свидетельствует также донесение, которое комбриг Любарский примерно в 3.10 7 октября кому-то приказал доставить Боголюбову (заместителю начальника штаба Резервного фронта. — **Л.Л.**):

«2.00 7.10.41 Кощеево (8 км вост. Вязьма). Карта 500 000.

1. Противник продолжает развивать наступление вдоль шоссе и вспомогательный [удар] — в напр. Вязьмы.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 623. Т. 2. Л. 8.

² Там же. Ф. 378. Оп. 11015. Д. 1. Л. 8.

2. Дивизии как боевые единицы не существуют, а есть небольшие деморализованные авиацией противника группы бойцов пехоты, спецподразделений и артиллерии.

Командир 149 сд Захаров имеет только один сап. бат.

Эти мелкие группы никем не управляются, расползлись по лесам и текут в тыл.

Командованием создавались два раза сильные командирские группы для сбора отходящих в тылу, но остановить эту массу и закрепиться в обороне не удалось.

3. Полк 24 сд (вероятно, речь идет о 185 запасном стрелковом полку 24-й армии — примечание составителя сборника) 6.10 вел бой на р. Угра в районе Кр. Холм и в лесу юго-западнее. Остатки 53 сд (далее слова «вели бой в р-не Свободка, Кр. Холм» зачеркнуты). 145 тбр действовала в районе Тетери?

Данных о положении 113 и 149 сд не было.

4. Из отходящих подразделений созданы боевые участки:

1-й — по р. Угра у Знаменка.

2-й — лес ю.-в. Кощеево. Быть в готовности для отражения танков.

3-й перехватывает (далее неразборчиво), но на этих участках очень слабые группы.

5. Военным советом созданы группы командиров для сбора отходящих бойцов и мелких подразделений в районе сев.-вост. Вязьмы.

6. Вязьма и некоторые прилегающие к ней пункты горят.

В общем, положение катастрофическое.

Нам абсолютно нечего выбросить для захвата важнейших направлений, а противник стремится перерезать вяземское шоссе.

Дивизии понесли очень большие потери, особенно свирепствует авиация. Она делает систематические налеты группами по 20—25 самолетов.

В общем, наша армия абсолютно не способна вести какой-либо бой, так как все оставшиеся стали какими-то очумелыми.

3.10 7.10»¹.

Это не донесение, а крик души. Комбриг (видимо, из числа штабных работников, высланных на пути отхода для наведения порядка) решил сказать горькую, но правду. Если бы ко-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 43. Л. 105.

Старт немецких пикирующих бомбардировщиков Ю-87 («Штукас») с полевого аэродрома (1941 г.)

мандармы и командующие фронтами не приукрашивали свои донесения, Ставка раньше среагировала бы на складывающуюся критическую обстановку.

Военный совет Резервного фронта вынужден был доложить в Ставку:

«Начиная со 2 октября и в последующие дни противник наносил свой главный удар крупными силами мотомехвойсками, поддержанный мощной авиацией, действующей непрерывно на поле боя по нашим войскам во фланг и тыл 43 армии. Соединения 43 армии <...> после тяжелых и упорных боев, понеся большие потери, не выдержали ударов противника с юга в районе Ново-Александровское, разрозненные войска ушли — часть на восток вдоль Варшавского шоссе и часть на Спас-Деменск. Большая часть пехоты разбежалась. Военным советом армии приняты меры для сбора войск на рубежах

1. Спас-Деменск
2. Селище, Ключино, ст. Угра, Глухово
3. Красный Холм, Знаменка
4. Максимовка, Митьково

Однако собираемые на этих рубежах пехотные подразделения, организуемые отряды, после первого же воздействия авиации, а часто и без нее, разбежались. Оставались как ор-

Результаты налета немецкой авиации на колонну советских войск.

ганизованные единичные артиллерийские части и специальные подразделения, которые и продолжали оказывать организованное сопротивление противнику <...>. Управление войсками окончательно нарушилось с 6.10»¹.

Буденный, пытаясь выяснить обстановку, послал на поиски командующих армиями своего заместителя генерал-лейтенанта Богданова. Тот, не имея связи со штабом Резервного фронта, который переходил на новое место, 7 октября представил доклад в Генштаб с просьбой передать Буденному:

«[По] Вашему заданию вчера нашел Собенникова и Онуприенко (соответственно, командующие 43-й и 33-й армиями. — **Л.Л.**) районе Вязьмы. Изучив обстановку, установил, что Собенникову и Онуприенко нечем и некем управлять. У Собенникова осталась группа руководящих работников армейского аппарата. У Онуприенко из армейского аппарата никого нет. Где находятся соединения 43 и 33 армий, при всем желании установить не удалось. В направлении Гжатска текут транспорта и отдельные люди и мелкие группы людей

¹ ЦАМО РФ. Ф. 398. Оп. 9308. Д. 12. Л. 161.

этих армий. Проведенные мероприятия по задержанию отходящих [из] района Вязьмы, [в] целях создания отдельных отрядов, желательных результатов не дали.

На 12.00 7.10 Собенников и Онуприенко находились районе Успенское юго-западнее Гжатска 70 км. [В] этом районе у Вырубова генералы Шуров и Таранович небольшим отрядом пехоты десятью орудиями заняли оборону переправы через реку Сежа. [С] прибытием [в] Успенское Собенникова поручил это ему. Противник к переправе не подходил.

Исходя из создавшейся обстановки, считаю необходимым Собенникова и Онуприенко оттянуть восточнее Гжатска, где они из отходящих людей могут создать ряд отрядов. Нахождение Собенникова и Онуприенко [в] районах не подчиненных им армий при отсутствии своих армий нецелесообразно.

Ваше решение прошу передать мне через начштаба Западного фронта Соколовского.

Генерал-лейтенант Богданов. 7.10. 18.00 г. Гжатск»¹.

Согласно оперсводке № 143 на 8.00 7.10: «Дивизии, входящие в состав 43-й армии, перестали организационно существовать. В распоряжении командира 149-й сд остался один саперный батальон. Положение остальных частей не установлено. Остатки 53-й сд и 145-й тбр в течение ночи 6. 10 вели бой в районе Тетерино. Положение остальных дивизий неизвестно.

Командующий 33-й армией с группой офицеров прибыл в Гжатск. Положение дивизий и местонахождение штаба неизвестно»².

В то время, когда часть сил Резервного фронта продолжала вести бой, соединения 43-й и 33-й армий выходили из боя разрозненными группами, стремясь оторваться от противника. Остатки частей 8-й, 222-й сд и 144-й тбр в ночь с 6 на 7 октября находились в движении в район Семлево. Войска 24-й армии вели бои в полуокружении. Ее штаб находился в 9 км северо-восточнее Семлево. 10-я и 2-я танковые дивизии 40-го моторизованного корпуса противника, не встречая серьезного сопротивления, быстро продвигались к Вязьме. К исходу 7 октября брешь между Резервным и Брянским фронтами достигла 100—115 км.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 83. Л. 294.

² Там же. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 217, 218.

Для восстановления связи с армиями в 14.30 7 октября штаб фронта выслал 10 делегатов на самолетах У-2. В 19.00 вернулся капитан Бурцев, летавший на поиск Ракутина. В районе юго-восточнее Вязьмы самолет был обстрелян, Бурцев ранен, самолет поврежден, но вернулся на свою базу. Остальные делегаты к 21.00 не вернулись¹. К 22.00 7.10 связи с армиями по-прежнему не было. Части 24-й армии в это время вели бой в полуокружении. Известно было, что в ночь с 6 на 7 штаб Ракутина с 8-й, 222-й стрелковыми дивизиями и 144-й танковой бригадой находились в районе Молошино. Данных об остальных частях не было.

И вот в этой совершенно неясной обстановке Буденный 8 октября обратился в Ставку с просьбой выбросить с самолетов для 24-й армии продовольствие, горючее и боеприпасы, так как подать их автотранспортом невозможно. Он просил подать следующие грузы: 45-мм снаряды — 3500, 76-мм для полковых орудий — 1700, для дивизионных — 1600, для 122-мм гаубиц — 500, автобензина (тонн) — 70, продовольствия (тонн): сухарей — 20, соли — 2, сахара — 2, махорки — 1. Заявка была подана в 16.45. Условия выброски просили сообщить не позднее 22.00 8.10. Маршал совершенно не представлял возможности нашей транспортной авиации и всей сложности организации выброски такого количества грузов. Уж без сахара, махорки и соли можно было потерпеть. К тому же связи с Ракутиным установить не удалось, и фронт просит перенести выброску с 9 на 10 октября. Ни сахара, ни махорки Буденному так и не послали. Ставку это время более заботило, куда и как подать горючее танковым бригадам Брянского фронта.

Из записи переговоров Анисова с начальником оперативного управления Западного фронта генералом Маландиным:

«**Анисов:** Самолеты связи, посланные нами к Ракутину 7 и 8.10, обратно не вернулись, и офицеры связи установленных сигналов о своем прибытии не дали.

Прошу также сообщить положение хотя бы в общих чертах Ваших центральных хозяйств.

Маландин: С Лукиным имели периодическую связь по радио. По отрывочным радиоданным видно, что Лукин со своим хозяйством продолжает отход на р. Днепр. Все три хозяйства

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 219.

(имеются в виду армии. — Л.Л.) уже переправились. Отход он прикрывает удержанием линии реки Вопец.

<...> Положение на фронте: противник своими подвижными частями из района Спас-Деменск, Холм-Жирковский достиг Вязьмы, отдельные группы танков ворвались в город. Район Вязьмы обороняется хозяйством Рокоссовского.

29, 22 армии планомерно отходят на указанный рубеж. По 20 армии данных не имеем. Только сегодня получили радиogramму об отходе четырех дивизий, но пока не успели изучить.

Одновременно с ударом на Вязьму противник ведет наступление из района Юхнов на Гжатск. В районе Гжатска идут бои. Меры по ликвидации наступающих групп противника принимаются <...>.

Прошу отвечать на вопросы:

Нельзя ли дать более точное положение соединений 20 армии. Только сейчас получили радиogramму от Ракутина, в которой он просит прикрыть истребительной авиацией, так как противник безнаказанно бомбит колонны и отходящие части. Из радиogramмы можно установить, что в колоннах идут тыловые части и учреждения, головы которых в пунктах расположения второго эшелона Ракутина. Сами же части фиксирует на линии Дорогудь (так в тексте, правильно — Дорогобуж. — Л.Л.). В радиogramме не указано время положения частей и время подписи»¹.

Переговоры закончились в 8.23 9.10.

Немецкая служба подслушивания перехватила радиogramму из штаба Ракутина:

«Командующий авиацией 24-й армией просит штаб ВВС Резервного фронта помощи горючим. Где командующий армией, он не знает. Отправка штаба командующего авиацией без горючего невозможна. Штаб ВВС фронта ответил, что в ближайшую и последующую ночь надо зажигать специальные огни для сбрасывания горючего или отправки самолетов с целью эвакуации».

К 9 октября оба фланга 24-й армии оказались открытыми, а пути отхода перерезаны противником. Командующий армией генерал К.И. Ракутин пропал без вести. Как оказалось впоследствии, он погиб у д. Подмошье (35 км северо-восточнее Ельни).

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 70. Л. 170—174.

Положение войск Брянского фронта. 5 октября 1941 г. 18.35 Ставка утвердила доложенный Еременко план действий и предложенный им отвод 50-й армии на вторую полосу обороны к западу от Брянска. Согласно плану 3-я армия отводилась на 35—45 км на рубеж р. Десна, 13-я — на 100—110 км на фронт Кокоревка (30 км восточнее Трубчевск), Крупец, Дмитриев-Льговский. При этом Ставка указала, что «общей целью действий войск фронта является, во-первых, отрезать прорвавшегося на Орел противника от его базы в районе Глухова и, во-вторых, прочно обеспечить за нами Брянск, Карачев»¹.

Советское командование, несмотря на тяжелое положение войск фронта, никак не могло решиться на оставление хорошо укрепленного с запада района Брянска. Ведь город с запада опоясывали три укрепленных обвода, усиленных заграждениями, в том числе и противотанковыми рвами на основных танкодоступных направлениях. Более того, Ставка по-прежнему рассчитывала (с подачи Еременко) ударом в тыл разгромить прорвавшуюся на Орел группировку противника. Таким образом, было принято паллиативное решение с расчетом, во-первых, удержать брянский промышленный район, во-вторых, изолировать группировку Гудериана, прорвавшуюся к Орлу, попутно удержав важную железнодорожную рокаду Брянск — Харьков.

Но немцы и не планировали прорывать оборону Брянска с запада, предпочтя осуществить двусторонний охват основных сил Брянского фронта с севера и юга. 2-я полевая армия М. Вейхса, используя успех 4-й танковой группы, соединениями 13-го армейского корпуса вышла к Сухиничи. Дивизии ее 43-го корпуса продолжали развивать наступление в направлении Людиново — Жиздра, стремясь охватить правый фланг 50-й армии русских с севера и соединиться с 47-м моторизованным корпусом Гудериана восточнее Брянска. 5 октября враг захватил Жиздру (схема 9).

Район Карачева продолжали удерживать части 108-й танковой дивизии (20 танков) и 194-й стрелковой дивизии, занявшие оборону фронтом на восток. Эту группу войск возглавил заместитель командующего фронтом по тылу генерал-лейтенант М. А. Рейтер. В 15.25 5.10 оттуда доложили, что юж-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 2. Л. 428.

нее Карачева идет бой с танками и мотопехотой противника силою до 40 танков и двух полков с мотоциклистами. В 108-й тд осталось 16 танков, 12 орудий, полк мотопехоты.

Однако 18-я танковая дивизия противника не стала ввязываться в затяжные бои и, продолжив наступление на север, к исходу 6 октября установила связь с войсками 2-й армии в районе Жиздры. В этот же день 17-я танковая дивизия 47-го моторизованного корпуса атакой с востока захватила Брянск. Таким образом, войска Брянского фронта, продолжавшие удерживать занимаемые оборонительные рубежи, оказались обойденными с тыла. Противнику удалось перерезать основные коммуникации фронта, ведущие на восток, и тем самым осуществить его оперативное окружение. При этом основные силы 50-й армии Петрова были окружены севернее Брянска, 3-я армия Крейзера и 13-я армия Городнянского — к югу от города, а части опергруппы Ермакова отброшены в направлении Рылска.

Гальдер:

«6.10. 17-й танковой дивизии удалось ударом с востока захватить Брянск. Хотя связь с войсками 2-й армии, наступающими в этом направлении с запада, пока еще не установлена, можно надеяться, что в результате захвата Брянска в ближайшее время удастся овладеть не только важной для танковой армии Гудериана коммуникацией Рославль — Брянск — Орел, но и расчлнить группировку противника, действующую перед 2-й армией и 1-й кавалерийской дивизией (она уже местами начала отход), и тем самым создать возможность ликвидации этой вражеской группировки по частям» [17].

Из 50-й армии, не имея связи со штабом фронта с 14.30 6.10, доложили начальнику Генштаба, что противник в 15.30 6.10 захватил Брянск танковыми частями, подошедшими с востока, что в Людиново танки противника, которые продвигаются в направлении Жиздры. Командующий генерал-майор М.П. Петров запросил «указаний, что делать, удерживать ли занимаемый рубеж». В ответ в 22.20 6.10 Шапошников просит немедленно разыскать Еременко (начальнику Генштаба то и дело приходилось заниматься розыском вдруг пропадавших куда-то командующих фронтами) и немедленно передать ему приказ Ставки ВГК за № 43610. При ненахождении Еременко Петрову приказывалось вступить в командование фронтом и

выполнить упомянутый приказ. Через полтора часа вдогонку последовало подтверждение:

«При отсутствии Еременко Вам вступить во временное командование фронтом. Срочно выделить резерв для удара на восток в направлении на Орел. Под хорошим прикрытием организуйте отвод армий фронта на рубеж Орла, Курска. Не допускайте окружения и паники. Директива передается»¹.

Директива гласила:

«1. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает Вам:

а) энергично решить основную задачу фронта — разбив орловскую группировку противника, выйти на фронт Мценск (иск.), ст. Ворошилово, Поныри, Фатеж, Льгов, **прикрывая направления на Тамбов и Воронеж** (выделено мною. — Л.Л.);

б) принять все меры к сохранению всех стрелковых и кавалерийских дивизий и материальной части, чтобы ни одна дивизия не была окружена или отрезана противником.

<...> 4. Принять все меры к установлению самой надежной радиосвязи с Генштабом и армиями.

5. Получение подтвердить»².

А куда же делся командующий Брянским фронтом? Еременко с 5 октября находился в штабе фронта в районе ст. Свень (в 11 км юго-западнее Брянска), откуда, по его словам, в ночь на 6 октября вновь изложил начальнику Генштаба замысел действий на отвод войск фронта на тыловой рубеж в условиях оперативного окружения. Он настаивал на скорейшем решении Ставки. На сей раз Шапошников отнесся более внимательно к его докладу и обещал поставить о нем в известность Верховного Главнокомандующего, решение которого незамедлительно передать Еременко. Но на следующий день, примерно в 14.30 6 октября, штаб фронта подвергся нападению танковой группы противника, наступавшей на Брянск с юга, и, по существу, был выведен из строя. Позднее выяснилось, что это были части 17-й танковой дивизии врага. Начальник штаба и член Военного совета фронта, чудом избе-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 91. Л. 356.

² ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 1556. Д.3. Л. 1—3 (цит. по РА. С. 92).

жавшие гибели, 7 октября вышли в район Белева, откуда донесли в Ставку ВГК, что командующий Брянским фронтом погиб на командном пункте фронта при нападении танков противника 6 октября около 16 часов. Управление войсками фронта было полностью парализовано, что самым серьезным образом осложнило их положение. С этого момента о судьбе командующего фронтом несколько дней ничего не было известно.

Уничтожение сил русских, изолированных в районах юго-западнее Брянска и Трубчевска, было возложено на 2-ю танковую армию (именно так называлась с 5.10 2-я танковая группа). Но основной ее задачей по-прежнему оставался быстрый прорыв через Тулу к переправам на р. Ока. При этом было необходимо по возможности предотвратить уход отступающей в направлении Карачев, Хвостовичи, Кцынь 50-й армии русских. Гитлеровцы настолько были уверены в скором разгроме войск Брянского фронта, что в ответ на телефонограмму из штаба Гудериана 7 октября из штаба ГА «Центр» в этот же день ответили:

«Окружение противника перед левым флангом 2-й армии не имеет столь решающего значения, как продвижение 2-й танковой армии на северо-восток. Если намеченный удар танковой армии и правым флангом 4-й армии будет успешным, то противник перед фронтом 2-й армии не избежит уничтожения <...>»¹.

Довольно самонадеянное заявление, которое, как мы увидим далее, не оправдалось. Уничтожить оказавшиеся в окружении соединения русских, несмотря на привлечение для этой цели четырех из пяти имевшихся во 2-й танковой армии корпусов, не удалось.

В своих мемуарах Еременко пишет, что, «как только восстановилась связь со Ставкой, я сразу же донес утром Верховному Главнокомандующему о своем местопребывании, сообщил о результатах боя на КП фронта в районе Свень, о том, что мы нанесли урон колонне мотопехоты противника и что ни один документ штаба не попал в руки врага» [49]. Но со всеми подробностями обстоятельства нападения на штаб были изложены им по свежим следам в отчете Брянского фронта. И хотя отчет составлен от имени Военного совета и подпи-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 157. Л. 53.

сан, как положено, членом Военного совета дивизионным комиссаром Мазеповым и начальником штаба генералом Захаровым, писал его лично и от своего имени Еременко. Отчет весьма подробен — для этого он имел время, пока лечился в госпитале после ранения. Во время войны отчеты пишутся для того, чтобы обобщить положительный опыт боев и вскрыть причины неудачных действий, чтобы извлечь уроки на будущее. В тексте этого отчета просматривается желание генерала оправдаться в поражении войск фронта (по человечески его понять можно, но надо же и меру знать). Оказывается, Еременко с самого начала все было ясно, все он делал правильно. Но вот фронт почему-то рухнул: в первые два дня наступления темп продвижения подвижных соединений Гудериана составил 50—60 км в сутки. Явные попытки задним числом выставить себя в выгодном свете просто режут глаза. Полностью привести здесь отчет (30 страниц) не имеет смысла, так как придется дезавуировать слишком многие его положения, которые противоречат фактам и не подтверждаются архивными документами (отчет, кстати, тоже архивный документ). Но некоторые моменты, которые характеризуют Еременко, как военачальника и человека, процитировать стоит. Тем более что об этих же событиях написал в своих воспоминаниях и заместитель начальника штаба Брянского фронта полковник Л.М. Сандалов. И мы можем сравнить их свидетельства.

Предоставим слово командующему:

«<...> Наступавшая от Орла на Карачев танковая группа противника успеха на карачевском направлении не добилась. Тогда она повернула на юг и двинулась лесными дорогами на Брянск. В этом направлении мною заблаговременно было приказано выслать разведку и прикрытие, но разведка велась плохо и прикрытие было слабое <...>. В 16.30 6.10 до 50 танков противника и следовавшая за ними на автомашинах мотопехота, выйдя из леса, с направления Синезерки совершили нападения на мой командный пункт в Свень. Весь состав штаба фронта сразу же после обстрела КП танками и автоматчиками противника скрылся в лесу одиночками и группами и частью уехал на машинах, стоявших в лесу за домом КП. При таком положении противник мог бы захватить в штабе документы и связь на полном ходу с армиями и Москвой. **Я немедленно принял решение дать бой мотопехоте, которая шла вслед**

за танками, чтобы выиграть время. Замаскировавшись в удобном месте, я с несколькими красноармейцами и адъютантом (здесь и далее выделено мною. — Л.Л.) расстреливал сидящих на первых трех машинах немцев из автомата-пистолета, красноармейцы — шоферы и адъютант — били по другим машинам. Через некоторое время ко мне присоединилась еще группа бойцов во главе с полковником Панкиным.

Танки оторвались и ушли вперед к Брянскому шоссе, а **мотопехоту мне удалось задержать почти на час с большими для нее потерями. За это время по моему приказанию была уничтожена в доме вся аппаратура, сожжен с оставшимися документами дом КП.** Одним словом, были приняты все меры, чтобы в руки противника не попало ничего. Оперативной группе штаба под прикрытием нашего огня удалось без потерь уйти и выйти на новый КП. Со мной не осталось ни одного работника штаба.

Уничтожив КП, я в сопровождении погибшего впоследствии (14.10) в районе Борщево моего адъютанта ст. лейтенанта Хирных В.П. лесными дорогами на двух машинах отправился в район 3-й и 13-й армий, чтобы возглавить управление войсками в боях с перевернутым фронтом и находиться непосредственно среди них. К утру 7.10 я прибыл во Вздружное — штаб 3-й армии.

Противник утром 6.10 танковыми частями и мотопехотой занял Карачев и затем лесной дорогой Свень — Брянск проник в тыл 50 А и в тот же день занял Брянск. К исходу 7.10 противник занял Хвастовичи.

<...> противник перерезал все коммуникации Брянского фронта, занял построенные в тылу укрепления и поставил войска Брянского фронта в условия оперативного окружения. Глубокий прорыв со взятием Орла и оперативное окружение армий Брянского фронта противнику удалось совершить вследствие того, что Брянский фронт не располагал нужными ему для парирования такого удара резервами. А оборона Орла, как мною указывалось выше, не была организована. Прорыв на флангах фронта (в стыках с соседями) еще раз подчеркивает необходимость иметь за стыками армий и фронтов сильные подвижные резервы»¹.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 32. Л. 1—30.

В начале своего отчета Еременко пишет, что общая обстановка к началу немецкого наступления характеризовалась «напряженными боями на левом фланге фронта за улучшение оперативного и тактического положения в условиях неоднократных попыток пр-ка продолжать наступление». Оказывается, это противник наступал. А вот что пишет его вечный противник Гудериан: «В течение нескольких дней противник предпринимал ожесточенные атаки, очевидно, свежими силами, восточнее Глухова и против нашего плацдарма у Новгород-Северского. Атаки русских, предпринимаемые 25 сентября на Белополье, Глухов и Ямполь, были отбиты». Два генерала противоречат друг другу. Кому верить?

Противоречия в таких случаях лучше всего можно снять, обратившись к боевым документам, в которых обстановка отражается день за днем. Эти документы свидетельствуют, что непрерывные и безуспешные попытки наступать соединениями 13-й армии и группы Ермакова привели к большим и неоправданным потерям и не только истощили их боевые возможности, но и не позволили создать прочную и глубокую оборону. О каких резервах тогда можно вести речь?

Еременко пишет, что части группы генерала Ермакова и полковника Акименко 29.09 перешли в наступление и подошли к Глухову. А чуть ниже: «Я готовил группу генерала Ермакова к переходу в наступление с 1.10.1941 г. (генерал Ермаков просил отсрочить атаку с 9 утра до 12), но противник предупредил нас и сам начал 1.10 наступление. Завязался встречный бой».

Трудно предположить, что Еременко забыл, когда началось наступление противника на его фронте. Он сознательно в нескольких местах отчета и в приложенных к нему схемах разносит по времени готовность группы генерала Ермакова к переходу в наступление — 12.00 30 сентября и начало артиллерийской и авиационной подготовки противника утром этого же дня. Именно 30 сентября враг упредил наши войска в переходе в наступление. Никакого встречного боя не было. Войска опергруппы, выведенные в исходное положение и изготовившиеся к атаке, попали под огонь артиллерии и удар авиации противника, понесли большие потери и были в основном выбиты из занимаемой полосы обороны. Поэтому и последующий контрудар группы не мог иметь успеха.

Небольшое отступление. При планировании контрнаступления под Сталинградом Еременко, вспомнив Гудериана, предложил, чтобы войска Сталинградского фронта переходили в наступление не на сутки позже войск Юго-Западного фронта, а на двое, когда противник перебросит основные свои резервы на север. Но его предложение было отклонено, так как в этом случае противник получал бы возможность вначале нанести сильные контрудары против подвижных войск Юго-Западного фронта, а затем всеми силами обрушиться против Сталинградского фронта. С точки зрения интересов всей стратегической операции решение Ставки было более обоснованным.

Интересный момент, добавляющий еще один характерный штрих в образ А.И. Еременко. Ставка для обороны Курска приняла решение о создании отдельной группы войск в составе 1—2 стрелковых, одной кавалерийской дивизий, танковой бригады, мотоциклетного полка и группы генерала Ермакова. Еременко запросили, кого можно было бы назначить командующим, предложив ему «немедленно телеграфировать свои соображения по кандидатуре».

В 12.41 8 октября тот ответил:

«При создавшемся положении, при сосредоточении такой мощной группы, соединенной с группой Ермакова, требуется поставить во второй эшелон энергичного и храброго командира; если у Вас такого нет сейчас, то прошу разрешить лично мне временно руководить этой группой. Я справлюсь с руководством фронтом и командованием непосредственно этой группой. Для этого необходимо:

1. Выслать за мной самолет в район Вздружное; если днем не удастся, то ночью. Самолет должен дать две ракеты. По этому знаку будут зажжены огни.

2. Опергруппу штаба фронта перебросить в район Щигры, а штаб фронта направить в район Елец»¹.

И это в самый критический момент, когда надо было осуществлять приказ Ставки по прорыву войск фронта из окружения с одновременным нанесением удара по орловской группировке Гудериана! В этот же день в 21.00 Шапошников вежливо ответил:

¹ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 1150. Д. 1. Л. 348.

Заместитель начальника штаба
Брянского фронта полковник
(на снимке генерал-майор)
Л.М. Сандалов

«<...> отсюда встает вопрос о целесообразности оставления Вами в этих условиях армий фронта, которым, по всей видимости, надо будет прилагать большие совместные усилия, чтобы пробить бронетанковые части на востоке и в то же время отбить наступление пехоты с запада.

Не считаете ли возможным возглавить всю эту группу тов. Ермакову?

Шапошников»¹.

Еременко ничего другого не оставалось делать, как согласиться, но при этом он высказал пожелание, что «Ермакову надо поддать перцу».

Л.М. Сандалов в своих воспоминаниях более самокритичен:

«Оглядываясь назад, рассматривая теперь обстановку с открытыми картами, приходишь в недоумение: как мы не смогли разгадать тогда намерений противника? Перед группой Ермакова продолжительное время стоял 47-й моторизованный корпус (танковой группы) Гудериана. После завершения Киевской операции его главные силы были сосредоточены в районе Ромны на отдыхе. Движение оттуда моторизованных колонн в начале третьей декады сентября к Шостке и Глухову явно показывало рокировку всей группы к 47-му моторизованному корпусу.

«<...> Лучшего района для наступления танковой группы на Москву, чем район Глухов, Новгород-Северский, Шостка, не найти. Путь оттуда на Орел, Тулу был кратчайшим. Десну форсировать не нужно. Брянские леса остаются севернее. Однако командование и штаб Брянского фронта не смогли расшифровать этот легкий шифр» [59].

¹ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 91. Л. 362.

Сандалов совсем по-другому описывает события, предшествующие нападению немцев на штаб фронта, и сам этот эпизод. В отличие от Еременко его рассказ подтверждают работники штаба.

«С падением Орла была перерезана основная магистраль связи Брянского фронта с Генеральным штабом и соседними фронтами. Генерал Захаров принял решение о подготовке нового КП фронта в Белеве. Утром 4 октября туда отправилась колонна штаба и управлений и полк связи фронта. На старом месте остались по несколько человек от каждого отдела и управления штаба фронта, в том числе на узле связи — несколько связистов из числа мужчин. Громоздкий телеграфный аппарат БОДО остался только для переговоров со Ставкой.

Еще до получения разрешения на отвод войск штаб фронта разработал проект приказа и план действий войск на этот случай. Фронтной тыловой рубеж был намечен по линии р. Ока от Белева до Понырей, далее на Фатеж и Льгов. С учетом захвата Орла этот рубеж был отнесен несколько восточнее — на линию Мценск, Змиевка. К вечеру 5 октября из 13-й армии возвратился Еременко. В это время доложили, что в Карачев (там была лишь 108-я танковая дивизия с 15 танками) ворвались немецкие танки и что мост через р. Снежить взорван саперами. Но колонны с личным составом второго эшелона штаба фронта и штаба ВВС успели проскочить Карачев. Позднее выяснилось, что немцы вечером захватили восточную часть города. Саперы фронтового подвижного отряда заграждений взорвали и шоссейный и железнодорожный мосты. На западном берегу р. Снежить заняли оборону фронтом на восток части 194-й стрелковой дивизии.

Ночью в штабе фронта ожидали сигнала на переезд на новый командный пункт. Утром 6 октября стало известно, что соседний фронт уже получил приказ на отвод войск, но директивы из Ставки все не было. Почему директива Ставки не была своевременно передана Брянскому фронту, так и осталось неизвестным.

Около 14 часов я и начальник разведки Кочетков находились в комнате Еременко и докладывали по карте последние данные об обстановке. <...> А примерно через полчаса раздались выкрики: «Немецкие танки. Немецкие танки!» Мы быстро вышли на крыльцо домика и увидели приближающиеся танки.

Они с ходу короткими очередями вели огонь из пулеметов. К домику подбежал Мазепов и Захаров, последний на ходу отдавал всем встречающимся командирам приказание немедленно уезжать на новый КП. <...> Затем я дал распоряжение об отъезде Кочеткову, а Кузнецов¹ — начальнику узла связи, шифровальщику, АХЧ (административно-хозяйственной части штаба. — Л.Л.) и столовой. Немецкие танки и мотопехота (непосредственно из машин) стреляли из пулеметов и пушек по домам на КП и плохо замаскированным землянкам. По противнику вели ответную стрельбу подразделения охраны штаба, а также командиры и красноармейцы состава КП» [59].

Захаров и Мазепов уехали на машине Сандалова (а кто же это посмел умчаться на машине самого начальника штаба фронта?!). После отъезда машин оперативного, разведывательного и шифровального отделов Сандалов остался с группой командиров в составе 12 человек. В это время в их сторону направились несколько вражеских танков, стреляя из пулеметов и пушек. Группа отошла в лес. Танки возвратились на дорогу, и стрельба вскоре прекратилась.

Сандалов продолжает:

«Немецкая моторизованная часть ушла к Брянску. Это были части 47-го моторизованного корпуса. <...> Вражеская часть не подозревала, что наткнулась на фронтовой КП. У шоссе Брянск — Карачев располагалось много наших тыловых частей и учреждений. Моторизованные подразделения противника для обеспечения движения своих войск отгоняли наши тыловые части в глубину леса. По-видимому, и наш КП приняли за тыловое учреждение» [59].

После окончания перестрелки Сандалов со своей группой вернулся на КП. В некоторых блиндажах узла связи продолжалась работа. Вокруг, как ни странно, не было видно ни убитых, ни раненых, так как стрельбу немцы с дороги вели неприцельно, больше для острастки. Еще раз проверили домик Военного совета. Людей никого не обнаружили. По приказанию Сандалова возле одного из телеграфных столбов закопали огромную отчетную карту фронта, по которой утром докладывали обстановку командующему фронтом. Номер столба записа-

¹ Полковой комиссар В.Н. Кузнецов — комиссар штаба фронта.

ли¹. По воспоминаниям одного из телефонистов узла связи В.М. Белова, к 18 часам все имущество узла и даже продукты из военоторговой столовой были погружены на машины².

В кустах была обнаружена подбитая пулеметным огнем грузовая машина полка связи, которую удалось восстановить. Группа Сандалова находилась на этом месте примерно до 21.00. И все это время по шоссе от Карачева на Брянск шел непрерывный поток автомашин и танков. Мчавшиеся по дорогам мотоциклисты и танки вели беспорядочную стрельбу. За танками, как правило, на машинах двигалась пехота. Война в этом районе шла по дорогам и вдоль дорог. Лесов и болот враг избегал. Мотоциклисты и танки «прочесывали» огнем лежащие на их пути леса, не нанося этим огнем нашим частям существенного урона. Гитлеровцы пытались создать видимость полного окружения наших частей и вызвать тем самым панику.

Как видим, картина, нарисованная Сандаловым, разительно отличается от рассказа Еременко, изложенного им в отчете. Важный момент: Еременко в своей книге «В начале войны», опубликованной в 1966 г., уже не стал расписывать свои подвиги при нападении немцев на КП фронта. Вот лишь один фрагмент из нее:

«Когда фашисты подошли к КП фронта, то он был, что называется, на полном ходу: имелась связь по прямому проводу с Москвой и со всеми штабами армий. Все было организовано, как полагается во фронтовом штабе, и работа шла своим чередом. Многие оперативные документы, еще не отправленные на новый командный пункт, находились здесь же. Захват их противником нанес бы большой вред. Необходимо было спасти документы. Это было крайне сложно под носом у противника, танки которого проходили совсем рядом, громяхая и лязгая гусеницами и ведя беспорядочную стрельбу.

Я возглавил личный состав штаба и охраны. Мы вступили в бой с мотопехотой врага, следовавшей за танками на автомашинах. Противник был ошеломлен и понес потери. На помощь нам подошли три танка, а затем два артиллерийских дивизио-

¹ В 1963 г. полковник в отставке В.Н. Кузнецов побывал на месте бывшего КП фронта. На его месте был построен большой пионерлагерь, протянувшийся до р. Свень. Телеграфный столб он не нашел.

² В.М. Белов в 1970 г. в звании майора продолжал службу в управлении связи МВО.

на и 300 бойцов мотострелкового подразделения танковой бригады. Тем временем аппаратура связи была снята и вывезена на новый КП, все оперативные документы спасены.

Отдав распоряжение об отходе начальнику охраны штаба полковнику Панкину, я выехал в штаб 3-й армии» [49].

Воспоминания Сандалова были опубликованы позже мемуаров Еременко. Он как бы оппонирует своему бывшему начальнику (конечно, в пределах, разрешенных советской цензурой). Если бы мотопехота противника была задержана огнем охраны и развернулась, то от штаба ничего бы не осталось. Оказывается, и аппаратура узла связи не была уничтожена, и домик Военного совета с документами не был сожжен. Даже карта, по которой докладывали обстановку командующему фронтом, осталась на столе. Если бы Еременко так поспешно не покинул КП, то он не остался бы без штаба и связи. А получилось так, что **и командующий фронтом, и его штаб одновременно потеряли управление войсками.**

Сандалов с группой штабных работников добрался до Белева к утру 8 октября. В это время штаб фронта имел связь только с Генштабом, который поддерживал радиосвязь с армиями фронта. По словам начальника штаба генерала Захарова, армии получили директиву Ставки на отход только 7 октября. За это время положение войск фронта значительно ухудшилось. Сандалов с сожалением пишет, что если бы армии фронта получили бы его своевременно, то они смогли бы лучше подготовиться к прорыву, пока вражеское окружение было еще не таким плотным.

Поскольку Еременко так и не нашли, 7 октября Ставка возложила временное командование фронтом на командующего 50-й армией генерал-майора М.П. Петрова, подтвердив всем трем армиям фронта их задачу пробиваться на восток за линию ст. Ворошилово, Поньри, Льгов. Ставка потребовала: «Прорыв на восток организовать так, чтобы ни одна дивизия не была окружена или отрезана противником, а матчасть артиллерии и пулеметов должна быть сохранена. Срочно донесите, какую имеете связь с 3-й и 13-й армиями. Донесите коротко наметку плана действий»¹.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11556. Д.3. Л. 29.

С началом маневренных действий в условиях часто и резко меняющейся обстановки выявилось, что принятая схема связи Генштаб — штаб фронта — штаб армии не обеспечивает непрерывное руководство боевыми действиями со стороны Ставки. Причем наиболее слабым местом в этой схеме чаще всего оказывалась связь в звене: штаб фронта — штаб армии. При перерывах связи штабы фронтов не могли управлять войсками и своевременно докладывать нужную информацию в Генштаб. В то же время Генштаб и Ставка, потеряв связь со штабом фронта, также не могли связаться напрямую с армией. Это особенно выявилось при отводе войск фронтов. Позднее Ставке пришлось взять управление армиями Брянского фронта на себя. Позднее были приняты меры, чтобы перейти к осуществлению принципа организации связи в войсках, названного «связью на ступень ниже».

Еременко несколько по-иному изображает события после нападения немцев на КП фронта:

«С приездом в 3-ю армию я получил возможность лично и письменно отдать приказ о повороте фронта и руководить его осуществлением в 3-й и 13-й армиях. В 50-ю армию приказ был послан шифром. Таким образом, управление войсками не прекращалось. **Лишь на несколько часов выключилась связь, когда я переезжал с КП фронта в 3-ю армию** (выделено мною. — Л.Л.). Заняв Жиздру, Карачев, Орел, Кромы, Дмитровск-Орловский, Севск, Локоть, Навлю и Брянск, противник перерезал главные коммуникации Брянского фронта, чем и поставил наши войска в условия оперативного окружения. Развивая наступление с тыла, гитлеровцы стремились рассеять наши боевые порядки и уничтожить войска фронта по частям.

Итак, 7 октября рано утром я Отдал предварительные распоряжения, переговорив лично с командующими 13-й и 3-й армиями, а в 14.00 этого же дня отдал общий приказ о повороте фронта на 180°.

Войскам Брянского фронта предстояло нанести удар по противнику, вышедшему в тылы фронта, прорвать оперативное окружение и организовать борьбу с врагом на новых рубежах. Для этого нужно было произвести перегруппировку сил и подготовить их для контрудара по войскам неприятеля, дей-

ствовавшим на флангах и в тылу. Одновременно с нанесением контрудара на восток и юго-восток необходимо было вести маневренную борьбу с запада, с севера и юга.

В «Журнале боевых действий Брянского фронта за октябрь 1941 г.» мой приказ о повороте фронта записан полностью:

«Командующий Брянским фронтом генерал-полковник Еременко, находясь в штабе 3, с утра 7.10 отдал армиям фронта предварительное распоряжение и в 14.00 приказ о бое с противником с перевернутым фронтом:

«Командующим 50, 3 и 13-й армий. Группам Ермакова и Рейтера. 7.10.41. 14.00.

1. Противник мотомеханизированными частями ударом в направлении Севск, Орел, Киров, Жиздра, Льгов перерезал коммуникацию фронта и создал явное окружение.

2. Армиям фронта строго организованным порядком, нанося удары противнику, пробиться и отходить за линию ст. ст. Ворошилово, Поныри, Льгов по рубежам:

1) Нехочи, Борщево, Суземка к исходу 9.10.

2) Льгов, Дмитровск-Орловский, Ново-Ямское — 10.10.

3) Нарышкино, Опальково, Дмитриев-Льговский — 11.10.

4) Зяблово, Муханово, Машкино — 12.10.

5) Ворошилово, Поныри, Льгов — 13.10, где и закрепиться.

3. 50-й армии, прикрываясь сильными арьергардами, отходить, нанося главный удар своим правым флангом с северо-востока на Орджоникидзеград, Карачев, Змиевка. Не менее одной пехотной дивизии иметь уступом назад для обеспечения с севера.

Разгранлиния слева Глазуновка, Ромы, разъезд Клюковники, Красная Слобода.

4. 3-й армии, прикрываясь сильными арьергардами, отходить, нанося главный удар в направлении Дмитровск-Орловский, Поныри.

Разгранлиния слева Почеп, Усмань, Кокаревка, Погар

5. 13-й армии, прикрываясь сильными арьергардами, отходить и наносить главный удар в направлении Игрицкое, Дмитриев-Льговский, Костин. Иметь уступом назад одну дивизию для обеспечения отхода с юга.

6. Группе Ермакова, удерживая занимаемый рубеж, не допускать наступления противника северо-восточнее Льгов.

7. Группе Рейтера, удерживая рубеж Карачев, Нарышкино, до 10.10 совместно с 50-й армией уничтожить противника в

районе Карачев и в дальнейшем отходить в направлении Орел, Змиевка.

8. Авиации фронта в период отхода 8—12 октября во взаимодействии с ударными группами армии и днем и ночью уничтожать колонны и боевые порядки противника, содействуя выходу из окружения, и не допускать подхода его резервов. Для опознания своей авиацией на всех танках и кабинках грузовых машин иметь поперек белую полосу.

9. Отход по рубежам производить, как правило, ночью с 23.00, организуя его так, чтобы сосредоточить все усилия, смять противника и быстро продвигаться вперед.

Ни одна дивизия не должна быть окружена, а матчасть артиллерии, танков и другие огневые средства полностью сохранены.

10. Командующим армиями разгрузить весь транспорт от ненужного имущества с тем, чтобы основную массу артиллерии и пехоты погрузить на машины, облегчить бойцов и после прорыва на первом рубеже быстро выдвигаться вперед, имея впереди каждой колонны 5—10 танков.

На флангах и путях отхода широко применять службу заграждений.

11. Тылы организовать эшелонами и иметь в центре боевого порядка.

12. Я буду находиться при штабсе 3. Связь держать по радио и делегатами»¹.

В журнале сделана пометка, что директива подписана командующим Брянским фронтом генерал-полковником Еременко, за члена Военного совета — дивизионным комиссаром Шлыковым, за начальника штаба фронта — генерал-майором Жидовым (впоследствии — генерал-лейтенант А.С. Жадов, командующий 5-й гвардейской армией, но это отдельная история). Судя по архивному документу, упомянутая запись в «Журнале боевых действий Брянского фронта» сделана на основе полученной телеграммы (экз. № 8). Что за телеграмма и за чьей подписью — не ясно. Все эти пометки и записи в документе производят странное впечатление.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 1150. Д. 1. Л. 335—337.

Более внятную картину мы находим в воспоминаниях Сандалова. По его словам, приказ был составлен в штабе фронта в Белеве, а для подписи его командующим в тыл к врагу был отправлен на самолете уже известный нам полковник Долгов. Но он так и не смог вручить проект приказа Еременко, так как штаб 3-й армии уже покинул место своего расположения во Вздружное (25 км северо-восточнее Трубчевск). После нескольких рискованных перелетов и посадок на У-2 в тылу противника Долгов вернулся в Белев. Хорошохоть, что он не попал с документами в руки врага. Возможно, Еременко отдавал распоряжения войскам на основе ранее разработанного штабом фронта проекта приказа. По крайней мере, Сандалов высказал предположение, что один экземпляр у него мог остаться. Но остается неясным главное — когда и каким образом он был доведен до войск? Например, о положении опергруппы генерала Ермакова в эти дни ничего не было известно. На ее поиски посылали самолет, но безрезультатно. А в 50-й армии вообще ничего не знали о приказе Еременко. Не было известно и положение 121-й и 150-й танковых бригад. Ставка потребовала установить их местонахождение и связь с ними, указав конкретное место, куда им можно будет подать горячее и боеприпасы¹.

ОКХ весьма оптимистично оценивало обстановку, складывающуюся перед группой армий «Центр»: фронт обороны противника прорван в трех местах. Ожидается полное окружение и уничтожение около 70 крупных соединений в районах Брянск и Вязьма. Все в больших масштабах выражаются явления разложения². Отметив, что противник подтягивает в район северо-восточнее Орла силы с танками с северо-восточного направления, вероятно, 416-й сд из Тулы, ОКХ потребовало от группы армий «Центр» уделить особое внимание быстрейшему окружению и сужению котла севернее и юго-западнее Брянска, а также воспрещению прорыва окруженного противника в тыл наступающим соединениям 2-й танковой армии Гудериана. К этому времени, по свидетельству врага, находившаяся севернее Брянска группировка (50-я армия с частями семи дивизий) была сдавлена в районе Дятько-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 4. Л. 341 (цит. по: Битва под Москвой. Хроника, факты. С. 259).

² ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 181.

во — Цемент — Судимир (схема 9). На командование 2-й армии было возложено руководство всеми войсками (кроме подвижных соединений), выделенными для окружения и уничтожения группировки противника в районе Брянска. 7 октября командованию 2-й танковой армии Гудериана было приказано направить 24-й моторизованный корпус на Тулу и одновременно продвинуть вперед свой южный фланг путем наступления одного пехотного корпуса на Курск (но не дальше).

Войска Брянского фронта, оказавшиеся в оперативном окружении, все еще удерживали прежнюю линию фронта между участками прорыва. К исходу 7 октября части 50-й армии вели бои в районе Брянска. По явно устаревшим данным, западную часть Брянска к этому времени занимал полк 154-й сд, восточную часть города — отдельные группы танков противника. С запада перед фронтом 50, 3 и 13-й армий противник по-прежнему не проявлял особой активности. Данных о действиях и положении частей группы Ермакова не было¹.

50-я армия лишь в ночь на 8 октября начала выдвижение частей в северо-восточном направлении, где в оперативном построении противника были большие разрывы. Достаточно сказать, что части 18-й танковой дивизии противника были разбросаны по фронту от Кцынь на юг на расстоянии до 100 км. Сил для создания внутреннего фронта окружения с востока у немцев в это время здесь не было. Но оказалось, что Петров неверно понял задачу фронта. В Ставке думали не столько о спасении армий, сколько о разгроме прорвавшейся группировки врага. Петрову пришлось менять направление выхода из окружения. Только к этому времени Еременко вышел на связь с Генштабом с КП 3-й армии в районе Вздружное. Шапошников потребовал не отклоняться от ранее указанного Генштабом 7.10 направления и 8 октября подтвердил:

«<...> Основная задача Брянского фронта — ударом в тыл с запада разбить орловскую группировку противника в районе Орел, Севск, Карачев и выйти на фронт (иск.) Мценск <...> Фатеж, Льгов, прикрыв направления на Тамбов, Воронеж»².

¹ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1071. Д. 3545. Л. 132—141.

² ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 3. Л. 31.

В связи с расчленением группировки войск фронта на три изолированные друг от друга части и потерей управления армиями со стороны командующего быстро организовать одновременный удар по прорвавшейся на Орел группировке противника с запада не удалось. Выход из окружения начался только 9 октября в значительно ухудшившихся условиях. При этом Еременко, по существу, руководил только соединениями 3-й и 13-й армий.

Подводя **итоги** за этот период боевых действий, хотелось бы отметить следующее.

Ставка ВГК, прежде всего Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин, как и в обстановке под Киевом, не уловила того предела, после которого дальнейшие попытки удерживать сохранившиеся участки фронта становились не только ненужными, но и опасными. Скорее всего, это было связано с недостатком информации об истинном положении войск фронтов. Все эти доклады о просочившихся мелких группах противника, о группах танков в 20—30 единиц и о планируемых контратаках и контрударах, за которыми зачастую ничего, кроме номеров дивизий и бригад, не было, только вводили в заблуждение. Ставка и Генштаб не сумели своевременно вскрыть замысел противника на окружение наших войск и принять меры по устранению этой угрозы. А командующие после своих обещаний поправить дело боялись настаивать на необходимости отвода войск на подготовленные рубежи в тылу. Момент, когда это еще можно было сделать максимально быстро, был упущен. За счет отхода можно было сократить протяженность фронта обороны, высвободить силы для усиления угрожаемых направлений и создания резервов. Начав отвод войск на двое или хотя бы на одни сутки раньше, возможно, удалось бы хотя бы временно удержать у Вязьмы коридор для их выхода из мешка. По крайней мере, хуже, чем получилось, не было бы — куда уж хуже?

Но Сталин, как и под Киевом, боялся, что отход может превратиться в бегство. И почва для таких опасений была: командующие фронтами и армиями, штабы не имели опыта организации планомерного отхода — их этому не учили. Все их помыслы были направлены только на то, чтобы выполнить требование — ни шагу назад! А отводить войска все равно пришлось. Но только в несравненно более тяжелых условиях. Задержка с принятием Ставкой трудного решения привела к пагубным последствиям.

Глава 5

В ОКРУЖЕНИИ

Дальнейшие планы фон Бока. Положение в районе Вязьмы ухудшается с каждым часом. Подготовленный оборонительный рубеж на Днестре пришлось оставить. Командование окруженными войсками поручено генералу Лукину. Командующим Западным фронтом назначен Г.К. Жуков. Ставка решает спасти Москву, сил для деблокады окруженных под Вязьмой войск нет. Войска Брянского фронта прорываются из окружения. Военный совет в Шутово: обороняться или прорываться?

Прорвать фронт русских сразу на трех направлениях удалось с неожиданной легкостью. На совещании в штабе группы армий «Центр» 7 октября 1941 г., в котором приняли участие Браухич и начальник оперативного отдела штаба сухопутных войск полковник генерального штаба А. Хойзингер, все находились под радостным впечатлением от достигнутых успехов и того факта, что захвачено большое количество трофеев и пленных. Поэтому обстановку в полосе группы армий «Центр» и последующие задачи войск участники совещания рассматривали с учетом только позитивных факторов, строя на этой основе свои далеко идущие планы. Начали, как всегда, справа налево, то есть с юга — на север.

2-я полевая армия должна была разгромить противника в северной части кольца окружения под Брянском. Задача танковой армии Гудериана, по мнению Браухича и фон Бока, состояла в том, чтобы, возможно скорее выдвинувшись к Туле, захватить переправы через Оку и затем продвигаться к Кашире и Серпухову. При этом Браухич обратил внимание присутствующих на пожелание Гитлера, который предлагал Гудериану овладеть Курском, а затем нанести удар на юге. Впрочем, окончательное решение о постановке этой задачи ожидалось в последующие дни.

Задача 4-й армии состояла в том, чтобы силами пехотных соединений и по возможности большим числом подвижных частей продвигаться до рубежа Калуга, Боровск и во взаимодействии с 9-й армией окончательно замкнуть кольцо окружения под Вязьмой. 9-я армия получила задачу вместе с частями 3-й танковой группы выйти на рубеж Гжатск, Сычевка, чтобы, во-первых, обеспечить окружение группировки под Вязьмой с севера и, во-вторых, сосредоточить силы для наступления в направлении на Калинин или Ржев.

В основе идеи о повороте 3-й танковой группы на север, высказанной ее новым командующим (с 7.10.1941 г.) генералом танковых войск Г.Г. Рейнгардтом, лежал план разгрома противника силами северного крыла 9-й армии совместно с южным крылом 16-й армии группы армий «Север» в районе Белый, Осташков. Этим планировалось нарушить сообщение между Москвой и Ленинградом. И хотя фон Бок выступал против этого плана, все высказанные на совещании соображения были оформлены в «Приказ на продолжение операции в направлении Москвы» от 7 октября 1941 г. Потом гитлеровские генералы сетовали, что как раз этих сил и не хватило в решающий момент под Москвой, когда новые русские оборонительные рубежи не были еще укреплены, а резервы большей частью находились еще на подходе. Так, бывший начальник штаба 4-й танковой группы генерал Шарль де Боло самоуверенно заявил, что уже к 5 октября были созданы прекрасные перспективы для наступления на Москву. И надо было бросить все соединения 4-й и 3-й танковых групп на Москву. А поскольку это не было сделано, то «московская битва была проиграна 7 октября».

В этот день Гальдер с удовлетворением записал в своем дневнике:

«7.10: Правый фланг 4-й армии, положение которого укрепилось в результате продвижения частей левого фланга 2-й армии, больше не встречает сколько-нибудь серьезного сопротивления противника. Этой группе (смежные фланги 4-й и 2-й армий) будет придан сильный подвижный отряд из состава резервного корпуса танковой группы Гепнера. Она должна наступать на Калугу. Сегодня танковая группа Гепнера соединилась с танковой группой Гота в районе Вязьмы. Это крупный успех, достигнутый в ходе 5-дневных боев. Теперь необходимо как можно скорее высвободить танковую группу

Гепнера для нанесения удара по юго-восточному участку московского оборонительного фронта, быстро перебросив к Вязьме пехотные соединения 4-й армии». И далее:

«8.10: Окружение группировки противника в районе Вязьмы завершено и обеспечено от ударов противника извне с целью деблокирования окруженных соединений. Правый фланг 4-й армии уже далеко продвинулся в направлении Калуги. 9-я армия, обеспечив себе сильный заслон с ржевского направления и с востока, по-видимому, окончательно устранила угрозу своему флангу и тылу.

<...> Противник попытается подтянуть к Москве еще кое-какие силы, в первую очередь с севера. Однако этих наспех собранных войск вряд ли будет достаточно для предотвращения сильной угрозы Москве, созданной нашими войсками, так что при более или менее правильном руководстве и сравнительно благоприятной погоде окружение Москвы должно удасться» [17].

Дальнейшие события добавили врагу еще больше оптимизма. Из сводки ОКХ за 7.10.1941. Группа армий «Центр»:

«Закрыто кольцо вокруг противника западнее Вязьмы. Окруженные силы противника — около 45 соединений, боевой силой 30 дивизий — должны быть уничтожены. Противник обороняется разрозненными боевыми группами. Несмотря на это, в ближайшие дни следует ожидать усиления давления по восточному фронту окружения с направлением главного удара по обе стороны Вязьмы <...>».

Командование группы армий «Центр» сделало вывод, что в распоряжении противника нет больше значительных сил, с помощью которых он мог бы противостоять дальнейшему продвижению группы армий «Центр» на Москву и тем более деблокировать извне свою окруженную группировку. И поэтому «можно и несколько рискнуть», и сразу начать преследование русских в направлении Москвы. Оно считало, что в этот раз все будет выглядеть иначе, чем под Минском и Смоленском, когда противнику удалось своевременно возвести новые оборонительные рубежи и задержать продвижение немецких войск. Для чего необходимо было как можно скорее высвободить подвижные соединения, прежде всего танковые, чтобы они могли участвовать в этом наступлении. И для такого вывода у командования группы армий «Центр», казалось, были все основания.

Оценка противника штабом группы армий за 7.10:

«Окруженные в районе Дорогобуж, Вязьма силы противника (части и соединения шести армий, около 38 стрелковых, четырех танковых дивизий и двух танковых бригад) полностью деморализованы и оказывают сопротивление только группами. В ближайшие дни следует ожидать сильное давление на восточный фронт кольца окружения. Прежде всего под Вязьмой и южнее. На обоих флангах группы армий противник начинает отступать. Перед 35-м армейским корпусом и 1-й кавалерийской дивизией он отступает на восток и северо-восток.

Основные усилия 2-го воздушного флота, как и в предыдущие дни, были направлены на непосредственную поддержку наступления группы армий перед острием наступающих клиньев, уничтожение полевых укреплений и артиллерийских позиций, скопления пехоты и танков, всякого рода колонн, движущихся в тыл, а также вражеских сил в районах окружения».

Уже 7 октября командование группы армий «Центр» отдало приказ о продолжении операции на московском направлении:

«1. Окруженные западнее Вязьмы армии противника находятся в стадии уничтожения. Весь фронт окружения продолжает против них наступление. Все части, которые могут быть высвобождены, должны немедленно приступить к преследованию избежавших окружения частей противника с тем, чтобы не дать ему возможности создать новый фронт обороны.

<...>3. 4-я и 9-я армии уничтожают окруженные в районе Дорогобуж, Вязьма армии противника, по возможности быстрее высвобождают моторизованные части для выполнения новых заданий, заменяя их пехотными частями»¹.

Командующий 4-й армией 7.10 отдал приказ о скорейшем взятии силами дивизии СС «Рейх» Гжатска. Ранее она нацеливалась в направлении Вязьмы (см. схему 12), но отвлечение даже части ее сил на котел в создавшейся благоприятной обстановке было признано нецелесообразным. Одновременно фон Клюге принял решение о сосредоточении в районе Юхново резервного 57-го мк (20-й танковой, 3-й моторизованной дивизий и предположительно 19-й тд) для дальнейшего прыжка на Медынь. Разведку этого направления было приказано начать немедленно.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 114. Л. 61—64.

Принятые решения базировались на недооценке возможностей окруженных советских войск по оказанию дальнейшего сопротивления. И осторожный фон Бок на всякий случай обращает внимание командующих армиями, что замена подвижных соединений 4-й и 9-й армий пехотными и выполнение поставленных задач на преследование противника не должны привести к слишком большому ослаблению сил в районе западнее Вязьмы. Позднее в отчете о боевых действиях 3-й танковой группы было хвастливо заявлено, что «5-й армейский корпус быстро выдвинулся вперед и на ряде участков сменил дивизии 56-го мк. Эта смена произошла особенно быстро и четко, все части были хорошо натренированы к этой операции, имея опыт в ряде боев на окружении в ходе компании на востоке» [48]. На самом деле, как свидетельствуют немецкие документы, смена подвижных соединений пехотой растянулась на несколько суток.

К исходу 8 октября протяженность внутреннего фронта окружения западнее Вязьмы составляла не менее 320—350 км. Его удерживали 24 дивизии противника (положение соединений противника показано на схеме 8). Шесть танковых дивизий (6, 7, 10, 2, 11 и 5-я), развернутых на фронте 80 км, были задействованы на восточной стороне кольца — там, где ожидались наиболее вероятные попытки русских осуществить прорыв. Еще 4 дивизии были задействованы на ликвидации более мелких котлов¹.

Положение войск Западного фронта севернее железной дороги Смоленск — Москва. Ставка упустила возможность своевременного отвода войск Западного и Резервного фронтов на подготовленный Ржевско-Вяземский рубеж. К тому же в Москве, озабоченной падением Орла и прорывом противника к Юхнову, недооценили значение двух небольших плацдармов, захваченных противником на восточном берегу Днепра. Но тут сразу возникает вопрос: а знали ли в Генштабе и Ставке о них, а если знали, то когда это стало известно? Но в любом случае, взаимодействие войск Западного и Резервного фронтов на направлении прорыва танкового клина Гота не было организовано. Опоздали и с переподчинением войск 31-й и 32-й армий Западному фронту. Возможно, для подоб-

¹ Отчетная карта ОКХ (Lage Ost) за 8.10.41 (ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12484. Д. 109).

ных упреков в адрес высшего военного руководства нет оснований? Но мы можем судить об этом лишь по тем немногим документам Ставки, с которыми компетентные органы соизволили ознакомить общественность, а также по действиям войск и их результатам. Поэтому считаю себя вправе на их основании выдвигать свою версию развития обстановки и причины, по которым произошли (или не произошли) те или иные события.

К исходу 7 октября в Ставке поняли, что в связи с быстрым продвижением противника в тыл Западного фронта и захватом Вязьмы приказ на занятие Ржевско-Вяземского рубежа уже не соответствовал обстановке и что необходимо как можно быстрее отводить войска на частично оборудованный рубеж Можайской линии обороны. Туда предполагалось направлять все наличные резервы и все соединения, избежавшие окружения. В качестве первой меры четырем стрелковым дивизиям Западного фронта было приказано занять позиции на Можайской линии обороны и создать там необходимый заслон. Ставка начала формировать новую 5-ю армию под командованием Лелюшенко из частей резерва Ставки и войск, которые уже были на Можайской линии. Она также создала Московский Резервный фронт под командованием генерал-лейтенанта П.А. Артемьева, командующего Московским военным округом, назначив его управлять всеми силами на Можайской линии обороны. Одновременно были приняты меры по организации обороны на северном участке Ржевско-Вяземского рубежа.

На правом крыле фронта части и соединения 22-й армии (256, 133, 174 и 186-я сд) в течение 9.10, прикрываясь арьергардами, продолжали выход на заранее подготовленный оборонительный рубеж Осташков, Селижарово, Каменица, Плеханово. Точных сведений о их местонахождении не было (как только начиналось движение войск или штабов, связь пропадала. — Л.Л.). В районе Селижарово 110-я сд готовилась к погрузке в ночь на 10.10 для переброски на Можайскую линию обороны. На фронте армии противник в течение дня ограничивался ведением разведки. 119-я сд 29-й армии также готовилась к переброске автотранспортом в район Гжатска. Положение других частей армии вследствие отсутствия связи установлено не было¹.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 82. Л. 162—166 (оперсводка № 209 штаба фронта на 20.00 9.10.1941 г.).

На участке Воробьи, Булашово Ржевско-Вяземского рубежа пытались закрепиться вырвавшиеся из окружения остатки 30-й армии. Но к этому времени противнику удалось прорвать оборону наших войск севернее Булашово. Остатки 250-й и 242-й стрелковых дивизий были переданы в 31-ю армию, а полевое управление 30-й армии выведено в резерв. Видимо, командующий 31-й армией генерал-майор В.Н. Долматов (управление 31-й армии находилось в г. Ржев) получил задачу организовать оборону на второй полосе, проходящей восточнее линии Ржев, Сычевки. Ее 247-я стрелковая дивизия занимала оборону в районе Сычевки, имея два полка в районе города, один полк прикрывал подступы к ней с юго-запада.

Этих сил было недостаточно, чтобы не допустить продвижения противника в северном направлении, стремящегося после захвата Вязьмы свернуть оборону советских войск на подготовленном оборонительном рубеже. Чтобы покончить с неразберихой, возникшей при отходе, в 8.10 8 октября Долматов приказал командиру 247-й сд собирать все части, отошедшие в район Сычевки и севернее. Он потребовал: всем командирам соединений и частей, вышедших в полосу обороны 31-й армии в границах р. Обща, Холм-Жирковский, немедленно выслать офицеров связи в Сычевку. И при этом предупредил, что командиры частей, отошедших дальше оборонительных сооружений по линии Сычевки, не донесшие о своем местоположении, будут отданы под суд военного трибунала 31-й армии¹.

Сил набралось не так уж много. К 9 октября остатки 250-й сд в количестве около 500 человек, вышедшие в район Оленино (50 км западнее Ржева), планировалось по железной дороге перебросить в район Сычевки. Другая часть этой дивизии (450—500 человек) и остатки 242-й сосредоточились в районе Гусево. Остатки 251-й сд (до 500 человек), собранные в районе Алексанровки (16 км северо-западнее Сычевки), тоже должны были выйти в ночь на 10.10 в район Сычевки. 107-я мсд 30-й армии продолжала вести бой в окружении в районе Скорино (13 км юго-восточнее Белый), готовясь к прорыву в восточном направлении. Остатки 162-й сд сосредоточились в районе Баркова (20 км северо-западнее Ржева).

¹ ЦАМО РФ. Ф. 386. Оп. 8583. Д. 9. Л. 26, 27.

Командующий 19-й армией
генерал-лейтенант М.Ф. Лукин

Член Военного совета 19-й
армии И.Л. Шекланов

С началом отхода войска, находившиеся в полуокружении, были практически лишены централизованного управления. В связи со стремительными действиями противника и частыми перерывами связи командующие фронтами, перемещавшиеся в новые районы, и Ставка не знали оперативной обстановки и постоянно запаздывали с принятием решений и постановкой соответствующих задач войскам. Поэтому «вверху» решили, что командование окруженными западнее Вязьмы войсками целесообразно поручить одному из командующих армиями. Такое решение объединить все войска в Районе Вязьмы под единым командованием было единственным правильным. Хотя было бы лучше, если бы окруженные войска возглавил один из руководителей фронта, например заместитель командующего Западным фронтом Болдин. Это был бы естественный и понятный всем шаг. Но выбор Конева пал на генерала Лукина.

Фигура генерала Лукина была достаточно авторитетна среди других командующих армиями. При этом, несомненно, учитывался его опыт ведения боев в окружении под Смоленском и относительно удачный выход из него. Напомним, что

Член Военного совета 19-й
армии В.Г. Ванеев

Лукин успешно осуществил отвод своих войск к Днепру и лично руководил переправой, пока остатки его армии не перешли на восточный берег реки. Видимо, именно поэтому генерал-лейтенанту Лукину было поручено объединить действия всех окруженных западнее Вязьмы войск, чтобы, организованно отражая натиск врага, пробиваться на восток в направлении либо Сычевки, либо Гжатска.

Однако Лукин куда-то пропал и в течение 7 октября на связь с командующим Западным фронтом так и не вышел.

Как выяснилось позднее, в 12.00 7.10 в районе Ломы (28 км северо-западнее Вязьмы) штаб армии подвергся нападению мотомехчастей противника. Комендант штаба майор Андреев быстро организовал оборону силами батальона охраны штаба, роты особого отдела и связистов армейского полка связи. Отнемцев удалось отбиться. Здесь в стычке с немцами погиб командир полка связи полковник Базилевич-Белый, пропали без вести член Военного совета армии И.Л. Шекланов и начальник политотдела армии Шустин (позднее выяснилось, что они оба погибли).

Генерал-полковник Конев, связавшись по радио с командующим 32-й армией генерал-майором С.В. Вишневым, отдал ему указания по выходу из окружения:

«т. Вишневскому.

1) Берите управление всеми частями, отходящими на р. Днепр 19 А, остатков 30 А и, если окажутся части 20 А, 24 А немедленно (слово зачеркнуто. — Л.Л.) при условии, что они утратили связь со своим командованием — сегодня ночью выйти на рубеж Ново-Дугинская, Вязьма и если по обстановке

создастся угроза обхода противником с севера, отходить на Ново-Дугинскую, Холм, Туманов, Вешки ([карта] 500 000), где перейти к прочной обороне.

2) Сохраняйте всю технику, особенно артиллерию, и выводите ее в первую очередь. Тяжелую артиллерию сразу выводите на рубеж Гжатск. Морскую артиллерию, установленную на обороняемом рубеже — подорвать. Персонально Вам, т. Вишневский, члену Военного совета т. Иванову возлагается вся ответственность за выполнение этого приказа.

3) В районе Вязьма обороняются части 73 и 50 сд, которые обеспечат ваш выход. Туда же, по нашим сведениям, подходит 38 сд.

4) Пошлите делегатов навстречу частям 20А, которая должна отходить вдоль автостреды. Южнее выходят и войска 24 А.

5) Действуйте компактным кулаком, собирайте разрозненные группы в единые кулаки, прошибайте мелкие группы противника решительно, не ввязываясь ни в коем случае в бои с главной группировкой противника, наступающей из района Холм-Жирковский в юго-восточном направлении, прикрывайтесь от нее небольшими заслонами. Учтите, что противник накапливает силы и усиливается, поэтому смело отрывайтесь от него.

6) Направление отхода берите в полосе ст. Касня, Вязьма.

7) Весь отход группировки всех армий прикрывайте одной 2 сд, которая отходит последней.

Передано в 17.20 8.10»¹.

Судя по тексту распоряжения, в штабе Западного фронта плохо знали общую обстановку в районе Вязьмы. Главное — там не знали положения ни своих войск, ни противника. В этом мы убедимся далее. Командующий 32-й армией генерал Вишневский, исходя из сложившейся обстановки, отдал приказ о подчинении себе всех частей, действующих на восточном берегу р. Днепр на участке устье р. Вязьма — Дорогобуж. В соответствии с указаниями командующего фронтом он решил отводить войска с р. Днепр на Можайскую линию обороны.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 251 л. Д. 1029. Л. 31, 32.

В 2.20 8.10 Вишневский донес в штаб Западного фронта:

«1. **На основе ваших указаний, переданных для командующего 19 армией** (выделено мною. — Л.Л.), отвожу войска с рубежа р. Днепр, объединяя все части 19 и 32 армий.

3. Сегодня же подчиняю все части себе и отдаю приказ на отход.

4. Решаю отходить в полосе справа ст. Сычевка, Холм-Жирковский, слева — Гжатск, Вязьма, Издешково.

Из имеющихся подвижных средств создаю ударные кулаки на флангах, которыми буду прокладывать дорогу.

Артиллерию тяжелых калибров буду вести по автостраде и грейдированным путям.

Выход начну с 16.00 8.10.41 г., т.к. ранее этого срока не смогу взять твердо в руки управление всеми дивизиями и организовать отход.

Выбросить одну дивизию по автостраде в Можайск не смогу — нет транспорта, но приложу все усилия к сбору транспортных средств — выполнению задачи.

Прошу:

1) Подтвердить мне Ваш приказ на отход ввиду его исключительной важности.

2) Дать перечень частей, которые должны выйти за Днепр.

3) Обеспечить бесперебойную связь самолетами.

4) Выслать данные для радиосвязи.

5) Указать общее направление отхода.

6) Ориентировать в общей обстановке.

7) Помочь — прикрыть авиацией.

Вишневский»¹.

Этот документ вряд ли нуждается в комментарии — все изложено предельно ясно и обоснованно. Обращает на себя внимание просьба командарма подтвердить приказ на отход — он не хочет оказаться крайним, оставив хорошо подготовленный к обороне рубеж.

Вишневский приказал 2-й стрелковой дивизии с приданными частями к 15.00 сосредоточиться в районе Третьяково, Зимница, Мал. Алферово и в 18.00 этого же числа выходить в

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1029. Л. 36, 37.

район Вязьмы, имея осью движения автостраду. Он приказал также взорвать все мосты и проходы в полосе дивизии и морские орудия, установленные стационарно на днепровском рубеже. В пункте 8 приказа командарм сообщил, что впереди 166-я сд располагается на рубеже Осташково, Вязьма (позже эти сведения не подтвердились. — Л.Л.).

Далее я буду ссылаться на документы, которые были вынесены из окружения лично командиром 2-й стрелковой дивизии генералом В.Р. Вашкевичем. Не только вынесены, но и сохранены, несмотря на строгий приказ по окончании войны — сдать все документы, в том числе и находящиеся на личном хранении: карты, дневники (ведение которых было запрещено соответствующим приказом), блокноты и записные книжки, касающиеся ведения боевых действий, для передачи их в архив. Владимир Романович совершил должностной проступок, но благодаря этому мы имеем теперь возможность проследить важные подробности попыток наших войск прорваться из окружения¹. Дело в том, что, как ни странно, фонда 2-й стрелковой дивизии (второго формирования), бывшей 2-й дивизии народного ополчения, в ЦАМО не существует.

Из воспоминаний командира 2-й стрелковой дивизии генерал-майора В. Р. Вашкевича:

«День 8 октября для 2-й дивизии народного ополчения был полон разноречивых приказов и распоряжений. Только части дивизии начинали выполнять один приказ, как следовал другой, с иной, противоположной задачей.

В 5 часов утра 8 октября штаб дивизии получил приказ командующего войсками 32-й армии (оригинал приказа командующего 32-й армией на отход 2-й сд публикуется в Приложении 11. — Л.Л.), отданный в 2 часа 20 минут 8 октября 1941 г.

Приказ гласил:

«Исходя из сложившейся общей обстановки и указаний командующего фронтом, я подчиняю себе все части, действующие на восточном берегу р. Днепр на участке устье р. Вязьма — Дорогобуж.

В соответствии с указаниями фронта решаю отводить войска с рубежа р. Днепр на Можайскую линию обороны.

¹ Документы из личного архива генерала В.Р. Вашкевича приводятся автором с разрешения его сына, полковника в отставке Вашкевича Г.В.

2 сд с приданными частями сосредоточивается в районе Третьяково, Зимница, Мал. Алферово к 15.00 8.10.41 и в 18.00 этого же числа начинает выход в направлении на Вязьму, имея осью движения Смоленскую автостраду...»¹

Вашкевич продолжает:

«До Района сбора подразделениям дивизии предстояло пройти 25—30 километров, а потом идти на Вязьму, до которой оставалось еще 25—30 километров. Если учесть, что этот марш должен был совершаться в предвидении встречного боя и требовал самой тщательной организации, задача оказывалась трудновыполнимой. Но приказ есть приказ. И части дивизии приступили к его выполнению. Какие изменения происходили в командовании войсками — нас не информировали.

Вскоре мы получили записку командующего 19-й армией генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина:

«К-ру 2 див. Приказ командарма 32 об отходе не выполнять как ошибочный. Выполняйте мой приказ на оборону. Лукин, В. Ванеев. 8.10.41» (оригинал распоряжения, написанного на клочке бумаги, публикуется в Приложении 12).

Исполняя этот приказ, части дивизии, после небольших стычек с разведывательными и передовыми частями противника, вновь заняли свои позиции по реке Днепр» [60].

Лукин, не согласившись с решением Вишневого, отменил его приказ о немедленном отходе и подтвердил задачу 2-й стрелковой дивизии на оборону днепровского рубежа. Он действовал при этом на основании полученного ранее приказа Западного фронта об отходе и организации упорной обороны по восточному берегу р. Днепр. О решении Ставки об оставлении Ржевско-Вяземского рубежа на вяземском направлении он не знал. Много позднее генерал Лукин вспоминал, что он вышел на связь со штабом Западного фронта 7 октября. Но это противоречит его же донесению, приводимому ниже. Скорее всего, приказ Конева возглавить войска 19-й и 32-й армий и группы Болдина, оказавшиеся в окружении севернее автострады, он получил через штаб 32-й армии.

В 10.30 8 октября генерал Лукин, не имея связи с Коневым, доложил напрямую в Ставку о создавшейся обстановке после получения армией приказа на отход. Считаю целесообраз-

¹ Личный архив генерала Р.В. Вашкевича.

ным привести это довольно пространное донесение, из текста которого можно многое узнать и понять — не только, когда начался и как проходил отход, но и когда и в каком состоянии вышли на Днепр войска армии. К сожалению, донесение запоздало — адресаты получили его только 11 октября в 19.35:

«тов. СТАЛИНУ

тов. ШАПОШНИКОВУ

тов. КОНЕВУ

1) Приказ Западного фронта на выход 19-й армии зар. Днепр получен в 4 часа 6 октября с/г. **После этого связь с Западным фронтом утеряна, где находится штаб фронта, не знаю** (здесь и далее выделено мною. — Л.Л.). Для уточнения и установления фронта соседей выслал командиров штаба для розыска штабов 32 и 20 армий.

2) **В 10 часов 6 октября** с/г армия начала отход зар. Днепр с рубежар. Вопец и Воль. Отход совершен организованно **вне воздействия наземного противника**, под частичным воздействием авиации.

3) Во второй половине 7 октября армия закончила сосредоточение за р. Днепр **и приступила к занятию обороны** на участках: 166 сд — Хитрово, Мосолово. 2 сд занимала оборону на участке Мишутино, Микулино (8 км зап. ст Издешково).

Ввиду того, что противник прорвал оборону войск Резервного фронта и упредил части 19 армии в занятии обороны по р. Днепр, 91 и 214 сд не смогли занять данную им полосу обороны.

91 сд была выдвинута в район Шадоя (5 км севернее Богдановщина. — Л.Л.) для прикрытия с севера направления Михалево, Богдановщина.

114 сд сосредоточилась в лесах северо-восточнее Богдановщина.

244 сд сосредоточилась в районе Старое Село, Гридино.

4) 134, 89 сд, 45 кд, 127 тбр к исходу 7 октября с/г сосредоточились:

134 сд — Холм, Едино, Шубино

89 сд — Осташково, Трофимово, Митино

5) Части 32 армии занимали следующее положение:

а) остатки 140 сд двумя группами обороняли: правой группой БАРКОВО и лес западнее, левой группой — район ХИТРОВО.

б) остатки 248 и 140 сд общим числом до двухсот чел. опускались (так в тексте, то есть отходили на юг. — Л.Л.) в лес сев.-зап. ЛОМЫ. Мною приказано этой группе занять оборону в районе КЕЛИТА (правильно — ХМЕЛИТА в 32 км северо-западнее Вязьмы. — Л.Л.).

6) Мой КП в 6 часов был развернут в лесовост. ЛОМЫ. В 11 часов 8 октября с/г танки противника заняли ЛОМЫ и обстреляли КП пулеметным и орудийным огнем. Был вынужден перенести его в центр расположения войск лес западнее НИКУЛИНО.

7) 8 октября с/г продолжают обороняться 166 сд и 2 сд по рубежу р. Днепр на участке ХИТРОВО, ИВАННИКИ.

[Силами] 91 сд, 214 сд и 140 сд наношу удар в северном и северо-восточном направлении с целью нанесения поражения прорвавшимся частям пр-ка и обеспечить себя от угрозы, нависшей с севера.

127 тбр и 45 кд — с той же целью наступать ЛОМЫ.

8) Ударная сила в целом определяется в 500—600 активных штыков пехоты на каждую дивизию исключением второй сд и 244 сд. Общая численность до 10.000 каждая (указанная численность 244-й сд вызывает большие сомнения, в донесении от 9.10 отмечено, что дивизия сильно потрепана. 2-я сд насчитывала более 11 тыс. человек. — Л.Л.).

Артснарядов от половины до ... БК, продфуража 2—3 суток, горючего до 1,5 заправки.

Перспектива получения в дальнейшем, ввиду занятия противником ВЯЗЬМЫ, ЛОМЫ и его продвижения из района ЛОМЫ на ВЯЗЬМА, ограничена.

9) Прошу ориентировать общей обстановке фронте и дальнейших оперативных предназначениях армии, частности прошу указать, где группа Болдина.

Лукин, Ванеев, Малышкин
№ 2160/ш»¹.

Расположившийся в Ломы штаб 19-й армии был атакован подразделениями 114-го пехотного полка 6-й танковой дивизии противника, спешившими соединиться с 7-й танковой дивизией 56-го моторизованного корпуса. В ходе боя немцы за-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 7. Л. 114—116. Комбриг В.Ф. Малышкин — начальник штаба 19-й армии.

хватали 5 грузовых машин с минами и боеприпасами, взяли в плен 67 человек. В 14.30 этот полк силами двух батальонов возобновил наступление в направлении Павлово и к исходу 8 октября закрепился на подготовленном нами рубеже Ломы, Марьино, Павлово, Мартюхи фронтом на юго-запад. Западнее заняли оборону части 129-й пехотной, восточнее — 7-й танковой дивизии.

В этот же день 8 октября (в некоторых публикациях этот документ неправомерно датируется 9-м октября) Военный совет 19-й армии доложил в Ставку об обстановке и принятом решении:

«Связи с командующим Западным фронтом не имею. Командующий 32 А генерал-майор Вишневский, не имея со мной связи, отдал приказ о подчинении ему войск 19 армии, отошедших за Днепр, и о немедленном отходе на Можайскую линию обороны.

Не согласен. Прорвались незначительные силы пр-ка, которые можно уничтожить или остановить (здесь и далее выделено мною. — Л.Л.).

Приказ командующего 32-й армии отменяю. **В войсках произошел сумбур. Принимаю меры к наведению порядка.**

Сегодня организую наступление в северном и северо-восточном направлениях. Если наступление не удастся, отход начну в ночь на 9.10»¹.

Во время вынужденного отхода, и особенно при действиях войск в окружении, от командования требуется особая твердость и решительность в подчинении себе всех частей, независимо от их принадлежности. Нарушение четкой системы подчиненности, перемешивание потрепанных соединений разных армий и тут же скопление многочисленных частей и учреждений их тылов привели к нежелательным последствиям. Недаром Лукин в официальном донесении в Ставку употребил такое слово, как сумбур. Ведь отмененный приказ Вишневского касался не только 2-й стрелковой дивизии, его получили и другие соединения и части. Противоречащие друг другу приказы внесли страшную путаницу в управление войсками, так

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 82. Л. 309.

как некоторые дивизии, сначала готовившиеся перейти к обороне и затем получившие приказ на отход, теперь снова должны были вернуться и занять назначенные участки на Днестре.

Прежде всего, необходимо было немедленно восстановить управление окруженными войсками и управляемость разнородных частей и соединений, личный состав которых был подавлен неудачами и большими потерями. На моральном состоянии и боеспособности командного и рядового состава отрицательно сказывался и недостаток правдивой информации. У некоторых неустойчивых командиров стали проявляться шкурнические настроения, желание под любым предлогом уклониться от опасных заданий, сохранить любой ценой остатки своих частей и свою жизнь. И об этом говорил мне Михаил Федорович при встрече.

Участники боев под Вязьмой, в том числе ветераны 120-го гап, впоследствии вспоминали, что настроение было — хуже некуда. На исходе были боеприпасы, горючее и продовольствие. К этому надо добавить, что все медицинские пункты и госпитали были переполнены ранеными, медикаментов и перевязочных материалов оставалось совсем мало. Многие считали, что генералы их предали, бросив на произвол судьбы. Нужны были жесткие меры по наведению порядка и борьбе с трусами, паникерами и распространителями ложных слухов. Но, судя по всему, партийно-политический состав, военные прокуроры и работники военных трибуналов в этой сложной обстановке растерялись и не справились со своими задачами.

Дело осложнялось недостатком и даже отсутствием необходимых средств связи, которых не доставало даже для управления своей армией, а тут прибавилось еще три и группа Болдина. Попытка связаться с командующим 20-й армией генералом Ершаковым не удалась. Не было связи и с командующим 24-й армией генералом Ракутиным и опергруппой генерала Болдина. Очевидно, штабу фронта было легче наладить связь с подчиненными армиями и, отдавая Лукину приказ, дать хотя бы координаты армейских штабов и необходимые радиоданные. В этот момент, как никогда, нужна была поддержка извне — в любой форме. Но Конев сам потерял связь с армиями фронта, и все распоряжения передавались циркулярно во все штабы с расчетом на дальнейшую взаимную информацию между ними.

Подготовка к выходу из окружения. В течение 8 октября подчиненные Лукину части занимались приведением себя в порядок и перегруппировкой сил для выхода из окружения. Одновременно они пытались нащупать слабые места в обороне противника. Именно в этот день — 8 октября — немцы отметили, что «противник впервые вел разведку участка 7-й танковой дивизии с юго-запада». К сожалению, генерал Лукин жестоко ошибался в оценке противника. В районе Ломы на его КП наткнулись части 6-й танковой дивизии врага, следовавшие за 7-й танковой дивизией, которая уже замкнула кольцо окружения в районе автостреды совместно с 10-й танковой дивизией. Характерно, что, когда войска 19-й армии начали занимать оборону на Днепре, противник даже не попытался нанести им удар в спину. Немцы предпочли закрепиться на подготовленном нашими войсками оборонительном рубеже Ломы, Павлово, Спас, р. Бебря и подготовиться к отражению попыток русских прорваться на восток и северо-восток.

Междутем общая обстановка на московском направлении продолжала ухудшаться. Для обороны Москвы требовались войска, а их не было. В архиве сохранился документ, в котором командующий Западным фронтом в 17.45 8.10.1941 потребовал немедленно начать выход из окружения:

«Немедленно отходите. Повторяю — немедленно! Смело под прикрытием отрывайтесь от противника. Сохраняйте артиллерию и технику, выталкивая ее в первую очередь»¹.

Дошло ли это распоряжение до войск, установить не удалось. Вообще, на многих архивных документах нет отметок о получении донесений и распоряжений адресатами. Но, судя по поведению Лукина и колебаниям в руководстве окруженными войсками относительно дальнейших действий, это распоряжение не было получено. Там еще не в полной мере оценили всю опасность положения окруженных войск и, главное, необходимость их быстрого отвода на Можайскую линию.

Одновременно командование Западного фронта приняло попытку деблокировать войска, оказавшиеся в окружении западнее Вязьмы. 8.10 Конев поставил задачу 16-й армии — «решительным ударом по противнику, занявшему рай-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 82. Л. 309.

он Вязьмы, овладеть Вязьмой и содействовать выходу частей 19, 20 и 24-й армий на рубеж: 19-я армия — Сивальниха, Нов. Село (7 км севернее Вязьмы. — Л.Л.); 20-я армия — Шимоново, ст. Угрюмово»¹.

В дальнейшем 16-я армия должна была упорно оборонять участок Нов. Село, Вязьма, Шимоново, а 19-я и 20-я армии и группа Болдина, прикрывшись с запада, основными силами нанести удар севернее Вязьмы. Штаб фронта в это время находился в районе совхоза Красновидово, оперпункт — в Гжатске. Конев ставил задачу войскам 16-й армии, не зная, что в распоряжении Рокоссовского была только одна 50-я стрелковая дивизия (к тому же без одного полка) и он сам оказался в сложном положении, так как противник перерезал автомагистраль восточнее Вязьмы и вышел ему в тыл. Судя по всему, Рокоссовский не получил этого распоряжения. Подчиненные ему части и штаб, отходя на восток, при подходе к Гжатску подверглись нападению мотоциклистов и танков противника неуставленной численности. После короткого боя штаб и части 50-й стрелковой дивизии отошли к северу и к 7.00 11.10 переправились через р. Гжать. Дивизия и присоединившиеся к ней отходящие части различных соединений сосредоточились в районе Никольское (14 км северо-восточнее Гжатск), где продолжали вести бои с прорвавшимся противником.

Согласно донесению начальника обороны района Гжатск генерал-майора Щербакова (штаб в Столбово) противник, по состоянию на 8.00 9.10, превосходящими силами пехоты с танками с утра вел наступление с юга на Гжатск. Подчиненные ему части, недостаточно обеспеченные боеприпасами, с упорными боями отходили на юго-восточную окраину г. Гжатск. В боях сбито 3 немецких самолета, взято в плен 2 человека, подбито 3 танка противника. По немецким данным, Гжатск был захвачен 9 октября передовым отрядом дивизии СС «Рейх» в составе 10 танков с пехотной ротой почти без боя.

Работником политуправления Западного фронта и командирами из Гжатского гарнизона были задержаны 4 орудия 744-й сп (видимо, 149-й сд) и машина со снарядами, которые были направлены им в район огневых позиций. Но по пути туда начальник артиллерии 43-й армии генерал-майор пере-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 82. Л. 36.

хватил их и направил в тыл, сказав: «Пусть Западный фронт ищет свою артиллерию, а артиллерию 43-й армии не трогают». Работник политуправления фронта пытался еще раз переубедить генерала, но тот грубо оборвал его и заявил: «Идите, проводите занятия с красноармейцами<...>. И вообще, если бы таких уполномоченных больше расстреливали, толку было бы больше»¹.

В 12.45 9.10 Конев повторно потребовал:

«Лукину, Ершакову, Вишневскому.

Необходимо Вам понять, что каждый час промедления выходом армий грозит катастрофой, потерей Ваших армий. Выход Ваш нужен для защиты Москвы. На Вас лежит огромная ответственность.

Приказываем: развить темпы по выходу не менее 70 км в сутки, идти день и ночь. Ведите разведку, устанавливайте слабые места»².

В этот же день, 9.10.1941 г., Военный совет Западного фронта, докладывая в 15.50 в Ставку о мерах, предпринимаемых для прикрытия направления Гжатск, Можайск, на вопрос Сталина о Лукине ответил, что они «внесли предложения по выходу 19 А». А что еще они могли сделать, кроме как вносить предложения и отдавать запоздалые распоряжения отходить с темпом 70 км в сутки? Для этого надо было сначала прорвать плотное кольцо окружения. Попытка оказать помощь окруженным войскам путем нанесения удара извне силами 16-й армии не состоялась, а других сил в это время в районе Вязьмы в распоряжении Западного фронта не было.

Возможно, командующий 31-й армией получал распоряжения по оказанию помощи окруженным, но ее войска были скованы боем с противником, наступающим и с запада, и с юга. Хотя есть сведения, что какие-то разрозненные попытки предпринимались. Севернее Вязьмы остатки 248-й стрелковой дивизии на 8 октября занимали оборону у Копориха на р. Вазуза, прикрывая Новодугино. По некоторым данным, дивизия пыталась помочь 19-й армии ударом извне кольца. Но немцы были готовы к такому развитию обстановки, и атака

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 17. Л. 76.

² Там же. Оп. 2513. Д. 83. Л. 317.

была отбита. В 9.10 10 октября противник мотоколонной силой до полка овладел ст. Новодугинская. В этот район были направлены два батальона 909-го сп 247-й стрелковой дивизии с тремя орудиями полковой артиллерии и четырьмя 45-мм орудиями с задачей овладеть Новодугинская и не допустить распространения мелких групп противника Сычевка, Гжатск¹. Ну что можно было сделать этими ограниченными силами? 247-я сд при отходе на восток сама попала в окружение. По решению командира дивизии тяжелое вооружение и матчасть были выведены из строя, личный состав, разбившись на небольшие группы, стал пробиваться к своим. Одна из групп численностью 681 человек вышла из окружения почему-то под командой генерала К.А. Коваленко. Видимо, командир дивизии К. Сверчевский вышел с другой группой.

Конев в своей статье утверждает:

«Принимая решение на выход из окружения, мы ставили задачу ударными группировками армий прорвать фронт противника в направлении Гжатска, севернее и южнее шоссе Вязьма — Москва, не соединяя армий в одну группировку, и не назначили сплошного участка прорыва. Нашей целью было не позволить врагу сужать кольцо окружения и, имея обширную территорию, маневрировать силами, сдерживать активной борьбой превосходящие силы противника» [43]. Далее Иван Степанович отмечает, что борьба в окружении — сложная форма боя, и выражает сожаление о том, что войска не готовились к этому виду боевых действий перед войной! То же самое он говорил и про отход — комиссии ГКО. К сожалению, ясного представления о силах и характере обороны противника, перекрывшего кратчайший путь на Гжатск, ни у Лукина, ни у Конева, ни в Генштабе не было. На направлении, указанном Коневым для прорыва из окружения, немцы построили наиболее плотную оборону. На схемах 19 и 20 показана группировка противника севернее Вязьмы.

Кроме всего прочего, надо учитывать, что в связи с прорывом противника в оперативную глубину условия для действий нашей авиации чрезвычайно ухудшились. Противник придавал большое значение захвату аэродромов нашей авиации.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 386. Оп. 8583. Д. 63. Л. 37 об. — 78.

Началось массовое перебазирование авиачастей с передовых аэродромов, причем не всегда организованное. Так, при взлете с аэродрома Климово два бомбардировщика СБ, в которых, кроме летчиков, находились механики и инженеры, столкнулись в воздухе на высоте около ста метров. При внезапном выходе даже небольших сил противника к аэродромам эвакуировать боевые самолеты, имевшие незначительные повреждения, не успевали, и их приходилось уничтожать. Иногда летчики, возвращавшиеся с боевого задания, не могли приземлиться на своих аэродромах, уже захваченных немцами. Так, при посадке на аэродром Мигалово заместитель командира 180-го иап капитан И.М. Хлусович вовремя заметил немцев. Он успел завести мотор и взлетел буквально перед носом опешивших гитлеровцев. Но командир полка капитан А.П. Сергеев был схвачен ими и зверски убит. Кроме того, аэродромы, куда перелетали самолеты, не всегда были готовы для их приема, не имели запасов бомб и ГСМ [35].

Все это привело к тому, что количество боевых самолетов на московском направлении значительно уменьшилось. К 10 октября в составе ВВС Западного фронта осталось менее 200 самолетов, а на Резервном фронте — всего 28 боеспособных машин. Соответственно снизилось и число самолето-вылетов на поддержку наземных войск. «В течение 9 октября ВВС Западного фронта произвели всего 39 самолето-вылетов, из них: 20 — в целях разведки, 11 — на прикрытие своих войск в районе Гжатска, 6 — на бомбометание по танкам противника южнее Гжатск (из них 3 вернулись, не выполнив задания из-за плохой погоды), 2 самолета были использованы на доставку выпелов 19-й и 20-й армиям. При этом не вернулись на свои аэродромы 5 самолетов И-16 (из них 3 — с разведки, 2 — с задания на доставку выпелов)»¹.

Впрочем, активность частей 2-го воздушного флота врага также снизилась. Если 6 октября немецкая авиация провела 1030 самолето-вылетов, 8-го — 559, то 9 октября только — 269. Причина, несомненно, заключалась в значительных потерях в самолетах. Но гитлеровцы предпочли объяснять это наступлением осенней непогоды. Мол, начиная с 6 октября на южном участке группы войск, а с 7 и 8 октября и на остальных

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 82. Л. 166.

ее участках пошли осенние дожди, а затем и снег. Поэтому, начиная с 8 октября были существенно ограничены действия поддерживающей авиации, так как опасность обледенения, плохая видимость и снежная метель, с одной стороны, и плохое состояние взлетно-посадочных полос — с другой, не позволяли поддерживать на прежнем уровне авиационное обеспечение операции.

Ставка приняла меры по наращиванию сил авиации за счет перебазирования частей из глубокого тыла страны, с других театров военных действий. Авиации Западного фронта, подчиненной теперь напрямую командованию ВВС Красной Армии, дополнительно выделяются четыре новых авиаполка: один штурмовой, два полка истребителей МиГ-2 с РС-ами и один полк Пе-2. Организуются массированные удары по колоннам противника, наступающим в полосе фронта. Примечательно, что большинство боевых вылетов в октябре 41-го советские штурмовики выполнили в крайне неблагоприятных погодных условиях. Требование поднимать самолеты независимо от погодных условий было характерным для всех приказов этого периода. Бои в воздухе в этот период отличались исключительным упорством. Достаточно эффективными оказались и налеты дальних бомбардировщиков на аэродромы Смоленского аэроузла.

К сожалению, пилотам вновь прибывших частей не давали времени на ознакомление с районом боевых действий. К тому же они не имели боевого опыта и поэтому несли большие потери. Особенно при налетах на неразведанные цели и при повторных вылетах, поскольку летчики не меняли курс, скорость и высоту, чем облегчали работу зенитчиков врага. Опыт давался большой кровью. В ходе боев вырабатывалась тактика действий комбинированных групп, когда часть истребителей атаковала зенитные средства, а штурмовики под прикрытием остальных наносили удары по намеченным целям. 9 октября звено Ил-2 (ведущий л-т Г.М. Мошинец) 74-го шап 6-й РАГ нанесло чувствительные потери немецкой моторизованной колонне на дороге Орел — Мценск, выведя из строя около 15 бронемашин и 3 бензоцистерны. 12 октября экипажи 243-го шап 77-й сад в сложных метеоусловиях (облачность 10 баллов, дымка, туман, видимость 100—400 м) выполнили 18 са-

Результаты прямого попадания РС-82
в надмоторную часть немецкого танка Т-III

молето-вылетов на уничтожение мотомехвойск и переправы противника через р. Угра в районе Товарково и Плетнево и на дорогах на Синявино, Боровок. В результате атак сожжено 10 автомашин с грузами и выведено из строя до 25 бронемашин. В воздушном бою ст. политрук Дяченко сбил один Вф109. Из боевого задания не вернулось 3 Ил-2. [35]

Отход с рубежа реки Днепр. Генерал Лукин, разобравшись в обстановке, принял решение и поставил задачи соединениям на выход из окружения и отвод частей 2-й стрелковой дивизии на р. Вязьма для прикрытия окруженной группировки с запада. Приказ на отход командиру дивизии был вручен офицером штаба 19-й армии в 17.50 8.10:

«Комдиву 2-й с. д. Боевое приказание № 073 КП командарма, лес, 1,5 км зап. Никулино, 8.10.41 г. 15.15, карта 100 000.

Пр-ник занял Вязьму. Его передовые части, двигаясь с запада, заняли Холм, Богородицкое.

19 А, прикрываясь с севера и северо-запада, отходит на Можайский укрепленный район.

Приказываю, оставив части прикрытия на р. Днепр, в 19.00 8.10 начать отход на новый оборонительный рубеж по реке Вязьме на участке Борково, Артемово, который занять к

утру 9.10. В своем резерве иметь не менее 1 полка за левым флангом.

Справа 91 с. д. к исходу дня 8.10 должна занять Зюньково, Бараново. Слева части 20 А занимают рубеж обороны Пролетарская, Семлево»¹ (оригинал боевого распоряжения публикуется в Приложении 13).

По решению командира 2-й стрелковой дивизии на Днепре в качестве подразделений прикрытия были оставлены четыре усиленные роты (по две от 1282-го и 1284-го стрелковых полков). В их задачу входило не допустить разминирования противником наших минных полей, а также переправу его разведки на левый берег Днепра. Генералу Вашкевичу было предоставлено право самому определить время и порядок отхода частей и подразделений прикрытия, оставленных на р. Днепр. Таким образом, чтобы разобраться в обстановке и принять решение на отход с Днепра, было затрачено 13 часов.

Вспоминает В.Р. Вашкевич:

«2-я дивизия народного ополчения сразу же после получения боевого распоряжения приступила к его выполнению. К тому времени крупные пехотные части противника заняли обширную долину реки Вержи, железнодорожную станцию Дорогобуж и город Сафоново. Требовалось задержать противника на этом рубеже хотя бы до утра 9 октября, чтобы успеть отойти на реку Вязьму и занять там оборону. Поэтому еще засветло 8 октября вся артиллерия дивизии открыла массированный огонь по скоплениям неприятельской пехоты, который продолжался до рассвета 9 октября, когда были подорваны морские орудия. Враг понес серьезные потери и до утра 10 октября оставался западнее Днепра» [60].

Начальник артиллерии 2-й стрелковой дивизии полковник А.С. Перхуров приказал открыть огонь всем морским батареям. Первым в батарее старшего лейтенанта А.А. Москвина произвело выстрел 130-мм орудие лейтенанта С.Т. Капустина, замаскированное под отдельный сарай у окраины д. Гординово, неподалеку от днепровского берега. Затем интенсивный огонь открыли все батареи дивизиона. В течение 8 октября за 10 часов почти непрерывной стрельбы артиллеристы 200-го отдельного артдивизиона израсходовали свыше 5 ты-

¹ Личный архив генерала В.Р. Вашкевича.

сяч снарядов, нанеся противнику значительный урон. Огонь корректировал командир дивизиона, с наблюдательного пункта которого были хорошо видны подходившие вражеские колонны, грузовики с пехотой, батареи на конной тяге. Командир 152-мм батареи на механической тяге старший лейтенант Г.Д. Фокин (впоследствии полковник в отставке), выдвинувшись для лучшего наблюдения на самый берег Днепра, по телефону давал целеуказание, выбирая наиболее важные цели.

Перед наступлением темноты на КП дивизиона сообщили о прибытии на станцию Дорогобуж вражеского эшелона с живой силой и техникой. Данные для стрельбы по этой удаленной цели были подготовлены заблаговременно. По станции немедленно открыли огонь четыре батареи, израсходовав свыше 100 снарядов. Стрельба в течение 8 октября велась почти непрерывно и продолжалась до 24 часов. Всего было израсходовано свыше 5 тыс. снарядов 152-мм и 130-мм калибров. Подходившие к Днепру части 8-го армейского корпуса врага в полной мере испытали на себе огонь мощных дальнобойных орудий моряков. В немецких документах зафиксирован огонь артиллерии крупных калибров русских даже по рубежу р. Вепец. В ночь на 9 октября материальная часть орудий, подземные укрытия, наблюдательные пункты и оборонительные сооружения в соответствии с приказом командующего 19-й армией были полностью выведены из строя. Моряки, расстреляв все снаряды, плакали, взрывая свои орудия. Совместно с частями 2-й стрелковой дивизии отряд моряков начал отход на Вязьму [38].

Забегаая вперед, заметим, что такая же примерно участь постигла, к сожалению, и батареи 199-го отдельного артиллерийского дивизиона. С подходом противника к оборонительному рубежу в районе станции Оленино они вели огонь по противнику в течение 11 и 12 октября. Здесь, за предпольем глубиной 12 километров, был создан укрепрайон глубиной 14—15 километров. Были построены железобетонные ДОТы, ДЗОТы, огневые позиции артиллерии и минометов, стационарные наблюдательные и командные пункты, склады вооружения и боеприпасов, подземные бетонированные медпункты. Но в результате выхода противника в тыл пришлось оставить и эти мощные, по всем канонам военно-инженерной и научной мысли созданные укрепления.

В 15 часов 30 минут 12 октября поступил приказ командующего 29-й армией уничтожить орудия и другие важные объекты и отходить к Ржеву. Командир дивизиона решил нанести противнику как можно больший урон. Когда стемнело, батареи открыли огонь по заранее пристрелянным перекресткам дорог, железнодорожным станциям и замеченным в светлое время скоплениям войск противника. Так был израсходован весь боезапас. И только тогда орудия были взорваны, а личный состав батарей начал отходить в направлении Ржева, в район намеченной встречи с соседней 178-й стрелковой дивизией. Раненых и оружие несли с собой. Однако Ржев и все переправы через Волгу в том районе уже были заняты крупными силами врага. Моряки и мелкие группы сухопутных войск пробились к Волге севернее и переправились через нее вплавь. Отряд моряков-артиллеристов после многих боевых столкновений и боев перешел линию фронта в районе Торжка. Капитан А. Д. Малинин личный состав своей батареи вывел в расположение наших войск через Волоколамск. Личный состав дивизиона сразу же был отозван в Москву.

Таким образом, укрепленные рубежи протяженностью в сотни километров, на создание которых было затрачено столько сил и средств соединений резервных армий, строительных частей и мобилизованного населения, не сыграли той роли, которая им отводилась. Немцы, прорвав сначала первую полосу Ржевско-Вяземского рубежа, а затем и вторую, стали наступать на Сычевку и Ржев, обходя укрепления с востока. За исключением некоторых участков, укрепления пришлось оставить без боя. Зато немцы в 1942 г. умело использовали наши долговременные сооружения, когда войска 39-й армии Калининского фронта наступали на Сычевку с запада.

Противник, заинтересованный в скорейшей ликвидации котла под Вязьмой, предпринял наступление на него с юга. Робкие и неорганизованные попытки русских вырваться из окружения показывали, что централизованное управление ими нарушено. Поэтому фон Бок считал, что у него теперь хватит сил, чтобы решить одновременно обе задачи — покончить с противником в котлах и продолжить преследование соединений русских, избежавших окружения. Это был серьезный просчет в планах противника, в которых совершенно не учи-

тивалось все более усиливающееся сопротивление русских — они вовсе не желали капитулировать. На 8 октября командование группой армий «Центр» запланировало, «блокируя без промежутков линию Вязьма — Никольское — Воропоново фронтом на запад силами 4-й танковой группы, быстрым ударом 7, 20 и 9-го армейских корпусов в сторону автостреды Смоленск — Вязьма, во взаимодействии с 9-й армией уничтожить окруженного противника». При этом обращалось внимание на то, чтобы при сжимании котла не допускалось никаких разрывов в кольце окружения. Продвижение этих корпусов должно осуществляться только при их тесном взаимодействии. Это особенно важно ночью¹.

8 октября противник силами 13, 12 и 57-го армейских корпусов продолжал наступать в восточном направлении. 10-я и 2-я танковые дивизии, как и прежде, находились на рубежах охранения, прикрывая войска 4-й армии с запада и юго-запада. Корпуса южной группы 9 октября вышли к рекам Угра (захватив на ней плацдарм) и Изверь, продолжая сжимать котел с южной стороны. В полосе 23-й пд были отбиты ожесточенные попытки противника вырваться из «котла» в юго-восточном направлении. В этот день был занят Гжатск.

9 октября штаб 8-го армейского корпуса с удовлетворением доложил:

«В результате нажима соседней армии (4-й полевой армии. — Л.Л.), которая восточнее Днепра достигла автостреды, удалось преодолеть слабое и несогласованное сопротивление противника и прорвать оборонительную полосу. Вечером перешли реку и приступили к постройке мостов. На восточном участке фронта соприкосновения с противником нет».

Гитлеровцы не упускали случая подчеркнуть свои успехи по прорыву оборонительного рубежа. Но это им удалось, потому что соединения 19-й и 32-й армий, оборонявшиеся на Днепре, по приказу командования отошли в назначенные районы. Отход войск был проведен в основном организованно. Хотя пришлось преодолевать образовавшиеся пробки на проселочных дорогах, чтобы в первую очередь пропустить артиллерию и автотранспорт, а потом всех остальных.

¹ NARA. T312, R150, F7689780.

Генерал Вашкевич, отметив, что при этом, к сожалению, не обошлось без эксцессов, продолжает:

«Ночь с 8 на 9 октября и всю первую половину дня 9 октября шел назойливый осенний дождь. Дороги раскисли, автомашины с трудом вылезали из грязи. К 9—10 часам утра 9 октября дивизия вышла на реку Вязьму и заняла оборону на построенных ею еще в августе позициях. Никаких частей 20-й армии левее не оказалась. Дивизии пришлось удлинить свой левый фланг на 5 километров к югу от автомагистрали. Здесь части дивизии вошли в боевое соприкосновение с противником».

Вашкевич не уточняет, о каких позициях идет речь. Ведь личный состав дивизии участвовал в работах по возведению укреплений на р. Вязьма и на р. Бебря. Между тем на немецких картах, которые использовали немцы, четко просматриваются подготовленные позиции, выявленные благодаря аэрофотосъемке (схема 17). На карте обозначен также и противотанковый ров, протянувшийся с севера (от Ломы) на юг и расположенный в 6—10 км восточнее реки Вязьма. Никто из ветеранов об этом не упоминает, а из солдат и офицеров, кто оборонялся на этом рубеже, почти никто не выжил. Трудно допустить, что эти позиции, в том числе и отстоящие от реки, не были использованы. В немецких документах они упоминаются неоднократно. Кстати, ко мне не раз обращались поисковики по поводу местонахождения противотанкового рва, в котором после боев местные жители захоронили тысячи погибших воинов. Теперь можно попробовать установить его местонахождение на местности.

Попытки вырваться из окружения 9 и 10 октября. Наконец, Лукину удалось восстановить связь со штабом Западного фронта. И Конев в 15.30 9.10.1941 г. передал начальнику Генштаба полученный им текст доклада командующего 19-й армией.

«Комфронта 9.10.41 г. Ямново (24 км северо-западнее Вязьмы. — Л.Л.). Карта 100 000.

Докладываю: 8.10 встретился с Болдиным в Аксентьево, там, где был оперпункт 32 А. С ним вышли 152 сд, 101 мсд, 123, 128, 147 тбр, всего до 50 танков. Дивизии сильно потрепаны. БОЛДИН подчинил себе из моей армии 214 и 140 сд. Он

выходит в общем направлении на Гжатск тремя группами. Маршрут правой группы: Поповское, Анучки (правильно — Анчуки. — Л.Л.), Пекарево, Пашково, Касня, Леонтьевское¹.

Я выхожу двумя группами. Правая группа: 134 и 89 сд и 45 кд. Маршрут: Ломакино, Нарышево, Леонтьево, Новое Село, ст. Мещерская. Левая группа: 166, 244, 91 сд и 127 тбр. Маршрут — между моей левой колонной и правой колонной Болдина.

91, 89, 244, 166 сд сильно потрепаны, имеют в составе не более 200—300—400 [активных] штыков каждая.

Приказал: все, что можно, собрать в тылах и влить в боевые части. 2 сд к утру 9.10 отошла к р. Вязьма, оставив части прикрытия на р. Днепр. Ее задача прикрывать отход армии.

Передовые части армии находятся на линии: Вязьма, Дороховка, Жекулино, Богородицкое, Пекарево, Павлово, Ломы.

Показаниями пленных, взятых 32 армией у Холм-Жирковского, наступает 129 пд направлением на юг. В Ломы мною взят пленный 87 пд. Во всех перечисленных пунктах от Вязьмы до Ломы, видимо, пока только передовые части противника.

<...> Пропал и до сих пор не разыскан член Военсовета Шекланов. <...> Ванеев при штарме.

Перевод из Ломы в Никулино после нападения, во время которого связь с частями была нарушена в течение 3—4 часов, что, видимо, и послужило командарму 32 донести, что 19 А не имеет связи со штармом.

Связь не имел и не имею с Ершаковым. Случайный делегат, прибывший к командарму 32, который был прислан ко мне, доложил, что на 12.00 7.10 части Ершакова отошли на рубеж ст. Семлево, Михайлово, Юрино и в дальнейшем отход будут совершать главными силами южнее Вязьмы.

В связи с отходом Ершакова, который по сообщению командарма 32 рубеж по Днепру не занимал, части 19 А встали под угрозой охвата с севера, с юга и востока. В силу чего я принял сегодня решение на выход из окружения.

Морская артиллерия по заявлению командарма 32 — взорвана. Мосты через р. Днепр тоже взорваны. 19 армией командую я. По согласованию с командармом 32, он со своим штармом будет руководить выходом из окружения правой мо-

¹ В состав группы генерала Болдина входили: 126, 152, 140-я сд, остатки 101-й мсд, 126-й и 128-й тбр (ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 20. Л. 97, 98).

ей колонной. По показаниям пленных за 129 пд движется какая-то мотодивизия (речь идет о 14-й моторизованной дивизии врага. — Л.Л.). За 87 пд — танковая дивизия.

Снарядов в среднем 1 бк и совершенно нет снарядов 37-мм. Горючего в среднем — 3/4 заправки, отдельные машины уже встали.

Лукин, Ванеев, Малышкин»¹.

По свидетельству генерала Вашкевича, дивизия получила боевое распоряжение командующего 19-й армией № 074, подписанное в 1.35 9.10, в 15 часов 9 октября. В нем сообщалось, что противник занял Вязьму, его моточасти прорвались в направлении на Касню и что мелкие группы мотопехоты, мотоциклистов и парашютистов занимают отдельные пункты между Вязьмой и Касней, стремясь полностью окружить части 19-й армии и группу Болдина (оригинал боевого распоряжения публикуется в Приложении 14).

Согласно распоряжению, 19-я армия, прикрываясь с запада и северо-востока, должна была выходить из окружения двумя колоннами с целью разбить противника и выйти на рубеж Можайского укрепленного района. Каждой колонне указывался маршрут движения от берегов реки Вязьмы до района Можайска. Начало наступления главных сил назначалось на 10 часов 9 октября. С запада армию прикрывала 2-я стрелковая дивизия с 57 гап, отход которой с реки Вязьмы должен был начаться по особому приказу.

К сожалению (слишком часто приходится использовать это выражение), в оценке сил противостоящего противника был допущен серьезный просчет. Немцы были готовы к отражению попыток русских вырваться из котла. Предвидя намерение окруженных северо-западнее Вязьмы частей прорываться на соединение со своими войсками по кратчайшему пути, они наиболее плотно прикрыли восточную сторону котла частями 6-й и 7-й танковых дивизий. Здесь немцы воспользовались рубежом, который в июле—августе оборудовали части 2-й стрелковой дивизии. С высокого водораздела за р. Бебря вся местность к западу от него просматривалась на десяток километров. Насколько серьезную оборону создали

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 3038. Д. 54. Л. 48—50.

немцы на вероятных направлениях прорыва русских из окружения, можно судить по участку, занимаемому боевой группой под командованием командира 6-й пехотной бригады 6-й танковой дивизии в составе 114-го пп, усиленного 57-м самоходным артдивизионом, двумя батареями 41-го противотанкового батальона и саперным батальоном (без роты). В первом эшелоне на фронте до 7 км оборонялись два пехотных батальона, во втором расположился мотоциклетный батальон, использовать который можно было только по приказу командира дивизии. Впереди было выставлено боевое охранение. Боевую группу поддерживал 76-й артполк дивизии и подразделения 51-го полка шестиствольных минометов «Nebelwerfer». Ударная артиллерийская группа была сформирована таким образом, чтобы поддерживать огнем все части дивизии. Заявки на постановку заградительного огня могли давать от командира роты и выше. От ударов с воздуха группу прикрывали 8-я батарея 411-го зенитного полка и батарея зенитно-артиллерийской группы. Зенитные средства были подготовлены для отражения атак русских. Командир дивизии предупредил, что необходимо считаться с возможностью осуществления противником каких-либо непредвиденных отчаянных выпадов¹.

В районе Ново-Высокое сосредоточилась танковая группа «Лев». К этому времени танковые полки обеих танковых дивизий, понесшие большие потери, были выведены в резерв в готовности к маневру для отражения атак русских как с запада, так и с востока. 4-й пехотный полк 6-й танковой дивизии, действуя в отрыве от ее основных сил, **занял рубеж в тылу 7-й — фронтом на восток**, обеспечивая ее от возможного удара с востока и северо-востока (см. схему 12).

Характерно, что с занятием назначенного рубежа немцы сразу же организовали разведку до линии Горскино, Анчуки, Лобановка, но выход на эту линию мог быть осуществлен только по приказу дивизии. Несмотря на желание как можно быстрее разгромить окруженные войска, например, нанесением встречных рассекающих ударов, немецкое командование предпочло на северной стороне котла перейти к обороне на подготовленном рубеже. Немецкое командование рассчи-

¹ NARA, T315, R339, F F000293, 300—302.

тивало, заменив танковые дивизии пехотой, быстрее подготовить их к наступлению на Сычевку и Ржев. Но главная причина заключалась в больших потерях в танках. Так, согласно боевому донесению, 6-я танковая дивизия в течение 8 октября потеряла: 54 человека, в том числе 4 офицера, 2 миномета, два противотанковых орудия (37-мм и 50-мм), 11 танков, в том числе 10 Т-35(т) и один Т-IV (танки выведены из строя в результате прямых попаданий снарядов). При этом дивизия захватила: 350 пленных, 8 поврежденных танков (в том числе один тяжелый), 6 минометов, 16 ручных и 6 станковых пулеметов, винтовок — по числу пленных (в основном неисправных)¹.

Неудивительно, что попытка частей 19-й армии и группы Болдина прорваться пятью колоннами на фронте 11—12 км (судя по всему, осуществить одновременный их выход не удалось) сквозь такое плотное кольцо окружавших ее соединений противника не удалась. Авангарды колонн не смогли преодолеть оборону противника и понесли потери. А колонны главных сил обеих группировок были остановлены, а потом просто распались. Интересно, что никто из участников тех событий не говорит об использовании при выходе из окружения оставшихся в строю танков. А их было, как мы знаем, не менее 50. Видимо, они двигались в голове колонн.

По крайней мере, это отмечено в документах противника:

«9.10. К утру разведывательная группа выявила в районе Свистово и в лесной зоне к западу от него скопление войск противника — до батальона пехоты и пять танков. По противнику был нанесен артиллерийский удар. Около 12.00 противник атаковал наши позиции между Авдеево и Реутово (оба пункта в 5 км юго-западнее Ломы. — Л.Л.) и прорвал передовые рубежи обороны. Контратакой роты из состава батальона 114-го пехотного полка при поддержке зенитных орудий 6 и 9 батарей 411-го полка, 4-й батареи 51-го полка «Nebelwerfer» (6-ствольных минометов) линия обороны была восстановлена.

Разведка установила также местонахождение колонн противника на участке Лобановка — Богородицкое. По ним был нанесен артиллерийский и минометный удар. Около полуно-

¹ NARA. T315, R339, F000406.

чи продолжались бои с противником — до роты пехоты (разведка) атаковали позиции 2-го батальона 114-го полка. Атаки противника отражались пехотой при артиллерийской поддержке, в том числе и огнем прямой наводкой. <...> Атаки полка противника при поддержке танков с юго-запада на участке 6-й танковой дивизии отбиты. Встретив сопротивление, противник сразу отступил. 9-я армия отразила попытки противника вырваться из котла при поддержке танков на его восточном участке»¹.

Попытки прорваться различными силами (вероятно, по инициативе некоторых командиров) продолжались и в ночь на 10 октября и днем.

Из донесения 4-го пехотного полка:

«В ночь с 9 на 10. 10 позиции 1-го батальона подвергались непрерывным атакам различных русских групп численностью в 30—50 человек каждая, выходивших из вяземского котла. Все их попытки прорыва были отбиты с большими для них потерями.

Собственные потери: 3 убиты, 7 ранены.

Взято в плен: 366 человек, в том числе 1 женщина.

Захвачено: 257 винтовок, 120 ручных гранат, 8500 винтовочных патронов.

В приложении пересылаем несколько русских оригинальных карт и тетрадь с карандашными пометками, принадлежавшую, по всей видимости, комиссару, и содержащую весьма интересные записи по различной тематике. В них, в частности, говорится, что вермахту в самое ближайшее время предстоит крах и что в немецких войсках нет уже больше резервов горючего»².

Частями 6-й танковой дивизии противника за период с 7 (то есть со дня окружения) по 10 октября было взято в плен 1639 рядовых и сержантов, 11 офицеров. Захвачено: 11 поврежденных танков (один тяжелый), 80 орудий, большей частью поврежденных, 6 минометов, 27 пулеметов и другое стрелковое оружие, в основном неисправное, 24 повозки с лошадьми. А всего с начала наступления части дивизии взяли в плен 4400 человек, уничтожили и захватили 98 танков,

¹ NARA. T315, R339, F000445.

² Jbid., F000441.

122 орудия, 17 минометов, 129 пулеметов и 439 грузовых автомашин¹.

Из промежуточного донесения штаба 9-й армии за 10.10.1941 на 18.25:

«<...> Вдоль разграничительной линии между 6-й и 7-й танковыми дивизиями произошли тяжелые бои с противником, пытавшимся идти на прорыв. Противник отброшен с большими потерями. При поспешном отходе он бросил на дороге около 80 орудий. Трофеи и пленные подсчитываются. Следует считаться, что противник будет продолжать попытки прорыва, особенно ночью.

<...> 8-й ак: 8-я пехотная дивизия достигла р. Вязьма восточнее Никулино. 28-я пд образовала небольшой плацдарм на Вязьме восточнее Борково.

<...> 5-й ак: 5-я пд вышла на линию Борисово — Авдеево. **Противник перед нею находится в оборудованных окопах и траншеях** (выделено мною. — Л.Л.). Часть подразделений дивизии развернута на север.

35-я пд, следуя за частями 56-го ак в направлении на юго-восток с намерением сменить части 6-й и 7-й тд, вышла на линию Ломы — Спас.

6-я и 7-я тд продолжают прикрывать продвижение наших частей. Линия фронта развернута на Богородицкое².

В некоторых публикациях высказывается, в общем-то, правильная мысль, что попытка окруженных войск выйти из окружения в колоннах не могла иметь успеха. В серьезном труде Института военной истории об этом было сказано так:

«Прежде чем выбираться из окружения, следовало бы организовать оборону района, как это сделал П.А. Курочкин под Смоленском. Здесь же, под Вязьмой, предполагали осуществить прорыв с ходу, в процессе отхода, а это обрекало войска на заведомое поражение» [61].

Во-первых, говорить о попытке выхода 19-й армии из окружения с ходу, да еще в процессе отхода, неправомерно (на этом мы останавливались). И упоминание о генерале П.А. Курочкине в данном случае не совсем уместно. Под Смоленском была совершенно другая обстановка. Там наши войска нахо-

¹ NARA. T315, R339, F000444, 000445.

² Jbild. T312, R288, F7851064, 065.

дились в оперативном окружении. Немцам не удалось полностью перерезать пути отхода — сил 7-й танковой дивизии для этого не хватило. Войска группы Рокоссовского удержали коридор для выхода войск 16-й и 20-й армий и переправы через Днепр.

Немцы сделали из своей относительной неудачи соответствующие выводы. Так, 22 сентября штаб 4-й армии отмечал, что большинство операций на окружение («котловых сражений») имели тот недостаток, что в их ходе обычно было задействовано недостаточное количество частей, «участвующих в окружении войск противника, удержании линии фронта и дальнейшем сжимании котлов» <...>. В результате русским, хорошо знавшим местность, удавалось ночью вырываться буквально тысячами из растянутого кольца окружения. Вследствие этого и число пленных было значительно меньше предполагаемого¹. Так что не случайно для окружения в районе Вязьмы немцы выделили максимальное количество сил и средств, чтобы создать достаточно плотный внутренний фронт окружения.

Во-вторых, рассуждать подобным образом можно только с позиций сегодняшнего дня. Решение выходить из окружения колоннами было принято на основе имевшихся в то время данных, в том числе полученных и от командования Западного фронта, и под его давлением. Эти попытки выходить чуть ли не в походном порядке привели к излишним потерям и лишь насторожили противника.

В послевоенное время генерал В.Р. Вашкевич, анализируя обстановку, сложившуюся в окружении северо-западнее Вязьмы, записал (в личном архиве сохранились его записи): «Лукин организовал бегство двумя колоннами, при этом задач дивизиям не поставил. Все делалось в спешке. Прикрывать выход главных сил должна была 2-я сд нар. Вязьма. Приказ на прорыв был отдан после трех суток бесцельного панического метания от одной крайности к другой».

Наконец, о какой обороне идет речь? В северной части «котла» противник особой активности не проявлял. В ночь на 10 октября немцы навели переправы через Днепр, и соединения 5, 8 и 27-го армейских корпусов 9-й полевой армии вышли к р. Вязьма в ее верхнем течении, образовав западную сторо-

¹ NARA. T314, R347, F000145.

ну котла. При этом части 8-го армейского корпуса, наступавшие севернее автостреды, пока не предпринимали особых попыток прорыва позиций на ее восточном берегу. В эти дни противник вообще не предпринимал никаких решительных действий против частей, окруженных севернее автомагистрали. Лишь на флангах 2-й стрелковой дивизии, прикрывавшей окруженную группировку с запада, у деревни Лаврово и южнее автомагистрали, продолжались стычки разведывательных подразделений.

На востоке и северо-востоке в полосе 6-й и 7-й танковых дивизий **немцы сами перешли к обороне** в ожидании обещанной смены пехотой. Командование группы армий «Центр» предпринимало все меры, чтобы как можно быстрее высвободить 6-ю танковую дивизию и нарастить удар в направлении на Ржев или Калинин. Однако ей требовалось время на приведение в порядок материальной части танкового парка. Безвозвратные потери танкового полка дивизии со 2 по 8 октября включительно составили 30 танков, из них 5 танков Т-II, 22 Т-35(t) и три Т-IV. Кроме того, большинство оставшихся чешских танков Т-38(t) оказалось небоеспособными (а таких танков в полку к началу наступления было более сотни)¹. При срочной организации ремонтно-восстановительных работ ремонтной ротой полка немцы рассчитывали на восстановление боеспособности лишь одного батальона. После этого численность полка предположительно могла составить 72 танка (16 Т-II, 46 Т-35(t) и 10 Т-IV). Но командование дивизии сделало вывод, что при осуществлении дальнейших широкомасштабных наступательных операций следует считаться с возможностью выхода из строя в связи с отсутствием запчастей всех оставшихся танков Т-35(t)².

Так что особых проблем с организацией обороны у генерала Лукина не было. Выделенные силы вполне обеспечивали (конечно, до поры, до времени) свободу действий окруженных войск, в том числе и маневра в кольце окружения. М.Ф. Лукин очень верно подметил: «Окружив нас, гитлеровцы

¹ Количество подбитых боевых машин обычно бывает выше числа безвозвратных потерь. Можно считать, что за неделю боев в 6-й тд вышло из строя не менее половины танков — до 90.

² NARA. T315, R339, F000406.

вели тактику выжидания, сохраняя живую силу и средства. Они чувствовали, что снаряды не сегодня-завтра у нас кончатся, и лишь отбивали наши попытки выйти из окружения». Командарм был прав, но лишь отчасти. Немцы действительно до поры до времени выжидали, предпочитая отражать атаки окруженных войск огнем с места, используя подготовленные нами же позиции. Соединения 8-го армейского корпуса вели активную разведку с запада в готовности в любой момент перейти в наступление.

По нашему мнению, ошибка командования окруженных войск заключалась в другом: надо было сразу нацеливать войска на прорыв. Выход из окружения и прорыв плотного внутреннего фронта окружения — разные вещи. Надо было с самого начала ставить и решать задачу на прорыв обороны противника в боевом порядке, с налаженным по времени и рубежам взаимодействием, с назначением подразделений прикрытия, арьергардов и обязательным выделением заслонов, которые должны были удерживать фланги участка прорыва до прохода всех войск и тылов. После 8 октября, когда танковые дивизии 3-й и 4-й танковых групп противника, соединившись в районе Вязьмы, организовали довольно плотную оборону, прорыв из окружения требовал тщательной подготовки и, конечно, помощи извне — хотя бы ударами авиации.

Гальдер 9 октября записал в своем дневнике:

«Бои против окруженной группировки противника в районе Вязьмы носят прямо классический характер <...>. 4-я армия, наступающая южнее котла в районе Вязьмы, успешно продвигалась в течение дня, но вечером натолкнулась на упорное сопротивление противника. Севернее котла под Вязьмой наши войска перегруппировываются для дальнейшего флангового наступления на Калинин» [17]. В каждой его фразе звучит упоение достигнутой победой. Гитлеровцам не дано было знать, что их ждет всего лишь через полтора месяца!

Командование вермахта стремилось силами, не задействованными в удержании внутреннего фронта окружения, незамедлительно перейти к преследованию, чтобы не допустить организации русскими сопротивления на новых оборонительных рубежах. 9-й армии была поставлена задача овладеть районом Гжатск — южнее Сычевка и прикрыть

фронт окружения с северо-востока. Планировалось собрать на и за этой линией для наступления на Калинин и Ржев все свободные силы 3-й танковой группы. Командование группы армий «Центр», уверенное, что с окруженными будет покончено в ближайшие дни, 10 октября в 10.30 поставило задачу 9-й армии, наряду с захватом пунктов Зубцов и Ржев, как можно быстрее захватить выдвинутыми вперед соединениями Старицу. Одновременно следовало закончить уничтожение окруженного западнее Вязьмы противника, оставив затем в этом районе по крайней мере одну дивизию до окончания его очистки. Первым в наступление должен был перейти 41-й корпус, подвижные дивизии которого понесли потери, в том числе и в артиллерии. Они имели исправных: 1-я танковая дивизия — 13 легких полевых гаубиц, 3 тяжелых, 36-я пд — 6 легких, но только 4 тягача. На это же направление выдвигается артиллерия резерва ОКХ: 2-й дивизион 59-го артполка — 5 тяжелых полевых гаубиц, 611-й адн — 7 10-см пушек, 620-й адн — 9 15-см пушек. Решался вопрос о переподчинении армейскому корпусу минометного дивизиона 21-см шестиствольных минометов с правого фланга армии.

Передовые подразделения 56-го и 41-го ак начали выдвижение в северо-восточном направлении. И уже 10 октября 41-й моторизованный корпус совместно с 1-й танковой дивизией после упорных боев с противником, занимающим полевые укрепления и долговременные сооружения (бункера), овладел Сычевкой. При этом немцы с большим сожалением отметили, что русские при отходе из Сычевки разрушили дорожные и понтонные мосты через Вазузу, а также взорвали железнодорожный мост. Между тем противник продолжал упорно обороняться против частей 6-й и 26-й пд западнее Сычевки. Согласно донесению штаба 9-й армии, части 1-й танковой дивизии находились в 6 км северо-восточнее Сычевки, в самой Сычевке, а также южнее нее, где продолжают бои. 900-я учебная бригада была переподчинена 1-й тд¹.

К этому времени территория севернее автомагистрали в связи с отходом 2-й стрелковой дивизии с Днепра на реку Вязьму заметно уменьшилась. Район, занимаемый окруженными войсками, имел протяженность запада на восток при-

¹ NARA. T312, R288, F7851064, 7851, 065.

мерно 18—20 километров и с севера на юг 20—25 километров, окруженные войска еще сохраняли возможность маневра. Но соответственно возросла плотность обороны противника — почти в 3 раза — 3,7 км на дивизию. 11.10 по периметру района окружения северо-западнее Вязьмы действовали 16 дивизий противника, еще четыре находились во втором эшелоне.

Положение войск, окруженных юго-западнее Вязьмы.

По-другому складывалась обстановка в южной части котла. Здесь действительно из-за отставания частей 24-й армии и полной потери управления со стороны командования Резервного фронта и генерала Ракутина, отрезанного от своих войск, отход 20-й и 24-й армий проходил менее организованно, чем в 19-й армии и группе Болдина. Несомненно, здесь сказалось то обстоятельство, что эти армии были подчинены разным фронтам, действия которых не были согласованы должным образом. О действиях армий Ершакова и Ракутина известно намного меньше, чем о действиях Лукина и Болдина. И это понятно: оба командующих погибли: Ракутин — при отходе, Ершаков — умер в плену. А все документы этих армий были уничтожены перед прорывом из окружения. Попытаемся восстановить развитие обстановки на основе отрывочных данных.

К утру 7.10 20-я армия в составе 112, 144 и 129-й стрелковых дивизий находилась на рубеже Черново, Семлево, Усадищи, Красное, Шишково и Холмовая. 229-я сд, которую Конев планировал использовать в районе Вязьмы, вышла в Жажково с задачей с утра 8.10 занять оборону на рубеже Батищево, Чертово, Степанково фронтом на северо-восток. 108-я сд должна была сосредоточиться в районе Щербинино, Чащево в готовности ночью 8.10 выступить на Панфилово (по данным противника, части этой дивизии были уже окружены).

На следующий день в оперсводке к 20.00 8.10 было отмечено, что сведения от 20-й армии не поступили. Проводная связь отсутствовала, радиосвязь работала с перерывами. Посланный на самолете в армию офицер связи не вернулся. В 17.45 8.10 в район действий армии были дополнительно высланы офицеры связи на самолетах У-2 с распоряжением Ершакову — ускорить отход армии на Вязьму для занятия рубе-

жа Шимоново, ст. Угрюмово. Конев пишет, что командующему 20-й армией Ершакову было дано указание пробиваться в юго-западном направлении, с выходом на тылы немецкой группировки, которая к этому времени главными силами выдвигалась в район Вязьмы [43]. В случае если противник упредит в выходе на рубеж, приказывалось отойти на рубеж южнее Гжатска на участке Вешки. В 12.45 9 октября Ершакову повторно было передано требование ускорить отход и вести его степом 70 км в сутки. И с этим приказом опоздали... В какой обстановке проходил отход, можно представить по документам противника:

«В полосе 20-го армейского корпуса севернее и юго-западнее Волочек при попытке удержать шоссе Ельня — Вязьма предприняты локальные контратаки при поддержке танков, группами по 10—15 боевых машин... участились случаи деморализации. В нашем тылу <...> встречаются лишь рассеянные вражеские части, некоторые сдались без боя».

И тут же:

«В полосе 20-го армейского корпуса противник оказывает упорное сопротивление, иногда небольшие окруженные группы сражаются до последнего. Вечером 7. 10 окруженные части русских попытались атаковать Дорогобуж с запада».

Вот еще один пример самоотверженных действий наших частей, оказавшихся в глубоком тылу противника и руководимых энергичными командирами. Из суточного донесения штаба немецкой 4-й полевой армии за 9.10.1941 г.:

«Командир 5-й советской дивизии с несколькими комиссарами и примерно 600 бойцами совершили нападение на строительный отряд люфтваффе в 12 км юго-восточнее Спас-Деменск. Против них двинута 19-я танковая дивизия. Бой все продолжается»¹.

В донесении речь идет о 113-й сд (бывшей 5-й дивизии народного ополчения Фрунзенского района Москвы). Немцы были вынуждены бросить против ополченцев части резервной танковой дивизии, которую они планировали ввести в сражение для наступления на Москву. Насколько я знаю, этот эпизод не нашел отражения в документах совета ветеранов 5-й дн. Видимо, мало кто уцелел в том бою...

¹ NARA. T312, R150, F7689795.

В условиях потери связи и управления частями штабы были вынуждены вести передачи открытым текстом. Ниже приводятся тексты сообщений, перехваченных радиоразведкой противника.

7.10 служба радиоперехвата доложила:

«2-й эшелон штаба 24-й армии в 12.46 доложил, что находится между Вязьмой и Семлево. То, что противник часто передает радиogramмы открытым текстом, свидетельствует о его сильной нервозности».

8.10 в 6.40:

«Предположительно штаб Центрального фронта в 21.30 7.10 передал неустановленному штабу, предположительно 24-й армии:

Доложить решение. Установите связь с дивизиями. Связь с нами — авиацией. Быстрее отходите на Волочек — Вязьма — Гжатск — Угрюмово (28 км западнее Гжатск). Жуков. Анисов»¹.

8.10 в 8.00:

«Командующему ВВС Резервного фронта. Связи с частями не имею. В районе Семлево скопление частей Резервного и Западного фронтов. Авиация противника бомбит беспрепятственно. Прошу с наступлением дня прикрыть район Семлево истребителями».

9.10 в 21.15:

«Командующий авиацией 24-й армией в нескольких радиogramмах просит штаб ВВС Резервного фронта о помощи горючим. Где командующий армией не знает. Отправка штаба и командующего авиацией без горючего невозможна. Штаб ВВС ответил — в ближайшую и последующую ночь зажигать спецогни для сбрасывания горючего или отправки самолетов с целью эвакуации»².

Только позднее из показаний пленных немцы сделают вывод, что перед ними действуют соединения Резервного фронта, а не Центрального, как они считали. Но они не могли даже предположить, что под фамилией Жуков значится известный им военачальник. Зная из перехваченных радиogramм намерения русских, общее направление отхода и район сосредоточения, противник принимал соответствующие меры, чтобы не дать им вырваться из кольца окружения.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 623, т. 2. Л. 24.

² Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 623, т. 2. Л. 53.

Забегая несколько вперед, отметим, что одна из наших пробивающихся на восток частей, которую не удалось пока установить, нанесла внезапный и ощутимый удар по системе радиоперехвата на Восточном фронте. Согласно донесению штаба 4-й танковой группы от 11 октября, «радиорота Главного командования сухопутных войск (ОКХ) и взвод прослушивания эфира понесли ощутимые потери: убиты 3 офицера, 67 солдат и утрачено ценное оборудование»¹.

Из донесения 7-го армейского корпуса 8.10 в 19.15:

«В районе южнее и юго-восточнее Семлево отходящий на восток противника оказывает упорное сопротивление, но в целом все чаще отмечаются явления деморализации.

Продолжаются танковые атаки. На дороге Семлево — Вязьма примерно тысяча автомашин всех видов».

Из 57-го армейского корпуса:

«Совторой половины дня 8.10 на фронте прикрытия южнее Вязьмы усиление огня артиллерии, отбиты попытки прорваться по обе стороны р. Озерна» (приток р. Волоста в восточном направлении в 27 км южнее Вязьмы. — Л.Л.).

После боев за Семлево (не путать с одноименной железнодорожной станцией в 10 км севернее. — Л.Л.) к утру 9 октября в район Панфилово и южнее стали выходить части 24-й армии (160, 139, 19, 222, 8-я сд, 309, 103, 106-я мсд, 144-я и 146-я тбр)². Здесь они вступили в бой с танковыми частями противника. О боях в окружении соединений 24-й армии рассказал уже известный нам дивизионный комиссар Абрамов:

«В 16.00 7.10 генерал-майором Котельниковым, мною и полковником Утвенко, командиром 19 сд (А.И. Утвенко сменил в этой должности генерала Котельникова Я.Г. с 1.10.1941 г. — Л.Л.), была организована оборона Семлево, чтобы пропустить войска и артиллерию, двигавшиеся из Дорогобужа и Подмошья <...> для прорыва из окружения. Майор АСАТУРОВ командир 103 гап, майор БАШИЛКИН командир ап 106 мд прикрывали отход войск артиллерийским огнем. Остатки 19 сд, армейский саперный батальон и другие группы армейских войск заняли оборону Семлева и продержались до 24.00 8.10. (По другим данным, этот важный узел дорог был оставлен 7 октября. — Л.Л.) Наряду с подлинным героизмом и полней-

¹ NARA. T313, R340, F8622696.

² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 82. Л. 99.

шим хладнокровием таких командиров как АСАТУРОВ и БАШИЛКИН, — должен отметить некоторую недисциплинированность другой части командиров. Например, у Семлево шесть артполков самовольно снялись и ушли в самую критическую минуту, оставив пехоту без артиллерийской поддержки. Также самовольно снялись и ушли отдельные батальоны и за Семлево дрались фактически одни части 19 сд и оружейные расчеты БАШИЛКИНА и АСАТУРОВА.

В ночь с 7 на 8.10 в Семлево прибыл ВС (Военный совет. — Л.Л.) и штаб 32 А с батальоном охраны, двигавшиеся на Мало-Ярославец для получения новой задачи. Мною и генерал-майором КОНДРАТЬЕВЫМ было предложено ВС 32 А организовать совместный прорыв войск в направлении Вязьмы. Однако ВС 32 А было принято решение выполнять ранее поставленную задачу и попытаться проскочить самостоятельно севернее Вязьмы, куда они и направились.

В 16.00 в Семлево прибыл начальник штаба армии генерал-майор КОНДРАТЬЕВ с двумя десятками автомашин. Генерал-майор КОНДРАТЬЕВ взял на себя оборону Семлево, имея еще телефонную связь с генерал-майором РАКУТИНЫМ, двигавшимся со штабом армии и частью войск на Семлево.

В 17—19 часов 8.10 штабом 24 А был получен приказ командующего 20 А, которым указывалось, что 24 А подчиняется ВС 20 А, который организует выход из окружения. Командующий 20 А генерал-лейтенант ЕРШАКОВ приказал организовать прорыв, имея круговую оборону такого порядка: 20 А прорывается на фронте Вязьма, Волоста-Пятница, 24 А — Волоста-Пятница, ст. Угра.

Хочу отметить, что идея организации прорыва на очень широком фронте не могла иметь успеха. Это решение принималось без учета реальных войск, в расчете на якобы полнокровные цельные дивизии и не учитывалось, что дивизий фактически не было. <...> Вторая ошибка генерал-лейтенанта ЕРШАКОВА заключалась в том, что он пренебрегал разведкой, не приведя войска в порядок, решил осуществить прорыв с ходу. Войска, так или иначе вырывавшиеся из окружения, не выполняли приказов, не расширяли и не закрепляли прорыва, а стремились во что бы то ни стало скорее уйти. В силу этого бросали артиллерию и обозы, а последние, боясь отстать, устремлялись вперед пехоты, загромождая дороги, и вязли в болотах.

Вместо организованного удара на прорыв, в полном беспорядке южнее Вязьмы в районе Селиваново — Панфилово — Молошино — ст. Стогово, Подрезово, Гредякино в одну кучу скопились и перемешались остатки войск трех армий — 19, 20 и 24 А, преимущественно артиллерия, обозы и спецчасти»¹.

Абрамов сетует, что армии был назначен слишком широкий участок прорыва — 22 км, и поэтому пробиться не удалось. Командующий 20-й армией генерал Ершаков при назначении армиям участков прорыва, видимо, стремился избежать перемешивания частей и создать условия для более организованных действий войск. Конкретный участок прорыва в назначенной полосе нужно было выбрать, исходя из условий обстановки.

Соединения 20-й армии генерал-лейтенанта Ф.А. Ершакова, 24-й армии генерал-майора К.И. Ракутина и остатки соединений других армий Резервного фронта, отброшенных за реку Угра, располагались вдоль тракта Семлево — Вязьма и южнее него. Командование окруженных частей не имело представления о том, что им противостояли фронтом на запад четыре танковые дивизии 40-го и 46-го моторизованных корпусов противника, а с юга нажимали пехотные дивизии, стремившиеся сжать кольцо окружения (см. схемы 19 и 20).

Выдержка из переговоров командования группы армий «Центр» с ОКХ 10.10.1941:

«С 4 и 9-й армиями по вопросу завершения боя на окружение западнее Вязьмы принято следующее решение:

В то время как 20-й армейский корпус продолжает занимать позиции у автострады, неся охрану ее до момента смены его правого фланга 8-м армейским корпусом, 7-й корпус, усиленный 78-й пехотной дивизией, будет продвигаться через автостраду дальше на север вплоть до восточного фронта кольца окружения и сомнет ударом во фланг неприятельские позиции западнее Бонаково — западнее Богородицкое (то есть во фланг частям, обороняющимся на восточном берегу р. Вязьма. — Л.Л.).

Левый фланг 7-го армейского корпуса — у этих позиций, правый фланг — вдоль танкового фронта. Усиление 7-го армейского корпуса 78-й пд является необходимым, т.к. его восточный фланг (197-я и 23-я пд) скован активными действиями противника и поэтому должен был повернут. На этом

¹ ЦАМО РФ. Ф. 378. Оп. 50300. Д. 1. Л. 1—15.

участке (на стыке 46-го и 7-го корпусов. — Л.Л.) 4-я армия подзревает скопление особенно крупных сил противника, которые будут пытаться прорваться во всех направлениях.

9-я армия силами 8-го армейского корпуса продвинется к указанным позициям противника, **но не будет предпринимать никакого наступления, связанного с большими потерями**» (выделено мною. — Л.Л.)¹.

Абрамов продолжает:

«<...> РАКУТИН и часть его штаба продолжали прорываться в Семлево. Генерал-майор КОНДРАТЬЕВ с другой частью штаба 24 А, находящейся в Семлево, имел связь только со штабами 106 мд и 19 сд. Таким образом, 24 А не могла занять направлений, указанных в приказе генерал-лейтенантом Ершаковым. Вечером 8.10 была получена радиограмма Гжатск. Больше никаких телеграмм и других указаний, а также штармом 24 и войсками получено не было.

Вечером с 22—23 часов 8.10 немцы, прорвав оборону со стороны ст. Семлево, вышли на северную окраину [поселка] Семлево. Кондратьев вынужден был под давлением противника перейти на новый КП в район д. Молошино.

Утром 9.10, следуя за 139 сд 24 А, ввязавшись в бой с противником, часть штаба, возглавляемая генерал-майором КОНДРАТЬЕВЫМ, оказалась в кольце немцев в районе Панфилово. Дальнейшая судьба этой группы штарма и судьба штаба армии, шедшего с генерал-майором РАКУТИНЫМ мне не известна, так как в это время я находился в бою вместе с полковником УТВЕНКО командиром 19 сд, организуя прорыв войск в направлении Селиваново. Начальник штаба генерал-майор КОНДРАТЬЕВ с работниками штаба оставались позади и как они действовали, я не знаю»².

К исходу 9 октября в штабе Западного фронта из ориентировки командующего 20-й армии узнали только, что все пути дальнейшего отхода войск 20-й и 24-й армий перерезаны противником и что части из района южнее Вязьмы к 14.00 9.10 готовились к наступлению. Более подробных сведений об их положении не было.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 73. Л. 219.

² Там же. Ф. 378. Оп. 50300. Д. 1. Л. 1—15.

Изменения в высшем командовании Красной Армии.

А в это время в руководстве Западного и Резервного фронтов произошли важные изменения. Напомню, что И.В. Сталин 5 октября при переговорах предложил командующему Ленинградским фронтом Г.К. Жукову прибыть в Москву. По словам Жукова, Сталин 6 октября снова позвонил и попросил его немедленно вылететь в Москву. Но в связи с трудностями, возникшими на участке 54-й армии, которой командовал Г.И. Кулик, и высадкой десанта моряков Балтфлота на побережье в районе Петергофа 6 октября Жуков вылететь в Москву не смог, о чем и доложил Сталину. В этот же день вечером между ними состоялся повторный разговор.

Сталин спросил:

«Как обстоят у вас дела? Что нового в действиях противника?

— Немцы ослабили натиск. По данным пленных, их войска в сентябрьских боях понесли тяжелые потери и переходят под Ленинградом к обороне. Сейчас противник ведет артиллерийский огонь по городу и бомбит его с воздуха. Нашей авиационной разведкой установлено большое движение моторизованных и танковых колонн противника из района Ленинграда на юг. Видимо, их перебрасывают на московское направление.

Доложив обстановку, я спросил Верховного, остается ли в силе его распоряжение о вылете в Москву.

— Да, — ответил И. В. Сталин. — Оставьте за себя генерала Хозина или Федюнинского, а сами завтра немедленно вылетайте в Ставку».

С прибытием Жукова в Москву между ним и Сталиным состоялся разговор. Жуков продолжает:

«Кивнув головой в ответ на мое приветствие, он подошел к карте и, указав на район Вязьмы, сказал:

— Вот смотрите. Здесь сложилась очень тяжелая обстановка. **Я не могу добиться от Западного и Резервного фронтов исчерпывающего доклада об истинном положении дел** (здесь и далее выделено мною. — Л.Л.). А не зная, где и в какой группировке наступает противник и в каком состоянии находятся наши войска, мы не можем принять никаких решений. **Поезжайте сейчас же в штаб Западного фронта**, тщательно разберитесь в положении дел и позвоните мне откуда в любое время. Я буду ждать».

В разговоре возник вопрос, где могут действовать танковые и моторизованные части, которые перебросил Гитлер из-под Ленинграда.

«И. В. Сталин, взглянув на карту, лежащую перед ним, сказал: — Кажется, они уже действуют на этом направлении» [62].

После разговора со Сталиным Жуков отправился к начальнику Генерального штаба. Б.М. Шапошников, который, ознакомив Жукова с имеющимися данными обстановки на московском направлении, вручил ему распоряжение Ставки:

«Командующему Резервным фронтом.

Командующему Западным фронтом.

Распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования в район действий Резервного фронта командирован генерал армии т. Г.К. Жуков в качестве представителя Ставки.

Ставка предлагает ознакомить тов. Жукова с обстановкой. Все решения тов. Жукова в дальнейшем, связанные с использованием войск фронтов и по вопросам управления, обязательны для выполнения.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования начальник Генерального штаба Шапошников.

6 октября 1941 г. 19 ч. 30 м.

№ 2684»¹.

Странное дело, Сталин, по словам Жукова, посылает его в штаб Западного фронта, а Шапошников, несомненно, по указанию Сталина — в район действий Резервного фронта. Верховный Главнокомандующий вызвал генерала армии Жукова в связи с прорывом Резервного фронта и выходом противника к Юхнову. О катастрофическом развитии обстановки на Западном фронте и окружении его основных сил еще не было известно. У Конева в это время уже работала комиссия ГКО в составе представителей Ставки К.Е. Ворошилова, В.М. Молотова, Г.М. Маленкова и А.И. Микояна. В состав комиссии вошел и заместитель начальника Генштаба Василевский. Поэтому Г.К. Жуков и был послан к Буденному. И это вполне понятно — маршал полностью потерял управление войсками, и отход частей 43-й и 33-й армий превратился в бегство.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 3. Л. 15.

Подобных неувязок различного рода, на которые указывали многие исследователи, в мемуарах уважаемого Георгия Константиновича слишком много. В последнее время широкое распространение получило мнение, что якобы в связи с придирками редакторов и цензуры настоящая правда о войне содержится только в последних изданиях мемуаров Жукова, которые исправлены и дополнены в соответствии с его первоначальной рукописью. Известно, что работу над рукописью Жуков и те, кто ему помогал с подбором материалов, завершили в 1966 или 1967 годах. Однако в последних изданиях мемуаров имеются ссылки, помимо прочего, на 1-й том Советской военной энциклопедии, подписанный в печать 11 сентября 1974 года. Здесь те, кто готовил эти издания к печати, сделали грубейшую ошибку, которая ставит под сомнение и остальные купюры, вставленные в текст. Правильнее (и честнее) было бы не править уже написанную книгу, а снабдить ее квалифицированным комментарием от имени научного редактора или какого-либо солидного учреждения, основанном на тщательном анализе документов.

Я уж не говорю о таких мелочах, что Г.И. Кулика в должности командующего 54-й армией М.С. Хозин сменил еще 26 сентября. Более важным является факт, что к этому времени танковые дивизии 4-й танковой группы, получившие приказ на перегруппировку еще 17 сентября, уже убыли из-под Ленинграда. Об этом знали разведчики Ленинградского фронта, а значит, знал и Жуков. А в Ставке, судя по всему, не знали до последнего времени, когда и куда убыли 1-я и 6-я танковые дивизии. А их включили в состав 3-й танковой группы, и они к началу операции «Тайфун» сосредоточились в исходных районах севернее Духовщины.

Из текста первого издания книги Г.К. Жукова «Воспоминания и размышления» 1969 г. следует, что Жуков прибыл в Москву на следующий день после разговора со Сталиным 6 октября, то есть 7-го. Во втором издании мемуаров это время было подтверждено: Г.К. Жуков прибыл в Москву вечером 7 октября и после встречи со Сталиным в Генштабе ознакомился с картой обстановки на 12 часов 7 октября. Однако маловероятно, что мандат ему заготовили заранее. Шапошников, весьма пунктуальный человек, подписал документ перед вручением его Жукову и проставил время — 6 октября 1941 г. 19 ч. 30 м.

Но стоит ли поднимать этот вопрос? На мой взгляд — стоит. В период с 5 по 7 октября на фронтах западного направления и в Ставке происходили очень важные события, счет шел на часы. Надо было принимать важные решения, от которых зависел исход сражения и судьба сотен тысяч воинов. Поэтому очень важно выяснить, когда Г.К. Жуков появился в Москве, когда он прибыл в штаб Западного, а затем Резервного фронта. Кроме разговоров со Сталиным, вызов Жукова был оформлен документом: Ставка 5.10 передала распоряжение генералу армии Жукову немедленно вылететь в Москву [61]. А прибыл он в Москву 6 октября¹.

В штаб Западного фронта, местонахождение которого в Ставке было известно, Г.К. Жуков заехал лишь затем, чтобы узнать, где же находятся армии Резервного фронта и его командующий. А это меняет дело. И все дальнейшие рассуждения Жукова по поводу окружения войск Западного фронта под Вязьмой и другие его выводы в связи с этим, которые он сделал сразу же после ознакомления с обстановкой в штабе фронта, вызывают большие сомнения.

Подобные смещения дат многих событий, связанных с деятельностью Г.К. Жукова, встречаются в его мемуарах довольно часто. Это позволяло ему подчеркивать свою роль в принятии решений в той или иной обстановке и выставлять себя в более выгодном свете, что не всегда подтверждалось соответствующими документами и свидетельствами других людей. Мемуары известных военачальников, в которых описываются наиболее драматические события минувшей войны, по-прежнему являются важнейшими источниками информации о тех тяжелых днях, что переживала наша страна. Но относиться к ним следует с особой осторожностью, так как писались они (или редактировались), во-первых, с оглядкой на цензуру. Во-вторых, некоторые авторы, рассчитывая на полную закрытость наших архивов, не особенно заботились о достоверности своих воспоминаний.

7 октября впервые в вечерней сводке Совинформбюро было упомянуто о тяжелых боях на вяземском направлении. 8 октября в газете «Правда» напечатали: «В течение 7 октября наши войска вели упорные бои с противником на всем фрон-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 3408. Д. 4. Л. 346.

те, особенно напряженные на вяземском и брянском направлениях». В этот же день в вечернем сообщении было объявлено, что наши войска **после ожесточенных боев** оставили г. Орел. Для советских граждан, давно научившихся читать военные сводки Главного командования между строк, это означало, что Вязьма и Брянск оставлены нашими войсками или об этом скоро будет объявлено. Опасаясь захвата столицы противником, в этот же день начали готовить планы уничтожения ключевых сооружений Москвы и эвакуации основных правительственных и партийных учреждений из города. Накануне комиссия по проведению специальных мероприятий представила И.В. Сталину записку с перечнем 1119 предприятий и других объектов Москвы и области, подлежащих уничтожению (разрушению) в случае вторжения немцев в столицу. В их числе были и объекты метро. 10 октября началась эвакуация оборудования важнейших предприятий столицы и людей.

9 октября Геббельс заявил, что «исход войны решен и с Россией покончено». Немецкие газеты пестрели заголовками: «Прорыв центра Восточного фронта!», «Результат марша на Восток решен!», «Последние боеспособные советские дивизии принесены в жертву!» (газета «Volkischer Beobachter» за 9 и 10 октября 1941 г.). По радио передали заявление Гитлера, что «враг сокрушен и никогда не поднимется снова».

А.Е. Голованов, бывший в то время командиром 81-й дальнебомбардировочной дивизии, подчиненной непосредственно Ставке (впоследствии выполнявший по совместительству обязанности личного пилота вождя), так вспоминал о своем вызове в Кремль 7 октября:

«Я застал Сталина в комнате одного. Он сидел на стуле, что было необычно. Сталин молчал. Напоминать о себе я считал бестактным. Мелькнула мысль, что что-то случилось, но что? Таким Сталина мне не приходилось видеть. Тишина давила.

— У нас большая беда, большое горе, — услышал я наконец тихий, но четкий голос Сталина. — Немец прорвал оборону под Вязьмой, окружено шестнадцать наших дивизий.

После некоторой паузы, то ли спрашивая меня, то ли обращаясь к себе, Сталин также тихо сказал:

— Что будем делать? Что будем делать?

Видимо, происшедшее ошеломило его.

Потом он поднял голову, посмотрел на меня. Никогда ни прежде, ни после этого мне не приходилось видеть человеческого лица с выражением такой страшной душевной муки. Мы встречались с ним и разговаривали не более двух дней тому назад, но за эти два дня он сильно осунулся.

Ответить что-либо, дать какой-то совет я, естественно, не мог, и Сталин, конечно, понимал это. Что мог сказать и что мог посоветовать в то время и в таких делах командир авиационной дивизии?

Вошел Поскребышев, доложил, что прибыл Борис Михайлович Шапошников — Маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба. Сталин встал, сказал, чтобы входил. На лице его не осталось и следа от только что пережитых чувств. Начались доклады» [63].

Небольшое отступление, говорящее о том, как работали некоторые заинтересованные организации над рукописью книги Голованова, которую долго не разрешали публиковать. Вот только часть замечаний специалистов Главного политического управления СА и ВМФ: «Согласовать в ЦК КПСС (Институт марксизма-ленинизма); «Оценку фронтов давать по опубликованным материалам»; «Нельзя противопоставлять Рокоссовского другим советским полководцам»; «Это целесообразно опустить»; «Не надо противопоставлений»; «Зачем историю АДД давать по немецким данным?» (более крамольного, по мнению идеологов ЦК партии, и быть не может. — Л.Л.); «См. решения 24 съезда КПСС» и тому подобные. А ведь были и другие влиятельные организации. Примерно так же работали редакторы и над другими книгами, которые описывали трагические страницы нашей славной военной истории.

Кстати, о растерянности Сталина в этот тяжелый период вспоминал и И.С. Конев. По его словам, Сталин позвонил на Западный фронт с почти истерическими словами о себе в третьем лице:

«Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин не изменник, товарищ Сталин честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам, товарищ Сталин сделает все, что в его силах, чтобы исправить положение» [65].

В штаб Западного фронта, располагавшийся в Красновидове (12 км северо-восточнее Можайска) Г.К. Жуков приехал

в ночь на 7 октября. Поэтому при ознакомлении с последующими эпизодами из воспоминаний Жукова следует учитывать, что окружение наших войск под Вязьмой еще не состоялось, и в штабе об этом знать ничего не могли. Более того, в оперсводке штаба фронта было отмечено, что данные о наличии противника в Вязьме не подтвердились. Несмотря на поздний час, командование фронта заседало. В комнате, куда провели Жукова, были: командующий фронтом генерал-полковник И. С. Конев, начальник штаба фронта генерал В. Д. Соколовский, член Военного совета Н. А. Булганин и начальник оперативного отдела генерал-лейтенант Г. К. Маландин. Они мучительно искали выход из тяжелой обстановки на фронте. Вид у них был соответствующий. Ведь в штабе уже несколько дней работала комиссия ГКО. Присылка подобной комиссии — явный признак недоверия. У всех в памяти была расправа с командованием Западного фронта во главе с Павловым. Она последовала после работы подобной комиссии во главе с Л. Мехлисом.

Расспрашивать в этот момент командующего о положении на фронте было бесполезно, и Г. К. Жуков попросил доложить о положении войск фронта начальника оперативного отдела генерал-лейтенанта Маландина и начальника разведотдела полковника Корнеева. То, что они смогли рассказать о последних событиях, дополнило и уточнило уже имевшиеся у Жукова данные. Обратимся к книге Г. К. Жукова:

«Из беседы в штабе Западного фронта и анализа обстановки у меня создалось впечатление, что катастрофу в районе Вязьмы можно было бы предотвратить. На основании данных разведки Ставка Верховного Главнокомандования еще 27 сентября специальной директивой предупредила командующих фронтами о возможности наступления в ближайшие дни крупных сил противника на московском направлении. Следовательно, внезапность наступления в том смысле, как это было в начале войны, отсутствовала. Несмотря на превосходство врага в живой силе и технике, наши войска могли избежать окружения. Для этого необходимо было своевременно более правильно определить направление главных ударов противника и сосредоточить против них основные силы и средства за счет пассивных участков. Этого сделано не было, и оборона наших фронтов не выдержала сосредоточенных ударов противника. Образовались зияющие бреши, которые закрыть

Фашистские танки на подступах к Москве

было нечем, так как никаких резервов в руках командования не оставалось» [64].

В свете вышеизложенного выводы Жукова из анализа обстановки, доложенной Маландиным, являются несколько преждевременными. Его мнение, по-моему, могло сформироваться значительно позднее, когда Г.К. Жуков разобрался в обстановке в полосе Резервного фронта и получил данные об оставлении Вязьмы.

Г.К. Жуков позвонил 8 октября в 2.30 И.В. Сталину и доложил:

«Главная опасность сейчас заключается в том, что слабое прикрытие на Можайской линии не может гарантировать от внезапного появления перед Москвой бронетанковых войск противника. Надо быстро стягивать войска, откуда только можно, на Можайскую линию обороны».

Г.К. Жуков продолжает:

«И. В. Сталин спросил:

— Где сейчас 16, 19 и 20-я армии и группа Болдина Западного фронта? Где 24-я и 32-я армии Резервного фронта?

— В окружении западнее и юго-западнее Вязьмы.

— Что вы намерены делать?

— Выезжаю сейчас же к Буденному, разберусь с обстановкой и позвоню вам.

— А вы знаете, где штаб Резервного фронта?
— Буду искать где-то в районе Малоярославца.
— Хорошо, поезжайте к Буденному и оттуда сразу же позвоните мне» [64].

Получается, что Жуков, вместо того чтобы выехать к Буденному, то есть туда, куда он был командирован и где было полностью потеряно управление войсками, провел весь день 7 октября у Конева, где работала комиссия ГКО. А И.В. Сталин не стал дожидаться, когда Жуков разберется с обстановкой на Резервном фронте, **и уже через 30 минут после разговора с ним подписал директиву Ставки ВГК об освобождении С.М. Буденного от обязанностей командующего фронтом.** Командующим Резервным фронтом был назначен Г.К. Жуков с освобождением его от обязанностей командующего Ленинградским фронтом.

Мы не можем проследить все действия по дням и часам генерала армии Г.К. Жукова в создавшейся чрезвычайной обстановке по первичным архивным документам: к подобным данным простых исследователей не подпускают ближе чем на пушечный выстрел. А вот немцы **уже вечером 7 октября — в 21.30 — перехватили распоряжение Жукова из штаба Резервного фронта!** Сомнений быть не может — подписано Жуковым и Анисовым. Подпись Жукова, как и положено, —

Немецкие войска продвигаются по Минскому шоссе на Москву

впереди подписи начальника штаба фронта. А вечером 8 октября Жуков отдал распоряжение Ершакову держаться компактно, прорываться через Вязьму на Гжатск.

Сопоставление известных на настоящее время фактов позволяет сделать вывод, что Жуков, выполняя поручение Сталина, уже 7 октября лично ознакомился с обстановкой в полосе Резервного фронта — сначала в его штабе, затем с выездом на малоярославецкое направление. И только ознакомившись с ней, он в 2.30 8 октября доложил Сталину, что пути на Москву, по существу, открыты. Зачем понадобился упомянутый в мемуарах сдвиг по времени? Может быть, для того, чтобы показать, что отстранение члена Ставки, героя Гражданской войны маршала С.М. Буденного от должности **произошло до поездки Жукова** на Резервный фронт?

Однако продолжим наш рассказ, опираясь на воспоминания Георгия Константиновича, который приводит много интересных подробностей, характеризующих создавшуюся обстановку. А то читатель устал от перечислений номеров дивизий и армий и цитирования приказов и донесений (которые для мало-мальски подготовленного человека не менее интересны, чем мемуары). Когда Г.К. Жуков прибыл в штаб Резервного фронта, представитель Ставки армейский комиссар 1-го ранга Л. З. Мехлис, по своему обыкновению, кого-то здорово распекал по телефону. Начальник штаба фронта генерал-майор А. Ф. Анисов мало что конкретного смог доложить о положении войск Резервного фронта и о противнике.

Вспоминает Жуков:

«На вопрос, где командующий, начальник штаба ответил:

— Неизвестно. Днем он был в 43-й армии. Боюсь, как бы чего-нибудь не случилось с Семеном Михайловичем.

— А вы приняли меры к его розыску?

— Да, послали офицеров связи, они еще не вернулись».

Г.К. Жуков решил выехать в сторону Юхнова, надеясь на месте скорее выяснить обстановку. Он родился в этих краях и хорошо знал всю местность в этом районе¹. Маршала С.М. Буденного он нашел в центре Малоярославца. Остается за-

¹ Г.К. Жуков родился в деревне Стрелковка, что в 10 км от полустанка Обнинское.

гадкой, почему штаб Резервного фронта со всем его аппаратом и посланные на розыски офицеры связи не смогли обнаружить своего командующего и что делал почти сутки Буденный без средств связи.

Г.К. Жуков продолжает:

«Войдя в райисполком, я увидел склонившегося над картой С.М. Буденного.

Мы тепло поздоровались. Было видно, что Семен Михайлович многое пережил в эти тяжелые дни.

— Ты откуда? — спросил С.М. Буденный.

— От Конева.

— Ну, как у него дела? Я более двух суток не имею с ним никакой связи. Вчера я находился в штабе 43-й армии, а штаб фронта снялся в мое отсутствие, и сейчас не знаю, где он остановился.

— Я его нашел в лесу налево, за железнодорожным мостом через реку Протву. Тебя там ждут. На Западном фронте, к сожалению, дела очень плохие, большая часть сил попала в окружение.

— У нас не лучше, — сказал С. М. Буденный, — 24-я и 32-я армии отрезаны. Вчера я сам чуть не угодил в лапы противника между Юхновом и Вязьмой. В сторону Вязьмы шли большие танковые и моторизованные колонны, видимо, для обхода города с востока.

— В чьих руках Юхнов? (Юхнов уже третий день — с 5 октября — находился в руках противника, и Жукову об этом хорошо известно. Его наверняка информировали о мерах, принятых командованием МВО и Ставкой, чтобы задержать противника на этом направлении. — Л.Л.)

— Сейчас не знаю. На реке Угре было до двух пехотных полков, но без артиллерии. Думаю, что Юхнов в руках противника.

— Ну а кто же прикрывает дорогу от Юхнова на Малоярославец?

— Когда я ехал сюда, кроме трех милиционеров в Медыни, никого не встретил. Местные власти из Медыни ушли.

— Поезжай в штаб фронта, — сказал я Семену Михайловичу, — разберись в обстановке и сообщи в Ставку о положении дел, а я поеду дальше. Доложи Верховному о нашей встрече и скажи, что я поехал в район Юхнова, а затем в Калугу. Надо выяснить, что там происходит».

В Медыни, по словам Жукова, действительно никаких войск не оказалось. Но по пути туда Г.К. Жуков обнаружил танковую бригаду резерва Ставки, которой командовал полковник И.И. Троицкий, запомнившийся Жукову по боям в районе Халхин-Гола. Между ними состоялся разговор:

«— Ну, что у вас тут делается, докладывайте. Прежде всего, где противник?»

Полковник И. И. Троицкий рассказал:

— Противник занимает Юхнов. Его передовые части захватили мост на реке Угре. Посылал я разведку и в Калугу. В городе противника пока нет, но в районе Калуги идут напряженные бои. Там действуют 5-я стрелковая дивизия и некоторые отошедшие части 43-й армии. Вверенная мне бригада находится в резерве Ставки. Стою здесь второй день и не получаю никаких указаний.

— Пошлите офицера связи в штаб Резервного фронта в район полустанка Обнинское, он расположен в деревне Пяткино за рекой Протвой. Информировать С. М. Буденного об обстановке. Разверните часть бригады и организуйте оборону с целью прикрытия направления на Медынь. Через штаб Резервного фронта доложите в Генштаб о полученном от меня приказании и сообщите, что я поехал в Калугу в 5-ю стрелковую дивизию» [64].

Относительно 17-й танковой бригады, с командиром которой полковником Троицким, по словам Жукова, он встретился 8 октября, тоже не все ясно. Дело в том, что бригадой с самого начала формирования с 1.9 по 7.12.1941 г. командовал майор Клыпин Николай Якимович. Эту бригаду сначала планировали срочно перебросить из Владимира в район Мценска, в распоряжение командира 1-го гвардейского корпуса. Начало погрузки было назначено на 18.00 4.10, темп переброски — максимальный. Но в 16.00 этого дня задачу бригаде изменили: выгрузиться на ст. Мятлевская (30 км северо-восточнее Юхнова), где поступить в распоряжение Резервного фронта. Штаб Резервного фронта так и не смог найти бригаду и поставить ей задачу. Видимо, бригада выгрузилась на другой станции. Бригада, по крайней мере, до 23.40 5 октября оставалась в подчинении Ставки, когда она была подчинена 5-й гвардейской стрелковой дивизии. По окончании выгрузки дивизия и бригада должны были начать движение на Медынь в готовности нанести удар на Юхнов, а также поддержать отряды Стар-

чака и подольских курсантов. Чем командовал полковник Троицкий, выяснить мне не удалось. Во всяком случае, среди командиров танковых бригад в октябре — декабре 1941 г. он не значится. Может быть, он был одним из заместителей командира бригады? Но для Жукова как-то не солидно разговаривать с каким-то заместителем. Это все равно что советовать с полковником Л. Брежневым об обстановке в районе Новороссийска.

8 октября на помощь сводному отряду прибыли 3 танка из 17-й танковой бригады, а также курсантская рота Подольского пехотного училища. Артиллерийский дивизион капитана Россикова также был усилен курсантами Подольского артиллерийского училища. С утра 9.10 на рубеже р. Изберь у Мятлево (в 22 км юго-западнее Медынь) оборону удерживали, кроме сводного отряда, сборный батальон ополченцев, команды обслуживания ближайшего аэродрома и батарея 122-мм гаубиц. Отряд был подчинен командиру 17-й танковой бригады. В течение пяти суток эти части сдерживали наступление превосходящих сил противника (по немецким данным, 9 и 10 октября на этом направлении действовало от одного до двух батальонов 3-й моторизованной дивизии, поддержанных артиллерией и танками¹). За это время ими было подбито 20 танков, 10 бронемашин и уничтожено около тысячи солдат и офицеров противника.

По словам Жукова, в районе Калуги офицер связи штаба фронта вручил ему телефонограмму начальника Генштаба, в которой Сталин приказывал ему прибыть 10 октября в штаб Западного фронта. К исходу 8 октября Г.К. Жуков вновь заехал в штаб Резервного фронта. Только там якобы Жукову доложили о полученном приказе Ставки об отзыве С. М. Буденного и назначении его командующим Резервным фронтом (получается, что в течение 8 октября фронтом, по существу, никто не руководил!). На вопрос, какой приказ выполнять, Б.М. Шапошников ответил, что ГКО рассматривает сейчас вопрос о расформировании Резервного фронта и передаче его частей и участков обороны в состав Западного и что кандидатура Жукова рассматривается на должность командующего им. Начальник Генштаба просил Жукова до 10 октября сде-

¹ NARA. T312, R150, F7689795.

лать все возможное, чтобы противник не прорвался через Можайско-Малоярославецкий рубеж, а также на серпуховском направлении — в районе Алексина. На этих направлениях противник ближе всего подошел к Москве, что очень беспокоило Ставку.

Прежде всего, надо было разыскать части, которые избежали окружения, чтобы использовать их для прикрытия наиболее угрожаемых направлений. 8 октября в 23.25 Г.К. Жуков по БОДО передал в Москву:

«Вручить немедленно т. Маленкову.

В штабе фронта нет ни одной бронемашины и вездехода. Эти средства мне срочно нужны для розыска частей фронта.

Прошу Вас срочно приказать выслать в мое личное распоряжение:

1) 6 бронемашин повышенной проходимости

2) 10 штук любых машин повышенной проходимости

3) 20 человек штабных работников для делегатской службы, т.к. в штабе Резервного фронта всех разогнали по армиям. Сейчас некого даже послать с важным поручением.

Г.К. Жуков. 23.38»¹.

Иногда высказывается мнение, что Жуков не все сделал, чтобы оказать помощь войскам, окруженным в районе Вязьмы, спасти их. Но при этом как раз и не учитывают то обстоятельство, что Г.К. Жуков в качестве командующего Резервным фронтом два дня — 8 и 9 октября — должен был заниматься организацией обороны на малоярославецком и серпуховском направлениях. Конечно, Г.К. Жуков, как представитель Ставки, был озабочен положением в полосе соседнего фронта. Так, он отдал за своей подписью (дата на документе не проставлена) распоряжение начальнику штаба Западного фронта:

«Молния. Соколовскому.

Передайте приказание Лукину, Ершакову, Болдину. Во что бы то ни стало сохранить М-13. В случае невозможности это сделать — уничтожить.

04.20. Жуков».

¹ ЦАМОРФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 65. Л. 169.

Обстановка продолжала ухудшаться с каждым часом, в том числе и на калужском направлении. Здесь действовала 49-я армия (194-я сд и 31-я кд), которая с 7 октября была подчинена Резервному фронту. Оказалось, что 31-я кавалерийская дивизия приказа о занятии Козельска и Сухиничи не получила и по-прежнему находилась в Белеве. Противник, воспользовавшись отсутствием там наших войск, силами до мотополка 8.10 занял Козельск, а 9.10 — важный узел дорог Сухиничи (всего в 75 км юго-западнее Калуги). И надо было принимать самые срочные меры по созданию нового фронта обороны и прежде всего на направлениях наступления противника. Г.К. Жуков доложил в Ставку об обстановке в районе г. Медынь и принятом решении:

«т. Сталину, Шапошникову

1. Противник, силою 50 танков, 2—3 пех. полка в течение 10.X наступал со стороны Юхнова и пытался захватить Медынь.

В результате упорного боя сводного пехотного отряда в 1000 человек и 17-й танковой бригады противник остановился западнее р. Шаня, что западнее Медынь.

К 16 часам 11.X в район Медынь подтягиваю 53 сд без одного стр. полка.

Западнее Калуги в 30 километрах обнаружено сосредоточение танков и 400 автомашин. Обе эти группировки с утра 11.X буду бить авиацией.

2. 31 кд, усиленная пехотным отрядом, ведет наступление на Козельск.

3. Все попытки противника форсировать р. Угра на фронте Товарково, Плетневка (Калужский сектор) отбиты»¹.

Сил для создания обороны на Оке не хватало. И командующий Резервным фронтом Г.К. Жуков 9 октября в 11.30 просит Ставку приказать Брянскому фронту занять все переправы через р. Ока южнее Кипеть. В 02.58 10.10 командующий 49-й армией генерал-лейтенант И.Г. Захаркин приказал 31-й кавдивизии в течение 10.10 вернуть Козельск и во взаимодействии с группой пехоты подготовить удар на Сухиничи с целью разгрома противника.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 226.

9.10 штаб Резервного фронта доложил о положении войск:

«1/. Штаб РФ в течение 9.10 продолжал работу по задержанию и приведению в порядок отходящих в беспорядке частей 43 и 33 армий...

2/. Войска 24 армии продолжали вести бой в окружении. Положение ее частей уточняется. Положение штарма 24 А не известно.

3/. Данных о положении войск 33 А нет. 1-й эшелон штарма сосредоточился в Доброе (8 км сев.-вост. Малоярославец).

4/. Положение войск 43 А не известно. Остатки частей задержаны в районе Малоярославец»¹.

В это время остатки соединений и частей 43-й армии в соответствии с приказом командующего от 8.10 следовали через Гжатск, Можайск, Верея в Плетневку (10 км западнее Калуги). Противник перерезал им пути отхода. Штаб 43-й армии к 13.00 10 октября прибыл в Лапшинку, что в 1 км западнее Балабаново (23 км южнее Наро-Фоминск. — Л.Л.) без разведотдела, отдела связи и без средств связи, которые ушли в направлении Плетневки. Сразу же были отданы распоряжения о возвращении частей, двигавшихся в район Калуги, и указаны районы сбора 50, 113, 211 и 149-й стрелковых дивизий, 145-й и 148-й танковых бригад. К этому времени в армии не оказалось баз снабжения, полностью отсутствовало продовольствие и горючее².

Г.К. Жуков прибыл в штаб Западного фронта в Красновидове 10 октября. Там в это время продолжала свою работу комиссия ГКО, которая должна была разобраться в сложившейся обстановке и спасти, что еще можно было спасти. По ее рекомендации командование фронта отдало приказ о переброске четырех стрелковых дивизий на Можайскую линию обороны, а также по организации в ближайшие 2—3 дня выброски окруженным войскам с самолетов боеприпасов, продовольствия и горючего³. Комиссия нашла положение дел на фронте крайне неудовлетворительным и предложила объединить войска Западного и Резервного фронтов. Сталин был явно не-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 30. Л. 220.

² Там же. Д. 10. Л. 11.

³ Там же. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 23. Л. 210.

доволен командованием фронта и был склонен строго наказать Конева.

Вспоминает Г.К. Жуков:

«Сталин: Мы решили освободить Конева с поста командующего фронтом. Это по его вине произошли такие события на Западном фронте. Командующим фронтом решили назначить вас. Вы не будете возражать?

— Нет, товарищ Сталин, какие же могут быть возражения, когда Москва в такой смертельной опасности.

Сталин: А что будем делать с Коневым?

— Оставьте его на Западном фронте моим заместителем. Я поручу ему руководство группой войск на калининском направлении. Это направление слишком удалено, и необходимо иметь там вспомогательное управление, — доложил я Верховному.

Сталин подозрительно спросил:

— Почему защищаете Конева? Он ваш дружок?

— Мы с ним никогда не были друзьями, знаю его по службе в Белорусском округе.

Сталин: Хорошо. В ваше распоряжение поступают оставшиеся части Резервного фронта, части, находящиеся на Можайской оборонительной линии и резервы Ставки, которые находятся в движении к Можайской линии. Берите быстрее все в свои руки и действуйте.

— Принимаюсь за выполнение указаний, но прошу срочно подтягивать более крупные резервы, так как надо ожидать в ближайшее время наращивания удара гитлеровцев на Москву.

Войдя в комнату, где работала комиссия, я передал ей свой разговор со Сталиным.

Разговор, который был до моего прихода, возобновился. Конев обвинял Рокоссовского в том, что он не отвел 16-ю армию, как было приказано, в лес восточнее Вязьмы, а отвел только штаб армии.

Рокоссовский сказал:

— Товарищ командующий, от вас такого приказа не было. Было приказание отвести штаб армии в лес восточнее Вязьмы, что и выполнено.

Лобачев:

— Я целиком подтверждаю разговор командующего фронтом с Рокоссовским. Я сидел в это время около него (по свидетельству писателя В. Карпова, в этом месте на полях руко-

писи Жукова написано редакторское замечание: «Надо ли это все ворошить?». — Л.Л.).

С историей этого вопроса, сказал я, можно будет разобратся позже, а сейчас, если комиссия не возражает, прошу прекратить работу, так как нам нужно проводить срочные меры. Первое: отвести штаб фронта в Алабино. Второе: товарищу Коневу взять с собой необходимые средства управления и выехать для координации действий группы войск на калининское направление. Третье: Военный совет фронта через час выезжает в Можайск к командующему Можайской обороной Богданову, чтобы на месте разобраться с обстановкой на можайском направлении.

Комиссия согласилась с моей просьбой и уехала в Москву» [64].

Этот эпизод с разбирательством хорошо известен, и подробно останавливаться на нем не будем. Но позднее (об этом рассказ впереди) в одной из бесед с Константином Симоновым Г.К. Жуков, вспоминая этот эпизод, сказал:

— Думаю, что это решение, принятое Сталиным до выводов комиссии, сыграло большую роль в судьбе Конева, потому что комиссия, которая выехала к нему на фронт во главе с Молотовым, наверняка предложила бы другое решение. Я, хорошо зная Молотова, не сомневался в этом... [65].

В результате комиссией было принято решение, которое было доложено начальником Генштаба по телефону Сталину и им утверждено:

«По прямому проводу Военному совету Западного фронта. Военному совету Резервного фронта, командующему Резервным фронтом тов. Жукову, тт. Молотову, Ворошилову.

10 октября 1941 г. 17 час.

В целях объединения руководства войсками западного направления Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Объединить Западный и Резервный фронты в Западный фронт.

2. Назначить командующим Западным фронтом тов. Жукова.

3. Назначить тов. Конева заместителем командующего Западным фронтом.

4. Назначить тт. Булганина, Хохлова и Круглова членами Военного совета Западного фронта.

5. Тов. Жукову вступить в командование Западным фронтом в 18.00 11 октября 1941 г.

6. Управление Резервного фронта расформировать и обратить на укомплектование Западного и Московского Резервного фронтов. Получение подтвердить.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин.

Б. Шапошников.

№ 2844»¹.

Новый командующий отдал первоочередные распоряжения в соответствии с высказанными предложениями. Прежде всего, он потребовал от штаба фронта принять безотлагательные меры по восстановлению управления войсками и организации наземной и воздушной разведки. Затем Жуков вместе с членом Военного совета фронта Н. А. Булганиным выехал в Можайск к коменданту Можайского укрепрайона (УР) полковнику С. И. Богданову, чтобы на месте разобраться в обстановке на этом направлении. Тот доложил, что на подступах к Бородино с передовыми моторизованными и танковыми частями противника ведет бой 32-я стрелковая дивизия, усиленная артиллерией и танками. Ею командует полковник В. И. Полосухин, опытный командир. На дивизию можно было надеяться.

Прибыв в штаб фронта, Г.К. Жуков начал свою работу с восстановления управления войсками. В первую очередь нужно было срочно создать прочную оборону на направлениях вероятного продвижения передовых соединений противника — на рубеже Волоколамск, Можайск, Малоярославец, Калуга. Организовать противотанковую оборону, создать вторые эшелоны и резервы фронта, чтобы можно было ими маневрировать для усиления наиболее уязвимых участков обороны и локализации его прорывов. Войска и штабы скоро почувствовали твердую руку нового командующего, человека непреклонной воли и жесткой требовательности, обладавшего неукротимой энергией и пробивной силой. К тому же не стоит забывать, что Жуков оставался членом Ставки ВГК, обладавшим широкими полномочиями. Штаб фронта немедленно приступил к организации наземной и воздушной разведки, восстановле-

¹ ЦАМО РФ. Ф.3. Оп. 11556. Д. 3. Л. 75.

нию твердого управления войсками и материально-техническому обеспечению войск.

Наследство Георгию Константиновичу досталось незавидное. Обстановка была близка к катастрофической. Основные силы войск обоих фронтов, которые могли бы оказать сопротивление врагу на пути к столице, оказались в окружении. Позднее в письме А.А. Жданову в Ленинград Жуков напишет:

«Сейчас действуем на западе — на подступах к Москве. Основное это то, что Конев и Буденный проспали свои вооруженные силы. Принял от них одно воспоминание: от Буденного — штаби 98 человек, от Конева — штаби два запасных полка <...>»¹.

Здесь, конечно, Г.К. Жуков преувеличивает, войска были, в том числе и те, которым удалось избежать окружения. Но их нужно было разыскать, привести в порядок, поставить им задачи, соответствующие обстановке, наконец, помочь в материально-техническом обеспечении. При стихийном и неуправляемом отходе не успевали ставить задачи соединениям на оборону, а уж про тылы, склады и станции снабжения просто забывали. Частично запасы боеприпасов, ГСМ и продовольствия были уничтожены, частью достались врагу.

В это время в тылу противника, в районе западнее и северо-западнее Вязьмы, в это время продолжали сражаться окруженные войска 16, 19, 20, 24 и 32-й армий и оперативной группы генерала И. В. Болдина. Их попытки вырваться из кольца до сих пор оставались безуспешными. Но своими активными действиями они сковали под Вязьмой и в других районах в общей сложности до 28 дивизий противника, тем самым способствуя усилиям Ставки по созданию обороны на новом рубеже. Им следовало оказать помощь. Однако для одновременного решения двух задач — спасти окруженные войска и создавать новый фронт для защиты Москвы — сил и времени не было. Ставка продолжала стягивать на московское направление все оказавшиеся поблизости части, пытаясь закрыть образовавшуюся на московском направлении гигантскую брешь. Советское командование надеялось, что окруженным западнее Вязьмы войскам, как и войскам Брянского фронта, удастся вырваться из окружения.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 288. Оп. 2524. Д.15. Л. 7.

Надо было любой ценой выиграть время для создания обороны в глубине. 13 октября 1941 г. во всех частях Западного фронта зачитали приказ нового командующего:

«Командование фашистских войск, обещавшее в одну неделю взять Ленинград, провалилось с этим наступлением, погубив десятки тысяч своих солдат. Наши войска заставили фашистов прекратить предпринятое наступление.

Теперь, чтобы оправдать этот провал, фашисты предприняли новую авантюру — наступление на Москву. В это наступление фашисты бросили все свои резервы, в том числе необученный и всякий случайный сброд, пьяниц и дегенератов.

Наступил момент, когда мы должны не только дать отпор фашистской аванюре, но и уничтожить брошенные в эту авантюру резервы.

В этот момент все как один, от красноармейца до высшего командира, должны доблестно и беззаветно бороться за свою Родину, за Москву.

Трусость и паника в этих условиях равносильны предательству и измене Родине.

В связи с этим приказываю:

1. Трусов и паникеров, бросающих поле боя, отходящих без разрешения с занимаемых позиций, бросающих оружие и технику, расстреливать на месте.

2. Военному трибуналу и прокурору фронта обеспечить выполнение настоящего приказа.

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники, будьте мужественны и стойки.

НИ ШАГУ НАЗАД! ВПЕРЕД ЗА РОДИНУ!

Жуков, Булганин»¹.

Положение в полосе Брянского фронта оставалось серьезным, но не настолько критическим, как в районе Вязьмы. Заняв Жиздру, Карачев, Орел, Кромы, Дмитровск-Орловский, Локоть, Навлю и Брянск, противник перерезал главные коммуникации Брянского фронта, войска которого оказались в оперативном окружении. К исходу 7 октября 13-я армия занимала рубеж Погар, Муравьи, Знобь, Голубовка, ст. Суземка правым флангом — на запад, центром — на юг, левым — на

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 82.

юго-восток. Противник к этому времени охватывал ее левый фланг, намереваясь ударом в общем направлении на Трубчевск окружить ее части. 3-я армия удерживала свой район обороны. 50-я армия после занятия противником Людинова и Жиздры вынуждена была частью сил прикрыться с севера и северо-востока. К 7 октября ее соединения занимали рубеж Ольшаница, Ивот, Дубровка и далее по рекам Десна и Судость. О группе генерала Ермакова по-прежнему точных данных не было. Таким образом, чтобы выполнить приказ Ставки и выйти на назначенный рубеж, войскам фронта предстояло пройти с боями 160—180 км (схема 3). Гитлеровцы, развивая наступление на войска фронта с востока, стремились рассечь окруженную группировку, чтобы уничтожить их по частям. Повернув на запад, они не опасались удара с востока.

Из записей Гальдера:

«Утро 8.10. Группа армий «Центр». На восточном фланге 2-й танковой армии давления противника по-прежнему не ощущается. Западный фланг армии, который подвергается контратакам противника, надежно прикрыт. В результате неблагоприятной погоды наступление через шоссе Орел — Брянск приостановилось. Войска готовятся продолжить наступление. В районе севернее этого шоссе войска противника отходят в восточном и северо-восточном направлениях. Таким образом, здесь в нашей большой системе окружения все-таки остается брешь.

<...> 9.10. Группа армий «Центр». Давление противника на западный фланг танковой группы Гудериана все время усиливается. Следует обратить на это серьезное внимание и бросить сюда танковые части для ликвидации угрозы. Конечно, в результате этого наступление от Орла на Тулу еще более задержится. Противник не оказывает давления на восточный фланг группы армий! Бои против окруженной группировки противника в районе Вязьмы носят прямо-таки классический характер.

И далее: 9.10.41. Брянский «котел» закрыт. Из него и вяземского «котла» противник предпринимает попытки прорыва в восточном направлении.

Слабыми силами, действующими в основном вблизи главных дорог, противник пытается сдержать продвижение передовых частей. Сведений о переброске крупных сил с востока или участков других фронтов пока не поступало <...>».

Читателю, вероятно, уже надоел этот Гальдер, который в самом начале войны — 3 июля — «прославился» своим заявлением о том, что «кампания против России выиграна в течение 14 дней». Чтобы покончить с цитированием его записей (которые, надеюсь, все-таки помогали читателю ориентироваться в общей обстановке), скажу, что 10 октября Гальдер, совершая прогулку верхом, упал с лошади и повредил ключицу. В госпитале ему наложили гипсовую повязку на всю правую руку, вследствие чего писать свой знаменитый дневник он уже не мог. А послевоенные исследователи на некоторое время лишились важного источника сведений с той стороны. После излечения в конце октября 1941 г. оптимизма у него значительно поубавилось. Вот еще один образец его «точного» прогноза от 3 ноября 1941 г. Отметив, что русские пытаются сосредоточить все свои силы в районе Москвы, чтобы удержать этот район (куда сходятся все железные дороги из Азии), он записал:

«Этими мероприятиями противник стремится сохранить себе возможность снова перейти в наступление в 1942 году армией, восстановленной за счет сил, собранных и оснащенных с помощью промышленной базы Урала. Возможно даже, что это контрнаступление последует не в 1942 году, а позже» [17].

Согласно сводке ОКХ, 9 октября 113-я пехотная дивизия 2-й армии соединилась с 18-й танковой дивизией Гудериана к северо-востоку от Брянска, и брянский котел был закрыт. Противнику удалось расчленить основные силы Брянского фронта на две части: северную — в районе Брянск, Дятьково (здесь были окружены основные силы 50-й армии) и южную — в районе Трубчевск, Суземка, Ивля (3-я и 13-я армии). Группа генерала Ермакова действовала в отрыве от остальных сил фронтов в районе Рыльск, Льгов. В предвкушении полного разгрома войск Брянского фронта германское командование попыталось одновременно решить сразу несколько задач.

Гудериан с раздражением вспоминал:

«10 октября от командования группы армий были получены новые указания: овладеть Курском; очистить «котел» в районе Трубчевска; завершить окружение «котла», образовавшегося северо-восточнее Брянска; нанести удар по Туле. Все это предлагалось выполнить немедленно. Либенштейн (начальник штаба 2-й танковой армии Гудериана. — Л.Л.) поступил совершенно правильно, запросив командование груп-

пы армий о степени срочности всех этих требований, которые явно исходили от высшего командования. Однако никакого ответа мы не получили» [7].

А теперь, читатель, попробуйте представить в подобной ситуации любого нашего командующего фронтом (армией). Кто бы из них осмелился задать столь дерзкие вопросы вышестоящему командованию? Скорее всего, он принялся бы выполнять все задачи сразу, не выполнив в конечном итоге ни одной из них. Так получилось и у немцев. Хотя для уничтожения наших войск в районе Брянска и Трубчевска было задействовано 20 дивизий из 22, имевшихся в составе 2-й армии Вейхса и 2-й танковой армии Гудериана, противнику не удалось создать плотный внутренний фронт окружения. Позднее фон Бок отметил, что Гудериан не продвинулся вперед; он, как и Вейхс, застрял в брянском «котле».

Это обстоятельство и использовало наше командование.

Рассказывает командующий Брянским фронтом:

«В связи с занятием противником Козельска и непосредственной угрозой Болхову КП штаба Брянского фронта 8.10 был организован в Кураково (2,5 км вост. Белева). Только в этот день мой штаб фактически после налета противника на КП в Свень начал работу. Если бы я не принял решение об отъезде в армии и фактически не выехал бы в них 6.10, то управление армиями фронта было бы потеряно по меньшей мере на 2—3 дня и судьба армий возможно была бы иной». И тут же:

«9.10 штаб фронта, не имевший связи со мной, дал войскам свою директиву (№ 00215). Этот приказ (директива) моего штаба легко могла бы ввести путаницу в войсках, но благодаря тому, что этот приказ был дан на двое суток позже, чем начались фактические действия частей по моему приказу, он никакой роли не сыграл и никакого значения не имеет, тем более что приказ этот не везде был получен».

И, наконец, главное:

«Я и мой штаб со второй половины дня 6.10 находились в разных местах, и связи между нами до 9.10 не было. В дальнейшем связь осуществлялась через Москву и по радио. В данной конкретно сложившейся обстановке **это обстоятельство сыграло в управлении войсками, как я указывал выше, положительную роль** (выделено мною. — Л.Л.),

т.к. мой штаб, оторвавшись от войск, не имел с ними связи 2—3 суток. Я же, находясь в войсках с утра 7.10, не только имел связь с армиями, но уже отдал предварительное распоряжение, а в 14.00 отдал армиям фронта боевой приказ на бой с перевернутым фронтом и отход»¹.

Приходится только удивляться неоднократным попыткам А.И. Еременко повернуть самые невыгодные для него моменты в свою пользу. Ну, а то, что Ставка в течение 6 и 7 октября не имела связи ни с командующим фронтом, ни с его штабом, он просто выводит за скобки^И. После налета на штаб фронта 6 октября Еременко, по существу, управлял только одной 3-й армией, в которой он оказался. Похоже, что генерал-полковнику Еременко, который при малейшем обострении обстановки на каком-либо участке фронта сразу бросался туда наводить порядок, штаб был нужен только для того, чтобы отбиваться от неприятных для командующего вопросов «сверху». Генштаб, который своими мощными радиостанциями поддерживал связь с армиями, по существу, и руководил напрямую войсками фронта, несмотря на заверения Еременко об обратном.

В связи с этим небольшое отступление по поводу А.И. Еременко, в личной храбрости которому не откажешь. Оказавшись в окружении, он почти непрерывно находился в боевых порядках сражающихся войск. Позднее, после тяжелого ранения командующего Брянским фронтом, раненного осколком авиабомбы, в труднейших условиях вывезет из окружения пилот санитарного самолета С-2 П.Т. Кашуба. В Москве в госпитале Еременко посетил Сталин, который пожурил того за то, что не бережет себя. После высочайшего посещения и отчет о действиях своих войск в госпитале писать было легче. Ошибки и просчеты командования фронта, прямой недисциплинированностью его командующего, следствием которых стало поражение фронта в первые же дни немецкого наступления, в отчете уходят на второй план. Оказывается, для «командования фронтом было ясно, что противник готовится к переходу в наступление на Брянск и Севск или Льгов». Напомним, что в разведсводках штаба фронта и 28, и 30 сентября (за час до удара Гудериана) был сделан вывод: «Можно пола-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 32. Л. 1—30.

гать, что пр-к готовится к переходу в наступление с нанесением концентрического удара на Брянск». И резервы фронта были задействованы на направлении прорыва только на третий день операции. Зато потом Еременко расписывает, как доблестно сражались войска п^Од его руководством с перевернутым фронтом, как умело они наносили контрудары в тыл «подлецу Гудериану»! Но кто бы стал придирается к Отчету уже расформированного с 10 ноября фронта?

Сталин почему-то всегда проявлял к Еременко особое внимание. Характерный эпизод. После излечения 24 декабря его принял Верховный Главнокомандующий. По словам Еременко, Сталин задал ему совершенно неожиданный вопрос:

— «Скажите, вы обидчивы, товарищ Еременко?

— Нет, не очень.

— Скланского вы знаете?

— Знаю.

— Так вот, будучи дважды наркомом, я в свое время подчинился Скланскому — замнаркома. А вы не обидитесь, если мы назначим вас временно в подчинение товарищей, которые не так давно были вашими подчиненными? — он разъяснил, что это решение вызвано необходимостью выполнения очень важной задачи и он считает для этого подходящей именно мою кандидатуру»[49]. Из дальнейшего разговора выяснилось, что Еременко назначается командующим 4-й ударной армией, входившей в состав Северо-Западного фронта, которым командовал П. А. Курочкин, находившийся в его подчинении (несколько дней) на Западном фронте. После обычных в этом случае заверений Еременко был утвержден в этой должности.

Вот и, по существу, единственный выезд на фронт за время войны 5 августа 1942 г. Сталин совершил к командующему Калининским фронтом генерал-полковнику Еременко. При этом Сталин не пожелал встретиться ни с кем из членов Военного совета фронта, не говоря уж о том, чтобы побывать в войсках. Судя по содержанию разговора, в передаче Еременко, он пользовался особым доверием со стороны вождя. Сталина меньше всего интересовал замысел предстоящей операции — он заговорил о кадрах, о генералах, которые были освобождены из мест заключения перед самой войной и хорошо воевали.

«А кто виноват, — робко задал я вопрос Сталину, — что эти бедные, ни в чем не повинные люди были посажены?» — «Кто, кто... — раздраженно бросил Сталин. — Те, кто давал санкции на их арест, те, кто стоял тогда во главе армии». И тут же называл товарищей Ворошилова, Буденного, Тимошенко. Они, по словам Сталина, были во многом повинны в истреблении военных кадров. Именно они оказались неподготовленными к войне. Но самая плохая характеристика... была дана им за то, что они не защищали свои военные кадры. Собственно, я в этом разговоре больше слушал да отвечал на вопросы. Сталин спрашивал меня, насколько хорошо я знаю того или иного маршала, генерала, освобожденного из-под ареста. Что касается маршалов, я дал уклончивый ответ, сказав, что знаю их плохо, издали. Партия создала им авторитет, и они почтили на лаврах. Поэтому плохо показали себя в Великой Отечественной войне. Вот как говорит о них народ, я тоже придерживаюсь такого мнения. «Говорит народ правильно», — вставил реплику Сталин. В отношении же освобожденных генералов я сказал, что товарищи Горбатов, Рокоссовский, Юшкевич, Хлебников — все они во время войны, а некоторые и до нее были в моем подчинении, и я даю им самую высокую оценку, так как это умные генералы, храбрые воины, преданные Родине.

«Я согласен с вами, товарищ Еременко», — заметил Сталин. Каждый раз, говоря о кадрах, он пристально, испытующе посматривал на меня, видимо, для того, чтобы определить, какое впечатление производят на меня его характеристики и оценки людей» [49].

Остается только догадываться, почему именно с Еременко Сталин завел разговор о людях, принадлежащих к высшему командованию Красной Армии. Вспоминая эту встречу, Еременко восторженно писал о Сталине. Хотя позднее выяснилось, что в дневниках, которые он скрытно вел во время войны, в адрес вождя было сказано много довольно резких и нелестных слов. Вот и после этой встречи с вождем на фронте Еременко сделал в своем дневнике запись: «Товарищ Сталин значительно повинен в истреблении военных кадров перед войной, что отразилось на боеспособности армии». И это в 1943 году!

Однако пора вернуться к событиям, развернувшимся на Брянском фронте после приказа Ставки об отводе войск. Армии начали отход в ночь на 8 октября. Немцы немедленно зафиксировали, что перед 53-м армейским корпусом русские отвели свои главные силы, оставив боеспособные арьергарды, и что минные поля и лесные завалы замедляют преследование. Командование корпуса сделало вывод, что противник пытается уйти на восток через лесистую местность между Брянском и Жиздрой.

Согласно отчету Еременко, в приказе на бой с перевернутым фронтом и отход он потребовал от войск продвигаться быстро, не допуская окружения ни одной дивизии и сохранив полностью материальную часть и огневые средства. Для этого разгрузили весь транспорт от ненужного имущества с тем, чтобы основную массу пехоты и артиллерии посадить на машины. Войска 50-й и 3-й армий 10 и 11 октября продолжали отходить в указанных им направлениях, как правило, ночью, используя для этого имевшиеся еще разрывы в боевых порядках противника и нанося чувствительные удары по тылам и флангам его войск. Впереди каждой колонны двигались танки. Однако навстречу 50-й армии на рубеж Хвастовичи, Карачев уже спешили части Гудериана, в том числе одна танковая дивизия. А против 3-й армии развернулись главные силы 47-го моторизованного корпуса.

15 октября командование 2-й армии фон Вейхса в своем докладе признало:

«Боевые действия с окруженным противником продолжаются в виде разрозненных боев. Еще не представляется возможным определить, когда они будут закончены. ... Русским снова, несмотря на большие потери, удалось своевременно вывести крупные силы из-под угрозы окружения»¹.

Несколько забегаая вперед, рассмотрим вкратце действия армий Брянского фронта при действиях с перевернутым фронтом.

13-й армии еще 6 октября в 11.45 была поставлена задача, удерживая занимаемые рубежи, главными силами продолжить наступление на Суземку, Середина-Буда и далее на Севск для удара совместно с частями 3-й армии и группы Ерма-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 73. Л. 233.

Командующий 13-й армией
генерал-лейтенант
А.М. Городнянский

кова по тылам главной группировки противника. К 8 октября армия в результате предыдущих боев понесла большие потери. Например, в приданном 462-м артполку РГК оставалось всего 12 орудий (107-мм — 3, 122-мм — 3 и 152-мм — 6). Не хватало снарядов и горючего. И атаки силами 6-й и 143-й стрелковых дивизий успеха не принесли. В отличие от других армий фронта, соединениям генерал-лейтенанта А.М. Городнянского с самого начала отхода пришлось пробивать себе путь на юго-восток через несколько последовательных заслонов немецких войск.

Командующий принял решение, прикрывшись частью сил с фронта, нанести удар в направлении ст. Суземка, Орля, Хвощевка, Калиновка, Беляево, т. е. сначала на юг, а затем на восток. В ночь с 8 на 9 октября войска армии, уже не связанные более необходимостью удержания своего участка фронта, произвели необходимую перегруппировку. Главный удар армия наносила силами 132-й и 143-й стрелковых дивизий и 141-й танковой бригады. Основной силой ударной группы являлась 132-я стрелковая дивизия генерал-майора С.С. Бирюзова. Дивизия скрытно вывела главные силы с занимаемого рубежа обороны и, совершив марш, прибыла в район сосредоточения. В целях дезинформации противника Бирюзов передал открытым текстом по радио ложный боевой приказ о переходе дивизии в наступление в направлении Уралово, Хильчичи. Приказ продублировали и по телефону. Замысел удался.

Рассказывает член Военного совета 13-й армии М. А. Козлов:

«Рано утром 9 октября отряды прорыва 132-й и 143-й стрелковых дивизий с приданными танками 141-й танковой бригады пошли в атаку в районе Негино. Одновременно все тракторы, стоявшие в этом районе на опушке леса, завели

моторы и своим шумом имитировали движение танков. Дивизионная артиллерия обрушила огонь на позиции противника. Атака была неожиданной и успешной. В Негино мы уничтожили до полка пехоты, захватили штаб полка, разбили 15 противотанковых орудий. Через Негино прошли 132-я и 143-я стрелковые дивизии и первый эшелон штаба армии.

Но через три часа противник, собрав свои силы, закрыл выход остальным частям армии. Подошедшая 6-я стрелковая дивизия стремительной атакой вновь опрокинула противника. За нею прошла часть второго эшелона армии и резервы командарма.

На другой день 132-я стрелковая дивизия выбила противника из Хинельского лесокombината на подступах к шоссе Глухов — Севск, игравшего большую роль в снабжении действовавших на Орловском направлении танковых войск Гудериана. Здесь на шоссе в деревнях Познятовка и Веселая Калина части дивизии атаковали остановившуюся на привал крупную мотомеханизированную колонну противника. Враг понес большие потери в живой силе и технике. В бою за Веселую Калину был тяжело ранен командир 132-й стрелковой дивизии генерал-майор С. С. Бирюзов. В командование дивизией вступил начальник штаба дивизии полковник Мищенко» [66].

События южнее Трубчевска нашли отражение в документах 48-го танкового корпуса врага:

«В районе северо-западнее Севска были окружены крупные силы противника, насчитывающие несколько дивизий, возможно, две армии. Они совершили прорыв на Севск. Создалась тяжелая обстановка. 60-й усиленный пехотный (моторизованный) полк без 1 батальона <...> получил задачу удерживать Севск и предотвратить попытки противника прорваться через город.

9.10. Из 35-го армейского корпуса: После нескольких ночных атак при поддержке артиллерии части противника утром 9.10 ворвались в Суземку. Из окружения южнее Брянска противник пытается прорваться в направлении Суземки и шоссе Погребы — Трубчевск. Давление противника не ослабевает.

10.10 25 пд (моторизованная) уже перехватила части противника, прорвавшиеся западнее Севска. Однако некоторые из них прорвались на юг».

Гудериан в своих воспоминаниях о боях в районе Суземки записал:

«Вечером 8 октября 1941 г. было получено донесение из 35-го корпуса о том, что противник оказывает сильное давление на наши войска, расположенные севернее Суземки (западнее Севска). Отсюда можно было заключить, что окруженные южнее Брянска русские войска пытаются прорваться на восток... 9 октября русские продолжали свои попытки прорваться в районе населенного пункта Суземки. Русские стремительно атаковали правый фланг 293-й пехотной дивизии, оттеснив дивизию к Суземке и Шиленке» [7].

Соединения 13-й армии, пробившиеся в район Хомутовки, что в 50 км северо-западнее Льгова, были опять окружены силами 34-го ак и 48-го мк противника. Враг перекрыл все пути к р. Свапа (приток р. Сейм), оттеснив на ряде участков оборонявшиеся на восточном берегу части группы Ермакова. Генштаб организовал доставку горючего 13-й армии, но его оказалось мало, да и не все сброшенное попало по назначению.

М.А. Козлов продолжает:

«Противник, разгадав направление нашего прорыва, организовал сильную оборону вдоль дороги Рыльск — Дмитриев. К этому времени непрерывный дождь с мокрым снегом сделал дорогу непроходимой. И тут, к несчастью, кончилось горючее. Положение стало очень тяжелым. По нашему запросу нам начали сбрасывать горючее на парашютах, но его было мало, — в условиях бездорожья оно быстро расходовалось. Почти весь автотранспорт, сосредоточенный в одном месте, стоял с пустыми баками. Противник, несомненно, это знал и, подтянув силы, начал наступать. На моих глазах наши спаренные пулеметные установки с машин открыли шквальный огонь по врагу, и он, оставив на поле боя убитых, отхлынул назад. Ну а что же дальше? Ведь не было никакой возможности спасти автотранспорт. После всестороннего анализа сложившейся обстановки и тяжелых раздумий Военный совет 17 октября принял решение уничтожить автотранспорт и другое имущество, чтобы его не использовал враг. Моторы автомобилей простреливались бронебойными пулями, а сами машины пускали под откос в глубокий овраг. Артиллеристы гаубичного артполка, выпустив все снаряды по скоплению противника, последним выстрелом приводили орудия в негодность (в канал ствола сыпали песок). Все это делалось с болью в сердце. Утешало одно — враг ничем уже не воспользуется.

Кроме того, по акту были уничтожены возимые рации, документы и деньги финансового отдела армии» [66].

Частям 13-й армии генерала Городнянского удалось прорваться из вражеского окружения 17 октября у моста через р. Свапа (в направлении Студенок), благодаря деблокирующему удару группы генерала Ермакова. По пути они уничтожили немецкий автотранспорт, который тоже стоял из-за бездорожья в этом районе. Из окружения 18 октября вышло около 10 тыс. человек, все с винтовками при 32 станковых и 34 ручных пулеметах, со 130 автоматами ППШ и 11 пушками (в 143-й сд насчитывалось 1250 человек, в 121-й — 1306). Они были включены в состав 50-й армии, командующим которой был назначен генерал-майор А.Н. Ермаков. К 22 октября они заняли оборону на фронте шириной до 45 км к северо-западу от Курска. Хотя армия и понесла большие потери, в большинстве дивизий насчитывалось 1500 — 2000 штыков. В ходе боев 13-я армия нанесла гитлеровцам серьезный урон, уничтожив свыше 3 тыс. солдат и офицеров, 30 танков и бронемашин, 650 автомобилей, 11 самолетов, 70 орудий, 15 минометов, около 100 пулеметов.

«После неимоверно трудного марша в условиях холодной осени, промокшие, истощенные от недоедания, ведя бои днем и ночью, причем далеко не всегда ясно представляя, где находится противник — впереди, справа или слева, воины 13-й армии <...> вышли <...> из окружения. <...> Все коммунисты имели при себе партийные билеты. Те, кто не смог выйти (раненые, больные), оставшись на юге брянских лесов, вскоре организовались в партизанские отряды <...> » [66].

3-й армии генерал-майора Я.Г. Крейзера предстояло пробиваться севернее 13-й армии в направлении Дмитровск-Орловский и пройти с боями наибольшее, по сравнению с другими армиями, расстояние. Чтобы осуществить наступление с перевернутым фронтом, ей пришлось произвести более сложную по сравнению с двумя другими армиями фронта перегруппировку. Местность от реки Десны и Трубчевска на восток и северо-восток, сама по себе болотистая, с началом дождей стала почти непроходимой. В ночь на 8 октября главные силы армии, прикрывшись сильными арьергардами, оторвались от противника и к утру совершили марш в 60 км. Это очень редкий случай марша пехоты такой продолительно-

сти. На рубеже Уты (на р. Десна в 32 км севернее Трубчевск), Арельск противник, занявший оборону на подготовленном тыловом рубеже фронта, встретил отходящие части армии организованным огнем. Бои на этом рубеже велись с 8 по 11 октября. Лишь к 12 октября нашим частям удалось прорвать оборону противника и выйти на рубеж Салтановка (15 км юго-западнее Навля), Святое. Здесь они вновь были остановлены противником, который стремился всеми силами остановить наши части и принудить их к сдаче. К 12 октября противник прочно закрыл выходы из лесов по рубежу Навля, Борщево, Погребы, Локоть.

С частями этой армии выходил из окружения и командующий фронтом генерал-полковник Еременко:

«К 5 часам утра 12 октября, за два часа до восхода солнца, один батальон 269-й стрелковой дивизии, пользуясь лесными тропами и малопроходимой местностью, вышел в указанный ему район — к домику лесника, что в 3 км восточнее Борщево, и таким образом оказался в тылу боевых порядков противника, действовавшего на направлении Борщево. Почти одновременно второй батальон, следовавший за первым, тоже вышел в указанный ему район и занял исходное положение для атаки. Удар планировался с тыла и с фронта одновременно. Чтобы достигнуть внезапности, сигналом общей атаки должна была послужить ночная атака батальона, вышедшего к домику лесника. Он играл главную роль в этом бою. Вторым батальон, наносивший удар также из тыла, но несколько правее, должен был немедленно «подхватить» атаку первого батальона и, как бы наращивая удар по фронту, смело и решительно ударить по врагу» [49].

Брешь в боевом порядке врага была пробита. Но при прорыве через заслоны врага штаб армии потерял управление соединениями, которые далее продолжали действовать самостоятельно. 13 октября частям 148, 280 и 282-й стрелковых дивизий удалось пробить узкий коридор шириной не более 500 м в кольце окружения западнее Навли.

Гудериан писал:

«11 октября русские войска предприняли попытку вырваться из «трубчевского котла», наступая вдоль обоих берегов р. Навля. Противник устремился в брешь, образовавшуюся между 29-й и 25-й мотодивизиями, занимаемую 5-м пулеметным батальоном <...>.

13 октября русские продолжали свои попытки прорваться между Навлей и Борщевом. <...> ввиду потери подвижности наших частей, группе русских численностью до 5000 человек удалось прорваться и достичь Дмитровска (Дмитровск-Орловский. — Л.Л.) <...>» [7].

А 137-я и 269-я стрелковые дивизии, 42-я тбр и штаб армии вместе с командармом Я.Г. Крейзером, членом Военного совета Ф.И. Шеклановым, начальником штаба А.С. Жадовым и командующим артиллерией М.М. Барсуковым с 17 по 20 октября

Командующий 3-й армией
генерал-майор Я.Г. Крейзер

находились в полном окружении 6—20 км севернее Дмитровск-Орловский. Появившиеся самолеты противника начали бомбить КП 269-й стрелковой дивизии и боевые порядки артиллерии, которая занимала не遠далеке огневые позиции. Здесь Еременко был ранен в правую ногу и в правое плечо несколькими осколками авиационной бомбы. В труднопроходимых болотах застрял весь автотранспорт и даже танки, у которых кончилось горючее. В этот район наши самолеты начали сбрасывать горючее на парашютах, но в условиях бездорожья оно было быстро израсходовано. Военный совет принял решение об уничтожении техники и тяжелого вооружения.

В борьбе с прорывающимися на восток соединениями враг использовал данные воздушной разведки о районах скопления наших войск и маршрутах движения колонн и сведения, полученные путем перехватов переговоров по радио. Так, 19.10 воздушная разведка обнаружила «две группы противника, каждая силою в одну дивизию с артиллерией и танками. Южная группа противника наступает на Поповка (8 км юго-западнее Дмитровск) на фронте шириной около 7 км. Два дня тому назад ее атаки были отбиты, но они усиливаются. С юго-запада подходят новые колонны.

Сегодня новая группа противника в районе Аллапенки (4 км северо-западнее Дмитровск) — 1000 автомашин, обнаружена тяжелая артиллерия и артиллерия большой мощности, 12 танков. Исходное положение в лесу севернее Аллапенки.

Донесения воздушной разведки о направлении удара противоречивы, здесь полагают, что на восток»¹.

Бои шли в исключительно тяжелых условиях болотистой местности. В ночь на 21 октября части армии прорвали фронт противника, наступая по сплошному болоту, и 23 октября пересекли занятое противником шоссе Фатеж — Кромы.

В конце концов, по словам Еременко, из армии Крейзера пробились к своим войскам в районе Поныри приблизительно 13 000 человек. В ходе боев с 3-й армией противник потерял около 5500 солдат и офицеров убитыми, 100 пленными, около 250 автомашин, до 25—30 танков и много другого боевого имущества.

50-я армия генерал-майора М.П. Петрова утром 9.10, оторвавшись от противника, продолжила отход. Ее части сумели совершить бросок на восток в 50 км, прежде чем они столкнулись со значительным сопротивлением противника. Завязались тяжелые бои. В районе Хвастовичи части армии 12 октября вступили в бой с сильной группировкой противника, подошедшей со стороны Орла, которая преградила ей путь на восток и юго-восток.

Из оперсводки 4-й армии фон Клюге за 13.10:

«Остатки сил противника, окруженного северо-западнее Брянска 2-й армией и частью сил 2-й танковой армии, все еще оказывают отчаянное сопротивление. Уничтожение этих сил является ближайшей задачей. 40 тыс. военнопленных, взятых в боях с 50-й армией русских, доказывает, что основные силы этой армии уничтожены».

Но 50-я армия, продолжая выполнять поставленную задачу, к исходу 13 октября вышла на рубеж Подбужье, Карачев и сосредоточилась в районе ст. Батагово (25 км северо-восточнее Брянска), Буяновичи для переправы через р. Рессета (приток р. Жиздра) и подготовки прорыва. На реке глубиной до 3 м с болотистой поймой мостов не было. Утром 154-я стрелковая

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 73. Л. 237.

дивизия генерала Я.С. Фоканова форсировала реку, но немцы не дали ей развить успех. Артиллеристы армии, огнем отбивая атаки с направления Хвастовичи, Пеневичи, поддерживали пехоту, переправившуюся через реку. К 14 октября навели мосты и с утра под сильным артиллерийским и минометным огнем начали переправу противотанковой и полковой артиллерии на конной тяге, а также орудий 151-го кап. К исходу дня их удалось переправить на другой берег. Однако две попытки перевезти орудия на мхтяге не удалось — орудия проваливались вместе с тягачами. В этот день все 20 установок гвардейского минометного полка, израсходовавшего все боеприпасы, по решению Военного совета были взорваны. 15 октября пришлось уничтожить и 16 орудий 761-го арtpолка, а также 8 орудий 643-го корпусного арtpолка.

Переправившиеся части понесли большие потери. Исход боя решил обходящий отряд во главе с командармом, который вышел в тыл противнику. Нашим частям удалось пробиться к югу на 5—7 км. Но развить прорыв в юго-восточном направлении не удалось. Обходящий отряд был расчленен, многие погибли в бою, в том числе и член Военного совета армии бригадный комиссар Н.А. Шляпиен. Командующий армией Герой Советского Союза М.П. Петров в бою получил смертельное ранение (подробнее о судьбе Михаила Петровича Петрова мы расскажем позднее). Остатки армии опять были окружены в районе Желтоводье, Вереща (10 км северо-западнее Карачев), и 17 октября немцы сообщили о завершении ликвидации ее частей¹.

Изменив направление действий и нанеся удар в северо-восточном направлении, армия прорвала заслоны врага и двинулась в направлении на Белев. Остаткам армии и ее штабу во главе с полковником Л.А. Пэрн удалось пробиться из окружения именно там, где до вмешательства начальника Генштаба они сначала успешно продвигались. В район Белева к 23 октября вышли остатки 217, 290, 279, 278, 258, 260 и 154-й стрелковых дивизий, танковой бригады, а также несколько отдельных стрелковых и артиллерийских полков и другие части. Из окружения удалось вывести 14 орудий арtpолка 217-й сд, 18 орудий 299-й сд, 4 — 154-й сд и 2 орудия —

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 257.

Командующий 50-й армией
генерал-майор М.П. Петров

151-го кап, а также некоторое количество противотанковых орудий. Вышедшие из окружения части заняли оборону в пределах Белевского участка обороны¹. Всего в ходе боев армия потеряла около 90 тысяч человек. Тем не менее свыше 12 тысяч бойцов сумели пробиться к своим войскам.

Немецкие источники рисуют другую картину боев. По их данным, полностью наши войска севернее и южнее Брянска были окружены к 14 октября. Так, 15 октября генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок доложил главнокомандующему сухопутных войск:

«Бои с окруженными под Вязьмой войсками противника продолжаются в целом ряде разрозненных районов. Еще не представляется возможным определить, когда это будет закончено <...> Перед фронтом 2-й армии упорно обороняется 50-я русская армия. Отражены ее попытки прорваться под Желтоводье».

Через три дня в оперсводке ОКХ № 125 от 18.10.1941 прозвучало:

«2-я армия: В ходе уничтожения 50-й русской армии взято в плен 55 105 человек, захвачено трофеев: 477 орудий, 21 танк, 1065 автомашин, много другого оружия и технического имущества...

Уничтожены: 50-я армия в составе следующих дивизий: 149 (дивизия 43-й армии Резервного фронта. — Л.Л.), 154, 217, 258, 260, 278, 279, 290, 299-я стрелковые дивизии, 3-я резервная дивизия, 108 танковая дивизия»².

¹ ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 9769. Д. 1. Л. 9—11.

² Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 277—281.

21 октября ОКВ объявило:

«<...> При очистке поля боя восточнее Брянска погибли командующий 50-й советской армией, депутат Верховного Совета генерал Петров и несколько офицеров его штаба».

В общей сложности, из брянского окружения смогли пробиться остатки 18 дивизий и одной танковой бригады, всего примерно 23 тыс. человек. В том числе вышли полевые управления фронта и всех трех армий. Таким образом, армии Брянского фронта, прорвав многочисленные вражеские заслоны, выполнили поставленную Ставкой задачу — вырвались из оперативного окружения и даже сохранили часть сил для создания нового фронта обороны. Следует подчеркнуть, что армии вышли из окружения практически без помощи извне, если не считать встречный удар частей группы генерала Ермакова на завершающем этапе и удары авиации по заявке фронта. При этом они своими активными действиями сковали значительные силы 2-й танковой и часть сил 2-й полевой армий противника, чем способствовали восстановлению стратегического фронта обороны на новых рубежах.

Военный совет в Шутове — прорываться или обороняться? Мы подошли к самому драматическому моменту наземских событий. Попробуем и в дальнейшем излагать ход боевых действий языком документов, кратко комментируя их по мере необходимости. Но придется сразу оговориться: документальных материалов, касающихся боев в окружении, сохранилось не так много — в основном только те, что были переданы тем или иным способом в вышестоящие штабы. Большая часть документов соединений и частей была уничтожена в окружении и при выходе из него. Некоторые из них сохранились лишь потому, что попали во вражеские руки (например, некоторые документы 50-й армии), а уж потом были захвачены нашими войсками вместе с трофеями и сданы в архив. Многие документы до сих пор не рассекречены, особенно документы Ставки.

Поэтому придется исходить из того, что есть, а также шире использовать свидетельства непосредственных участников боев, опубликованные в различное время, сверяя их с документами не только советских, но и немецких архивов. В них одни и те же события зачастую излагаются по-разному, в за-

висимости от степени владения автором материалом, знания документальных источников и личной добросовестности. Многое, конечно, зависело от усердия редакторов и цензоров, которые неукоснительно выполняли требования печально известного «Перечня сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати» и инструкций военного ведомства. Мы уже видели, как поработали редакторы над статьей командарма Лукина, которая увидела свет только через 11 лет после его смерти. Поэтому, читая мемуары военачальников и воспоминания ветеранов, надо всегда помнить, в какое время нашей истории они были опубликованы. Что было на самом деле — никогда уже не узнаем. Путем сопоставления различных источников можно лишь приблизиться к истине, подтвердить или опровергнуть достоверность тех или иных сведений.

Несмотря на приказ прорываться и как можно быстрее выводить войска на восток, в руководстве окруженными войсками возникли своего рода колебания: прорываться или организовывать оборону? Сейчас нам трудно понять, почему обсуждались эти два совершенно противоположных варианта действий, когда имелось совершенно ясное требование Ставки и командования фронта — **прорываться**. «Именно в эти дни мною была получена радиограмма за подписью И.В. Сталина, — вспоминает Лукин. — В ней говорилось о том, что (пишу по памяти, так как штабные документы уничтожены, а в архивах найти ее пока не удалось) приход 19-й армии к Москве необходим, защищать Москву нечем и нечем» [40].

Окруженным войскам был передан приказ Жукова:

«В течение 10—11 октября прорвать линию противника и во что бы то ни стало выйти из окружения...»¹

Группе Лукина в составе 19-й и 32-й армий и группе Болдина предлагалось прорываться на восток — или на Сычевку или на Гжатск, 20-й и 24-й армиям — на юго-восток (а Конев нацеливал на юго-запад). Радиограмма Жукова и тяжелое положение окруженных (на исходе были боеприпасы, горючее и продовольствие) обязывали к активным действиям. Приказ надо было выполнять. В это время была, наконец, установлена на короткое время радиосвязь с командармом-20 Ершаком

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 82. Л. 344, 345.

вым. Тот сообщил, что намерен прорываться на восток южнее Вязьмы.

Видимо, внутренне и Лукин, и Болдин, и Вишневский (которому предлагалось вылететь самолетом из района окружения, но он отказался покинуть свои войска) понимали, что прорваться и пробиться на соединение со своими войсками шансов мало. Они хотели выработать единое решение, поддержанное подчиненными командирами, которым придется вести свои части и подразделения в последний бой. Дело в том, что к этому времени уже стало ясно, что в районе Вязьмы находятся крупные танковые и моторизованные соединения противника. К тому же необходимо было решить, как выполнить требование командования — спасти технику и вооружение. Требование вполне понятное, учитывая ранее понесенные громадные потери. Лукин и Болдин стояли перед дилеммой: спасти живую силу и тяжелое вооружение и технику или все бросить, что нельзя погрузить на машины, и спасти людей?

В этом отношении немцы по понятным причинам придерживались других приоритетов. Например, в середине декабря 1941 г. части 1-й танковой дивизии отходили от Клина по единственной остававшейся еще свободной дороге, которую к тому же перерезал у Теряевой Слободы десант в составе батальона 214-й воздушно-десантной бригады (415 чел.). Немецкое командование разрешило дивизии в случае необходимости бросить технику и пробиваться на соединение с главными силами.

По свидетельству генерала Вашкевича, поздно вечером 10 октября в деревню Шутово в штаб 19-й армии были вызваны на совещание командиры дивизий. Генерал-лейтенант М.Ф. Лукин информировал командиров соединений о сложившейся обстановке. В боях с 8 по 10 октября войска 19-й армии и группа И. В. Болдина понесли значительные потери. Так, 128 танковая бригада с 3 по 7 октября потеряла 60 % личного состава и все танки, а также 27 транспортных и 6 спецмашин. В трех танковых бригадах оставалось два танка — один КВ и один Т-26. Но, видимо, ремонтники даром времени не теряли — позднее их количество окажется несколько большим.

На своего рода военном совете обсуждались два варианта действий. Первый: остаться в занимаемом районе, организовав круговую оборону, и тем самым надолго приковать к себе

крупные силы врага. Тогда можно было бы выиграть время, что позволило бы Верховному главнокомандованию организовать оборону на Можайской линии. Но без помощи извне армия продержаться в окружении долго не могла, так как испытывала нужду в боеприпасах, горючем, медикаментах и продовольствии. В связи с отходом войска лишились многих баз, складов, станций снабжения. Некоторые армейские и фронтовые склады боеприпасов и ГСМ были уничтожены в связи с невозможностью эвакуации, а также в результате паники. Часть баз снабжения и складов попала в руки врага. Так, 6-я танковая дивизия врага доложила о захвате 9 октября в лесу восточнее Старо-Комягино двух складов с оборудованием и большим количеством запчастей для танков и автомашин, в том числе танковых двигателей. Частями этой же дивизии на каком-то перегоне, очевидно, в районе Вадино, были захвачены два эшелона с продовольствием и обмундированием.

Заместитель командующего Западным фронтом по тылу генерал-лейтенант В.Н. Курдюмов 9.10 в 15.20 обещал в ближайшие 2—3 дня организовать выброску окруженным с самолетов боеприпасов, горючего и продовольствия. Он потребовал указать потребности, очередность и количество грузов, точные районы выброски, возможность посадки самолетов, установить сигналы. Генерал Курдюмов посоветовал также полностью использовать местные средства и запасы, оставленные на складах и станциях снабжения. Однако своевременно взять под контроль все запасы боеприпасов и горючего, транспортных средств, оказавшиеся в котле, не удалось. Хотя Лукин упоминает, что два боекомплекта боеприпасов все-таки удалось вывезти с фронтовых складов. По некоторым данным, на ст. Вадино попытались создать подвижный склад боеприпасов на базе железнодорожной летучки, но она скоро была выведена из строя авиацией противника.

10 октября Болдину сообщили, что в ночь с 10 на 11 октября окруженным будет организовано сбрасывание горючего 15 самолетами. Необходимо было обозначать район сбрасывания в течение всей ночи и утром квадратом из четырех костров в 300 метров один от другого. Но доставка горючего по воздуху так и не была осуществлена. Возможно, из-за перерывов связи согласовать вопрос так и не удалось. Кроме того, просьбы о доставке горючего поступали и от командования

других фронтов. Как раз в это время была организована выброска горючего и боеприпасов для соединений 13-й армии, пробивавшихся на восток из окружения в районе Трубчевска. У ВВС Красной Армии не хватало средств для массовой доставки грузов окруженным войскам. И собравшиеся на совещание командиры хорошо понимали это, тем более что противник организовал довольно плотную воздушную блокаду района окружения. Из 14 самолетов связи, посланных командованием Западного фронта в район окружения, ни один не вернулся. Все они были сбиты в воздухе или уничтожены на земле. По немецким данным, к 13 октября над районом окружения западнее Вязьмы было сбито 29 русских самолетов.

Поэтому в основном обсуждался второй вариант — решительным ударом прорвать кольцо окружения и отходить на восток на соединение со своими войсками в районе Гжатска, до которого надо было пройти примерно 60—70 км. Решение трудное: соединения понесли значительные потери, горючее и боеприпасы на исходе. В гвардейских минометных частях («катюши») снарядов оставалось на один залп. Войска не располагали надежной защитой от ударов с воздуха: два отдельных зенитных артиллерийских дивизиона, почти не имевшие боеприпасов, не могли справиться с этой задачей. К тому же авиационные части фронта, уступавшие в численности врагу, в связи с общим отходом войск были вынуждены перебазироваться далеко на восток. Даже в случае успешного прорыва внутреннего кольца окружения армия, подвергаясь ударам танков и авиации противника, вряд ли смогла бы пройти 100—120 километров, ведь противник, овладев Гжатском, уже был на подходе к Можайску.

Из статьи генерала Лукина:

«Неоднократно до 11 октября нами предпринимались попытки прорваться, но успеха они не имели. Вновь собрал всех командиров и комиссаров дивизий и сообщил о том, что наше положение значительно ухудшилось. Снарядов мало, патроны на исходе, продовольствия нет, питались тем, что могло дать население, и кониной. Кончились медикаменты и перевязочные материалы. Все палатки и дома переполнены ранеными. На перевязочный материал шли рубашки, белье, все, что можно было достать у населения. Невозможно было смотреть на страдания людей, сердце разрывалось. Но воины держались. Все, кто мог, дрались упорно и мужественно.

Многие в это время вступали в партию, ясно представляя себе, какая ответственность ложится на них. Все знали: враг шел на Москву, ее надо защищать. Поэтому всеми силами пытались вырваться из окружения. Но этого сделать не удавалось, и мы тогда старались приковать к себе и отвлечь как можно больше сил противника» [56].

В конечном итоге командование окруженных войск пришло к решению собрать все боеспособные части в единый кулак для прорыва. Теперь, когда противник подтянул силы и уплотнил свою оборону на восточной стороне «котла» пехотой, прорыв из окружения требовал тщательной подготовки и помощи извне. Окруженные части стали готовиться к новой попытке прорыва. Командарму Лукину оставалось принять решение относительно места (на уже скомпрометированном направлении или выбрать какой-то другой участок прорыва), времени и способа прорыва из окружения.

Из статьи генерала Лукина:

«<...> 12 октября я вызвал командиров на последнее совещание. Приказал собрать все имеющиеся снаряды, остался у нас последний залп гвардейских минометов. Назначил в прорыв 2-ю стрелковую дивизию народного ополчения, еще не потрепанную в боях. Ее командир генерал-майор В.Р. Вашкевич был грамотный генерал. У него в подчинении находился еще отряд моряков из 800 человек. Назначил в прорыв и 91-ю стрелковую дивизию сибиряков.

Сообщил командующему фронтом, Б.М. Шапошникову, в Ставку ВГК о том, что в такое-то время, собрав снаряды всей артиллерии и дав последний залп «катюш», буду прорываться в направлении Гжатска на Богородицкое. В случае неудачи на этом участке буду прорываться к 20-й армии для совместных действий» [56].

Из статьи можно сделать вывод, что прорыв было намечено осуществить силами всего двух дивизий. И вообще в ней не упоминаются другие соединения. Видимо, редакторы «Военно-исторического журнала» в те приснопамятные времена не хотели показать даже намеком, сколько дивизий оказалось в окружении. Впрочем, у них в запасе было оправдание: в одной статье журнала невозможно рассказать обо всем.

Вопрос в другом — когда было проведено последнее совещание, и, главное — когда окруженные войска пошли на про-

рыв. 11 октября Болдин и Лукин доложили в Ставку об очередной неудачной попытке прорыва:

«Т. СТАЛИНУ, т. ШАПОШНИКОВУ

т. КОНЕВУ, т. БУЛГАНИНУ

Сегодня пробивались, не смогли пробиться. **К 11 октября в 16.00** (здесь и далее выделено мною. — Л.Л.) объединенными усилиями, собрав все в кулак, начнем выход из окружения.

Из-за отсутствия горючего принял решение горючее из колесных машин перелить в трактора и выводить живую силу, артиллерию и боевые машины»¹.

Болдин и Лукин, не очень надеясь на связь, дублировали донесения друг друга. Из донесения Болдина Коневу и Булганину, переданного через Москву:

«Сегодня пробивались, но не смогли пробиться. **Повторим в 16.00**. Сливаем горючее с колесных машин в трактора для артиллерии. 214 сд с одним полком 101 мсд прорвалась в лес 1 км севернее Богородицкое, но немцы опять закрыли брешь»².

Выдержки из оперсводки № 213 штаба Западного фронта на 20.00 11.10.1941 г.:

«<...> Шестое. Группа Болдина вела **в течение 10.10** ожесточенный бой в районе Богородицкое. 214 сд с одним полком 101 мсд прорвались в лес 1 км севернее Богородицкое, но немцы опять закрыли брешь.

Из района Иванники в лес севернее Богородицкое противник бросил большие группы автоматчиков и минометы на 50 танках, отрезав первый эшелон (214 сд и 101 мсд), связь с которым установить не удалось.

В 16.00 11.10 части группы совместными усилиями с частями 19А возобновили действия по выходу из окружения.

Положение частей группы уточняется»³.

По немецким данным, прорвавшиеся 10 октября в глубину их обороны русские подразделения были уничтожены. Откуда в оперсводке штаба Западного фронта взялись «большие

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 36. Л. 290.

² Там же. Д. 27. Л. 27.

³ Там же. Оп. 2511. Д. 157. Л. 162—166.

группы автоматчиков и минометы на 50 танках», можно только гадать. Попытки наших войск прорваться из окружения, предпринятые 9 и 10 октября, насторожили врага, заставив его еще больше уплотнить боевые порядки своих войск за счет пехоты. В полосу 7-й танковой дивизии выдвигаются части 35-й пехотной. К исходу 10.10 противнику атакой с запада после короткого ожесточенного боя удалось овладеть районом Осташково, создав тем самым небольшой плацдарм на восточном берегу р. Вязьма в 7 км севернее автостреды.

Из сопоставления приведенных документов можно сделать однозначный вывод, что речь в них идет лишь о частично удачной попытке прорыва 10 октября и намерении повторить атаку 11 октября в 16.00. Трудно допустить, что М.Ф. Лукин за давностью лет перепутал даты, указав, что прорыв у Богородицкое был назначен на 12 октября. Бой у этого села и все последующие события впечатались в его сознание на всю жизнь. Тем более что он, работая над воспоминаниями, видел в ЦАМО документы, в том числе подписанные им самим. А они свидетельствуют, что последняя организованная попытка наших войск вырваться из вражеского кольца в восточном направлении была предпринята 11 октября (это подтверждается и немецкими источниками).

Вопрос о дате прорыва только на первый взгляд кажется простым или надуманным (кому как покажется). Далее нам придется сопоставлять во многом противоречивые свидетельства участников боев. Поэтому и надо определиться относительно исходной даты — **прорыв был назначен на 11 октября**. А на следующий день — 12 октября, — когда немецкая разведка установила, что войска, окруженные севернее автомагистрали, повернули на юг, в наступление перешел уже противник.

Глава 6

КАТАСТРОФА

Тяжелое положение на западном направлении. Первоочередные меры по воссозданию стратегического фронта. Могли ли Ставка и Жуков спасти окруженные войска и предотвратить катастрофу? Попытка прорваться 11 октября у Богородицкое не удалась, 19-я армия повернула на юг. Агония 20-й и 24-й армий южнее Вязьмы. Получив отпор на Можайской линии обороны, фон Бок вынужден был временно прекратить наступление. Масштабы катастрофы, куда делся миллион бойцов? Сосчитаем ли мы когда-нибудь потери вооруженных сил в минувшей войне?

На московском направлении планомерно отвести войска двух фронтов на Ржевско-Вяземский рубеж не удалось. В окружении в районе Вязьмы оказались 36 стрелковых дивизий из 58, все 9 танковых бригад и половина артполков РГК. Вместе с войсками в котел у Вязьмы попали и полевые управления четырех армий (19-й и 20-й армий Западного фронта, 24-й и 32-й армий Резервного). Остальные войска, не попавшие в окружение, отошли на восток и северо-восток. В оперативном окружении под Брянском оказались три армии и их полевые управления, а также и сам командующий фронтом. Штаб фронта оказался в Белеве без средств связи. Войсками этого фронта в основном руководили Ставка и Генштаб. По существу, Западный, Резервный и Брянский фронты, как оперативно-стратегические объединения, перестали существовать. Таким образом, в течение каких-то семи-восьми дней из боевого строя Красной Армии выбыло 13 армий (из 16 оперативных объединений), до сих пор удерживавших фронт на Западном стратегическом направлении. В результате сложилось крайне тяжелое положение: в обороне советских войск на Западном стратегическом направлении протяженностью 800 км

зияла брешь шириной до 500 км. Закрыть ее было нечем, так как резервы Ставки были еще раньше израсходованы для восстановления фронта на юго-западном и орловском направлениях. Это было равносильно катастрофе, которая кардинально изменила обстановку на всем советско-германском фронте. Ее тяжелые последствия еще долго определяли все решения Ставки ВГК и последующие действия Красной Армии.

Во второй декаде октября почти все пути в глубину страны были открыты. Единственной преградой на пути вермахта к Москве оставалась Можайская линия обороны, строительство которой, начатое еще в июле, еще не было завершено. От Волоколамска до Калуги имелись в различной степени готовности четыре укрепрайона (УР). Здесь коллективными усилиями населения и выведенных на рубеж строительных частей удалось за короткий срок проделать большую работу по строительству укреплений. Было построено: огневых точек из сборного железобетона — 289, деревоземляных и с железобетонными колпаками — 534, отрыто 111 километров противотанковых рвов и 95 километров эскарпов. Но план был далек от завершения — продолжалось строительство еще 110 дотов и 433 дзотов. Особенно слабо был подготовлен Калужский УР, ибо его оборудование началось позже других. Несколько отставал от общего хода строительства и Волоколамский УР. Но для обороны укреплений требовались войска, которых в распоряжении советского командования не было.

Воссоздание Западного фронта пришлось начинать чуть ли не с нуля. Все войска, действующие на московском направлении, с 11 октября были объединены в новый Западный фронт под командованием генерала армии Г.К. Жукова, перед которым была поставлена задача всеми имеющимися в его распоряжении силами остановить наступление немецких войск. Становлению фронта обороны на новых рубежах во многом способствовало упорное сопротивление войск, окруженных под Вязмой и Брянском, а также заблаговременно принятые Ставкой и ГКО меры по оборудованию Можайской линии обороны. Ставка ВГК приняла решение о формировании 16, 5, 43 и 49-й армий, которые должны были развернуться на Можайской линии обороны. Для этого были использованы полевые управления 16, 31, 33 и 49-й армий, избежавших окружения. Жуков приказал все соединения и части, оказав-

шиеся на волоколамском направлении, включить в состав 16-й армии под командованием К.К. Рокоссовского, на малоярословецком — 43-й армии генерала К.Д. Голубева и на калужском — 49-й армий генерала И.Г. Захаркина. Войска, действующие в районе Наро-Фоминска, вошли в состав 33-й армии под командованием генерала М.Г. Ефремова, на Можайском направлении — в состав вновь созданной 5-й армии под командованием Д.Д. Лелюшенко.

По расчетам, для полевого заполнения укрепрайонов Можайской линии обороны и промежутков между ними требовалось не менее 150 батальонов. К 10 октября этот оборонительный рубеж занимался силами четырех стрелковых дивизий, отрядами курсантов различных военных училищ, тремя запасными стрелковыми полками и пятью пулеметными батальонами. В общей сложности, эти силы были равны примерно 45 батальонам. По неполным данным, в районах формирования армий на Можайской линии обороны располагались войска общей численностью немногим более 62 тыс. человек. Так, 16-я армия насчитывала всего 15 423 человека, в том числе 316-я стрелковая дивизия — 11 192 человека, училище имени Верховного Совета — 1414; 5-я армия — 20 385 человек, в том числе 32-я стрелковая дивизия — 12 тыс. человек, два батальона 230-го запасного стрелкового полка 33-й запасной стрелковой бригады — 1778 человек и батальон курсантов Московского военно-политического училища имени В.И. Ленина. В 43-й и 49-й армиях всего было 26 205 человек, в том числе в 312-й сд — 11 400, в 110-й сд — около 6 тыс., в Подольском пехотном училище — 569, в Подольском артиллерийском — 560 и в четырех 4 полках ПТО — 1300¹. К моменту выхода к ней передовых отрядов противника войсками было занято примерно 135 км из 200 и фланги укрепрайонов оставались неприкрытыми.

Армии пополнялись по мере формирования новых частей и подхода резервов. В последующие дни сюда были выдвинуты дополнительно пять танковых бригад, пять вновь созданных пулеметных батальонов и десять противотанковых полков (по штату они соответствовали батальонам. Полками их объявили, видимо, для того, чтобы поднять моральный дух войск

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 17. Л. 88.

на фронте). По другим данным, Западному фронту были переданы восемь танковых и две механизированные бригады, а также несколько стрелковых соединений, а Брянскому фронту — две танковые бригады и один усиленный танковый батальон. К середине октября на Можайской линии обороны были развернуты войска численностью около 90 тысяч человек. Но этих сил для создания устойчивой обороны было явно недостаточно, так как крупных оперативных резервов создать не удалось. На Можайскую линию обороны началась перегруппировка войск с соседних фронтов и из глубины страны. Сюда перебрасывались 14 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад, более 40 артиллерийских полков и ряд других частей. По мере их прибытия они направлялись в первую очередь для прикрытия основных направлений: можайского, малоярославского, калужского и волоколамского. На этих же направлениях сосредоточивались все имеющиеся артиллерийские и противотанковые средства.

Были приняты все возможные меры по ускорению переброски на западные резервов из глубины страны. Так, был максимально увеличен темп подвоза соединений по железной дороге. Военные эшелоны двигались сразу по двум колеям на минимально допустимой дистанции между ними. На это время останавливались все встречные перевозки, даже с военными грузами. Именно таким образом к середине октября были переброшены 316-я стрелковая дивизия, сформированная в июле в Алма-Ате, 312-я из Казахстана, 313-я из Туркестана и 178-я из Сибири. Для ускорения доставки резервов в назначенные районы и повышения маневренности войск были собраны все средства транспорта, имевшиеся в Москве. К середине октября на усиление обороны Москвы прибыло 12 стрелковых дивизий, 16 танковых бригад и 40 артиллерийских полков и другие части. Авиация была также пополнена новыми формированиями и двумя дивизиями дальней бомбардировочной авиации.

Но для выдвижения резервов Ставки и соединений с соседних фронтов и из глубины страны требовалось время, на которое надо было задержать противника любой ценой. Обстановка же на фронте, где продолжались бои с наступающим противником, требовала принятия немедленных решений, так как в распоряжении Западного фронта резервов не было. Ставка была вынуждена командовать отдельными дивизия-

ми, боеготовыми танковыми бригадами и противотанковыми частями, усиливая наиболее угрожаемые направления. В зависимости от реально складывающейся обстановки на направлениях продвижения противника иногда приходилось менять предназначение некоторых соединений и частей. Так, фактически в составе 5-й армии в период с 11 по 18 октября 1941 г. находились: 32-я стрелковая дивизия, 18, 19, 20 и 22-я танковые бригады, мотоциклетный полк, один стрелковый полк 133-й стрелковой дивизии, 121, 367, 421, 509-й артиллерийские полки противотанковой обороны, пять гвардейских минометных дивизионов («РС»).

В связи с непосредственной угрозой Москве решением ГКО от 12 октября начала создаваться еще одна линия обороны на ближних подступах к столице. Она включала полосу обеспечения и два оборонительных рубежа. Первый из них строился на удалении 15—20 км от Москвы. Второй — городской — по линии окружной железной дороги. Эта система обороны получила название Московской зоны обороны, в которую входили части московского гарнизона, вновь формируемые дивизии народного ополчения, истребительные батальоны и части НКВД.

Между тем разведывательный отдел штаба группы армий «Центр» 14 октября сделал вывод, что противник в настоящее время не в состоянии противопоставить наступающим на Москву немцам силы, способные оказать длительное сопротивление западнее и юго-западнее Москвы. Все, что осталось от противника после сражения, оттеснено на север или юг. Немецкое командование и представить себе не могло, что русским удастся в столь короткие сроки собрать на подступах к Москве значительные силы.

Передо мной лежат копии трофейных карт с положением немецких войск на каждый день. Придется воспользоваться ими, чтобы попытаться воссоздать более или менее ясную картину событий, происходивших в начале второй декады октября 1941 г. на Западном стратегическом направлении советско-германского фронта. На внутреннем фронте окружения в районе Вязьмы были задействованы 23 дивизии, из них шесть танковых (группировка вражеских войск на 9 и 11 октября показана на схемах 19 и 20). Соединения 41-го и 56-го моторизованных корпусов 3-й танковой группы, не задействованные на удержании внутреннего фронта окружения, на-

ходились на рубеже дороги Сычевка, Вязьма. Южнее Вязьмы расположились главные силы 4-й полевой армии и 4-й танковой группы противника, готовых к отражению любых попыток деблокады. Сплошного внешнего фронта окружения, как такового, до 11 октября и даже позже не было. Восточнее меридиана Вязьмы на территории севернее автостреды действовали в основном лишь разведывательные и передовые отряды противника.

Казалось бы, в такой обстановке нужно было приложить одно усилие и коридор для выхода окруженных войск из котла будет обеспечен. Конев, когда ставил Рокоссовскому задачу на деблокаду, как раз исходил из того, что противник занимает оборону на внешнем фронте окружения лишь отдельными опорными пунктами. Возможно, Рокоссовский поспешил с отходом на Гжатск. Но в его распоряжении была лишь одна 50-я стрелковая дивизия, да и то не в полном составе. Этими силами можно было нанести более решительный удар по противнику, занявшему Гжатск, с запада. Но он, не зная общей обстановки, поспешил на соединение со своими войсками, обойдя город с севера. Другие дивизии, которые должны были войти в состав 16-й армии, сами оказались в окружении.

Видимо, поэтому иногда высказывается мнение, что Ставка и Жуков, как новый командующий Западным фронтом, не все сделали, что было возможно, по деблокированию окруженной группировки наших войск в районе Вязьмы. Есть ли основания для столь серьезного обвинения и вообще, правомерна ли такая постановка вопроса? Несомненно, вопрос о помощи войскам, окруженным под Вязьмой, обсуждался И.В. Сталиным и Г.К. Жуковым. Остались ли следы этих переговоров в архивах, узнаем ли мы когда-нибудь, о чем они говорили и какие указания получил новый командующий Западным фронтом? Возможно, ему было приказано спасти все, что возможно, но главное — остановить врага и спасти Москву. Когда Жуков лично ознакомился с обстановкой, он убедился, что для одновременного решения двух задач — деблокады окруженных войск и воссоздания фронта на подступах к Москве — сил и времени не было. Впрочем, и для одной задачи сил не хватало. На мой взгляд, такая альтернатива — спасти ли окруженные войска или создавать новый фронт для защиты Москвы — перед ним не стояла. Для Жукова с самого начала в качестве приоритетной была задача организации обороны подступов к

Москве, к которой вот-вот могли прорваться танковые колонны врага. И возможностей для оказания действенной помощи окруженным извне у него не было.

С позиции сегодняшнего дня, когда раскрыты все карты, это особенно ясно. Война — вещь суровая: в создавшейся обстановке надо было чем-то жертвовать. Ну, не Москвой же. Попытка использовать войска, прибывающие на западное направление для деблокады окруженных под Вязьмой армий, не имела шансов на успех. В сражении вне подготовленных рубежей наспех собранные войска, несомненно, потерпели бы поражение. В этом случае пала бы и Москва. Официально это никогда не признавалось и вряд ли будет признано. Но от этого ничего не изменится. Если что и делалось, то только в надежде на самостоятельный прорыв окруженных войск, чтобы хоть какую-то часть их войск можно было использовать для защиты Москвы. Ведь уже начали пробиваться, и довольно успешно, из окружения армии Брянского фронта. Но под Вязьмой окружение было настолько плотным, что без помощи извне это оказалось невозможным.

К тому же к 10 октября обстановка на фронте еще более ухудшилась. Частью сил 9-й армии и 3-й танковой группой противник возобновил наступление против правого крыла Западного фронта в направлении Ржев и Калинин. Этим силам удалось захватить Сычевку, а затем Зубцов. Почти ничем не прикрытый разрыв в оперативном построении наших войск между Зубцовым и Гжатском, захваченным еще 9 октября частями моторизованной дивизии СС «Рейх», составил 75—80 км. Промежуток между Гжатском и Юхновым шириной около 100 км также прикрыть было нечем. В полосе же Брянского фронта, войска которого пытались вырваться из оперативно-го окружения, вообще не было организованного фронта, за исключением участка под Мценском.

Жуков вспоминает:

«Самым важным было тогда выиграть время для подготовки обороны войск фронта. Если с этой точки зрения оценить действия частей, окруженных западнее Вязьмы, то надо отметить должное их героической борьбе.

Командование фронта и Ставка помогали окруженным войскам. Осуществлялась бомбардировка с воздуха немецких боевых порядков, сбрасывались с самолетов продовольствие и боеприпасы. Но большего тогда фронт и Ставка для

окруженных войск сделать не могли, так как не располагали ни силами, ни средствами. Дважды — 10 и 12 октября — были переданы командармам окруженных войск радиogramмы, в которых содержалась краткая информация о противнике, ставилась задача на прорыв, общее руководство которым поручалось командующему 19-й армией генералу М. Ф. Лукину. Мы просили немедленно сообщить план выхода и группировку войск и указать участок, где можно было бы организовать помощь окруженным войскам авиацией фронта. Однако на обе наши радиogramмы ответа не последовало: вероятно, пришли они слишком поздно. По-видимому, управление было потеряно, и войскам удавалось прорываться из окружения лишь отдельными группами» [64].

На перечисление всех мер, направленных на оказание помощи окруженным войскам, Жукову в его воспоминаниях хватило одного абзаца. Да и там не все соответствует действительности. Например, 9 октября из 39 самолето-вылетов авиации Западного фронта более половины было задействовано в районе Гжатска, который захватили части одной дивизии противника. Запланированная выброска окруженным войскам боеприпасов и горючего также не состоялась. 11 октября Лукин и Болдин доложили о тяжелом положении окруженных войск. Командование окруженными войсками нуждалось в достоверных данных о противнике, чтобы принять верное решение на прорыв, в помощи ударами авиации с его началом. Но и этой помощи оказано не было.

В создавшейся обстановке главным было задержать продолжающие наступать подвижные соединения противника. Для этого, прежде всего, необходимо было оценить степень угроз по направлениям их действий, выявить наиболее опасные, чтобы направить туда сохранившиеся силы и подводимые резервы. Но деятельность разведки была нарушена. Ее неэффективность приводила к неправильной оценке противника, его намерений и возможностей и, как следствие, к принятию неверных решений. На это накладывалось незнание положения и состояния своих войск, избежавших окружения, утрата управления ими. Все это не позволяло локализовать прорывы даже незначительных сил противника.

Но тут начали сказываться последствия серьезного просчета, допущенного германским главным командованием. В упоении от успехов первых сражений операции оно решило

одновременно с продолжением наступления на Москву по кратчайшему пути совместными усилиями групп армий «Север» и «Центр» разгромить Северо-Западный фронт и войска, отступающие под нажимом корпусов северного крыла группы армий фон Бока. Южнее 2-я армия одновременно с ликвидацией советских войск, окруженных в районе Брянска, должна была наступать в юго-восточном направлении, а 2-я танковая армия Гудериана — совершить глубокий обход Москвы с юго-востока через Тулу, Каширу. Таким образом, были задуманы гигантские клещи, в которые должны были неизбежно попасть еще оставшиеся русские войска и большевистская столица. С запада на Москву продолжала наступать только часть сил 4-й армии и 4-й танковой группы противника. По мнению фон Бока, это сражение должно было стать последним напряжением его сил в битве за Москву.

Поворот на север и северо-восток сразу двух, а на юг — одного оперативного объединения привел к ослаблению нажима врага в центре Западного фронта. Наше командование незамедлительно воспользовалось этим благоприятным обстоятельством. К тому же надежды гитлеровского командования на быструю ликвидацию котла под Вязьмой и высвобождение удерживающих его соединений не оправдались. Немцы не учли силу сопротивления советских войск, которые своими непрекращающимися и настойчивыми попытками вырваться из окружения продолжали сковывать значительные силы врага. К исходу 11 октября на внутреннем фронте окружения все еще было задействовано 18 дивизий противника, 12 и 13 октября — 12—13 дивизий, в том числе по-прежнему — 6 танковых. К тому же выведенным из боя соединениям требовалось какое-то время для приведения их в порядок и отдыха личного состава (схема 21). Нарастивать силу удара в северо-восточном направлении оказалось нечем.

Тем не менее части 41-го моторизованного корпуса противника во второй половине дня 11 октября продолжили наступление в направлении Старица, Калинин. Передовой отряд 6-й пехотной дивизии, обойдя укрепленный рубеж с востока, начал продвижение на Ржев, до которого оставалось всего 25 км. 1-я танковая дивизия, «преследуя отступающего слабого врага, 11 октября в 12.15 захватила Зубцов и продолжила наступление на Старицу, пока хватит горючего». Из дивизии с радостью доложили, что мост через Волгу в Зубцове

не разрушен. Однако позднее выяснилось, что немцы два больших каменных моста через р. Осуга (приток Волги) ошибочно приняли за мост через Волгу. 56-й армейский корпус в составе 129-й пехотной и 14-й моторизованной дивизий продолжил выдвижение на северо-восток в общем направлении на Калинин с задачей совместно с 41-м корпусом не допустить отхода противника, отступающего под натиском частей северного фланга 9-й и южного фланга 16-й армий. Назревала угроза окружения соединений 22-й армии. Однако советское командование днем раньше предприняло решающие контрмеры. В связи с осложнением положения на Ржевском направлении Жуков отвел войска левого фланга 22-й и 29-й армий на рубеж р. Волга до Зубцова, приказав им ускорить отход за реку. При этом он потребовал задать дивизиям темп отхода 60—70 км в сутки¹.

Понимая, что соединения 29-й армии и назначенные части не успеют прибыть в район Старицы (находится на полпути между Ржевом и Калинин) и к Калинин, Жуков просит Ставку немедленно выдвинуть в район Калинина не менее одной стрелковой дивизии и танковой бригады, чего фронт сейчас сделать не может. Вместо 119-й стрелковой дивизии, которая оказалась скованной боем с противником, туда по железной дороге была отправлена 178-я сд. Одновременно Жуков просит Ставку дать распоряжение Северо-Западному фронту о переброске по железной дороге в район Старицы трех кавалерийских дивизий. Но осуществить этот маневр не успели. 12 октября враг занял Погорелое Городище, а к вечеру этого же дня — Лотошино и Старицу. При чем Старицу захватил передовой отряд 36-й моторизованной дивизии в составе батальона. Основные силы этой дивизии занимали рубеж Погорелое Городище, Карманово (схема 20). На рубеже Погорелое Городище, Гжатск действовали передовые отряды частей 36-й моторизованной дивизии, а в район Пречистое — 14-й моторизованной дивизии. После захвата подвижными соединениями противника Старицы и Лотошино на это направление выдвинулись пехотные дивизии 6-го и 27-го армейских корпусов.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 82. Л. 398.

Прорыв обороны Западного фронта на калининском направлении серьезно осложнил общую обстановку. Враг устремился на Калинин, в котором оставались лишь курсы младших лейтенантов и отряд народного ополчения. Ставка приняла ряд срочных мер по усилению группировки войск в этом районе. 5-я и 133-я стрелковые дивизии, направлявшиеся на Можайскую линию обороны, были задержаны в районе Калинина. Северо-Западному фронту было приказано направить в район города две стрелковые и две кавалерийские дивизии, 8-ю танковую бригаду под командованием П.А. Ротмистрова и мотоциклетный полк. Эти части под командованием начальника штаба фронта генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватутина получили задачу к 15—16 октября сосредоточиться в районе Вышний Волочек, Есиновичи.

К исходу 13 октября противник вышел к западным окраинам города. На следующий день части 1-й танковой дивизии противника при поддержке авиации отбросили 5-ю стрелковую дивизию, которая не успела организовать прочную оборону Калинина, и ворвались в город. К утру 15 немцы захватили большую часть города. Только один стрелковый полк еще удерживал северо-западную окраину города, седлая Ленинградское шоссе. На следующий день немцы, прорвавшего оборону, стали развивать наступление вдоль шоссе Калинин — Торжок, сумев за два дня продвинуться в северо-западном направлении на 40 км. Но в результате встречного боя с выдвигающейся навстречу 8-й танковой бригадой его передовые части были остановлены. Противник частью сил попытался продвинуться и на юг по Московскому шоссе. Но здесь путь ему преградили 5-я стрелковая дивизия, 21-я танковая бригада и некоторые части 30-й армии, отошедшие в этот район.

В этой обстановке Ставка ВГК 17 октября приняла решение о создании на базе войск правого крыла Западного фронта (22, 29 и 30-я армии) Калининского фронта. Командующим был назначен генерал И.С. Конев. Основной задачей фронта являлось освобождение Калинина и срыв попыток врага обойти Москву с севера. Это важное и своевременное решение позволило упорядочить управление войсками на стыке Северо-Западного и Западного фронтов. Полоса обороны последнего сократилась почти вдвое. Но слабо прикрытый разрыв между Калининским и Минским шоссе достигал 150 км.

18 октября оперативная группа генерала Ватутина разгромила части 3-й танковой группы генерала Рейнгардта в районе поселков Марьино, Медное и прочно закрепилась на рубеже северо-западнее Калинина. Соединения Ватутина были включены в состав 31-й армии, командующим которой был назначен генерал В.А. Юшкевич. Прежний генерал В.Н. Далматов за крупные упущения в управлении войсками при обороне Ржева был отстранен от должности и предан суду военного трибунала. Не имели успеха и части 9-й армии врага, перешедшие в наступление в направлении Торжок, Вышний Волочек. Однако, несмотря на принятые меры, выбить врага из Калинина не удалось. Но активными действиями Калининского фронта план окружения войск Северо-Западного фронта был сорван. Противник понес большие потери. Так, в результате боев в районе Калинина 1-я танковая дивизия, имевшая на 28 сентября 111 боеготовых танков (из общего числа 156), к 31 октября имела в строю только 36.

Жуков реально оценивал сложившуюся обстановку: противник, вынужденный выделить значительные силы для борьбы с окруженными армиями, сможет в ближайшее время наступать лишь на отдельных направлениях и, скорее всего, — вдоль основных дорожных магистралей, выводящих к Москве. Значит, основное внимание следует уделить не созданию сплошного фронта, для чего все равно не было достаточных сил, а организации обороны именно на этих направлениях. Наши войска использовали все возможности, чтобы затормозить немецкое наступление, нанести противнику потери и выиграть время для того, чтобы подготовить в тылу новые оборонительные рубежи и подтянуть резервы. Прежде всего, надо было остановить противника на направлениях, где он ближе всего подошел к Можайской линии обороны.

К моменту выхода противника к Гжатску его обороняли следующие силы: 202-й запасный стрелковый полк, учебная бригада с 533-м противотанковым полком, 365-й стрелковый полк и две батареи 503-го противотанкового полка. Сюда должна была подойти 18-я танковая бригада из резерва Западного фронта, которая в течение 7 и 8 октября выгружалась из эшелонов сразу на четырех ближайших станциях (Можайск, Уварово, Колоць, Дровнино). Бригада, имевшая в своем составе 42 танка (Т-34 — 9, БТ-7 — 3, БТ-5 — 24, БТ-2 — 5 и один Т-26) и 9 бронеавтомобилей, не успев полностью сосре-

доточить свои части, получила задачу уничтожить противника в районе Труфаново, Волосово, высота 201.3 и соединиться с частями 16-й армии в районе Туманово¹.

Однако бригада опоздала, город уже 9 октября был занят противником. К 12 часам 9 октября бригада в составе батальона средних танков (батальон легких танков поступил в подчинение генерала Щербакова) и мотострелкового батальона развернулась в 8—10 км юго-восточнее ст. Гжатск. В этом районе 18-танковая бригада завязала бой с передовым отрядом дивизии СС «Рейх», захватившей город (первоначально наша разведка определила принадлежность частей противника к дивизии СС «Мертвая голова»). 10 октября командующий фронтом приказал генерал-майору С.А. Калинин объединить части группы Щербакова, 18-й и 19-й танковых бригад, овладеть Гжатском и наступать к Вязьме навстречу выходящим из окружения войскам².

В боях 9 и 10 октября бригада уничтожила до 400 солдат и офицеров, 10 танков, два ПТО и две минбатарей, отбросив противника на 4—5 км. Бригада потеряла подбитыми и сожженными 8 танков, два ПТО и 60 человек убитыми и ранеными. К этому времени от Вязьмы по автострате в район Гжатска, где шел ожесточенный бой, подошла часть сил 10-й танковой дивизии противника. Бригада 11 октября попала в окружение, из которого удалось прорваться лишь отдельным частям. При этом погибли заместитель командира бригады, командир и комиссар танкового полка. К 12 октября в бригаде в строю осталось 5 танков Т-34, один БТ и один Т-26. По немецким данным, в этом районе юго-восточнее Дровнино произошло самое настоящее танковое сражение. Части моторизованной дивизии СС «Рейх» и бригада «Хауеншильд» (видимо, из 10-й танковой дивизии) в ходе ожесточенного боя уничтожили в течение 12 октября 54 русских танка и продолжили наступление в восточном направлении³.

С 10 октября с новой силой разгорелись бои в районе Медыни. До этого подразделения 17-й танковой бригады и сводный отряд капитана И. Г. Старчака и подольских курсантов совместными усилиями сдерживали противника, наступавшего

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2534. Д. 6. Л. 3—6.

² Там же. Оп. 2513. Д. 82. Л. 344, 345, 385.

³ NARA. T312, R150, F7689806.

Немцы похоронили танкистов
подбитого Т-34

вдоль Варшавского шоссе. К исходу 10.10 наши части после упорного боя были вынуждены оставить Медынь. На преодоление 50 км от Юхнова до Медыни немцы затратили шесть дней. План быстрого захвата Малоярославца противником был сорван, во многом благодаря стойкости бойцов отряда капитана И. Г. Старчака и передового отряда подольских военных училищ, поддержанных 17-й танковой бригадой. В ожесточенных боях отряды понесли большие потери, и их остатки отошли на основной оборонительный рубеж — Ильинский боевой участок Малоярославецкого УРа. К моменту выхода в район Ильинское в курсантских

ротах отряда оставалось всего лишь по 30—40 бойцов, две курсантские артиллерийские батареи отряда потеряли до 80% личного состава и почти всю материальную часть.

В 1.50 11 октября Жуков поставил задачу 53-й стрелковой дивизии, лично вручив приказ командиру соединения:

«1. К 18.00 10.10 части противника при поддержке танков вышли к р. Шаня.

2. Командиру 53 сд, подчинив себе 17 тбр, очистить от противника восточный берег р. Шаня и оборонять его.

Район Медынь ни при каких обстоятельствах не отдавать.

3. Вывод дивизии на рубеж обороны провести по эшелонам.

4. Объяснить всему л/с о категорическом запрещении отходить с р. Шаня. Все виновники будут расстреливаться. Командующий фронтом генерал армии Жуков»¹.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 3. Л. 155.

Подбитые танки 19-й тд врага у с. Ильинское

Однако слабым силам 53-й стрелковой дивизии, только что вышедшей из окружения (на 10.10 в ней насчитывалось 2680 человек, которые имели 30 станковых и 30 ручных пулеметов и всего 355 винтовок, артиллерии не было совсем) задача выбить противника из города оказалась не по силам.

Из разведсводки штаба фронта № 40 8.00 12.10:

«Противник, сосредоточив в районе зап. Мятлево (15 км юго-западнее Медыни. — **Л.Л.**) не менее пд, усиленной танками, попытался прорвать оборону в направлении на Медынь. Одновременно подтягивал пехоту и танки в район юго-восточнее Юхнов с целью развития удара на Медынь или Калугу».

11 октября частям 57-го ак противника удалось прорвать оборонительный рубеж северо-восточнее Медыни. Командующий 43-й армией приказал 53-й стрелковой дивизии (без одного полка) и 17-й танковой бригаде с утра 12.10 при поддержке 64-го корпусного артполка овладеть Медынью и выйти на рубеж р. Шаня. Он потребовал уделить особое внимание разведке и обеспечению флангов. Командир дивизии должен был согласовать порядок поддержки атаки артиллерией Малоярославецкого укрепрайона. В ночь с 12 на 13.10 части дивизии заняли исходное положение для наступления во взаимодействии с 17-й тбр. Однако и на этот раз овладеть Медынью не удалось, и наши части отошли за передний край Малоярославецкого УРа.

А тем временем на укрепленный рубеж в районе Малоярославца вышел и развернулся сводный отряд курсантов артиллерийского и стрелково-пулеметного училищ Подольска. Отряду была поставлена боевая задача, заняв Ильинский боевой участок Можайской линии обороны, любой ценой задержать прорвавшегося противника на 5—7 дней, пока не подойдут резервы Ставки. К этому времени будущие командиры успели проучиться всего по три месяца. В Подольском пехотном училище обучалось свыше 2000 курсантов, в артиллерийском — 1500. В целях воспреещения обхода противником Малоярославца с севера 113-й стрелковой дивизии была поставлена задача прикрыть Боровск (20 км севернее Малоярославца).

Противник отметил возросшее сопротивление русских в районе Малоярославца. При этом командование группы армий «Центр» сделало вывод, что русские бросают в бой свои последние резервы — даже курсантов военных училищ. Немцы стали забрасывать их позиции листовками с призывом сдаваться:

«Доблестные красные юнкера! Вы мужественно сражались, но теперь ваше сопротивление потеряло смысл. Варшавское шоссе наше почти до самой Москвы. Через день-два мы войдем в нее. Вы настоящие солдаты. Мы уважаем ваш героизм. Переходите на нашу сторону. У нас вы получите дружеский прием, вкусную еду и теплую одежду. Эта листовка будет служить вам пропуском»¹.

Курсанты не поддались на провокацию и сражались до получения приказа на отход.

В это время войска под командованием генерал-лейтенанта М.Ф. Лукина предприняли еще одну попытку вырваться из окружения. Наладить связь со штабами Ершакова и Ракутина и организовать с ними взаимодействие не удалось. В последней радиограмме от 8 октября Ершаков сообщал: «Боеприпасы на исходе, начальник штаба генерал Корнеев тяжело ранен. Вероятно, будем выходить группами южнее Вязьмы». К этому времени расстояние между основными силами двух группировок составляло уже примерно 10—12 км. Но противнику до сих пор еще не удалось расчленить окруженные войска.

¹ Текст листовки цитируется по журналу «Юность», № 2, 1966.

Учитывая неудачные попытки прорваться 9 и 10 октября, надо было выбрать наиболее слабое место в боевом порядке противника. Лукин в своих воспоминаниях упоминает о радиограмме, переданной открытым текстом командиром 7-й танковой дивизии генералом Функом¹. В ответ на запрос, почему дивизия не идет на Москву, тот якобы сообщил, что командующий 19-й армией русских также рвется к Москве и что его части едва удерживают фронт. «Вот здесь-то и надо было проколоть, нанести удар, но боеприпасов было совсем мало», — пишет Лукин. Конев также упоминает о донесении командира 7-й танковой дивизии, где открытым текстом сообщалось: «Натиск Красной Армии в направлении Сычевки настолько был сильным, что я ввел последние силы своих grenадеров. Если этот натиск будет продолжаться, мне не сдержать фронта и я вынужден буду отойти».

Не совсем ясно, когда об этой перехваченной радиограмме стало известно нашему командованию? Тогда же, в ходе боев, или об этом донесении узнали много позже, когда потребовалось показать, что противник еле-еле устоял и понес при этом большие потери? Донесение, да еще переданное открытым текстом с указанием должности и фамилии командира дивизии, выглядит неправдоподобным. У немцев тоже случались перерывы в связи, но у них не было необходимости передавать донесения открытым текстом. Вопрос от имени немецкого командования «почему дивизия не идет на Москву?» мог придумать весьма недалекий человек, ничего не понимающий в системе управления войсками в вермахте. Что же, выходит, что фон Функ не выполнял приказ фон Бока? 7-й танковой дивизии была поставлена конкретная задача — не допустить прорыва русских на восток. А вот 6-ю танковую дивизию немцы стремились сменить поскорее, чтобы использовать для наступления в северо-восточном направлении. Но и это, как мы видим, им долго не удавалось. На трофейной отчетной карте показано, что эта танковая дивизия 11.10 сдала рубеж 5-й пехотной и выходит в район Фомичево (11 км севернее Богородицкое). Однако, судя по сводкам, ее части 11 октября продолжали отбивать атаки русских.

¹ Генерал-майор барон фон Ф у н к Г а н с (1891—1979). В плену находился 10 лет и даже писал там доклады для нашего командования об операциях, в которых участвовала 7-я танковая дивизия. Вернулся в Германию в 1955 г.

Если такое или похожее сообщение действительно было перехвачено, то это была явная провокация, на которые немцы были большими мастерами. Видимо, они опасались, что окруженные нанесут удар в каком-то другом направлении, например на север, откуда они снимали войска для наступления на Сычевку и далее на Ржев. И поэтому подталкивали русских на прорыв из окружения там, где их ожидали части 7-й танковой дивизии, занявшие подготовленный рубеж по р. Бебря. Кстати, ветераны боев у Богородицкое рассказывали, что местные жители всячески давали им понять, что немцы их ждут. На подобную уловку противника позднее поддались и в штабе Западного фронта, откуда сообщили Лукину и Болдину о перехваченной радиোগрамме 252-й пехотной дивизии противника, действующей южнее Вязьмы.

Прорываться решили у Богородицкое (здесь, как сейчас стало известно, находился стык между 6-й и 7-й танковыми дивизиями врага) на участке шириной примерно до 7 км. Атаку Лукин назначил на 16 часов 11 октября с расчетом вывести войска через пробитый коридор уже под покровом ночи (заход солнца в 18.43). Возможно, Лукин считал, что наносит удар по ослабленной потерями дивизии.

«Мы ждали наступления темноты, чтобы противник не смог обнаружить нашего маневра и места скопления войск. <...> Место для выхода из окружения выбрали болотистое, на котором танки не смогли бы маневрировать (7-я танковая дивизия врага располагалась непосредственно перед армией)» [56].

Слова генерала Лукина требуют пояснения. Заболоченная пойма р. Бебря находилась перед передним краем противника, части которого находились на водоразделе между этой рекой (скорее, ручьем) и р. Вязьма. Танки фон Функа расположились в глубине в готовности контратаковать на вполне доступной для них местности. На западном берегу Бебри располагалось боевое охранение противника.

Вот как о принятом решении на прорыв вспоминал генерал Вашкевич:

«На военном совете в ночь на 11 октября генерал Лукин принял решение прорываться с боем в направлении Богородицкое. К утру 11 октября был получен боевой приказ командующего 19-й армией, отданный в 6 часов утра того же числа. О противнике было сказано, что он моторизованными частями занял фронт Ломы, Вязьма, ж.-д. ст. Волоста-Пятница

(25 километров южнее Вязьмы). Отдельными группами занимаемая ст. Ново-Дугинская, ст. Касня, частью сил занял Гжатск и далее к югу до Юхнова — мелкими частями.

Принятое решение было сформулировано так: 19А и опергруппа Болдина, прикрываясь с северо-запада, запада и юго-запада частью сил, главными силами в 16.00 11.10.1941 г. прорывает линию окружения и во что бы то ни стало выходит в район Сажино, Шуйское, Холм. Этот район находился в 45—55 километрах от места прорыва и в 25 километрах строго на восток от Гжатска. Для прорыва армия строилась в два эшелона: в первом эшелоне — пять стрелковых дивизий и во втором — одна стрелковая дивизия. Кавалерийская дивизия предназначалась для развития прорыва. Две стрелковые дивизии командующий армией оставил в своем резерве. 2-я стрелковая дивизия, прикрывавшая до сих пор 19-ю армию от ударов с запада, на этот раз ставилась в центре оперативного построения армии для нанесения удара и прорыва совместно с другими частями кольца окружения в направлении Богородицкое, Доманово, Иванники» [60].

В целом приказ командующего 19-й армией № 071 оставляет впечатление хорошо продуманного документа (текст, восстановленный по подлиннику, приводится в Приложении 15) и свидетельствует о решимости командования на этот раз прорвать оборону противника и вырваться из окружения. В соответствии с приказом справа в направлении Леонтьево, Марково прорывала оборону противника 166-я стрелковая дивизия, усиленная 120-м гап (см. схему 13). Она должна была прочно закрепиться на рубеже роща западнее Обдуваловка Леонтьево и обеспечить фланг армии от контрударов противника со стороны Вязьмы. Левее в направлении Жекулино, высота 245.2, Всеволодкино наступала 89-я сд с 596-м гап, еще левее в направлении Обухово, Кишкино — 244-я сд. 2-я стрелковая дивизия с 685-м кап, 57-м гап и остатками трех танковых бригад (126, 127 и 147-я тбр) под общим командованием командира 127-й тбр, прорывала оборону в направлении роща Богородицкое, Доманово, Иванники¹. На левом фланге

¹ Читателя может ввести в заблуждение перечисление номеров соединений. Все они, за исключением 2-й сд, понесли значительные потери. В личном архиве генерала Васькевича есть запись: «2 сд были приданы 127 тбр в составе одного танка КВ и несуществующие 126 и 147 тбр — для самооправдания».

армии в направлении роши, что южнее Исаково, наступали ослабленные 214-я стрелковая с 293-м пап¹ и 101-я мотострелковая дивизии под общим командованием командира 214-й сд. Эта дивизия должна была занять оборону фронтом на северо-запад, прикрывая слева прохождение всей группировки.

Направления дальнейшего наступления дивизиям не указывались. Видимо, Лукин рассчитывал, что достаточно овладеть дорогой и выставить на ней заслоны справа и слева, которые должны были начать отход только после прохождения всех частей и обозов. Были определены задачи и авиации — в надежде, что ВВС фронта нанесут удар по указанным объектам и целям. Дивизия Вашкевича находилась не в центре оперативного построения армии, а ближе к левому флангу. За ее правым флангом во втором эшелоне наступала 134-я стрелковая дивизия с задачей расчистить Полосу наступления от уцелевших групп автоматчиков и минометчиков. Таким образом, направление главного удара, где наступали наиболее укомплектованные дивизии, было смещено влево. На этом направлении для развития успеха прорыва планировалось использовать и 45-ю кавалерийскую дивизию. Остатки 91-й и 140-й стрелковых дивизий составляли резерв командующего армией. Видимо, разведке удалось все-таки установить, что здесь на линии Богородицкое, Спас находится стык двух дивизий противника и что северо-западнее Богородицкое происходит смена частей противника. Действительно, согласно оперсводке противника от 11 октября, там осуществлялась смена частей 6-й танковой дивизии 5-й пехотной дивизией².

Интересно, что никто из активных участников тех далеких событий не упоминает хотя бы о попытках обмануть противника, ввести его в заблуждение относительно направления и участка прорыва путем проведения демонстративных действий. Как показывал уже имевшийся опыт таких действий, это часто выручало наши войска при прорыве из многочисленных котлов 1941 г. Уж генерал Болдин, да и Лукин хорошо знали это. Грешным делом, автор хотел отметить недоработку в этом отношении. Однако анализ текста приказа Лукина на-

¹ В составе Западного и Резервного фронтов 293-й пап в октябре 1941 г. не значится.

² ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 727. Л. 211.

талкивает на мысль, что такие действия предпринимались, естественно, без огласки. Иначе чем можно объяснить, что наши части атаковали позиции танковой дивизии фон Функа не только на намеченном участке, но и южнее — в устье р. Бебры, а маршруты выхода из окружения Лукин назначил все-таки в обход их — на север. Этого как раз и хотели избежать немцы. Кроме того, пять дивизий должны были построить в своей полосе по два моста каждая, в том числе — один грузоподъемностью 5 тонн на ось. Речушка Бебра (приток р. Вязьмы) с ее топкими берегами в пределах участка прорыва представляла собой весьма серьезное препятствие для транспорта, не говоря уже о 152-мм орудиях с их тягачами. В октябре после прошедших дождей и снега ее берега превратились в болото. Об этом рассказывали ветераны — участники боев, почти каждый год приезжающие к памятнику в Богородицкое поклониться павшим боевым товарищам. Вряд ли была необходимость в постройке десяти мостов. К тому же к каждому из них через заболоченные участки надо было оборудовать подходы — хотя бы лежневку — из чего и какими силами? Можно предположить, что устройством переправ (или имитацией их) южнее Пекарево (в 5,5 км южнее Богородицкое) пытались отвлечь внимание противника от настоящего места прорыва. А вот постройка трех-четырех мостовых переходов на левом фланге, откуда начинались маршруты отхода и где река представляла собой всего лишь ручей, была вполне по силам. В составе окруженных войск были один или два понтонно-мостовых батальона.

После прорыва обороны противника войска должны были выходить по двум маршрутам. Правый маршрут (№ 1) начинался от Пекарево (3 км южнее Всеволодкино), левый (№ 2) — от Мартюхи (1 км севернее Богородицкое). Оба маршрута вели почти на север — в обход ст. Касня. Правая колонна должна была пройти в 5 км севернее станции, левая еще дальше — в 10 км. До места пересечения с железной дорогой колоннам надо было пройти 30—35 км.

К сожалению, разведке не удалось прощупать немецкую оборону в глубине, и Лукин не знал, что как раз на этом направлении сосредотачивались части 6-й тд, выводимые из боя, и 14-й моторизованной дивизии противника. Эти соединения предназначались для нанесения удара в направлении на Калинин. Между прочим, по имеющимся данным, неболь-

шая группа окруженцев во главе с Болдиным вышла именно в северном направлении — на Спас. Но это произошло уже после того, как немцы, зачистив «котел», сняли свои заслоны.

В течение 9 и 10 октября 2-я стрелковая дивизия двумя полками занимала подготовленный рубеж на восточном берегу р. Вязьма на участке Барково, Артемово протяженностью по фронту до 17 км, прикрывая войска 19-й армии с запада. Третий полк составлял резерв и находился за ее левым флангом. Дивизия получила приказ командарма в 7.30 утра 11 октября. Оставляемый на р. Вязьма 1284-й стрелковый полк поступал в распоряжении генерала Лукина с задачей прикрыть армию с тыла на участке, который до этого занимали два полка.

Оценивая состав и положение противостоящих войск с точки зрения позиции сегодняшнего дня, следует подчеркнуть, что шансы выйти из окружения с тяжелым вооружением, всей техникой и транспортом с ранеными были минимальны. Это сознавало и командование окруженными войсками, решившее обсудить создавшуюся обстановку на военном совете. Более предпочтительным кажется направление выхода после прорыва обороны противника между Вязьмой и ст. Касня. Этот путь был короче и давал шанс оторваться от противника. Но тут немцы могли ввести в бой части 10-й танковой дивизии, занимающей Вязьму.

О бое 11 октября рассказывает генерал Вашкевич:

«Главные силы дивизии в составе 1282, 1286-го стрелковых полков, отряда черноморских моряков (около 800 человек), 970-го артиллерийского полка, а также приданные дивизии 596-й гаубичный артиллерийский полк и 57-й тяжелый артиллерийский дивизион должны были занять исходное положение западнее села Богородицкого, чтобы атаковать противника в 16 часов. До начала атаки оставалось 8 часов 30 минут. За это время предстояло сменить 1286-й полк подразделениями 1284-го полка на реке Вязьме, всем частям дивизии пройти 15—18 километров до исходного положения, артиллерии занять огневые позиции и определить цели, по которым вести огонь, поддерживая пехоту, командирам полков принять решение и поставить задачи командирам своих подразделений. Командирам рот оставалось время лишь на то, чтобы показать командирам взводов на местности, куда

им наступать. Чтобы поднять артиллерию, минометы, станковые пулеметы, боеприпасы, инженерное имущество и имущество связи, пришлось из транспортных автомашин слить все горючее в боевые машины. Это мероприятие отняло два-три часа так жестко ограниченного времени. К 10 часам все распоряжения были отданы и получены донесения, что части приступили к их выполнению. Командир дивизии, часть офицеров штаба дивизии, командующий артиллерией, дивизионный инженер и начальник связи дивизии со средствами связи, командиры стрелковых и артиллерийских полков в 11 часов 30 минут прибыли на опушку леса в полутора километрах западнее Богородицкого, где был организован командный пункт. К часу дня командиры стрелковых и артиллерийских полков получили боевые задачи на местности и тут же приступили к их решению.

К этому времени прибыл 1282-й полк, 970-й артиллерийский полк, 3-й дивизион 389-го гаубичного артиллерийского полка и часть 596-го гаубичного полка. Запоздывали 1286-й полк, часть 596-го гаубичного полка и 57-й тяжелый артиллерийский дивизион (возможно, речь идет об артдивизионе 57-го гап. — Л.Л.). Не подошел еще и отряд моряков. Все делалось в страшной спешке.

От 16 часов, когда устанавливалось начало атаки, и до наступления темноты оставалось всего около двух часов светлого времени. Около 15 часов показались батальоны 1286-го полка. Они бегом направлялись в свои исходные районы. Около 15 часов 30 минут стали разворачиваться и два запоздавших дивизиона 596-го гаубичного полка, а также 57-й тяжелый артиллерийский дивизион. В это время авиация противника активизировалась, группами по четыре-шесть самолетов повела на наши войска, занимавшие или уже занявшие исходное положение для прорыва, атаки с воздуха. Тыловые учреждения дивизий и армии, понтонно-переправочные части нахлынули на артиллерийские позиции и на вторые эшелонные полков и дивизии. Связь все время нарушалась.

Обо всем этом, а также о том, что еще не вся артиллерия подготовилась к Действию, а часть взводов 1286-го полка пока не уяснила своих задач, я доложил командующему 19-й армией генералу Лукину. Я настойчиво просил его отложить атаку до утра, чтобы за ночь отвести тылы назад, привести в

порядок перемешавшиеся части и наладить нарушенное управление войсками.

На свой доклад и предложение о переносе наступления на утро 12 октября я получил ответ: «Вашкевич, ты не представляешь всей обстановки. Или мы сегодня, сейчас прорвемся, или нас к утру сомнут». На мое замечание, что ночью противник не начнет наступление, генерал Лукин подтвердил: «Иди и прорывайся», — и пожелал успехов. На этом, подав друг другу руки, мы расстались.

Для непосредственного руководства войсками я с небольшой группой офицеров штаба и офицерами связи полков отправился в боевые порядки первых эшелонов 1286-го и 1282-го стрелковых полков. Со мной пошли начальник артиллерии дивизии полковник Суворов и комиссар штаба дивизии старший политрук Б.З. Евсеев. Комиссар дивизии В.Т. Крылов и начальник штаба дивизии полковник Софин остались на командном пункте. Они должны были привести в порядок вторые эшелоны полков, перемешавшиеся с другими частями армии, а потом присоединиться к нам.

Около 16 часов «катюши» дали первый и последний залп, вся артиллерия дивизии открыла огонь. В 16.00 11 октября после непродолжительной артподготовки части 19-й и 32-й армий пошли в атаку. Первые эшелоны 1286-го и 1282-го стрелковых полков перешли в наступление. Противник встретил наши войска плотным заградительным огнем. Около 18 часов, уже в темноте, части дивизии заняли деревню Пекарево. Поздно вечером они захватили деревню Спас и тем самым прорвали кольцо окружения противника. Фронт прорыва достигал 3 километров. Он простреливался пулеметным и артиллерийско-минометным огнем» [60].

Из статьи генерала Лукина:

«У генерала В.Р. Вашкевича, на которого я возлагал все надежды, в тот момент возникли возражения в отношении сроков и быстроты ввода дивизии в бой, и мне пришлось убеждать его в том, что дорог каждый час и что, если сегодня ночью мы не уйдем в прорыв, завтра противник сомнет нас, так как стрелять будет нечем. Мы попрощались, пожали друг другу руки, и он ушел.

Организовать прорыв, конечно, надо было очень тщательно, каждому командиру поставить определенную задачу. Но все делалось наскоро, мы торопились <...>

Началась артиллерийская подготовка, дали залп «катюши», дивизия пошла в атаку и прорвала кольцо окружения. Ко мне стремительно вбегает командир 91-й стрелковой дивизии полковник И.А. Волков:

— Товарищ генерал! Прорыв сделан, дивизии уходят, выводите штаб армий!

Немедленно доношу об этом в штаб фронта. В прорыв вводятся артиллерия, подтягиваются другие соединения. И.А. Волкову я сказал, что лично выходить не буду, пока не пропущу все или хотя бы половину войск.

— Идите, выводите свою дивизию, держите фланги.

Он не успел догнать свое соединение. Кольцо окружения замкнулось вновь. Предполагали, что противнику удалось подвести к месту прорыва свежие силы и закрыть прорыв» [56].

Генерала Вашкевича понять можно, он, описывая бой, в основном говорит о своей дивизии. В артподготовке участвовали и другие артиллерийские части, в том числе и 120-й гап, который расстрелял в этом бою последние снаряды. Свой последний залп по врагу из района деревни Аношино произвел дивизион реактивных минометов — «катюш». Когда стало ясно, что прорыв не удался, расчеты по приказу начальника штаба артиллерии 19-й армии полковника П.С. Семенова подорвали машины с пусковыми установками. На поле у д. Рожново долгое время после войны валялись остатки направляющих боевых машин.

Вспоминает ополченец А. А. Леляичев:

«Село Богородицкое. Первый бой 1286-го полка. Дело было к вечеру. 1-й батальон (700 человек) двинулся в наступление. Часа в 2 дня вышли на опушку леса. Немцы начали стрелять, много потерь, оглушило полковника, многих ранило. От леса до деревни Орлянка часа в четыре вечера не доходя 0,5 км убило командира отделения Силуянова. Вошли в Орлянку вечером. Богородицкое поле. Жители рассказывали, что они подавали сигналы о том, что немцы ждут прорыва, но наши не видели эти сигналы. Атака была страшной. Пулеметом сразу много было убито. Дана команда: уничтожить пулемет. Все происходило в кромешной тьме. Команда — «Вперед!» — и голос умолк (убит). Пулеметчик охотился и уничтожал поднявшихся. Пережить это страшно. Стоило мне крикнуть: «Товарищ лейтенант!», как на голос строчил пулемет, стрелял на шорох. Пулемет замолк (пулемет немцев вел огонь с коло-

кольные, пока не был уничтожен разведчиками капитана Казанова из 2-й сд. — **Л.Л.**). Стал искать живых. Погибли: Перегулов, Лануман, Родштейн, командир взвода Быстров (казах), друзья с электролампового завода Гришин Николай, Пикин Павел и человек 25 других.

<...> Доложил политруку Курбатову о гибели товарищей. Вместе с ним шли на прорыв к Богородицкому, поле усеяно трупами. Команда политрука: «Ложись!», а затем — «Отходи!» Раненых взять нельзя, мертвых захоронить тоже. Отошли. От села отошли оставшиеся 300 человек из 3 тысяч, среди них был политрук Курбатов. Подъехал командир полка. Отдал приказ «Вперед!», и поехал к деревне Пекарево, там был прорыв, но командир полка Бовда попал в плен (по предположениям и слухам). Команду принял майор. Оставшиеся спустились в лощину уже в малом количестве, половина раненых, ранен и политрук Курбатов.

В последний момент два майора поссорились — спор был: кто должен командовать полком. Один другого застрелил и оставшийся [в живых] майор лет 53 принял командование. Он согласился выводить нас из окружения при условии выполнения его приказов и полного подчинения. Это было связано с тем, что находились такие, у которых нервы не выдерживали: срывали погоны (ветеран путается: погон тогда еще не было), психовали. Меня ничего не пугало, кроме ужаса раненым попасть в плен»¹.

Удалось прорваться остаткам 91-й сд и нескольким сотням человек 2-й сд. В некоторых публикациях утверждается, что около двадцати двух часов 11 октября кольцо окружения сомкнулось вновь. Это не подтверждается данными противника. Надо учитывать, что немцы неохотно шли на ближний бой, да еще ночью, предпочитая отражать атаки огнем. Бой с переменным успехом продолжался всю ночь и следующий день. Наши выбивали врага с его позиций, немцы контратакой восстанавливали положение. И так несколько раз. Только с рассветом танковой контратакой они смяли заслоны и закрыли брешь.

В прорыве у села Богородицкого участвовали и моряки-артиллеристы 200-го отдельного артиллерийского дивизио-

¹ Рассказ ветерана записан исследователем А.И. Курбатовым (сыном политрука Курбатова).

на. Их ротные группы, возглавляемые прежними командирами батарей, под прикрытием огня артиллерии стали быстро продвигаться к намеченному участку прорыва. По сигналу перешли в атаку. Солдатское «ура!» перемежалось криками «полундра!». Но атакующие попали под сильный вражеский огонь. На правом фланге из-за перелеска показались фашистские танки.

«Положение становилось критическим. В этот момент командир дивизиона приказал быстро выдвинуть вперед 152-мм пушки на механической тяге батареи старшего лейтенанта Г.Д. Фокина и бить по вражеским танкам прямой наводкой, а группе моряков, вооруженных противотанковыми ружьями, занять удобные позиции для поражения приближающихся фашистских машин огнем сбоку <...>. Вот как описывал сам командир батареи тяжелых орудий на мехтяге, полковник запаса Г. Д. Фокин один из наиболее тяжелых моментов боя:

«У места прорыва в районе села Богородицкое скопилось огромное количество наших войск. Лощина вдоль речушки Бебря была забита обозами, артиллерией, машинами, минометами. Справа и слева в лесу на высотах, а также впереди был враг. Минометами, пулеметами, артиллерией фашисты расстреливали наши войска. Из-за огромной скученности наших войсковых частей от каждого снаряда противника гибли десятки людей <...>.

17 фашистских танков в развернутом по фронту строе вышли на наши войска и стали давить их гусеницами. Среди огромной плотно набившейся в ложину массы людей поднялась было паника. <...> Моряки-артиллеристы <...> открыли по вражеским танкам огонь. Стрельбой в упор нам удалось уничтожить 4 больших танка, 2 танка повредить. Остальные повернули назад и бежали с поля боя. В этом же бою огнем морских пушек в дуэльной перестрелке была уничтожена одна 105-мм четырехорудийная батарея врага, одна батарея крупных минометов, подавлен и уничтожен ряд огневых точек и много живой силы противника, который препятствовал прорыву» (Архив МО ВМФ, д. 77, л. 4—5).

В ходе боя танкам противника удалось выйти в тыл батареи. Быстро повернуть тяжелые орудия не представлялось возможным. Спас батарею от неминуемой гибели ценой своей жизни комсорг одного из орудийных расчетов старший матрос Алексей Шахов. Он бросился навстречу головному

танку и ловко метнул прямо под гусеницы большую связку гранат <...>. Раздался сильный взрыв, надвигавшийся с большой скоростью танк завертелся на месте и остановился. В этот момент пулеметной очередью из соседнего танка отважный моряк был сражен насмерть. Но одно из орудий уже успели повернуть и выстрелить прямой наводкой по второму танку. Грозная машина превратилась в груды металла. Еще один танк подбил гранатой краснофлотец А. Шахов» [38]. Оставшиеся в живых артиллеристы семнадцать суток выходили из окружения, пройдя с боями длинный путь по тылам противника. 26 октября моряки 200-го артдивизиона несколькими группами вышли к Москве. Комиссар дивизиона батальонный комиссар И. А. Белозерский погиб при выходе их окружения.

По свидетельству врага, отражение попыток прорыва русских из окружения 11 октября выглядело следующим образом (далее приводятся извлечения из трофейных документов).

«11.10. Во второй половине дня вражеская разведгруппа протыпывала позиции 7-й тд. В некоторых местах значительный огонь артиллерии, в том числе залповый. С вечера противник наступает значительными силами на позиции 7-й тд и в стык между дивизией и 5-й пехотной дивизией у Мартюхи. Бои пока продолжаются»¹.

Из предварительного боевого донесения 6-й тд от 11.10.1941:

«1. 11. 10 в 18.30 противник обстрелял тяжелой артиллерией наши позиции и д. Мартюхи. Кроме того, были отмечены попадания бронебойных снарядов в две самоходные установки. Второй огневой налет начался в 21.30. Вслед за этим противник перешел в контратаку. Тут же через наши позиции в тыл отошли до 5 танков, пехота и противотанкисты 7-й танковой дивизии. Противник был остановлен плотным огнем пулеметов, однако ему удалось вклиниться в позицию 7-й роты и обойти позицию взвода счетверенных установок. Пришлось занять круговую оборону. Благодаря тесному взаимодействию нам удалось огнем счетверенных установок отбить попытку прорыва противника. В ходе боя огнем противника и

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 727. Л. 207—210.

осколками ручных гранат были ранены два унтер-офицера и 5 солдат.

В 22.20 на удалении порядка 1500 метров была обнаружена колонна противника, состоящая из пехоты, танков и артиллерии, которая как раз обходила пожарище. Три счетверенные установки стали вести по ней огонь с интервалами в 10 минут. Во время таких налетов противник спешно покидал дорогу. В 2.00 перед позицией взвода вновь показались русские пехотинцы, которые были рассеяны огнем наших 20-мм установок и пулеметов. Попытки передвижения продолжались до 3 часов утра.

2. Взято в плен 40 человек. Непосредственно перед позициями обнаружено 36 убитых солдат противника. Полностью подсчитать потери русских не удалось, так как территория перед нашими позициями находилась под непрерывным огнем»¹.

Из донесения 4-го пехотного полка 6-й танковой дивизии за 12.10:

«Два батальона полка, оставив свои позиции по прикрытие восточного направления, были выведены в резерв дивизии совместно с 6-м и 7-м полками. .

Ранним утром 12.10 русские нанесли сильный удар по правому флангу 7-го пп (7-й танковой дивизии. — Л.Л.) и ключевым позициям 2-го батальона 4-го пп. Отошедшая было 2-я рота 4-го пп смогла во взаимодействии с правым соседом восстановить свои позиции. Объединенными усилиями противник был остановлен. Вечером 12.10 оба батальона возвратились на свои прежние позиции.

Собственные потери. Погибли: офицер и два солдата, ранены — 13, пропали без вести — 2 чел. Выведено из строя одно 37-мм ПТО.

Взято в плен 1463 чел. Захвачено: 2 танка, 880 винтовок, 5 122-мм орудий и 2 150-мм, одно 37-мм, 2 ПТО, 35 пулеметов (в том числе 5 станковых), 50 грузовых автомашин».

Из донесения 114-го пехотного полка за 12.10:

«Под вечер 11.10 была обнаружена концентрация войск противника в Богородицкое. Открытый немедленно артиллерийский огонь нанес противнику ощутимые потери. Около по-

¹ NARA. T315, R339, F000680, 000681.

луночи русские попытались прощупать наши позиции несколькими разведывательными группами численностью до роты каждая. Огнем пехоты они были рассеяны. Произведено усиление правого фланга 2-го батальона полка.

В 1.00 ночи 12. 10 противник после артиллерийской и минометной подготовки предпринял удар в направлении Мартюхи и прилегающему к населенному пункту с востока лесному массиву. Атака была отбита. Тем не менее противнику удалось вклиниться в оборонительные позиции 7-й тд в направлении Красный Колос, откуда он попытался атаковать в направлении Мартюхи левый фланг 2-го батальона 114-го пехотного полка. Что было предотвращено вводом в бой роты его резерва. Кроме того, туда была срочно переброшена рота мотоциклистов 57-го полка.

Около 4 часов утра русские предприняли атаку несколькими волнами снова в направлении Мартюхи. Но и эта попытка была отбита. Дело доходило до рукопашных схваток с применением ручных гранат <...>. Туда был немедленно направлен резерв в составе 1-го батальона 114-го пп»¹.

При отражении атак наших войск немцы применяли все средства, в том числе зенитные орудия. Особенно уничтожающим был огонь 20-мм счетверенных установок, который в темноте, кроме обычного, оказывал сильнейшее психологическое воздействие на атакующих. Для ликвидации прорывов и вклинений в свою оборону немцы широко применяли маневр силами и средствами вдоль фронта и из глубины. При этом они шли на создание импровизированных групп, не считаясь с оргструктурой частей и соединений. Из содержания приведенных донесений напрашивается вывод, что из задуманной немецким командованием смены частей 6-й танковой дивизии и выводом ее из боя в намеченные сроки ничего не получилось. Практически все ее части, в том числе и выведенные во второй эшелон, были вновь втянуты в бой по отражению атак наших войск.

Чтобы ослабить натиск русских в восточном направлении, немцы усилили атаки с запада силами соединений 8-го армейского корпуса. На один 1284-й стрелковый полк бывших ополченцев наступали части трех пехотных дивизий вермахта.

¹ NARA. T315, R339, F000683.

Рассказывает Вашкевич:

«<...> 1284-й стрелковый полк, оставленный на реке Вязьме для прикрытия прорыва 19-й армии на восток, свою трудную задачу выполнил. Весь день 11 октября он огнем и контратаками отражал попытки крупных сил немецко-фашистских войск переправиться на восточный берег реки Вязьмы. Бойцы мужественно сражались, проявляя стойкость и героизм.

В этом бою, лично ведя в контратаку роту, пал смертью храбрых начальник штаба полка В. Вяжлинский. Стрелковое отделение сержанта И. Дубихина, в котором находился комиссар батальона Н. Сапелкин, героически погибло, уничтожив более двух десятков гитлеровцев, и не уступило врагу своих позиций. Стойко защищали свои позиции пулеметчики пулеметной роты 3-го стрелкового батальона. Командир пулеметной роты лейтенант А. А. Баранов, будучи дважды ранен — в ногу и в руку, продолжал вести пулеметный огонь, пока не потерял сознание (А. А. Баранов был взят в плен, выжил, оставил воспоминания. — Л.Л.). Героически погибли на своих позициях пулеметные расчеты сержанта Иконникова и старшины Тащалова».

Из воспоминаний участников этого боя:

«Лейтенант Вяжлинский схватил ручной пулемет и поднял бойцов в контратаку. Отважный командир, участник Гражданской войны, был сражен автоматной очередью. Но атака не захлебнулась. Командование батальоном в ходе боя принял на себя лейтенант Гребенюк. Вместе с политруком Терехиным они увлекли бойцов и отбросили фашистов от реки.

В ночь на 12 октября оставшихся в живых командиров подразделений собрал помощник начальника штаба полка капитан Ундмунт.

— У кого сколько осталось бойцов? — спросил он.

Ответы были неутешительными.

— Слышите, там идет тяжелый бой. Это части нашей армии прорывают кольцо окружения. Вы храбро дрались, понесли большие потери. Но нам предстоит выдержать еще один бой. Скоро должна начаться эвакуация раненых и тылов. Мы должны обеспечить их выход. Никто из нас не оставит рубеж без приказа.

Капитан Ундмунт каждому командиру поставил задачу и указал рубеж обороны. Командиру пулеметного взвода младшему лейтенанту Баранову было приказано занять оборону се-

вернее деревни Нечаево и не допустить немцев по дороге Нечаево — Буханово. Во взводе было двадцать семь бойцов. Баранов рассредоточил пулеметные расчеты. На фланге он выставил пулеметный расчет Иконникова.

Только небольшой части полка удалось выйти из окружения и присоединиться к своим войскам»¹.

Из оперсводки 9-й армии противника:

«11.10. 8-й ак: ближе к вечеру силами 8-й пд прорваны позиции противника на р. Вязьма вблизи Брюхово и силами 28-й пд — восточнее Лопатино. Перед 87-й пд позиции по обе стороны автострады оказались не заняты врагом

Отбиты попытки противника вырваться из «котла». 8-й ак прорвал укрепленный вяземский рубеж, занял Буханово (6 км восточнее противотанкового рва, в 7 км юго-западнее Богородицкое. — Л.Л.) и сжал «котел». Но уже на следующий день полки 28, 8 и 87-й пехотных дивизий снова натолкнулись на сильное сопротивление сжатых теперь в узком кольце русских ... Количество пленных, которое до сих пор было незначительным, увеличилось» [46].

По свидетельству немцев, им удалось в течение 11 октября форсировать р. Вязьму без оказания какого-либо сопротивления со стороны противника. Затем они прорвали оборону 1284-го стрелкового полка на рубеже противотанкового рва и, продвинувшись на 10—12 км, вышли в тыл русским. Возникла угроза расчленения и уничтожения группировки генерала Лукина. Здесь, на оставшемся крошечном островке, больше не было тыла. Все, кто мог, даже женщины — санитарки, связистки, — взяли в руки оружие. Днем и ночью шел тяжелый бой. Нельзя было разобрать, кто наступает, а кто обороняется.

Немецкое командование с удовлетворением констатировало, что 11 октября на восточном участке фронта окружения все попытки крупных сил русских вырваться из котла были отбиты и что прорвавшиеся части уничтожаются резервами.

Выдержки из немецких документов:

«11.10 20.20. 5-я пехотная дивизия в 12.00 приняла участие 6-й танковой дивизии. Перед дивизией противника нет. К полуночи несколько подразделений танкового полка будут

¹ Документ предоставлен исследователем А. И. Курбатовым.

сменены. 7-я танковая дивизия отразила отчаянные попытки противника вырваться из окружения»¹.

«12.10. 8-й ак, преодолев неорганизованное сопротивление противника, прошел через лесной массив восточнее р. Вязьма. 4.25. Перед 87-й пд противника нет ни на автостраде, ни севернее нее. В лесах восточнее основных позиций 8 пд — появление значительного количества автотранспорта. 17.30. 87-я пд своим правым флангом наступает в северном направлении в районе автодорожного моста через Вязьму между Лисцово и Грязное, удерживаемом противником.

12.10. 5-й ак: противник в первой половине дня у Пекарево продолжал свои отчаянные попытки вырваться из окружения при слабой артподготовке. Временно ему удалось вклиниться в наши боевые порядки. Перед 28-й пд на левом фланге корпуса в районе Парфеново — концентрация противника с танками и тяжелой артиллерией.

С 14.00 продолжают контратаки 35-й пд, поддержанные танковым полком 7-й тд (к этому времени части 35-й пд развернулись вдоль дороги на Вязьму и уплотнили оборону 7-й тд. — Л.Л.). Из-за наступления значительных сил противника смена 7-й тд произведена только на участке правофлангового полка. Смена всех частей дивизии будет проведена предположительно в ночь с 12 на 13 октября»².

Из отчета 3-й танковой группы врага:

«Окруженный противник постоянно предпринимал все более ожесточенные попытки прорыва из окружения, особенно на участке 7-й тд. Все атаки противника были отражены с очень высокими потерями для последнего. После ликвидации местных вклинений противник был отброшен. Нами были понесены также большие потери» [48].

Здесь, на наш взгляд, будет уместно привести признания командира 7-й танковой дивизии генерала фон Функа, которая осенью 1941 г. встала на пути армии Лукина. У него было время в русском плену обдумать свои будущие воспоминания:

«<...> Последовавшие затем (после окружения) дневные и ночные бои, относятся к числу самых тяжелых, какие только приходилось вести дивизии.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 757. Л. 199.

² NARA. T314, R383, F000834.

Противник, руководимый железной волей своего командования, со все более возрастающим упорством вел энергичные атаки, стремясь вырваться из «котла».

Направление его главного удара находилось не там, где первоначально ожидалось (в районе автострады), а северо-западнее (выделено мною. — Л.Л.). Противник вел атаки под прикрытием ночи и тумана, используя лесистую, поросшую кустарником местность.

Бои изобиловали трагическими эпизодами. Целые гренадерские взводы были уничтожены до последнего человека. Последние резервы быстро таяли, и приходилось неоднократно снимать войска с неатакованных участков (например, из района автострады) и создавать импровизированные резервы. Едва удавалось заткнуть одну брешь, как возникала другая, еще большая.

Танковый полк, лишь часть которого осталась боеспособной, перебрасывался с одного очага боя к другому. Временами противнику удавалось прорываться вплоть до огневых позиций артиллерии<...>» [42]. Позднее командир 7-й танковой дивизии донес, что 11 и 12 октября дивизия потеряла 1000 человек, один батальон был буквально уничтожен.

Известные до сих пор рассказы участников прорыва связаны в основном с боем у д. Богородицкое. Но окруженные войска атаковали на фронте 7 км и более. Обстоятельства боев на участке 7-й танковой дивизии противника изложены в ее истории. Как и в каждой истории любой части, не обошлось без преувеличений, приводятся подробности и называются фамилии участников, которые нам не интересны. Но даже из краткого пересказа можно понять, с каким мужеством отчаяния шли в атаку наши солдаты и какие силы им противостояли.

«Несколько раз советские химические минометы нанесли удар по Пекарево и району позади наших позиций (видимо, наши войска применили дымовые снаряды и мины. — Л.Л.). Почти до середины дня продолжался неослабевающий артиллерийский огонь противника по нашим опорным пунктам. Около 15.00 противник крупными силами продолжил наступление и атаковал силами неуставленной численности Жекулино. По приказу командира роты мы позволили противнику подойти ближе, чтобы потом внезапно и наиболее эффективно использовать даже легкое оружие. На скопление сотен транспортных средств, конных повозок, обозов и т.д. безжа-

лостно обрушился огонь наших тяжелых орудий и танков. Чтобы отбросить назад советские войска, приблизившиеся к позициям, пришлось предпринять контратаку совместно со штурмовыми орудиями. При этом развернулись сильные ближние бои, которые были достаточно опасными, поскольку 3-й взвод остался почти без боеприпасов. Несмотря на это, удалось уничтожить большую часть войск противника и взять в плен около 150 пленных. Только так удалось удержать свою позицию.

<...> Однако русские продолжают атаковать с криками «ура!» в направлении Дороховки (здесь наступали части 166-й сд. — Л.Л.). Наши пулеметы без перерыва стреляют по наиболее близко подошедшим подразделениям и наносят противнику тяжелейшие потери. Особенно сильно действует фланговый огонь приданного тяжелого пулеметного взвода по наступающему противнику. Казалось, что наступление противника подавлено. Но около 18.00 доложили, что противник прорвался в центре и контратака успеха не имела. Осознавая опасность, командир роты сам вернул некоторые отошедшие назад танки. Подразделения роты стреляют со всех орудий, чтобы остановить штурмующие войска. Но пришлось отойти несколько назад, чтобы прикрыть позиции тяжелого пулеметного взвода, минометной группы и противотанковых орудий. В момент крайней опасности наконец-то подошли танки и, атаковав противника, продвинулись до передовой позиции. Группами по 20—40 человек советские солдаты, спрятавшись в домах и садах, яростно отстреливаются.

Около 19—20 часов прорвавшиеся на участке 2-го взвода силы противника численностью около 80 человек попытались продвинуться в направлении Леонтьева. Но остатки 2-го взвода с четырьмя танками атакуют их и после короткого ближнего боя закрывают брешь. Спустя некоторое время, около 21.30, русские вновь атакуют. В бой вступили связисты, водители, мотоциклисты. После того как на помощь прибыло еще 3 танка, удалось восстановить позади фронт обороны. Все, что шевелилось или попадалось на глаза, уничтожалось. Боеприпасы заканчивались, когда их доставили на двух танках. 30—40 русских погибли и столько же, в большинстве тяжело раненные, взяты в плен. 80—100 русских солдат лежали перед и между нашими позициями. Многие большевики, которые еще бродили по населенному пункту, были ликвидированы в течение ночи.

Еще дважды противник с криками «ура!» пытался атаковать слабые места наших позиций. Пришлось отойти назад до западной окраины Пекарева, чтобы дожидаться подхода резервной 8-й роты. Используя огонь штурмового орудия и наших тяжелых пулеметных групп, и эти атаки удалось отразить» [42].

Как только обозначился прорыв, вперед двинулись артиллерийские части, колонны тылов, обозы. Однако войска и штабы оказались неподготовленными к действиям ночью. В темноте, а она в октябре наступает рано, под интенсивным обстрелом противника колонны частей перемешались, возникли пробки. Пока разбирались — время ушло. Некоторые части потеряли ориентировку, дело дошло до столкновений между ними. К тому же для удержания узкого коридора, проделанного у Богородицкое, заслон справа заранее не был предусмотрен. Заслоны же на флангах участка прорыва, не имеющие противотанковых средств, были просто раздавлены танками противника. Поэтому прорваться через оборону врага и отойти на восток удалось лишь отдельным частям и разрозненным группам воинов.

По рассказам ветеранов 120-го гап, перед прорывом было приказано жечь документы штабов дивизионов. Желаящим было роздано новое командирское обмундирование и белье из запасов, вывезенных с места постоянной дислокации в Косово Белорусской ССР. Оставшееся имущество уничтожили. 11 октября, расстреляв последние снаряды, полк колонной двинулся в направлении обозначившегося прорыва. На кабину переднего тягача поставили станковый пулемет, на остальных подготовили ручные. Однако немцы закрыли брешь, проделанную в их обороне. Колонна полка вползла в огневой мешок. Орудия и пулеметы врага, казалось, стреляли со всех сторон. Горели трактора, машины. Среди них метались охваченные ужасом люди. Был убит лейтенант Ерохов В.С. и десятки других командиров, сержантов и солдат. Рядом со своим орудием упал смертельно раненный лейтенант Дудка А.С. Слева пошли в контратаку несколько десятков немецких танков. Артиллеристы, сняв замки с уцелевших орудий, отошли на юг, в направлении автостреды. Немцы, закрыв брешь в обороне по реке Бебря, не решились наступать внутрь кольца [69].

В 21.15 11.10.1941 г. из 19-й армии была передана радиограмма:

«тт. Сталину, Шапошникову, Коневу, Булганину.

1. Противник занимает построенную и укрепленную нами полосу по вост. берегу р. Бебря от Вязьмы, Ломы. Силы противника, определяемые взятыми на разных участках пленными, составляют 6 и 7 т[анковые] дивизии. Северо-западнее Жилино наступает 129 пд. 87 пд Москва (так в тексте, очевидно, Марьино. — Л.Л.), Ломы.

2. 19 армия и группа БОЛДИНА занимают рубеж Богородицкое, Ямное, Кочетово, Горнево и [в] 16.00 перешли в наступление на фронте Мартюхи, Богородицкое, Дороховка. Противник оказывает упорное сопротивление частыми контратаками в 20—30 машин. Противник применил 8-ствольный миномет¹.

Воздушный противник сегодня был пассивен. 10.10.41 во второй половине дня группами 30—40 самолетов бомбил наши войска. В действие нами введены все средства и силы. Идет ночной бой, но успеха пока не имеем. Кольцо окружения сомкнуто. На все наши попытки связаться с Ершаковым и Ракутиным успеха не имели, где и что делают, не знаем.

Снаряды на исходе. Горючего нет, как можно принять снаряды и горючее с Болдиным, сообщим.

Болдин, Лукин, Ванеев, Малышкин»².

12 октября начальник оперативного отдела штаба Западного фронта генерал Маландин доложил начальнику Генштаба:

«1. Болдин, Лукин, Ванеев донесли, что в ночь на 12.10.41 частями Лукина и Болдина совершен прорыв на участке Обухово, Богородицкое, Мартюхи. Головные части прорывающихся войск овладели Ивановка, Романово. В образовавшийся прорыв потянули артиллерию. Противник оказывает упорное сопротивление.

¹ Скорее всего, 15-см шестиствольный миномет «Небельверфер-41» («Метатель дыма») 51-го полка «Nebelwerfer» превратился в 8-ствольный в результате опечатки в донесении. Хотя у немцев уже тогда были на вооружении 280-мм и 320-мм реактивные снаряды, которые запускались с деревянных или металлических рядных пусковых установок на 4 снаряда каждая (дальность стрельбы соответственно 1955 и 2200 м). Пуск из двух таких установок наши артиллеристы могли принять за одну 8-ствольную.

² ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 5. Л. 528 (Служебные пометки: подана 12.10.41 20.52, принята 22.30. Вручена Соколовскому 13.10.41 г.).

2. Болдину, Ершакову, Лукину дана ориентировка о противнике и наиболее выгодном направлении выхода войск в восточном направлении. Дано задание ВВС прикрыть выход войск Лукина, Болдина и Ершакова»¹.

Продолжает Вашкевич:

«К рассвету 12 октября прорвавшиеся части сосредоточились в 18 километрах к северо-западу от места прорыва. Здесь находились подразделения 1282-го и 1286-го стрелковых полков, 970-го артиллерийского полка и часть отряда моряков, а также подразделения из соседних дивизий армии. Быстро сказалась физическая усталость и большое напряжение ночного боя. Все повалились спать.

В этом районе мы пробыли весь день 12 октября, ожидая подхода других наших частей. Однако к нам присоединились лишь отдельные небольшие подразделения из разных дивизий 19-й армии.

<...> Далеко на юго-западе, где ночью и утром шел жестокий бой, наступила тишина. Закончилась героическая борьба 19-й армии и группы Болдина с целью прорвать кольцо окружения и во что бы то ни стало отойти на Можайскую линию обороны» [60]. По неподтвержденным данным, в группе генерала Вашкевича к своим войскам вышло около 1800 человек.

Позднее Лукин выскажет упрек в адрес Вашкевича в том, что тот не использовал возможность для нанесения удара по противнику с тыла, чтобы пробить коридор для выхода остальных войск. Повернуть назад для атаки без тяжелого оружия и артиллерийской поддержки неорганизованные остатки различных частей — вряд ли это было по силам любому начальнику, а не только генералу Вашкевичу. Разрозненные атаки наших войск продолжались всю ночь и на следующий день. Но было уже ясно, что прорыв и на этот раз не удался.

Решено пробиваться на юг. 12 октября в 9.15 Лукин получил радиogramму Жукова:

¹. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 82. Л. 393.

«Болдину, Лукину, Ершакову.

<...> 3) Против вас в районе Вязьмы части 7-й и севернее Вязьмы части 87, 129 пд; надо ожидать на рубеже Касня, Вязьма наличие отдельных опорных пунктов.

4) В полосе южнее Вязьмы, Гжатск войск противника почти нет (выделено мною. — Л.Л.).

5) Ершаков прорывается южнее Вязьмы, к 11.10 вел бой у Бабы Горы. Перед фронтом Ершакова до пех. дивизии. Противник растянулся и не имеет сплошного фронта, а занимает отдельные районы.

Болдин, Лукин 12.10 прорвались в район Богородицкое.

Штаб Лукина — Шутово, 20 А на 9.10 — Панфилово».

Передача этой информации была первой попыткой оказания хоть какой-то конкретной помощи со стороны нового командующего фронтом. К сожалению, переданные данные мало соответствовали действительности. Северо-западнее Вязьмы оборонялись части 7-й и 6-й танковых дивизий и 5-й и 35-й пехотных. Севернее, в глубине сосредоточились некоторые части 14-й моторизованной дивизии и выведенная из боя 129-я пехотная дивизия. И совсем уж не соответствовало действительности утверждение, что южнее Вязьмы войск противника почти нет (в другой радиограмме сообщалось, что там действует до двух пехотных дивизий противника).

В 1.30 12.10.41 г. сразу четверым командующим окруженных армий штаб Западного фронта продублировал распоряжение:

«Лукину, Ершакову, Болдину, Ракутину.

Перед Ершаковым действует 252 пд. Дивизия открытым текстом просила немецкое командование 11.10 о помощи, т.к. не выдерживает нажима Ершакова. Видимо, перед Ершаковым наиболее слабое место фронта противника.

Учитывая слабость противника перед Ершаковым, немедленно разберитесь поглубже в обстановке перед Вашим фронтом. Сможете ли Вы успешно и быстро прорваться на своем участке.

Не лучше ли Вам, закрывшись на своем участке от противника, демонстрируя прорыв, собрать танки группу, артиллерию группу (так в тексте. — Л.Л.), помочь Ершакову мощным ударом смять противника и выводить все армии за Ершаковым в направлении севернее ст. Угрюмово на Боровск. При

этом в сторону противника иметь сильные заслоны, которым по мере выхода отходить за армией.

Принятые решения донести 12.10. Военсовет напоминает Вам невыполнение приказа доносить Ваших действиях и о продвижении.

Дальнейшее промедление Ваших действий может погубить армии. Ускорьте прорыв и выход из окружения.

Вручение подтвердить»¹.

О якобы «бедственном положении» 252-й пехотной дивизии можно судить по донесениям штаба 4-й армии врага, который 11 октября в 10.20 доложил о положении на южной стороне «котла»:

«Попытки противника прорваться на фронте 23-й пд были отбиты или преграждались. 7-й ак подводит резервы на угрожаемые участки. Возобновлены атаки против стыка 2-й и 11-й танковой дивизий (здесь прорывались части 24-й армии. — Л.Л.).

В настоящий момент части 252-й пд ведут наступление (выделено мною. — Л.Л.) *вдоль восточного фронта котла (кольца окружения) на север. Таким путем будет достигнуто дальнейшее сужение кольца»².*

«12.10. 46-й ак: кольцо вяземского окружения сужено танковым ударом 5-й тд и наступлением частей 252-й пд в северном направлении. Захвачено много пленных и трофеев. 5-я тд после ожесточенного боя вышла в район 4 км южнее Пузиково. Захвачено 15 тысяч пленных. 252-я пд — Нов. Трошино.

13.10. 5-я тд и 252-я пд вклинились в глубину обороны противника и, нанеся ему необычайно тяжелые потери, сломили его сопротивление и восстановили локтевую связь с правым флангом 11-й тд.

7-й ак: 7-я пд передовым отрядом в Субботино, главные силы — р. Луза — наступают на автостраду.

78-я пд, наступающая против разрозненных групп противника, достигла р. Вязьма у дороги Семлево — Вязьма, установив тем самым локтевую связь с 10-й танковой дивизией (выделено мною. — Л.Л.).

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 82. Л. 367, 368.

² Там же. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 73. Л. 221.

23-я пд, наступающая на Вязьму при сильном сопротивлении противника, подошла с запада вплотную к р. Вязьма. Отбиты попытки противника вырваться из окружения у Вачкова (4 км западнее Вязьмы. — Л.Л.) и юго-восточнее от него.

46-й ак: количество пленных — 25 тысяч»¹.

Противник перешел к решительным действиям на всем фронте, и сражение вступило в завершающую фазу. Воспользовавшись тем обстоятельством, что оборона на стыке группировок наших войск, возглавляемых генералами Лукиным и Ершаковым, оказалась слабой, части 23-й пехотной дивизии к исходу 11 октября подошли с запада к станции Гредякино (7 км юго-западнее Вязьмы), заняв на своем левом фланге д. Богдановка севернее железной дороги. Затем немцам удалось наступлением вдоль тракта Семлево — Вязьма (старая Смоленская дорога) расчленить окруженные войска на две части, что серьезно осложнило их действия. Кстати, авторы некоторых публикаций ошибочно считают, что впервые немцам это удалось сделать ударом 87-й пехотной дивизии вдоль автостреды. Это произошло несколько позже и не имело столь решающего значения, так как дивизия не смогла закрепиться на автострезде.

12 октября Болдин и Лукин доложили в Ставку:

«Ставка — СТАЛИНУ, ШАПОШНИКОВУ

Западный фронт — КОНЕВУ, БУЛГАНИНУ

С утра 12.10.41 пр-к с танками перешел в контрнаступление на обоих фронтах. Из-за отсутствия снарядов пехота не выдерживает силы огня пр-ка и отходит.

Танков у нас остались единицы, кольцо окружения за сутки суживается, брошены в бой последние резервы.

Положение очень тяжелое. Принимаю меры, чтобы выйти из окружения.

Обещанной Вами авиации над полем боя нет.

Болдин, Лукин, Ванеев»².

12 октября командование окруженных войск прислало свое последнее донесение:

¹ ЦАМО РФ: Ф. 500. Оп. 12462. Д. 727. Л. 219—228.

² Там же. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 36. Л. 298.

«ТТ. СТАЛИНУ, ШАПОШНИКОВУ. ТТ. ЖУКОВУ,
КОНЕВУ, БУЛГАНИНУ

Прорваться не удалось, кольцо окончательно стеснено, нет уверенности, что продержимся до темноты. С наступлением темноты буду стремиться прорваться к Ершакову. Артиллерию, боевые машины и все, что невозможно вывести, — уничтожаем.

Болдин, Лукин, Ванеев»¹.

На документе имеется резолюция:

«ТТ. Болдину, Лукину. Прикажите танкам прорваться по кратчайшему направлению и быстро выйти за свои войска. Наш фронт проходит: Мышино, Ельня, Ильинское, Калуга. Самое слабое место противника южнее Вязьма, Темкино, Веря. Остальным частям 19 А, 20 А, группе Болдина торопиться выходить вслед за танками. Все, что невозможно вывести, закопать в землю и тщательно замаскировать. Ершаков действует южнее Вязьма.

Жуков, Булганин»².

(Служебная пометка: резолюция исполнена 13.10.41 г.).

12.10 из штаба Западного фронта была передана телеграмма с пометкой «Молния»:

«Для обеспечения выхода из окружения и локализации параллельного преследования противником отходящих армий организуйте путем выброски вперед и на фланги сильных подвижных отрядов с задачей не давать противнику закупоривать пути отхода. Отряды должны действовать смело и решительно и в нужных случаях их быстро подкреплять от колонн авангардов и главных сил»³.

Все эти приказы и полезные рекомендации запоздали и уже не соответствовали обстановке.

Штаб 9-й армии доложил:

«Окруженные западнее Вязьмы части противника близки к полному уничтожению. Дивизии 5-го ак, задействованные для сужения кольца окружения, успешно продвигались на юго-восток при слабом сопротивлении противника.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 36. Л. 297.

² Там же. Л. 297. Подлинник.

³ Там же. Д. 82. Л. 395.

26-я пехотная дивизия прорвала <...> оборонительные позиции в окрестностях Тишина. Исключительно упорно обороняющийся противник частично был уничтожен, его артиллерия подавлена<...>. Наши потери также значительны. В боях за последние 3 дня дивизия потеряла 58 офицеров и 1200 солдат убитыми и ранеными» [46].

Из статьи генерала Лукина:

«Тот, кто был в окружении и оказывался в таком же положении, как и я, поймет мое душевное состояние. Нет, моральные силы не были надломлены, сила воли не поколеблена, но я понимал всю тяжесть положения и ничего сделать не мог.

Вновь собрал командиров и комиссаров. Они, очевидно, ждали от меня чуда. Ну а чудес, как известно, не бывает. К горлу подступал комок... Какие слова найти? Чем помочь им? Потом, взяв себя в руки, сказал:

— Товарищи, положение не безвыходное. Противник сосредоточил все свои силы на восточном направлении и видит, что мы рвемся только на узком участке. Если же мы будем прорываться южнее Вязьмы, в направлении 20-й армии, то обязательно прорвемся. Приказываю выходить отдельными группами» [56].

В других источниках по-разному рассказывается о последнем совещании в Шутово и о принятом там решении (ниже эти различия будут рассмотрены). Неудача отчаянной попытки 11 октября вырваться из кольца отрицательно сказалась на моральном состоянии личного состава. Территория, занимаемая остатками 19-й армии и группы Болдина, еще более сократилась. В бой вступили артиллеристы, оставшиеся без снарядов, танкисты, потерявшие в боях свои боевые машины. Скрывать нечего: многие начальники растерялись, возникли панические настроения. Некоторые командиры, не желая подчиняться, пытались действовать самостоятельно. Видимо, добиться жесткого подчинения не удалось.

Я не сразу решил, стоит ли приводить здесь несколько путанный рассказ о выходе из окружения еще одного участника тех далеких событий: уж больно он напоминал лихие кавалерийские атаки времен Гражданской войны. Кстати, наличие многочисленных свидетельств участников одних и тех же событий необязательно способствует установлению истины (ведь не на пустом месте возникло выражение — «врет, как очевидец»). Чаще всего это приводит к появлению версий,

взаимоисключающих одна другую и только затрудняющих работу исследователя. Но рассказ бывшего командира 45-й кавалерийской дивизии, подполковника А.Т. Стученко¹ в некоторых отношениях может дополнить воспоминания других ветеранов и тем интересен. Дивизия составляла резерв 19-й армии и располагалась к северу от хутора Шутово.

«В 19-й армии полностью сохранила высокую боеспособность, пожалуй, только 45-я кавалерийская дивизия². Я убедительно просил командарма Лукина разрешить атаковать противника, чтобы пробить путь для всей армии, но он не согласился:

— Твоя дивизия — последняя наша надежда. Без нее мы погибли. Верю, ты прорвешься, но мы не успеем пройти за тобой — немцы снова замкнут кольцо.

Этот довод, возможно, был справедлив, но нам, кавалеристам, трудно было с ним согласиться. Мы считали, что можно было организовать движение оставшихся боеспособными частей армии за конницей. А в крайнем случае, даже если бы это не удалось, то хотя бы сохранилась боеспособная дивизия для защиты Москвы.

Мысль о спасении дивизии не давала мне покоя. На свой страх и риск решил действовать самостоятельно. Так как северо-восточное направление уже было скомпрометировано неудачными атаками армии, мы наметили другое — на Жебрики, почти на запад. К рассвету, расположившись вдоль опушки леса возле Горнова (Горнево, в 8 км северо-западнее Вязьмы. — Л.Л.), дивизия была готова к атаке³. Впереди конных полков стояли артиллерия и пулеметные тачанки.

По команде, сверкая клинками, дивизия перешла в атаку. До наших пушек оставалось всего метров двести, когда мы увидели, что наперерез скачут М.Ф. Лукин, его адъютант и почему-то командир танковой бригады Корчагин (командир

¹ Стученко Андрей Трофимович (1904—1972), генерал армии (1964).

² Довольно самонадеянное заявление. 45-я легкая (рейдовая) кд (по штату — 2967 чел., по списку на 1 октября — 2798) состояла из 3 кавполков, в каждом по штату шесть 45-мм орудий, дивизионной артиллерии не было. К 10 октября дивизия понесла большие потери. В открытом бою днем она была бы уничтожена.

³ А.Т. Стученко путает: это направление на северо-восток. Он также ошибся, утверждая, что знаменитая батарея «катюш» капитана Флерова погибла в окружении западнее Вязьмы.

126-й тбр полковник И.П. Корчагин. — **Л.Л.**). Командарм что-то кричал и грозил кулаком в мою сторону. Я придержал коня. Полки, начавшиеся переходить уже в галоп, тоже придержали коней. Ко мне приближался Лукин.

— Стой! Именем революции, именем Военного совета приказываю остановить дивизию! — закричал он...

<...> М.Ф. Лукин продолжал доказывать, что так надо было, что он не мог лишиться нашей дивизии.

Подбираем раненых, хороним убитых. Надо скорее покидать этот лес, по которому уже пристрелялся противник. Дивизия «под конвоем» командарма Лукина и его группы перешла на старое место — к хутору у Шутово. Вечером на командном пункте собрались работники штаба, политотдела, трибунала, прокуратуры, тыла 19-й армии и штабов других армий. Здесь же были командарм Вишневский и Болдин.

Командный пункт, по существу, уже ничем не управлял. Связи с частями не было, хотя кое-где действовали переносные радиостанции (мощные радиостанции пришлось уничтожить).

Лукин не отпускал меня ни на шаг. Собрали скудные запасы, принялись за ужин. В это время в хату с шумом ворвался какой-то подполковник и доложил, что стрелковый полк, прикрывавший район Шутово с запада, атакован противником. Полк отходит. А следом идут немцы. Сюда, в направлении хутора. Все вскочили. Лукин приказал мне остановить гитлеровцев, не допустить их продвижения к командному пункту.

В 23.00 дивизия получила приказ командующего армией: держать фронт до четырех часов утра, после чего отходить на юг, прикрывая группу командармов со штабами и остатками войск, которые будут с рассветом пробиваться в район Стогово (южнее Вязьмы) на соединение с 20-й армией генерал-лейтенанта Ершакова».

Ночью конный разъезд доложил, что на хуторе, где размещался штаб армии, уже никого нет. Стученко продолжает:

«Удалось выяснить, что еще в полночь оба командарма и Болдин, собрав своих штабных работников и сколотив отряд человек в шестьсот, взяли радиостанцию и ушли в неизвестном направлении. Итак, мы уже около четырех часов сидим здесь неизвестно для чего, неизвестно кого прикрывая.

В пятом часу утра полки по моему приказу бесшумно снялись с места. Держа коней в поводу, конники двинулись на юг,

как приказал нам еще вечером командарм. На рассвете 13 октября дивизия подошла к деревне Жипино. Разъезды, высланные нами, были встречены огнем: в деревне враг. Чтобы избежать ненужных потерь, я решил обойти ее с северо-запада и на рысях повел дивизию через лес на деревню Буханово. Но до деревни мы не дошли. У узкого ручья головной эскадрон попал под ураганный автоматнo-пулеметный огонь. Стало ясно, что пробиться здесь будет еще тяжелее. Решил вернуться назад к деревне Жипино. Там видели только наши разъезды и ничего не подозревают о наших намерениях» [9].

Пропустим рассказ о немецких «кукушках», которые с деревьев «в упор расстреливали всадников и лошадей», об атаке, которую почему-то не поддержали танки генерала Ремезова¹. Три танка бригады появились только тогда, когда кавалеристы вышли к шоссе. Тут со стороны Вязьмы появились вражеские танки. Под их огнем эскадроны пересекли шоссе, но в кустарнике по другую сторону шоссе попали под сильный огонь минометов и артиллерии. В роще скопилось много людей из других частей, так как дорогу на юг преграждала река Вязьма (см. схему 15). На узкой полоске земли между автострадой и рекой в 4—6 км западнее Вязьмы скопились многие тысячи бойцов и командиров различных частей. Еще больше здесь было раненых воинов, которых не смогли эвакуировать по автострате в связи с захватом немцами города. Когда части переправились через реку и двинулись на юг, раненые остались на ее северном берегу. С ними остались, за редким исключением, врачи и санитары медпунктов частей, медсанбатов и госпиталей. Они не могли оставить своих подопечных без помощи. Врачи медпункта 120-го гап до сих пор числятся пропавшими без вести.

Вскоре к кавалеристам присоединились танкисты из 127-й танковой бригады генерал-майора танковых войск Ф.Т. Ремезова, но уже без танков, а также работники прокуратуры фронта В.Ф. Блинков и И.П. Пастревич, которые оказали большую помощь в работе с людьми. Высланные конные

¹ Ремезов Федор Тимофеевич, командир 127-й танковой бригады, генерал-майор. Бригада, сформированная из остатков 18-й тд 7-го мк, вместе с остальными частями 16-й армии попала в окружение под Вязьмой. 6 ноября остатки бригады вышли к своим войскам в районе Наро-Фоминска.

разъезды, подошедшие к реке Вязьма, были обстреляны с противоположного берега и с высоты у шоссе и моста в полтора километра западнее. Реку, разбухшую после дождей, остатки дивизии преодолели недалеко от деревни Степанково. Лошадей, на которых сидели раненые, вели в поводу. Железную дорогу Смоленск — Вязьма преодолели подобострелом с флангов. Остатки дивизии незаметно пополнялись примкнувшими офицерами и солдатами, выходившими из окружения. Вскоре в отряде оказалось более 600 человек. Но костяк его еще состоял из бойцов 45-й кавдивизии, в которой еще оставалось на тот момент 180 лошадей, из которых здоровых только 22.

Стученко продолжает:

«Наступал рассвет. День решили пробить в лесу — привести себя в порядок, попытаться связаться с армией генерала Ершакова. Две пешие разведпартии уходят на поиски. Организовали охранение. ... Приказал начальнику штаба взять на учет и оформить всех примкнувших к нам товарищей. Их уже более шестисот, причем люди продолжают прибывать и в одиночку, и группами. Они из разных родов войск, с разных должностей — от рядового до генерала. ... Возвратилась разведка и доложила о тяжелой судьбе армии генерала Ершакова. С разведчиками пришли несколько командиров и красноармейцев этой армии. Они рассказали о тяжелом бое, который разгорелся здесь недавно. Мы побывали на этом страшном месте. Развороченная земля усеяна трупами наших и немцев. Здесь же исковерканные повозки, орудия, машины. Раненые лошади с низко опущенными головами бродят по мертвому полю. А вокруг зловещая тишина. Уцелевшие группы бойцов и командиров уже ушли, чтобы пробиться к своим.

Во второй половине дня наблюдатели донесли, что к лесу со всех сторон движутся гитлеровцы на мотоциклах, автомашинах и в пеших боевых порядках. Было также замечено, что минометные батареи противника занимают огневые позиции. Таким образом, мы оказались еще раз окруженными. ... Я начал организовывать прорыв. План был прост: с наступлением темноты внезапно атаковать немцев на одном из наиболее выгодных направлений и бегом преодолеть занятую ими зону. Чтобы не растерять людей, решил пробиваться колонной, построенной по двадцать человек в ряд с интервалами в три-пять шагов между бойцами. По моему сигналу первые два ря-

да и все фланговые, подойдя к опушке леса, должны открыть огонь из автоматов и с криком «Ура!» броситься вперед. Для удобства управления расположился со своими заместителями и помощниками в центре первых трех рядов.

Уже стало смеркаться, когда мы были готовы к броску.

И вдруг через громкоговорители с немецкой стороны раздалось слова: «Рус! Сдвайсь! Ви ест окружены крупными немецкими частями. Вам капут. Сдавайсь!»

В первую минуту все растерялись. В такой ситуации могла возникнуть паника. Понимая это, я громко скомандовал: «Вперед, товарищи! Огонь! Ура!» Вся масса людей, будто очнувшись, бросилась вперед, открыв шквальный автоматный огонь. Через час мы уже приводили себя в порядок на лесной поляне. Потерь почти не было. Внезапность и быстрота сделали свое дело» [9].

Вскоре отряд подошел к железнодорожной станции Пятница. В ходе стычек с заслонами немцев отряд разбился на две части. В конечном итоге одна группа во главе с командиром дивизии пробилась к своим войскам. Оставшаяся часть отряда, представлявшая собой уже довольно разношерстную массу неорганизованных людей, разделилась на отдельные небольшие группы, которые двинулись на восток. Некоторые из них прорвались в районе Наро-Фоминска, другие вышли к своим в полосе 49-й армии.

Из оперсводки 9-й армии противника 13.10:

«<...> Чтобы разорвать связь между русскими, находящимися севернее и южнее автостреды, 87-я пд стала пробиваться на Вязьму вдоль автостреды. Эта атака удалась».

Действительно, небольшому передовому отряду 87-й пд врага к исходу 12 октября удалось, наступая вдоль автостреды на Вязьму, установить связь с частями 7-й и 10-й танковых дивизий. Но создать сплошной фронт обороны вдоль нее немцы не сумели. Этим воспользовались наши войска, которые начали прорываться в южном направлении на соединение с войсками Ершакова».

Из статьи генерала Лукина:

«13 (12 октября. — Л.Л.) октября войска армии начали разделяться на отдельные группы для самостоятельного выхода. Предварительно я спросил, все ли орудия взорваны, машины сожжены и конский состав уничтожен. Мне доложили, что пер-

вое и второе выполнено, а на то, чтобы уничтожить конский состав, ни у кого рука не поднялась. Коней распустили по лесу.

Выходили группами. Со мной было около тысячи человек из штаба армии и из разных частей, вооруженных только винтовками, автоматами и пистолетами. Многие прорвались и вышли в полосу 20-й армии юго-западнее Вязьмы» [56].

Прорыв через автостраду подтверждает и противник:

«Ночь с 12 на 13. 10 ознаменовалась для продвигающихся сил 87-й пд тяжелыми боями. Крупные части русских пытались пробиться с севера на юг. В итоге тяжелых и ближних боев, сопряженных с большими потерями, некоторым малочисленным частям русских удалось все-таки пробиться на юг. Они попали в окружение со стороны соседней армии»¹.

Как только немцы обнаружили движение наших войск в южном направлении, они перешли в наступление на всем фронте «котла», стремясь сорвать их планомерный отход. Части 166-й стрелковой дивизии со 120-м гап, прикрывавшие восточный фланг армии, пытались сдерживать наступающего противника.

Из донесения 8-го ак противника 13.10 3.00:

«12.10 в 17.45 сильное наступление противника у Бол. Шутово. <...> сегодня захвачено 13 тыс. пленных. Их количество растет. Количество трофейного оружия, автотранспорта и другого военного имущества еще не подсчитано.

Контрнаступление 35-й пехотной дивизии (она сменила части 7-й танковой дивизии. — Л.Л.) 5-го ак, почти не встречая сопротивления противника, успешно развивается в южном направлении. Отступивший ранее противник понес тяжелые потери в живой силе. 3-й батальон 25-го тп 7-й тд ударами по отступающим русским помешал им закрепиться на новых позициях» [46].

И все же многим частям 19-й армии, конечно, не в полном составе удалось вырваться из северной части котла. В связи с этим выражение Лукина «выходили группами» требует пояснения. На этот счет есть другие свидетельства, не в такой мере подвергшиеся правке редакторов, как статья Лукина в 1981 г. Так, по другим данным, на последнем заседании Военного совета окруженной группировки в ночь на 12 октября в

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 757. Л. 207.

Шутово принимали участие генералы Андреев, Болдин, Вишневский, Красноштанов, Мостовенко, Вашкевич, член Военного совета 19-й армии Ванеев, подполковник Стученко и другие. После обсуждения сложившейся обстановки было принято решение: выводить войска двумя группами в южном направлении на соединение с 20-й армией. Утром 12 октября две группы войск — одна, возглавляемая генерал-лейтенантом Лукиным, другая — во главе с генерал-лейтенантом Болдиным — двинулись на юг, в направлении Минского шоссе. Общей целью было соединение с 20-й армией Ершакова в районе железнодорожной станции Семлево. При этом частям предстояло последовательно преодолеть автостраду, р. Вязьма, железную дорогу и старый смоленский тракт, на который уже вышли части 23-й пехотной дивизии противника. К тому же командование окруженной группировки не предполагало, что 20-й армии как таковой уже не существует, как не существует и 24-й армии.

Историк Б.И. Невзоров, ссылаясь на показания вышедшего из окружения офицера-связиста, по-другому рассказывает о попытке прорыва 19-й армии в южном направлении. На последнем совещании после неудачной попытки прорыва у Богородицкое было решено выходить отдельными группами по трем параллельным маршрутам на юг в район Быково, Селиваново, Покров (7—18 км южнее Вязьмы), чтобы совместно с частями 20-й армии прорываться в восточном направлении. Авангарды колонн **начали движение 12 октября в 18.00 из района Богородицкое, Шутово**. В центральной колонне двигались: батальон охраны, рота офицеров штаба армии, замыкали колонну подразделения фронтового 48-го отдельного полка связи¹.

Части продвигались в основном пешим порядком под командой своих командиров, пытаясь обойти Вязьму с юга. Они с боем пересекли автостраду и, преодолев р. Вязьма, двинулись на юг и юго-восток. Немцы встретили русских на рубеже железной дороги организованным минометным и пулеметным огнем. Не всем частям удалось вырваться из огненного мешка.

¹ ЦАМОРФ. Ф. 8. Оп. 11627. Д. 1001. Л. 219, 220 и Д. 83 (цит. по: Невзоров Б.И. [29]. Автору не удалось ознакомиться с этими делами, так как они находятся на спецхранении.

Возможно, генерал Лукин автостраду преодолел на танке. Об этом рассказывал мне генерал-полковник П.С. Семенов. По его словам, на офицеров штаба армии произвело весьма неблагоприятное впечатление, что М.Ф. Лукин сел в танк КВ и покинул их (он высказался довольно резко по этому поводу). Я не хотел рассказывать об этом, так как знал о не слишком хороших отношениях после войны между двумя генералами, хотя они проживали в одном подъезде «генеральского» дома в Москве и почти ежедневно встречались. Якобы Лукин под Вязьмой грозился расстрелять Семенова, который, как начальник штаба артиллерии 19-й армии, преждевременно дал команду на подрыв установок М-13 («катюш»). Но этот факт получил неожиданное подтверждение.

Советский военнопленный майор Владимир М. (фамилия автору известна), допрошенный контрразведчиками 87-й пехотной дивизии, 16 октября на вопрос о судьбе генерала Лукина показал (выдержки из протокола допроса):

«[Лукин] попытался выйти из окружения на тяжелом танке. Генерала он видел в последний раз 12 октября около 20 часов вечера, так что где тот сейчас находится, он не знает. Попытка командующего покинуть войска была воспринята с осуждением, ибо только он мог бы еще отдать четкие распоряжения в возникшем хаосе.

По его оценке, боеспособность 19-й армии, которая считалась нами одной из лучших у противника, слаба. За 5 последних дней она не имела никаких успехов, потеряв в боях 20 тысяч человек. В подчинении М. находился батальон охраны <...>. На вопрос о местах нахождения штаба он ответил, что в августе — сентябре тылы штаба размещались в Вадино, тогда как само командование располагалось в лесу юго-восточнее Василисино. С началом немецкого наступления штаб был перемещен в Гаврилово, затем в Неелово и потом переброшен за Днепр. В результате атаки немецких танков восточнее Днепра (речь идет о стычке у Ломы. — Л.Л.) батальон охраны был отрезан от самого штаба, за что он был снят со своей должности. В качестве следующих мест нахождения штаба армии он называет Никулино под Вязьмой и Шутово <...>.

Командующий армией приказал осуществить попытку прорыва, которая и была предпринята в ночь с 11 на 12 октяб-

ря частями 91-й дивизии под Богородицкое, но потерпела неудачу. Командир дивизии полковник Волков доложил, что не смог прорваться, встретив плотный огонь и сильное сопротивление противника. Проведенная сразу же после этого разведка установила, что в том населенном пункте находились советские подразделения и части. На этом примере майор М. попытался пояснить, какая в то время царила неразбериха, так что ни о каком планомерном руководстве войсками со стороны командования речь не шла. Панические настроения и хаос распространялись быстро. Кольцо же окружения сжималось все плотнее. Из работников штаба было сформировано подразделение, приданное 152-й стрелковой дивизии. Дивизия получила распоряжение прорваться на юг через автостраду в направлении Вязьмы.

Сам он получил приказ уничтожить дивизионные обозы и идти на прорыв колонной в составе десятка автомашин. В ходе завязавшегося боя царила полная неразбериха. Вначале части, шедшие на прорыв, столкнулись с отошедшими немецкими войсками под Лукьяново (в 3—4 км севернее моста через Вязьму. — Л.Л.), затем под Пупово попытка прорыва была остановлена с большими потерями. Многие автомашины из состава его автоколонны выбыли из строя. Поэтому он принял решение оставить бывшие еще на ходу несколько грузовиков и попытаться прорваться с группой солдат в пешем порядке. Его группе удалось выйти в лес юго-восточнее Сысоева. Дальнейшее продвижение, однако, стало невозможным. На всех направлениях, куда они пытались выйти из леса, солдаты натыкались на немецкие войска. Поэтому они остались в обнаруженной ими хижине, где и были взяты в плен немецким патрулем.

<...> М. рассказал, что в немецком батальоне, а затем и в полку к нему отнеслись очень хорошо, и поведал, что и в 19-й армии отношение к пленным было хорошим. Их он видел человек 200, но небольшими группами. <...> На наше замечание, что немецких военнопленных часто убивали или они подвергались обращению, противоречащему международным нормам, М. заявил, что о том, как обстояло с этим дело в других частях и подразделениях, он не знает.

<...> кроме вышесказанного, им было выражено суждение о содержании немецких пропагандистских листовок. По его мнению, не совсем целесообразно призывать в них к ликви-

дации евреев, политкомиссаров и партийных деятелей. Основная масса солдат Красной армии не понимает разницы между рядовыми членами партии и так называемыми нами политическими пособниками. Он обосновал это тем, что каждый гражданин и член компартии может стать в рядах Красной армии политруком и даже комиссаром. Солдаты делают по этому вывод, что наши призывы к ликвидации комиссаров и политических руководителей означают неминуемый расстрел этих лиц при пленении и что такое положение распространяется и на всех рядовых членов партии. При этом он упомянул и о том, что лозунг об уничтожении политических руководителей и рабочих широко применялся белогвардейцами во время гражданской войны и в настоящее время вообще не воспринимается народом <...>».¹

К сожалению, состав колонн на других маршрутах установить пока не удалось. Но по левому маршруту — ближе к Вязьме — следовал 120-й гап (см. схему 15). По нему же с некоторым отставанием должна была продвигаться и 166-я стрелковая дивизия, которая имела задачу обеспечить отход армии к р. Вязьма, прикрыв ее левый фланг с востока, а тыл — с севера. Перед началом движения, в соответствии с приказом Военного совета армии, в частях были уничтожены все документы штабов, выведены из строя орудия, тягачи, трактора и автомашины, оставшиеся без горючего, и другое боевое имущество. Желаящим было роздано обмундирование и остатки продовольствия, остальные запасы уничтожены. Некоторые материальные ценности были зарыты и укрыты в тайниках. Командирам, комиссарам и политрукам было приказано поддерживать в войсках дисциплину, не допускать паники, случаев срывания с себя знаков различия и переодевания в гражданскую одежду. При преодолении автострады, которую противник контролировал главным образом огнем, установленный порядок движения колонн был нарушен. С этого момента 19-я армия, как оперативное объединение, перестала существовать. Какое-либо централизованное управление частями и подразделениями было окончательно утрачено. Части, вышедшие в район к югу от Вязьмы, не имели тяжелого оружия и

¹ NARA. T314, R383, F000483—000486.

боеприпасов. После стычек с немцами они стихийно разбивались на отдельные, не связанные между собой группы и отряды, чтобы ночами пробиться на восток.

На северном берегу реки Вязьма артиллеристы 120-го гап сожгли последние уцелевшие автомашины. Ночью по остаткам плотины у д. Леоново они переправились через реку и двинулись через лес в направлении ст. Гредякино. На лесной дороге разгромили встретившийся обоз противника (видимо, одной из частей 23-й пехотной дивизии), захватили несколько полевых кухонь. Бойцы впервые за последние дни смогли поесть горячей каши. На выходе из леса у д. Богдановка на рубеже железной дороги попали под организованный пулеметный и минометный огонь противника. К этому времени в компактной группе, возглавляемой командиром полка, было человек 300—400, в основном личный состав штаба полка, подразделений боевого обеспечения и остатки артдивизионов. Люди были вооружены винтовками и наганами, имелось несколько ручных пулеметов. Тыловые подразделения отстали и примкнули к другим частям.

13 октября здесь произошел последний организованный бой подразделений 120-го гап. Развернувшись на опушке леса, артиллеристы пошли в атаку, охватывая деревню с двух сторон. Пулеметы немцев, которые вели огонь с чердаков двух крайних домов, забросали гранатами. Дома загорелись. В начале боя командир полка полковник Н.И. Лопуховский был ранен осколком мины в живот. В дальнейшем действиями артиллеристов руководил начальник штаба майор Ф.С. Машковцев, который в связи с ранением в ногу ехал на лошади. Несколько раз воины поднимались в атаку, но силы были неравны, и поле перед деревней покрылось телами убитых и раненых. Прорваться к железной дороге из-за плотного минометного огня противника не удалось¹. Артиллеристы отошли в лощину у восточной окраины деревни. Уцелевшие и раненые укрылись в небольшом овражке, который оказался неплохим укрытием от огня пулеметов из деревни и с насыпи железной дороги. Но он совершенно не спасал от мин, которыми враг буквально осыпал воинов. Патроны и гранаты

¹ Краткий рассказ о последнем бое 120-го гап у Богдановки был опубликован в газете «Красная Звезда» 7.10.1989 г. в статье «Забывать не вправе».

кончались. Стало ясно, что с боем прорваться здесь не удастся. В безвыходной обстановке многие раненные покончили с собой. Застрелились повторно раненный осколком мины начальник штаба майор Ф.С. Машковцев и комиссар полка батальонный комиссар Г.А. Русаков¹. Командир взвода лейтенант, раненный в атаке, перед тем как застрелиться, сказал:

— Расскажите, братцы, как мы умирали здесь, отомстите за нас!

Многие тяжелораненные просили товарищей, чтобы те их добили <...>. Радист рядовой Ф.П. Чухарев, раненный в грудь, хотел застрелиться из нагана лейтенанта. Но санинструктор Малецкий перевязал его и убедил, что рана у него касательная и спешить не надо. Мол, продержимся до темноты и уйдем в лес. Лейтенант Н.К. Жуковский, находившийся с группой бойцов на правом фланге у тригонометрической вышки с отметкой 285 (существует и в настоящее время) у западной окраины деревни, послал командира отделения Коцюбенко к командиру полка с запросом о дальнейших действиях. Возвратившийся посыльный доложил:

— Командир полка ранен в живот, умирает. Комиссару пулеметной очередью перебило обе ноги. Он застрелился.

Жуковский вспоминал:

«Своими глазами я не видел гибели командира и комиссара, так как находился в 200—300 метрах от них. Вернуться в ложину не было возможности: цепь немцев спускалась туда с противоположной стороны. С тремя бойцами мне удалось уйти. Шли всю ночь лесами на восток, сверяя направление по компасу. Повсюду были видны следы жестоких боев, валялось много убитых и наших, и немцев. В одном месте видели бронемашину, из дверцы которой свешивался человек в генеральском мундире. Под утро хотели перейти шоссе, но попали на минное поле. Очнувшись утром от боли в разбитой голове и ноге, от криков и ругани немцев, которые гоняли наших пленных по минному полю. Встретившиеся в колонне пленных товарищи подтвердили гибель командира и комиссара» [69].

¹ Рассказ о 120-м гап был опубликован в газете «Красная Звезда» через 40 лет после гибели полка — 11.10.1981 г. в статье Хорева А.П. «Отцовский полк».

С наступлением темноты уцелевшие артиллеристы отошли в лес, в котором находилось довольно много людей из других частей. Здесь образовалось несколько более или менее крупных групп, которые возглавили наиболее инициативные офицеры и сержанты. Одну из групп собрал вокруг себя командир 2-й батареи старший лейтенант А.М. Исаченко, в мирное время доставлявший много хлопот командиру и комиссару полка. С ним были майор из военной прокуратуры, девушка санинструктор и человек 15 бойцов из его батареи. Рядового Чухарева он принял в свою группу только потому, что тот был ранен, а командиры его погибли. Командиров к себе в группу Исаченко не брал, говорил им, чтобы шли, собирали и спасали своих бойцов. В обстановке общей растерянности Исаченко проявил редкое самообладание, шутил. С помощью ординарца побрился, начистил до блеска сапоги:

— Если придется погибнуть, то пусть знают фашисты, как умирают советские командиры!

Он вел группу ночами, имея впереди разведку и охранение. На восьмой день группа все-таки напоролась на засаду, завязалась перестрелка, и раненый Чухарев отстал от нее. Он вышел к своим в декабре 1941 г. под Тулой¹.

Лейтенант Голованевский со своим взводом оторвался от основных сил полка и присоединился к одной из частей 166-й стрелковой дивизии, где встретил командира дивизии генерала Додонова. С одной из групп этой дивизии он и вышел из окружения. Действия 166-й сд при выходе из окружения можно проследить по выдержкам из объяснительной записки, которую пришлось писать комдиву после выхода к своим войскам 15.11.1941 г.:

«9.10.41 г. командарм-19 генерал-лейтенант ЛУКИН информировал командиров соединений об обстановке и приказал мне удерживать пр-ка на р. Днепр до темноты 9 октября, обеспечивая планомерный отход 19 А в направлении Гжатск. Выполнив задачу, дивизия отошла на р. Вязьма. При подходе к Вязьме части 19 А встретили организованную оборону нем-

¹ Чухарев Федор Петрович (1.10.1920—2.11.1993) во время проверки после выхода из окружения честно рассказал, что в ходе последнего боя в безвыходной обстановке закопал комсомольский билет. Войну он закончил старшим лейтенантом, стал капитаном. Запись в личном деле о «пятне» и клеймо окруженца помешали его дальнейшей службе.

цев фронтом на запад. Это было 11 октября, когда командарм совместно с зам. командующего ЗапФ генералом БОЛДИНЫМ отдал приказ на прорыв из окружения на восток в направлении Гжатска. Прорыв должен был начаться 12 октября в 12 часов после часовой артподготовки. Однако боеприпасы были на исходе, горючего и продовольствия не было. Попытка прорыва успеха не имела.

После этого был дан приказ прорываться на юг, выйти в район Вязьмы с целью соединения с группой войск [20 и 24 А], а затем во взаимодействии с ними прорываться на восток. 166 сд опять имела задачу — обеспечить отход армии в район р. Вязьмы, прикрыть фланг ее с востока и тыл с севера, отход начать через 8 часов после отхода 19 А, что и было исполнено.

166 сд в 4 часа 13 октября оторвалась от противника и начала движение на юг. (Попытки связаться со штабом армии по радио и делегатами не удались, штаб армии ушел раньше на 6—7 часов.) Части дивизии с ходу атаковали пр-ка и к исходу 13 октября вышли в назначенный район — рощу 1—1,5 км зап. г. Вязьма. 517 сп в ходе атак потерял до 10% л/с. В частях дивизии потери за период с 3 по 14 октября составили до 25%. В полках было до 600 чел.

У Вязьмы встретил генерала РЕМИЗОВА, который командовал раньше танковой группой, у него не осталось ни одного танка <...> Здесь я получил сведения, что шторм-19 был атакован немцами и больше не существует. Об остальных дивизиях я знал, что они также разрознены и большая часть красноармейцев не организована. Всю ночь с 13 на 14 октября собирал и приводил в порядок части дивизии и других частей. Организовав один полк (батальона) (так в тексте, видимо, пропущено число батальонов. — Л.Л.), назначил командиров батальонов и рот, начали в 4 часа с 13 на 14 форсировать р. Вязьма. Мне это удалось <...>.

Следуя на юго-восток, я встретил в районе д. Богдановка оборону немцев, кроме того, немецкий полк на марше с танками. Выхода не было: нужно атаковать пр-ка. Подготовив атаку без артиллерии (не было снарядов), в 14 час. 14.10 атаковал обороняющихся и колонну на марше. В результате заколол до 600 немцев, свои потери около 400 чел.

В ходе атаки подразделения разрознились, управление только голосом очень затруднялось собрать остатки, решили

с наступлением темноты выходить лесом на восток. Шел со мною 517 сп, остатки 423 сп. Матчасть орудий приказал взорвать, нечем было везти, горючего не было, лошади ранены.

Вышел из окружения 15.11.41 г. на фронте 49 А в районе Серпухова. Выведено людей вместе с группой Александра: красноармейцев 400, начсостава — 117, всего 517 человек в полном вооружении. Все переданы штабу 49 А ЗапФ.

Я вышел в форме, с оружием и документами. Объяснение писал в штабе ЗапФ в ноябре 1941 г. Заболел и был ранен, находился на излечении в г. Куйбышев»¹.

Выписки из копии объяснительной записки генерала, полученной от одного из ветеранов 166-й сд, я сделал 12.06.1992 г. (полный текст записки приведен в Приложении 16). Комдив несколько путает последовательность событий и даты. Ну и, конечно, он кое-где прибавил, особенно относительно потерь немцев при прорыве через тракт Семлево, Вязьма.

Бои южнее Вязьмы. Трагедия заключалась в том, что 20-ю армию, на соединение с которой шли части Лукина и Болдина, также постигла неудача. Армия к 8.10 сосредоточилась в районе 5—18 км юго-западнее Вязьмы. К этому времени на внутреннем фронте окружения у немцев было задействовано 16 дивизий и, кроме того, еще 9 дивизий, выведенных из боя, в этом же районе приводили себя в порядок².

20-я армия в течение 10 октября продолжала безуспешные атаки с рубежа Панфилово, Выползово, Нестерово, Володарец³. В 19.00 10.10 части опять пошли на прорыв, но и ночная атака успеха не принесла: пять дивизий армии перестали существовать. Генерал Ершаков доложил:

«Имея в своем составе две дивизии и испытывая недостаток в огнеприпасах и горючем, продолжаем вести кровопролитные бои <...>. Части готовятся к прорыву в направлении Быково (6 км южнее Вязьмы. — Л.Л.)»⁴.

На следующий день к 18.00 11 октября остатки 20-й армии вели бои в районе Панфилово, Селиваново, Пузанкова, Нов. Двор. Деревня Селиваново в течение 10 и 11 октября несколь-

¹ Личный архив автора.

² ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12484. Д. 542. Л. 1.

³ Там же. Ф. 219. Оп. 679. Д. 20. Л. 108.

⁴ Там же. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 82. Л. 370.

ко раз переходила из рук в руки. По свидетельству местных жителей, на поле у д. Селиваново (17 км южнее Вязьмы, ныне Поле Памяти у д. Красные Холмы) тела погибших воинов лежали в три слоя. Здесь погибли многие командиры штаба и политотдела 20-й армии, в том числе бригадные комиссары П.С. Афиногенов и В.Я. Михайлов. Несколько позже у д. Ключики погиб и член Военного совета армии дивизионный комиссар Ф.А. Семеновский.

Немцы позднее в сводке ОКХ сделали знаменательное признание:

«11.10.41. Б) Группа армий «Центр»:

*«...» Силы противника, окруженные западнее Вязьмы, продолжают ожесточенные попытки прорыва, **главный удар наносится южнее Вязьмы** (выделено мною. — Л.Л.). Количество пленных растет <...>».*

Из донесения 46-го моторизованного корпуса врага:

«Отбиты поддержанные танками попытки противника вырваться из котла. Противник понес большие потери. Только на участках двух рот насчитали 2000 убитых русских. 5-я танковая дивизия после сильных боев с отчаянно сопротивляющимся противником достигла Селиваново и рубежа западнее. Значительные вражеские силы заперты в лесу юго-западнее Селиваново»¹.

Однако попытка прорваться и на этот раз закончилась неудачей. После этого 20-я армия как боевая единица перестала существовать, а ее командующий генерал-лейтенант Ершаков попал в плен. И все-таки в результате боя точнее ст. Гредякино из окружения сумели все-таки пробиться остатки некоторых дивизий, их тыловых подразделений и отдельных саперных батальонов. Так, в район Дорохово вышла потерявшая две трети своего состава 108-я сд 16-й армии генерал-майора Н.И. Орлова. Туда же вывел остатки 144-й сд 20-й армии ее командир генерал-майор М.А. Пронин. Большую группу бойцов и командиров из различных частей вывел из окружения командир 229-й сд этой армии генерал-майор М.И. Козлов. Вырвался из окружения и 518-й сп 129-й сд во главе со своим командиром. Комиссар 139-й сд В.М. Нехаев сформировал кавгруппу в 522 человека и через две недели вывел ее к своим войскам.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 757. Л. 207.

По данным противника:

«12.10. Котел юго-западнее Вязьмы сужен до размеров 16х10 км. По показаниям пленного интенданта, там должны находиться штаб армии и части пяти стрелковых дивизий.

14.10. За период с 2 по 12.10 частями 4-й армии взято в плен 328 тыс. человек. Уничтожено и захвачено: танков — 310, орудий — 1400, неповрежденных самолетов — 26, автомашин — 6000, 45 груженных составов, 1 обоз с продовольствием, 1 колонна с боеприпасами, 2 склада с горючим»¹.

Вновь обратимся к докладу Абрамова:

«В районе Панфилово прорыв войск, состоявших главным образом из артиллерии и обозов, организовывал генерал Котельников. Его целью было вывести артиллерию, которой здесь скопилось огромное количество. Было предпринято семь атак. Часть артиллерии и пехоты прорвалась и ушла из окружения, но большая часть осталась в силу недисциплинированности многих командиров, стремившихся прорваться самостоятельно, а также еще и потому, что отсутствовали снаряды и горючее для тракторов.

В последней атаке 14.10 генерал Котельников Я.Г. был убит. В лесу остались небольшие группы войск и отдельные люди, организующиеся для выхода мелкими группами. По сообщению комиссара штаба 9-й сд ст. политрука НЕХАЕВА, в этом районе также погибли командир 9 сд генерал-майор Богданов (правильно — Бобров Б.Д. — Л.Л.) и комиссар 9 сд бригадный комиссар Прохоров.

ВС 20 А организовал прорыв в направлении Верея, Алексеевское. Сам ВС находился северо-восточнее <...> Стогово. 14.10 я пытался разыскать его. Прибыв на место его стоянки, я получил сведения, что ВС 20 А вместе со штабом ушел на запад в направлении Подрезово — Молошино. Куда они девались впоследствии — мне не известно.

В лесу восточнее Гредякино мною были встречены раненые член Военсовета 24 А дивизионный комиссар Иванов и зам. ком. по тылу 24 А генерал-майор Циркович. Они могут подробно изложить действия 24 А и 20 А, так как до района Сем-

¹ NARA. T312, R150, F7689806, 7689812.

лево следовали со штабом 24 А, а с района Семлево — со штабом 20 А, где и были ранены.

Где находится генерал Ракутин К.И., мне не известно.

Из сообщений командиров и бойцов 20 А, которых я встречал, выясняется, что последний раз его видели в 6 км восточнее Семлево. С ним следовал майор САХНО, начальник особого отдела и бригадный комиссар МОЖИН и ряд других работников штаба. Куда они делись в дальнейшем — сказать не могу.

Бригадный комиссар БЕРЕЗКИН комиссар штаба 24 А был тяжело ранен на дороге Волочек — Семлево. По рассказам очевидцев, генерал-майор артиллерии МАШЕНИН не доходя Семлево был ранен в обе ноги и застрелился.

Из окружения вышел ряд работников штаба 24 армии, в том числе и начальник штаба генерал-майор КОНДРАТЬЕВ, который сейчас работает начальником штаба 33 А. Из войск вышли из окружения остатки 19 сд, 106 мд, 9 сд, выведен полк ап РГК 24 А, значительная часть тылов армии и станция снабжения.

9.3.42, г. Тула»¹.

Абрамов в конце своего доклада посчитал нужным подчеркнуть, что 24-я армия погибла, обороняя свой район, ее остатки, начиная с 7.10, отходили, согласно приказу, с непрекращающимися боями.

Начальник штаба 24-й армии генерал-майор Кондратьев 19.10 доложил Военному совету Западного фронта о выходе частей армии из окружения и их положении². Перед выходом из Семлева Кондратьевым было получено два документа, в том числе шифрограмма за подписью Жукова в адрес Ракутина. Смысл ее сводился к следующему: «Смело, решительно и быстрее прорывайтесь на восток и выходите в направлении Гжатск и южнее». Во второй телеграмме содержался приказ командующему 20-й армией, что он объединяет действия 20, 24 и 32-й армий, а также указывались полосы и участки прорыва каждой армии. Кондратьев до 2.00 не принимал решения на прорыв, так как надеялся на прибытие Военсовета армии. В своем донесении он отметил малочисленность дивизий (19-я сд — до 250 человек, 103-я сд — 30 человек) и

¹ ЦАМО РФ. Ф. 378. Оп. 503000. Д. 1. Л. 1—15.

² Там же. Ф. 208. Оп. 12930. Д. 2. Л. 22—26.

подчеркнул, что выходил не в назначенной полосе, а за 144-й сд 20-й армии. Кондратьев вышел к своим войскам 18.10 в районе Дорохово с группой до 180 человек. К сожалению, рукописный текст донесения генерала Кондратьева (на микропленке) полностью автору разобрать не удалось.

А 13.10 командующий Западным фронтом опять радировал:

«Если будете тянуть — погубите армию. Категорически требуем быстрее выходить южнее Вязьмы. Что делаете — донесите немедленно. Жуков»¹.

Советское командование не теряло надежды, что хотя бы части окруженных войск удастся вырваться из вражеского кольца и пробиться на соединение со своими войсками.

Шифртелеграмма штаба Западного фронта в адрес Лукина:

«В ночь с 14 на 15 октября организуем выброску Вам боеприпасов и горючего. Обозначьте район сбрасывания одним большим костром и сериями ракет.

Получение подтвердите».

(Служебная пометка: отправлено 14.10 в 18.00).

В ответ — молчание. Докладывать было уже некому. В оперсводке № 0350/219 штаба Западного фронта от 14 октября 1941 г. 20.00 было отмечено, что «сведений от 19-й и 20-й армий и группы Болдина к моменту составления сводки не поступало. Для уточнения места их нахождения и положения частей высланы два самолета с офицерами связи: первый — в 11.10, второй — в 15.00, последние еще не вернулись...»².

В этот же день для связи с окруженными был выслан еще один самолет — то же самое. Самолет, вылетевший в район северо-западнее Вязьмы 16 октября, вернулся, никого не обнаружив.

Сражение в районе Вязьмы завершилось. 13 октября немцы занимались очисткой котла. Они проводили прочесывание местности западнее Вязьмы с целью захвата военнопленных. Отдельные части, подразделения и просто группы советских воинов продолжали попытки вырваться из кольца в

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 83. Л. 358.

² Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 157. Л. 199—204.

различных направлениях. За время боев со 2 по 13 октября 8-й армейский корпус в составе 8, 28 и 87-й пд (без учета дивизий, которые в ходе наступления временно переподчинялись корпусу) потерял 4077 солдат и офицеров, в том числе убитыми — 870, пропавшими без вести — 227.

В этот же период соединения корпуса^а захватили в плен 51 484 человека, уничтожили и захватили: танков — 157, орудий всех типов — 444, пулеметов — 484, полевых кухонь — 23, автомашин — 3689, лошадей — 528¹.

Из отчета о боевых действиях 8-го ак:

«Наступил мороз и выпал первый снег. Бесконечные потоки русских пленных шли по автострате на запад. Полные ужаса были поля, сплошь покрытые трупами у очагов последних боев. Везде стояли массы оседланных казачьих лошадей, валялось имущество, пушки, танки»

Оперсводка 9-й армии за 13.10:

«Противника, окруженного западнее Вязьмы, можно считать уничтоженным. Попытки русских вырваться из окружения во второй половине дня прекратились. В ходе дальнейшего сужения кольца окружения противник оказывает сопротивление местного значения. К вечеру прочесывание местности в основном закончено. Остались только разрозненные вражеские группы».

Из сводок ОКХ:

13. 10. 41: *«<...> Согласно отчетной карте ОКХ на 13. 10. 41 в кольцо попали от Западного и Резервного фронтов: 24 стрелковые и 3 танковые дивизии и части пятнадцати стрелковых и семи танковых дивизий».*

14. 10. 41: *«<...> Противник, окруженный войсками 4-й и 9-й армий западнее Вязьмы, полностью уничтожен. Четыре советские армии в составе 40 стрелковых и 10 танковых дивизий или полностью уничтожены, или полностью пленены.*

По предварительным данным, взято в плен свыше 500 000 человек, захвачено 3000 орудий, 800 танков, много другой военной техники <...>».

Из вечернего донесения группы армий «Центр»:

«Вяземское сражение завершено. Под Брянском и южнее продолжаются тяжелые бои с окруженным и отчаянно сопро-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320. Л. 57.

тивляющимся противником. На северном фланге фронта сражение под Ржевом. Противник идет навстречу своей гибели.

Уничтожено 11 вражеских армий. Взято в плен свыше 558 825 человек.

Захвачено и уничтожено: 1066 танков, 3735 орудий, 485 противотанковых пушек, 406 зенитных орудий, 49 самолетов.

Указанные числа будут еще расти, громадное количество другого военного имущества учету не поддается».

«7 ак в районе Вязьмы продолжал очистку местности от мелких, но оказывающих сопротивление групп противника. Захвачено много военнопленных, в том числе командующий 19-й армией русских генерал-лейтенант Луких (так в оригинале. — Л.Л.)¹.

14 октября немцы объявили:

«Враг, окруженный к западу от Вязьмы, полностью уничтожен <...> Количество военнослужащих, взятых в плен во время этой грандиозной битвы, превышает 500 тыс. и увеличивается с каждым часом.

Общее число советских военнослужащих, взятых в плен после начала Восточной кампании, уже сегодня намного превышает 3 млн человек».

Начальник пресс-бюро германского рейха О. Дитрих провозгласил, что с Советским Союзом «в военном отношении покончено», а нацистская газета «Фолькише Беобахтер» утверждала, что «армия Сталина стерта с лица земли».

До 14 октября в лесах южнее Вязьмы продолжали вести бои остатки 24-й армии. И еще до 20 октября немцы не могли высвободить несколько своих дивизий для наступления на Москву. В дневнике ОКХ 15 октября отметили, что бои у Вязьмы закончились. Несмотря на все эти заявления, остатки «уничтоженных» советских войск продолжали сковывать до конца месяца пять немецких дивизий.

Мы мало знаем о тех, кто в безвыходной обстановке продолжал оказывать сопротивление врагу — погибая, но не сдаваясь. В лесах Даже после зачистки, проведенной немцами, осталось много солдат и офицеров, в том числе и раненых. Местные жители оказывали помощь воинам, оказавшимся на оккупированной территории, прятали их от немцев. Как выяс-

¹ ЦАМОРФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 757 (оперсводки). Л. 264, 276, 279.

нилось позднее, во многих населенных пунктах удалось организовать подпольные госпитали, где работали врачи и медсестры, которые не бросили своих раненых. Население снабжало госпитали продуктами. После излечения большая часть раненых, как правило, включилась в активную партизанскую борьбу с оккупантами.

В плен сдавались в основном бойцы, оставшиеся без командиров, и подразделения, потерявшие связь с соседями и с командованием. В обстановке неопределенности и безысходности — без боеприпасов, продовольствия и связи — многие поддавались панике и сдавались в плен, хотя порой превосходили противника в численности. Немцы при прочесывании лесов применяли громкоговорящие установки, обещая окруженным хорошее обращение в плену, но, главное, еду. В условиях, когда надо было выбирать — смерть от голода или плен, порой выбирали второе, не представляя, что немецкая неволя зачастую оборачивалась мучительной смертью. Осенью 1941-го в составе армии Лукина такие подразделения были, и не одно. К сожалению, нашлись и такие командиры, которые приказывали своим бойцам складывать оружие. Они были осуждены заочно и приговорены к расстрелу. В делах военных трибуналов в отношении таких командиров встречаются пометки «приговор приведен в исполнение», датированные 1944—1946 г.

Ветеран 120-го гап лейтенант Д. Голованевский, вышедший из окружения, рассказал мне поразительный случай. Он с товарищами долго плутал по лесам, не заходя в населенные пункты. Наконец, они оказались у деревни, среди домов которой увидели сотни красноармейцев, толпившихся у полевых кухонь. Решили, что вышли к своим, и бросились на запах гречневой каши. Но на окраине деревни их остановил старик, сказавший, что это все пленные. Действительно, это были пленные — среди толпы красноармейцев рядом с кухнями у двух мотоциклов стояли немецкий офицер и несколько солдат.

В докладе начальника политуправления Западного фронта дивизионного комиссара Лестева от 17 ноября Л. Мехлису «О политико-моральном состоянии войск и характеристика ком. нач. состава, вышедшего из окружения» приводятся интересные факты по поведению личного состава в окружении, а также делаются некоторые выводы.

Наиболее инициативные командиры и политработники, потеряв связь с командованием, не растерялись. Они сколачивали из отдельных подразделений и частей и одиночных бойцов вполне боеспособные группы. Так, полковник Смирнов из 30-й армии сколотил группу, которая в течение двух недель дралась с противником. Установив связь со штабом 29-й армии, группа выполняла его приказы. Эта группа не уклонялась от встречи с противником, совершала смелые налеты на его колонны, громила узлы связи, вела разведку. Она вышла из окружения в составе 1870 человек. Все бойцы и командиры были вооружены, имели 14 станковых и 33 ручных пулемета, 6 120-мм минометов, 3 76-мм пушки, 19 машин и 36 повозок.

Генерал-майор Орлов координировал действия боевых групп, созданных из отходящих частей 20-й, 24-й и других армий. Он с боями вывел из окружения более 5 тысяч вооруженных бойцов и командиров. Но как всегда бывает в тяжелой обстановке — рядом шли героизм и предательство, мужество и дезертирство. К сожалению, не все генералы показывали своим подчиненным пример верности воинскому долгу. Так, за недостойное поведение был лишен генеральского звания начальник артиллерии 32-й армии генерал-майор Бодров В.С.

В приказе НКО № 0418 об этом было сказано следующее:

«После передачи войск 32-й армии в состав 19-й Бодров следовал в направлении на Можайск вначале со штабом 32-й армии, потом со штабом 19-й армии. В ночь на 11.10, когда войска 19-й армии в тяжелой обстановке стремились пробиться из окружения, Бодров вместо того, чтобы возглавить какую-либо часть или подразделение и организовать выход из окружения, с группой командиров в 5 человек оставил войска и направился на восток.

Спасая собственную жизнь, Бодров закопал в землю партбилет, генеральское удостоверение, орден Красной Звезды и медаль XX лет РККА. Свое генеральское обмундирование Бодров сдал колхозникам и вышел из окружения в гражданском платье. Свое личное оружие — револьвер Бодров из окружения не принес»¹.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 31 А. Оп. 8583. Д. 2. Л. 42

В результате растерянности и неорганизованности командиров целые дивизии и полки рассыпались на мелкие разрозненные группы, переставая быть боевыми единицами. Так, вышедший из окружения политрук Комиссаров доложил:

«В одной из деревень в районе Вязьмы группа безоружных красноармейцев осталась ночевать в деревне, зная о том, что противник находится в 3—4 километрах. Некоторые из красноармейцев заявляли: «Нам некуда больше идти, нам все равно». Эта группа людей в количестве 800 человек была захвачена в плен без единого выстрела<...>».

Много красноармейцев, и в первую очередь уроженцев областей, занятых противником, разбежались по домам и остались на территории, занятой противником».

«Особенно следует отметить, что раненые бойцы и командиры, как правило, оставались без всякой медицинской помощи... Тяжелораненые или раненные в ноги, которые не могли идти и даже ползти, в лучшем случае оставались в деревнях или просто бросались на поле боя, в лесах и погибали медленной смертью от голода и потери крови.

Все это происходило на глазах людей и являлось одной из причин того, что многие красноармейцы и командиры стремились уклониться от боя и скрытыми путями пробраться к своим частям, ибо в ранении видели неизбежность гибели».

Бои на Можайской линии обороны. Упорные бои с окруженными войсками в районе Вязьмы надолго сковали основные силы 40-го и 46-го моторизованных корпусов и задержали их смену. Передовые отряды, назначенные для преследования, оказались слишком слабыми, чтобы преодолевать усиливавшееся сопротивление противника на новых рубежах. Они могли продвигаться вперед, только неся очень большие потери. Командующий армией генерал-фельдмаршал фон Клюге констатировал, что «психологически на Восточном фронте сложилось критическое положение, ибо, с одной стороны, войска оказались в морозную погоду без зимнего обмундирования и теплых квартир, а с другой — непроходимая местность и упорство, с которым противник обороняется, прикрывая свои коммуникации и районы расквартирования, чрезвычайно затрудняют продвижение вперед наших, пока еще слабых, передовых отрядов» [21]. Лишь 14 октября уда-

лось перегруппировать главные силы действовавших под Вязьмой соединений 4-й армии, но уже не для преследования (поздно!), а для наступления. Фон Клюге ввел в сражение относительно свежие дивизии, до этого находившиеся во втором эшелоне или на пассивных участках фронта, стремясь развить наступление вдоль Минской автостреды, Киевского и Варшавского шоссе. Но русским к этому времени удалось создать на главных магистралях, ведущих к Москве, оборонительный заслон, о котором ничего не знала немецкая разведка. В таких условиях 13—18 октября на московском направлении разгорелись ожесточенные бои.

Вкратце рассмотрим ход боевых действий на различных участках Можайской линии обороны.

Командующий Западным фронтом потребовал от войск:

«Учитывая особо важное значение укрепрубежа, объявить всему командному составу до отделения включительно о категорическом запрещении отходить с рубежа. Все отошедшие без письменного приказа военных советов фронта и армии подлежат расстрелу»¹.

Наиболее ожесточенные бои развернулись на кратчайшем направлении к Москве — можайском, где наступали части четырех корпусов противника, которым противостояли войска вновь сформированной 5-й армии. На подступах к Можайскому укрепрайону в течение четырех дней вели бои 18, 19 и 20-я танковые бригады. За это время на его позициях успела развернуться 32-я стрелковая дивизия полковника В.И. Полосухина, 238-й учебный полк и батальон курсантов Московского военно-политического училища. Четыре дня эти соединения при поддержке авиационной группы полковника Сбытова отражали атаки противника. Части прославленной в боях на озере Хасан 32-й стрелковой дивизии на историческом Бородинском поле вступили в схватку с частями моторизованной дивизии СС «Рейх» и 10-й тд. От огня приданных дивизии 85-мм зенитных орудий танковая дивизия врага понесла большие потери. В результате число боеготовых танков в 10-й танковой дивизии с 10 по 21 октября уменьшилось вдвое — со 152 до 75 единиц [70]. В общей сложности противника на этом направлении удалось задер-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 24. Л. 2—3.

жать почти на неделю. Это время было использовано для занятия обороны частями 5-й армии. Только в связи с охватом обоих флангов и угрозой окружения дивизия оставила свои позиции и начала отход в направлении Можайска. Гитлеровцы захватили пылающий город 18 октября. В этот день был ранен командующий 5-й армией генерал Д.Д. Лелюшенко.

Мало кто знает, что для усиления борьбы с вражескими танками в каждый укрепленный район Можайской линии обороны и в 30-ю армию Калининского фронта было направлено по роте бойцов — истребителей танков с собаками. Подобные подразделения участвовали в боях и раньше, но не всегда удачно.

Малоярославецкий укрепленный район прикрывал два шоссе, ведущие к столице, — Киевское и Варшавское. Оборону в его секторах занимали части 312-й стрелковой дивизии, подразделения курсантов подольских пехотного и артиллерийского училищ, три пулеметных батальона, 7 огнеметных рот. Эти части поддерживали своим огнем шесть артиллерийских полков и три дивизиона реактивных установок. Впере-

Собаки — истребители танков, попавшие в плен вместе со своими инструкторами (лето 1941 г.)

Она тоже защищала Москву. Собака — истребитель танков, убитая солдатами вермахта. На снимке виден вьюк с миной и торчащий вверх штыревой взрыватель, который срабатывал при касании его с днищем танка, когда собака забежала под него

ди УРа действовала 17-я танковая бригада майора Н.Я. Клыпина, десантный отряд капитана И.Г. Старчака и передовые отряды курсантов. Советские воины отбивали непрерывные атаки пехоты и танков противника, поддержанные огнем артиллерии и авиации, задержав его на 8 дней. Противнику удалось прорвать оборону севернее города и окружить части, оборонявшие детчинский сектор укрепрайона. Только 18 октября немцы сумели взять Малоярославец. Но курсанты обороняли ильинский и детчинский секторы УРа еще двое суток, пока не получили приказ командующего 43-й армией на отход. Гарнизон детчинского сектора прорвался из окружения.

К сожалению, не все соединения, особенно переформированные и пополненные после разгрома в начале октября необученным пополнением, показали стойкость в обороне. Они не выдерживали атак танков и ударов с воздуха, легко поддавались панике. В создавшейся критической обстанов-

ке — линия фронта неуклонно, несмотря на ожесточенное сопротивление наших войск, приближалась к столице (от Наро-Фоминска до центра Москвы оставалось около 80 км) — советское командование было вынуждено принять самые решительные меры против трусов и паникеров. Были преданы суду военного трибунала целые группы командиров и политработников. Порой разбираться в обстоятельствах и причинах вынужденного отхода того или иного соединения или части было некогда, и под приказ о расстреле попадали и правые, и виноватые.

Так, части 53-й сд полковника Н.П. Краснорецкого, пополненной необстрелянными бойцами, разбежались в панике при первой же атаке противника, который почти без боя 15 октября занял Боровск и мост через р. Протва. Возникла угроза прорыва врага по Киевскому шоссе к столице. Не выдержала на этот раз и 17-я стрелковая дивизия, в начале операции мужественно сражавшаяся в составе 33-й армии Резервного фронта. Эти дивизии под бомбежкой немецкой авиации сдавали один рубеж за другим. В результате противник без боя форсировал р. Нара и захватил плацдарм у Тарутино (35 км юго-восточнее Наро-Фоминска).

Получив донесение, в котором об этом эпизоде было сказано, что «дивизии в панике бежали в Подольск, где оказалось около 7 тыс. человек из этих соединений», командующий Западным фронтом Г.К. Жуков 22.10 в 4.45 лично вручил приказ командующему 43-й армией генералу Голубеву:

«1. Отходить с занимаемого рубежа до 23.10 категорически запрещаю.

2. На 17 сд немедленно послать СЕЛЕЗНЕВА, командира 17 сд немедленно арестовать и перед строем расстрелять.

17 сд, 53 сд заставить вернуть утром 22.10.1941 г. ТАРУТИНО во что бы то ни стало, вплоть до самопожертвования.

3. Вы доносите о малом количестве бойцов в соединениях и больших потерях, ищите немедленно в тылах, найдете и бойцов, и вооружение <...>

Жуков, Булганин»¹.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 216. Л. 113.

Командир 17-й сд полковник Козлов П.С. и комиссар дивизии (с 12.10.41) бригадный комиссар С.И. Яковлев были в этот же день без суда и следствия расстреляны перед строем соединения. Командир 53-й сд полковник Н.П. Краснорецкий, возможно, избежал расстрела только потому, что в этот день погиб в бою.

Военная прокуратура в 2005 г. возбудила дело о виновности полковника Козлова П.С. и бригадного комиссара С.И. Яковлева. Тщательное исследование всех обстоятельств невыполнения дивизией боевой задачи и степени вины в этом командира и комиссара было проведено с участием специалистов Института военной истории МО РФ. Было установлено, что вышедшая с боями из окружения 17-я сд в составе около 600 человек была дважды пополнена. 15 октября она насчитывала уже 2879 человек, 16 октября численность дивизии за счет совершенно необученного пополнения была доведена до 4469 человек, и она снова была брошена в бой. В бою на р. Протва дивизия попала под мощный удар авиации, а затем и танков противника. Среди необстрелянных бойцов поднялась паника, они бросились бежать. Несмотря на все усилия командиров, остановить бегство сразу не удалось. К 22 октября дивизия, вошедшая в состав 43-й армии, заняла оборону по восточному берегу реки Нары, в районе Стремилowo, Высокое. К 29 октября фронт на малоярославецком направлении стабилизировался по р. Нара.

В 2006 г. оба офицера были реабилитированы за отсутствием состава преступления. Доброе имя честных и преданных Родине воинов было восстановлено.

На калужском направлении к 13 октября также создалось угрожаемое положение. Здесь малочисленные части 49-й армии не смогли отразить наступление противника, которому удалось захватить г. Калугу. Гитлеровцы захватили Тарусу, стремясь развить наступление на Серпухов.

В связи со сдачей города командующий Западным фронтом отдал частный боевой приказ:

«Командующему 49-й армией Захаркину.

Копия т. Сталину.

1. Немедленно дать объяснение на каком основании Вы бросили Калугу без разрешения Ставки и Военсовета фронта и со штабом сами уехали в Таруса.

2. Переходом в контрнаступление восстановить положение: в противном случае за самовольный отход от г. Калуга не только командование частей, но и Вы будете расстреляны.

3. Стык с 43 армией в районе Прудки, Тарановка направляется 9 тбр.

4. Получение, исполнение донести.

Жуков»¹.

Под Серпухов Ставка перебросила четыре стрелковые дивизии, и к 29 октября наступление противника было остановлено.

На Волоколамском направлении соприкосновения с противником не было до 14 октября. Ожесточенные бои развернулись здесь 16 октября, когда в сражение вступили части 2-й танковой дивизии противника, до этого удерживавшей внутренний фронт окружения южнее Вязьмы. Их интенсивность нарастала по мере высвобождения других соединений противника после боев Под Вязьмой. Здесь войскам 16-й армии генерала К. К. Рокоссовского впервые удалось создать глубоко эшелонированную противотанковую оборону, которая состояла из противотанковых пунктов и районов. Для борьбы с танками противника на основных танкоопасных направлениях была привлечена вся артиллерия, в том числе и зенитная. За счет умелого маневра артиллерией, в первую очередь противотанковыми полками, наступление противника было отбито. За бои под Волоколамском 289-му и 296-му противотанковым полкам было присвоено высокое звание 1-го и 2-го гвардейских арtpолков. Значительную поддержку войскам 16-й армии оказала авиация. Командование Западного фронта сосредоточило на этом направлении основные силы авиации фронта — 210 истребителей и 200 бомбардировщиков и штурмовиков. Лишь 25 октября противнику, усилившему свою группировку подошедшей пехотой, удалось прорвать оборону армии и 27 октября захватить Волоколамск. Войска 16-й армии к 30 октября закрепились на рубеже в 3—4 км к

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1029. Л. 67.

Командир 17-й стрелковой
дивизии (бывшей 17-й дн)
полковник П.С. Козлов

востоку от города. В боях под Волоколамском отличились 316-я стрелковая дивизия генерала И.В. Панфилова (ей было присвоено звание 8-й гвардейской) и курсантский полк училища имени Верховного Совета РСФСР полковника С.И. Младенцева.

К 23 октября значительная часть попавших в окружение советских соединений и частей Брянского фронта в сильно ослабленном, конечно, составе вырвалась из кольца и вышла на назначенный Ставкой ВГК тыловой рубеж Белев, Мценск, Поныри,

Фатеж, Льгов, где приступила к восстановлению боеспособности. 50-я армия, в которой после выхода из окружения осталось лишь десятая часть личного состава и 3 процента артиллерии, была пополнена за счет 26-й армии. Армии, которую возглавил генерал А.Н. Ермаков, была поставлена задача оборонять тульское направление. Упорная оборона Тулы обеспечила устойчивость левого крыла Западного фронта на дальних южных подступах к столице.

Хотя в Можайской линии обороны врагу удалось проделать первые бреши, его наступление застопорилось. Противодействие наших войск нарастало, становилось более стойкими и организованным. Средний темп наступления противника снизился до 3—5 км в сутки. В донесении штаба 57-го танкового корпуса, который вел наступление в районе Медыни и Можайска, сообщалось, что «последние бои за овладение русскими позициями были самыми ожесточенными за весь период кампании в России, так как противник оказывает яростное сопротивление, укрепившись в бетонных долговременных сооружениях, построенных еще в мирное время. Потери в танках с начала операции до середины октября сильно возросли». В свою очередь, командование группы армий

После удара советской авиации
(район Волоколамска, октябрь 1941 г.)

«Центр» отметило, что «в предполье Москвы противник, используя подкрепления, сражается упорно и ожесточенно», «по-прежнему оказывает упорное сопротивление <...> и не сдает без боя ни пяди земли, ни одного дома».

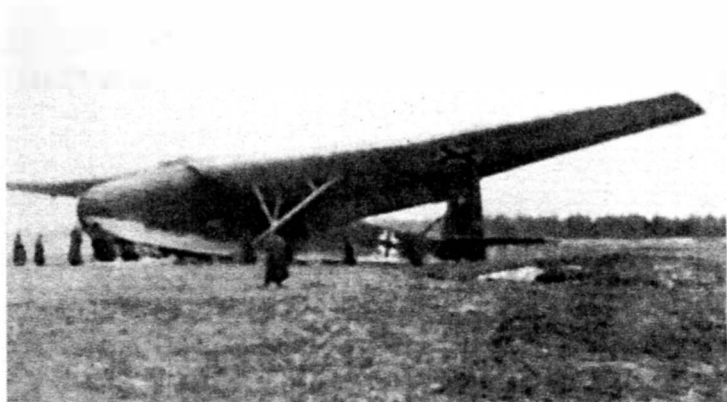
В это время начал действовать новый фактор — климатический, который вскоре сказался на темпах наступления немцев. Расчеты гитлеровского командования выиграть битву за Москву до наступления осенней распутицы не оправдались. Еще 7 октября в районе Вязьмы выпал первый снег, начались дожди, которые превратили дороги, особенно грунтовые, в реки грязи, в которых буксовала разнокалиберная техника, собранная гитлеровцами в качестве трофеев в оккупирован-

Зенитчики Тулы готовы встретить вражеские танки. 1941 г.

ных странах Европы. Но в полную силу последствия распутицы проявились позже — во второй половине октября. С началом ожесточенных боев на Можайской линии обороны расход боеприпасов и горючего неизмеримо возрос, а возможности по их доставке наступающим частям резко снизились. В журнале боевых действий группы армий «Центр» еще 10 октября отметили, что передвижение танковых частей из-за плохого состояния дорог и плохой погоды в настоящее время невозможно и что по этим же причинам имеются затруднения в обеспечении танков горючим. Основным путем для снабжения войск группы армий являлась автострада Вязьма — Москва, которая в результате боевых действий давно уже не соответствовала своему названию. Вследствие различного рода повреждений от бомбежек и взрывов мин замедленного действия она постоянно и надолго выходила из строя. По немецким данным, в результате взрыва такой мины в полотне дороги появлялась воронка в 10 м глубиной и 30 м диаметром. Взрыватели были установлены с такой точностью, что ежедневно происходили по нескольку взрывов, и поэтому приходилось каждый день строить заново объездные пути.

Для снабжения горючим и боеприпасами танковых и моторизованных дивизий в этот период немцы все чаще были вынуждены использовать авиацию. По имеющимся данным,

Планеры Me.321 немцы использовали
для подачи войскам горючего и боеприпасов

они, кроме обычных транспортных самолетов, применяли планеры типа Мессершмитт-321 (Me.321 «Гигант»). Грузовой отсек планера по своим размерам почти не уступал железнодорожному вагону (имел следующие параметры: 11х3,15х3,3 м), а его пол мог выдержать 20 тонн нагрузки в два раза больше пустого веса самого планера [71, 72]. В частности, факт применения планеров для снабжения 6-й танковой дивизии, наступавшей на Калинин, подтверждает и офицер этой дивизии [68]. Гитлеровцы, встретив сильное сопротивление наших войск, тут же вспоминали о плохой погоде, которая мешала продвижению войск и транспортных колонн. 26 октября в журнале боевых действий 9-го армейского корпуса 4-й армии отметили:

«Переправа через Днепр функционирует только в одну колею, подъезды полностью вышли из строя, как и объездные пути. У Днепра скопилось 10 тыс. машин в пять рядов, дисциплина полностью отсутствует. Таким образом, дело подошло к тому, что плохая погода стала еще более опасным противником, чем сама Красная Армия».

Но раскисшие от дождей дороги мешали не только немецким, но и нашим войскам. Застывшая и вышедшая из строя немецкая техника оставалась у них в тылу. Ее можно было вытаскивать, отремонтировать и снова пустить в ход. А вот отступающим чаще всего по бездорожью советским войскам технику приходилось бросать, предварительно выведя ее из

стройка. Но, конечно, распутица сказалась на действиях соединений вермахта, особенно танковых и моторизованных, гораздо сильнее, чем на действиях советских войск: ведь немецкие линии снабжения были гораздо длиннее, а степень моторизации войск — выше. В результате подвижные соединения вермахта утратили одно из главных своих качеств — преимущество в подвижности. Но преувеличивать отрицательное влияние плохих дорог на передвижение войск и осуществление маневра и выставлять его в качестве основной причины замедления темпов немецкого наступления на Москву вряд ли следует.

Фельдмаршал фон Бок, помня, что впереди еще маячит настоящая русская зима, подгоняет своих подчиненных. 21 октября он телеграфирует командующим 2-й танковой, 4-й и 9-й полевыми армиями:

«До наступления морозов не приходится рассчитывать на хорошую погоду.

В связи с этим я приказываю:

В тех районах, где в настоящее время продвижение танковых и моторизованных дивизий, вследствие плохого состояния дорог или нехватки горючего, невозможно, оставить с машинами только тот персонал, который необходим для ухода за ними и охраны.

Весь офицерский и рядовой состав свести в смешанные пехотные соединения и обеспечить эти соединения необходимым количеством артиллерии, тяжелого оружия, а также подразделениями снабжения и повозками на конной тяге.

Соединения, сформированные по этому принципу, немедленно направить на фронт для участия в боевых действиях...

В такой момент, когда дорог каждый час для развития нашего наступления, недопустимо, чтобы огромное количество хорошо обученных солдат и офицеров бездействовало за линией фронта»¹.

В связи с усилившейся распутицей действия соединений противника стали еще больше привязаны к относительно хорошим дорогам, которые и нужно было перекрывать в первую

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 157. Л. 64, 65.

очередь. И наше командование, организуя оборону, учитывало проходимость дорог и прилегающей к ним местности. Выполнению задачи по замедлению темпов наступления вражеских войск и срыву их снабжения способствовало то, что соединения и части, отрезанные от своих войск, продолжали действовать в тылу противника, задерживая подход его резервов. Советское командование стало более реально подходить к оценке боевых возможностей своих войск. В отличие от Конева, который запрещал командармам даже думать об отходе, Жуков не боялся брать ответственность за трудные решения на себя. Так, 19 октября, учитывая создавшуюся обстановку, он представил Ставке план отхода войск Западного фронта с Можайской линии на рубеж, подготовленный по линии Клин, Истра, Жаворонки, Кр. Пахра, Серпухов, Алексин на случай невозможности сдерживания противника на занимаемом рубеже. Ставка в этот же день в 19.50 утвердила этот план, лишь оговорив, что начало отвода войск с Можайской линии обороны — с ее особого разрешения.

Немцы заметили изменения в тактике действий русских войск. Выдержка из оперсводки ОКХ № 129 от 22.10.1941:

«Высшее русское командование, учитывая слабость своих сил, видимо, отказалось от прежнего способа ведения активной обороны. Теперь оно придает большее значение тому, чтобы сохранить зимой свои общевойсковые соединения, на базе которых весной будет сформирована новая сухопутная армия. Может быть, Сталин как Верховный Главнокомандующий снял со своих постов инициаторов прежней тактики, а возможно и совсем их устранил. <...>О Тимошенко и Ворошилове уже более четырех недель нет никаких сведений»¹.

В результате октябрьских боев наступление немцев на Москву потерпело провал. Противник был вынужден приостановить наступление на линии Селижарово, Калинин, восточнее Волоколамска, по рекам Нара и Ока до Алексина. От центра Москвы до Волоколамска было около 110 км, до Наро-Фоминска — 80 км, до Серпухова — 100 км. На западном направлении на некоторое время наступило относительное затишье.

Согласно оценке орготдела Генштаба сухопутных сил от 6 ноября 1941 г., немецкие пехотные дивизии на Востоке име-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 548. Л. 306—309.

ли 65% своей начальной боеспособности, а танковые — примерно 35%. К тому времени немцы уже безвозвратно потеряли более 2250 своих танков — свыше двух третей их первоначальной численности [34]. А зима приближалась. Бывший начальник штаба 4-й армии генерал Г. Блюментрит вспоминал, что они с «удивлением и разочарованием обнаружили в октябре и начале ноября, что разгромленные русские вовсе не перестали существовать как военная сила... Мы не верили, что обстановка могла так сильно измениться после наших решающих побед, когда столица, казалось, почти была в наших руках» [73].

Упорное сопротивление советских войск вызвало разногласия в среде высшего командования вермахта: одни считали необходимым закрепиться на достигнутых рубежах, чтобы потом продолжить операцию, другие требовали продолжать наступление.

Перейти к обороне, хотя бы и временно? Это означало дать Советскому Союзу передышку, который, используя свои неисчислимы (по сравнению с Германией) человеческие и материальные ресурсы и увеличившуюся помощь союзников, за зиму значительно укрепит свои силы. Этот вариант всерьез даже не рассматривался. Тем более что гитлеровские войска не были готовы к действиям в зимних условиях. «Из всех высших войсковых командиров только командующий группой армий «Центр» решительно высказался за продолжение наступления на Москву: он надеялся сломить последнее сопротивление русских. Главное командование сухопутных сил также не хотело отказываться от последней попытки довести операцию до конца» [73].

По поводу конкретных наступательных планов также возникли разногласия. Гитлер, по-прежнему считавший, что у группы армий «Центр» достаточно сил, чтобы захватить Москву, не согласился с предложенным планом, и поставил задачу фон Боку на окружение и захват Москвы до наступления зимы. Командующий группой армий «Центр» 30 октября подписал приказ на продолжение наступления, замысел которого заключался в том, чтобы двумя подвижными группировками нанести удары по флангам Западного фронта, обойти Москву с севера и юга и замкнуть кольцо окружения восточнее нее. 2-я танковая армия должна была охватить Москву с юга и юго-востока, 3-я и 4-я танковые группы — с севера и северо-вос-

тока, 4-я полевая армия — вести фронтальное наступление. Фланги ударных группировок должны были обеспечивать: 2-я полевая армия — с юга, 9-я — с севера. Крайний срок готовности к началу наступления — 15 ноября. К этому времени фон Бок рассчитывал провести необходимую перегруппировку войск, решить проблемы с их снабжением, чтобы, используя наступившие морозы, совершить последний бросок к Москве.

С 15 ноября противник возобновил наступление.

В ходе боев на втором этапе оборонительной операции уже на ближайших подступах к столице не раз возникали критические моменты. После прорыва немцев на стыке 30-й армии (с 17 ноября она была возвращена в состав Западного фронта) с 16-й противнику удалось захватить переправы в районе Волжского водохранилища. По словам Жукова, в это время ему позвонил И.В. Сталин и спросил:

«— Вы уверены, что мы удержим Москву? Я спрашиваю вас это с болью в душе. Говорите честно, как коммунист.

— Москву, безусловно, удержим. Но нужно еще не менее двух армий и хотя бы двести танков.

— Это неплохо, что у вас такая уверенность, — сказал И.В. Сталин. — Позвоните в Генштаб и договоритесь, куда сосредоточить две резервные армии, которые вы просите. Они будут готовы в конце ноября, но танков пока мы дать не сможем» [64]. Позднее Г. К. Жуков на вопрос писателя Константина Симонова, была ли уверенность, что Москву не сдадут, ответил: «Полной уверенности не было».

Характерный эпизод. На наро-фоминском направлении в результате прорыва 1 декабря к Апрелевке немцы оказались всего в 11—13 км от штаба Западного фронта в Перхушково (8 км западнее Одинцово). Встал вопрос о переносе командного пункта фронта в другое место. В частных разговорах Жуков упоминал о возникшей угрозе его штабу. Однако в мемуарах об этом не было сказано ни слова. Но шаги в отношении перемещения командного пункта на восток, не без ведома Жукова, предпринимались. Это подтверждают и Штеменко, и Василевский.

А.Е. Голованов, находившийся в один из этих тревожных дней в кабинете Сталина, стал свидетелем знаменательного разговора:

«Шло обсуждение дальнейшего боевого применения дивизии. Раздался телефонный звонок. Сталин, не торопясь, подошел к аппарату и поднял трубку. При разговоре он никогда не держал трубку близко к уху, а держал ее на расстоянии, так как громкость звука в аппарате была усиленная. Находящийся неподалеку человек свободно слышал разговор. Звонил корпусной комиссар Степанов — член Военного совета ВВС. Он доложил Сталину, что находится в Перхушково (здесь, немного западнее Москвы, находился штаб Западного фронта).

— Ну, как у вас там дела? — спросил Сталин.

— Командование ставит вопрос, что штаб фронта очень близок от переднего края обороны. Нужно штаб фронта вывести на восток за Москву, а КП организовать на восточной окраине Москвы!

Воцарилось довольно длительное молчание...

— Товарищ Степанов, спросите товарищей — лопаты у них есть? — спросил спокойно Сталин.

— Сейчас... — вновь последовала долгая пауза. — А какие лопаты, товарищ Сталин?

— Все равно какие.

— Сейчас... — Довольно быстро Степанов доложил: — Лопаты, товарищ Сталин, есть!

— Передайте товарищам, пусть берут лопаты и копают себе могилы. Штаб фронта останется в Перхушково, а я останусь в Москве. До свидания.

Не торопясь, Сталин положил трубку. Он даже не спросил, какие товарищи, кто именно ставит эти вопросы. Сталин продолжил прерванный разговор.

Эпизод весьма краткий, и вряд ли он требует дальнейших пояснений» [63].

То, что Сталин не покинул Москву, имело большое психологическое значение. А вот желание Жукова перенести КП фронта подальше в тыл могло вызвать неблагоприятное развитие обстановки — за ним потянулись бы и командующие армиями.

За 20 дней врагу удалось продвинуться севернее Москвы на 80—90 км и на 110 км южнее нее. К 5 декабря гитлеровцы окончательно выдохлись. К концу ноября потери вермахта возросли уже до 740 тыс. человек, безвозвратные потери составили 244 тысячи. Немцы сумели возместить убыль только 400 тысяч, некомплект их действующей армии достиг 340 ты-

ся человек — более 10% ее первоначальной численности. Наиболее сильно пострадала немецкая пехота: она потеряла около четверти своего состава [23]. В конечном итоге враг на московском направлении был окончательно остановлен, а затем — в результате контрнаступления — отброшен от столицы.

Автору, видимо, следовало еще раньше закончить свои записки, так как его рассказ уже давно вышел за рамки заявленной темы книги о начальном этапе Московской оборонительной операции. Но хотелось хотя бы конспективно проследить, как наши войска и военное руководство начали преодолевать последствия катастрофы. Только неимоверным напряжением всех сил государства и народа к концу октября удалось справиться с первым кризисом и приостановить врага.

Масштабы катастрофы. Длительное время в официальных трудах и различных публикациях масштабы поражения советских войск в вяземской оборонительной операции попросту замалчивались. Мимоходом упоминалось, что в начале октября советские войска потерпели крупную неудачу — в результате прорыва фронта в окружения попали войска 19, 20, 24 и 32-й армий, которые продолжали героическую борьбу, сковав 28 дивизий противника. Из некоторых источников можно было узнать, что всего было окружено 19 дивизий, часть которых сумела пробиться из окружения, и что бои в районе Вязьмы дорого обошлись нашим войскам. Иногда можно было прочесть, что в самый критический момент для защиты Москвы в распоряжении советского командования оставалось минимальное количество войск — всего 95 тысяч человек. В связи с этим всячески подчеркивалась роль компартии и Ставки (или Сталина — в зависимости от года издания труда), которые сумели мобилизовать на защиту столицы все силы народа, все ресурсы страны. Почему так получилось, и куда делись остальные войска действующей армии — могли догадываться лишь самые дотошные читатели творений советского агитпропа. В книге «Битва под Москвой. Хроника, факты, люди», изданной уже в 2001 г., по-прежнему утверждается, что в окружение западнее Вязьмы попало 19 стрелковых дивизий и 4 танковые бригады. При этом вопросы о потерях советских войск и последствиях катастрофы, не говоря уж о конкретных причинах поражения, всячески обходятся.

В ходе операции «Тайфун» немцам удалось обрушить советский фронт обороны на Западном стратегическом направлении, окружить и разгромить основные силы трех фронтов. Они понесли огромный урон в личном составе, вооружении и боевой технике. В наиболее крупном котле в районе Вязьмы в окружение попали полевые управления 19-й и 20-й армий Западного фронта, 24-й и 32-й армий Резервного, 37 дивизий (в том числе одна дивизия под Калугой), 9 танковых бригад и 31 артполк РГК (см. схему 23). Окруженные там войска входили в состав десяти армий — пяти Западного фронта (16, 19, 20, 30-я и оперативная группа генерала Болдина) и пяти Резервного (24, 31, 32, 43 и 49-я). В окружении под Брянском оказались полевые управления трех армий (3, 13 и 50-я), 22 дивизии, 2 танковые бригады и 15 артполков РГК. Кроме того, в отдельных районах были окружены еще 5 дивизий и 4 артполка РГК.

А всего в окружении под Вязьмой и Брянском оказались 7 из 15 полевых управлений армий, 64 дивизии из 95 (67% от имеющихся к началу битвы), 11 танковых бригад из 13 (85%), 50 артполков РГК из 62 (80%). Учитывая, что из окружения смогли вырваться остатки 32 дивизий (включая и три дивизии из пяти, окруженных вне общих котлов) и 13 артполков РГК, всего были потеряны 32 дивизии, 11 танковых бригад и 37 артполков РГК. Приходится признать, что наши войска на начальном этапе оборонительной операции потерпели сокрушительное поражение, равнозначное катастрофе.

18 октября в сообщении ОКВ было объявлено о разгроме группы маршала Тимошенко «в составе 8 армий, 67 стрелковых, 6 кавалерийских и 7 танковых дивизий и 6 танковых бригад. Во время боев было взято в плен 648 196 человек, захвачено и уничтожено 1 197 танков, 5229 орудий различного типа, а также огромное количество военного имущества». Позднее немцы называли и такие цифры захваченных под Вязьмой и Брянском пленных — 657 948 военнослужащих. По уточненным данным, в плен было взято 673 098 человек, трофеи составили: 1277 танков, 4378 артиллерийских орудий, 1009 зенитных и противотанковых орудий, 87 самолетов и огромное количество другой боевой техники [12].

В числе пленных оказались командующие 19, 20 и 32-й армиями М. Ф. Лукин, Ф. А. Ершаков и С. В. Вишневский, а также другие генералы.

По данным статистического исследования «Россия и Советский Союз в войнах XX века», носящего официальный статус, в московской стратегической оборонительной операции за 67 суток — с 30 сентября по 5 декабря 1941 года — наши войска потеряли 658 279 человек (из них безвозвратно — 514 338), 3832 орудия и минометов, 2785 танков и САУ, 293 боевых самолета [19]. Но в рамках этой стратегической операции было проведено шесть фронтовых оборонительных операций: орловско-брянская, вяземская, калининская, Можайско-малоярославцевская, тульская и клинско-солнечногорская. Чтобы определить масштабы поражения на первом этапе московской операции и как они сказались на последующих действиях советских войск, надо знать потери наших войск в личном составе, вооружении и боевой технике в ходе первых двух — орловско-брянской и вяземской операций. Скорее всего, абсолютно точных сведений добиться уже вряд ли удастся, придется ограничиться лишь ориентировочными расчетами.

Например, в недавнем труде Института военной истории утверждалось, что «за первые 2—3 недели боев под Москвой Красная Армия лишилась до одного миллиона человек убитыми, умершими от ран, пропавшими без вести, пленными» [61]. В основу этого вывода были положены расчеты сотрудника этого института историка Б.И. Невзорова, на которого нам уже приходилось ссылаться. Он дает ориентировочный расчет величины наших потерь в людях, исходя из следующего: из вяземского «котла» вышло около 85 тыс. человек (начсостава — 6308, младшего начсостава — 9994, рядового состава — 68 419, всего — 84721), из брянского — около 23 тыс. человек. Сюда надо приплюсовать 98 тыс. человек — тех, кто избежал окружения из состава 29-й и 33-й армий, группы Болдина, а также 22-й армии, где была окружена только одна дивизия. Большое число бойцов и командиров, вышедших из окружения, сразу же вливалось в свои части. Часть военнослужащих, задержанных заградотрядами фронтов, включалась в подразделения и сводные отряды, которые также сразу направлялись на передовые позиции или для пополнения войск. Так, в течение 15 и 16 октября только в районе Наро-Фоминска было задержано 4 тыс., из них без оружия 2 тыс.¹ А всего с

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 11. Л. 125.

10 по 15 октября в районах Наро-Фоминска и Волоколамска было задержано 17 тыс. бойцов и командиров. Скорее всего, большая часть из этого количества не вошла в число 85 тыс. вышедших из окружения. Учитывая, что выход из окружения отдельных групп военнослужащих продолжался и в ноябре и даже позже, Невзоров число оставшихся в строю людей округляет до 250 тыс. Но при этом он вступает в некоторое противоречие с его же последующим выводом о том, что **за первые 2—3 недели октября в боях под Москвой Красная Армия лишилась до одного миллиона человек (80% от первоначального состава), из которых (по немецким данным) около 688 тыс. (то есть 70% от общих потерь) были пленены** [29].

В принципе с таким подходом к определению убыли личного состава можно согласиться. Но исходные данные для расчета потерь в частности, общее количество личного состава трех фронтов, требуют уточнения. Хотя, признаемся, оппонировать специалистам Института военной истории весьма трудно. Они пользовались данными фондов ЦАМО, до которых допускаются не все исследователи. Например, численность войск 30-й армии значительно — на 20,3 тыс. человек — превышает цифры, указанные в таблице 3. Согласно донесению штаба Западного фронта, по состоянию на 1.10.1941 г. в армии насчитывалось: начсостава — 5593 человека, младшего начсостава — 8029, рядового состава — 38 492, всего 52 114 человек; лошадей — 8693, боевых машин — 121, транспортных машин — 3615¹. Такую большую разницу в количестве личного состава объяснить автор пока не берется. Возможно, в данных таблицы указан так называемый боевой состав объединений. Но вот и в боевом составе 50-й армии Брянского фронта на 1.10.1941 г. числилось 67 413 человек (в том числе только в семи стрелковых дивизиях — 63 461), то есть тоже почти на 6 тыс. больше, чем указано в таблице 3². Не учтена в расчетах и численность войск НКВД. Так, в частях НКВД, располагавшихся только в полосе Западного фронта, на 25.9.1941 г. насчитывалось 13 190 человек. Наконец, только в составе Резервного фронта в строительных батальонах числилось 85 336 человек.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 53. Л. 187.

² Там же. Ф. 202. Оп. 5. Д. 40. Л. 1.

А немцы при подсчете военнопленных не делали различий, по какому ведомству проходят те или иные люди. Но и число пленных, объявленное немецкой стороной, вызывает определенные сомнения. Завышение количества пленных могло произойти за счет задержания всех мужчин призывного возраста в зоне боевых действий, при передаче данных об их количестве в вышестоящие инстанции (одни и те же люди учитывались несколько раз), своеобразного «соревнования» между командующими и командирами (кто больше пленных возьмет). Нельзя сбрасывать со счетов и возможность манипуляции цифрами в интересах пропаганды успехов гитлеровского воинства ведомством Геббельса. Так, в донесениях различных немецких инстанций и особенно в сообщениях, как сейчас бы сказали, средств массовой информации указывалось количество взятых в плен военнослужащих. **Именно военнослужащих.** Но вот любопытная выдержка из приказа по 12-му армейскому корпусу 4-й полевой армии:

«<...> 7) Партизаны:

Русские, вне всяких сомнений, будут пытаться оставлять партизанские отряды в тылу нашего фронта. В целях ликвидации этой опасности не только фронтовым частям, но и подразделениям, следующим за ними, **необходимо задерживать не только русских солдат, но и вообще всех мужчин в возрасте от 16 до 50 лет и направлять их в лагеря для военнопленных** (Выделено мною. — Л.Л.). Гражданских лиц, задержанных с оружием в руках или при проведении актов саботажа, немедленно расстреливать»¹. Напомним попутно, что согласно Постановлению ГКО, формирование дивизий народного ополчения производилось за счет мобилизации трудящихся от 17 до 55 лет.

Вряд ли это была инициатива командира корпуса. Очевидно, он исходил из указаний вышестоящего командования, общих для всех армий. Таким способом можно было собрать в лагерях и миллион пленных. Так что немецкие данные о количестве взятых в плен можно считать завышенными, но насколько — сказать трудно.

Далее. Не совсем ясно также, откуда и на какое число по-
явилось число 98 тыс. человек, избежавших окружения, рас-

¹ NARA. T312, R150, F7689415.

кладка их по армиям. В 33-й армии в окружение, хоть и на короткое время, попадали и 60-я, и 17-я стрелковые дивизии. Например, в 17-й сд полковника Козлова в течение 11 и первой половины 12 октября к своим войскам вышло 17 командиров и 94 бойца, которые имели 123 винтовки, два автомата и пулемет¹ (к 15 октября это число возросло до 558 человек, что составило 5% от начальной численности дивизии). Из 133 тысяч бойцов и командиров 12 бывших ополченских дивизий из окружения к середине октября вырвалось не более 11% (см. Приложение 8). При этом пять дивизий народного ополчения, попавших в окружение под Вязьмой, в связи с большими потерями и утратой Знамен были расформированы. Командир отделения 160 сд Е.С. Олшаников вынес из окружения Знамя дивизии и два полковых Знамени (боевое и шефское), поэтому дивизию, несмотря на большие потери, не расформировали.

Не совсем ясен вопрос о количестве раненых и больных, эвакуированных в тыл. Санитарные потери трех фронтов составили несколько более 123 тыс. человек — 20% от общих потерь (большинство раненых погибло и попало в плен). Но это за 67 суток оборонительной операции (в среднем 1800—1850 в сутки). За 5—6 дней до того, как немцы замкнули кольцо окружения, эвакуировать в тыловые госпитали вряд ли смогли более 9—10 тыс. раненых и больных. Большая часть армейских госпиталей, а возможно, и некоторые фронтовые, попали в окружение вместе с ранеными (этот вопрос требует специального исследования).

По нашему мнению, необходимо учитывать и численность частей и соединений центрального подчинения, находившихся в зоне ответственности трех фронтов. Поэтому при подсчете потерь в ходе вяземской и орловско-брянской операции следует исходить из численности войск порядка не менее 1350—1400 тыс. человек. А это значит, что общие потери **советских войск за первые 2—3 недели октября в боях под Москвой составили более миллиона человек, из них в немецком плену оказалось не менее 500 тыс.** Такие большие потери нельзя объяснить превосходством противника в силах и средствах. Причины поражения лежат значительно глубже.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 4. Л. 1 и 5.

Поражение наших войск в первой половине октября по своим масштабам и последствиям далеко превзошло июньский разгром основных сил Западного фронта в Белоруссии и гибель Юго-Западного фронта в сентябре 1941 г. В третий раз с начала войны была прорвана стратегическая оборона советских войск. В результате поражения войскам Западного и Резервного фронтов пришлось отступить на 250—300 км, а войска Брянского фронта были отброшены на 360—390 км. В окружении оказалась крупнейшая (за все последующие годы войны) группировка войск. Линия фронта оказалась всего в 100—110 км от столицы. Это был, пожалуй, самый тяжелый и трагический этап минувшей войны. Весь мир ожидал падения Москвы. 16 октября московское радио передало: «В ночь с 14 на 15 октября обстановка на Западном фронте ухудшилась <...> Несмотря на героическое сопротивление, наши войска были вынуждены отступить». В этот же день началась эвакуация большинства правительственных, военных и партийных учреждений, а также дипломатического корпуса из Москвы в Куйбышев. Московские власти плохо рассчитали возможную реакцию населения столицы на эти мероприятия. В городе возникла паника.

Иногда, чтобы опровергнуть цифры общих потерь и особенно количество попавших в плен, приводят данные о большом некомплекте соединений и частей к началу операции, что в окружение попали соединения, уже понесшие потери в предыдущих боях. Так, генерал Вашкевич в статье, написанной в духе своего времени, ссылаясь на данные К. Типпельскирха [74], выразил сомнение в истинности немецких данных о потерях советских войск:

«После Великой Отечественной войны гитлеровские генералы хвастались, что «русские в районе Вязьмы потеряли 67 стрелковых, 6 кавалерийских и 7 танковых дивизий, 663 тысячи пленными, 1242 танка и 5412 орудий». Но эти цифры или приснились им, или явились сознательным обманом своего фюрера, чтобы вместо гнева получить чины и награды. В самой крупной группировке, оказавшейся в окружении, т.е. в 19-й армии и группе генерала Болдина, было 9 стрелковых и одна кавалерийская дивизия, сильно ослабленных в предыдущих боях и едва насчитывавших 1/4—1/5 часть своего штатного состава. Некоторое исключение составляла 2-я стрелковая дивизия. Что же касается танковых бригад (127, 126 и 147-й),

имевшихся в 19-й армии и приданных на усиление 2-й стрелковой дивизии, то в них было два танка — один КВ и один Т-26, к тому же без горючего¹. В 20, 24 и 32-й армиях, также оказавшихся в окружении, было значительно меньше и дивизий, и боевой техники» [60].

Вашкевич верно подметил, что в окружении под Вязьмой не было столько стрелковых дивизий, сколько указали немцы, и что там оказалась лишь одна кавалерийская. Они сделали такой вывод на основании анализа захваченных документов о принадлежности пленных к тем или иным частям. Просчитались они и в отношении танковых дивизий, которые почти все были переформированы в танковые бригады. Иногда вполне справедливо высказывают сомнения и в достоверности немецких данных о уничтоженных и захваченных 1277 танках. В составе трех фронтов к началу операции было 1044 танка. Из окружения вывели буквально единицы. А немцы захватывали и сборные пункты поврежденных машин, и ремонтные базы с подбитыми танками. Конечно, они засчитали в трофеи и танки, подбитые и уничтоженные ранее, в том числе не подлежащие восстановлению и собранные для отправки на переплавку. В Резервном фронте из 164 эвакуированных после боев под Ельней танков в ремонт отправили 34, остальные 130 не подлежали восстановлению. Брянский фронт к 30 сентября потерял 202 танка. Аналогичная картина сложилась и на Западном фронте. Вряд ли успели все из них вывезти в тыл.

Не надо забывать о большом числе частей фронтового и центрального подчинения, а также многочисленных строительных и тыловых частях и учреждениях, которые до окружения почти не имели потерь. Но главное — следует учитывать, что пленных и трофеи немцы начали брать еще до того, как им удалось ликвидировать «котлы». Отдел разведки и контрразведки группы армий «Центр» ежедневно и скрупулезно вел подсчет количества пленных и трофеев, захваченных армиями. В документах врага можно встретить отголоски споров в отношении доли каждой армии в захваченных трофеях. Приводить данные за каждый день не буду, ограничусь обобщенными сведениями за армии — до ликвидации «котлов».

¹ Согласно расчету генерала Вашкевича, численность боевых частей и соединений под командой Лукина, оказавшихся в окружении северо-западнее Вязьмы, составляла несколько более 78 тыс. человек.

Таблица 6

**Количество пленных и трофеев, захваченных войсками
группы армий «Центр» в ходе операции «Тайфун»
(по немецким данным)**

Период (с начала наступл.)	Количество (нарастающим итогом)					
	Пленных	Танков	Орудий	ПТО	Зенитных орудий	Самолетов
по 5.10	60 783	208	436	131	39	10
по 7.10	103 299	361	671	227	96	10
по 8.10	124 184	524	909	260	157	12
по 9.10	151 323	532	1091	320	216	13
<i>Источник:</i> ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 623. Т. 2. Л. 3 (Разведсводки ГА «Центр»). <i>Примечание.</i> Сведения неполные в связи с отсутствием большей части донесений от 2-й ТА.						

После ликвидации котлов и зачистки территории количество пленных и трофеев резко возросло. Большая часть личного состава окруженных войск попала в плен. На территории только Вяземского района немцы организовали 7 сборных лагерей военнопленных. В самом городе также было несколько сборных пунктов военнопленных. Самый большой лагерь располагался в корпусах недостроенного авиационного завода. Немцы стремились как можно быстрее отправить их подальше от района боевых действий. Бывшие военнопленные рассказывали, как формировались колонны. Немцы палками гнали пленных через узкий проход в проволочном заборе, выстраивая их по пятеркам для подсчета. Например, в колонне, в которую попали бойцы и командиры 120-го гап, насчитывалось ровно 30 тыс. человек (передали по рядам от хвоста колонны). Не все из них дошли до стационарных лагерей. Среди пленных было много раненых. Тех из них, кто не мог идти, охрана безжалостно пристреливала. Видимо, так погибли числящиеся пропавшими без вести, которых видели в колонне: командир 3-го дивизиона 120-го гап старший лейтенант Н.В. Морогин, раненный в грудь, и командир 4-й батареи А.Н. Выходцев, у которого была оторвана рука. Многие погибли от голода и холода или были убиты при попытке к бегству. Для конвоирования пленных немцам не хватало охраны, и многие сумели бежать из плена. Например, автотехник 120-го гап младший сержант М. Беспалов с группой товарищей, вскрыв пол вагона, бежал на ходу из поезда. В партизанском отряде он был командиром взвода.

Советские военнопленне, перед расстрелом. 1941 г.

Фельдмаршал фон Бок 20 октября записал в своем дневнике:

«Совершаю поездку по автомагистрали, чтобы лично убедиться в возникших там перебоях с войсковым подвозом. <...> Тяжелое впечатление производят крайне слабо охраняемые колонны из десятков тысяч русских пленных, тянущиеся пеший маршем в направлении Смоленска. Будто живые покойники, бредут эти несчастные, изможденные голодом люди по дорогам. Многие так и гибнут на них, от голода и потери сил.

В разговоре с командующими армиями затрагиваю эту тему. Однако здесь ничем не поможешь. Необходимо усилить охрану пленных, в противном случае мы своими руками наплодим партизан» [12].

Последнее соображение более всего озаботило фон Бока.

Командование группы армий «Центр» обратилось к ОКХ с просьбой о выделении дополнительных охранных дивизий, чтобы не отвлекать на конвоирование и охрану сборных лагерей боевые части.

В нашей стране в условиях жесткого идеологического контроля избегали говорить о неудачах и поражениях в ми-

Советские военнопленные в Шталаге ХД (военный округ Гамбург). Из-за отсутствия барачных строений они рыли землянки для защиты от холода и дождя. Осень 1941 г.

нувшей войне. Если и говорили, то общими словами. Цензура не разрешала публиковать в открытой печати конкретные сведения о потерях советских войск в боях и операциях. Замалчивание и прямое искажение действительных событий войны было обычным делом. И сейчас находятся люди, занимающие большие посты, которые выступают против переосмысливания некоторых событий минувшей войны в свете ставших известными фактов и данных. Например, чтобы как-то объяснить и оправдать поражения в начальный период войны, идеологические бонзы и военная цензура 44 года скрывали от своего народа «страшную тайну» — действительное количество танков в Красной Армии перед гитлеровским нападением! Скрывали, потому что наши войска по числу танков к началу войны многократно превосходили немецко-фашистскую армию. Теперь эти цифры общеизвестны.

Но вот в 2006 г. газета «Красная Звезда» опубликовала статью некоего Л. Левина из г. Чикаго, который сделал новое открытие: «Адольф Гитлер, что вполне естественно, сосредоточил свои 3500 лучших боеспособных танков — из общего числа в 12 тысяч — для нападения на СССР. 12 000 — по докладу начальника ГРУ генерала Голикова; по другим оценкам, в

том числе иностранных специалистов, общее число танков, имевшихся в Европе у Гитлера, с учетом захваченных трофеев составляло 16 000».

Каких иностранных специалистов имеет в виду Левин, не ясно. Документально установлено, что на вооружении вермахта на 1 июня 1941 г. находилось 5 162 танка. Из них в сражение против СССР были брошены 3 492 танка. По Левину, получается, что Гитлер бросил на СССР около 3/4 своих сухопутных сил, а танков почему-то меньше — всего 30%.

Выступая в рейхстаге 11 декабря 1941 г., Гитлер сообщил, что за пять месяцев войны, с 22 июня по 1 декабря, захвачено и уничтожено 17 332 советских боевых самолета, 21 391 танк, 32 541 орудие, взято в плен 3 806 865 советских солдат и офицеров¹. С самого начала советский агитпроп, естественно, объявил эти цифры выдумками Геббельса и бредом бесноватого фюрера. И это продолжалось более 50 лет. Однако горькая правда пробивала себе дорогу: официально признанные цифры потерь Красной Армии за 1941 г. с годами росли и практически совпали с теми, которые объявил Гитлер. В настоящее время признано, что на 1 декабря более 3,8 млн советских воинов оказались в немецком плену². Красная Армия потеряла 20,5 тыс. танков (из них 3 тыс. КВ и Т-34), 17,9 тыс. боевых самолетов, 101,1 тыс. орудий и минометов (без учета 50-мм минометов — 60 тыс.). На захваченной врагом территории осталось 4 боекомплекта боеприпасов (для сравнения — общий боевой расход за полгода боевых действий составил 5 б/к) [26].

Странная вещь: источник для подсчета наших потерь (убыли) в людях один — Центральный архив Министерства обороны, а разница между цифрами огромная. Исследователи, особенно те, кто непосредственно работает с первичными архивными документами, обнаруживают многочисленные нестыковки и несуразности в интерпретации данных о потерях в отдельных операциях. Время от времени сведения об этом появляются в печати. Заметим, что монография Б.И. Невзорова была издана под эгидой Института военной истории МО

¹ Гитлер признал, что вермахт к 6 декабря 1941 г. потерял только 0,5 млн человек. В действительности, потери немцев на Восточном фронте с 22 июня по 31 декабря 1941 г. составили 831 050 убитыми, ранеными и пропавшими без вести (Wehrmacht Verlustwesen file BA-MA RW 6/v. 552).

² Согласно документам немецкого архива, на 1.12.1941 было взято в плен 3 831 325 человек (BA-MA, III W 805/5—7// Schutereit H. Vabangue s. 73).

РФ, что симптоматично. Казалось, что первый шаг сделан, что за ним может последовать и второй. Однако в опубликованном в 2004 г. исследовании Института военной истории, носящем многообещающее название «Статистический анализ», авторы согласились с цифрами труда «Россия и Советский Союз в войнах XX века», так и не дав своей оценки степени достоверности немецких данных по количеству взятых в плен под Вязьмой и Брянском. В то же время данные по потерям в киевской стратегической операции, по сравнению с трудом «Россия и Советский Союз в войнах XX века», авторами уточнены — причем в меньшую сторону. Судя по всему, единая позиция по поводу потерь в отдельных операциях «наверху» еще не выработана.

Видимо, поэтому на заседании Ассоциации историков Второй мировой войны 29.12.2005 руководитель авторского коллектива вышеупомянутого труда Г.Ф. Кривошеев в своем выступлении ратовал за публикацию ОФИЦИАЛЬНЫХ цифр потерь в Великой Отечественной войне. На мой вопрос, будут ли уточняться уже опубликованные цифры, он ответил, что нет. Получается, что единственная цель новой публикации уже известных всем цифр потерь состоит в том, чтобы прекратить дальнейшие «спекуляции» на эту тему. После заседания я подарил генерал-полковнику свою книгу «Прохоровка, без грифа секретности», попросив обратить внимание на факты манипулирования в его труде данными ЦАМО [75]. Мне обещали, что на меня «выйдут». Прошел почти год — ни слуху ни духу. Слишком много набралось таких «критиков», чтобы каждому отвечать.

В труде Института военной истории «Военно-исторические очерки» (в частности, в книге 1-й, «Суровые испытания») рассматривались в основном недостаточно исследованные и дискуссионные вопросы, излагались современные взгляды по спорным вопросам. Их издание было, несомненно, значительным прорывом в историографии Великой Отечественной войны. Но, видимо, кому-то показались, что в очерках были сделаны слишком смелые выводы. Ситуацию, сложившуюся в исторической науке после их опубликования, можно охарактеризовать словами незабвенного Владимира Ильича Ленина: «шаг вперед, два шага назад»! По слишком многим вопросам сделаны шаги назад. Иначе и быть не могло: сделанные в Очерках выводы и трактовка некоторых событий противоречили официальной истории войны.

Хотелось бы обратить внимание читателя на следующее: официальные безвозвратные потери наших войск в операциях, связанных с крупными «котлами» 1941 г., примерно равны или несколько больше количества пленных, взятых немцами. Например, в окружении под Белостоком и Минском с 29 июня по 10 июля немцы захватили 3188 (по другим данным — 3332) танка, 1830 (1809) орудий и взяли в плен 332,5 (342) тыс. человек (см. таблицу 2). По официальным данным, безвозвратные потери наших войск составили 341 тыс. человек. В сражении на Днепре и Зап. Двине, под Смоленском и Рославлем с 10 августа по 10 сентября немцами только в плен взято 309 тыс. человек. Безвозвратные потери наших войск в Смоленском сражении больше — 486 тыс.

И это естественно: ведь кроме пропавших без вести есть еще убитые (в том числе умершие на этапах санитарной эвакуации), умершие от ран в госпиталях, от болезней и т.д. Так что меньше показать нельзя. Эту зависимость можно проследить и на примерах фронтовых операций, данные о потерях в которых в труде «Россия и Советский Союз в войнах XX века» приводятся не всегда (их надо искать в других источниках). Но вот безвозвратные потери в людях в летне-осенней кампании 1941 г. (до 4.12.1941) составили по официальным данным 2841,9 (общие — 3987,7) тыс. человек, а за весь 1941 г. — 2993,8 тыс. (общие — 4308 тыс.). Сравните с числом взятых немцами в плен 1 декабря 1941 г. — 3,8 млн.

Вернемся к Московской оборонительной операции. Безвозвратные и общие потери в период с 30 сентября по 5 декабря 1941 г. показаны в таблице 7.

Таблица 7

**Потери личного состава советских войск в ходе
Московской стратегической оборонительной операции
(30.09—5.12.1941 г.)**

Людские потери в операции				
Объединения	Безвозвратные (в %)	Санитарные (в %)	всего	Среднесуточные
Западный фронт	254 726	55 514	310 240	4700
Резервный фронт	127 566	61 195	188 761	15 730
Брянский фронт	103 378	6537	109 915	2617

Людские потери в операции				
Объединения	Безвозвратные (в %)	Санитарные (в %)	всего	Среднесуточные
Калининский фронт	28 668	20 695	49 363	1050
Итого:	514 338 (41,1*)	143 941 (21,8**)	658 279 (52,3*)	9825
<i>Источник:</i> Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. М., 2001. С. 273. <i>Примечания:</i> *в процентах к составу трех фронтов к началу операции. **в процентах к общим потерям.				

Данные таблицы производят странное впечатление. Прежде всего, поражает точность приводимых цифр. Это то ж докладывал о потерях, когда штабы армий и фронтов в октябре не знали даже, где и в каком состоянии находятся их соединения. Количество раненых в 3,5 раза меньше числа безвозвратных потерь. Но это как раз понятно: большая часть из них попала в плен. Но важнее другое: безвозвратные потери за 67 суток операции (514 тыс. человек) намного меньше числа взятых в плен (по немецким данным — 665 тыс. человек) за 17 суток (с 2 по 18 октября). Как согласовать эти цифры и нужно ли это? Положим, что немцы намного завысили число военнослужащих, взятых в плен, и на секунду поверим официальным данным. Если за 67 суток три фронта потеряли чуть больше половины своего состава, имевшегося к началу операции, то сколько же они могли потерять за первую половину октября в котлах — 30—35%? Тогда в составе войск, избежавших гибели и вырвавшихся из окружения, осталось бы порядка 750—850 тыс. человек. При таком раскладе обстановка на Можайской линии обороны не носила бы такой угрожающий характер. Или советские войска в ноябрьских боях не несли потери?

Поэтому официальным цифрам потерь за всю оборонительную операцию верят разве только те, кто никогда не работал в советских архивах и сам не делал расчетов.

Между тем по данным труда «Россия и Советский Союз в войнах XX века», за июль-октябрь (четыре месяца) не были получены данные о численности личного состава и потерях от 35 стрелковых дивизий, общая численность которых составляла 484 тыс. человек, в том числе от 16 дивизий Западного и

одной (!) дивизии Резервного фронтов (и это после сентябрьского и двух октябрьских котлов?). Выходит, что остальные дивизии этих фронтов (не говоря уж о танковых, кавалерийских и других соединениях и отдельных частях армейского и фронтового подчинения), попавшие в окружение в октябре, смогли каким-то образом доложить требуемые сведения? Потери этих соединений пришлось определять расчетным методом. Набралось таких неучтенных потерь за первые месяцы войны 1162,6 тыс. человек, в том числе 12,6 тыс. в погранвойсках (таблица 120 труда). Эти потери включены в сводки соответствующих фронтов, как пропавшие без вести. Последнее утверждение вызывает законный вопрос: какая же часть из этого огромного числа была включена в потери Западного и Резервного фронтов за октябрь месяц? Это что же — Буденному приплюсовали потери одной дивизии?

Потери в вяземской (2—13 октября) и орловско-брянской (30.9—23.10) операциях официально не подсчитаны (по крайней мере, в труде они не упоминаются). Почему бы и эти потери не определить расчетным методом?

Из 16 объединений трех фронтов смогли избежать окружения и полного разгрома 4 армии (22-я и 29-я Западного фронта, 31-я и 33-я Резервного) и опергруппа, имевшие первоначальную численность примерно 265 тыс. человек. Но и они понесли большие потери. К середине октября укрепления на Можайской линии занимали 90—95 тыс. человек, но это с учетом прибывших 32, 312 и 316-й стрелковых дивизий и сводных отрядов военных училищ. Положим, что из 1250 тыс. личного состава трех фронтов в строю осталось 250, даже 350 тыс. человек. Куда же делись остальные? Исследователь Ходаренок М.Н. назвал следующие цифры потерь наших войск в Московской оборонительной операции в октябре 1941 г.: 855 100 — безвозвратные, в том числе 673 000 — пленными, 104 100 — ранеными, общие — 959 200 человек, не указав, к сожалению, источник этих цифр [76].

Абстрагируясь от названного немецкой стороной числа взятых в плен, нам все равно не уйти от того факта, что за две-три недели из боевого строя действующей армии был выведен миллион бойцов. Большая часть из них попала в плен, многие погибли или были ранены, значительная часть рассеялась по лесам. Из числа последних многие были мобилизованы зимой 1942 г. войсками генералов Белова и Ефремо-

ва, действующими южнее Вязьмы, или позднее, когда районы октябрьских боев были освобождены от врага.

В связи с этим небольшое общее замечание. Мне уже приходилось ссылаться на данные картотек безвозвратных потерь Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. На начало 90-х годов в них хранилось 17,2 млн персональных карточек солдат (сержантов) и офицеров Красной Армии, погибших в минувшую войну. Картотеки составлялись на основе донесений войсковых частей и извещений, полученных военкоматами. Немалая часть имен была установлена работниками военкоматов во время подворного опроса, проведенного в 1948—1949 гг. Много карточек было заведено на основе изучения двух картотек WAST (справочной службы вермахта) — на военнопленных-офицеров и на военнопленных-солдат, переданных в архив американцами вскоре после войны.

С тех пор работниками ЦАМО была проведена большая работа по упорядочению учета безвозвратных потерь и устранению дублирующих сведений. Из картотек были исключены следующие категории выбывших из строя военнослужащих: дезертиры, военнослужащие, осужденные и направленные в места заключения, приговоренные трибуналами к высшей мере наказания (т.е. расстрелянные), а также снятые с учета безвозвратных потерь, как оказавшиеся живыми. Вот близкий мне пример. Из 196 воинов 120-го гап, числившихся погибшими и пропавшими без вести в электронном Центральном банке данных (ЦБД), а значит, и в картотеках безвозвратных потерь ЦАМО, 34 (17%), по данным совета ветеранов полка, оказались живыми после войны (на некоторых из них были оформлены по 2—3 извещения). Но в то же время 20 погибших и пропавших без вести военнослужащих этого полка не были учтены в ЦБД. Сведения о них, подкрепленные соответствующими документами, были дополнительно включены в картотеку. Так что публичные выступления некоторых больших начальников о том, что они сами до сих пор числятся в картотеках погибшими или пропавшими без вести, безосновательны. Они хорошо знают, что только из картотеки безвозвратных потерь офицеров по вышеперечисленным причинам исключены 125 232 человека. Подобными заявлениями стремятся подорвать доверие к данным картотек безвозвратных потерь офицеров, рядового и сержантского состава ЦАМО. Почему?

А потому, что если признать данные картотек соответствующими реалиям, то это поставит под сомнение (слишком велика разница!) официальные цифры потерь. Придется пересматривать все расчеты авторов труда «Россия и Советский Союз в войнах XX века», причем в большую сторону. А делать это соответствующие ведомства по известным причинам не хотят. Ведь при сопоставлении результатов операций и сражений с величиной потерь, понесенных советскими войсками (особенно в сравнении с потерями противника), придется переосмысливать некоторые победные реляции и роль в войне отдельных военачальников. При этом могут лопнуть, как мыльные пузыри, многие мифы и легенды, созданные не очень умной советской пропагандой.

По данным на конец 2000 г., в картотеках безвозвратных потерь солдат, сержантов и офицеров ЦАМО числилось более 14 507 тыс. персоналий. По результатам предварительного побуквенного обсчета, безвозвратные потери Вооруженных Сил в минувшей войне составляли не менее 13 850 тыс. человек [77]. Кстати, последние цифры косвенно подтверждает и другой достаточно авторитетный источник: «За годы войны из ВС по различным причинам убыло 26,6 млн человек, более половины из них составили безвозвратные потери» [78]. По нашим данным, обсчет все эти годы продолжался (а может быть, уже закончился), но окончательные его итоги для исследователей пока недоступны.

По последним данным Военно-мемориального центра Вооруженных сил РФ, жертвами Великой Отечественной войны, продолжавшейся 1418 дней и ночей, стали 26 млн 549 тыс. человек — солдат и офицеров, мирных жителей — убитых, погибших от голода, умерших от лишений. Потери Вооруженных сил страны составили около 16 млн человек. Именно столько карточек персонального учета погибших военнослужащих хранилось до последнего времени в Центральном архиве Минобороны РФ в Подольске. С марта 2006 г. их расшифровывают и заносят в компьютерную базу сайта «Народная память» сотрудники Военно-мемориального центра. Реализацию этого проекта поддерживают Минобороны РФ, МВД, ФСБ, Комитет Госдумы по делам ветеранов и ряд ветеранских организаций¹. Это шаг в правильном направлении. По

¹ В поименный список ныне здравствующих фронтовиков на сайте «Победители» внесено 1 008 741 человек.

словам начальника Военно-мемориального центра Генштаба генерал-майора генерала А.В. Кирилина, число карточек в результате проведенной работы сократилось примерно до 15 млн.

Но практика работы по увековечению памяти погибших и пропавших без вести показывает, что многие тысячи воинов вообще не числятся ни в каких картотеках и базах данных. Об этом говорит опыт 15-летней работы фонда «Народная память» (правопреемник Научно-информационного центра «Судьба», данные которого использовались при издании Книг Памяти в регионах Советского Союза)¹.

К сожалению, по картотекам невозможно правильно определить распределение потерь по годам войны. Зачастую без вести пропавших военнослужащих регистрировали намного позже случившегося — на основе запросов родных (результатам подворного опроса), которые оказались на оккупированной территории. Например, воин пропал без вести (погиб) в 1941 г. в киевском окружении или под Вязьмой. Но родные обратились с запросом в военкомат только после освобождения их местности в 1942—1944 гг. По опыту моей многолетней работы в фонде «Народная память», по выполнению заказов некоторых областей и республик, территория которых была временно оккупирована врагом, это случалось сплошь и рядом. Так, 120-й гап фактически перестал существовать 13 октября 1941 г. (исключен из списков артчастей РК 24.12.1941 г.), а в извещениях о выбытии из строя военнослужащих полка указаны даты 1942, 1943 и даже 1944 годов. За счет этого потери 1941—1942 гг. могут оказаться заниженными по сравнению с последующими годами.

По существу, данные картотек, находящиеся в пределах между 15 и 13,85 млн, и являются демографическими потерями, но они более чем на 5 млн превышают официальные цифры. Они же почти на 2,5 млн превышают официальные цифры безвозвратных потерь с военно-оперативной точки зрения

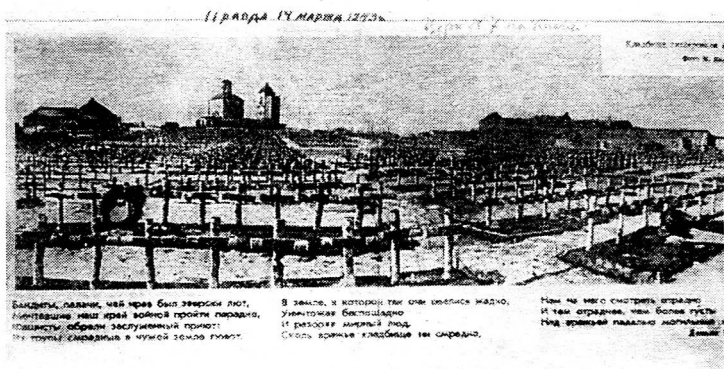
¹ В информационном массиве Центрального банка данных (ЦБД) к 1995 г. содержалось почти 20 миллионов сведений (персоналий) о погибших и пропавших без вести. Они получены при обработке архивных документов трех центральных архивов — ЦАМО, Военно-медицинского архива (музея) и Архива ВМФ по потерям личного состава в 1941—1945 гг. К сожалению, работа фонда по удалению дублирующих сведений еще не закончена.

(11 444 тыс. человек). К авторскому коллективу статистического исследования «Россия и Советский Союз в войнах XX века», в основу которых положены результаты работы комиссии Генштаба в 1988—1989 гг., имеется много вопросов. Например, в нем дан далеко не полный перечень крупнейших операций Красной Армии, в том числе опущена отнюдь не рядовая операция «Марс» (с 24 ноября по декабрь 1942 г.). Сейчас некоторые историки предлагают считать, что эту операцию проводили в демонстративных целях. Ничего подобного: в не так давно рассекреченном Перечне Генерального штаба ВС СССР, составленном уже после войны, она числится в ряду основных стратегических операций. Ничего себе «демонстрация», которая закончилась окружением крупных группировок наших войск! Причем только безвозвратные людские потери в этой операции составили 70,4 тыс. человек, или 14 процентов от численности войск к началу операции¹. Столько потеряли безвозвратно три фронта в курской оборонительной операции по официальным данным (70,3 тыс.). В некоторых случаях скрыть большие потери проще, нежели объяснять их причины и называть виновных поименно.

Убежден, что рано или поздно официальные цифры потерь Красной Армии в минувшей войне придется пересмотреть. Особенно это коснется операций, в которых наши войска потерпели поражение. Это, конечно, не означает, что надо совсем отбросить результаты работы коллектива, возглавляемого уважаемым Г.Ф. Кривошеевым, который провел большую и важную работу по упорядочению потерь. Опубликованные данные широко используются и, несомненно, будут использоваться и в дальнейшем. Но каждый раз их надо сверять с первичными архивными документами. В отличие от нас, немецкая сторона до сих пор так и не смогла подготовить подобного статистического исследования о потерях в отдельных операциях. И это особенно видно при попытке определить потери немецких войск за первый этап операции «Тайфун».

В отношении величины потерь немецких войск существуют самые разные цифры. Потери личного состава сухопутных войск с 22 июня 1941 г. по конец октября составили

¹ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 1640. Д. 180. Л. 275.

Кладбище гитлеровских завоевателей в Вязьме (1943 г.)

668 958 человек, из них в октябре потеряно 115 671 человек. Потери люфтваффе к концу октября равнялись 17 529 человек, в октябре — 4372 человека, в том числе 793 летчика. Общие потери сухопутных войск на Восточном фронте с 1 по 20 октября составили 78 515 человек (в том числе 2331 офицер), безвозвратные — 16 788, то есть 21 % [26]. Отметим, что в отличие от нашей системы учета безвозвратных потерь, немецкая сторона не учитывала раненых, умерших на этапах санитарной эвакуации, поэтому доля безвозвратных потерь в общих потерях у них, как правило, была занижена.

В операции «Тайфун» с 30.9 по 5.12.1941 г. группа армий «Центр» потеряла, согласно явно завышенным данным ЦАМО РФ, 145 тыс. человек (в том числе 4020 офицеров), что составило примерно 75% от общих потерь немцев за этот период на всем советско-германском фронте¹ [26]. В это число входят потери за период с 1 по 17 октября — 50 тыс. человек [20]. Потери только офицерского состава группы армий «Центр» составляли ежедневно в среднем 45 человек (около 40% всех потерь офицерского состава на Восточном фронте). Особенно велики они были в пехоте, где выбывших из строя офицеров приходилось заменять офицерами других родов войск.

¹ Суммарные потери танковых групп, полевых армий и соединений тылового района группы армий «Центр», согласно таблице Приложения 15 труда ИВИ, равны 136 278 человек (ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12454. Д. 165 (225). Л. 1—5).

31 октября Бок записал в своем дневнике, что «наши потери становятся весьма ощутимыми. В соединениях группы армий более чем двадцатью батальонами командуют обер-лейтенанты» [12]. Указанные потери, по немецким меркам, были тяжелыми и свидетельствовали о том, насколько ожесточенными были бои. Хотя они и не шли ни в какое сравнение с потерями советских войск: за 17—20 дней октября — 50 тыс. против одного миллиона. Одно не вызывает сомнений — в октябрьских и предшествующих боях была уничтожена значительная и лучшая часть кадрового состава вермахта и люфтваффе.

Значительные потери соединения группы армий «Центр» понесли в вооружении и технике. Так, 6-я танковая дивизия, в которой на 10.9 насчитывался 181 боеготовый танк, к 16 октября в строю имела всего лишь 60. Только безвозвратные потери 20-й танковой дивизии к 16 октября составили 43 танка (на 28 августа в строю в ней числилось 104 танка) [70]. После боев в районе Мценска 4-я танковая дивизия имела к этому времени всего лишь 38 боеготовых танков. В общей сложности в группе армий «Центр», насчитывающей в своем составе к началу операции «Тайфун» около 1700 танков, к 16 октября в строю осталось порядка 1240 танков, в том числе: 2-я танковая армия — 271 танк, 3-я танковая группа — 259 и 4-я танковая группа — 710 танков¹ [34]. В связи с большими потерями в матчасти штаб 3-й танковой группы дал указания дивизиям по формированию боевых групп (в составе бригад и полков) для осуществления последующих операций с учетом наличия еще боеспособной техники.

За время, оставшееся до начала второго этапа операции «Тайфун», гитлеровскому командованию так и не удалось восполнить большие потери группы армий «Центр» и усилить ее за счет групп «Север» и «Юг», силы которых были скованы нашими войсками. Фон Боку пришлось для прикрытия флангов своих войск задействовать до трети своих сил. В упорных боях 1941 г. советские войска разгромили 26 дивизий и 13 бригад противника. К концу ноября немцы потеряли около 740 тыс. солдат и офицеров, 2,4 тыс. танков и штурмовых орудий. На возмещение убыли было поставлено 400 тыс. человек. Не-

¹ Для сравнения: в группе армий «Юг» 1-я танковая группа потеряла за период с 26 сентября по 15 октября 1941 г. 144 танка. К этому времени в ней насчитывалось лишь 165 танков.

комплект составил 340 тыс., то есть более 10% первоначального состава [34].

Такого урона германская армия еще не имела. Неудача вермахта в операции «Тайфун» повлекла за собой катастрофические последствия — общий проигрыш зимней кампании 1941—1942 гг. и войны в целом.

Сейчас, шесть с половиной десятилетий спустя, нельзя не задуматься еще раз над тем, почему враг в октябре смог добиться столь впечатляющих успехов и почему в конечном счете он потерпел поражение. О причинах поражения по ходу повествования говорилось много. Дополним наши рассуждения выводом новой военной энциклопедии издания 1994 года:

«Неудачный исход вяземской операции обусловлен тем, что советское командование не сумело правильно определить направления главных ударов противника и сосредоточить на них основные силы и средства. Командующие фронтами (Конев и Буденный) в ходе операции не осуществляли маневр войсками на угрожаемые направления, не руководили их отходом и действиями окруженных войск» [54].

Выходит, прав был генерал Лукин, сказав, что мы не узнаем правды о вяземской трагедии, пока живы Конев, Буденный и причастные к этим событиям люди? Не успели они уйти с исторической сцены, как их фамилии тут же были названы в числе виновных¹. Несомненно, реализация потенциальных возможностей войск во многом зависит от искусства руководства ими. Но разве мы узнали всю правду о событиях под Вязьмой или Брянском? Разве дело было только в Коневе и Буденном? Они делали то, что умели и могли в отведенных рамках. И маневр осуществляли, но только робко, с оглядкой на вышестоящие инстанции. Одно дело — потерпеть поражение, выполняя приказы, которые уже не соответствовали обстановке, и совсем другое — потерпеть неудачу, решившись на самостоятельные действия. Страх ответственности за принятые решения сковывал действия наших командиров и командующих.

¹ Более того: на командующего Степным фронтом И.С. Конева сразу «навесили» часть потерь Н.Ф. Ватугина (практически уравнив их — соответственно 73 892 и 70 058 человек), чтобы сгладить шокирующую диспропорцию потерь Воронежского фронта и группировки Манштейна в июле 1943 г. в ходе Курской битвы [75].

Большинство их в 1941 г. боялось начальства больше, чем противника. Опять-таки из страха командующие фронтами и армиями не всегда своевременно, правдиво и точно докладывали о складывающейся обстановке.

Мы последовательно и достаточно подробно, с использованием документов противоборствующих сторон рассматривали, как развивались события, которые привели к катастрофе. И сложившаяся картина намного отличается от того, как она рисовалась в официальных источниках и широко известных мемуарах. По мнению Г.К. Жукова: **«Катастрофу в районе Вязьмы можно было предотвратить**. Несмотря на превосходство врага в живой силе и технике, **наши войска могли избежать окружения** (выделено мною. — Л.Л.). Для этого необходимо было своевременно более правильно определить направления главных ударов противника и сосредоточить против них основные силы и средства за счет пассивных участков» [64].

Почему же это не было сделано? Где были Генштаб, Ставка и сам Иосиф Виссарионович? Одна из основных причин случившейся катастрофы под Вязьмой заключалась в некомпетентности Верховного Главнокомандующего. Это отмечал и Василевский А. М., который хорошо знал Сталина: «В первые месяцы [войны] сказывалась недостаточность оперативно-стратегической подготовки Сталина. Он мало советовался тогда с работниками Генштаба, командующими фронтами. Даже руководящие работники Оперативного управления Генштаба не всегда приглашались для отработки наиболее ответственных, оперативных директив Ставки. В то время решения, как правило, принимались им единолично и нередко не совсем удачные» [79].

Надо прямо сказать, что Сталин подмял под себя Генштаб, состав которого с началом войны был значительно ослаблен, не считался с ним при принятии важнейших решений. По образному выражению А.М. Василевского, «все те, кто составлял головку Генерального штаба (Ватутин, Соколовский, Шарохин, Маландин. — Л.Л.), были отправлены на разные фронты и в армии, что, конечно, не способствовало нормальной работе Генерального штаба» [65].

Сталин затянул принятие решения об отводе войск. Несомненно, если бы они вовремя отошли на укрепленный Ржевско-Вяземский рубеж, события развивались бы по другому

сценарию — более благоприятному для советских войск (подобные ошибки будут повторяться и в 1942 году). Можно продолжить и упомянуть ошибки, допущенные в ходе Смоленского сражения, когда в не всегда продуманных и плохо обеспеченных наступательных операциях были израсходованы резервы, которых не хватило, чтобы остановить противника на главном направлении. Можно вообще вернуться к бездарному началу войны. И так до бесконечности.

Правильно говорят, что ошибки были допущены на всех уровнях управления войсками, и не только управления. Но ошибка ошибке — рознь, и точку здесь ставить нельзя, потому что последствия их несравнимы: чем выше инстанция, которая допустила просчет, тем тяжелее последствия. **Непосредственную ответственность за катастрофу под Вязмой несут Верховный Главнокомандующий, Генеральный штаб и командующие Западным, Резервным и Брянским фронтами.**

Но поражение советских войск нельзя объяснить только ошибками и просчетами, допущенными Ставкой и командованием фронтов при подготовке и проведении операции. Причины лежат глубже и берут свое начало в области политических, социальных и морально-нравственных отношений до и во время войны. Ответы на эти вопросы может дать только специальное исследование.

Вот уже прошло более шести десятилетий, как окончилась война. Но объективная история Отечественной войны так и не написана. Существующая официальная история минувшей войны создавалась в то время, когда были живы те, кто был повинен в поражениях Красной Армии, чья совесть была отягощена огромными и неоправданными потерями. Ведь многие наши военачальники не только писали мемуары, где они за счет, казалось бы, небольших сдвигов по времени и месту действий подчеркивали свою причастность (или, наоборот, непричастность) к тем или иным важным событиям, а порой просто затушевывали задним числом свои ошибки. Но они своими трудами и выступлениями, участием в сборниках к юбилейным датам, наконец, своим авторитетом победителей давили на историков, допуск которых к документам архивов был жестко ограничен. И давили не только авторитетом — от них зависели судьбы и карьеры тех людей, которые, собственно, и писали эту историю. Достаточно посмотреть состав главных и

неглавных редколлегий исторических трудов. По-человечески понять авторов воспоминаний можно — приятнее подчеркнуть свои заслуги, а критики всегда найдутся. Кроме того, следует учитывать, что мемуары не просто субъективны. Их беспристрастно редактировали, авторов заставляли переписывать рукописи, запрещали им упоминать о неудачах и потерях¹.

Давно уже не является секретом то, что в советской историографии Отечественной войны имел место самый обычный произвол. История писалась или переписывалась в угоду тем или иным вождям и вошедшим в фавор политикам и военачальникам. Позволю себе привести еще один пример «гибкости» генеральной линии партии в этом отношении из личной практики. По заданию Воениздата мне пришлось заняться внутренним рецензированием очередной книги о боях на Малой Земле. Не прошел еще и месяц со времени кончины Л. Брежнева, как из редакции издательства последовало указание — не тратить время на вычитку материала, связанного с его именем, — «все равно все выбросим». И это в то время, когда «все прогрессивное человечество все еще оплакивало кончину видного деятеля международного рабочего и коммунистического движения». Конечно, это не была инициатива руководства издательства. Так, при активной помощи идеологов КПСС и цензуры создавалась отретушированная история минувшей войны.

В настоящее время состоялось решение президента РФ В.В. Путина о подготовке к изданию нового многотомного труда по истории Великой Отечественной войны. У многих историков и исследователей возникают опасения, что в нем опять будут повторены ошибки парадной 12-томной «Истории Второй мировой войны», в которой основные события войны излагались сугубо односторонне (а война — процесс двусторонний). Это была не история войны, а хвалебная история КПСС в период войны. Дискуссии по каким-либо существенным вопросам войны в то время исключались. И сейчас не созданы условия для глубокого исследования вопросов, связанных с решающими сражениями войны (имеются в виду не особенно удачные из них, так как у побед много отцов, и лишь поражение — всегда сирота). Приказы о дальнейшем рассек-

¹ Когда маршала Р.Я. Малиновского спросили, почему он не пишет воспоминания о войне 1941—1945 гг., он ответил: «правду написать не дадут, а врать не хочу». Это сказал министр обороны.

речивании архивов периодически издаются. Но от провозглашения намерений до их осуществления — дистанция огромного размера. По-прежнему засекречены многие документы, особенно переговоры Ставки (и ее представителей) и Генерального штаба с командующими фронтами, армиями. А без этого невозможно сделать правильные выводы о подготовке и проведении операций.

Многие документы до сих пор находятся на особом хранении, в архиве Генерального штаба и в архиве Президента (бывшем архиве Генерального секретаря ЦК КПСС). Мне уже приходилось писать, что материалы комиссии Г.М. Маленкова по Воронежскому фронту (июль — август 1943 г.) хранятся в Президентском архиве, куда простым исследователям доступа нет. По телефону сотрудник архива заявил автору этих строк, что материалы до сих пор являются секретными и не подлежат публикации в открытой печати. Весьма показательно, что материалы таких же комиссий, возглавляемых Маленковым, по работе на Сталинградском (1942 г.), Центральном (начало 1943 г.) и Западном фронтах хранятся в фондах архива РГАСПИ (бывшем архиве ЦК КПСС). С ними может ознакомиться любой исследователь. Почему же прячут материалы комиссии по событиям под Прохоровкой? В конце концов, в Курской битве наши войска одержали бесспорную победу!

Видимо, те, кто обладает всей полнотой информации, решили, что в наше сложное время (а было ли в России когда-нибудь иное время?) нести в общество правду просто опасно: зачем лишний раз привлекать внимание к ошибкам политического и военного руководства в ходе Отечественной войны. Поэтому соответствующие ведомства и не спешат делиться имеющейся у них информацией с общественностью. Правду, если и выдают, то мизерными порциями. Ими движет отнюдь не забота о престиже страны и Вооруженных сил. Чиновникам от военной истории невыносима сама мысль о том, что кто-то может поставить под сомнение их компетентность. Под флагом патриотизма хотят вернуться к единомыслию. Все чаще с трибун совещаний звучат требования запретить некоторые программы на телевидении, поставить под контроль Интернет.

Иногда примитивно полагают, что народ, патриотов нужно и можно воспитывать только на победах и положительных примерах. Это наивное заблуждение: в наше время нельзя долго скрывать горькую правду войны, которая состояла не

только из побед, были и поражения. Наоборот, горькое, но правдивое описание не самых удачных событий минувшей войны во всей их сложности и противоречивости быстрее затронет душу, например, молодого человека, оставит след в его сознании. По меткому выражению замечательного русского писателя Виктора Астафьева, «кто врет о прошедшей войне, приближает войну будущую». Кроме нравственного аспекта, следует иметь в виду, что обучение и воспитание высокопрофессиональных военных кадров, глубинные интересы развития военной науки и искусства требуют трезвого и беспристрастного анализа событий Великой Отечественной войны. Разве можно развивать военную науку на основе «отретушированного» опыта войны? В свое время начальник Генштаба Жуков на докладе Главного разведывательного управления с анализом боевых действий впервые созданных немцами танковых армий начертал резолюцию, повергшую генштабистов в шок — «Мне это не нужно...».

В современных условиях также преступно пренебрегать реальным, без изъятий, опытом минувшей войны. Учиться побеждать лучше на ошибках своих отцов и дедов, чем на своих собственных. Иначе опять возобладает принцип — «мы за цену не постоим». Опять будут появляться «лучшие министры обороны всех времен и народов» и военачальники, которые не могут расставить правильно 38 снайперов, чтобы уничтожить шайку бандитов.

Войн без потерь не бывает. Наша армия за пять месяцев тяжелых оборонительных боев 41-го года заплатила высокую цену за то, чтобы война повернула вспять. Давно пора сказать народу правду, какой ценой завоевана победа под Москвой. Прежде чем опровергать умозрительные и ничем не обоснованные расчеты некоторых публицистов о потерянных страной 30 и даже 40 миллионах человек, надо попытаться на основе документов ответить на простой вопрос — куда делся в октябре 41-го года миллион бойцов из числящихся в составе трех фронтов 1250 тысяч? Официальные инстанции ответа на этот вопрос не дают.

Нет до сих пор и ответа на вопрос, какую цену пришлось заплатить народу за Победу в войне. Пусть демографы считают неродившихся из-за войны детей: нас интересуют в первую очередь потери с военно-оперативной точки зрения, как основной показатель, в частности, уровня подготовки войск и компетентности командования. Без знания людских и матери-

альных потерь нельзя считать законченным исследование войны вообще. Освещение военных действий, профессионализма и роли полководцев, итогов и уроков войны должно быть неразрывно связано с учетом цены Победы [80]. Конечно, это весьма болезненная тема.

Готовить данные о потерях комиссия Генштаба начала задолго до окончания «холодной войны» и последующей перестройки. В то далекое время в условиях ожесточенной идеологической борьбы с западными «фальсификаторами» истории Второй мировой войны давать им лишние козыри было бы неразумно. Вне всякого сомнения, существовал политический заказ, отказаться от которого было нельзя. Сейчас обстановка изменилась. Но признаться в сокрытии правды тем, кто готовил цифры, — смерти подобно (политической, конечно). Точные цифры потерь Вооруженных сил установить сейчас уже невозможно, но надо хотя бы назвать порядок цифр, близкий к реальности, чтобы, с одной стороны, осознать подлинную цену нашей Победы, с другой — чтобы понять, почему за нее пришлось заплатить такую непомерно высокую цену. А для этого нужно иметь мужество смотреть правде в глаза, нужна политическая воля. Ветераны, родные и близкие погибших и пропавших без вести воинов имеют право знать правду, какой бы горькой она ни была. Жестокая правда войны отнюдь не умаляет нашей Победы над сильным и коварным врагом. В этом отношении можно вспомнить слова маршала Г.К. Жукова — а уж он-то знал немецкую армию: «Надо, наконец, посмотреть правде в глаза и, не стесняясь, сказать о том, как оно было на самом деле. Надо оценить по достоинству немецкую армию, с которой нам пришлось столкнуться с первых дней войны. <...>Мы учились в ходе войны и выучились и стали бить немцев, но это был длительный процесс»¹. И он же, высказываясь позднее о послевоенной кадровой политике, в частности, заметил: «Командиры учились войне на войне, расплачиваясь за это кровью наших людей»².

Вместо ответа на всем понятные вопросы сразу раздаются голоса людей, сделавших патриотизм своей профессией, о попытках пересмотра итогов войны. Речь идет не о пере-

¹ Маршал Жуков. Полководец и человек. М., 1988. Т. 1. С. 189—190.

² Архив Президента РФ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 30. Л. 95, 96 (цит. по: ВИЖ, № 4, 2003, с. 21).

смотре, а о переосмысливании некоторых событий минувшей войны в свете вновь открывшихся фактов, дотоле тщательно скрывааемых в недрах архивов и спецхранов.

Введение в научный оборот недоступных ранее широкому кругу исследователей документов поможет историкам по-новому осветить многие проблемы, дать более объективное документальное изложение событий Великой Отечественной войны, внести при необходимости существенные коррективы в ее историю. Надо же, наконец, разобраться, почему наш победный марш на Берлин начался от стен Москвы, и пролег этот путь через Харьков и Сталинград. Когда про нас перестанут говорить, что русские быстро ездят, но медленно запрягают? Когда наши военачальники будут учиться воевать до войны, а не в ходе сражений, оплачивая свои уроки кровью солдат?

Несмотря на тяжелейшее поражение, нанесенное Красной Армии, германским войскам так не удалось выполнить своей главной задачи — взять Москву. Гитлер рассчитывал разгромить Советский Союз в ходе одной быстротечной операции. В начале операции «Тайфун» Гитлер на встрече с японским послом обещал ему овладеть Москвой к 12 октября 1941 г. [81]. Но стратегия блицкрига потерпела крах — уничтожить основные силы Красной Армии не удалось. В ожесточенных боях немцы теряли не только людей и технику, но и время. В результате Германия оказалась перед перспективой затяжной войны, победить в которой ее военная машина была неспособна. Подвела врага и самонадеянность: вместо того чтобы использовать успех и продолжать наступление, они ослабили свою главную группировку, наступающую на Москву. Германский историк К. Рейнгардт отметил, что именно выделенных сил «не хватило в решающий момент под Москвой, когда новые русские оборонительные рубежи не были еще укреплены, а резервы русских большей частью находились еще на подходе» [21]. Как будто в ином случае гитлеровцам удалось бы достичь своих целей.

Советская государственная система оказалась исключительно живучей. Поражения многому научили советское военное командование и политическое руководство. По мере продвижения врага к центру страны пружина сопротивления сжималась все сильнее, наконец, она сжалась до предела. По-

ворот в сознании людей, бойцов и командиров действующей армии произошел, когда стало понятно, что дело идет о жизни и смерти их близких, о самом существовании страны и нации. В основе того, что в неимоверно тяжелых условиях удалось остановить врага, а затем заставить его повернуть вспять, лежали неисчерпаемые не только материальные, но и духовные ресурсы нашей армии и народа. Победил советский народ.

Ставка ВГК и Генштаб в сравнительно короткие сроки сумели воссоздать Западный фронт и создать Калининский, закрыв огромную брешь в стратегической обороне. Советское командование, искусно применяя ограниченные силы, за счет своевременного маневра резервами создало глубокую оборону на угрожаемых направлениях. Наши войска при активной поддержке авиации, действовавшей даже тогда, когда немецкие самолеты не могли летать из-за погодных условий, вынуждали противника прорывать все новые и новые позиции. Они остановили, а затем на две недели задержали противника. То, что было достигнуто на Западном фронте во второй половине октября и в ноябре, а затем и в последующих сражениях, стало возможным только благодаря общим усилиям войск и населения столицы и Московской области. Армии и защитникам столицы помогала вся страна, весь советский народ.

Не стоит забывать, что воссозданию обороны на Западном стратегическом направлении способствовали героизм и мужество войск, оказавшихся в окружении под Вязьмой и Брянском, надолго приковавших к себе десятки немецких дивизий. Для отражения их попыток прорыва из окружения и последующей ликвидации котлов вражескому командованию на первых порах пришлось привлечь 48 дивизий из 74 — почти две трети группы армий «Центр». Позднее, уже после войны, Г.К. Жуков так оценил значение боев в районе Вязьмы:

«<...> Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, главные силы противника были задержаны в самые критические для нас дни. Мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Кровь и жертвы, понесенные воинами окруженной группировки, не оказались напрас-

ными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы, еще ждет своего описания» [64].

Соппротивление окруженных под Вязьмой войск продолжалось с 7 до 13 октября. Иногда задают вопрос: много это или мало — семь суток соппротивления? Конечно, мало. М. Ходаренок, в частности, приводит для сравнения армию Паулюса, которая в окружении под Сталинградом продержалась почти два с половиной месяца. Мол, немецкие войска сложили оружие лишь тогда, когда возможности дальнейшего соппротивления были практически полностью исчерпаны. О физическом состоянии немецких солдат наиболее красноречиво говорит тот факт, что из 92 тыс. военнослужащих 6-й армии, сдавшихся в плен, выжили только около 6 тыс. человек. Остальные погибли вовсе не потому, что в советском плену к ним было плохое отношение, а просто на момент капитуляции они уже находились на грани смерти. Автор в своей статье добавляет, что немцам под Сталинградом было неизмеримо хуже, чем окруженным войскам РККА под Вязьмой и Брянском. Они держали оборону в тяжелых зимних условиях, практически в голом поле, испытывая значительные трудности даже с дровами для приготовления пищи. Этот и другие примеры говорят в том, что при наличии стойкости, воли, организованности и дисциплины сражаться длительный срок можно и в условиях полного окружения. Далее М. Ходаренок задает вопросы: почему практически с самого начала в окруженных частях и соединениях отмечались признаки разложения, почему они не проявили необходимой стойкости? Ведь, помимо всего прочего, войска под Вязьмой попали в окружение с немалыми запасами материальных средств, армейскими и фронтовыми тылами, со всем вооружением и военной техникой. Наконец, организации обороны весьма благоприятствовала лесисто-болотистая местность, изобилующая многочисленными естественными препятствиями. И тем не менее, имея возвышенную цель защиты Родины, советские войска сдавались в плен практически целыми оперативными объединениями [76].

На наш взгляд, приведенное сравнение не совсем корректно. В Сталинграде немецкие войска с самого начала получили приказ держаться и ждать помощи. Силы для деблокады имелись, и их довольно быстро собрали. Части Паулюса

были окружены в районе, где они находились длительное время, оборона велась под единым командованием. Не было никаких шараханий — Гитлер прямо запретил Паулюсу прорываться. Окруженные войска должны были быть в готовности нанести короткий удар навстречу Манштейну, когда тот приблизится на расстояние одного перехода. В котле имелись значительные запасы боеприпасов и ГСМ. Был налажен воздушный мост, по которому доставлялось самое необходимое, вывозились раненые (о цифрах вывезенных из окружения солдат и офицеров полной ясности нет).

Под Вязьмой обстановка складывалась совсем по-другому. Командующие Западным и Резервным фронтами приказ на отвод войск на Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж для занятия обороны получили с большим запозданием, что не позволило планомерно и организованно отвести войска. Конев и Буденный отходом не руководили, единого командования войсками к моменту окружения не было. Пока разбирались в обстановке, потеряли время. Немцы успели создать плотную оборону на внутреннем фронте окружения. Приказ на выход из окружения Лукин, Болдин и Ершаков получили уже после того, как окружение состоялось. Никаких сил для деблокады у советского командования не было. Окруженные войска никакой помощи извне не получили, даже авиационной поддержки. Не было в котле и никаких особых запасов материальных средств, особенно боеприпасов и горючего. По мнению генерала Вашкевича, высказанному после войны, решение на прорыв являлось уже запоздалым и имело мало шансов на успех. Он утверждал, что 19-я армия могла продержаться в окружении без помощи извне 10—15 суток. Если бы дали команду держаться, возможно, продержались бы и больше, несмотря на недостаток боеприпасов, ГСМ и продовольствия. Вот только не дали такого приказа — умереть, альтернативой которому был позорный плен, а значит — репрессии по отношению к тем, кто выживет, и к их родным. Окруженные под Вязьмой и Брянском войска сделали все от них зависящее, чтобы вырваться из окружения. Во всяком случае, они не сдавались в плен «оперативными объединениями». И вообще, особенно с позиций сегодняшнего дня трудно осуждать сдачу в плен солдат, лишенных управления, продовольствия и боеприпасов.

Несколько слов о роли Г.К. Жукова в описываемый период. Я не отношу себя к тем, кто предпочитает рисовать портреты людей, оставивших значительный след в истории, только черной или только светлой краской. И не склонен столь высоко оценивать полководческие способности Георгия Константиновича и его творческий вклад в теорию и практику военного искусства, как это делают официальные историки, по существу, создавшие культ ПЕРВОГО МАРШАЛА ПОБЕДЫ. Сторонники и проповедники культа преувеличивают заслуги Г.К. Жукова в подготовке и проведении операций и замалчивают грубейшие ошибки, оплаченные большой кровью. Здесь не место их перечислять. По крайней мере, мы так и не увидели обещанного Академией военных наук труда о творческом наследии Жукова. Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, командовавший в 1930 г. 7-й Самарской кавалерийской дивизией, в состав которой входила 2-я кавалерийская бригада Жукова, написал на него аттестацию, закончив ее знаменательным выводом:

«Может быть использован с пользой для дела по должности помкомдива или командира мехсоединения при условии пропуска через соответствующие курсы. На штабную или преподавательскую работу назначен быть не может — органически ее ненавидит»¹ [18].

Однако когда в начале октября 1941 г. рухнули сразу три фронта, И.В. Сталину потребовался именно такой человек, как Г.К. Жуков, с его сильной волей, решительностью и непреклонностью в осуществлении принятых решений. Он получил от Верховного Главнокомандующего самые широкие полномочия, которые не исчерпывались выданным ему мандатом. Жуков принадлежал к людям, которые не ждали, когда их наделят правами, предпочитая брать их самому. Трудно представить на его месте в октябре 1941 г. любого другого военачальника, который в условиях недостатка сил и потери управления войсками справился бы с поставленной задачей. Он быстро сориентировался в обстановке и принял правиль-

¹ Г.К. Жуков в 1906 г. закончил 3 класса церковно-приходской школы. Из военного образования у него за плечами была четырехмесячная школа унтер-офицеров в 1916 г., полгода учебы на 1-х Рязанских кавалерийских курсах в 1920 г., годичные кавалерийские курсы усовершенствования комсостава, законченные в 1925 г., и трехмесячные курсы усовершенствования высшего начальствующего состава — в 1930 г.

ное решение по организации обороны, прежде всего дорожных направлений, выводящих к Москве. Именно на них он массировал те немногие силы, которые сохранились после катастрофы, особенно противотанковые средства.

Г.К. Жуков, несомненно, внес большой вклад в организацию Отпора врагу под Москвой, но называть его спасителем Москвы было бы большим преувеличением и принижением роли других достойных военачальников. Основные решения по созданию обороны на Можайской линии, о переброске к Москве соединений с других участков фронта и выдвижении резервов из глубины страны были приняты до назначения Жукова командующим воссозданным Западным фронтом. Генштаб внимательно отслеживал положение на подступах к Москве и немедленно реагировал на изменения в обстановке, направляя резервы на угрожаемые направления. А И.В. Сталин в это тяжелое время стал более внимательно прислушиваться к мнению военных.

Оценивая роль Жукова, нельзя не упомянуть такие его качества, как самоуправство, грубость и жестокость по отношению к подчиненным. По свидетельству Рокоссовского, «его жесткость переходила допустимые границы». Для Жукова было характерно пренебрежение к человеческой жизни. Отсюда его приказы «любой ценой», «чего бы это ни стоило». А во что обошлось его требование, чтобы командиры и комиссары всех степеней были в первых рядах наступающих частей и своим личным примером вели части вперед? И это в условиях острого дефицита командных кадров. По приказам Жукова было расстреляно, при этом не всегда обоснованно (зачастую без суда и следствия), много командиров различного ранга, не считая простых солдат. Эту жестокость, показательные расстрелы перед строем нельзя оправдать сложными условиями обстановки. Потому что так он поступал и на Халхин-Голе, и под Ельней, и под Ленинградом. Командующий 43-й армией Западного фронта генерал К.Д. Голубев 8 ноября 1941 г. вынужден был обратиться к Сталину с жалобой на командующего Западным фронтом Жукова: «На второй день по приезде меня обещали расстрелять, на третий день отдать под суд, на четвертый день грозили расстрелять перед строем армии. В такой обстановке работать было невозможно» [82]. Но жаловаться на Жукова человеку, который перед войной развязал репрессии против народа и армии и по указанию кото-

рого в трудные дни октября 1941 г. продолжали расстреливать негодных ему военачальников, было бесполезно.¹

Угрозы и самые строжайшие приказы не могли привести к успеху, если бы защитники Москвы не ощущали материальную и моральную поддержку населения столицы и всей страны. Источником мужества и стойкости бойцов и командиров в боях под Москвой был отнюдь не страх перед заградительными отрядами и расстрелами, а чувство патриотизма, любовь к Отечеству, высокий моральный дух советских воинов, защищавших свою столицу. И здесь не обойдешься без слов о роли компартии в организации отпора врагу. Ее структура и принцип централизма идеально подошли к условиям военного времени. Партийные комитеты и подчиненные им комсомольские организации подразделений воспитывали у бойцов ненависть к врагу, стойкость и волю к победе, помогали командирам спланировать личный состав подразделений и частей при выполнении боевых задач.

Выстоять под Москвой в 1941 г. позволила вера в победу и справедливость своего дела, заставлявшая воинов сражаться даже в казавшейся безвыходной ситуации. И основную роль в достижении победы в Московской битве сыграл советский солдат, от которого в конечном счете зависит осуществление всех замыслов и решений командиров. Это солдат, наперекор всему, устоял перед натиском бронированных дивизий врага и сорвал его планы. Это он потом и кровью компенсировал все ошибки, просчеты и недоработки своего командования.

А нам надо помнить, что без мужества, стойкости и неисчислимых жертв 41-го года не было бы Победы в 45-м.

¹ 18.10.1941 г. под Куйбышевым была расстреляна группа видных руководителей армии и военной разведки (некоторые вместе с женами), в том числе восемь Героев Советского Союза и один дважды Герой — генерал-лейтенант Я.В. Смушкевич, бывший начальник ВВС РККА и помощник начальника Генштаба по авиации.

ЭПИЛОГ

Осталось рассказать о судьбе некоторых упоминаемых в книге активных участников октябрьских боев и свидетелей вяземской трагедии, о том, что было после завершения боев в районе окружения.

Командующий 19-й армией генерал-лейтенант **М.Ф. ЛУКИН**¹ был трижды ранен в руку и ноги и в бессознательном состоянии 14 октября 1941 г. попал в плен в районе с. Семлево. В немецком госпитале, развернутом в этом селе, ему ампутировали правую ногу выше колена, левая была перебита, правая рука раздроблена. Фельдмаршал Ф. фон Бок приказал оказать русскому генералу всяческую помощь. Лукин был переведен в немецкий госпиталь в Смоленске, где за ним был обеспечен самый лучший уход. Туда же по просьбе Лукина был помещен и его друг, начальник артиллерии 20-й армии генерал Прохоров И.П., попавший в плен тяжелораненым 12.9.1941 г.

¹ Лукин Михаил Федорович (6.11.1892—25.5.1970). В русской армии с 1913 по 1917 г., участник Первой мировой войны, поручик, командир роты, награжден орденами Св. Владимира 4-й ст., Св. Анны 4-й ст., Св. Станислава 3-й ст. В Красной Армии с июля 1918 г., активный участник Гражданской войны М.Ф. Лукин занимал ряд командных и штабных должностей, был ранен и контужен. За отличие в боях награжден двумя орденами Красного Знамени. В межвоенный период — начальник пехотных курсов, помощник командира 23-й сд, начальник штаба 7-й сд (1923 г.), начальник отдела штаба УВО, с июня 1927 г. — начальник отдела Главного управления РККА. С января 1929 г. — командир 23-й сд, с 1935 г. — комендант Москвы, с 1937 г. в распоряжении управления по комплектованию РККА. С декабря 1937 г. заместитель начальника, затем начальник штаба, а с декабря 1939 г. заместитель командующего войсками СибВО, с июня 1940 г. — командующий 16-й армией, генерал-лейтенант. Командуя армией, участвовал в Смоленском сражении. 8 августа был назначен командующим 20-й армией этого же фронта. За умелое командование войсками и проявленное личное мужество в Смоленском сражении М.Ф. Лукин был награжден орденом Красного Знамени.

Об обстоятельствах пленения и пребывания в плену Лукин рассказал в журнале «Огонек» в 1964 г. [83]. В ноябре — декабре 1941 г. он вместе с Прохоровым лежал в Смоленском госпитале для военнопленных. Тяжелораненого командарма немцы допрашивали, пытались узнать, где находятся другие генералы фронта: Болдин, Мостовенко (командующий автобронетанковым управлением), Андреев, бригадный комиссар Ванеев и другие. Пытаясь всячески запугать Лукина, приводили ему в пример судьбу генерал-лейтенанта Качалова, который был объявлен в приказе № 270 как изменивший Родине, семья которого была репрессирована. На самом деле, как потом выяснилось, Качалов погиб в бою.

Лукин находился на излечении в немецких госпиталях в г. Луккенвальде и в пригороде Берлина — Бисдорф. После выздоровления с 1943 г. М. Ф. Лукин находился в лагерях в районе гг. Вустрау, Бриц, Лихтенфельд, Вюдебург, Мосбург. Некоторое время он содержался в лагере для высшего командного состава Красной Армии, где находился в одном блоке с Д.М. Карбышевым¹ и П.Г. Понеделиным².

В тяжелейших условиях немецко-фашистских концлагерей М.Ф. Лукин вел себя мужественно и достойно. Его неоднократно пытались склонить к сотрудничеству с нем-

¹ Карбышев Дмитрий Михайлович (14.10.1880 — 18.2.1945). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В Красной Армии с 1918 г., член коллегии по инженерной обороне страны при Главном военно-инженерном управлении РККА, начальник инженерных войск Украины и Крыма, начальник кафедры в Высшей военной академии Генштаба РККА (1923). В начале войны генерал-лейтенант инженерных войск Д.М. Карбышев выполнял специальные задания в приграничной полосе в районе Гродно. При выходе из окружения был контужен и в бессознательном состоянии захвачен в плен севернее Могилева. Категорически отказался перейти на службу к врагу. Замучен гитлеровцами в концлагере Маутхаузен. Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, медалью «20 лет РККА». Герой Советского Союза (присвоено посмертно 16.8.1946 г.).

² Понеделин Павел Григорьевич (1893—1950). Окончил школупрапорщиков в 1915 г. Участник Гражданской войны. Окончил Военную академию имени Фрунзе (1926), комбриг (1938), начальник штаба корпуса, генерал-майор. Командуя 12-й армией, попал в плен в районе Умани. На основании приказа № 270 13.10.1941 г. был заочно приговорен к расстрелу. После освобождения из плена американцами в мае 1945 г. был доставлен из Парижа в Москву. Арестован 30.12.1945. Заочный приговор 20.8.1950 г. был отменен, а 25 августа он был вновь приговорен к расстрелу. Полностью реабилитирован в феврале 1956 г.

цами, но — безрезультатно. С этой целью в лагерь приезжал генерал Власов.

Жаловался на свою судьбу и бывший начальник штаба 19-й армии комбриг В. Ф. Малышкин. Он, находясь с августа 1938 г. по октябрь 1939 г. в тюрьме НКВД, подвергся жестоким пыткам. На «суде» отказался от выбитых признаний, был реабилитирован и восстановлен в кадрах. Понимая, что после плена пощады ему не будет, осенью 1942 г. решил поддержать генерала Власова, разделив его судьбу. Так советская власть плодила своих врагов.

Лукин не был сломлен. В апреле 1945 г. он был освобожден из плена американскими войсками. После репатриации он с мая по декабрь 1945 г. проходил спецпроверку в органах НКВД в г. Люберцы (5 месяцев) и Голицыно (2 месяца), где подвергался ежедневным допросам по поводу имевшихся материалов о его антисоветской деятельности. В справке, представленной Сталину, говорилось:

«<...> Показаниями арестованных Главным управлением «Смерша» одного из руководителей НТСНП белоэмигранта Брунста, изменника Родины Власова и бывшего начальника курсов младших лейтенантов 33-й армии Минаева устанавливается, что Лукин, пребывая осенью 1942 года в лагерях военнопленных в городах Цитенхорст и Вустрау, проявлял антисоветские настроения по вопросам коллективизации сельского хозяйства, карательной политики Советской власти и клеветал на руководителей ВКП(б) и Советского правительства.

Лукин, будучи допрошен по этому вопросу, отрицает преступную связь с этими лицами и проводимую им антисоветскую деятельность. В результате ранения у Лукина парализована рука и ампутирована нога».

Вероятно, речь шла о том, что, находясь в бараке в обществе друзей по несчастью, Михаил Федорович искал объяснения причин поражения советских войск в начальный период войны. В сотнях томов следственных дел, заведенных на советских генералов и офицеров — действительных и мнимых предателей, не содержится и намек на сотрудничество генерала Лукина с гитлеровцами или их пособниками. Он был верен своему солдатскому долгу, несмотря на негативное высказывание о колхозах или репрессиях. Об этом говорили на допросах все, от офицера-патриота до предателя Власова.

Генерал-лейтенант инженерных войск Д.М. Карбышев.

И также были верны своему долгу большинство генералов, оказавшихся в плену. Сталину представили справку на генералов, прошедших проверку, на которых пока не было добыто каких-либо компрометирующих материалов. Предлагалось их освободить и обеспечить агентурным наблюдением:

«<...> генерал-лейтенанта Лукина М. Ф. — бывшего командующего 19-й армией, в отношении которого имеются материалы об его анти-советской деятельности, но, учитывая, что в результате ранения он остался калекой (парализована рука и ампутирована нога)».

Однако из всего списка решена была только судьба генерал-лейтенанта Лукина М.Ф. В ноябре 1946 г. он был восстановлен в воинском звании.

Об обстоятельствах его освобождения уже из советского лагеря рассказал Николай Букалов:

«Однажды раздалась команда: «Генерал-лейтенант Лукин, на выход». Но повезли его не домой, а на Лубянку, на «рандеву» с генерал-полковником Абакумовым. Тот опять стал расспрашивать, кто и как его вербовал и не предатель ли он? А под конец беседы неожиданно сообщил, что Лукина решено выпустить, поскольку он преданный человек. Попробуйте себе представить, что в этот момент творилось в истерзанной душе генерала? И только позже он узнает, отчего у жуткой истории оказался счастливый конец. На «Деле» Лукина рукой Сталина была начертано: «Преданный человек. В звании восстановить, если желает — направить на учебу. По службе не ущемлять». А постращали его так, для острастки. Генерал Лукин был возвращен на действительную военную службу в Красную Армию и зачислен в распоряжение ГУК НКО. Ему предложили на выбор несколько престижных руководящих должностей, в том числе командира курсов «Выстрел» [84].

Но он отказался от лестных предложений. Находясь с ноября 1946 г. в запасе, стал работать в Комитете ветеранов, где отвечал за организацию помощи инвалидам войны. Пробивал бывшим фронтовикам жилье, достойное медицинское обслуживание, инвалидные коляски и автомобили с ручным управлением. Лукин был награжден орденом Ленина, 5 орденами Красного Знамени, орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и медалями. В 1966 г. маршалы Тимошенко, Рокоссовский, Конев и генерал армии Курочкин написали письмо Брежневу с ходатайством о присвоении генералу Лукину звания Героя Советского Союза. Но генсек этой просьбы не поддержал. Михаил Федорович скончался от сердечной недостаточности 25.5.1970 г. Указом от 1.10.1993 г. ему было присвоено посмертно звание Героя Российской Федерации.

Командующий войсками 32-й армии Резервного фронта генерал-майор (1940 г.). **С.В. ВИШНЕВСКИЙ**¹ отказался воспользоваться одним из последних самолетов, присланным в район окружения. Он предпочел остаться, чтобы руководить своими частями при прорыве из окружения. В плен попал 22 октября 1941 г. Находился в военной тюрьме г. Летцен, в Хаммельсбургском офицерском лагере, в Нюрнбергской тюрьме, в Флессенбургском концлагере и в Дахау. В плену вел себя достойно. Освобожден из плена американскими войсками, находился в Советской военной миссии в Париже.

С.В. Вишневский прошел спецпроверку и в декабре 1945 г. возвращен на действительную службу в ряды Красной Армии. Окончив ВАК при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова, с 1947 г. преподавал в Военной академии им. М.В. Фрунзе. С 1949 г. в запасе. Награжден орденом Ленина, орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, медалями.

¹ Вишневский Сергей Владимирович (18.04.1893 — 22.06.1967) окончил кадетский корпус (1912), служил в русской армии в 1912—1918 гг., штабс-ротмистр. Участник Первой мировой войны и Гражданской войны. В Красной Армии с 1918 г., окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе (1933 г.). С октября 1940 г. помощник генерал-инспектора кавалерии РККА, с сентября 1941 г. командующий 32-й армией.

Командующий 24-й армией
генерал-майор К.И. Ракутин.

Командир 139-й стрелковой
дивизии (9-й дн) генерал-
майор Б.Д. Бобров.

Заместитель командующего Западным фронтом генерал-лейтенант **И.В. БОЛДИН**¹, имевший большой опыт действий в тылу противника, с небольшой группой сумел вырваться из окружения под Вязьмой в северном направлении на Спас (5 км северо-восточнее Богородицкое) и к 5 ноября вышел к своим войскам. После выхода из окружения под Вязьмой командовал вновь сформированной 19-й армией, а с декабря 1941 г. — войсками 50-й армии под Тулой. В 1961 г. он написал воспоминания, где подробно рассказал, как он на шестой день войны попал в окружение в Белоруссии, а потом в течение сорока пяти дней пробивался на восток, пока не вышел к своим на участке 19-й армии севернее Ярцево.

Командующий 20-й армией генерал-лейтенант **Ф.А. ЕРШАКОВ** попал в плен южнее Вязьмы. Наотрез отказался от сотрудничества с гитлеровцами. Содержался в лагере воен-

¹ Болдин Иван Васильевич (15.80.1892—28.03.1965). Участник Первой мировой войны с 1914 г., в Красной Армии с 1919 г. Окончил курсы «Выстрел» (1923), курсы усовершенствования высшего начсостава при Военной академии им. М.В. Фрунзе (1926 и 1930), Военную академию им. М.В. Фрунзе (1936). Генерал-полковник (1944).

нопленных в районе г. Вульхайд (близ г. Берлин). Весной 1942 г. был переведен в офицерский лагерь военнопленных Хаммельсбург, где в июле умер от разрыва сердца. Похоронен в районе лагеря Хаммельсбург [85].

Командующий 24-й армией генерал-лейтенант **К.И. РАКУТИН**¹ погиб при выводе частей армии из окружения. С июня 1943 г. К.И. Ракутин был исключен из списков Красной Армии как пропавший без вести в боях против немецко-фашистских войск в 1941 г. Лишь после войны, в 1946 г., формулировка была изменена: «Погиб в 1941 г. на фронте Великой Отечественной войны», но точная дата, обстоятельства гибели и место захоронения командарма в то время так и не были выяснены. Считалось, что К.И. Ракутин погиб у д. Подмошье (35 км северо-восточнее Ельни). Точное место гибели Ракутина удалось найти сотрудникам историко-архивного поискового центра «Судьба» ассоциации «Военные мемориалы», которые рассказали:

« <...> 5 октября 1941 г. 24-я армия после упорных оборонительных боев была вынуждена отступать, и ее штаб перешел на запасной КП в населенный пункт Волочек, в нескольких километрах от которого находился перекресток дорог, имевший важное значение <...>. Несмотря на отчаянное сопротивление оборонявшихся, частям 268-й пехотной дивизии противника, поддерживаемым сильным артиллерийским ог-

¹ Ракутин Константин Иванович (21.5.1902—7.10.1941.), в Красной Армии с 1919 г., участвовал в боях против войск Колчака на Восточном фронте и с белополяками на Западном фронте. В погранвойсках с 1920 г., окончил Высшую пограничную школу (1931), вечерний факультет Военной академии им. М.В.Фрунзе (1937). С 1926 г. К.И. Ракутин — комендант Охотской отдельной погранкомендатуры, с 1932 г. преподавал в пограничных школах, затем был начальником погранотряда Белорусского погранокруга. С 1937 г. начальник штаба Ленинградского, затем — Прибалтийского (июль 1940 — июнь 1941 г.) погранокругов. Участник советско-финляндской войны. С началом войны К.И. Ракутин — командующий 31-й армией, с июля — 24-й армией Резервного фронта, войска которой отличились в Ельнинской наступательной операции 1941 г. Генерал-майор (1940). Герой Советского Союза (5.05.1990 г., посмертно). Награжден орденами Ленина (посмертно), Отечественной войны I ст. (посмертно), Красной Звезды, медалью «XX лет РККА», а также Почетным оружием. За успешное руководство воинскими соединениями и проявленные при этом личное мужество и героизм указом Президента СССР № 114 от 5 мая 1990 года К.И. Ракутину было присвоено посмертно звание Героя Советского Союза. Перезахоронен на военно-мемориальном кладбище защитников Отечества «Снегири» (Истринский район Московской обл.).

нем и ударами авиации, к вечеру 6 октября удалось захватить этот перекресток и отрезать штаб 24-й армии от ее войск. <...> 7 октября штаб 24-й армии во главе с генералом Ракутиным отступал с ополченской дивизией. В районе Семлево части этой дивизии, видя, что кольцо окружения замкнуто, залегли. Командарм Ракутин и член Военного совета Иванов пошли непосредственно в части, чтобы оказать помощь командованию дивизии».

Как вспоминает бывший красноармеец А. Суслов, проходивший службу в батальоне охраны штаба 24-й армии, «рядом с ним (Ракутиным. — **Прим. авт.**), в 10—15 метрах мне довелось ходить в атаку на прорыв, видимо, в районе Семлево. Он шел в полный рост, в генеральской форме, в фуражке, с пистолетом в руке. Мы не прорвались, и по приказу командования в больших, специально вырытых ямах сжигали штабные документы, предварительно облив их мазутом и бензином. После атаки я больше не видел генерала Ракутина».

На десятый день поисков, а именно 1 мая 1996 г., на дороге Волочек — Семлево, в районе урочища Гаврюково, в двух метрах от обочины дороги по особенностям грунта на глубине 40 см нами было обнаружено неизвестное захоронение. В процессе эксгумации этого захоронения, проводившейся 1—3 мая, были обнаружены останки 20 военнослужащих Красной Армии и 7 солдатских медальонов.

По уцелевшим записям в медальонных вкладышах удалось установить, что здесь захоронены красноармеец Демин Михаил Федорович, воентехник 1-го ранга Жучилин Филипп Вавилович, красноармейцы Платонов Захар Алексеевич и Чижиков Иван. В остальных медальонах текст либо угас, либо они не были заполнены, причем один вкладыш практически истлел. После проверки в картотеке безвозвратных потерь Центрального архива МО РФ было установлено, что все они числились пропавшими без вести в октябре — ноябре 1941 г.

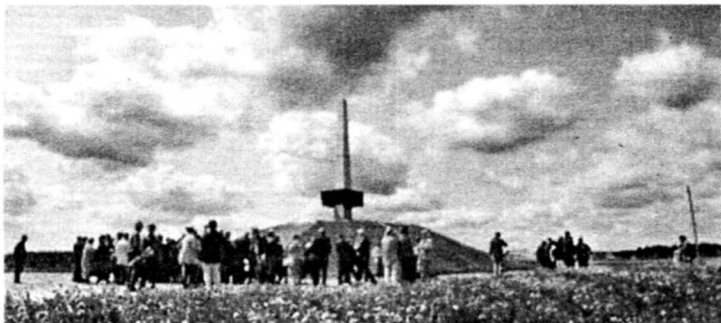
По знакам различия — петлицам и нарукавным нашивкам, частично сохранившимся на останках, записям в медальонных вкладышах мы установили воинские звания у восьми захороненных военнослужащих. Один был в звании генерал-майора, двое — в звании капитана, один — старший лейтенант, один — воентехник 1-го ранга, один — лейтенант и двое — в звании красноармейца.

Для установления личности генерала, чьи останки были найдены в захоронении, нами был определен круг лиц высшего командного состава 24-й армии, участвовавших в боевых действиях в этом районе в октябре 1941 г., и прослежены по документам их военные судьбы. После изучения личных дел и штабных документов, карточек учета и потерь офицерского состава, мы пришли к выводу, что в районе обнаружения останков могли погибнуть двое генералов — командующий 24-й армией генерал-майор Ракутин Константин Иванович и командир 139-й стрелковой дивизии генерал-майор Бобров Борис Дмитриевич.

Для идентификации личности погибшего сотрудниками Центральной судебно-медицинской лаборатории Министерства обороны было проведено криминалистическое исследование обнаруженных костных останков и их сравнение с прижизненными фотографиями обоих генералов. На основе программного антропологического исследования эксперты лаборатории пришли к заключению, что в соответствии с учетом выявленных совпадений идентификационных признаков представленные на исследование костные останки не могут принадлежать генерал-майору Боброву Б.Д., а являются останками генерал-майора Ракутина К.И. В 1996 г. его останки были перезахоронены на военно-мемориальном кладбище в поселке Снегири Истринского района Московской области» [86].

Командующий войсками 50-й армии Брянского фронта **М.П. ПЕТРОВ**¹ длительное время считался погибшим в бою при выходе из окружения 10 октября на р. Рессета у д. Голынка Карачевского района Брянской обл. В результате длительного поиска, в котором участвовал его сын, было выяснено, что ПЕТРОВ Михаил Петрович был тяжело ранен в верхнюю часть обеих ног. Рассказ сына изложен в книге А.И. Еременко. Петров М.П. от потери крови почти все время находился без сознания. Штабу армии предстоял длительный путь с боями. Транспортировка тяжелораненого в таких условиях была невозможна. Пришлось оставить генерала Петрова в одной из

¹ Петров Михаил Петрович (1898—1941), генерал-майор, участник Гражданской войны и войны в Испании. Герой Советского Союза (1938). В начале Великой Отечественной войны командовал механизированным корпусом, с августа 1941 г. — 50-й армией.

Памятник воинам 2-й дивизии народного ополчения
и морякам 200-го арtdивизиона.

глухих деревень под надзором врача и медсестры. Полагали, что в последующем, если даже территория не будет в ближайшее время освобождена, Петров по выздоровлении с помощью партизан вернется на Большую землю. Группа красноармейцев во главе с врачом и медсестрой доставила раненого в небольшое лесное село Голынка Карачевского района Брянской области. Гитлеровцы обошли это глухое селение стороной. Раненого поместили в доме колхозников Новокрещеновых. Красноармейцы после этого вернулись к своим, а врач и медсестра остались. У Петрова началась гангрена. Он приказал медицинской сестре уйти, видимо, для установления связи с партизанами, так как она была уроженкой этих мест. Примерно через неделю — дней десять в Голынку нагрянули гитлеровцы-автоматчики. Врач скрылся в лесу. Раненого же перенести не успели, и он остался у Новокрещеновых. Фашисты пожаловали и в этот дом. Хозяйка укрыла генерала старым тулупом и на вопрос врагов ответила, что это лежит ее хворый мужик, ходивший в лес и подорвавшийся на mine. Никто в деревне не видал генерала, и гитлеровцы ушли, по своему обыкновению, начисто ограбив крестьян.

После этого случая врач вскоре привел группу пробиравшихся на восток красноармейцев. Они сделали удобные носилки из жердей и перенесли генерала на заброшенный лесопункт в 7 км от деревни. Здесь жил лесник и несколько человек, скрывавшихся от гитлеровцев, которые сюда еще не добрались. Относительная безопасность позволила улучшить уход, но гангрена усиливалась. Было решено отвезти

Петрова в Карачев, где среди врачей районной больницы были верные люди, с тем, чтобы сделать операцию. Начали подготовку к этой сложной перевозке, но Петров, однако, не одобрил этого решения. Состояние его резко ухудшалось. Пробыв около 10 дней на лесопункте, Михаил Петрович скончался. Ночью он был похоронен. Это была середина ноября 1941 г. [49].

Останки М. П. Петрова были перезахоронены в Брянске. На могиле командарма на воинском кладбище установлен обелиск из черного гранита (автор — скульптор А. Прокопчик).

Командир 2-й стрелковой дивизии **В.Р. ВАШКЕВИЧ**¹ после выхода из окружения и спецпроверки командовал 5-й и 359-й стрелковыми дивизиями. С 1942 по 1944 г. — начальник штаба 20-й армии Западного фронта, затем — до конца войны — начальник штаба 3-го Прибалтийского фронта. После войны — начальник штаба Прибалтийского, а затем Закавказского округов. В 1954 г. на дипломатической работе — главный военный советник Войска Польского, одновременно главный военный атташе при посольстве СССР. В 1955—1956 гг. — начальник кафедры стратегии академии Генштаба.

Несколько слов о судьбе ополченских дивизий. Вопреки досужим измышлениям, что их, необученных и плохо вооруженных, бросили под гусеницы фашистских танков, они стойко отражали атаки противника, сражаясь до последнего патрона. А потом пробивались через вражеские заслоны на соединение со своими войсками. Так, за проявленное в боях на подступах к Москве мужество бывшая 18-я дивизия народного ополчения Ленинградского района г. Москвы (18-я сд) 5 января 1942 г. была преобразована в 11-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Позже это почетное наименование получили 21-я дн Киевского района (173-я сд) и 4-я дн Куйбышевского района (110-я сд), соответственно — 77-я и 84-я гв. сд.

¹ Вашкевич Владимир Романович (30.3.1900—10.6.1970) в 1917 г. вступил в Красную гвардию, участник Гражданской войны, воевал против Петлюры и белополяков, был дважды ранен. С 1924 г. — начальник штаба кавполка, 1925—1928 гг. — слушатель Военной академии им. Фрунзе, затем — начальник штаба кавдивизии, адъютант ВАФ, командир-комиссар 30-й кд (1935—1937), начальник штаба кавкорпуса (1937—1938), начальник курса ВАФ (1938—1941). С июля 1941 г. — командир 2-й дивизии народного ополчения.

Генерал-полковник
В.Р. Вашкевич.

К сожалению, пять бывших дивизий народного ополчения — 2-я сд (2 дно), 29-я (7 дно), 8-я (8 дно), 139-я (9 дно) и 140-я (13 дно), оказавшиеся в окружении, были расформированы. Обычно части и соединения подлежат расформированию в связи с утратой Боевых знамен. Но некоторые дивизии, не успев их получить, имели шефские знамена, которые были вручены им от имени горкома и райкомов партии г. Москвы. Так, от 2-й дно, по свидетельству председателя совета ветеранов дивизии, в

Москву была направлена группа ополченцев, возглавляемая одним из командиров, для приема Боевого Знамени. Но она не успела получить его до начала немецкого наступления. А потом уже было не до этого.

При принятии решения о расформировании дивизий учитывались не только потери. 17-я стрелковая дивизия вышла к своим войскам, имея в строю всего 17 командиров и 94 бойца. Ее командир и комиссар были расстреляны перед строем личного состава. Однако дивизию не расформировали. Видимо, основной причиной расформирования упомянутых пяти соединений послужило то, что об их разгроме в окружении объявили сами гитлеровцы. Так, 8-я и 29-я стрелковые дивизии были окружены вне большого котла под Вязьмой. Их исключили из списка соединений Красной Армии раньше: 29-ю сд еще 11 октября, 8-ю сд — 30 ноября. 2, 139 и 140-я стрелковые дивизии, попавшие в окружение под Вязьмой, были расформированы одним приказом — 27.12.1941 г.

В этом отношении характерна судьба 2-й дивизии народного ополчения. В отделе рукописных фондов института Российской истории, где хранятся материалы Комиссии по истории ВОВ, собиравшиеся с 1941 г., есть фонды по всем московским ополченским дивизиям, кроме 2-й. Нет самостоятельно-го фонда 2-й сд (2-го формирования) и в ЦАМО РФ. Как будто

какое-то проклятие нависло над дивизией. Но проклятию этому есть объяснение. Дивизия была сформирована в Сталинском районе Москвы. На немецкой отчетной карте, как мы уже упоминали, кроме обычного номера соединения, рядом было проставлено слово Stalin. За этой дивизией следила немецкая контрразведка. И факт ее разгрома в котле под Вязьмой не мог пройти мимо внимания такого мастера пропаганды, как Геббельс. Уж он-то постарался раззвонить об этом на весь мир. А имя Сталина никоим образом не могло быть связано с такими понятиями, как окружение, разгром. Отсюда — и полное забвение дивизии, и ее вычеркивание из истории Отечественной войны. Генерал В.Р. Вашкевич, приняв после выхода из окружения под командование новую дивизию, долгое время сам находился под следствием, как и другие, вышедшие из окружения.

Он вспоминает:

«2-й дивизии народного ополчения Сталинского района не пришлось пронести свои знамена по многочисленным полям сражений Великой Отечественной войны. На ее долю не выпала и слава громких побед. Но, преграждая врагу путь к родной Москве, дивизия в полную меру сил и возможностей до конца выполнила свой долг перед Родиной в тяжелые дни октября 1941 г.

Чувство долга к памяти бойцов и командиров 2-й дивизии народного ополчения, павших за отечество, к ратным трудам ополченцев, сражавшихся до конца войны в рядах Советской Армии, а также тех, на долю которых выпала горечь и тяжкие муки плена, руководит мною в том, чтобы правдиво обрисовать короткий боевой путь дивизии.

Я был на местах этих сражений многократно. По сей день не похоронены многие погибшие. Солдаты сделали, что смогли, и остались непогребенными. **Оценивать надо руководство армии и страны, для которых жизнь русского человека не имела и не имеет цены ни до смерти, ни после.** (выделено мною — Л.Л.) Это стало национальной традицией. Лучшее, что было придумано после войны, это пройти плугом по бесчисленным останкам погибших и посадить на них лес. Это практиковалось под Вязьмой.

В отличие от немецкого руководства, которое не бросало погибших солдат на поле боя и хоронило. В том числе и генерала Ефремова, с речью немецкого генерала, обращенного к

немецким солдатам на похоронах: «Вы должны так же доблестно выполнить свой долг, как выполнил его погибший». Все это смертельная русская тоска. Бессмысленно беречь старые раны. История ничему не учит. Пока в самом русском народе не проснется чувство национального самосознания и веры в самого себя, а не в доброе правительство. Но это выбито чередой расстрелов непокорных и просто выделяющихся из серой массы» [60].

По неподтвержденным данным, из окружения вышло около 1800 воинов 2-й стрелковой дивизии. Давно пора создать ЦАМО РФ фонд этой дивизии, основу которого могли бы составить документы, сохраненные генералом Вашкевичем. Кстати, хотелось бы отметить работу префектуры Восточного административного округа Москвы, которая уделяет большое внимание работе с ветеранами, в том числе и 2-й дивизии народного ополчения. Благодаря префектуре встречи ветеранов боев под Вязьмой и поездки их в с. Богородицкое, у которого установлен памятник воинам, погибшим при прорыве из окружения в октябре 1941 г., стали традиционными.

65 лет назад — осенью 1941 года — миллионы родных и близких фронтовиков, сражавшихся на Украине и Смоленщине, вдруг перестали получать от них долгожданные весточки. Ко многим из них возвращались их собственные письма со штампами: «возвращается за неправильным указанием адреса», «возвращается в связи с переменной адреса», «адрес указан неправильно». Затем следовало долгое молчание, после которого почтальоны стали разносить (далеко не всем) печальные извещения: реже — «погиб», чаще — «пропал без вести». Последняя формула хотя бы оставляла надежду, что не погиб, может быть, ранен, остался у партизан. Родные погибших воинов до сих пор не теряют надежды найти хоть какие-нибудь сведения о них. В различные организации с запросами по этому поводу обращаются уже внуки пропавших без вести.

Район окружения под Вязьмой продолжает скрывать свои тайны — останки тысяч безымянных бойцов ожидают погребения. Пользуясь случаем, попытаюсь кратко изложить историю многолетнего поиска моего отца — командира 120-го гап¹ и его боевых товарищей. Может быть, это кому-нибудь

¹ ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 4593сс. Д. 5. Л. 172. 120-й гап был исключен из списков артчастей РКК приказом НКО № 00123 от 24.12.1941 г.

У братской могилы воинов, павших у с. Богородицкое

покажется интересным или даже полезным. Это теперь мне понятно, что ничто в нашей жизни не исчезает бесследно, — только надо искать эти следы. А тогда я не знал, с чего начинать. Но и примириться с этой формулой «пропал без вести» не мог.

Дело осложнялось тем, что документы 120-го артполка военного времени были уничтожены перед выходом из окружения. А поскольку запросы в официальные организации ничего не давали, я стал искать сослуживцев отца. Безуспешно: на все запросы о трех-четырёх однополчаных отца, фамилии которых назвала мать, приходил стандартный ответ — пропал без вести. Несколько лет затратил тогда, чтобы только выйти на Вязьму. Дело в том, что военнослужащий зачастую объявлялся пропавшим без вести через месяц, а то и два после того, как это случилось. При установлении даты выбытия из строя (если это делалось по запросу родных) к моменту потери связи с ним родственников обычно прибавлялось два-три месяца. Это обстоятельство часто уводило поиск на ложный след. Отец числился пропавшим без вести с 30 ноября 1941 г. На эту дату я и ориентировался сначала в своем поиске.

В 1968 г. написал в газету «Красная Звезда» небольшое обращение к ветеранам 120-го гап с просьбой откликнуться. Ответа не получил. В июне 1971 г. по приезду в Москву лично обратился в редакцию газеты «Красная Звезда» с просьбой опубликовать небольшое обращение к ветеранам полка. Куда там. Редактор отдела даже говорить на эту тему отказался:

«Нашу газету читают за границей. Что скажут? Выходит, что у нас полковники и даже целые полки пропадали без вести?» Он вызвал корреспондента и предложил нам совместно написать статью к 30-й годовщине разгрома немцев под Москвой. Мол, отец, командир артиллерийского полка, погиб, защищая столицу, а теперь его сын — командир ракетного полка стратегического назначения — защищает интересы всего Советского Союза. Явстал в позу и заявил, что приехал не для того, чтобы заниматься саморекламой. А отказался зря! Это я потом понял, когда мои письма и запросы в 80-х годах уже не застали в живых многих ветеранов полка.

Поиск ускорился после того, как я получил допуск на работу в Центральном государственном архиве Советской Армии. Там обнаружили довоенные списки и анкетные данные на 48 офицеров полка, о которых я не знал. В последующем розыске их мне оказали большую помощь начальник отдела Главного управления кадров МО полковник Соловьев В.Н. и служащие архива ГУК Смирнова А.Н. и Родина Л.И. К лету 1973 г. в моем списке на розыск числилось уже более ста однополчан отца, с 17-ю из них удалось установить постоянную связь. В 1975 г. был создан совет ветеранов полка, который возглавил старейший из них — командир 2-го дивизиона майор в отставке Работнов Ф.К. Позднее с помощью ветеранов удалось реабилитировать бывшего военнопленного командира 3-й батареи полка старшего лейтенанта Н.В. Фризена. Он первым в полку был представлен к награде за спасение матчасти при отходе полка из-под Бреста. В плен южнее Вязьмы Фризен попал раненным в обе руки, бежал. Устроился на работу на оккупированной территории. В 1943 г. с приходом советских войск был осужден по ложному доносу (сыграла свою роль фамилия, похожая на немецкую). В результате проверки, проведенной Генеральной прокуратурой, он был полностью реабилитирован. Пять лет заключения ему засчитали как службу в армии с выплатой денежного содержания. Но куда деть тридцать с лишним лет, прожитых с клеймом изменника?

В сентябре 1975 г. я вместе с райвоенкомом Вязьмы полковником М.М. Матвеенком проехал по вероятному маршруту выхода полка из окружения (см. схему 15). Во всех населенных пунктах и отдельных домах я оставлял записки с указанием своих координат. В районе Богдановки местные жители

рассказали о бое, о том, как хоронили погибших: Это были не обычные солдаты, не пехота. Все в сапогах, в шерстяных гимнастерках, на петлицах «пушечки». Как потом оказалось, я стоял всего в 300 метрах от захоронения, где покоились останки 11 воинов, которое нашел через пять лет вяземский поисковик Николай Слесарев. Он связался со мной благодаря записке, оставленной директору школы в Гредякино. По одному из найденных медальонов Слесарев нашел сестру погибшего военфельдшера Ступак Ф.М., а она прислала ему фотографию с адресом на обороте снимка: Брестская обл., г. Косово, 120-й артполк, ВУД-3 (взвод управления 3-го дивизиона).

Вяземский поисковик
Н.Н. Слесарев

Знакомство со Слесаревым, вскоре перешедшее в дружбу, обернулось неожиданной удачей. До сих пор поиск велся умозрительно, на основе анализа немногих сохранившихся документов и рассказов ветеранов. Теперь ранее сделанные выводы получили убедительное подтверждение. После обнаружения Н. Слесаревым первого, а затем и второго захоронения темпы и масштаб поиска резко возросли. И чем активнее он велся, тем охотнее раскрывала вяземская земля свои тайны. Благодаря Николаю удалось, наконец, выяснить судьбу Знамени полка. По свидетельству бывшего помощника начальника штаба полка старшего лейтенанта Домахина Н.Д., на полотнище Знамени 120-го гап РКГ были вытканы слова «47 отдельный тяжелый артдивизион РККА»¹. По рассказам

¹ 120-й гап РКГ Харьковского военного округа был сформирован в г. Днепропетровске в октябре 1929 г. на базедивизионов 3-й Южной группы тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН), которые принимали участие в боях на Южном фронте, в том числе на Каховском плацдарме, у Перекопа. В августе 1939 г. на базе двух дивизионов этого полка были развернуты два полка — 375-й и 120-й гап б/м РКГ. Последний сразу же вошел в состав действующей армии и участвовал в освобождении Западной Белоруссии (17—28 сентября 1939 г.).

Младший сержант Н.Г. Проселков, выносивший Знамя 120-го гап, погиб у д. Богдановка 13 октября 1941 г.

Военфельдшер Ф.М. Ступак был в группе, выносившей Знамя 120-го гап, погиб у д. Богдановка 13 октября 1941 г.

ветеранов, Знамя было закопано на северном берегу реки Вязьма в 3 км западнее города. Это утверждение всегда вызывало у меня сомнения. Командир и комиссар полка хорошо понимали важность его сохранения и наверняка сделали все возможное, чтобы сохранить его. Тем более что еще ранее, в июне, его удалось спасти в тяжелейших условиях отхода из Белоруссии. Не исключено, что слух о том, что Знамя закопано, был запущен специально. В противном случае об этом знали бы немногие. Некоторые ветераны в то же время утверждали, что его при выходе из окружения нес кто-то из писарей штаба.

В найденном захоронении, кроме останков Ступака, находились останки неизвестного майора (многое говорит, что это был батальонный комиссар Г.А. РУСАКОВ), неизвестного офицера и еще одного медика, опознать которого не удалось, а также рядового Рубцова А.П. и писаря штаба полка младшего сержанта Н.Г. Проселкова. В одном из писем Николай спросил меня, что за шевроны могли быть на военном обмундировании. И только потом выяснилось, что речь шла о какой-то ткани, сложенной в несколько слоев, с остатками золоти-

стого шеврона, найденной им на груди сержанта Проселкова под шинелью. При повторном осмотре предметов, найденных в захоронении уже с моим участием, выяснилось, что ткань от соприкосновения с воздухом вся рассыпалась. Вне всякого сомнения, именно писарю штаба члену партии Н.Г. Проселкову, который до призыва в армию был парторгом шахты, было поручено вынести святыню — Знамя полка. И его сопровождала группа специально назначенных бойцов, с которой, возможно, следовал и комиссар полка. Недалеко от этого места местные жители обнаружили командира, который нес портфель, полный денег в запечатанных пачках (очевидно, часть полковой кассы).

Раскопки одной из могил полностью подтвердили и рассказ Чухарева Ф.П. об обстоятельствах гибели начальника штаба полка майора Машковцева Ф.С. В ней находились останки майора, старшего лейтенанта, лейтенанта и сержанта. Характер повреждений костей черепов говорил о том, что они покончили с собой (или убиты в упор). Наиболее хорошо сохранились кости скелета майора (он был без брюк и сапог — видимо ему пытались оказать помощь), в черепе которого была обнаружена пуля от нагана. Обе ноги были перебиты, причем кость стопы — пулей, а в бедренной кости второй ноги осколком был выбит целый кусок. Этим же осколком была убита лошадь, на которой он ехал (череп ее тоже находился в могиле, а тушу съели голодные солдаты).

Характер ранений полностью подтверждал рассказ ветеранов об обстоятельствах его ранений и гибели. Позднее проведенная Центральной криминалистической лабораторией МВД СССР экспертиза подтвердила, что представленный для исследования череп действительно принадлежал Ф.С. Машковцеву¹.

По рассказам жителей д. Богдановка, после боя немцы прочесали местность и собрали брошенное оружие. Всех, кого удалось захватить живым, угнали. Тех, кто не мог идти, добились. Своих убитых они закопали около деревни. Через несколько дней их всех увезли в город. На следующий день немцы согнали жителей Гредякино, Богдановки и Золотаревки хоронить погиб-

¹ Справка об исследовании № 1721 от 26 июня 1981 г.

ших. При этом они не разрешали смотреть и брать документы и вещи убитых. Все же колхозникам удалось изъять посмертные медальоны у многих воинов. Однако девушка, собравшая и закопавшая их где-то в деревне, позднее была угнана в Германию и в Богдановку больше не вернулась. Убитые лежали группами и в одиночку по всему полю. Руководивший захоронением бывший военрук Гредякинской школы Михайлов А.Я. настоял, чтобы тела стаскивали с поля к овражку. Это уберегло могилы от распахивания. По словам местных жителей, на поле у Богдановки погибло не менее 100 воинов. Все они погибли в один день, после которого здесь боев больше не было.

В течение двух лет Н. Слесарев проделал колоссальную работу по обследованию обнаруженных семи захоронений. В них были найдены останки 98 человек. Воинские звания удалось установить только у половины: офицеров — 22 (в том числе майоров — 2, капитанов — 1, старших лейтенантов — 6, лейтенантов — 7), сержантов — 12, солдат — 15. Был обнаружен 21 медальон, но часть бумажных вкладышей в них оказалась безнадежно испорченной (даже криминалистам не удалось их расшифровать), другие — вообще не были заполнены. По записям удалось опознать 16 человек, из них шестеро были из 120-го гап, один офицер из 166-й сд. Принадлежность остальных установить не удалось, хотя Слесарев разыскал их родных. Но найденные предметы снаряжения и экипировки погибших, их обмундирование и эмблемы позволили сделать вывод, что большинство захороненных у д. Богдановка принадлежали 120-му гап, в частности, его штабным подразделениям и подразделениям боевого обеспечения (радисты, разведчики, топографы, вычислители, писари, медики). Позднее в этом же районе Слесарев нашел еще одно захоронение с останками 25 человек, в основном пехотинцев. По рассказам местных жителей, они погибли за 2—3 дня до атаки артиллеристов. Всего Слесарев в одиночку нашел останки 125 воинов, установил имена 19 из них.

11 октября 1981 г. — через 40 лет после последней попытки прорыва частей 19-й армии из окружения у Богородицкого — начальник отдела газеты «Красная Звезда» А. Хорев на основе моих материалов написал большой очерк «Отцовский полк». А 25 ноября он же написал большую статью «Забыть не вправе» о поисковой работе Н.Н. Слесарева, где затронул вопросы о розыске воинов, пропавших без вести, о необходи-

мости захоронения останков погибших¹. Ведь в то время раздавались голоса за то, чтобы имена пропавших без вести не включать в Книги Памяти!

К моему большому сожалению, опознать останки полковника **Н.И. Лопуховского**² не удалось. Относительно обстоятельств его гибели существует несколько версий. Если не вдаваться в подробности, они сводятся к следующему. Первая (щадящая меня версия): отец умер в результате тяжелого ранения, и его успели даже похоронить, документы забрал адъютант или кто-то из штабных работников. Вторая (я про себя назвал ее героической):

отец застрелился, чтобы избежать плена, которого он все равно не выдержал бы. Возможно, она возникла в разговорах однопольчан в лагерях военнопленных и более поздних воспоминаниях ветеранов. Не все бойцы и командиры знали о возвращении отца из госпиталя в Вязьме 1 октября. Говорили: командир полка с нами, командир приказал, командир ранен, умирает, застрелился... Но при этом многие имели в виду исполнявшего обязанности командира полка в течение почти месяца майора Машковцева, который застрелился. И, наконец,

Начальник штаба 120-го гап майор Ф.С. Машковцев (1904 — 1941) застрелился в безвыходной обстановке 13 октября у д. Богдановка

¹ Статьи вызвали многочисленные отклики читателей, которые просили подробнее рассказать о ходе и результатах поиска, который ведут вяземские следопыты. Газета позднее возвращалась к этой теме в статьях «Память и беспамятство» (15.04.1990) и «Забыть не вправе» (16.06.1990).

² Лопуховский Николай Ильич ((29.11.1895—13.10.1941). В русской армии с 1915 по 1917 г., солдат, канонир крепостной артиллерии (г. Брест), член полкового комитета. В Красной Армии с 10.11.1918 г., участвовал в боях на Южном фронте против Деникина. Врангеля и банд Махно, был награжден личным именовым оружием, медалью «XX лет РККА». Прошел последовательно все должности от красноармейца до начальника штаба артполка (1937), с 19.08.1939 — командир 92-го гап 33 сд (г. Брест), с 26.04.1940 г. — командир 120-го гап б/м РГК (г. Пинск).

версия, рассказанная Фризенем много позднее после моих настойчивых попыток узнать правду. По некоторым признакам она мне кажется самой правдоподобной. По его словам, раненного в живот осколком мины полковника Лопуховского пристрелил немец (так называемый «выстрел милосердия»), который снял с него часы и срезал знаки различия — петлицы с четырьмя «шпалами». Еще бы — за полковника могли и отпустить дать! Поэтому, кстати, его и опознать среди погибших оказалось невозможным.

В течение 30 лет на все мои запросы и запросы ветеранов в ЦАМО РФ отвечали, что документов о 120-м гап в архиве нет. Тем не менее 16 марта 1990 г. в делах Западного фронта мне удалось обнаружить штатно-должностной список командного состава полка по состоянию на 24 июля 1941 г. (то есть после месяца боев и отхода из Белоруссии). Впервые удалось установить фамилии 161 офицера и сержанта (занимающих офицерские должности). Из них 80 человек к тому времени мне еще не были известны. Через некоторое время я уже знал судьбу 144 человек, 49 из них уцелели в огне войны. В результате многолетнего поиска к 1 октября 1995 г. удалось установить фамилии 543 человек (30% от численности полка

Останки начальника штаба 120-го гап майора Ф.С. Машковцев

на 1.10.1941 г.), из них: погибло — 60 (офицеров — 28), пропало без вести — 191 (123), были живы после войны — 171 (68), судьбу 121 человека в связи с недостаточными персональными сведениями о них установить пока не удалось.

Время брало свое, и мои запросы и письма чаще всего запаздывали. Особенно жалею, что не застал в живых командира взвода разведки 3-го дивизиона лейтенанта ЛЮЛЯВА Д.С. (мое письмо пришло в Одессу через два месяца после его кончины),

Череп майора, представленный
на исследование

Фотосовмещение черепа
и фотографии майора
Ф.С. Машковцева

который был с командиром полка до конца и точно знал, как он погиб. Его взяли в плен 13 октября, 20-го он бежал с двумя товарищами. Потом все же был пойман и оказался в концлагере в Германии. Был членом антифашистского комитета военнопленных, поддерживал связь с подпольной группой немцев. Но после репатриации и спецпроверки вновь оказался теперь уже в советском концлагере. Его вдова толком ничего не могла вспомнить из его рассказов.

Отношение к бывшим военнопленным после войны общеизвестно. За редким исключением все они были репрессированы — стране нужна была дармовая рабочая сила для возведения великих строек коммунизма. Один военнослужащий 120-го гап после освобождения из плена «прошел госпроверку в 12-й запасной стрелковой дивизии по 1-й категории». Сия иезуитская формула означала высшую меру наказания — расстрел. Приговор обжалованию не подлежал и, как правило, приводился в исполнение немедленно.

Насколько бывшие военнопленные были запуганы репрессиями, говорит следующий факт. Разысканный мной в конце 70-х годов командир огневого взвода 2-го дивизиона 120-го гап лейтенант К.И. Бураков (встретиться с ним не удалось, так

Командир 120-го гап б/м РГК
полковник Н.И. Лопуховский
(апрель 1941 г.)

Поиск в пойме р. Вязьмы летом
1983 г. ведут ветеран полка
М.М. Беспалов и полковник
Л.Н. Лопуховский

как он вскоре умер), просил однополчан, чтобы они не говорили полковнику Лопуховскому (то есть мне), что он был в плену. Но я-то знал, что он с товарищем — тоже командиром взвода этого дивизиона лейтенантом К. (фамилию называть не буду) — бежал из плена чуть ли не на второй день. Оба благополучно прошли проверку в спецлагере НКВД (считалось, что они были в плену до 7.03.42, так как находились на оккупированной территории), хорошо воевали, в конце войны стали капитанами. Бураков в письме утверждал, что К. в последнем бою у Богдановки был недалеко от командира полка, и знал, как погиб полковник. Но он погиб в 1947 г. на полигоне в результате случайного разрыва снаряда. На самом деле, как я тут же выяснил, К. застрелился 6.04.1948. Видимо, офицер не выдержал постоянных напоминаний о плене.

Мне удалось поспособствовать реабилитации (еще до соответствующего Указа) пятерых бывших военнопленных из числа солдат и офицеров 120-го артполка. Последнему — 88-летнему ветерану полка, кому удалось помочь с помощью свидетелей-однополчан, — 9 мая 2005 г. вручили удостоверение участника Великой Отечественной войны и автомобиль «Ока» (видимо, для того, чтобы он не требовал компенсации

за многие десятилетия мытарств). На сбор доказательств того, что он не просто попал в плен, а воевал в составе полка три месяца, ушло почти четыре года.

В конце концов, поиск перерос первоначально намеченные рамки. Я не мог пройти мимо ставших мне известными фактов и обстоятельств трагических событий. Убедился, что даже непосредственные участники боев плохо представляют общую тяжелую обстановку осени 1941 г., особенно причины катастрофы под Вязьмой. Почувствовал себя в долгу перед ветеранами и родными погибших. Собственно, это и послужило последним толчком к решению написать эту книгу. Ведь не все имеют возможность заглянуть в архивы, рыться в документах. К счастью, на моем пути встречались в основном добрые люди, готовые оказать посильную помощь, чтобы вырвать из небытия имя хотя бы еще одного советского воина, отдавшего жизнь за Родину. Всех их здесь не перечислишь. И вообще, история и боевой путь 120-го арtpолка заслуживают отдельной книги.

9 мая 1981 г. состоялась первая поездка семи ветеранов полка и некоторых родных погибших артиллеристов на места боев под Вязьмой. Мы осмотрели местность у Богородицкого, вдоль автострады и южнее, где полк переправлялся через реку. Никто ничего не узнавал, настолько изменилась местность за 40 лет. Но когда бродили по полю в районе Богдановки, Чухарев узнал овражек, где они укрывались от огня противника и где застрелился майор Машковцев. И только тут Слесарев рассказал ему о найденном рядом захоронении. Федор Петрович, стоя на коленях у могилы, со слезами на глазах просил прощения у своих товарищей, что не разделил их участь и остался жив. Он сказал, что сполна заплатил фашистам за их смерть. Побывали мы и на воинском участке Екатерининского кладбища г. Вязьмы, где были захоронены с воинскими почестями останки всех найденных погибших воинов. Возложили венки от ветеранов полка и родных погибших. Эти поездки стали традиционными и ежегодно совершались до 1995 г.

Совет ветеранов решил установить памятный знак на месте последнего боя у д. Богдановка. В райисполкоме не без труда удалось добиться разрешения на его установку. Но поставить памятник в лесу было просто опасно — его бы разбили или расстреляли «черные следопыты». Так, как они поступили

с памятным знаком погибшим артистам московской фронтовой бригады, установленным на берегу Вязьмы при въезде в город. В последний момент мы решили, наплевав на все запреты, поставить небольшой обелиск прямо на станции (теперь разъезде) Гредякино (7 км юго-западнее Вязьмы), куда пробивались и не смогли пробиться артиллеристы 120-го гап. В этом благородном деле нам оказали большую помощь бывший райвоенком М.М. Матвеев, поисковики отряда московского института НИЦЭВТ (командир отряда В.В. Степанов) и солдаты войсковой части 42669, в быстром темпе соорудившие бетонный постамент.

Памятник был открыт в торжественной обстановке 9 мая 1988 г. в присутствии 12 ветеранов (из 30 приглашенных), родных и близких погибших, приехавших из различных республик Советского Союза и жителей окрестных деревень. Поскольку официальные организации не проявили интереса к собранным документам и спискам солдат и офицеров полка, погибших и пропавших без вести под Вязьмой, было решено замуровать их в капсулу из нержавеющей стали прямо в постамент — до лучших времен и в назидание потомкам. В капсуле были увековечены имена 270 солдат, сержантов и офицеров полка, известных на тот момент. Шефство над памятником взяли на себя ученики Гредякинской школы, в которой был создан небольшой музей 120-го гап. Теперь каждый год в День Победы у памятника проводится митинг с участием местных жителей.

На земле Вяземщины установлено много памятников погибшим воинам. Народ не забывает своих героев. Каждый год в День Победы у памятника, установленного на месте прорыва из окружения у села Богородицкое, проводятся митинги, в которых участвуют ветераны 19-й армии. Но нельзя все сводить к торжественным мероприятиям в определенные даты. Надо на деле осуществить провозглашенный принцип — «никто не забыт, ничто не забыто» — и продолжать работу по поиску останков солдат и офицеров, отдавших свою жизнь за свободу и независимость Родины и увековечению их памяти. Считается, что в районе села Богородицкое погибли 19 тысяч советских воинов. В дни празднования 50-летия Победы, 9 Мая 1995 г. недалеко от Богородицкой школы в братской могиле были перезахоронены останки более 70 воинов, погибших в октябре 1941 г.

Ветераны 120-го гап после возложения венков
к памятнику погибшим боевым товарищам

Надо продолжать поиск, а для этого помочь поисковым отрядам. Приведенные в книге документы, в том числе и немецкие, могут послужить отправной точкой для проведения поисковых работ в новых районах. Это касается и противотанкового рва и полевых оборонительных сооружений, в которых местные жители хоронили погибших. Надо захоронить, наконец, всех погибших, а для начала — открыть все соответствующие документы и подсчитать реальные потери Вооруженных сил в минувшей войне. Народ должен знать правду. До сих пор не найдены документы штабов окруженных армий, дивизий и полков, в том числе и списки личного состава. Где-то в тайниках скрыты Боевые Знамена частей, оружие и военное имущество.

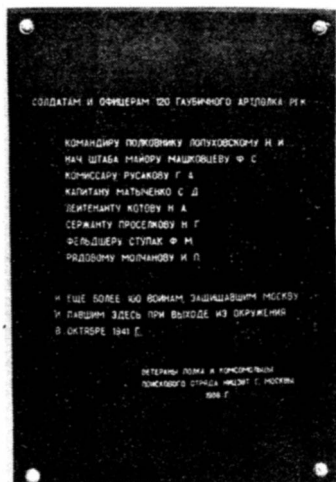
Встреча ветеранов и родных погибших воинов 120-го гап
в 1983 г. в Вязьме

Открытие памятника артиллеристам 120-гап,
погибшим при прорыве из окружения в октябре 1941 года
(Гредякино, 9 Мая 1988 г.)

В этом году будет широко отмечаться 65-я годовщина битвы под Москвой. В связи с этим хотелось напомнить, что основанием для награждения медалью «За оборону Москвы» является участие воина в боях на подступах к столице **только в период с 19.10.1941 г. по 25.01.1942 г.** Между тем, для личного

составачастей ПВО, участвовавших в Московской битве, таковым установлен период **с 22 июля 1941 г.** (время первого налета германской авиации на город) по 25 января 1942 г. И хотя официально признано, что Московская оборонительная операция началась 30 сентября 1941 г., воины, сражавшиеся на дальних подступах к столице начиная с этой даты и по 19 октября, участниками битвы за Москву не являются. Давно пора бы устранить эту явную несправедливость — пока еще не поздно...

Фрагмент памятника
с фамилиями погибших

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Автор считает своим долгом выразить признательность всем, кто оказывал ему помощь в работе над книгой.

Особая благодарность — работникам ЦАМО РФ, которые помогали в подборе необходимых архивных материалов. Поддержку автору в обработке трофейных немецких документов из фондов Национального архива США (NARA) оказал Алексей Валерьевич ИСАЕВ, а в их переводе — полковник в отставке Юрий Дмитриевич ЧУПРОВ.

Неоценимую товарищескую помощь в подборе иностранных источников по теме книги оказал Борис Константинович КАВАЛЕРЧИК, он же консультировал автора по вопросам применения бронетанковой техники, а Дмитрий Борисович ХАЗАНОВ — авиации. Автор выражает признательность полковнику в отставке Геннадию Владимировичу ВАШКЕВИЧУ за предоставление оригиналов документов из личного архива его отца — командира 2-й стрелковой дивизии генерала В.Р. Вашкевича, а также исследователю Андрону Игоревичу КУРБАТОВУ — за материалы по этой дивизии. На протяжении всей работы над книгой автор ощущал моральную поддержку со стороны бывших воинов этой дивизии и председателя совета ветеранов В.П. Лаврентьева.

При создании схем, кроме копий трофейных немецких карт из фонда 500 ЦАМО РФ и архива NARA, использовались и карты из атласа американского военного историка и исследователя полковника в отставке Дэвида М. Гланца с его любезного разрешения. Большую помощь в компьютерной обработке схем автору оказал подполковник ГОРБАТКО Александр Николаевич, а также подполковник в отставке ЧЕПИГА Владимир Кононович (техническая поддержка).

В качестве иллюстраций использовались фотографии из Центрального архива кинофотодокументов, Федерального и военного архива ФРГ, архива журнала «Военно-исторический архив» и личного архива автора.

Перечень сокращений, встречающихся в тексте

А

А — армия

АГ — армейская группа (нем)

адн — артиллерийский дивизион

АК (А.К.) — армейский корпус (нем)

ак — армейский корпус

ап — артиллерийский полк

ап ПТО — артиллерийский полк противотанковых орудий

Б

Б. — будка (на железной дороге)

бад (бак, бап) — бомбардировочная авиадивизия (корпус, полк)

б/к — боекомплект (боеприпасов)

БМ-13 — боевая машина, применяющая 132-мм реактивные снаряды

б/м — большой мощности

бр — бригада

БТ и МВ — бронетанковые и механизированные войска

БТР — бронетранспортер

В

ВА — воздушная армия

ВВ — взрывчатые вещества

ВВС — военно-воздушные силы

ВГК — Верховное Главное Командование

вдбр (вдк, вдп) — воздушно-десантная бригада (корпус, полк)

ВНОС — воздушное наблюдение, оповещение и связь

ВО — военный округ

вост. — восточный (восточнее)

ВПУ — вспомогательный пункт управления

выс. — высота

Г

ГА — группа армий (нем)

гап (пап) — гаубичный (пушечный) артиллерийский полк

гв. — гвардейский (гвардейская)

гв. мп — гв. минометный полк РС (реактивных снарядов)

Д

д. — деревня

ДЗОТ — дерево-земляная огневая точка

ДД — дальнего действия

дн — дивизион

дно — дивизия народного ополчения

ДОТ — долговременная огневая точка

З

зап — запасный армейский полк

зап. — западный (западнее)

зен. — зенитный

зенад (зенап) — зенитная артиллерийская дивизия (полк)

зенадн — зенитный артдивизион

ЗО — заградительный отряд

И

иад (иап) — истребительная авиационная дивизия (полк)

К

кап — корпусной арtpолк

кбр — кавалерийская бригада

КГБ — Комитет государственной безопасности

кд (кк) — кавалерийская дивизия (корпус)

клх. — колхоз

кп — командный пункт

Л

лбап — легкий бомбардировочный авиаполк

М

МВД — Министерство внутренних дел

мд (мбр) — моторизованная дивизия (бригада)

мдн — минометный дивизион

минп — минометный полк

МК — моторизованный корпус (нем)

Мп — моторизованный полк

мсб (мсбр) — мотострелковый батальон (бригада)

мсп — мотострелковый полк

мцп — мотоциклетный полк

Н

нбад (нбап) — ночная бомбардировочная авиадивизия (полк)

НКО — наркомат обороны

НП — наблюдательный пункт

О

обс — отдельный батальон связи

огв. мдн — отд. гвардейский минометный дивизион

ОКВ — Верховное командование вермахта (вооруженных сил Германии)

окр. — окраина (населенного пункта)

ОКХ — Главное командование сухопутных войск Германии

опс — отдельный полк связи

оро — отдельная рота охраны

осапб — отдельный саперный батальон

отб (отбр, отп) — отдельный танковый батальон (бригада, полк)

отд. — отдельный

отм. — отметка (на карте)

П

пап — пушечный артполк

ПВО — противовоздушная оборона

пд, пп — пехотная дивизия, полк (нем)

пос. — поселок

ПТО — противотанковая оборона (орудие)

ПТОП (ПТОР) — противотанковый опорный пункт (район)

ПТР — противотанковое ружье

ПТРез — противотанковый резерв

Р

р. — река

РККА — Рабоче-крестьянская Красная Армия

р-н — район

рр (орр) — разведывательная рота (отдельная разведрота)

РС — реактивный снаряд

С

с. — село

сад — смешанная авиадивизия

сапб (сапбр) — саперный батальон (бр)
сб (ср) — стрелковый батальон (рота)
свх. — совхоз
сд (сп) — стрелковая дивизия (полк)
сев. — север, севернее
ск — стрелковый корпус
ст. — станция

Т

ТА — танковая армия
тб (тбр) — танковый батальон (бригада)
ТГр — танковая группа (нем)
тд (тп) — танковая дивизия (полк)

У

УР — укрепленный район
ур. — урочище
уч. — учебный (учебная)

Ц

ЦАМО РФ — Центральный архив Министерства обороны
Российской Федерации

Ш

шад (шак, шап) — штурмовая авиадивизия (корпус, полк)
штадив (штакор) — штаб дивизии (корпуса)
штарм (штаарм) — штаб армии

Ю

юж. — южный, южнее
ЮЗФ — Юго-Западный фронт

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Численность и вооружение стрелковой (СССР) и пехотной (Германия) дивизий в 1941 году

Параметр	сд, штата 5.04.41	сд, штата 29.07.41	Соотношение сд: пд	пд
Личный состав (чел.)	14 483	10 858	1:1.55	16 859
Винтовки, карабины	10 420	8341	1:1.28	10 691
Пулеметы, автоматы (пул. станко-вые/ручные)	1795 (166/392)	468 (108/162)	1:2.95	1380 (110/435)
Минометы	150	78	1:1.77	138
Орудия полевой артиллерии	78	36	1:2.06	74
Орудия ПТ артиллерии	54	18	1:4.17	75 (37-мм)
ПТР	—	—		90
Зенитные орудия	12	10	1:1.2	12
Автомобили	558	203 (226) (легковых — 5)	1:4.44	902 (из них легковых — 138)
Вес одного залпа (кг)		547.8	1:3.03	1660.6
Суммарное соотношение			1:2.48	
Тракторов	99	5 (15)		
Лошадей		2740		4842

Источники: Steven J. Zaloga and Leland S. Ness Red Army Handbook 1939—1945.

Примечания:

1. Согласно штату (KStN) пехотная дивизия вермахта должна была иметь (без учета полевого запасного батальона в количестве более 800 человек): 518 офицеров, 102 чиновника, 2573 унтер-офицера и 13 667 солдат, всего — 16 860 человек. В состав дивизии входили: три пехотных полка, артополк, разведывательный, противотанковый, саперный, полевой запасный батальоны и батальон связи. Вооружение дивизии: 20 легких 75-мм и 6 тяжелых 150-мм пехотных пушек, 36 легких 105-мм пехотных гаубиц, 12 150-мм полевых гаубиц, а также 9 огнеметов и 3 легких разведывательных бронеавтомобиля. Кроме того, дивизия располагала: 1743 верховыми лошадьми, 3632 тягловыми лошадьми, 895 повозками, 31 прицепами, 500 велосипедами, 530 мотоциклами (из них 190 с колясками), 394 автомобилями, 536 грузовиками (67 с прицепами).
2. В стрелковой дивизии по предвоенным штатам насчитывалось 17 166 человек, 603 пулемета, 148 орудий и минометов, 12 зенитных орудий, 54 ПТО и 16 танков.
3. В стрелковом полку сокращенной дивизии числилось по штату 2949 человек (175—397—2377). Вооружение: пулеметов станковых — 36, ручных — 54, крупнокалиберных — 3, зенитных — 6, 76-мм пушек — 4, 122-мм гаубиц — 8, 45-мм пушек — 22 (18), минометов 120-мм — 18, 82-мм — 34 (54), 50-мм — 81

Приложение 2

**Организация танковых дивизий вермахта,
количество и типы танков к началу войны**

Танковые дивизии вермахта в своем составе имели: танковый, два пехотных (моторизованных) и артиллерийский полки, атакжемотоциклетный, разведывательный, противотанковый, саперный, полевой запасный батальоны и батальон связи. Все части и подразделения танковой дивизии были моторизованы.

При этом десять танковых дивизий (1, 2, 4, 5, 9, 10, 11, 13, 14 и 16-я) имели танковые полки двухбатальонного состава, оставшиеся девять дивизий (3, 6, 7, 8, 12, 17, 18, 19 и 20-я) — трехбатальонного состава. На вооружении танкового полка состояли следующие типы танков: Т-I, Т-II, Т-III, Т-IV, трофейные чешские танки Т-35(t) и Т-38(t), а также командирские танки на базе Т-I и Т-III.

Танковый полк по штату от 1.02.1941 г. состоял из:

1. Управление полка (2 командирских танков и 1 средний); взвод связи и легких танков (5 танков Т-I или Т-II), всего танков — 8.
2. Два или три танковых батальона.
3. Танкоремонтная рота.

Состав танкового батальона:

1. Управление батальона (2 командирских танка и 1 средний).
2. Штабная рота — взводы: связи, разведывательный, саперный, зенитный и взвод легких танков (5 танков Т-I или Т-II).
3. Две роты легких танков.
4. Одна рота средних танков.
5. Одна легкая транспортная колонна.

Роталегких танков: управление (2 средних танка), один взвод легких танков (5 танков Т-I или Т-II) и три взвода средних танков по 5 машин в каждом, всего в роте танков — 22. В качестве средних танков в легких танковых ротах, так же как и в управлениях полка и батальона, использовались танки Т-III, Т-35(t) и Т-38(t).

Рота средних танков: управление (2 средних танка Т-IV), один взвод легких танков (5 танков Т-I или Т-II) и три взвода средних танков Т-IV по 4 машины в каждом, всего в роте танков — 19.

Таким образом, по штату в батальоне был 71 танк, из них 2 командирских, 20 легких, 35 средних и 14 Т-IV.

В двухбатальонном танковом полку по штату насчитывалось 150 танков, из них 6 командирских, 45 легких, 71 средний и 28 Т-IV.

В 3-батальонном танковом полку — 221 танк, из них 8 командирских, 65 легких, 106 средних и 42 Т-IV.

Мотопехотный полк состоял из двух пехотных батальонов. При этом в 1-й тд было два батальона на БТР, в 10-й тд — один такой батальон, в 14, 16 и 19-й тд подразделений на БТР не было, в остальных — по одной роте на БТР.

Артиллерийский полк состоял из двух легких артдивизионов (в каждом — 3 батареи по 4 105-мм легких полевых гаубиц), одного тяжелого (две батареи по 4 150-мм тяжелых полевых гаубиц и одна батарея по 4 100-мм пушки) и батареи управления.

Противотанковый батальон состоял из трех противотанковых рот (в каждой — 8 37-мм, 3 50-мм ПТО) и зенитной роты (8 20-мм зенитных автоматов и 2 20-мм счетверенных установок).

Приложение 3

Численность и вооружение танковых дивизий СССР и Германии в 1941 году

Параметр	тд* — штат 010/44	Соотношение	тд** вермахта	тбр***
Личный состав (чел.)	10 942	0.65:1	16 932	1943
Орудия полевой артиллерии	28	0.48:1	58	4
Минометы	45	0.83:1	54	24

Параметр	тд* — штат 010/44	Соотношение	тд** вермахта	тбр***
Орудия ПТ артиллерии	12	0.12:1	101	16
Орудия зенитной артиллерии	12	0.19:1	63	12 (37-мм)
Танки и САУ	375	1.88:1	200	93
Автомобили	1360	0.63:1	2147	369
Суммарное соотношение		0.6:1		

Источники:

*ЦАМО РФ. Ф. 3046. Оп. 1. Д. 7.

** http://niehorster.orbat.com/011_germany/41_organ_army/41_org_army.htm

***Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2—2). М.: ТЕРРА.

Примечания:

1. **Отдельная танковая дивизия** по штату, утвержденному 6 июля 1941 г., имела два танковых, мотострелковый, артиллерийский полки и подразделения обеспечения. Всего в танковой дивизии насчитывалось 215 танков, из них 20 KB, 42 T-34 и 153 T-26 и БТ. Всего в июле — августе было сформировано 12 таких дивизий (101 — 112-я).

2. В **состав танковой бригады** (штат 010/78 от 23 августа 1941 г.) входили: штаб (взвод броневых автомобилей, взвод связи, саперный взвод, взвод химзащиты, транспортный взвод), разведрота (взвод тяжелых БА, взвод легких БА, мотоциклетный взвод), танковый полк трехбатальонного состава, мотострелковый батальон (три стр. роты), рота истребителей танков, минометная батарея, батарея ПТО, транспортная рота, дивизион ПВО (две батареи 37-мм, пулеметный взвод). Танковый полк состоял из батальона тяжелых и средних танков (KB — 7, T-34 или T-50 — 22) и двух батальонов легких танков: T-40 или T-60 — 64, всего — 93. В сентябре количество легких танков в полку было уменьшено до 38, всего в бригаде стало 67 танков.

3. Согласно приказу НКО № 0063 от 12.08.1941 г. в августе должны были сформировать 3 тбр, в сентябре — 15, в октябре — 30.

4. В **танковой бригаде**, согласно штату № 010/87, с 13 сентября танковый полк состоял из двух батальонов и имел 61 танк (7 KB, 22 T-34, 32 T-26, БТ, T-40). По этому штату формировались 17, 18, 19, 20, 21, 22, 25-я и некоторые другие бригады.

5. **Мотострелковая дивизия** по сокращенному штату, утвержденному 6 июля 1941 г., состояла из двух мотострелковых, одного танкового и одного артиллерийского полков и подразделений обеспечения. Танковый полк (три танковых и мотострелковый батальоны) имел 93 танка — 7 KB, 22 T-34, 64 T-26 и БТ. Некоторые мотострелковые дивизии довоенного формирования также переводились на новый штат. В августе — сентябре на штаты мотострелковых дивизий были переформированы и некоторые танковые дивизии сокращенного состава. В битве под Москвой участвовали четыре мотострелковые дивизии: 1-я (впоследствии 1-я гвардейская) и 82-я (вместо полка, имелся танковый батальон) довоенного формирования, 101-я и 107-я, переформированные из танковых дивизий сокращенного состава.

**Безвозвратные потери вермахта в бронетехнике
и в противотанковых орудиях на Восточном фронте в 1941 году**

Типы танков (шт. оруд.)	Месяцы 1941 года							
	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	Всего
Танки и штурмовые орудия								
T-I	34	146	171	7	18	33	19	428
T-II	11	112	104	32	65	30	70	4240
T-III	21	155	74	104	77	116	113	660
T-38(t)	33	182	183	62	85	149	102	796
T-IV	15	109	68	23	55	38	40	348
StuG	3	11	26	12	23	10	19	104
Итого	117	715	626	240	323	376	363	2760
Уточненные потери в танках и штурмовых орудиях к 1 октября								
Потери	118	732	638	257		1745		
Пополнение	—	91	11	39		141		
Убыль	118	641	627	218		1604		
Прочая автобронетанковая техника								
БА	25	145	114	99	72	9	72	536
БТР	12	15	95	21	23	77	44	287
Трактора	46	459	473	337	140	521	391	2367
Грузовики	646	6281	7655	4943	3184	5466	5189	33364
Прочий мототранспорт	1074	14251	18066	9666	5401	10371	7231	66060
Противотанковые орудия								
37-мм ПТО	135	837	817	391	299	146	651	3276
50-мм ПТО	17	107	70	31	48	17	135	425
Источник: Boog/Forster/Hoffmann/Klink/Muller, Der Angriff auf die Sowjetunion. S.1156 (http://vif2ne.ru/nvk/forum/files/Sten/ Avtotankovie_i_Bronetankovi_e_Voiska_(1941—1945).rar). Примечания: 1. К 22 июня 1941 г. на Восточном фронте насчитывалось 3648 немецких танков. 2. По данным известного специалиста по бронетехнике вермахта И. Куртукова, потери огнеметных танков учтены среди Т-II. Однако в таблице не учтены потери немцев в командирских танках (67), трофейных чешских танках Т-35(t) и танках Т-III с 37-мм пушкой.								

**Сравнительные тактико-технические характеристики танков СССР
и Германии и их вооружения в 1941 году**

Марка танка	Боевая масса	Экипаж	Толщина брони, мм/ угол к вертикали, градусов				Макси- мальная мощность двигателя	Макси- мальная скорость по шоссе	Запас хода по шоссе	Удельное давление на грунт
			Башня		Корпус					
	т	чел.	Лоб	Борт	Лоб	Борт	л.с.	км/ч	км	кг/см²
ТАНКИ СССР										
Т-38	3,3	2	9/0	9/0	9/20	9/0	40	40	250	0,44
Т-40	5,5	2	10/25	10/25	9/30 9/10	9/25 9/10	85	45	300	0,46
Т-60	6,4	2	25/25	25/25	35/28 35/16	15/0	70	45	320	0,53
Т-26 обр. 1939 г.	10,25	3	15/18	15/18	15/18 15/10	15/0 15/23	95	30	225	0,71
БТ-5 обр. 1935 г.	11,9	3	15/0	15/0	13/61 20/18	13/0	365	53/72	150/ 200*	0,65
БТ-7 обр. 1937 г.	13,8	3	15/15	15/15	15/60 20/18	13/0	500	52/72	37 5/500	0,85
БТ-7М	14,65	3	15/15	15/15	15/60 20/18	13/0	500	62/86	63 0/125*	0,90

Марка танка	Боевая масса	Экипаж	Толщина брони, мм/ угол к вертикали, градусов				Макси- мальная мощность двигателя	Макси- мальная скорость по шоссе	Запас хода по шоссе	Удельное давление на грунт
			Башня		Корпус					
	т	чел.	Лоб	Борт	Лоб	Борт	л.с.	км/ч	км	кг/см²
ТАНКИ СССР										
Т-34 обр. 1941 г.	28,12	4	45/30** 52/30***	45/30** 52/30***	45/60 45/53	40/40 45/0	500	55	300	0,72
КВ-1	47	5	75/20	75/15	75/30 40/65	75/0	600	34	225	0,77
КВ-2 обр. 1941 г.	52	6	75/0	75/0	75/30 40/65	75/0	600	34	225	0,85
ТАНКИ ГЕРМАНИИ										
Т-IA	5,4	2	14/8	13/22	13/25 13/21	13/21 13/0	60	37	140	0,39
Т-IB	5,8	2	14/8	13/22	13/25 13/21	13/21 13/0	100	40	170	0,52
Т-IIA В и С	8,9	3	14,5/16 15/0	14,5/22	14,5/0- 73	14,5/0	140	40	190	0,73
Т-IIF	9,5	3	30/0-16	14,5/22	35/15 30/9	14,5/0	140	40	190	0,78
Т-35(t)	10,5	4	25/10	16/14	25/30 25/17	16/0	120	34	190	0,51

Марка танка	Боевая масса	Экипаж	Толщина брони, мм/ угол к вертикали, градусов				Максимальная мощность двигателя	Максимальная скорость по шоссе	Запас хода по шоссе	Удельное давление на грунт
			Башня		Корпус					
	т	чел.	Лоб	Борт	Лоб	Борт	л.с.	км/ч	км	кг/см²
ТАНКИ ГЕРМАНИИ										
T-38(t)В С и D	9,7	4	25/10	15/9	25/19 25/14	15/0	125	42	265	0,57
T-38(t)Е и F	9,85	4	25+25/10	30/9	25+25/14 25+25/19	30/0 15/0	125	42	250	0,57
T-IIIЕ и F	19,8	5	30/15	30/25	30/21 30/9	30/0	300	67	155	0,96
T-III G	20,5	5	30/15	30/25	30/21 30/9	30/0	300	67	155	0,99
T-III H	21,5	5	30/15	30/25	30+30/21 30+30/9	30/0	300	40	155	0,93
T-IV C	18,5	5	30/10	14,5/25	30/14 30/9	14,5/0	300	42	210	0,77

Марка танка	Боевая масса	Экипаж	Толщина брони, мм/ угол к вертикали, градусов				Макси- мальная мощность двигателя	Макси- мальная скорость по шоссе	Запас хода по шоссе	Удельное давление на грунт
			Башня		Корпус					
	т	чел.	Лоб	Борт	Лоб	Борт	л.с.	км/ч	км	кг/см²
ТАНКИ ГЕРМАНИИ										
T-IVD	20	5	30/10	20/25	30/14 30/9	20/0	300	42	210	0,83
T-IVE	22	5	30/10	20/25	50/14 30+30/9	20+20/0	300	42	210	0,91
T-IVF	22,3	5	50/10	30/25	50/14 50/9	30/25	300	42	210	0,88
Примечания: *на гусеничном ходу/на колесном ходу; **сварная башня; ***литая башня. Таблицу составил Кавалерчик Б.К. с использованием следующих источников: 1. Солянкин А.Г., Павлов М.В., Павлов И.В., Желтов И.Г. Отечественные бронированные машины. 1905—1941. М.: Экспринт, 2002 и то же: 1941—1945. М.: Экспринт, 2005. 2. Chamberlain P., Doyle H. Encyclopedia of German Tanks of World War Two. London: Arms & Armour, 2000. 3. Jentz T.L. Panzertruppen. The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Force. 1933—1942. Atglen, PA: Shiffer Publishing, Ltd., 1996.										

Марка танка	Пушка								Пулеметы		
	Калибр	Длина ствола в калибрах	Бое-ком- плект	Начальная скорость бронебойно- го снаряда	Бронепробиваемость в мм под углом 30° к вертикали на дистанции				Калибр	Коли- чество	Бое- комп- лект
	мм		снарядов	м/с	100 м	500 м	1000 м	1500 м	мм	шт.	патро- нов
ТАНКИ СССР											
Т-38	нет	—	—	—	—	—	—	—	7,62	1	1512
Т-40	нет	—	—	—	—	—	—	—	12,7 7,62	1 1	500 2016
Т-60	20	82,4	750	817	18	**	**	**	7,62	1	945
Т-26 обр. 1939 г.	45	46	165/186*	757	43	31	28	**	7,62	3	3087/35 28*
БТ-5 обр. 1935 г.	45	46	72/115*	757	43	31	28	**	7,62	1	2709
БТ-7 обр. 1937 г.	45	46	146/188*	757	43	31	28	**	7,62	2	2394
БТ-7М	45	46	146/188*	757	43	31	28	**	7,62	2	1827/233 1*

Марка танка	Пушка								Пулеметы		
	Калибр	Длина ствола в калибрах	Бое-ком- плект	Начальная скорость бронебойно- го снаряда	Бронепробиваемость в мм под углом 30° к вертикали на дистанции				Калибр	Коли- чество	Бое-ком- плект
	мм		снарядов	м/с	100 м	500 м	1000 м	1500 м	мм	шт.	патро- нов
ТАНКИ СССР											
Т-28 обр. 1935 г.	76,2	16,4	69	370	28	25	23	21	7,62	4	7938
Т-34 обр. 1941 г.	76,2	41,6	77	660	86	70	63	52	7,62	2	2394/264 6*
КВ-1	76,2	41,6	111	660	86	70	63	52	7,62	4	3024
КВ-2 обр. 1941 г.	152,4	24,3	36	432		71	67	64	7,62	4	3087
ТАНКИ ГЕРМАНИИ											
Т-IA	нет	—	—	—	—	—	—	—	7,92	2	2250
Т-IB	нет	—	—	—	—	—	—	—	7,92	2	2250
Т-II A, B и C	20	55	180	780	20	14	9	**	7,92	1	1425

Марка танка	Пушка								Пулеметы		
	Калибр	Длина ствола в калибрах	Бое-комплект	Начальная скорость бронебойного снаряда	Бронепробиваемость в мм под углом 30° к вертикали на дистанции				Калибр	Количество	Бое-комплект
	мм		снарядов	м/с	100 м	500 м	1000 м	1500 м	мм	шт.	патронов
ТАНКИ ГЕРМАНИИ											
T-IIIF	20	55	180	780	20	14	9	**	7,92	1	2100
T-35(t)	37	40	72	675	35	30	23	21	7,92	2	1800
T-38(t)B, C,D	37	47,8	90	750	41	35	29	24	7,92	2	2700
T-38(t)E и F	37	47,8	90	750	41	35	29	24	7,92	2	2700
T-III E, F	37	46,5	120	745	35	29	22	20	7,92	3	4500
T-III G	50	42	99	685	55	47	37	28	7,92	2	3750
T-III H	50	42	99	685	55	47	37	28	7,92	2	3750
T-III J	50	42	99	685	55	47	37	28	7,92	2	3750
T-IV C	75	24	80	385	41	38	35	32	7,92	1	2400
T-IV D	75	24	80	385	41	38	35	32	7,92	2	2700
T-IV E	75	24	80	385	41	38	35	32	7,92	2	3150
T-IV F	75	24	80	385	41	38	35	32	7,92	2	3150

Примечания: *с рацией/без рации;
 **за пределами эффективного огня;

Таблицу составил Кавалерчик Б.К. с использованием следующих источников:

1. Свирин М. Артиллерийское вооружение советских танков. 1940—1945. М.: Экспринт, 1999.
2. Широкоград А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. Минск: Харвест, 2000.
3. Chamberlain P., Doyle H. Encyclopedia of Germany's Tanks of World War Two. London: Arms & Armour, 2000.
4. Jentz T.L., Doyle H.L. Germany's Panzers in World War II. From Pz.Kpfw.I to Tiger II. Atglen, PA: Shiffer Publishing, Ltd., 2001.
5. Kliment C.K., Francev V. Czechoslovak Armored Fighting Vehicles. 1918—1948. Atglen, PA: Shiffer Publishing, Ltd., 1997.

Комментарии:

Следует учитывать, что некоторые заявленные данные таблиц не всегда совпадали с реальными. Так, запас хода советских танков, оснащенных дизельным двигателем В-2 (БТ-7М, Т-34, КВ-1 и КВ-2), на практике был существенно меньше. Это касается и табличных значений бронепробиваемости: качество брони и качество снарядов порой не соответствовали эталонным образцам на испытаниях. Например, большая партия советских 45-мм бронебойных снарядов перед войной была выпущена с отступлениями от технологии термообработки. Они были перекалены и стали из-за этого хрупкими. При попадании в цементированную броню немецких танков, имеющую поверхностный слой высокой твердости, эти снаряды раскалывались и не пробивали ее. Потребовалась специальная доработка снарядов, чтобы они опять обрели соответствующую пробивную способность.

Бронепробиваемость 152-мм орудия танка КВ-2 лишь ненамного превосходила 76-мм пушку танка КВ-1. Объясняется это тем, что перед КВ-2 ставилась задача борьбы с полевыми укреплениями, живой силой и артиллерией противника, а не с его танками, поэтому для него не сделали специального бронебойного снаряда. В случае необходимости они должны были использовать для борьбы с танками морской полубронебойный снаряд.

Широко известен факт, что Г.К.Жуков в самом начале Великой Отечественной войны приказал использовать для стрельбы по немецким танкам из 152-мм орудий танков КВ-2 бетонобойные снаряды 09—30 гг. Тем самым он только продемонстрировал свою некомпетентность в этой области. Специальный заряд для бетонобойного снаряда не был отработан, а при стрельбе штатным зарядом у танка заклинивало башню, их строя выходил ее опорный подшипник. Поэтому стрельба бетонобойными снарядами была категорически запрещена. Против танков можно было успешно использовать обычные фугасные или даже осколочно-фугасные снаряды этого орудия. Попадание 152-мм снаряда весом почти в полцентнера в любой немецкий танк того времени приводило к его гарантированному уничтожению.

Эффективность огня на большие дальности во многом зависела, кроме подготовки экипажа, и от качества прицелов. Оптика у немцев была намного лучше. В реальных условиях 1941 г. советские танки открывали огонь, как правило, на расстоянии, не превышающем 800 м.

**Наличие танков в танковых дивизиях
3-й танковой группы в сентябре 1941 года**

1-я танковая дивизия (1-й танковый полк) на 10 сентября 1941 г.						
Тип танка	T-I	T-II	T-III	T-IV	Командирские	Итого
В начале войны	11	43	71	20	11	156
Пополнения	0	0	0	0	0	0
Боеготовые	9	28	43	10	9	99
Боеготовые на 28.09.41 г.	(-9)	31 (+3)	57 (+14)	17 (+7)	6 (-3)	111
В ремонте	1	7	13	3	0	24
Безвозвратные потери	1	8	15	7	2	33
6-я танковая дивизия (11-й танковый полк) на 10 сентября 1941 г.						
Тип танка	T-I	T-II	T-35(t)	T-IV	Командирские	Итого
В начале войны	11	47	155	30	13	256
Пополнения	0	0	2	0	0	2
Боеготовые	9	38	102	21	11	181
В ремонте	0	4	8	3	0	15
Безвозвратные потери	2	5	47	6	2	62
7-я танковая дивизия (25-й танковый полк) на 6 сентября 1941 г.						
Тип танка	T-I	T-II	T-38(t)	T-IV	Командирские	Итого
В начале войны	11	55	167	30	15	278
Пополнения	0	0	21	0	0	21
Боеготовые	9	37	62	14	8	130
В ремонте	1	7	67	7	5	87
Безвозвратные потери	1	11	59	9	2	82

ВСЕГО в 3-й танковой группе*						
В начале войны	33	145	393	80	39	690
Пополнения	0	0	23	0	0	23
Боеготовые к 10.9.41	27	103	212	45	28	410
Боеготовые к 10.9.41 (к 28.9.41 г.)	27 (18)	103 (106)	207 (221)	45 (52)	28 (25)	410 (422)
В ремонте	2	18	88	13	5	126
Безвозвратные потери	4	24	121	22	6	177
Возможное кол-во боеготовых к 1.10.41						445— 455**
<i>Источник:</i> Thomas L. Jentz «Panzertruppen. The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Force. 1933—1942», Shiffer Military History, Atglen, PA (общее количество подсчитано автором). Примечания: * подсчитано автором ** в некоторых публикациях количество танков в 3-й ТГ-р (512) подсчитаны без учета полученного пополнения и ремонтного фонда [29].						

Приложение 7

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ «О ДОБРОВОЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ДИВИЗИИ НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ»

4 июля 1941 года

Не опубликовывать

В соответствии с волей, выраженной трудящимися, и предложениями советских, партийных, профсоюзных и комсомольских организаций города Москвы и Московской области, Государственный Комитет Оборона П О С Т А Н О В Л Я Е Т:

I. Мобилизовать в дивизии народного ополчения по городу Москве 200 тысяч человек и по Московской области — 70 тысяч человек.

Руководство мобилизацией и формированием возложить на командующего войсками МВО генерал-лейтенанта АРТЕМЬЕВА.

В помощь командованию МВО для проведения мобилизации создать чрезвычайную комиссию в составе тт. СОКОЛОВА — секретаря МГК ВКП(б), ЯКОВЛЕВА — секретаря МК ВКП(б), ПЕГОВА — секретаря МК и МГК ВЛКСМ, ФИЛИППОВА — начальника управления продовольственных товаров горторготдела, ОНУПРИЕНКО — комбрига и ПРОСТОВА — подполковника.

II. Мобилизацию рабочих, служащих и учащихся Москвы в народное ополчение и формирование 25 дивизий произвести по районному принципу.

В первую очередь провести к 7 июля формирование 12 дивизий.

Отмобилизованная дивизия получает номер и название района, например: 1-я Сокольнического района дивизия.

Районы Московской области формируют отдельные подразделения и части и вливают их по указанию Штаба МВО в дивизию города Москвы.

III. Для пополнения убыли, кроме отмобилизованных дивизий, каждый район создает запасный полк, из состава которого идет пополнение на убыль.

IV. Для руководства работой по мобилизации трудящихся в дивизии народного ополчения и их материального обеспечения в каждом районе создается чрезвычайная тройка во главе с первым секретарем РК ВКП(б) в составе членов райвоенкома и начальника райотдела НКВД.

Чрезвычайная тройка проводит мобилизацию под руководством Штаба МВО с последующим оформлением мобилизации через райвоенкоматы.

V. Формирование дивизий производится за счет мобилизации трудящихся от 17 до 55 лет. От мобилизации освобождаются военно-обязанные 1-й категории призываемых возрастов, имеющие на руках мобилизационные предписания, а также рабочие, служащие заводов наркомавиапрома, наркомата вооружения, наркомата боеприпасов, станкостроительных заводов и рабочие некоторых, по усмотрению районной тройки, предприятий, выполняющих особо важные оборонные заказы.

Рядовой состав, младший состав, 50% командиров взводов, до 40% командиров рот, медсостав и весь политический состав формируемой районом дивизии комплектуется из рабочих, служащих и учащихся района; остальной начсостав комплектуется за счет кадров РККА.

VI. Боевая подготовка частей производится по специальному плану Штаба МВО.

VII. Отмобилизование и казарменное размещение частей народного ополчения проходит на базе жилого фонда райсоветов (школы, клубы, другие помещения), кроме помещений, предназначенных для госпиталей.

VIII. Снабжение частей дивизий средствами автотранспорта, мото- и велоснаряжением, шанцевым инструментом (лопаты, топоры), котелками, котлами для варки пищи производится за счет ресурсов Москвы, Московской области и района, путем мобилизации и изготовления этих средств предприятиями района.

Штаб МВО обеспечивает дивизии вооружением, боеприпасами и вещевым довольствием.

Боеприпасы и вооружение поступают по линии военного снабжения.

IX. Во все время нахождения мобилизованного в частях народного ополчения за ним сохраняется содержание: для рабочих — в размере его среднего заработка, для служащих — в размере получаемого им оклада, для студентов — в размере получаемой стипендии, для семей колхозников назначается пособие согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» от 26.VI.1941 года.

В случае инвалидности и смерти мобилизованного, мобилизованный и его семья пользуются правом получения пенсии наравне с призванными в состав Красной Армии.

Председатель Государственного Комитета Обороны
И. СТАЛИН.

Приложение 8

**ПЕРЕЧЕНЬ И ОСНОВНОЙ БОЕВОЙ СОСТАВ ДИВИЗИЙ
НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ Г. МОСКВЫ, ВОШЕДШИХ В СОСТАВ
ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ К НАЧАЛУ ОПЕРАЦИИ «ТАЙФУН»**

№ дню	Район формирования г. Москвы	Состав дивизий народного ополчения	№ сд, армии*	Основной состав стрелковых дивизий	Численность л/состава на:	
					20.09.41г.	После выхода из окружения
1	Ленинский	1, 2, 3 сп, 3 зсп	60 сд 33 А	1281, 1283, 1285 сп, 969 ап	11457	3962 к 15.11.
2**	Сталинский	4, 5, 6 сп, 2 зсп	2 сд 32 А	1282, 1284, 1286 сп, 970 ап,отб	11320	?
4	Куйбышевский	1, 2, 3 сп, ап	110 сд 24 А	1287, 1289, 1291 сп, 971 ап	11755 (1.10)	3365 к 17.10.
5	Фрунзенский	1, 2, 3 сп, 5 зсп	113 сд 43 А	1288, 1290, 1292 сп, 972 ап	11501	1330 к 25.10.
6	Дзержинский	16, 17, 18 сп, зсп	160 сд 24 А	1293, 1295, 1297 сп, 973 ап	9791 (к 31.8)	1050 к 13.10.
7**	Бауманский	19, 20, 21 сп, 7 зсп	29 сд 32 А	1294, 1296, 1298 сп, 974 ап	10947	около 700

№ дно	Район формиро- вания г. Москвы	Состав дивизий народного ополчения	№ сд, армии*	Основной состав стрелковых дивизий	Численность л/состава на:	
					20.09.41 г.	После выхода из окружения
8**	Красно- преснен- ский	22, 23, 24. сп, 8 зсп	8 сд 32 А	1299, 1301, 1303 сп, 975 ап, отб	10513	?
9**	Кировский	1, 2, 3 сп, зсп	139 сд 24 А	1300, 1302, 1304 сп, 976 ап	11543	?
13**	Ростокин- ский	37, 38, 39 сп, 13 зсп	140 сд 32 А	1305, 1307, 1309 сп, 977 ап, отб	11490	?
17	Москво- рецкий	1, 2, 3 сп, 17 зсп	17 сд 33 А	1312, 1314, 1316 сп, 980 ап	11454	558 к 15.10.
18	Ленин- градский	52, 53, 54 сп, 18 зсп	18 сд 32 А	1306, 1308, 1310 сп, 978 ап	10668	?
21	Киевский	61, 62, 63 сп, 21 зсп	173 сд 33 А	1311, 1313, 1315 сп, 979 ап	10608	2259 к 17.10.

Источник: Документы ЦАМО РФ.

Ополчение на защите Москвы. М.: Московский рабочий, 1978 (таблица составлена автором).

Примечания:

* Распределение дивизий по армиям согласно приказу Ставки ВГК от 30.07.1941 г. 32-я армия к утру 4.08.1941 должна была занять рубеж Богородицкое, Лысова, Подрезова, Панфилово, Годуновка. Штаб — Вязьма. 33-я — к утру 5.8.1941 г. — рубеж Лужки, Ратки, Дюки, Ивановка, Подлесня. К началу операции в составе 12 дивизий насчитывалось более 133 тыс. человек.

** Попавшие в окружение западнее Вязьмы 2, 7, 8, 9 и 13-я дно в связи с большими потерями были расформированы. В ЦАМО РФ самостоятельных фондов по этим дивизиям нет. Всего к 17 октября из окружения вышло несколько более 13 тыс. человек (10%).

*** В октябре на базе ранее сформированных рабочих и истребительных батальонов дополнительно были созданы еще 4 московские дивизии народного ополчения. 24 октября они были преобразованы соответственно: 1-я московская — в 153-ю сд, 2-я — в 129-ю сд, 3-я — в 130-ю, 4-я — в 155-ю.

ОБРАЩЕНИЕ ГИТЛЕРА К СОЛДАТАМ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА НАКАНУНЕ ОПЕРАЦИИ «ТАЙФУН»

Солдаты Восточного фронта!

Глубоко озабоченный вопросами будущего и благополучия нашего народа, я еще 22 июня решился обратиться к вам с требованием предотвратить в последнюю минуту опаснейшую угрозу, нависшую тогда над нами. То было намерение, как нам стало известно, властителей Кремля уничтожить не только Германию, но и всю Европу.

Вы, мои боевые товарищи, уяснили за это время два следующих момента:

1. Наш противник вооружился к готовившемуся им нападению буквально до зубов, перекрыв многократно даже самые серьезные опасения.

2. Лишь Господь Бог уберег наш народ, да и народы европейского мира от того, что варварский враг не успел двинуть против нас свои десятки тысяч танков.

Погибла бы вся Европа. Ведь этот враг состоит в основном не из солдат, а из бестий.

Теперь же вы, мои товарищи, собственными глазами увидели, что представляет собой «рай для рабочих и крестьян». В стране с огромной территорией и неисчерпаемыми богатствами, которая могла бы прокормить весь мир, царит такая бедность, которая нам, немцам непонятна. Это явилось следствием почти 25-летнего еврейского господства, называемого большевизмом, который представляет собой в истинном своем смысле не что иное, как самую обычную форму капитализма.

Носители системы и в том и в другом случае — одни и те же: евреи и только евреи.

Солдаты!

Когда 22 июня я обратился к вам с призывом отвести ужасную опасность, угрожающую нашей родине, вы выступили против самой мощной державы всех времен. Прошло немногим более трех месяцев и вам, мои боевые товарищи, удалось благодаря вашему мужеству разгромить одну за другой танковые бригады противника, вывести из строя его многочисленные дивизии, взять в плен громадное число его солдат и захватить бескрайние просторы — и не пустынные, но именно те, за счет которых наш противник жил и восполнял потребности своей гигантской военной индустрии в сырье самого различного вида.

Через считанные недели все три важнейших промышленных района окажутся в ваших руках!

Ваши имена, солдаты вермахта, как и имена наших доблестных союзников, названия ваших дивизий, полков, кораблей и авиаэскадрилий войдут в мировую историю, связанные с величайшими победами за весь ее обозримый период.

Вот они, ваши деяния:

- более 2 400 000 пленных,
- свыше 17 500 танков и 21 600 орудий уничтожено или захвачено,
- 14 200 самолетов сбиты или уничтожены на земле.

Мир еще не видел ничего подобного!

Территория, которую на сегодняшний день завоевали немцы и союзные нам войска, в два раза превышает территорию нашего рейха в границах 1933 года и в четыре раза — территорию английской метрополии.

После 22 июня мощнейшие оборонительные системы противника прорваны, форсированы крупнейшие реки, взяты штурмом многочисленные населенные пункты, крепостные сооружения и укрепрайоны уничтожены или выкурены. С крайнего севера, где наши финские союзники вынуждены во второй раз доказывать свое героísmo, и до Крыма вы вторглись совместно со словацкими, венгерскими, итальянскими и румынскими дивизиями на территорию противника на глубину порядка 1000 километров. К вам присоединяются испанские, хорватские и бельгийские части, за ними последуют и другие.

Эта борьба — вероятно впервые — станет борьбой всех наций Европы и будет рассматриваться как единая акция в целях спасения культурных ценностей всего континента.

За линией гигантского фронта вместе с тем ведется громадная работа:

Построено около 2000 мостов длиной более 12 метров каждый.

Возведено 405 железнодорожных мостов.

Введено в строй 25 500 километров железнодорожных линий, из которых свыше 15 000 километров переоборудованы на европейскую колею.

Ведутся строительно-восстановительные работы на тысячах километров дорог.

Огромные территории взяты под гражданское управление. Жизнь на них ускоренно восстанавливается по вполне приемлемым законам. Уже готовы громадные склады с продовольствием, горючим и боеприпасами.

Впечатляющие успехи этой борьбы достигнуты не без потерь. Однако число жертв — учитывая всю тяжесть скорби отдельных товарищей и их семей — достигает не более одной пятой потерь Первой мировой войны.

То, что вам, мои боевые товарищи, пришлось перенести за истекшие три с половиной месяца совместно с доблестными солдатами наших союзников, продемонстрировав величайшие достижения, му-

жество и героизм и преодолев всевозможные лишения и трудности, знает лишь тот, кто сам выполнял свой солдатский долг в прошлой войне.

За три с половиной месяца, солдаты, наконец-то создана предпосылка для нанесения врагу последнего и решающего удара еще до наступления зимы, удара, который должен разгромить его окончательно. Все подготовительные мероприятия, насколько это оказалось в человеческих силах, завершены. Планомерно, шаг за шагом сделано все необходимое, чтобы поставить противника в такое положение, когда мы сможем нанести ему смертельный удар.

Сегодня начинается последнее величайшее и решающее сражение этого года.

Эта битва должна поставить на колени не только противника, но и зачинщика всей войны — Англию. Ибо, разгромив противостоящего противника, мы лишим Англию последнего ее союзника на континенте. Вместе с тем мы устраним опасность не только для нашего рейха, но и для всей Европы, опасность нашествия гуннов, как когда-то впоследствии монголов. Весь немецкий народ в предстоящие несколько недель будет близок к вам, как никогда прежде.

Свершения, достигнутые вами и нашими союзниками, обязывают нас всех к глубочайшей благодарности. В предстоящие последние тяжелые дни вместе с вами будет вся наша родина, которая, затаив дыхание, будет следить за вашими деяниями, благословляя на подвиги. С Божьей помощью вы добьетесь не только победы, но и создадите важнейшие предпосылки для установления мира!

Адольф Гитлер.

Фюрер и верховный главнокомандующий вермахта.

Ставка фюрера.

2 октября 1941.

Источник: NARA, T312, R150, F7689745-1, 2.

Кандидат военных наук доцент
полковник ЛОПУХОВСКИЙ Л. Н.

ИСТОРИЯ

120 ГАУБИЧНО-Артиллерийского полка БОЛЬШОЙ МОЩНОСТИ РЕЗЕРВА ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ

(Краткий очерк)

*К печати и в свет
За.о. В/цензора
А.Ю.Б. = Броневичев
23.4.82*

Москва — 1982

Титульный лист книги Лопуховского Л.Н.
с разрешением военного цензора ВАФ на издании

КОМАНДИРУ 2 СД.

Опер. Группа Штарма 32 Жуково 2.20 8.10.41 карта 100 000

1. Исходя из сложившейся общей обстановки и указаний Командующего фронтом, я подчиняю себе все части, действующие на восточном берегу р. ДНЕПР на участке устья р. ВЯЗЬМА - ДОРГОВУЖ.
2. В соответствии с указаниями фронта решаю отводить войска с рубежа р. ДНЕПР на Можайскую линию обороны.
3. 2сд с приданными частями сосредотачивается в районе ТРЕТЬЯКОВО, ЗИМНИЦА Мал. АЛФЕРОВО и 15.00 8.10.41 и в 18.00 этого же числа начинает выход в направлении на ВЯЗЬМУ, имея ось движения Смоленскую автостраду.
4. Перед выступлением взорвать все мосты и проходы в полосе обороны и морские орудия.
5. Иметь в походе запас продовольствия не менее 7-ми суточных дач и взять все боеприпасы.
6. Все излишествовавшие боеприпасы и оружие передать в другие части по нарядам начарта.
7. Мобилизовать весь местный конный транспорт и взять с собой.

8. Вперед 166 на рубеж Осташков - Вязьма

КОМАНДУЮЩИЙ 32 АРМИЕЙ
ГЕНЕРАЛ - МАЮР
/ВИШНЕВСКИЙ/

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА
БРИГАДНЫЙ КОМССАР
/Иванов/

НАЧАЛЬНИК ШТАБА АРМИИ
ПОЛКОВНИК

/Бушманов/

1. Разгруппировать

2. Превратить

3. Местные

4. Пункт 7.00, 11/12

5. Пункт 11/12

5.0.0
8.10.41.

Рз

Приказ командующего 32-й армией 8.10
на отход 2-й сд (оригинал)

Кр. 200
 пр-з командира
 32-й армии
 об отмене
 приказа командира 32-й
 армии
 от 10.10.1944
 об отмене
 приказа командира
 32-й армии
 от 10.10.1944
 В. В. В.

Боевое распоряжение командующего 19-й армией
об отмене приказа командующего 32-й армией (оригинал)

Команду 2 д

Боевое распоряжение № 073 от командующего
ее 6,5 км зап. Никольно, 8.10.41 15.15. Карта 100.000
1. Нр-ник занять Вилзба. Его передовые
связи, двигались с запада заняли Коши,
Богородицкое.

2. 19 д, прикрывали с севера и северо-
запада отряды на Можайский укре-
пленный район. Прикрывали

3. Приказово, отряды связи прикрыва-
ли на р. Висла к 19.00 8.10. Карта отряд

на полевые подразделения на р. Висла
на участке Бараново, Артемьево, на
перейме Вилзба к утру 9.10. В своем
резерве имели все менее одного мина
за левым флангом.

4. Справа 9 д к северу Вилзба 8.10 дол-
жна занять Зонково, Бараново.

Слева части 20 д занимают рубеж бо-
рови Кромарский, Силиво.

5. Все мотострелковые и артиллерия на р. Висла Вур-
вант.

6. Отряд частей инженерных войск

распоряжением.

7. О начале отхода и затишья
русская по р. Вилзба довести.

Командующий
Секрет-мобилизации

Зем. Вост. Служба
Бриг. командир

Нашир

В. Вилзба

Командир

В. Вилзба

Подпись 2 17.50 8.10.41.

Боевое распоряжение командующего 19-й армией
№ 073 от 8.10.41 (оригинал)

Боевое распоряжение № 074. Кн. Комен-
данта 19. пос. 15 км. зап. Никольно. 9.10.41. 2.45
Карта 100.000.
Ознакомьтесь с данным боевым
приказом № 8 от 8.10.41.
Командир приказал:
1. Отбросить часть срубленного р. Дель-
только под воздействием
пр-ка или лавины распрости-
ние при отбросе войск со
бродом срубленного.
Наступил 19
Командир Коменданта
Исп. стар. отдела
Полковник Шасин
Внушено

Боевое распоряжение командующего 19-й армией
№ 074 от 9.10.41 (оригинал)

Особо важное

Экз. № 5

БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 071.

КП КОМАНДАРМА 19 и ГРУППЫ БОЛДИНА ШУТОВО

11.10.41 6.00 КАРТА 100.000 и 500.000

1. Пр-к моторизованными частями занял фронт ЛОМЫ, ВЯЗЬМА, ст. ВОЛОСТА— ПЯТНИЦА.

Отдельными группами занимает ст. НОВО-ДУГИНСКОЕ, ст. КАСНЯ, частью сил запад[нее] г. ГЖАТСК и далее к югу до ЮХНОВ мелкими частями.

2. 19 А и опергруппа БОЛДИНА, прикрываясь с северо-запада, запада и юго-запада частью сил, главными силами в 16.00 11.10.41 прорывает линию окружения и во что бы то ни стало выходит в район САЖИНО, ШУЙСКОЕ, ХОЛМ, по маршрутам:

ПРАВЫЙ — ПЕКАРЕВО, ЛОШУТИХА, БЫКОВО, ВАСЮТНИКИ, АЛХИМОВО, СОРОКОЛЕТОВО, ШУЙСКОЕ, ЖИХАРЕВО, СИДОРОВО, БАСКАКОВО.

ЛЕВЫЙ — МАРТЮХИ, МАСЛОВО, НОВО-ВЫСОКОЕ, КОРОТНЕВО, ТОРБЕЕВО, НИКОЛЬСКОЕ, ИГНАТКОВО, МИНИНО, БОРКИ, ТОЛИЦА, ВЕРИГИНО.

3. 166 сд с 120 гап ударом в направлении ЛЕОНТЬЕВО, МАРКОВО прорвать кольцо обороны, прочно закрепиться на рубеже роща зап. ОБДУВАЛОВКА, ЛЕОНТЬЕВО, обеспечить фланг армии от контрударов со стороны ВЯЗЬМА. В дальнейшем после прохождения всех частей и обозов двигаться по маршруту № 1 (правый).

4. 89 сд с 596 гап прорывает линию противника в направлении ЖУКЛИНО (правильно — ЖЕКУЛИНО. — Л.Л.), выс. 245.2, ВСЕВОЛОДКИНО. С выходом к ВЯЗЕМСКОМУ тракту следовать по маршруту № 1 (правый).

5. 244 сд ударом в направлении ОБУХОВО, КИШКИНО прорвать кольцо окружения. В дальнейшем следовать в р-н сосредоточения по маршруту № 1 (правый).

6. 2 сд с 685 кап, 57 тяж. артдивом и 127, 126 и 147 тбр под общим командованием командира 127 тбр, прорвать кольцо окружения в направлении рощи БОГОРОДСКОЕ, ДОМАНОВО, ИВАНИКИ и двигаться по маршруту №2 (левым). Один сп оставить на занимаемом к утру 11.10 рубеже для прикрытия армии с тыла. Этот полк подчиняю себе. (Напротив абзаца сделана пометка — 5-й сп. — Л.Л.).

7. 214 сд с 293 пап, 101 мсд под общим командованием командира 214 сд правым флангом наступать в направлении рощи, что южнее ИСАКОВО, занять фронт обороны на северо-запад, прикрывая слева прохождение всей группировки; в дальнейшем двигаться по маршруту № 2 (левый).

8. Комдивам 2, 244, 89, 134 и 166 сд построить через р. БЕБРЯ по два моста, один из них грузоподъемностью 5 т. на ось.

9. 134 сд с 467 гап, оставив на прежнем рубеже части прикрытия наступать во втором эшелоне за 244 сд и правым флангом 2 сд очищая полосу наступления от уцелевших групп автоматчиков и минометчиков. Всей приданной и дивизионной артиллерией поддерживать удар первого эшелона по плану начальника артиллерии.

10. 91 сд с 293 гап и 140 сд сосредоточиться в мой резерв в районе ФЕДОРОВКА, НАРЫШЕВА.

11. 45 кд сосредоточиться в р-не леса, что западнее ШУТОВО и быть в готовности к развитию прорыва в направлении маршрута № 2 (левый).

12. Артиллерии. Перед началом атаки 15 минутный огневой налет, исходя из наличия огнеприпасов в каждом соединении, учитывая, что впереди придется драться.

13. ВВС. Задачи: 1. Подавление системы огня пехоты противника в р-не роща северо-восточнее ОБУХОВО, ЛЕОНТЬЕВО, ПЕКАРЕВА.

2. Прикрыть сосредоточение и прорыв в р-не БОГОРОДИЦКОЕ, ЛЕПЕШКИНО, ГОДУНОВО, МАРКОВО в течение всего светлого времени 11.10.41.

14. КП — ШУТОВО. Ось движения по левому маршруту.

Зам. Ком. Зап. Фронтом
генерал-лейтенант Болдин

Командующий 19 А
генерал-лейтенант Лукин

член военсовета 19 А
бригадный комиссар Ванев

Начштаб 19
комбриг Малышкин

Верно: н-к секр. части
операт. отдела (подпись неразборчива)

Примечания автора:

1. В левом верхнем углу документа имеется пометка: «Получен 11.10.41 7.30».

2. Внизу, видимо, рукой генерала Вашкевича сделаны пометки:

4 п — 1500

6 п — 1500

рб — 215

Это численность 1282-го и 1286-го стрелковых полков (видимо, указаны активные штыки) и разведывательного батальона дивизии. 5-й полк (1284-й сп) остался на рубеже прикрытия.

Крометого, перечислены артчасти и количество снарядов к орудиям:

Арт. 57 [гап] — 14 — 152-мм 1000 снар.

970 ап [дивизии]

596 гап

3/389 гап — 12 — 152-мм — 40 штук

2000 т. снар.

2300 — 76 [-мм]

100 [-мм?] — 222

700 ПА [полковой артиллерии]

45 [-мм] ПА [полковой артиллерии] 4000

ОБЪЯСНЕНИЕ**командира 166 сд генерал-майора ДОДОНОВА М.Я.**

«<...> 3.10.41 г. немцы прорвали фронт на участке соседа справа — 30 А, создав угрозу окружения войск 19 А. Соединения ее первого эшелона 91 и 89 сд под напором немцев начали отход. 166 сд на подготовленном тыловом рубеже по р. Воль сдерживала противника. В ночь на 5 октября получила приказ: обороняя р-ж р. Воль до наступления темноты с 5 на 6 октября, обеспечить отход армии на р. Днепр. Дивизия, сдерживая пр-ка, организованно отошла за р. Днепр и с утра 7 октября заняла оборону на его левом берегу. Мне, как командиру дивизии, было известно, что противник завершил окружение войск нашей армии, выйдя к р. Вязьма и на Юхнов.

9.10.41 г. командарм-19 генерал-лейтенант ЛУКИН информировал командиров соединений об обстановке и приказал мне удерживать пр-ка на р. Днепр до темноты 9 октября, обеспечивая планомерный отход 19 А в направлении Гжатск. Выполнив задачу, дивизия отошла на р. Вязьма. При подходе к Вязьме части 19 А встретили организованную оборону немцев фронтом на запад. Это было 11 октября, когда командарм совместно с зам. командующего ЗапФ генералом БОЛДИНЫМ отдал приказ на прорыв из окружения на восток в направлении Гжатска. Прорыв должен был начаться 12 октября в 12 часов после часовой артподготовки. Однако боеприпасы были на исходе, горючего и продовольствия не было. Попытка прорыва успеха не имела.

После этого был дан приказ прорываться на юг, выйти в район Вязьмы с целью соединения с группой [войск 20 и 24 А], а затем во взаимодействии с ними прорываться на восток. 166 сд опять имела задачу — обеспечить отход армии в район р. Вязьмы, прикрыть фланг ее с востока и тыл с севера, отход начать через 8 часов после отхода 19 А, что и было исполнено.

166 сд в 4 часа 13 октября оторвалась от противника и начала движение на юг. (Попытки связаться со штабом армии по радио и делегатами не удались, штаб армии ушел раньше на 6—7 часов). Части дивизии с ходу атаковывали пр-ка и к исходу 13 октября вышли в назначенный район — рощу 1—1,5 км зап. г. Вязьма. 517 сп в ходе атак потерял до 10% л/с. В частях дивизии потери за период с 3 по 14 октября составили до 25%. В полках было до 600 чел.

У Вязьмы встретил генерала РЕМИЗОВА, который командовал раньше танковой группой, у него не осталось ни одного танка ... Здесь я получил сведения, что шторм-19 был атакован немцами и больше не существует. Об остальных дивизиях я знал, что они также

разрознены и большая часть красноармейцев не организована. Всю ночь с 13 на 14 октября собирал и приводил в порядок части дивизии и других частей. Организовав один полк (батальона) (так в тексте, видимо, пропущено число батальонов. — Л.Л.), назначил командиров батальонов и рот, начали в 4 часа с 13 на 14 форсировать р. Вязьма. Мне это удалось <...>

Следуя на юго-восток, я встретил в районе д. Богдановка оборону немцев (согласно трофейной карте, здесь оборонялись части 23-й пехотной дивизии. — Л.Л.), кроме того, немецкий полк на марше с танками. Выхода не было: нужно атаковать пр-ка. Подготовив атаку без артиллерии (не было снарядов) в 14 час. 14.10 атаковал обороняющихся и колонну на марше. В результате заколол до 600 немцев, свои потери около 400 чел.

В ходе атаки подразделения разрознились, управление только голосом очень затруднялось собрать остатки, решили с наступлением темноты выходить лесом на восток. Шел со мною 517 сп, остатки 423 сп. Матчасть орудий приказал взорвать, нечем было везти, горючего не было, лошади ранены.

Вышел из окружения 15.11.41 г. на фронте 49А в районе Серпухова. Выведено людей вместе с группой Александрова: красноармейцев 400, начсостава — 117, всего 517 чел. в полном вооружении. Все передано штабу 49А ЗапФ.

Я вышел в форме, с оружием и документами. Объяснение писал в штабе ЗапФ в ноябре 1941 г. Заболел и был ранен, находился на излечении в г. Куйбышев.

ПОДПИСЬ: генерал-майор ДОДОНОВ Михаил Яковлевич¹.

Примечание:

Выписки с копии объяснительной записки, хранившейся у ветерана 166-й сд Н.А. Лебедева, сделал 12 июня 1992 г. (с небольшими правками, не меняющими смысл документа) полковник запаса, секретарь совета ветеранов 120-го гап РГК (19А) ЛОПУХОВСКИЙ Л.Н.

¹ Архив автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новая и новейшая история. 1994. № 6.
2. *Безыменский Л.А.* Укрощение «Тайфуна». М., 1987.
3. *Порохин С.* Независимое военное обозрение. № 39 от 31.10.2003 г.
4. КТВ/OKW, Bd. 1, S. 1031 (цит. по: История Второй мировой войны 1939—1945. М.: Воениздат, 1975).
5. «Совершенно секретно! Только для командования!». Документы и материалы. М., 1967.
6. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5—1) / Под ред. В.А. Золотарева. М.: ТЕРРА, 1996.
7. *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1999.
8. *Glantz David M.* Forgotten Battles of the German-Soviet War (1941—1945). Vol. 1. The Summer-Fall Campaign (22 June — 4 December 1941). 1999.
9. *Стученко А.Т.* Завидная наша судьба. М.: Воениздат, 1964.
10. *Конев И.С.* Осенью 1941 года // Битва за Москву. М.: Московский рабочий, 1975.
11. *Ортенберг Д.И.* Июнь — декабрь сорок первого. М.: Советский писатель, 1984.
12. *Бок, Федор фон.* Дневники. 1939—1945 гг. Смоленск: Русич. 2006.
13. *Дриг Е.* Механизированные корпуса РККА в бою. М.: АСТ, 2005.
14. *Кавалерчик Б.К.* Сражение за Ельню // Военно-исторический архив. 2006. № 7.
15. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 33. М.: Воениздат, 1957.
16. *Хорошилов Г., Баженов А.* Ельнинская наступательная операция 1941 года // Военно-исторический журнал. 1974. № 9.
17. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг. Т. 3. М.: Воениздат, 1968—1971.
18. *Краснов В.* Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000 (цит. по: *Кавалерчик Б.* Сражение за Ельню / ВИА. 2006. № 7).
19. Россия и Советский Союз в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / Под общей редакцией Г.Ф. Кривошеева. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

20. Wehrmacht Verlustwesen file BA-MA RW 6/v. 552. (Forum Dupuy Institute)
21. Рейнгардт К. Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941—42 года. М.: Воениздат, 1980.
22. The German Campaign in Russia — Planning and Operations (1940—1942). Washington: Department of the Army, 1955 (цит. по: Кавалерчик Б. Сражение за Ельню // ВИА. 2006. № 7).
23. История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. М.: Воениздат, 1975.
24. Jacobsen H., Dollinger H. Der zweite Weltkrieg in Bildern und Dokumenten. Munchen, 1965, S. 123 (цит по: История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. М.: Воениздат, 1975).
25. Русский архив: Великая Отечественная. Битва под Москвой. Т. 15 (4—1). М.: ТЕРРА, 1997.
26. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Стратегические операции. Статистический анализ. Кн. 1. М.: ИВИ, 2004.
27. Bryan I. Fugate. Operation Barbarossa. Strategy and Tactics on Eastern Front, 1941. Presidio Press, 1984.
28. Glantz D.M. Barbarossa — Hitler's Invasion of Russia 1941 (OKH schematische Kriegsgliederungen).
29. Невзоров Б.И. Московская битва: феномен Второй мировой. М.: СиДиПресс, 2001.
30. Лобанов А.В. Танковые войска вермахта. Военно-исторический журнал. № 5. 2003.
31. Roger Edwards. Panzer. A Revolution in Warfare. 1939—1945.
32. Гот Г. Танковые операции. Смоленск: Русич, 1997.
33. Jentz T.L. Panzertruppen. The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Force. 1933—1942. Atglen, PA: Shiffer Publishing, Ltd., 1996.
34. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии. 1933—1945, приложение 21.
35. Хазанов Д.Б. Неизвестная битва в небе Москвы 1941—1942 гг. Оборонительный период. М.: Техника молодежи, 1999.
36. Ополчение на защите Москвы. Документы и материалы. М.: Московский рабочий, 1978.
37. Вашкевич В.Р. Формирование и боевая подготовка дивизии // От Москвы до Берлина. М.: Московский рабочий, 1966.
38. Терновский Г.В. Военные моряки в битвах за Москву. М., 1968.
39. Сведения об операциях советских войск в районах Смоленск, Вязьма, Гжатск, Ельня, отраженные в документах вермахта. ЦАМО, бюро переводов, 1990.
40. Лукин М.Ф. Трудные дни командарма. Смена. 1966. № 23.
41. Муратов В.В., Городецкая (Лукина) Ю.М. Командарм Лукин. М.: Воениздат, 1990.

42. Die 7. Panzer-Division 1935—1945. Die «Gespenster-Division» Hasso von Manteuffel, Podzun-Pallas-Verlag, 1978.
43. Конев И.С. Начало Московской битвы // Военно-исторический журнал. 1966. № 10.
44. Кояндер Е.В. первый год войны // Ленинский путь (Вязьма). 1980. 19 ноября.
45. Гиллер В.Е. И снова в бой. М.: Сов. писатель, 1971.
46. Отчет о боевых действиях 8-го армейского корпуса // ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 320.
47. Казаков В.И. На переломе. М.: Воениздат, 1962.
48. Отчет о боевых действиях 3-й танковой группы за период с 2.10 по 20.10.41 г. // ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 231. Л. 41—63.
49. Еременко А.И. В начале войны. М.: Наука, 1965.
50. Лелюшенко Д.Д. Бой под Мценском // Военно-исторический журнал. 1960 № 12.
51. Телегин К.Ф. Не отдали Москвы. М.: Советская Россия, 1968.
52. Сбытов Н.А. Битва за Москву. М.: Московский рабочий, 1968.
53. Советская военная энциклопедия. Т. 2. М.: Воениздат, 1976.
54. Военная энциклопедия. Т. 2. М.: Воениздат, 1994.
55. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1988.
56. Лукин М.Ф. В Вяземской операции // Военно-исторический журнал. 1981 № 9.
57. Антипенко Н.А. На главном направлении. М.: Наука, 1967.
58. Мягков М. Вермахт у ворот Москвы / Под общей редакцией О.А. Ржешевского. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.
59. Сандалов Л.М. На московском направлении. М.: Наука, 1970.
60. Вашкевич В.Р. Бои западнее Вязьмы / От Москвы до Берлина. М.: Московский рабочий, 1966.
61. Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998.
62. Жуков Г.К. Провал гитлеровского наступления на Москву. М., 1966.
63. Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная... М.: ООО «Дельта-НБ». 2004.
64. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 2-е доп. изд. М.: АПН, 1974.
65. Симонов К. Глазами человека моего поколения. М.: Правда, 1990.
66. Козлов М.А. В пламени сражений // Боевой путь 13-й армии. М.: Воениздат, 1973.
67. Журнал «Москва», 1971. № 12.
68. *Ritgen Helmut.* The 6th Panzer Division. 1937—1945. Osprey Publishing Ltd, Oxford, 1982.
69. Лопуховский Л.Н. История 120 гап б/м РГК. М.: ВАФ, 1982.
70. Исаев А.В. «Котлы» 1941-го. М.: Яуза, Эксмо, 2005.
71. Крылья Люфтваффе / Пер. Андрея Фирсова. 1993.

72. Перов В.И., Растренин О.В. Авиация в начале «Тайфуна». http://www.23ag.ru/html/il2_page_4.html
73. Блюментрит Г. Роковые решения вермахта. Феникс. 1999.
74. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М.: Иностранная литература, 1956.
75. Лопуховский Л.Н. Прохоровка. Без грифа секретности. М.: Яуза, Эксмо, 2005.
76. Ходаренок М., Невзоров Б. Черный октябрь 41-го года // Независимое военное обозрение. 2002. № 20.
77. Ильенков С.А. Память о миллионах павших защитников Отечества нельзя предавать забвению // Военно-исторический архив. 2000. № 7.
78. ГКО постановляет. 1941—1945. Цифры, документы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.
79. Василевский А.М. Дело всей жизни. 3-е издание. М.: Политиздат, 1978.
80. Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. «Генералиссимус военной науки» сдает позиции? // Военно-исторический журнал. 2003. № 3.
81. История СССР. М.: Политиздат, 1957.
82. Известия ЦК КПСС. 1991. № 3.
83. Журнал «Огонек». 1964. № 47.
84. Букалов Н. «Передайте Лукину благодарность за Москву» // Еженедельник «Эхо планеты». М.: ИТАР-ТАСС.
85. Великая Отечественная. Командармы: Военный биографический словарь. М.: Кучково поле, 2005.
86. Мартынов В., Меженко А., Садовников С., Соколов Д. Возвращение из безывестности // Военно-исторический сборник ФПС РФ 2003. № 1.
87. Earl F. Ziemke, Magna E. Bauer. Moscow to Stalingrad: Decision in the East. Washington, DC: Centre of Military History United States Army, 1987), 37.
88. Glantz David M. Atlas of the Battle of Moscow. The Defensive Phase: 1 October — 5 December 1941. 1997.
89. Glantz David M. Forgotten Battles of the German-Soviet War (1941—1945). Vol. 1. The Summer-Fall Campaign (22 June — 4 December 1941). 1999. P. 77—82.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Глава 1. ВМЕСТОПРОЛОГА	12
Глава 2. ПЕРЕД БУРЕЙ	83
Глава 3. «ТАЙФУН» НАБИРАЕТ СИЛУ	139
Глава 4. ОТХОД	246
Глава 5. В ОКРУЖЕНИИ	362
Глава 6. КАТАСТРОФА	453
ЭПИЛОГ	571
Послесловие	599
Перечень сокращений, встречающихся в тексте	600
Приложения	604
Список литературы	635

Лев Лопуховский

1941. ВЯЗЕМСКАЯ КАТАСТРОФА

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *Г. Пернавский*

Художественный редактор *П. Волков*

Технический редактор *В. Кулагина*

Компьютерная верстка *А. Колесников*

Корректор *Е. Сербина*

ООО «Издательство «Яуза»

109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции:

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5

Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,

Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип pocket» E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders. foreignseller@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный). e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04. **В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала

Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. **В Казани:** ООО «Н КП Казань», ул. Фрезерная,

д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. **В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1,

литера «Е». Тел. (846) 269-66-70. **В Ростове-на-Дону:** ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стан-

ция, 243А. Тел. (863) 220-19-34. **В Екатеринбурге:** ООО «РДЦ-Екатеринбург»,

ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45. **В Киеве:** ООО «РДЦ Эксмо-Украина»,

ул. Луговая, д. 9. Тел./факс (044) 501-91-19. **Во Львове:** ТП ООО «Эксмо-Запад»,

ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19. **В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым»,

ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99. **В Казахстане:**

ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91.

gm.eksmo_almaty@arna.kz

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (495) 780-58-34.

Подписано в печать 11.08.2008.

Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 33,6. Доп. тираж 4000 экз.

Зак. № 1284

Отпечатано в типографии

ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

БОЕЦ, ОКАЗАВШИЙСЯ В ОКРУЖЕНИИ

**БОРИСЬ ДО ПОСЛЕДНЕЙ
КАПЛИ КРОВИ**

**ЗАВОЕВАНИИ
ОКТЯБРЯ**

НЕ ОТДАДИМ!

Вяземская катастрофа 1941 года стала одной из самых страшных трагедий Великой Отечественной, по своим масштабам сравнимой лишь с разгромом Западного фронта в первые дни войны и Киевским котлом.

В октябре 41-го, нанеся мощный удар на вяземском направлении, немцам удалось прорвать наш фронт – в окружение под Вязьмой попали 4 армейских управления, 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийский полк РГК; только безвозвратные потери Красной Армии превысили 380 тысяч человек. После Вяземской катастрофы судьба Москвы буквально висела на волоске. Лишь ценой колоссального напряжения сил и огромных жертв удалось восстановить фронт и не допустить падения столицы.

В советские времена об этой трагедии не принято было вспоминать – замалчивались и масштабы разгрома, и цифры потерь, и грубые просчеты командования.

В книге Л.Н. Лопуховского история Вяземской катастрофы впервые рассказана без умолчаний и прикрас, на высочайшем профессиональном уровне, с привлечением недавно рассекреченных документов противоборствующих сторон. Эта работа – лучшее на сегодняшний день исследование обстоятельств и причин одного из самых сокрушительных поражений Красной Армии, дань памяти всем погибшим под Вязьмой той страшной осенью 1941 года...

ISBN 978-5-699-30305-2

9 785699 303052 >